

Николай
Платошкин

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

1936 – 1939

АРХИВ

Annotation

Живо, ярко и увлекательно написано отсутствующее в советской и российской историографии фундаментальное исследование о Гражданской войне в Испании.

Привлечен огромный фактический материал, всесторонне освещены причины и истоки конфликта, подробно с иллюстрациями описан ход военных действий. Даны яркие портретные характеристики видных государственных деятелей, выразительные детали позволяющие читателю почувствовать атмосферу эпохи и представить себе жизнь испанцев в 30-е годы.

Отражены неизвестные российскому читателю аспекты таких событий, как повседневная жизнь испанцев того времени, террор в обоих лагерях. Подробно рассмотрены формы иностранного вмешательства в конфликт.

-
- [Николай Николаевич Платошкин](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1. Страна и люди. Немного истории](#)
 - [Глава 2. Двадцатый век начинается](#)
 - [Глава 3. «Большевистское трехлетие» и военная диктатура](#)
 - [Глава 4. «Прекрасная девочка». Республика 1931–1933 годов](#)
 - [Глава 5. «Черное двухлетие» и победа Народного фронта](#)
 - [Глава 6. Затишье перед бурей. Подготовка военного мятежа](#)
 - [Глава 7. «Над всей Испанией безоблачное небо»](#)
 - [Глава 8. Маневренная война, террор и начало иностранной интервенции](#)
 - [Глава 9. «Но пасаран!» Битва за Мадрид](#)
 - [Глава 10. От Мадрида до Гвадалахары](#)
 - [Глава 11. Две Испании: республика и «национальная зона»](#)
 - [Глава 12. Война на Севере и контрудары республиканцев](#)
 - [Глава 13. Республика в кризисе. Ноябрь 1937 года — апрель 1938 года](#)
 - [Глава 14. Воскрешение из мертвых](#)
 - [Глава 15. Конечная фаза войны](#)

- [Приложение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

Николай Николаевич Платошкин

**Гражданская война в Испании. 1936–
1939 гг**

*Советским воинам-интернационалистам,
павшим в боях за свободу Испании,
посвящается.*

Предисловие

В истории нашей Родины было много войн и одна Война, коснувшаяся каждой семьи, которая до сих пор волнует умы и сердца тех, кто не разучился думать и сопереживать.

Но помимо Великой Отечественной войны советские люди, вплоть до распада СССР, сражались и гибли на далеких параллелях и меридианах, в джунглях и пустынях, горах и морских глубинах. Тогда это называлось интернационализмом — или, проще говоря, помощью народам, боровшимся за право жить по-своему.

В 1936–1939 годах в Испании шла гражданская война между сторонниками провозглашенной в 1931 году республики и силами реакции, стремившейся вернуть страну в тихое (как на кладбище) прошлое. Этот конфликт стал первым крупномасштабным военным столкновением в Европе после Первой мировой войны. В Испании скрестили шпаги не только сами испанцы — представители различных политических лагерей, но и СССР, Германия и Италия. Страна, лежащая на краю Европы, на время завладела умами и сердцами миллионов людей во всем мире. Кто победит? Молодой, наглый и агрессивный фашизм с его человеконенавистнической идеологией или идея построения нового гуманистического общества, сторонники которой хотели перепрыгнуть из мрачного полуфеодалного сегодня в светлое завтра? Многие надеялись, что в Испании удастся наконец-то остановить победоносное шествие фашизма по миру. В революционной сражающейся республике видели прообраз свободного социализма, где не будет суровых чисток и репрессий и где жизнь действительно станет веселей. Каким многообещающим казался коктейль из Маркса, Бакунина, корриды, легкого вина и красивых женщин!

Но поражение республики в 1939 году вернуло Испанию на десятилетия в затхлое болото, пропитанное религиозным ханжеством, показной моралью, коррупцией и расстрелами без суда и следствия. С тех пор многие исследователи пытаются осмыслить эту трагедию. Как стал возможным триумф реакции в столь богатой революционными и либеральными традициями стране? Почему оказались напрасными беззаветное мужество и романтизм десятков тысяч граждан многих стран мира, боровшихся в рядах интернациональных бригад на самых трудных участках фронтов испанской гражданской войны? Почему победили те, кто и не претендовал на какое-то видение новой Испании, а просто вел страну в

прошлое, предпочитая не убеждать, а наказывать наказание инакомыслящих? Данная книга представляет собой попытку с солидной исторической дистанции ответить на эти и многие другие вопросы.

Для Советского Союза поражение дружественной Испании было почти столь же горьким, как и для самих республиканцев. Желание советских людей помочь далеким друзьям было искренним и массовым. Песня «Гренада», герой которой покинул свою хату, чтобы отдать в Гренаде (правильное название Гранада) крестьянам землю, стала самой популярной в СССР. Пионеры с гордостью носили пилотки испанской народной милиции, которые позднее под именем «испанок» стали столь же непременным атрибутом советского пионера, как красный галстук. Огромное воодушевление, массовые митинги, трогательная забота о приехавших в Советский Союз испанских детях — все это было. Как были и сотни советских людей, которым была оказана высокая честь (и для них это были не пустые слова): им разрешили помочь испанским братьям на поле боя. Да, позже многие из них, награжденные высшими орденами, со шрамами от ранений, погибли в годы сталинских репрессий. Уцелевшие сумели применить свой боевой опыт в Великой Отечественной войне, где бок о бок с советскими людьми, сражались эмигрировавшие из Испании их боевые товарищи, стремившиеся отомстить фашистам в снегах России за свое горькое поражение в апельсиновых рощах у Эбро и каменистых степях Арагона.

В последнее время в периодической печати появилось много публикаций о гражданской войне в Испании и роли в ней Советского Союза. Но, к сожалению, теперь за историческую истину выдаются самые вздорные и нелепые версии и гипотезы. Чего стоит, к примеру, история с так называемым «испанским золотом»? У некоторых авторов получается, что Советский Союз участвовал в гражданской войне в Испании, чуть ли не с единственной целью прикарманить золотой запас республики, а, сделав это, умыл руки и потерял интерес к событиям на Пиренейском полуострове. Пошли разговоры и о крупномасштабных сталинских чистках, многочисленных «пыточных тюрьмах НКВД» в Испании, что привело-де к триумфу франкистов.

Думается, настало время подробно и непредвзято взглянуть на испанскую войну 1936–1939 годов, разобраться в ее причинах, попытаться понять настроение ее участников, изо всех сил сражавшихся друг с другом на опоясавших всю страну фронтах. То героическое время не должно уйти в небытие. Не будем здесь повторять набившие оскомину фразы об уроках истории. Попробуем окунуться в ту эпоху, ощутить пьянящий воздух

свободы и горечь ее гибели. Итак, в путь!

Автор хотел бы выразить глубокую признательность своей супруге Наталье Платошкиной, а также Ирине Рубцовой, без помощи которых появление этой книги было бы невозможным. Отдельную благодарность хотелось бы высказать Рамону Пуче Масиа за любезное согласие использовать в данной книге карты и иллюстрации с созданного им сайта о гражданской войне в Испании.

P.S. Автор использовал отечественные (советские и российские), а также зарубежные документы и литературу. Многие события гражданской войны в Испании трактуются в разных источниках по-разному. То же самое можно сказать и о цифрах задействованных в той или иной операции войск и боевой техники. Сильно отличаются друг от друга сведения об иностранной военной помощи и о потерях сторон в ходе конфликта. Автор приводит в книге те данные, которые представляются ему в наибольшей степени соответствующими действительности.

Глава 1. Страна и люди. Немного истории

На характер и самоощущение любого народа накладывают свой неповторимый отпечаток география и исторический опыт.

Если кратко охарактеризовать географические особенности Испании, то первое, что приходит на ум — это ее труднодоступность. Эта, в основном, горная страна (Пиренейский полуостров находится выше всех других европейских стран, за исключением Швейцарии) отделена от остальной Европы впечатляющими и почти неприступными Пиренейскими горами. Да и сама Испания изрезана горными цепями и плоскогорьями, которые обуславливали в древности, да и, пожалуй, и в новое время, обособленность отдельных регионов страны друг от друга.

Испанский климат одновременно сухой (в центре и на юге) и влажный (на северо-западе и северо-востоке). Южная испанская историческая провинция Андалусия подчас напоминает пустыню где-нибудь в Египте. А северо-западная Галисия, по меркам среднего испанца, — местность дождливая с обильной растительностью и почти английскими туманами. Южные долины (например, долина воспетой еще Пушкиным реки Гуадалкивир) с их пальмами и экзотическими цветами напоминают сцены из «Тысячи и одной ночи». Поросшие деревьями горы Каталонии навеивают думы об Австрии или Южной Германии.

Итак, географически Испания это целый мир, который, с седой древности манил своими реальными и призрачными богатствами всевозможных завоевателей.

В VIII веке до нашей эры на юго-востоке Пиренейского полуострова стали оседать финикийцы: впоследствии их сменили карфагеняне, основавшие мощную средиземноморскую державу. В III веке до нашей эры будущая Испания стала ареной первой в истории человечества по-настоящему «мировой войны» между Карфагеном и Римом. Борьбу этих двух гигантов древности, растянувшуюся на целое столетие, называют Пуническими войнами. Но в отличие от обычных войн античности, здесь речь шла не только о стремлении отнять друг у друга очередной лакомый кусок территории. Римские авторы подчеркивают, что оба воюющих лагеря резко различались образом жизни и мировоззрением. И не зря победившие римляне не просто до основания разрушили Карфаген, но и стремились оставить потомкам дурную память об исчезнувшем государстве.

После победы над Ганнибалом во Второй Пунической войне Рим

приобрел в Испании свою первую колонию. Населявшие ее племена кельтов и иберов, к тому времени слившиеся в одно целое, оказывали захватчикам упорное сопротивление, но были, в конце концов, побеждены не столько оружием, сколько культурной ассимиляцией. С тех пор язык будущих испанцев серьезно не менялся, имея в своей основе т. н. вульгарную (народную) латынь.

Распад Римской империи привлек на Пиренейский полуостров новые волны завоевателей, на этот раз германские племена. В Испании обосновались вестготы, которые в отличие от римлян держались обособленно и так и не стали для местного населения «своей» властью. Именно поэтому высадившиеся в 711 году на Пиренейский полуостров арабы (мавры) поначалу не встретили серьезного сопротивления. Наоборот, их призвала часть вестготской правящей верхушки, а многие города открывали завоевателям ворота без боя.

Однако насаждение ислама и притеснение тех, кто оставался верным христианской религии, вызвали к жизни многовековую войну за освобождение против мавров, получившую название Реконкисты (буквально «Отвоевывание»). Именно эта война, самая длинная в истории и сформировала основные национальные черты испанцев. Любой испанец в VIII–XV веках должен был готов сражаться каждый день. Он мог погибнуть, попасть в плен, потерять близких. Духовную силу, да и оправдание самой борьбы давала католическая вера: в условиях военного времени были распространены рыцарско-монашеские ордена. Поскольку война шла не на жизнь, а на смерть, испанский характер приобрел такие черты, как безудержную восторженность (если Бог даровал победу) или безысходный пессимизм (ведь за грехи Бог частенько давал победу неверным). Обе эти крайности спокойно уживались в одном человеке. В отличие от русского крестьянина, испанский никогда не знал диких форм крепостничества. Он был, как правило, не менее горд, чем дворянин, а дворянин подчас столь же беден, как и крестьянин.

Испанский католицизм отличался антисемитизмом, так как евреи, издавна населявшие Пиренейский полуостров, приветствовали арабское господство и получили от исламских завоевателей привилегированное по сравнению с христианами положение.

Сам характер борьбы против арабов обусловил усиление обособленности испанских регионов и так склонных к сепаратизму в силу географических причин. Арабам так и не удалось завоевать северо-западные горные области Испании — Астурию и Басконию, которые гордились тем, что никогда не были под властью чужеземцев. Баски, к тому

же, ревниво охраняли (и охраняют до сих пор) свою культуру и уникальный язык. Северо-восточная Каталония долгое время была под влиянием Франкской империи, что сказалось и на языке, и на обычаях. Южная Андалусия, наоборот, находилась под властью арабов 500 лет, что наложило отпечаток не только на внешний вид андалусцев, но и обусловило, в какой-то мере, большую отсталость региона по сравнению с севером страны.

В 1492 году мавры были наконец изгнаны из Испании и в этом же году была открыта Америка, сделавшая XVI век золотым веком Испании. Из воюющей окраины Европы страна превратилась в крупнейшую мировую империю от Филиппин до Перу, в которой никогда не заходило солнце. Правда, попытка подчинить другую морскую державу — Англию — закончилась в 1588 году разгромом у британских берегов «Непобедимой Армады».

Южноамериканское золото парадоксальным образом привело к упадку Испании в XVII–XVIII веках. Страна попыталась жить за счет колоний, не уделяя должного внимания собственному хозяйству. Но на море господствовал английский флот, который и решал, сколько золота испанские галеоны смогут привести на родину.

С 1700 года Испанией правила одна из ветвей династии Бурбонов, поставлявшая стране, за редким исключением, ничтожных монархов, которые в конце концов и привели некогда мировую империю к полномасштабной катастрофе.

В 1793 году подкупленный английским золотом невежественный и тщеславный первый министр королевства Годой (бывший солдат королевской гвардии, обольстивший королеву Марию-Луизу своими голубыми глазами и умением играть на гитаре) вверг Испанию в войну против революционной Франции. Но даже не слишком сильные республиканские войска быстро отбросили не желавших сражаться за непонятные цели испанцев за реку Эбро. Тогда Годой решил примкнуть к другому лагерю и в 1797 году Испания воевала уже на стороне Франции против своих недавних английских союзников, что привело к разгрому испанского флота в битве у мыса Сан-Висенте. Годой успел до своей отставки поконфликтовать и с Россией (в 1799 году между обеими странами были прерваны дипломатические отношения). Повоевав и против Португалии, Испания в 1803 году присоединилась к Наполеону во вновь вспыхнувшей войне против Англии, которая привела к катастрофе испанского флота в знаменитой Трафальгарской битве 20 октября 1805 года. С потерей флота была фактически и потеряна колониальная империя

в Америке, где началась вскоре война за независимость.

Между тем испанская королевская семья раздиралась склокой между королевой, стремившейся упрочить положение своего любовника Годоя (которого, как и Распутина в России, ненавидела вся страна) вопреки мнению своего мужа короля Карла IV. Но в конце концов Мария-Луиза убедила своего супруга подписать завещание, по которому наследник трона Фердинанд мог считаться совершеннолетним только после 30 лет! Наследник, узнав о таком проявлении родительской «любви», тайно связался с Наполеоном, умоляя его помочь в борьбе за корону на любых условиях.

Император французов решил, что с испанскими Бурбонами следует считаться еще меньше, чем с собственными. Он направил в 1807 году в Испанию войска, которые вместе с испанской армией должны были оккупировать сговорившуюся с Англией Португалию, что и произошло в ноябре того же года. Но в Испании Наполеон продолжал концентрировать свои войска, которые потихоньку стягивались к Мадриду.

Король и королева вместе с обозленным на родителей наследником отправились на поклон к Наполеону. Тот заставил удивленного Фердинанда отречься в пользу отца, а последнему было дано указание вызвать во Францию оставшихся членов королевской семьи. Однако здесь на историческую сцену вышла сила, которую Наполеон недооценил столь же серьезно, как впоследствии и в России — народ.

2 мая 1808 года в Мадриде началось восстание тысяч горожан против 25 тысячной французской армии во главе с прославленным наполеоновским маршалом Мюратом. В течение дня восстание было жестоко подавлено оккупантами, что было увековечено на бессмертных полотнах Гойи. Этот героический эпизод впоследствии стал одним из образцов для подражания в республиканской Испании 1936–1939 годов. Революционные плакаты того времени звали к героизму простых граждан 1808 года.

Однако тогда этот героизм казался напрасным. Выродившиеся королевская семья не посмела искать защиты у собственного народа и послушно, как крысы за звуками дудочки, потянулась во Францию. А там Наполеон легко «уговорил» Карла IV уступить ему корону Испании в обмен на замок в Компьене и денежное содержание в 30 миллионов реалов в год. Незадачливый монарх мог предаваться любимой охоте и сохранять многолетний «брак втроем» вместе со своей женой и Годоем. Наполеон отдал вакантный испанский трон своему брату Жозефу, который торжественно вступил в Мадрид 20 июля 1808 года.

В стране сразу же вспыхнуло пламя народной войны. Особенно важным было то обстоятельство, что сопротивление французам возглавили не королевские чиновники, а возникшие по всей Испании комитеты или хунты. Как и тысячу лет назад, борьбу против чужеземцев начала Астурия. 13 июля 1808 года был окружен и взят в плен целый французский корпус генерала Дюпона (14 тысяч человек), отправленный на покорение Андалусии. Новоиспеченный король Жозеф уже 31 июля бежал из Мадрида. В ноябре 1808 года за дело взялся сам Наполеон, который за два месяца разгромил основные испанские силы.

Но всю страну охватило мощное партизанское движение, вынуждавшее французов постоянно держать на Пиренейском полуострове 300-тысячную армию. В антифранцузском движении, которое шло под монархическими лозунгами, было и либеральное крыло, пытавшееся использовать народный порыв для демократизации страны. Уже в ходе борьбы выяснилась одна родовая черта любой испанской революции — местничество или партикуляризм. Каждая возникшая в каком-нибудь городе хунта объявляла себя высшей и не очень стремилась к координации действий со своими соседями.

Впрочем, осенью 1810 прошли выборы в парламент страны — кортесы, которые обнародовали новую прогрессивную конституцию Испании 19 марта 1812 года в южном городе Кадисе, осажденном французами. Важность этого документа в том, что он провозглашал принцип народного суверенитета и стал знаменем революционной борьбы испанцев на протяжении всего XIX века.

После разгрома Наполеона 13 мая 1814 года в Мадрид вернулся король Фердинанд, начавший расправу со всеми, кто мог быть заподозрен в каком-либо либерализме. Была ликвидирована конституция, в страну вернулась изгнанная инквизиция.

Но первая испанская революция нового времени (а именно так можно охарактеризовать мощную народную войну 1808–1814 годов) все-таки дала многое для понимания исторических судеб Испании в XX веке.

Во-первых, народ самоорганизовался и создал новый (пусть и недолговечный) государственный механизм. Во-вторых, антифранцузская борьба усилила традиционную испанскую подозрительность и даже ненависть к иностранцам. В-третьих, все прогрессивное законодательство времен французской оккупации отвергалось, особенно крестьянством, на том основании, что было чужеродным. В-четвертых, с чисто военной точки зрения важно констатировать, что испанские партизаны были хороши в повстанческой борьбе против мелких и средних отрядов врага, однако, как

правило, не могли противостоять регулярным войскам в больших сражениях.

Антинаполеоновская война задала ритм испанской истории на весь XIX век. Это были своеобразные качели: революцию сменяла реакция, опять вызывавшая к жизни революционные потрясения.

В 1820–1823 годах вспыхнула вторая революция, для подавления которой понадобилась интервенция Священного союза европейских держав, фактически осуществленная руками той же Франции. Изгнанный во второй раз король Фердинанд вновь вернулся на престол и вплоть до своей смерти в 1833 году правил страной путем террора и преследования всех либералов, масонов и прочих «нехристей».

Фердинанд VII умер 29 сентября 1833 года, избавив Испанию от своего мракобесия. За годы его правления 6 тысяч испанцев было казнено, 8 тысяч убито без суда, умерло от жестокого обращения в тюрьмах еще 16 тысяч. Война против Наполеона в 1808–1814 годах унесла жизни 300 тысяч испанцев. За революцию 1820–1823 годов заплатили своей кровью еще 100 тысяч человек. Трудно найти в истории европейских стран нового времени более мрачный и кровавый период.

Но у Фердинанда не было наследников мужского пола и регентшей при дочери Изабелле была провозглашена жена усопшего короля Мария-Кристина. Младший брат Фердинанда дон Карлос с этим не согласился, хотя, строго говоря, наследование трона по женской линии в Испании разрешалось.

Уже 4 октября 1833 года сторонники дон Карлоса — карлисты — (мы еще встретимся с ними на полях сражений гражданской войны 1936–1939 годов) подняли восстание, которое переросло в войну, названную первой карлистской и продолжавшуюся до 1840 года. Начавшаяся как обычный династический спор борьба переросла в столкновение мировоззрений, взглядов на пути дальнейшего развития Испании. Дон Карлос был против масонов, либералов и революционеров, за восстановление старой доброй средневековой Испании. За ним пошла наиболее реакционная часть дворянства, церковь, а также большая масса отсталого крестьянства, которое инстинктивно сопротивлялось победному шествию капитализма.

Особенно активно поддерживали дон Карлоса крестьяне Страны басков, Наварры и горной части Каталонии, всегда ревниво оберегавшие свои средневековые привилегии (т. н. «фуэрос»). Но и в этих карлистских районах большие города стойко сопротивлялись, и дон Карлос не смог занять даже столицу Страны басков Бильбао, которую осаждал несколько лет.

Карлистам пришлось вести в основном партизанские действия, сопровождавшиеся невиданной жестокостью. Рейды карлистских колонн в центральную часть Испании, особенно поход дон Карлоса на Мадрид в 1837 году ясно показали незадачливому дон Кихоту XIX века, что «его» подданные абсолютно к нему равнодушны. В сентябре 1839 года дон Карлос бежал во Францию, оставив Испанию на треть разоренной.

Карлисты добились прямо противоположного результата. Под давлением либералов и прогрессивной части армии Мария-Кристина была вынуждена вооружить народ и в ноябре 1834 года была восстановлена национальная милиция — символ революции 1820–1823 годов. Народ требовал демократической конституции и ограничения прав церкви. Снова возникли провинциальные хунты, фактически не подчинявшиеся Мадриду.

В 1835 году произошла невиданная для католической Испании вещь. Королева назначила премьер-министром еврея Хуана Мендисабалю, который провел закон о продаже всех церковных земель. Церкви был нанесен сильнейший удар. В 1836 году под давлением национальной милиции Мария-Кристина восстановила конституцию 1812 года и ввела в действие законодательство революции 1820–1823 годов. А в октябре 1840 года армия во главе со своим популярным командующим, выходцем из бедных слоев Эспартеро, разделавшись с карлистами, заставила отречься от престола и саму королеву, которая покинула страну. Эспартеро стал главой революционного правительства.

Храбрый генерал оказался никудышним политиком. Он тяготел к левым, но одновременно боялся любых решительных реформ. В 1843 году против диктатора вспыхнуло сразу несколько военных восстаний: одни — под руководством левых, другие — под знаменем реакции. Эспартеро бежал в Англию. Так завершилась уже третья испанская революция XIX века.

Сильным человеком следующего десятилетия (1843–1854 годы) был генерал Нарваес. Он был достаточно умен, чтобы не повторить ошибок Фердинанда VII и воздержался от диких расправ с революционерами. Реакция проникала в жизнь Испании постепенно, а вместе с ней вернулась в 1844 году и Мария-Кристина. Однако, когда в том же году вспыхнули восстания в Сарагосе, Барселоне, Кадисе и других городах, Нарваес показал невиданную жестокость в их подавлении. В 1845 году была принята новая конституция, вводившая в Испании практически неприкрытое самодержавие.

В 1843 году на трон Испании вступила дочь Фердинанда VII 13-летняя Изабелла, оказавшаяся «достойной» своего недоброй памяти отца. Она

была такой же невежественной и ограниченной, мало интересовалась политикой (если только речь не шла о ее собственной власти), любила мужчин и деньги. Капризная женщина превратила испанское правительство в непрерывную министерскую чехарду. За 25 лет ее царствования (1843–1868 годов) страна видела 34 правительства, 40 военных министров и 46 министров иностранных дел.

Взбалмошное правление Изабеллы привело к четвертой испанской революции 1854–1856 годов, которую опять возглавил популярный военный генерал Леопольд О’Доннел, предки которого были выходцами из Ирландии. Как и Эспартеро, и Нарваес он выдвинулся в ходе карлистской войны. С января 1854 года О’Доннел находился на нелегальном положении, живя в английском посольстве в Мадриде. Когда в июне 1854 года вспыхнуло очередное восстание военных частей, он вышел из подполья и опубликовал программу либеральных реформ — так называемых Мансанаресский манифест, самым важным пунктом которого было воссоздание национальной милиции.

После этого только в Мадриде как по мановению волшебной палочки возникло 1800 баррикад. Вооруженный народ требовал передать власть не О’Доннелу, а Эспартеро, торжественно вступившему в испанскую столицу 29 июля 1854 года, и королева была вынуждена назначить его премьером.

Но опять этот человек за два года власти обманул ожидания всех. Правда, была принята очередная конституция (1855 года), которая сильно не меняла систему власти в стране. Единственной по-настоящему радикальной мерой было ускорение продажи церковных земель и запрет церкви покупать новые угодья.

Все испанские революции XIX века не затрагивали основной проблемы страны — неравномерного распределения земельной собственности и, как следствие, крайне бедственного положения испанского крестьянства. Крестьянин был бесправным арендатором, задавленным налогами и повинностями. Он неизменно восставал против существующего порядка вещей, поддерживая все путчи и революции. Но именно ему от смены власти в Мадриде ничего не доставалось.

В июле 1856 года королева отправила Эспартеро в отставку и вручила премьерство О’Доннелу. В столице вспыхнуло восстание национальной милиции. Мадрид поддержали другие города, а в Барселоне было выдвинуто требование установления республики. Но О’Доннел, опираясь на армию, быстро подавил восстание и распустил 15 августа национальную милицию. Конституция 1855 года так и не была введена в силу.

В 1856–1868 годах у власти в стране чередовались два генерала:

О’Доннел, представлявший интересы «современных» помещиков и крупной буржуазии и Нарваес, опиравшийся на землевладельцев-традиционалистов и церковь.

Последний зверски подавил восстание доведенных до крайней степени нищеты крестьян Андалусии летом 1857 года, казнив 98 человек. Даже Изабелле методы Нарваеса казались слишком бесчеловечными. В 1858 году премьером стал О’Доннел, сохранявший власть невиданно длительный по испанским меркам срок — до февраля 1863 года.

Этому генералу явно не давали покоя лавры Наполеона III. Он также стремился особо не обострять отношения с основными политическими силами Испании и заглушать народное недовольство внешнеполитическими акциями. В 1858 году Испания вместе с Францией участвовали в боевых действиях в Индокитае, в 1859–1860 годах вела войну в Марокко, в 1861 году оккупировала Санто-Доминго и в том же году, хотя и осторожно, поддержала императора французов в его мексиканской аванюре.

О’Доннел не стремился загонять левую и либеральную оппозицию в подполье, понимая, что в условиях Испании это рано или поздно выльется в очередное восстание. Он умело режиссировал выборы в кортесы (наделенные куцыми полномочиями), допуская туда несколько десятков оппозиционеров, которые могли отвести душу в парламентских дебатах. При О’Доннеле неплохо развивалась промышленность и высокими темпами строились железные дороги.

Тем не менее, и этот искусный тактик был вынужден уйти в отставку под напором слева и справа. Его сменил верный королеве Нарваес, который, однако, на сей раз продержался только два года.

На сцену выступил четвертый сильный человек испанской политики XIX века — генерал Хуан Прим (1814–1870). Он был каталонцем, сыном офицера и выдвинулся, как и другие диктаторы, в ходе карлистской войны. Его взгляды были «прогрессивными» (т. е. лево-либеральными) и, в отличие от Эспартеро это был энергичный и решительный человек. В январе 1866 года Прим поднял против правительства два полка, но потерпел поражение и бежал в Португалию. В июне 1866 года в Мадриде было подавлено восстание артиллеристов, также организованное Примом.

Изабелла требовала от назначенного премьером О’Доннела расстрелять тысячу военных. Когда тот заметил, что для этого не хватит ружей, получил от королевы совет применить пушки.

В августе 1867 года нетерпеливый Прим опять поднял военное восстание в Валенсии и Каталонии. На этот раз он обратился не к

офицерам, а напрямую к солдатам, обещая в случае победы отмену воинской повинности. Однако теперь испугались командиры и Прима вновь постигла неудача. Другой бы на его месте опустил руки. Но уже в сентябре 1868 года Прим тайно прибыл на борт испанского военного корабля «Сарагоса» и 18 сентября 1868 года военно-морской флот Испании восстал. Войска перешли на сторону революционеров. 30 сентября ненавистная всем Изабелла бежала во Францию. В Испании началась пятая революция (1868–1874 годов).

Как всегда, революция сопровождалась возникновением на местах хунт и комитетов, развернувших бурную, но беспорядочную и не скоординированную друг с другом деятельность. В Мадриде было образовано Временное правительство, где Прим занял пост военного министра. Правительство это стояло за конституционную монархию. В стране, впервые после 1820–1823 годов, появилось много республиканцев, которые были представлены в собравшихся в феврале 1869 года в Мадриде учредительных кортесах 72 депутатами (из 320). Но принятая в июне 1869 года очередная конституция все же сохранила в Испании монархию, хотя и установила впервые в истории страны свободу вероисповедания и гражданский брак.

15 месяцев Временное правительство искало стране нового монарха. Это привело, как мы знаем, в том числе и к франко-прусской войне (Наполеон III не желал, чтобы испанский трон достался кому-нибудь из германских принцев). В конце концов удалось уговорить сына итальянского короля Виктора Эммануила II — Амадея, который и был избран кортесами 16 ноября 1870 года новым королем Испании.

Амадей быстро понял, что попал на клокущий вулкан. Крестьяне требовали землю, городская мелкая буржуазия — республику, армия — отмену воинской повинности. И все были готовы для выполнения своих чаяний взяться за оружие.

После 25 лет забвения вновь активизировались карлисты. Их вождем в то время тоже был дон Карлос — внучатый племянник первого претендента. 21 апреля 1872 года карлисты северной Испании подняли восстание под лозунгом «Долой иностранца!», которое сначала, однако, было быстро подавлено правительственными войсками.

С другой стороны политического спектра перед Амадеем все активнее маячили черные знамена республиканцев. 18 июля 1872 королю с трудом удалось уцелеть после предпринятого на него покушения в центре Мадрида. Последним шансом Амадея были выборы в кортесы 24 августа 1872 года. Но радикалы получили на них большинство (294 места). И,

наоборот, в новый состав парламента прошло только 46 из 191 депутата, возложивших в свое время испанскую корону на голову итальянского принца.

9 февраля 1873 года Амадей отрекся от престола и покинул Испанию. В своем прощальном обращении он писал: «Два долгих года носил я корону Испании, и Испания жила в постоянной борьбе и ежедневно на ее глазах время мира и счастья, которого я так страстно желал, все отдалялось и отдалялось».

Король оказался прав в одном: в Испанию пришло другое время — время Республики, которая была провозглашена кортесами 11 февраля 1873 года.

Первое республиканское правительство Испании возглавил бывший адвокат Фигерас, просидевший при Изабелле два года в тюрьме. Это был уважаемый человек, желавший, как и Амадей, тишины и порядка.

Между тем, уже на 23 апреля 1873 года был назначен военно-реакционный переворот. Но, на счастье республики, ее министром внутренних дел был Ф. Пи-и-Маргаль, без имени которого немислим краткий и героический период первой испанской республики. Как и Прим, Пи-и-Маргаль был каталонцем, юристом и философом, человеком сильной воли. Он был республиканцем, но его воззрения с трудом поддаются четкому определению. Сам он называл себя «интегральным социалистом» и впервые в испанской политической истории требовал не просто демократических свобод, а улучшения жизни бедных слоев народа.

Так вот именно этот человек в ночь с 22 на 23 апреля 1873 года мобилизовал верные правительству батальоны национальной милиции и подавил мятеж в зародыше. В стране это вызвало невиданный общественный подъем. Крестьяне стали захватывать помещичьи земли, убивать жандармов и чиновников кадастровых ведомств. В некоторых городах беднота разрушала дома богатых. Пятая испанская революция явно перерастала из политической в социальную.

10 мая 1873 года были избраны учредительные кортесы, в которых были одни республиканцы (монархисты бойкотировали выборы). Этот триумф стал началом конца республики, так как ее сторонники, предоставленные сами себе, сразу заспорили о будущем страны.

Пи-и-Маргаль стоял за федеративную республику по образцу США с сильной центральной властью. Ему противостояли левые по своей фразеологии «непримиримые» или «кантоналисты», которые считали, что всю власть надо отдать на места в некие кантоны. Здесь впервые четко определилось губительное для испанских революционеров влияние

анархизма (особенно взглядов М. Бакунина). Рабочие испанских городов уже подпали под обаяние революционных лозунгов анархистов, призывавших их не тратить время на выборы в какой-то парламент, а учреждать «светлое будущее» сразу в своей деревне или городе, ликвидируя всех тех, кто окажется на пути у революции.

Но пока республика еще шла вперед. 11 июня 1873 года Пи-и-Маргаль стал главой левого правительства, приняв пост временного президента Испанской республики.

Но уже 5 июля «непримиримые» подняли восстание и захватили власть практически на всем юге Испании. Каждый город провозглашал себя независимым кантоном, причем во главе его, как правило, вставляли противники всякой власти — анархисты. Только в Валенсии социалисты были сильнее анархистов и там возникла почти Парижская коммуна 1871 года. Военные призывали Пи-и-Маргалья восстановить порядок железной рукой, имея ввиду, конечно, позднее избавиться от республики в целом. Пи-и-Маргаль, хотя и горько переживал удар в спину со стороны «непримиримых», не захотел стать палачом восстания, так как понимал, что в нем участвуют тысячи честных, обманутых анархистами людей. Он предпочел уйти в отставку (18 июля 1873 года) и с его уходом начала закатываться и звезда первой республики.

Приемник Пи-и-Маргалья Сальмерон, юрист правых «эволюционистских» взглядов мобилизовал 80 тысяч солдат, которые под руководством оставшихся монархистами генералов за две недели разбили «непримиримых». Здесь анархисты впервые обнаружили свою суть, с которой нам еще не раз придется столкнуться в ходе этого повествования. Они неплохо говорили и зажигали людей на радикальные действия. Однако, при столкновении с военной силой, анархисты не делали никаких попыток организовать сопротивление (само слово «организация» было им чуждо) и бросали поверившие им массы на произвол судьбы.

7 сентября 1873 года ушел в отставку и оказавшейся в глазах военных слишком «левым» Сальмерон. Новым лидером республики стал историк и писатель Кастелар. Он был хорошим оратором, возвышенно-художественной и одновременно аристократической натурой. Его уже не волновали какие-то там социальные проблемы. Кастелар закончил подавление восстания «непримиримых» и хотел было разобраться и с карлистами, чтобы создать респектабельную республику без крайностей справа и слева.

Но на политическую сцену уже рвалась военная реакция, уставшая от беспорядков и революционной суматохи. В ночь со 2 на 3 января 1874 года

генерал Павиа разогнал депутатов кортесов и запер здание парламента на замок. Запутавшееся в политических перипетиях революционного времени население вело себя пассивно, не понимая, что происходит. А произошло установление военной диктатуры, которая стала готовить реставрацию Бурбонов. Дело решили сделать привычным путем военного переворота — пронунсиаменто.

24 декабря 1874 года генерал Кампос поднял восстание и провозгласил сына Изабеллы Альфонса XII королем Испании. 14 января 1875 года 16-летний Альфонс XII прибыл в Мадрид. Так закончился первый в истории Испании республиканский эксперимент.

Он надолго запомнился правящим классам как время, когда под угрозой были их жизнь и собственность. Также и многие крестьяне после этого суматошного года охладели к республике, потому что она им ничего не дала. Часть рабочего движения повернулась к респектабельному профсоюзному социализму западноевропейского образца, а анархисты извлекли для себя лишь тот сомнительный вывод, что в следующий раз надо разрушать любые формы власти еще радикальнее.

Последовавшие после гибели республики десятилетия носили название режима Реставрации и обеспечили Испании относительное спокойствие вплоть до 1917 года. В стране был создан чем-то напоминающий американский политический механизм чередования у власти двух партий-консерваторов и либералов, но при конституционном монархе. Правда, в отличие от США эти партии были очень верхушечными и опирались на двух ярких лидеров. Консерваторов возглавлял Кановас, а либералов Сагаста.

Кановас дель Кастильо (1828–1897) происходил из дворянского рода Малаги. Он начинал как либерал и поклонник О’Доннела. Кановас был блестящим оратором и очаровательным собеседником, человеком, привыкшим трудиться много и упорно. Всю последнюю четверть XIX века он определял судьбы Испании, заслужив даже прозвище «испанского Бисмарка». Республика уверила Кановаса в том, что у “бестолковой” Испании, имеющей великое прошлое, вряд ли будет столь великое будущее. Любые реформы противопоказаны слишком темпераментной стране, так как неизменно превращаются в революционные потрясения. Кановас поэтому старался привлечь наиболее беспокойные и чуткие умы городской интеллигенции хорошими должностями или прибыльным бизнесом.

Сагаста (1827–1903) был сыном купца и инженером по профессии. Он участвовал в восстаниях Прима 1860-х годов и был вынужден бежать за границу. В 1868–1872 годах он занимал ряд министерских постов и не

принял установление республики. По взглядам Сагаста эволюционировал от левого радикала и поклонника Эспартеро к праволиберальному, осторожному реформизму. От Кановаса его отличал, пожалуй, только несколько более демократичный стиль жизни. Любой житель Мадрида каждый день в 15 часов мог прийти в его дом и побеседовать на любую тему.

Стоит сказать несколько слов и о монархах конца XIX века, бывших, скорее придатками при двух великих политиках испанской Реставрации.

Альфонс XII знал, что он — сын Изабеллы II и одного из ее любовников, поэтому старался вести себя, чтобы не возбуждать кривотолков. Живя в эмиграции в Париже, принц получил неплохое образование, удивляя всех прекрасной памятью и отличными языковыми способностями. Принц окончил английскую военную академию в Сандхерсте. Прибыв в Испанию и став королем, Альфонс XII всецело слушался советов Кановаса, который, в свою очередь, внимательно следил за дружескими и любовными связями монарха. Короля, в целом, воспринимали в народе неплохо, так как после войн и революций с его именем связывался долгожданный мир. Правда, анархисты пытались убить монарха в 1878 и 1879 годах, но безуспешно.

Король страдал туберкулезом и умер, превратившись в живой скелет, 25 ноября 1885 года. Сын появился на свет уже после его смерти — 17 мая 1886 года. С именем Альфонса XIII будут связаны сильнейшие потрясения испанской истории. Регентшей стала вдова Альфонса XII Мария-Кристина Австрийская. Она отличалась тактом, хорошими манерами, была умна и образована, обладая обширными знаниями по философии, истории, экономике и языкам. Мария-Кристина всеми силами пыталась усвоить испанские традиции и обычаи, хотя терпеть не могла корриду. Королева больше благоволила Сагасте, чем Кановасу, и за время ее регенства в стране появились суд присяжных и всеобщее избирательное право.

30 июня 1876 года была принята новая конституция, которой было суждено просуществовать рекордный для Испании срок — 47 лет. Это была конституция монархии, где у короля сохранялись обширные прерогативы (так половина членов верхней палаты — сената — назначались монархом). Король мог распускать кортесы и назначать министров, которые, правда, были ответственными перед парламентом. Все декреты суверена должны были быть контрассигнованы одним из министров. Избирательное право получили только те, кто уплачивал высокие налоги (около 6 % взрослых).

Испания конца XIX века, казалось, наконец-то обрела спокойствие после 70 лет войн, революций и восстаний. Довольно высокими темпами

росла промышленность. Если в 1864–1866 годах в Испании добывалось в среднем 414 тысячи тонн угля в год, то в 1900 году — 2,7 миллионов тонн. Добыча железной руды за тот период выросла в 20 раз, хотя более 90 % ее экспортировалось, главным образом, в Англию и Германию. В 50 раз возросла выплавка стали, хотя абсолютная цифра — 200 тысяч тонн была по европейским масштабам крайне низкой.

В 1900 году в Испании было около 1 миллиона рабочих. Как и Россия, Испания была страной крайне неравномерного развития капитализма. В Стране басков, Мадриде, Каталонии и Астурии складывалась вполне современная промышленность (в основном текстильная, горнодобывающая и металлургическая), в то время как в Андалусии и Кастилии господствовал сельский феодализм.

С 1870 по 1900 годы более чем в два раза возросла протяженность железных дорог (с 5541 км до 12900 км) и примерно удвоилась внешняя торговля.

Казалось, Испания вступала в XIX век умиротворенной, неплохо развивающейся страной, оберегающей свою самобытность. Тем страшнее оказалось пробуждение от этого розового сна.

Глава 2. Двадцатый век начинается

XX век начался для Испании в 1898 году и гроза, обнажившая всю хрупкость режима Реставрации, пришла из-за океана.

Потеряв в первой четверти XIX века все американские колонии, Испания сохранила власть над островами Куба и Пуэрто-Рико. Кубинцы несколько раз поднимали восстания против испанского колониального владычества: их поддерживали США, пытавшиеся поставить остров под свой контроль. Очередное кубинское восстание началось в феврале 1895 года и приняло характер народной войны.

США сразу же начали вмешиваться в конфликт, помогая повстанцам. Вашингтону не хватало только формального предлога для объявления войны Мадриду. Он появился 15 февраля 1898 года, когда на рейде Гаваны неожиданно взорвался американский крейсер «Мэн». Американцы заявили, что причиной взрыва стала испанская мина и 25 апреля объявили Испании войну. В течение четырех месяцев Испания была наголову разгромлена. 3 июля 1898 года ВМС США полностью уничтожили испанскую эскадру в заливе Сантьяго-де-Куба, потеряв в бою одного человека. Быстро были оккупированы Пуэрто-Рико, Куба и Филиппины. Всего за время войны американцы не досчитались 1857 убитых. 10 декабря 1898 года был подписан испано-американский мирный договор, по которому Испания потеряла свои колонии в Америке и Филиппины, окончательно прощаясь со своим великим имперским прошлым.

Страшный в своей быстроте разгром получил в Испании название «национальной катастрофы». Возникло движение философов и деятелей культуры, пытавшихся выяснить ее причины и наметить путь к возрождению страны. Эту группу людей стали величать «поколением 1898 года». Как и в России того же периода, в Испании сложилась группа мыслителей, ставших властителями умов всей интеллигенции страны. Не зная этих людей или их труды считалось в образованных кругах верхом неприличия. Что же это были за люди и что они предлагали?

Хоакин Коста (1846–1911) выходец из крестьянской семьи, наделенный острым умом и физически безобразным телом, был человеком энциклопедических знаний. Он требовал для Испании «европеизации», т. е. просвещения народа, истинной демократии и более или менее справедливой экономики. Выступая в 1903 году на республиканском митинге, он призывал обучить массы педагогов, ученых, изобретателей,

судей, государственных деятелей, построить заводы, школы, дороги, плотины, санатории, новые хорошо спланированные города, т. е. создать современную Испанию.

Другой выход из кризиса 1898 года видел баск по национальности и профессор древнегреческой истории Мигель де Унамун (1864–1937). Он не любил Европу за ее бесчеловечный рыночный капитализм, лишенный героики и добродетелей. Унамун рекомендовал искать выход в героическом прошлом Испании, проповедуя идеалы преданности государству и традициям.

Унамун и Коста, не зная того, фактически дали знамена будущим лагерям гражданской войны 1936–1939 годов. Здесь прогресс, демократия и светское государство, там — традиции, религия, великое прошлое.

В целом, «поколение 1898 года» всколыхнуло умы, но не предложило целостной программы столь необходимых стране реформ. Ведь для этого надо было подвергнуть жестокому, беспристрастному анализу все стороны испанской действительности, а философы, поэты и писатели анализировали, в основном, духовные стороны испанского характера. И вряд ли можно их за это упрекнуть.

Каковы же были главные нерешенные вопросы Испании XX века? Основным тормозом на пути общественного прогресса страны оставался полуфеодальный аграрный сектор.

В начале XX века 46 тысяч латифундистов владели 10,5 млн га, в то время как 7,8 млн собственников имели 9,3 млн га. Крупные латифундии были характерны для центра и юга Испании, причем особенно несправедливо была распределена земля в Андалусии. На севере и востоке страны преобладали мелкие собственники, которые подчас с трудом кормились со своих небольших наделов. В Галисии, например, средний собственник имел около гектара земли. Но все равно положение собственников было несравненно лучше, чем у крестьян-арендаторов (80 % земли в Испании обрабатывалось именно на условиях аренды). Помещик-арендодатель был ничем не ограничен в навязывании крестьянину кабальных условий аренды. Ведь хорошей земли не хватало, и подчас латифундисты нарочно не сдавали часть своих угодий в аренду, чтобы создать искусственный земельный голод. Как правило, арендные договоры заключались на короткий срок, и крестьянин в любой момент мог лишиться надела, став люмпеном. 40 % пригодной для сельского хозяйства земли в Испании не обрабатывалось, в то время как миллионы арендаторов и собственников страдали от голода. Белый хлеб был на крестьянских столах деликатесом, а обычной пищей были бобы, оливковое масло и вино. Во

многих деревнях не было людей среднего возраста, так как от непосильного труда молодые мужчины и женщины вдруг сразу превращались в стариков и старух.

Испанская промышленность оставалась отсталой и ориентированной, в основном, на добычу и экспорт полезных ископаемых. Уровень технической оснащенности и концентрации в текстильной отрасли был крайне низок. В сфере обслуживания было занято больше рабочих, чем в промышленности (соответственно 770 и 700 тысяч). Основную роль в горнодобывающей и металлургической промышленности играл иностранный капитал, в основном, английский.

В целом, в аграрном секторе Испании начала XX века было занято 70 % самодеятельного населения, в промышленности — 21 %, торговле — 4 %.

Отсталость Испании особенно бросалась в глаза при сравнении страны с остальной Западной Европой. В 1930 году на каждого испанца приходилось 38 кг выплавленной стали, в то время как на немца — 175 кг, француза — 225 кг, англичанина — 162 кг. В 2–3 раза отставала Испания и по душевому производству электроэнергии, угля и чугуна.

На этой хилой экономической основе неуклюже возвышалась политическая система времен реставрации. Как мы уже упоминали, характерной чертой этой эпохи было чередование у власти либералов и консерваторов, зачастую не отличавшихся друг от друга по программным требованиям.

Сагаста и Кановас создали действенный механизм влияния на парламентские выборы, получивший название касикизма. Слово «касик» пришло в Испанию из американских колоний и означало вождь или старейшина у карибских индейцев. В условиях Испании «касиками» стали называть «сильных людей» деревень и мелких городов (старост, мэров, жандармов или священников), которые пользовались там определенным авторитетом и при помощи властей «выдавали на гора» нужные избирательные результаты. Но эта система давала сбои в крупных городах и власти спасало лишь то, что большая часть рабочих была лишена избирательных прав.

Вторым по значению и относительно новым вопросом испанской действительности начала XX века был национальный, т. е. растущие требования автономии со стороны Каталонии, Страны басков и Галисии.

Особое значение имел каталонский вопрос, так как Каталония была наиболее развитой провинцией Испании, а ее столица Барселона — центром культурной и общественной жизни всей страны. Каталонцы имели

свой язык (близкий южнофранцузским диалектам) и богатую историю Арагонского королевства, не уступавшего в средние века по силе и богатству Кастилии.

В первой половине XIX века Каталония потеряла остатки своей былой самобытности. В 1825 году было запрещено обучать на каталонском в школах. В 1837 году центральные власти отобрали привилегию чеканить собственную монету, а в 1845 году вообще ликвидировали местную региональную администрацию. Однако, с середины XIX века, как и во многих европейских странах, в Каталонии начинается возврат к собственным корням и пробуждение национальной гордости. В 60-х годах появились газеты на каталонском языке. В 1887 году последователь Пи-и-Маргалья известный юрист В. Альмирала основал «Каталонскую лигу» — первую партию националистов, которая влилась в 1891 году в «Каталонский союз» во главе с другим юристом Пратом де ла Рибя.

В 1892 году союз принял свою программу «Основы Манреса», где впервые излагались развернутые требования автономии. Потеря колоний в 1898 году нанесла сильный удар по крупным каталонским предпринимателям, для которых Куба долгое время была монопольным рынком сбыта товаров. Боясь понести убытки, каталонские олигархи решили прикрыть свои протекционистские требования «автономным» фиговым листком и образовали в 1901 году партию «Регионалистская лига». Мелкая буржуазия и левые республиканцы Каталонии создали в 1904 году свою партию — «Национальный региональный центр».

Если автономистское движение в Каталонии было просвещенным и прогрессивным в своей основе, то в Басконии национализм был скорее патриархальным и религиозным. После карлистских войн XIX века Страна басков была лишена всех своих средневековых привилегий и вольностей, что, впрочем, не поколебало приверженность карлизму со стороны огромной массы баскских крестьян. В 1906 году на съезде баскских националистов была принята декларация с требованием «возвращения древних законов» Басконии.

Галисийские автономисты в начале XX века еще не оформились организационно и выдвигали в основном требования культурной автономии.

Национальный вопрос причудливо накладывался на мозаичность и не совершенность испанской политической системы в целом. Основным фактором ее нестабильности стал новый король Альфонс XIII, вступивший на трон 16-летним юношей в 1902 году. Как его мать и отец, монарх имел способность к языкам и слыл просвещенным и либералом. Но все же

главными его увлечениями были различные виды спорта (верховая езда, парусный спорт и автогонки). Самым серьезным недостатком короля был поверхностный ум, сочетавшийся с неумным желанием активно вмешиваться в политическую жизнь. Альфонс XIII к тому же считал себя специалистом в военном деле и старался опираться не столько на традиционные партии, сколько на армию. Испанского короля часто сравнивали со столь же самоуверенным и амбициозным германским кайзером Вильгельмом II. Справедливости ради следует признать, что Альфонс XIII был более осторожен и менее опрометчив в решениях.

С приходом к власти нового монарха совпал кризис двухпартийной системы, вызванный в немалой степени смертью ее творцов Кановаса (1897 год) и Сагасты (1903 год). Лишившись вождей, либералы и консерваторы распались на фракции, хотя и продолжали чередоваться у власти с калейдоскопической быстротой. Консерваторы смогли выдвинуть новую плеяду лидеров — Маура, Морет и Монтеро Риас, которые, за исключением первого, ушли из жизни в 1912–1914 годах. Либералов возглавляли еще менее наделенные политическими талантами люди, такие как Гарсиа Прието, Каналехас, Дато и граф Романонес (личный друг короля).

Буржуазные республиканцы не смогли создать мощной единой политической партии после поражения первой республики. Еще продолжали свою деятельность действующие лица 1873–1874 годов, такие как Кастелар и Сальмерон. В начале века возшла политическая звезда каталонского радикала Лерруса, который не лез в карман за революционной фразой и довольно успешно громил каталонских сепаратистов.

По странному стечению обстоятельств многие лидеры республиканского лагеря также ушли из жизни на рубеже веков: Кастелар в 1899 году, Пи-и-Маргаль в 1901 году.

Республиканские силы сплотились вокруг Сальмерона и образовали в 1903 году «Республиканский союз». Однако после непродолжительной активности союз сбавил обороты, когда в 1908 году умер его лидер Сальмерон.

Мы видим, насколько все буржуазные партии, как монархисты, так и республиканцы, зависели от своих харизматических вождей. Эти партии были скорее клубами интеллигенции без разветвленной структуры и четкой программы. На левом фланге у них подрастал мощный конкурент в лице рабочего движения.

История испанского рабочего класса и его политических партий существенно отличается от западноевропейских аналогий. В других странах Европы в конце XIX века возникли марксистские (с разной

степенью радикализма) социал-демократические партии, которые обросли системой профсоюзов и общественных организаций и стали интегрироваться в существующий механизм власти, добиваясь социальных реформ. Как правило, рабочее движение было единым и крупный раскол произошел в нем только после 1917 года.

В Испании дело обстояло совсем другим образом. Начнем с того, что в отличие от остальной Европы господствующим течением в рабочем движении стал анархизм. После сентябрьской революции 1868 года лидер мирового анархизма и противник Маркса Бакунин направил в Испанию талантливых агитаторов Ш. Алерини и Дж. Фанелли, которые и считаются основателями испанского анархизма. Проповедники анархизма уверяли рабочих и крестьян, что плоха всякая власть и надо свергать ее прямо сейчас у себя в деревне или городе. К чему привела такая агитация, было показано выше на примере первой республики. Воспламенив сердца слушателей, проповедник шел дальше, а его новоиспеченные последователи убивали помещика, мэра, священника или жандарма и провозглашали «коммуну». Через день-два полиция или ближайшая воинская часть легко подавляла восстание и расстреливала его зачинщиков. История Испании конца XIX века знает огромное количество деревенских республик и коммун, стоивших жизни тысячам рабочим и крестьян. Последних в анархизме подкупала простота теории (убить представителя власти и разделить добро богатых), а также склонность к так называемому «прямому действию». При этом анархисты были против политической борьбы в ее традиционных формах (так как она развивалась в рамках опостылевшего государства), что обрекало их последователей на бойкот выборов и не позволяло создавать массовые общеиспанские политические партии.

Все же в Испании была создана секция I Интернационала, насчитывавшая к 1873 году 50 тысяч членов и шедшая за Бакуниным, а не за Марксом.

Падение республики загнало анархистов в подполье, но уже в 1881 году была образована Федерация трудящихся испанского региона (ФТИР), которую с самого начала раздирали межрегиональные противоречия. В эти годы в Андалусии появилось таинственное общество «Черная рука», якобы насчитывавшее 50 тысяч человек и убивавшее всех представителей власти. Многие, правда, считают, что «Черную руку» выдумала полиция в качестве предлога для расправ над крестьянами и разгрома ФТИР.

С самого начала анархизм находил своих приверженцев среди крестьян Андалусии и рабочих мелких фабрик Каталонии. Первые были

готовы на все из-за своего ужасного положения, вторые быстро поддавали под влияние заманчивых в своей простоте идей.

90-е годы XIX века стали для Испании десятилетием террора. В начале 1892 года 4000 крестьян с криками «Да здравствует Анархия!» ворвались в город Херес-де-ла-Фронтера и убили несколько особо ненавистных им лавочников. Через день гражданская гвардия (испанская жандармерия) подавила восстание, казнив 4 вожаков. В Каталонии анархисты придерживались тактики индивидуального террора. В 1893 году было совершенно неудачное покушение на генерал-губернатора Барселоны. В отместку за казненного террориста, анархисты взорвали бомбу в театре Лицей, убив 20 человек. Наконец, в 1896 году кто-то метнул бомбу в религиозную процессию. Власти воспользовались этим для массовых арестов. Было казнено 5 человек.

В 1900 году в Мадриде представители 150 анархо-синдикалистских организаций создали Федерацию рабочих обществ Испанской области. Анархо-синдикализм, в отличие от «чистого» анархизма, провозглашал готовность уничтожить власть не путем индивидуального террора (его «полезность» была спорной, так как потери самих анархистов от репрессий властей были куда больше), а путем всеобщей забастовки анархистских профсоюзов (т. е. синдикатов). Здесь сказывалось идейное влияние еще одного русского анархиста П. Кропоткина, который считал испанский (и особенно каталонский) анархо-синдикализм авангардом мирового анархизма.

Почему же анархизм пустил в Испании столь глубокие корни? Потому что он отвечал психологии огромных масс испанских рабочих и крестьян, которые легко переходили от крайнего пессимизма к восторженной революционности. К тому же многие за всю свою жизнь не видели «хорошего» государства или его представителей и не верили в возможность изменить существующий строй мирным путем.

Не лучше обстояло дело с испанской социал-демократией!

Маркс не хотел отдавать рабочее движение Испании своему принципиальному противнику Бакунину без боя. В 1871 году в Испанию приехал зять Маркса П. Лафарг, который с трудом начал создавать в стране первые социалистические организации. В 1879 году различные марксистские группы объединились в Испанскую социалистическую рабочую партию (ИСРП), которая провела в Барселоне свой первый съезд, представлявший 3,5 тысячи человек. Председателем и бессменным лидером партии на протяжении нескольких десятилетий был бывший наборщик Пабло Иглесиас, ставший легендой испанского

социалистического движения.

В том же году был основан первый общеиспанский профсоюз Всеобщий союз трудящихся (ВСТ), находившийся под контролем социалистов. И ИСРП и ВСТ опирались на квалифицированных рабочих Мадрида, Астурии и городов Андалусии. В отличие от анархистов, они ставили целью завоевание политической власти, не отвергая ни революционные, ни парламентские методы. Не признавая анархистский лозунг «Все или ничего», ИСРП и ВСТ имели детальную программу экономических реформ. И партия, и профсоюз имели четкую иерархическую структуру. Однако, именно в силу своей респектабельности и «европейскости» социалистические организации в первые десятилетия после своего основания росли медленными темпами. К 1899 году ВСТ насчитывал 15 тысяч членов, а ИСРП получила на парламентских выборах в этом же году 23 тысячи голосов.

Итак, рабочее движение Испании к началу XX века было не только идейно расколото, но и географически разделено. Все эти факторы еще не раз сыграют свою пагубную роль в войне 1936–1939 годов.

Чтобы завершить рассмотрение основных политических сил вступавшей в новую эпоху Испании, необходимо кратко затронуть два мощных столпа староиспанского мира — церковь и армию.

XIX век нанес по католической церкви серьезный удар, лишив ее всех земельных владений. Истово верующих католиков среди мужчин становилось все меньше и меньше, так как церковь отождествляли с несправедливым общественным устройством. Тем не менее у церкви была сильная опора в лице трона, а также разветвленная организация (200 тысяч священников, 597 мужских и 2600 женских религиозных корпораций). Церковь активно стремилась поставить под свой контроль систему образования и благотворительность, пользуясь неразвитостью государственного механизма социального обеспечения. Церковь настойчиво проникала и в бизнес, основывая собственные банки и кредитные организации. Анархисты и левые республиканцы традиционно считали антиклерикализм своим знаменем. Во время любых волнений горели церкви и гибли священники. Церковь использовала эти факты для дискредитации антирелигиозной борьбы в целом.

Испанская армия сыграла в XIX веке, в основном, прогрессивную роль. Генералы часто были организаторами многочисленных либеральных революций и восстаний.

Основным военным противником армии был реакционный карлизм, на борьбе с которым сделали карьеру выдающиеся испанские «каудильо» XIX

века — Эспартеро, О’Доннел, Прим и другие. Но одновременно армия приобрела опыт подавления анархистских восстаний и крестьянских волнений. Агитация анархистов за ликвидацию любой армии заставляла многих военных, плохо разбиравшихся в различных партиях и их программах, ненавидеть рабочее движение в целом.

Катастрофа 1898 года сделала армию объектом насмешек интеллигенции, требовавшей сокращения вооруженных сил. Но здесь впервые офицерских корпус начал проявлять кастовость и замкнутость, всячески противясь реформам. В начале XX века на 80 тысяч солдат в испанской армии имелось 500 генералов, 900 полковников и 23 тысячи других офицеров, поглощавших 60 % военных расходов. Офицеры и генералы ненавидели гражданских политиков, левых, социалистов и анархистов, атеистов и масонов. Именно эти силы, как считали в казармах, подточили исконный воинственный дух испанцев. Пока армия не была готова активно вмешиваться в борьбу за власть, но активно отстаивала свои корпоративные права.

«Катастрофа 1898 года» привела испанскую армию в лагерь реакции.

Как же ответили правящие круги Испании на вызов 1898 года?

1903–1923 годы в Испании иногда называют «эпохой Мауры» или «революцией сверху». Антонио Маура (1853–1925) был лидером консерваторов и пятикратным премьер-министром страны в 1903–1922 годах. Он заявлял, что Испания нуждается в революции, подразумевая под этим словом социальные реформы, которые как раз и должны были предотвратить революцию настоящую.

На страну посыпались законы об ограничении женского и детского труда, компенсации при несчастных случаях на производстве, об образовании рабочих комиссий для разбора трудовых споров и т. д. В апреле 1903 года был образован Институт социальных реформ, который должен был разрабатывать проекты преобразований в самых различных сферах общественной жизни. Несомненно, что все эти меры делали Испанию более европейской страной.

Однако Маура, как и его предшественники, ничего не сделал для решения основного вопроса, мешавшего развитию страны, а именно аграрного. Правда, в 1907 году появился на свет закон о так называемой внутренней колонизации (чем-то напоминавший столыпинскую реформу в России), по которому крестьянам могли передаваться неиспользуемые земли. Но таковые были практически непригодны для сельского хозяйства из-за отсутствия достаточной ирригации. В результате было распределено всего 11,7 тысяч га, что было даже не каплей в море, а еще меньше!

Пытался Маура и реформировать систему местной администрации, чтобы хотя бы как-то ограничить касикизм, но и здесь дальше смелых планов дело не пошло. А все потому, что «касиками» во многих случаях были те же крупные землевладельцы. На эту основную опору трона не мог посягнуть даже Маура.

В 1910 году вернувшиеся к власти либералы (двухпартийная система еще функционировала) нанесли очередной удар церкви, приняв декрет об обязательной регистрации всех церковных организаций и об уплате ими налогов государству. Декрет запрещал также образовывать новые церковные ордена.

Здесь следует заметить, что антиклерикализм в Испании, как и во многих странах Латинской Америки, исповедовался не столько крестьянами и рабочими, сколько лицами свободных профессий и интеллигенцией. Слабо разбираясь в экономике, многие из них считали, что основным препятствием на пути развития страны является церковь. С присущим мелким буржуа радикализмом городские средние слои громили и поджигали храмы во время любых сколько-нибудь серьезных волнений. Это, в свою очередь, активно использовали правящие партии для расправ с любой оппозицией. Необходимо подчеркнуть, что социалисты понимали губительность и бесперспективность такой антирелигиозной борьбы и дистанцировались от погромов. Анархисты же, наоборот, всячески в них участвовали, так как это прекрасно укладывалось в их тактику «прямого действия».

В целом, реформы Мауры оказались для Испании, пожалуй, слишком «европейскими» и половинчатыми. Сложившееся веками отчуждение между дворянской элитой и массой населения не было преодолено. Городское население, рабочие и крестьяне уже не хотели быть объектом реформ, они желали делать их сами.

В начале XX века в сложный клубок проблем испанской действительности был вплетен один внешний фактор, которому было суждено сыграть ключевую роль в развертывании гражданской войны 1936–1939 годов. Речь идет о Марокко и здесь следует, пожалуй, углубиться в некоторые подробности.

Еще во время Реконкисты в средние века испанские арабы постоянно черпали подкрепление из Северной Африки и, прежде всего, из Марокко. Поэтому сразу же после очищения Пиренейского полуострова от мавров, испанцы пытались закрепиться на другом берегу Гибралтарского пролива, чтобы раз и навсегда обезопасить себя от нового арабского вторжения. Уже в 1497 году был захвачен город Мелилья на марокканском побережье.

В начале XVI века Испания располагала уже сетью укрепленных пунктов от Марокко до Туниса. Однако в XVII веке арабы при поддержке турок очистили от испанцев побережье Алжира и едва не выгнали их из Марокко, где у Испании остались только два прибрежных города — Сеута и Мелилья. Стычки с султаном Марокко вокруг этих городов не прекращались в XVIII веке (война 1774–1786 гг.). После захвата Францией Алжира в 1830 году испанцами уже во многом двигало стремление не отстать от своих северных соседей в колонизации Африки. Военный диктатор О’Доннел провел в 1859–1860 годах победоносную полугодовую войну с Марокко, заставив марокканского султана оплатить все ее издержки.

После разгрома 1898 года и потери колоний Марокко стало основным пунктом приложения сил испанской внешней политики. Особенно была заинтересована в дальнейшей экспансии армия, желавшая смыть позор недавних поражений, и приобрести новое славное поле битвы, где военные могли бы быстро продвинуться по карьерной лестнице. Офицеров, сражавшимся в Марокко, почтительно называли «африканцами» и из их рядов вышли все руководители путчистов 1936 года.

Между тем за испанским хищником в Марокко зорко следили два других — Франция и Англия (а с конца XIX века еще и Германия), не желавших чрезмерного усиления Мадрида на африканском континенте. Именно Лондон и Париж помешали О’Доннелу расширить владения Испании в Марокко. Но в начале XX века ситуация изменилась. Не желая пускать в этот важный со стратегической точки зрения район Средиземноморья немцев, англичане и французы решили отгородиться от них нейтральной Испанией.

По двум франко-испанским соглашениям 1904 и 1912 годов Испании было выделено в форме протектората 20 тысяч кв. километров марокканского побережья (французы получили 572 тысячи кв. километров).

В 1909 году военные потерпели в Марокко первую серьезную неудачу в борьбе с местными племенами. Была объявлена мобилизация резервистов, которая натолкнулась на решительное сопротивление, особенно в традиционно антимилитаристской Каталонии. 26 июля 1909 года в этом регионе вспыхнула всеобщая забастовка. Улицы Барселоны покрылись баррикадами и в течение 27–29 июля в городе шли настоящие бои. Многие храмы и монастыри были сожжены. После подавления восстания были арестованы тысячи людей, а в последствии был казнен известный теоретик анархизма Ф. Феррер (ярый антиклерикал), которого

представили зачинщиком беспорядков без всяких на то доказательств. Казнь вызвала массовые протесты во всем мире, а в Брюсселе Ферреру был даже поставлен памятник.

С этого момента армия и Каталония стали непримиримыми врагами. Однако их противостояние началось чуть раньше и имело своим следствием первое организованное вмешательство военных в государственную жизнь в XX веке.

В ноябре 1905 года около 300 молодых офицеров напали на редакции каталонского сатирического журнала «Ку-ку» и газеты Регионалистской лиги «Голос Каталонии», посмеявшихся поместить на своих страницах антиармейские карикатуры. Вместо того, чтобы наказать нападавших, правительство по требованию армейского командования приняло так называемый «закон о юрисдикциях», по которому преступления против вооруженных сил и «Родины» подлежали рассмотрению не гражданскими судами, а военными трибуналами. Это было началом конца испанской демократии, так как каучуковые формулировки закона фактически отдавали в руки военных судей все «политические» преступления.

Накал страстей, столь типичный для испанской внутренней политики немного остудила Первая мировая война. У режима Альфонса XIII хватило ума провозгласить нейтралитет, хотя симпатии либералов, части консерваторов, республиканцев и социалистов, да и всего общественного мнения в целом были на стороне Антанты. Германофилами были сторонники Мауры, церковь и высшее военное руководство, преклонявшееся перед прусской военной школой. Сам король и королева также симпатизировали центральным державам, как монархическим странам. К тому же брат королевы-матери был командующим австро-венгерской армии на итальянском фронте. Альфонс XIII даже передавал германскому военному атташе некоторые сведения, полученные им от представителей Франции и Великобритании в Мадриде. В отношении к войне опять выделились анархисты, заявившие, что она им глубоко безразлична.

Нейтралитет стал золотым дном для Испании, которая наживалась на поставках обоим воюющим лагерям. Причем росло не столько производство экспортных товаров (хотя объем прироста был все же впечатляющим), сколько цены на них. Так, например, добыча угля выросла в 1913–1918 годах на 68 %, а цена на него в 2,7 раза. Стали за тот же период было произведено всего на 10 % больше, зато она стала дороже в 2,6 раза. Внешнеторговый баланс Испании впервые стал активным. Золотые запасы Испанского банка выросли с 674 миллионов песет в 1913 году до 2500

миллионов песет к моменту окончания войны.

Однако этот бум принес выгоду, прежде всего, всем промышленникам и арендодателям. Рост экспортных цен привел к небывалой инфляции и на внутреннем рынке, которая практически никак не компенсировалась ростом зарплаты. Так цены на пшеницу в Барселоне поднялись в 1914–1917 годах на 62 %, кукурузу — 80 %, картофель — 90 %. Высоко квалифицированный рабочий получал 5–7 песет в день, но многие довольствовались 2–3 песетами, а сельскохозяйственные рабочие жили и на 1,5 песеты. Килограмм сала стоил в то время 2,5 песеты, трески — 2,20. Мясо было практически недоступно широким слоям населения.

В 1916–1917 годах в городах Испании начались забастовки и демонстрации против дороговизны (в деревне инфляция дала себя знать чуть позже — в 1918 году — чем и объясняется временной разницей в акциях городских и сельских трудящихся).

Страна вступала в полосу нового невиданного ранее революционного подъема.

Глава 3. «Большевицкое трехлетие» и военная диктатура

Чтобы правильнее понять причины нарастания революционного движения, необходимо кратко остановиться на состоянии его основных отрядов — рабочих и каталонских националистов к концу Первой мировой войны.

Собравшаяся на свой X съезд ИСРП (24–31 октября 1915 года) насчитывала 14,3 тысячи членов, в основном в Новой Кастилии, Мадриде (1925), Андалусии (6988), Эстремадуре и Стране басков. Благодаря избирательному блоку с республиканцами партия впервые в истории провела в кортесы в 1910 году своего депутата (Пабло Иглесиаса). Членами партии были 176 муниципальных советников в 72 муниципалитетах. ИСРП издавала 13 газет, в том числе ежедневный центральный орган «Эль Сосиалиста» («Социалист»). Партия поддерживала Антанту, а в области внутренней политики требовала установления демократической республики, для чего и вошла в блок с республиканскими партиями.

Профсоюз, находившийся под контролем ИСРП-ВСТ, увеличил свои ряды с 15 тысяч членов в 1899 году до 148 тысяч в 1913 году. Потом, правда, численность ВСТ сократилась до 100 тысяч к 1917 году. Половина членов ВСТ была сконцентрирована всего в трех городах — Мадриде, Бильбао (центр Страны басков) и Овьедо (столица Астурии). ВСТ быстро уловил настроения масс и уже с 1915 года начал борьбу против дороговизны и за увеличение минимальной зарплаты. Примечательно, что профсоюз предлагал в качестве мер по борьбе с инфляцией государственное регулирование цен и уменьшение расходов на войну в Марокко.

В 1911 году отдельные анархистские профсоюзы Каталонии объединились в Национальную конфедерацию труда (НКТ), которая в 1915 году превратилась из каталонской в общенациональную. В этом же году в ней насчитывалось 160 тысяч членов, а к 1917 году — 320 тысяч. Это был типично анархистский профсоюз без регулярных членских взносов и освобожденных работников. Деньги собирались лишь в случае конкретных забастовок для поддержки бастующих. Конфедерация отвергала любую политическую борьбу, декларируя лишь улучшение экономических условий труда. На деле, однако, при НКТ были боевые законспирированные группы,

занимавшиеся индивидуальным террором.

ВСТ и НКТ соперничали друг с другом, особенно в борьбе за деревню. ВСТ создавал различные организации самообразования среди крестьян еще начиная с 1903–1904 годов, прежде всего в Андалусии. Но, в целом, и ИСРП и ВСТ мало занимались аграрным вопросом, что было типично для европейской социал-демократии. В 1913 году в Кордове образовалась анархо-синдикалистская «Национальная федерация земледельцев», которая позднее в 1919 году вошла в состав НКТ.

В Каталонии реакцией автономистского движения на «закон о юрисдикциях» стало объединение всех национальных сил в 1906 году в организацию «Каталонская солидарность». Пока этот союз различных сил контролировался крупной буржуазией. Поэтому ИСРП и НКТ относились к каталонскому движению настороженно. А армия и церковь ненавидели его всей душой.

С мая 1916 года НКТ и ВСТ стали координировать свои акции по борьбе с дороговизной. В июле того же года прошла всеобщая забастовка железнодорожников, которых поддержали шахтеры. 18 декабря НКТ и ВСТ объявили общенациональную забастовку против дороговизны, которая не выдвигала никаких политических требований.

С марта 1917 года под влиянием февральской революции в России оба профсоюза стали готовить генеральную стачку, направленную на взятие власти рабочим классом.

12 августа 1917 года забастовка началась по всей Испании. Среди требований ее руководителей было проведение выборов в Учредительные кортесы, которые должны были решить вопрос о будущем государственном устройстве страны. В обращении забастовщиков к гражданам Испании подчеркивалось, что рабочие не элемент беспорядка, а «спасители всего народа Испании».

Правительство прекрасно сознавало, что монархия, да и весь общественный строй страны висит на волоске. Правая газета «АБЦ» призывала 12 августа покончить с «рабочей диктатурой».

13 августа железнодорожники парализовали всю страну. Рабочие вышли на улицу, но армия, используя объявленное правительством военное положение, заняла все ключевые пункты в крупных городах. В Мадриде заговорили пулеметы. В Астурии и горном бассейне Леона рабочие практически взяли власть в свои руки. В некоторых населенных пунктах была провозглашена республика. В Бильбао металлурги блокировали местные власти и, если бы захотели, могли их сместить. Но такой команды от руководителей забастовки не поступило. Правительство, охваченное

паникой, санкционировало фактическую военную оккупацию Астурии и Басконии, где было убито 320 рабочих, включая подростков.

В Барселоне войска стали стрелять по пикетам забастовщиков уже 13 августа. Город покрылся баррикадами, на что армия ответила применением артиллерии. Всего в столице Каталонии было убито 32 человека. В Астурии генерал Анидо дал команду убивать рабочих как «диких зверей». Одним из тех, кто выполнял этот приказ, был молодой офицер, герой марокканской войны Франсиско Франко.

18 августа забастовка была подавлена, не только благодаря жестким репрессиям армии, но так же из-за отсутствия твердого руководства стачкой и предательства буржуазных республиканцев, первоначально рассчитывавших взять власть с помощью восставших рабочих. Было арестовано более 2 тыс. человек. Армия впервые в новейшей истории Испании выступила как антинародная сила.

При этом зловещую роль в событиях августа 1917 года сыграли так называемые «хунты обороны». Эти своеобразные комитеты среднего офицерства (генералов в них не принимали) появились в начале XX века среди привилегированных родов войск — артиллеристов и военных инженеров. Сначала они выдвигали лишь частные требования (например, выступали за право военных инженеров заниматься гражданским строительством) и не выходили на арену публичной политики. Но в 1916–1917 годах военные хунты возникли и в самом многочисленном роде войск — пехоте. Они выступали против фаворитизма в армии, за повышение зарплаты офицеров и против засилья в руководстве вооруженных сил представителей наиболее богатых семей. В отличие от инженеров и артиллеристов, офицеры пехоты были выходцами из средних слоев, поэтому возникновение «хунт обороны» внушало оптимизм многим демократическим и левым политикам. На самом деле хунты были ориентированы строго монархически, антикаталонски и критиковали «гражданских» политиков, ввергнувших страну в кризис. Тем не менее, высшее руководство армии решило распустить хунты 25 мая 1917 года. Однако их руководство отказалось подчиниться и было арестовано 27 мая. Сразу же образовалась «запасная» центральная хунта, подготовившая настоящий заговор против власти. Подавляющее число военных высказало центральной хунте свою поддержку. Генерал-губернатор Барселоны генерал Марина, проведший арест членов хунты, сам оказался перед угрозой заключения.

С хунтами солидаризировались республиканцы, да и многие испанцы видели в них силу, способную обновить страну. 1 июня центральная хунта

в ультимативном порядке потребовала освобождения арестованных офицеров и официального признания правительством «Союза хунт обороны». В тот же день правительство капитулировало, выпустило заключенных членов центральной хунты и чуть позднее ушло в отставку, так как король фактически открыто встал на сторону военных.

Это был еще один плохой знак для испанской демократии. Армия почувствовала, что вполне способна взять власть в стране (что она и сделала через 6 лет). И уже в августе 1917 года руководители офицерских хунт были среди наиболее жестоких палачей всеобщей забастовки.

События августа 1917 года стали своего рода «репетицией» гражданской войны между рабочими и армией, во многом определившей ход «настоящей» гражданской войны 1936–1939 годов. В 1917 году старый строй устоял, но ненависть между профсоюзами и военными стала непреодолимой.

В ноябре 1917 года до Испании дошли сообщения о социалистической революции в России. И уже в этом же месяце на многих митингах в защиту заключенных лидеров августовской забастовки люди скандировали «Вива Русия!» («Да здравствует Россия!»). ИСРП, ВСТ и НКТ приветствовали Советскую власть. Когда весной 1919 года правительство Франции предложило послать испанские войска в Россию, в ходе массовых демонстраций протеста были разгромлены французские консульства в Барселоне и Валенсии. Профсоюзы пригрозили всеобщей стачкой.

Испанские крестьяне, узнавшие, что в России осуществили их основной лозунг «земля тем, кто ее обрабатывает», были просто очарованы далекой неведомой страной. Они спрашивали любого «образованного» горожанина: Что сеют в России? Какая погода в России? Сколько надо дней, чтобы добраться до России? Россия и Ленин стали магическими словами, способными зажечь людей на любые героические дела. Именно поэтому революционный подъем в Испании в 1917–1920 годах вошел в историю страны как «большевистское трехлетие».

В 1918 году было зарегистрировано 463 забастовки, в 1919 году — 900, а в 1920 году — 1060. Число бастующих выросло со 109 тысяч в 1918 году до 245 тысяч в 1920 году. Хотя главные требования были экономическими, все же это были «испанские» забастовки с баррикадами, стрельбой, убитыми и ранеными. Некоторые акции, такие, как всеобщая забастовка работников связи в марте 1918 года, приводили к отставке правительства.

Но, в целом, власти после августа 1917 года чувствовали себя уверенно: армия была на их стороне. Забастовка в Барселоне в марте 1919

года заставила правительство ввести осадное положение и арестовать более 6 тысяч человек. Но офицерским хунтам таких мер показалось недостаточно: они насильно выслали в Мадрид и генерал-губернатора, и начальника полиции Каталонии. И опять правительство сдалось и ушло в отставку. В апреле 1919 года НКТ в угоду хунтам была объявлена вне закона.

Но подавить анархизм в Каталонии обычными методами явно не удавалось. Тогда власти попытались сломить анархистов их же оружием — террором. С лета 1919 года в Каталонии активизировалась деятельность банд наемных убийц, так называемых «пистолерос». Зажиточные каталонцы при поддержке армии создали свои вооруженные отряды — «соматен» (по-каталонски «soma tente» означает «мы начеку»), которые к лету 1919 года насчитывали 18 тысяч человек.

С другой стороны, леворадикальные круги мелкой каталонской буржуазии во главе с полковником Ф. Масиа (1859–1933) создали партию «Национальная демократическая федерация». Многие члены партии требовали решить национальный вопрос в Испании по образцу Советской России. Правительство время от времени обещало заняться каталонским вопросом, но в действительности дело не шло дальше разговоров.

В ноябре 1920 года генерал-губернатором Каталонии был назначен крайне реакционный генерал М. Анидо, который приступил к массовым арестам руководства НКТ. От рук наемных убийц гибли наиболее авторитетные вожаки рабочего движения. Многих военные убивали «при попытке к бегству».

К началу 1921 года армия, казалось, навела в стране порядок. В этом году в Испании было отмечено всего 373 забастовки с количеством участников 83 тысяч человек. НКТ, отступая, огрызалась, прибегая к террору. В марте 1921 года анархистами был убит председатель Совета министров Э. Дато.

Описание «большевистского трехлетия» вполне уместно закончить анализом позиций рабочего движения Испании по отношению к Третьему Интернационалу или Коминтерну. После первого конгресса Коминтерна (Москва, 2–6 марта 1919 года) в Испании стали спонтанно возникать группы его сторонников, создавшие Национальный комитет. ИСРП в том же году участвовала в воссоздании Второго (реформистского) Интернационала. В декабре 1919 года на внеочередном съезде ИСРП был признан «полностью оправданным» энтузиазм трудовых масс Испании по отношению к Советской России. Партия под давлением своих низов одобрила принцип диктатуры пролетариата. 14010 голосами против 12497

съезд, однако, постановил пока остаться в рядах Второго Интернационала. Но уже в апреле 1920 года молодежная организация ИСРП «Федерация социалистической молодежи» решила на своем съезде переименовать себя в Испанскую коммунистическую партию и послала делегацию на второй конгресс Коминтерна в Москву (19 июля — 7 августа 1920 года).

19 июня 1920 года очередной съезд ИСРП под давлением партийных организаций Астурии и Басконии принял решение вступить в Коминтерн (8269 голосов «за» и 5061 — «против»). Однако, это решение сопровождалось рядом условий, часть из которых была заведомо невыполнимой (пересмотр Устава Коминтерна, полная автономия ИСРП в своей тактике и т. д.). В Москву была послана делегация социалистов, которая встречалась с Лениным.

Второй конгресс Коминтерна, как известно, принял «21 условие» членства в своих рядах и эти условия, наоборот, предусматривали полное идеологическое и организационное подчинение отдельных партий Исполкому Коминтерна.

Поэтому на третьем чрезвычайном съезде ИСРП 9 апреля 1921 года 8858 голосов было подано против присоединения к Коминтерну, а 6094 — «за». 13 апреля 1921 года часть членов ИСРП покинула партию и образовала еще одну Испанскую коммунистическую партию. Обе компартии объединились 7 ноября 1921 года, приняв название Коммунистическая партия Испании (КПИ). Ее центральным органом стала газета «Ла Анторча» («Факел»). В новой партии было не более 10 тысяч членов. Первый съезд объединенной партии прошел 15 марта 1922 года и представлял 80 организаций по всей стране. Генеральным секретарем ЦК стал Гарсиа Кехидо, бывший видный социалист.

ВСТ по примеру ИСРП отказался войти в коммунистический Профинтерн и исключил в 1922 году из своих рядов 29 профсоюзов во главе с коммунистами, в том числе наиболее боевые профсоюзы горняков Астурии и Басконии.

Съезд НКТ, достигшей апогея своего развития в 1919 году (700 тысяч членов), в декабре этого же года принял резолюцию в поддержку Коминтерна и заявил о временном присоединении к этой организации. Одновременно в этой же резолюции содержалось положение о приверженности Бакунину! Многих анархистов Россия и Коминтерн привлекли своей радикальной политикой, хотя большевики, к прискорбию анархистов, не собирались отменять государство, а наоборот, всячески его укрепляли. В апреле 1921 года НКТ постановила принять участие в учредительном Конгрессе Профинтерна и направить туда специальную

делегацию. Но затем полномочия этой делегации были аннулированы и в июне 1922 года НКТ окончательно порвала связи (которых, собственно, практически не было) с Коминтерном и Профинтерном.

Таким образом, «большевистское трехлетие» не привело к единству рабочего класса, а лишь усилило его раскол. Лидерам ИСРП, ВСТ и НКТ с большим трудом удалось удержать большинство членов в своих рядах, хотя инстинктивное тяготение рядовых масс к коммунизму и «русским методам» борьбы было огромным.

Итак, революционный взрыв 1918–1920 годов явно выдохся. Но тут Испанию постигла национальная катастрофа, сравнимая только с 1898 годом.

Ночью 20 июля 1921 года в испанскую столицу стали просачиваться страшные слухи о поражении армии в Марокко под Аннуалем. 22 июля правду скрывать уже стало невозможно. Талантливый военачальник и вождь рифских племен Абд-эль-Керим наголову разгромил 15-тысячный корпус генерала Сильвестре, остатки которого едва смогли спастись за крепостными стенами Мелильи. Всего было убито 12981 человек, потеряно 14 тысяч винтовок, 100 пулеметов, 115 единиц артиллерии. Много офицеров попало в плен.

Была образована специальная следственная комиссия во главе с генералом Пикассо, которая выявила невиданные масштабы коррупции в марокканских частях испанской армии. Многие подразделения и боевая техника, на которые были затрачены бюджетные деньги, существовали только на бумаге. Высшие офицеры редко появлялись на передовой, предпочитая ей бордели и бары Мелильи. Видный деятель соцпартии Индалесио Прието в блестящей речи в парламенте (она была позднее отпечатана в виде листовки) потребовал коренной реформы армии. Но самым страшным для правящего режима было то обстоятельство, что стали выявляться связи незадачливого генерала Сильвестре с королем. Монарх всячески подталкивал генерала к роковому наступлению на Аннуаль, советуя ему не обращать внимания на предостережения военного министра и губернатора Марокко.

Катастрофа под Аннуалем вызвала новый подъем рабочего и национального движения. Летом 1923 года революционные настроения проникли и в саму армию. В августе в Малаге взбунтовался батальон пехоты, отказавшийся отправляться в Марокко. В стычке был убит капрал гражданской гвардии. Генералов взбесил тот факт, что зачинщик мятежа, приговоренный к смертной казни, был помилован. Еще в ноябре 1922 года правительственным декретом были распущены военные хунты и офицерам

было запрещено состоять в любых военных союзах. Почва явно уходила из под ног армии.

К тому же страну снова накрыла волна красного и белого террора. В марте 1923 года изрешеченный пулями наемных убийц, пал видный лидер НКТ Сальвадор Сеги, выступавший за единство действий рабочих организаций. Анархисты ответили убийством сарагосского архиепископа Сольдевиллы. Всего с декабря 1922 года по май 1923 года в одной только Барселоне жертвами терактов стало 34 человека.

Пока парламент спорил о том, как наказать виновников катастрофы под Аннуалем, армия начала готовить военный переворот. Генерал-губернатор Каталонии генерал Мигель Примо де Ривера, подталкиваемый льстившей ему каталонской буржуазией, не скрывал своих намерений свергнуть гражданское правительство и установить военную диктатуру.

9 сентября 1923 года стало известно, что следственная комиссия генерала Пикассо 20 сентября доложит парламенту о результатах своей работы. Медлить путчистам уже было нельзя.

12 сентября Примо де Ривера отдал приказ всем частям каталонского военного округа выступить на следующий день. 13 сентября вся Каталония была объявлена на осадном положении. Однако в остальной Испании к путчистам присоединился лишь гарнизон Сарагосы во главе с генералом Санхурхо. Правительство обратилось к отдохавшему на побережье королю с проектом декрета о смещении Примо де Риверы. Но Альфонс XIII, помедлив немного, отказался его подписать. Все стало ясно. В отставку пришлось уйти самому правительству.

15 сентября Примо де Ривера прибыл в Мадрид и образовал Военную директорию. По всей стране было объявлено осадное положение и приостановлено действие конституции.

Испания встретила переворот удивительно пассивно. Страна была измотана трехлетним внутривластным кризисом и подавлена разгромом в Марокко. Никто не желал защищать насквозь прогнившую систему политической власти узкого круга профессиональных политиканов. Многих сбilo с толку обращение Примо де Риверы к нации, в которых подчеркивался временный характер военного правления, которое должно привлечь к руководству Испанией новых «образованных и трудолюбивых» правителей.

ИСРП и ВСТ, реагируя на многочисленные требования низовых организаций об объявлении всеобщей забастовки, рекомендовали рабочим не вмешиваться в чужую для них борьбу. Компартия предложила НКТ совместными усилиями свалить диктатуру. Но барселонское руководство

НКТ, парализованное убийством Сеги, ничего не могло или не хотело делать. Наоборот, «революционный» профсоюз заявил о самороспуске, что потом подтвердил своим декретом Примо де Ривера.

Это был странный диктатор. Как и всякий уроженец Южной Андалусии (он родился в 1870 году в городе Херес в семье военного) он был любителем вина, женщин, азартных игр и хорошего застолья. Генерал был смел в бою, что проявилось во время его службы в Марокко, на Кубе и Филиппинах. В тоже время он был несдержан, вспыльчив, а его речь часто опережала мысли. Генерала подводило свойственное большинству его коллег отсутствие широкого кругозора и сносного образования.

Диктатура начала с милитаризации всей административной системы страны. Все гражданские губернаторы были заменены военными. Декреты Военной директории в Мадриде выходили за двумя подписями — короля и Примо де Риверы.

17 сентября директория объявила о создании по каталонскому образцу по всей Испании отрядов «соматен». Но уже здесь выявилось отношение испанцев к диктатуре: ее не боялись, а скорее игнорировали. В «соматен» вступили лишь некоторые почтенные люди преклонного возраста — «отцы семейств», и парады этой организации вызывали только насмешки.

Сами каталонские буржуа скоро поняли, что поставили у власти не того человека. Диктатор запретил использование в публичных выступлениях и государственных актах каталонского языка и вывешивание каталонского флага.

Зато довольно популярным было решение Примо де Риверы запретить всем бывшим министрам занимать любые государственные должности. Диктатор поставил вне закона КПИ и НКТ, ввел строгую цензуру печати.

Но главной проблемой, стоящей перед бравым генералом, была, конечно, марокканская. В 1922 году много шуму наделало заявление Примо де Риверы о необходимости вывести из Марокко все войска. Некоторые генералы-«африканцы» даже готовили смещение диктатора в 1924 году. Все изменилось после инспекционной поездки Примо де Риверы в Марокко в июле того же года, в которой его сопровождал молодой и популярный среди «африканцев» полковник Франсиско Франко. В конце 1924 года в Марокко было сконцентрировано 200 тысяч солдат, которые, действуя совместно с французами, к осени 1926 года разгромили рифские племена. Эта кампания принесла Франко чин генерала — самого молодого в испанской армии (33 года). Таким образом, диктатуре сравнительно быстро удалось умиротворить Марокко. Позор Аннуаля был смыт, а его виновники, естественно, не понесли никакого наказания. Однако диктатор

сознавал, что править, опираясь только на штыки, невозможно.

В апреле 1924 года было объявлено об образовании новой партии «Патриотический союз», куда сгоняли чиновников и всех тех, кто явно зависел от правительства. Союз выдавал себя за надклассовую партию, объединяющую всех честных испанцев и без предпочтений ни слева, ни справа. Но и эта затея натолкнулась на полное равнодушие общественности. Массовой организацией «Патриотический союз» так и не стал.

Весьма оригинальной была экономическая политика Примо де Риверы, которую направлял талантливый экономист Кальво Сотело. Протекционистскими тарифами была ограждена национальная промышленность. Много средств выделялось на развитие инфраструктуры, особенно электроэнергетики и ирригации, железных дорог. Массированное строительство привело, например, к росту производства цемента с 800 тысяч тонн в 1923 году до 1,8 миллиона тонн в 1929 году. В два раза выросла выработка электроэнергии на душу населения. К 1930 году стало активным сальдо внешней торговли. Все эти позитивные изменения сопровождалось ростом государственных расходов, не всегда целевых и эффективных.

К реформе в аграрном секторе диктатура не приступала вовсе.

В декабре 1925 года Примо де Ривера объявил о формировании в стране гражданского правительства, правда, с собою во главе. Начинать пришлось с непопулярных мер: повышения налогов и эмиссии ценных бумаг, призванных покрыть расходы на активную государственную инвестиционную политику. Стало расти недовольство в рабочих центрах. В августе 1926 года в Испании был издан «Кодекс труда», объединивший рабочих и предпринимателей в общенациональные корпорации (пример итальянского фашизма просматривался здесь довольно четко). Создавались смешанные комиссии для разрешения трудовых споров.

Какова же была политика основных политических сил Испании в годы диктатуры?

ВСТ и ИСРП первоначально относились к Примо де Ривере лояльно, а в октябре 1924 года популярный лидер левого крыла социалистов Ларго Кабальеро даже вошел в созданный при диктаторе Государственный совет в качестве официального представителя рабочего класса.

НКТ, находясь в подполье, подвергалась серьезным репрессиям и переживала период идейного разброда. Ее ряды таяли: с 1 миллиона в 1920 году до 250 тысяч в 1923 году.

КПИ также была заперщена и к 1925 году скатилась на

левосектантские позиции, когда к руководству партией пришла группа Хосе Бульехоса.

Консерваторы, либералы и республиканцы в первые годы диктатуры были крайне пассивны.

Ведущую роль в оппозиционной борьбе взяла на себя Каталония, а именно — партия «Каталонское государство», основанная в 1922 году полковником Масиа и загнанная диктатурой в эмиграцию во Францию. В ноябре 1924 года Масиа попытался перейти франко-испанскую границу во главе небольшого отряда, но в результате предательства его силы были без труда обезврежены полицией.

С 1926 года в оппозицию к Примо де Ривере переходит часть армии. Офицеры артиллерии протестовали против введенного диктатором права короля повышать в званиях в зависимости от заслуг, а не от выслуги лет (была сильна боязнь фаворитизма). Произошли вооруженные беспорядки в гарнизонах Мадрида, Сеговии и Памплоны. В ноябре 1926 года опять попытался перейти франко-испанскую границу неутомимый Масиа и опять его отряд был рассеян, а полковник оказался в тюрьме.

В июле 1926 года провалилась попытка военного переворота, которую поддержали НКТ и либералы-монархисты.

11 февраля 1926 года различные республиканские силы Испании объединились в Республиканский альянс, наиболее видными деятелями которого (и одновременно непримиримыми противниками друг друга) были Мануэль Асанья и Алехандро Леррус. Этим людям скоро предстояло сыграть в судьбе своей страны выдающуюся роль, хотя и с разными знаками.

Для расширения своей социальной базы диктатура попыталась созвать в сентябре 1927 года Национальную ассамблею, призванную выработать в течение трех лет «общее и полное законодательство» страны. Но в ассамблею отказались войти ИСРП и ВСТ, республиканцы и многие монархисты. Начались волнения в университетах Испании, где студенты и преподаватели протестовали против королевского указа о привилегиях религиозным университетам.

На 29 января 1929 года был намечен очередной военный переворот, в котором собирались участвовать каталонские националисты, республиканцы, монархисты и НКТ. Но военным удалось взять власть только в небольшом городе Сьюдад-Реаль. Восстание было быстро подавлено подошедшими из Мадрида войсками.

Однако волнения в стране не прекращались. Оживились анархисты, образовавшие в июле 1927 года свою политическую партию — Федерацию

анархистов Иберии (ФАИ). Стали вновь возникать и боевые штурмовые группы партии, которые были неплохо законспирированы. ИСРП тем временем сблизилась с республиканцами.

Примо де Ривера чувствовал, что почва уходит у него из-под ног. «Мы должны готовиться красиво умереть», — говорил диктатор в конце 1929 года своим приближенным. 31 декабря 1929 года генерал представил королю проект декрета о восстановлении конституционных гарантий и создании до 13 сентября 1930 года нового правительства. Король отверг этот проект, давая понять Примо де Ривере, что его время вышло. 26 января диктатор обратился с письмом к высшим военным Испании, в котором содержалась просьба о поддержке. Уже через день стали поступать негативные ответы. 28 января Мигель Примо де Ривера подал в отставку. Диктатура пала также легко, как и была установлена.

В советской историографии режим Примо де Риверы иногда называли фашистским. При этом в качестве доказательства приводили в основном визит короля и генерала в фашистскую Италию в ноябре 1923 года. Там Муссолини церемониальным ударом шпаги произвел Примо де Риверу в лидеры испанского фашизма. Казалось бы, в пользу тезиса о фашистском характере диктатуры говорит и введенная корпоративная система в промышленности.

И все же этого мало. Режим Примо де Риверы был попыткой навести порядок армейскими методами, создать регулируемую экономику. Но никакого свойственного тоталитарным фашистским режимам проникновения государства в общественную и частную жизнь граждан не наблюдалось. Общество и диктатура существовали отдельно друг от друга. Оппозиционные настроения проявлялись довольно открыто.

Основная ошибка Примо де Риверы состояла в том, что он попытался управлять свободомыслящей, имеющей богатые революционные и либеральные традиции страной, как пехотной дивизией. Настоящей диктатор в такой стране, как Испания, должен был быть либо властителем умов, либо жестоким палачом. Примо де Ривера не был ни тем, ни другим, поэтому и оказался в конце своего правления в полнейшей изоляции. Генерал бежал в Париж, где и умер, всеми покинутый, уже в 1930 году.

30 января 1930 года Альфонс XIII поручил сформировать новое правительство генералу Беренгеру. Глава кабинета был личностью весьма посредственной: его министры — тоже. Они вяло попытались демонтировать диктатуру, чтобы спасти короля.

Была распущена Национальная ассамблея, восстановлена конституция 1876 года, амнистированы политзаключенные и возвращены эмигранты.

Чтобы выпустить пар, новое правительство предало гласности факты судебного произвола и экономических афер 1923–1930 годов, хотя на всех решениях того периода стояла виза короля.

Страна оживала. Испанию захлестывали массовые митинги, на которых звучало одно требование — установление республики. Республика сделалась в глазах многих тем, чем была Россия в 1917–1920 годы — волшебным средством, которое в одночасье разрешит все проблемы, даст людям свободу и достаток.

Монархические партии за время диктатуры практически развалились, а многие их лидеры стали выступать за республику! По-настоящему идейные республиканцы, придерживаясь верной тактики, включили бывших сторонников короля в свои ряды, предоставив им видные посты. Мануэль Асанья (1880–1940), утонченный оратор, неплохой писатель, благородный и очень требовательный к себе человек стал настоящей звездой республиканского лагеря, без которого не обходился ни один крупный митинг. Так, обращаясь к своим сторонникам 11 февраля 1930 года, он говорил: «Республика примет в свои объятия всех испанцев, предоставит всем свободу и обеспечит справедливость».

ИСРП и ВСТ находились с республиканцами в прочном союзе, отдавая последним лидерство. Сказывалась боязнь социалистов, не искушенных в управлении государством, брать на себя слишком много ответственности. Сектантская линия коммунистов, пропагандировавших Советскую власть и рабоче-крестьянское правительство, превратила партию в группу из 700–800 человек без серьезного влияния на массы. НКТ вышла из подполья, но по основному вопросу страны — установлению республики — не высказывалась вообще. На щит были подняты сугубо экономические требования. Продолжало леветь национальное движение Каталонии. В марте 1931 года была образована партия «Республиканская левая Каталонии» (ее часто называли Эскерра, т. е. «левая» по-каталонски), ставшая лидером общественного мнения провинции.

К середине 1930 года республиканцы прочно завладели умами всех мыслящих испанцев. Имена их лидеров не сходили со страниц газет и журналов, о них говорили в кафе и на улицах. Настало время сделать из популярности нечто большее — власть.

17 августа 1930 года на фешенебельном курорте Сан-Себастьян собрались ведущие представители республиканцев и социалистов (правда, приехавший от ИСРП Прието настаивал, что присутствует в личном качестве). На этой встрече был создан Революционный комитет, образовавший в октябре 1930 года временное республиканское

правительство во главе с бывшим монархистом Алкала Саморой. Дело оставалось за малым — взять власть, которая, казалось, лежала под ногами. Решили не мудрить и прибегнуть к обычному в испанской истории методу — бескровному военному перевороту, который НКТ и ВСТ в случае чего обещали поддержать забастовкой.

Так как заговорщиками были в основном профессора, юристы и писатели, дата путча постоянно переносилась и была назначена в конце концов на 12 декабря 1930 года. В последний момент решили подождать до 15 декабря, но было уже поздно. 12 декабря восстал военный гарнизон небольшого городка Хака, провозгласивший республику. Но уже 13 декабря восставшие были разбиты, а на следующий день их лидеры — молодые офицеры Фермин Галан и Анхель Гарсиа Фернандес были расстреляны в Мадриде. В самой столице переворот свелся к разбрасыванию листовок военными летчиками во главе с братом генерала Франсиско Франко Рамоном, которому пришлось бежать в Португалию. Революционный комитет был легко арестован (его члены особо и не прятались), а Ларго Кабальеро сам явился с повинной. Прието бежал во Францию: этот привыкший к комфорту, хорошей кухне и тонким винам человек не терпел тюремных камер.

В стране было объявлено осадное положение. Но что же было делать дальше? Король и его окружение понимали, что любой следующий путч просто обречен на успех при мало-мальской серьезной подготовке.

7 февраля 1931 года Альфонс XIII объявил о проведении в марте парламентских выборов. Но все партии отказались в них участвовать, требуя созыва Учредительных кортесов, т. е. парламента, уполномоченного изменить форму правления в стране.

18 февраля Беренгера на посту главы правительства сменил адмирал Аснар, назначивший на 12 апреля муниципальные выборы, в которых согласились принять участие ведущие политические силы Испании.

13 апреля стало известно о победе республиканцев в крупных городах. Толпы народа вышли на улицы с республиканскими флагами (красно-желто-лиловыми, в отличие от красно-желтых монархических) и песней «Гимн Риего». Революционный комитет провозгласил республику и в ультимативной форме потребовал отставки правительства.

Выслушав доводы своих советников (а все они рекомендовали скорейшее отречение), Альфонс XIII вечером 14 апреля покинул Мадрид и на крейсере «Принц Астурии» отбыл из Картахены в Марсель.

Бурбонская монархия пала. Над страной засияло солнце Республики.

Глава 4. «Прекрасная девочка». Республика 1931–1933 годов

Конспираторы времен первой республики 1873–1874 годов называли свой идеал — республику — «Прекрасной девочкой» (La Nina Bonita). Возникшая весной 1931 года вторая испанская республика, казалось, как нельзя лучше соответствовала этому поэтическому определению. Все виделось возможным, люди со дня на день ожидали, что самые смелые социальные утопии станут явью.

Но внимательный наблюдатель мог бы увидеть уже в самом наступлении республики предчувствие гражданской войны. Во-первых, победа республиканцев на муниципальных выборах вовсе не была победой или, по крайней мере, убедительной победой. Всего в муниципальные органы власти было избрано 39248 сторонников республики (в т. ч. 34368 буржуазных республиканцев, 4813 социалистов, 67 коммунистов) и 41224 монархиста. Да, за республикой шли почти все крупные города. Но деревня и многие города в традиционно консервативной местности (Леон, Эстремадура) голосовали за монархистов (Кадис, Бургос, Памплона и др.). Это разделение Испании на левые и правые регионы практически полностью повторилось в годы гражданской войны.

Враги республики были раздавлены морально, но их основные бастионы: армия, церковь, касикизм, помещики и крупный капитал пережили уже не одну революцию. Не складывая оружия, они ждали первых ошибок и разногласий среди победивших революционеров.

В то время, как низложенный Альфонс XIII находился на пути в эмиграцию, было сформировано первое временное правительство республики. Главой кабинета стал бывший монархист и добрый католик Алкала Самора (его имя должно было успокоить боявшуюся социального переворота буржуазию). Властитель умов и «отец республики» Мануэль Асанья стал военным министром, его основной недоброжелатель — лидер радикалов — Алехандро Леррус возглавил МИД (Асанья не хотел, чтобы этот человек имел какое-бы то ни было влияние на внутреннюю политику). Впервые в истории министерские портфели получили социалисты: Ларго Кабальеро стал министром труда, Прието — министром финансов, Фернандо де лос Риос — министром юстиции.

На этом месте хотелось бы исправить одну историческую

несправедливость. В советской историографии не принято было много писать о Мануэле Асанье. Его не ругали, но и превозносить кабинетного политика и буржуазного республиканца, «скованного своим классовым происхождением», было как-то не принято. Между тем в истории любой страны редко встречаются политики, совмещающие блестящий ум, сострадание к своему народу и высокие принципы собственного поведения.

Именно таким человеком был Асанья, без которого нельзя себе представить все важнейшие социальные завоевания второй и последней испанской республики. В августе 1936 года один из главарей путчистов генерал Мола скажет в радиообращении, что Асанью породила не женщина. Это-де своего рода Франкенштейн, мозг которого подлежит изучению. Мола не смог скрыть за бранью невольного уважения к тогдашнему президенту Испанской республики.

Асанья родился в 1880 году на родине Сервантеса в маленьком городке Алкала де Энарес в 30 километрах от Мадрида. Рано лишился матери, что не помешало ему получить отличное образование: он учился и в Париже. Он много писал о литературе Испании и изучал историю французской Третьей республики. Асанья долго находился в тени большой политики и не старался делать карьеру. Во время диктатуры Примо де Риверы он сделал себе имя как блестящий оратор в одном из либерально-республиканских клубов Мадрида. После поражения республиканского восстания в декабре 1930 года Асанья скрылся в доме своего тестя, чтобы заняться любимым делом — писать очередной роман. Волна революции 1931 года вынесла этого известного своими пламенными речами интеллектуала в руководство республики. И тут выяснилось, что профессор не зря прожил в тишине большую часть жизни. В его голове давно сложился четкий, проработанный до деталей, план реформ всех сторон испанской действительности. И еще оказалось, что профессор жестко и энергично проводит свои планы в жизнь, защищая республику от угроз справа и слева. Он, не колеблясь, послал войска на подавление анархистского восстания в Льобрегате в январе 1932 года, но отказался утвердить смертные приговоры его организаторам. «У меня нет желания кого-то расстреливать. Кто-то должен прекратить расстреливать людей справа и слева. И это начнется с меня». Ему неоднократно предлагали установить диктатуру, но он был против чрезмерного закручивания гаек, хотя в отчаянии писал в дневнике, что испанцы ничего не хотят делать без принуждения.

Будучи и премьером, и президентом, Асанья тяготился официальными

церемониями и протокольными мероприятиями. Его оставляла равнодушным коррида и несколько не увлекали модные в то время среди «сливок общества» скачки. Этот человек всецело принадлежал политике, считая ее делом не только увлекательным, но и сугубо нравственным, если только политика эта была в интересах большинства населения.

Асанья тяжело переживал начало гражданской войны, которую он всеми силами хотел предотвратить. Его мечта о стабильной, просвещенной и социальной республике рухнула под ударами мятежников и анархистов. Но до последнего часа неравной борьбы Асанья не предал республику, хотя и утратил веру в ее победу.

Но мы, пожалуй, забежали вперед. Весной 1931 года еще никто не видел на горизонте кровавой зари будущих потрясений.

Республика стремилась придать себе легитимность и на 28 июня 1931 года были назначены выборы в Учредительные кортесы (возрастной ценз был понижен с 25 до 23 лет, а женщины впервые получили право избираться, хотя не избирать). Как и ожидалось, выборы стали триумфом социалистическо-республиканского блока. ИСРП впервые в истории стала крупнейшей парламентской партией, получив 116 мест (из 417). Радикалы Лерруса стали вторыми с 90 мандатами, 56 мест было у радикал-социалистов, 36 — у каталонской Эскерры, 26 — у партии «Республиканское действие». Были представлены и другие более мелкие республиканские группировки. Правая оппозиция имела 44 места, из которых только 1 (!) депутат причислял себя к монархистам. В целом, левые силы получили 263 места, центристы — 110 и правые, как уже упоминалось, 44. И опять, однако, проявились серьезные региональные различия. Республиканцы и социалисты вновь первенствовали в крупных городах, но Наварра и большая часть Кастилии шли за правыми.

В парламенте преобладали писатели, юристы, профессора, но впервые появились рабочие и две женщины. Президентом кортесов был избран правый социалист Хулиан Бестейро. Парламент сразу же взялся за выработку новой конституции, которая была принята после горячих дебатов в декабре 1931 года и сразу стала причиной первого правительственного кризиса.

Наиболее острые разногласия возникли, естественно, по церковному вопросу. Радикалы развернулись вовсю. Церковь была отделена от государства и ей было запрещено заниматься народным образованием. Орден иезуитов подлежал роспуску, остальным не разрешалось заниматься коммерческой деятельностью. Государство оставляло за собой право национализировать имущество монашеских орденов.

Церковь получила сильнейший удар. Конечно, к началу 1930-х годов она уже была не той, что 100 лет назад. Испанцы в массе своей уже не были религиозны и их общение с Богом ограничивалось крестинами, венчанием и отпеванием (правда, среди женщин религиозность все еще держалась крепко). И все же в стране было 60 тысяч церквей, 5 тысяч монастырей, 80 тысяч монахов и монахинь и 35 тысяч священнослужителей. Церкви принадлежало 11 тысяч поместий, банки, газеты и даже кинематографические компании. Но основное влияние, вплоть до установления республики, церковь осуществляла через подконтрольную ей систему образования. Половина испанского населения была неграмотна, а государственных школ было мало. И вот теперь церковь лишалась своего основного оружия.

Справедливости ради надо сказать, что церковники сразу же встретили республику в штыки. 1 мая 1931 года, когда Испания после долгого перерыва праздновала Первомай, глава испанской церкви кардинал Сегура опубликовал обращение к верующим, где сожалел о свергнутой монархии и призывал паству голосовать на выборах за правых. Протест министра юстиции против этого явного вмешательства святых отцов в мирские дела был проигнорирован, но события уже приняли неуправляемый характер. 10 мая на одной из мадридских улиц собрался монархический кружок. Музыка «Королевского гимна», доносившаяся из открытых окон, привлекала внимание прохожих, которые стали громко протестовать. Произошла драка, в ходе которой был ранен республиканец — шофер такси. По Мадриду поползли слухи о монархическом заговоре и по всей стране люди стали жечь церкви и монастыри, особенно принадлежащие иезуитам. Больше других усердствовали анархисты, но вполне вероятно — и платные агенты в реакции. Правительство пыталось защитить церковную недвижимость. Военный министр Асанья вывел на улицы войска, но запретил им стрелять в демонстрантов, заявив, что все монастыри Испании не стоят жизни одного республиканца. Он же изрек и ставшую крылатой фразу, что Испания перестала быть католической. Правительство закрыло ряд консервативных газет, провоцировавших беспорядки. Гражданская гвардия (своего рода жандармерия, созданная в 1844 году для поддержания порядка в сельской местности и особенно ненавистная рабочим и крестьянам) несколько раз по своему обыкновению стреляла в демонстрантов. Хотя ее и не распустили, но создали ей противовес в лице штурмовой гвардии, в которую набирались преданные республике люди.

Итак, первая проба сил показала, что у республики есть запас прочности. Но эксцессы против церкви, как и раньше, безусловно помогли

сплотиться реакции и начать активную клевету против нового строя, якобы неспособного защитить порядок и собственность в стране. И эта пропаганда с каждым месяцем завоевывала все новых сторонников среди средних классов и части забитого и неграмотного крестьянства.

Именно за борьбу против неграмотности (писать и читать не умело 50 % взрослого населения страны) республиканское правительство принялось с первых дней своего существования. Если в 1909–1931 годах государство построило в Испании 11128 школ (т. е. около 500 в год), то только за первый год существования республики в строй было введено 9600 школ. Всего республика намеревалась возвести 27000 школ, прежде всего в сельской местности. На 15 % была повышена заработная плата учителей, что в условиях отсутствия инфляции сделало эту профессию престижной и популярной.

Республика не забыла и о селе и впервые в испанской истории приступила к радикальному решению аграрного вопроса. Уже 29 апреля 1931 года был издан декрет, запрещающий помещику отказывать крестьянину в аренде, если последний исправно платил арендную плату, а за день до этого, 28 апреля, помещиков обязали нанимать батраков в первую очередь из их муниципального округа (эта мера была нацелена на предотвращение использования штрейкбрехеров против своих земляков-арендаторов). 21 мая создается Аграрная техническая комиссия для выработки полномасштабной реформы испанского сельского хозяйства. Временное правительство заявило, что считает аграрную реформу «осью социального, политического и промышленного преобразования Испании». И это воистину было правдой. Пока комиссия выработывала проект реформы, правительство не сидело без дела. 23 сентября 1931 года законом было установлено, что если помещик не обрабатывает свою землю, то муниципалитет вправе сам организовывать обработку этой земли, в т. ч. передать ее батракам. Для сельхозрабочих, так же, как и для промышленного пролетариата был установлен 8-часовой рабочий день.

9 сентября 1932 года кортесы проголосовали за аграрную реформу. Закон касался районов Испании, где преобладали крупные латифундии (Андалусия, Эстремадура, Саламанка и др.). Государство экспроприировало в этих районах земли, превышавшие определенный максимальный уровень (1/6 площади муниципального округа или приносящие доход более 20 % от суммарного дохода с земель округа). Государство обязывалось выкупить земли, частично в денежной форме, частично облигациями госзайма со сроком погашения 50 лет. Земельные владения крупного дворянства и участников путча генерала Санхурхо (о

нем ниже) экспроприировались безвозмездно. Для проведения закона в жизнь создавался Институт аграрной реформы, где, правда, оказалось много реакционеров. До 31 декабря 1934 года среди 12260 крестьянских семей было распределено 117 тысяч гектаров земли, хотя, по подсчетам экономистов, для успешного завершения реформы требовалось передать 6 миллионов гектаров 930 тысячам семей.

Аграрную реформу республики, как и многие другие ее социально-экономические и политические меры, принято называть несовершенной. Но где это совершенство? Республика действовала в обстановке острого противодействия не только со стороны реакции, но и леваков-анархистов. К тому же даже самые хорошие законы должны претворять в жизнь преданные идеалам реформ люди. А таких в испанской деревне среди образованного класса было немного. Не подлежит сомнению, что аграрная реформа страшно напугала господствующие классы, так как выглядела «социалистической»: еще никогда у испанских грандов правительство не изымало собственность.

В целом экономическая политика первых лет республики была довольно консервативной и успешной, учитывая тот факт, что установление республиканского строя совпало по времени с мировым экономическим кризисом. На первом же своем заседании Временное правительство было вынуждено принять меры против утечки капитала из страны. Это было действенное оружие, с помощью которого богатые слои общества хотели показать, кто в доме хозяин. Однако с помощью административных мер (запрет на вывоз из страны крупных сумм наличными, ограничения на снятия средств с текущих счетов и т. д.) упавший в апреле 1931 года курс песеты был стабилизирован уже к середине 1932 года. Министру финансов Прието пришлось, правда, депонировать в Банке Франции 250 миллионов песет золотом для поддержания курса национальной валюты.

Принимались протекционистские меры по защите отечественного промышленного и сельскохозяйственного производства. Так, например, чтобы сделать испанский уголь пригодным для паровозных топок, за границей был закуплен битум, необходимый для брикетирования угля.

1931–1933 годы были неудачными для испанской металлургии, так как на основном рынке сбыта испанской стали (в Великобритании) царил кризис. К тому же, в отличие от времен диктатуры Primo de Rivera, республиканское правительство развивало не железные дороги (они в основном электрифицировались), а автомагистрали. Шло большое государственное строительство ирригационных сооружений и ГЭС (чем-то похожее на «новый курс» Рузвельта). И при этом бюджет республики

оставался сбалансированным, чем также не мог похвастаться Примо де Ривера. В целях экономии средств Прието вел переговоры с Советским Союзом о закупке бензина (вопиющий факт в глазах испанской реакции), так как СССР был готов продавать его на 18 % дешевле англичан и американцев.

Так как почти все забастовки в 1931–1933 годах выигрывали рабочие, их зарплата и жизненный уровень росли (в то время это было невиданным явлением в Западной Европе, пораженной кризисом). На свою дневную зарплату в 16 песет испанский металлург (наиболее высоко оплачиваемая категория рабочих) мог купить три с половиной килограмма говядины или двадцать с лишним килограммов белого хлеба. Правда, рабочие семьи были многодетными, а жены, как правило, не работали. Цены в стране сильно не росли, и стоимость жизни в 1933 году была ниже, чем во времена диктатуры. И все же многомиллионные массы неквалифицированных и сельскохозяйственных рабочих были вынуждены существовать на 2–3 песеты в день.

Несмотря на то, что правительство республики использовало в своей экономической политике приемы, вполне обычные для Западной Европы того времени, крупные помещики и представители финансового капитала все равно ненавидели дорвавшихся до власти либеральных профессоров. Это были «не свои люди», которые слишком сильно заботились о благе черни.

Ненависть реакции вызвала и военная реформа, осуществленная профессором литературы Асаньей. Последний, правда, был корреспондентом во Франции в годы Первой мировой войны, и его острый ум сформировал концепцию преобразований, которая выглядит очень современной и в наши дни. Асанья хотел сделать вооруженные силы более компактными, дешевыми, технически совершенными и аполитичными.

Уже 22 апреля 1931 года появился первый «военный декрет» Асаньи, требовавший от всех офицеров принесения присяги на верность республике, включая обязательство защищать ее с оружием в руках. Если офицер отказывался дать присягу, то он должен был оставить военную службу. В требовании присяги не было ничего необычного, но правая пресса сразу же обрушилась на ненавистного ей Асанью за то, что он лишал-де принципиальных офицеров карьеры и средств к существованию. Но уже 25 апреля военный министр в новом декрете сообщал, что решившим подать в отставку офицерам будет полностью сохранено их жалованье (включая его последующее повышение, как если бы офицер продолжал служить и получать новые знания). Даже многие враги

республики вынуждены были признать эту меру благородной. Противники Асанья заговорили теперь уже о попытке «подкупа» офицеров. Из 26 тысяч офицеров (1 на 9 солдат) испанской армии 1930 года в отставку подала одна треть, из которых, в свою очередь, две трети были полковниками, потерявшими всякую надежду стать генералами. К сожалению, из армии ушло много либерально настроенных офицеров, которым давно претила затхлая, пронизанная предрассудками общественная атмосфера в казармах. Генералы-«африканцы», напротив, остались, а именно они ненавидели республику больше всего.

Асанья сократил численность дивизий испанской армии вдвое (с 16 до 8) и ликвидировал должности военных генерал-капитанов (т. е. генерал-губернаторов) провинций, к которым переходила в случае объявления осадного положения и гражданская власть. Высшей армейской должностью стал дивизионный генерал. Всего новая испанская армия должна была состоять из 80 генералов (вместо прежних 195) 7600 офицеров (в 1930 году майоров и капитанов было больше, чем сержантов) и 105 тысяч солдат в самой Испании и 1700 офицеров и 42 тысяч солдат в Марокко.

3 июля Асанья объявил о пересмотре всех военных назначений, сделанных во времена диктатуры, а 14 июля была закрыта единственная общая для всех родов войск военная академия в Сарагосе. Ее начальником был генерал Франсиско Франко. Слушателям академии генерал запомнился призывами к безусловному патриотизму и борьбой за нравственность и здоровье курсантов, которым было предписано всегда иметь с собой презерватив, чтобы не заразиться венерическими болезнями.

Франко не принял республику внутренне, но будучи очень осторожным человеком, демонстрировал внешнюю лояльность новым властям, которые, впрочем, не обманывались насчет его действительных настроений. Приказ о расформировании академии застал Франко на маневрах в Пиренеях. Он решил, что Асанья мстит ему за блестящую карьеру в Марокко. Хотя на самом деле военный министр считал, что преподавание в академии устарело: там не уделяли никакого внимания современным методам ведения боя, а увлекались шагистикой и воспитанием весьма спорных моральных качеств (офицерам внушали чувство кастовости, превосходства над гражданскими людьми, мессианизма). 14 июля 1931 года в своей прощальной речи перед слушателями академии Франко почти открыто критиковал действия правительства. Но когда Асанья сделал ему замечание, будущий диктатор поспешил оправдаться. 21 августа 1931 года в военном министерстве произошла встреча двух будущих врагов. Франко пришлось еще раз

выслушать выговор за речь в Сарагосе, и он повторно заверил Асанью в своей лояльности, хотя и с улыбкой намекнул военному министру, что знает об установленном за ним полицейским наблюдением (это было правдой). Асанья смутился и распорядился снять слежку, хотя по-прежнему считал Франко врагом республики.

Помимо закрытия академии в Сарагосе Асанья обязал всех офицеров, желавших обучаться в академиях родов войск, пройти перед этим действительную военную службу и прослушать курс лекций по общественным наукам в гражданских университетах. Кроме того, Асанья расширил возможности сержантского состава получать офицерские звания, чтобы создать новое поколение командиров. Наконец, многие вспомогательные посты в армии были переданы гражданским лицам, на которых было распространено трудовое законодательство республики. Ударом для военных была и отмена пресловутого закона о юрисдикциях 1906 года. Наоборот, теперь все дела военных подлежали рассмотрению обычными гражданскими судами, которым придавались специалисты по военным вопросам.

В целом, военная реформа Асаньи не только сэкономила государству 200 миллионов песет, но и представляла собой первый в истории Испании шаг по превращению вооруженных сил в один из институтов гражданского общества. Асанья просчитался, как мы уже говорили, в одном: наиболее решительные и реакционно настроенные офицеры предпочли остаться в рядах армии. Генерал Франко, назначенный командиром пехотной бригады в своей родной Галисии, рекомендовал своим единомышленникам поступать именно так.

С самого момента провозглашения республики в казармах стали задумываться о государственном перевороте. Уже летом 1931 года правительство раскрыло заговор генерала Оргаса, в котором участвовали монархисты. Республика, правда, ограничилась высылкой генерала на Канарские острова.

Год спустя, в августе 1932 года армия сделала уже более серьезную попытку свергнуть правительство. Во главе мятежа стоял 60-летний популярный в войсках генерал Санхурхо. Будучи командующим гражданской гвардией в апреле 1931 года, он фактически отказался поддержать короля, которому не мог простить «сдачу» Примо де Риверы годом раньше. Республиканское правительство перевело Санхурхо на должность командующего корпусом карабинеров (пограничная стража). Летом 1932 года планы мятежа стали приобретать конкретную форму. По традиции планировалось поднять несколько военных гарнизонов (в

Севилье, Мадриде, Гранаде, Кадисе и Вальядолиде) и заставить правительство уйти в отставку. Карлисты (называвшие себя теперь традиционалистами) обещали предоставить в распоряжение мятежников 6 тысяч бойцов своей милиции «рекете». Помощь обещала и фашистская Италия. Санхурхо пытался привлечь к путчу Франко, но тот отказался, намекнув генералу на его собственное поведение в дни крушения монархии. К тому же осторожный Франко считал, что выступление плохо подготовлено. И в этом он оказался прав. Асанья был начеку. К зданию его военного министерства были стянуты части республиканский штурмовой гвардии под командованием начальника военной разведки Менендеса. Штаб заговорщиков находился на соседней улице всего в нескольких метрах от резиденции военного министра.

В ночь на 9-ое августа 1932 года путчисты напали на здание военного министерства, но их не поддержали, как предполагалось, кавалерийские части, 31-й пехотный полк и гражданская гвардия. В результате двухчасового боя мятежники были разгромлены. Было убито 2 офицера и 7 солдат, генералы смогли скрыться.

Утром 10 августа Асанья уже докладывал находящемуся на отдыхе президенту Алкала Саморе о провале мятежа. Но победный рапорт был еще преждевременным. 10 августа под руководством Санхурхо восстал севильский гарнизон. В своем манифесте Санхурхо называл Учредительные кортесы нелегитимными, так как они были избраны в «обстановке террора». Однако генерал был достаточно умен и ничего не говорил о восстановлении монархии, обещая лишь новые свободные выборы парламента, который и определит форму правления. Путчисты арестовали не оказавшего сопротивления гражданского губернатора Севильи и заняли основные стратегические точки города. Затем Санхурхо выехал на расположенный неподалеку от Севильи военный аэродром Таблада с целью побудить летчиков присоединиться к нему, но натолкнулся на отказ солдат и механиков. Когда генерал вернулся в город, он уже видел на улицах листовки КПИ и НКТ, призывавшие рабочих к всеобщей забастовке, которая не замедлила начаться. После этого подчиненные Санхурхо полковник Поланко и подполковник Тассара заявили «вождю», что гарнизон Севильи не готов к дальнейшим действиям против правительства. Санхурхо пытался на автомобиле бежать в Португалию, но был арестован по дороге к границе.

Между тем Севилья уже находилась в руках бастующих, были подожжены клубы помещиков, предпринимателей и торговцев.

Правительство произвело многочисленные аресты и закрыло

несколько правых газет. 17 августа 1932 года Асанья зачитал в Кортесах законопроект о безвозмездной конфискации земель всех участников мятежа и на следующий день за этот закон проголосовало 262 депутата (против — 14).

24 августа суд приговорил Санхурхо к смертной казни. Но правительство, несмотря на протесты рабочих организаций, заменило высшую меру наказания тюремным заключением. Интересно, что мексиканский президент Плутарко Кальес в специальной телеграмме рекомендовал Асанье все же расстрелять Санхурхо, предвещая в противном случае большие беды для республики. Но Асанья остался непреклонен. Профессор литературы был не только решительным, но и гуманным человеком.

Итак, первый раунд в борьбе республики с военщиной остался за «прекрасной девочкой», но путч Санхурхо ясно показал, что новая власть в опасности и должна уметь себя защитить.

Республиканский режим подвергался и атакам слева, в основном со стороны анархистов, которых не устраивала медлительность с осуществлением всеобщей революции и установлением в Испании так называемого «либертарного (т. е. свободного) коммунизма» без власти, денег и эксплуатации.

Между тем социалист и министр труда в 1931–1933 годах Ларго Кабальеро сделал для улучшения положения рабочих действительно много. 1 мая был впервые в истории объявлен праздничным днем и в этот праздник в 1931 году правительство ратифицировало конвенцию Международной организации труда (МОТ) о введении 8-часового рабочего дня в промышленности. На сельскохозяйственных рабочих было распространено законодательство о компенсациях при несчастных случаях. Конституция Испании под давлением социалистов провозгласила страну «республикой трудящихся всех классов». Статья 44 основного закона предусматривала возможность экспроприации собственности «ради социальной пользы за справедливое вознаграждение». 27 ноября 1931 года кортесы приняли специальный закон о смешанных судах (в составе рабочих и предпринимателей), которые должны были определять на предприятиях условия труда, уровень зарплаты, содержание индивидуальных и коллективных договоров. Правда, было запрещено начинать «дикие» забастовки до использования процедуры арбитража.

Вводя эту систему, Кабальеро много заимствовал из корпоративной системы времен Примо де Риверы, приглашая со стороны государства в состав смешанных судов прогрессивных людей, которые обычно

становились в спорах на сторону рабочих. Пытался Кабальеро бороться и с безработицей путем регулирования занятости и организации масштабных общественных работ.

Чрезвычайный конгресс НКТ, проходивший в Мадриде 10–14 июня 1931 года, представлял 800 тысяч человек. Анархисты отвергли выборы в Учредительные кортесы, настаивая на немедленной социальной революции. Через пару месяцев в НКТ стало преобладающим влияние таких экстремистски настроенных деятелей, как Х. Гарсиа Оливер, Ф. Монтсени, Ф. Аскасо. Они всячески поощряли забастовки, число которых в 1931 году достигло 734 (в среднем, по две в день). Впереди шла анархо-синдикалистская Барселона. Введение Кабальеро системы обязательного арбитража было воспринято НКТ как объявление войны, так как изымало у анархистов их основное оружие — тактику прямых спонтанных действий. Анархисты стали попросту бойкотировать арбитраж, стараясь вызвать правительство на репрессивные меры. Последствия такой тактики не заставили себя ждать.

31 декабря 1931 года в местечке Кастильбланко бастующие батраки убили 4 гражданских гвардейцев. В ответ последние (привыкшие стрелять по рабочим в упор и без особых приказов) убили 6 человек во время митинга в Логроньо. Здесь следует отметить, что еще в октябре 1931 года был принят Закон о защите республики, направленный как против монархистов (запрещалось использование монархических эмблем), так и против «подстрекательства к неповиновению закону» (в частности, под это определение попадали «дикие» стачки). После кровавых событий на переломе 1931 и 1932 годов НКТ и КПИ стали настойчиво требовать отмены закона. Им фактически вторили правые, со своей стороны обвиняя правительство в неспособности поддерживать общественный порядок и защищать собственность.

21 января 1932 года НКТ подняла настоящее восстание в Каталонии (долина реки Льобрегат). Часть городов была захвачена анархистами, которые объявили об уничтожении частной собственности, денег и установлении «свободного коммунизма». Армейские части, к которым было вынуждено прибегнуть правительство, быстро подавили восстание. Асанья не стал запрещать НКТ, но выслал видных анархо-синдикалистов в Испанскую Гвинею. Тем не менее, популярность «революционной» НКТ росла, и в 1932 году в ней состоял уже 1 миллион человек.

Следует отметить, что республика первоначально была встречена в штыки и коммунистами как «буржуазная». Руководство КПИ механически повторяло лозунги Коминтерна о Советской власти и рабоче-крестьянском

правительстве. Перелом произошел после IV съезда партии в Севилье в марте 1932 года, когда генеральным секретарем КПИ стал видный рабочий вожак и бывший анархист Хосе Диас. Тогда в партии было около 12 тысяч членов. Летом 1932 года коммунисты образовали и собственный профцентр — Унитарную всеобщую конфедерацию труда (УВКТ), в которую вошли некоторые местные профсоюзы общей численностью 150–200 тысяч человек.

В социалистическом профцентре ВСТ в 1932 году было около 1 миллиона человек и его руководство старалось внушить рабочим умеренность в своих требованиях, призывая не бастовать против собственного министра. Однако, к тому времени настроения в испанском рабочем движении были столь радикальными, что отдельные профсоюзы ВСТ просто не могли не участвовать в стачечном движении, так как в противном случае им грозил переход собственных членов в НКТ или УВКТ.

В январе 1933 года анархисты подняли новое восстание: 8 января была атакована без всякого успеха штаб-квартира полиции в Барселоне. Зачинщиков быстро арестовали. В некоторых деревнях Леванта (восточное побережье Испании с центром в Валенсии) крестьяне все же захватили власть, провозгласив «либертарный коммунизм». В Мадриде дело ограничилось небольшими перестрелками. Но по-настоящему повстанческое движение разгорелось в сельской Андалусии 8-12 января. Одна из деревень провинции Кадис — Касас Бьехас («Старые дома») — также объявила у себя «коммунизм». Гражданская и штурмовая гвардии вошли в деревню и обнаружили, что один старый крестьянин-анархист забаррикадировался в своем доме вместе с родственниками и соседями. Осада продолжалась всю ночь. Затем гвардейцы подожгли дом. Хозяин погиб в огне, а те кто попытался выбраться, были хладнокровно расстреляны из пулеметов. Командир гвардейцев капитан Рохас на этом не успокоился и приказал расстрелять еще одиннадцать крестьян.

Бойня в Касас Бьехос всколыхнула всю страну. Асанья сначала неосмотрительно взял под защиту действие сил правопорядка и его правительству был высказан вотум доверия. Но когда раскрылись все факты, Рохас был арестован и приговорен к 21 году тюрьмы. Раньше в испанской истории еще не бывало такого, чтобы находящееся у власти правительство судило гвардейцев. И все же по престижу республики был нанесен огромный удар. «Прекрасная девочка» заплакала кровавыми слезами. С этого момента правительство Асаньи уже не работало как раньше, а только отбивалось от нападков со всех сторон.

Правда, кризис республиканско-социалистической коалиции начался раньше. Еще в октябре 1931 года бывшие монархисты Алкала Самора и Маура покинули кабинет в знак несогласия с антицерковной статьей конституции. Новое, более однородное правительство республики, состоящее из левых республиканцев и социалистов проработало активно весь 1932 год. После событий в Касас Бьехас Асанье (который стал премьером после ухода Алкала Саморы и сохранил за собой портфель военного министра) предлагали установить диктатуру и объявить осадное положение. Но премьер на это пойти отказался.

23 апреля 1933 года в Испании состоялись частичные муниципальные выборы (переизбирались те муниципальные советники, которые были объявлены победителями в апреле 1931 года ввиду отсутствия конкурентов). Победили кандидаты правых, правительственные партии получили лишь 25 % голосов.

Правительство вновь попыталось завладеть инициативой на проверенном временем антирелигиозном фронте. 17 мая 1933 года был принят закон о религиозных конгрегациях, запрещавший уже с 1 октября 1933 года функционирование всех церковных образовательных учреждений, кроме начальных школ. Все храмы и церкви были объявлены национальным достоянием. В течение года со дня издания закона церковные организации должны были прекратить любую коммерческую деятельность. Была полностью прекращена урезанная ранее выплата государственных субсидий духовенству.

8 июня 1933 года ставший президентом республики Алкала Самора отклонил ряд кадровых перемещений в правительстве Асаньи и вызвал тем самым отставку кабинета. Формирование нового правительства было поручено социалистам (формально имевшим самую большую фракцию в кортесах; на деле Алкала Самора хотел дать почувствовать ИСРП ее полную изоляцию). В конце концов, новым премьером опять стал Асанья, сохранивший партийный состав своего кабинета. Но кризис усиливался. В 1933 году было зафиксировано 1127 стачек. Все чаще забастовки стали сопровождаться перестрелками боевиков анархистов и нарождавшегося фашистского движения (подробнее о нем в следующей главе).

4 сентября 1933 года состоялись выборы в конституционный суд — Трибунал конституционных гарантий. Правительственным партиям досталось 5 мест, правоцентристской оппозиции — 12. Причем в состав высшего суда республики от коллегии адвокатов вошел находившийся в эмиграции ярый монархист и «экономический гений» времен диктатуры Примо де Риверы Кальво Сотело (этот человек впоследствии станет

своеобразным поводом к гражданской войне). Асанья подал в отставку.

Глава 5. «Черное двухлетие» и победа Народного фронта

(1933–1936 годы)

Новый премьер Испании, лидер радикальной партии Алехандро Леррус (1864–1949) был политиком XIX века, и вовсе не в силу своего возраста. Он самостоятельно пробивал себе дорогу в жизни и к началу XX века сделал имя как блестящий оратор, громивший на митингах церковь. Восторженные массы в его родной Каталонии бурно аплодировали призывам Лерруса жечь церкви и делать из монашек матерей. Но уже в то время многие понимали, что Леррус и его радикалы были ручной оппозицией монархии, тесно связанной с правящей элитой коррупционными связями. Когда звезда Альфонса XIII закатилась, Леррус вовремя связал себя с республикой и продолжал привычно бичевать церковь. В то же время его отличало трепетное отношение к армии, капралом в которой он некогда служил. Своим недюжинным политическим чутьем он учуял в армейской верхушке будущих сильных людей Испании. Было известно, что перед попыткой путча Санхурхо консультировался с Леррусом (это было еще одной причиной отказа Франко принять участие в мятеже).

Леррус и Асанья не любили друг друга. Некоторые историки считают, что если бы два этих человека договорились, то возникла бы стабильная центристская республика без ИСРП слева и монархистов справа; словом, Испания избежала бы гражданской войны. Но Асанья не мог заключить союз с партией, которая давно уже была радикальной только по названию, а на самом деле была готова пойти на все, чтобы получить побольше «хлебных мест» в административной системе государства. Неразборчивость в связях Лерруса была в Испании общеизвестной. Асанья был готов временно терпеть радикалов, но политически ему было с ними просто не по пути.

Весь 1932 год Леррус громогласно бичевал «социалистическую революцию», якобы проводимую министрами-социалистами в кабинете Асаньи, особенно досаждая Кабальеро. Вся эта обструкция радикалов базировалась на помощи крупных капиталистов, щедро спонсировавших

партию. Леррус, однако, не хотел верить, что ему отводится лишь второстепенная роль — подготовить приход к власти «настоящих» правых сил и в конце концов вернуть в Испанию короля.

Что же представляли из себя испанские правые (другими словами, силы реванша) после первого двухлетия Апрельской республики? В стане правых сформировались к 1933 году три основных течения: монархисты, католически окрашенные партии и фашисты. Обе последние тенденции были для Испании новым явлением. Былые хозяева страны на протяжении десятилетий — либералы и консерваторы — настолько дискредитировали себя, что не смогли пережить революцию 1931 года. Многие наиболее одиозные монархисты эмигрировали вместе с Альфонсом XIII. Оставшиеся стали группироваться вокруг мадридской газеты «АБЦ». 12 сентября 1931 года Альфонс XIII и карлистский претендент на престол дон Хайме Бурбон подписали соглашение о союзе в борьбе за восстановление монархии, хотя и отмежевались от насильственных действий против республики. Карлисты тем не менее, почти открыто приступили к ускоренному формированию своей многочисленной милиции — «рекете». В ответ на сплочение монархистов учредительные кортесы признали Альфонса XIII виновным в государственной измене, объявили его вне закона и конфисковали имущество свергнутого монарха. Альфонс отреагировал изданием в январе 1932 года совместного манифеста уже с новым карлистским претендентом Альфонсом Карлосом, в котором утверждалось, что кортесы ведут Испанию к хаосу и коммунизму.

В декабре 1931 года в Испании возникла монархическая партия «Испанское действие», на которую пошли средства, собранные «бывшими» на мятеж генерала Оргаса. Звездой партии был находившийся в эмиграции Кальво Сотело. Это был политик новой формации: не кабинетный стратег старого типа, а деятельный борец, не брезговавший в достижении цели никакими методами. Правда, провал путча Санхурхо показал монархистам, что в стране их ненавидят гораздо больше, чем республику. Ведь даже такой реакционный генерал, как Санхурхо, побоялся в своем манифесте прямо призвать к восстановлению монархии.

В январе-феврале 1933 года под руководством другого монархиста нового (воинственного) толка Гойкоэчеа была создана партия «Испанское возрождение», которая уже практически ничем не отличалась от карлистов, так как отвергала парламентскую монархию. Но все же монархисты не имели в Испании никакой массовой поддержки и даже не могли всерьез мечтать о победе на выборах.

Наиболее массовым отрядом испанских правых стали политики-

католики. Раньше у церкви просто не было необходимости в образовании партий для защиты своих интересов: эти интересы охранял весь репрессивный аппарат государства. Деятельность кабинета Асаньи, однако, ясно показала клерикалам, что церковь может навсегда лишиться остатков своего влияния в обществе. Пришлось срочно организовывать свои политические силы.

Сначала католические круги группировались вокруг газеты «Эль Дебате». Поджоги церквей в мае 1931 года сделали борьбу за веру знаменем всей реакции. Молодые щеголи-аристократы, никогда раньше не посещавшие церковь, вдруг стали притворно набожными и обзавелись выставляемыми напоказ нательными крестиками. Уже 29 апреля 1931 года была основана политическая партия католиков — «Национальное действие», формально признававшая существующий в Испании новый режим. Вообще, сильной стороной политического католицизма, определившей его сравнительный успех, была нарочитая неопределенность в вопросе: монархия или республика? Католики пытались представить себя социальной силой, способной на реформы, но без революционных эксцессов и хаоса. Такая линия импонировала многим мелким буржуа и части крестьянства.

Проиграв борьбу за конституцию, католики сразу же поставили целью ее ревизию (в особенности, конечно, тех статей, которые ущемляли права церкви). Но республика, как таковая, не отвергалась. Наоборот, католики даже боролись за избирательные права женщин, прекрасно понимая, что этот наиболее религиозный отряд испанского электората поможет разбить республику ее же методами.

С осени 1931 года политический католицизм получил наконец вполне сравнимого по своим талантам с Асаньей молодого (33 года) вождя — бывшего ректора университета в Саламанке Хосе Мария Хиль Роблеса, который сразу же взял курс на создание массовой правой партии. В октябре 1932 года Хиль Роблес созвал в Мадриде съезд правых организаций, которые представляли более 600 тыс. своих членов. А уже в феврале-марте 1933 года была сформирована правая коалиция — Испанская федерация автономных правых (по испанской аббревиатуре — СЭДА, как ее принято сокращенно именовать в отечественной научной литературе), объединившая уже 800 тысяч человек. СЭДА декларировала легальность и работу в рамках законодательства республики. Эту организацию щедро снабдили средствами крупные воротилы бизнеса и находившиеся в панике за свою собственность латифундисты.

Левые силы сразу же увидели в СЭДА смертельную опасность — ведь

испанские правые впервые создали массовую организацию, которая могла тягаться по влиянию и с ВСТ и НКТ. ИСРП, КПИ и анархисты развернули активную пропаганду против Хиль Роблеса, называя его фашистом. Конечно, он таковым не был, но это был прием политической борьбы в целях мобилизации собственных сторонников. Также поступали и правые, именуя всех левых — от социалистов до анархистов — коммунистами и большевиками.

Как известно, католики не приняли приход Гитлера к власти. Германский национал-социализм казался им светским, революционным движением, уничтожавшим не только марксизм, но и душу нации с ее традициями и историей. Среди сэдовцев были популярны лозунги корпоративного государства, но они скорее были скопированы с Италии (так же в свое время поступил Примо де Ривера), которая считалась «порядочной» страной, а Муссолини — охранителем церкви и монархии. К слову сказать, такие левые политики, как Кабальеро, тоже не отвергали некоторых принципов корпоративной экономики (например, смешанных арбитражных судов). Католики были против нацистского тоталитаризма, так как слишком сильное государство неизбежно увидело бы в церкви своего конкурента в борьбе за душу народа.

Но левые силы Испании стали опасаться СЭДА именно после прихода Гитлера к власти. Нацисты наглядно показали, как легальными демократическими методами можно уничтожить республику. На муниципальных довыборах в апреле 1933 года СЭДА стала сильнейшей партией в деревне. Летом того же года состоялись две тайные встречи Хиль Роблеса с Альфонсом XIII, на которых экс-король одобрил тактику контрреволюционной политики в рамках республики. Хиль Роблес бросил в лицо Асанье во время дебатов в кортесах: «Вы утверждаете, что поступаете сообразно своей революционности, но имейте также в виду, что и мы можем действовать во имя контрреволюционности».

Таким образом, к моменту падения кабинета Асаньи осенью 1933 года СЭДА была основной правой силой страны и целью яростных атак со стороны всех левых партий и профсоюзов, разглядевших волчью шкуру под мягким овечьим обликом профессора Хиль Роблеса.

Теперь настало время рассказать о возникновении испанского фашизма, история которого имеет мало общего с германским и итальянским аналогами.

Прежде всего, по европейским меркам фашизм в Испании возник довольно поздно и не принял массового характера. Идейным основоположником фашистского движения в Испании считается почтовый

служащий и студент Рамиро Ледесма Рамос. В 15 лет он сбежал из родного дома в провинции Самора в Мадрид. Отец Ледесмы был бедным сельским учителем. Сначала Ледесма увлекался немецкой философией, потом этого неуживчивого, не от мира сего человека потянуло в активную политику. Он восторгался Гитлером и Муссолини, равно как и анархистами из НКТ за их склонность к «прямому действию». Подражая анархистам, он решил назвать свое движение национал-синдикализмом и принять черно-красный анархистский флаг. Впрочем, для фашизма во всех странах было характерно заимствование лозунгов, символов и организационных форм рабочего движения (вспомним хотя бы, что гитлеровская партия называлась рабочей и национал-социалистской). В испанских левых Ледесму не устраивал только их интернационализм. Лозунги у отца испанского фашизма были следующие: «Да здравствует новый мир двадцатого столетия!», «Да здравствует фашистская Италия!», «Да здравствует Советская Россия!», «Да здравствует гитлеровская Германия!», «Долой буржуазную парламентскую демократию!». С помощью банкиров из Бильбао Ледесме удалось в марте 1931 года выпустить журнал «Завоевание государства», который, правда, дожил только до октября. Основоположнику фашизма удалось объединить вокруг себя лишь 10 человек, таких же молодых (Ледесме было 25 лет) и не нашедших своего места в жизни.

В июне 1931 года в консервативном городе Вальядолид была образована другая группа примерно такого же направления во главе с адвокатом Онесимо Редондо. Родившийся в крестьянской семье Редондо в 1928 году провел год в Германии, где преподавал испанский язык и увлекся национал-социализмом. В 1930–1931 годах Редондо (более активный и не такой замкнутый и нелюдимый, как Ледесма) организовал в Вальядолиде синдикат рабочих, занятых выращиванием сахарной свеклы. В августе 1931 года он образовал свою группу — «Кастильскую хунту испанского действия».

Ледесма и Редондо быстро узнали друг о друге, но первого раздражал во втором религиозный консерватизм, а Редондо был скептически настроен относительно безудержного радикализма Ледесмы. Однако, в октябре 1931 года подачи баскских банкиров прекратились, и Ледесма объединил свою группу со сторонниками Редондо в организацию с грозным названием «Хунта национал-синдикалистского наступления» (испанская аббревиатура ХОНС, членов группы называли хонсистами).

В то время Ледесма придумал лозунги, ставшие потом знаменем франкистских мятежников: «Воспрянь, Испания!» (сравните со слоганом НСДАП «Германия, проснись!») и «Испания единая, великая, свободная!».

В 1932 году ХОНС, насчитывающая несколько сот членов, практически не была заметна на политической арене Испании. Редондо, правда, принял участие в путче Санхурхо и едва сумел сбежать в Португалию. Ледесма презирал путчистов, как и всех офицеров, за их узкий политический кругозор и реакционность.

Нет сомнения, что ХОНС так и осталась бы вместе со своими лидерами на обочине испанской истории. Но тут у фашизма неожиданно появился настоящий, способный притягивать массы вождь.

Им стал сын генерала-диктатора Примо де Риверы Хосе Антонио, родившийся в 1903 году. Он получил хорошее юридическое образование, знал испанскую литературу и английский язык (его любимым произведением было стихотворение Р.Киплинга «Если»). Это был утонченный эстет, плейбой, так же, как его отец, любивший красивых женщин (хотя сам был холост из-за несчастной любви). В годы диктаторства своего отца Хосе Антонио вел себя скромно, слыл либералом и не занимал никаких правительственных постов. В политику он пошел сначала, чтобы защитить отца и его политику от, как ему казалось, несправедливых нападок. В октябре 1931 года молодой Примо де Ривера выдвигает свою кандидатуру на выборах в кортесы в «красном» Мадриде, что было весьма смелым шагом. Он проиграл, но набрал значительное количество голосов. После неудачи Примо де Ривера стал преуспевающим адвокатом, ушел из политики и даже подумывал об эмиграции в Америку.

К началу 1933 года у Хосе Антонио сформировался план по созданию боевой (по настрою) организации избранного меньшинства, которая бы выступала как против старой монархической системы, так и против «индивидуалистического либерализма», за авторитарное сильное государство всех испанцев. Несомненно, что возврат Хосе Антонио в политику был в немалой степени инспирирован успехом Гитлера в Германии в январе 1933 года. Он серьезно заинтересовался фашизмом: «Фашизм, — писал Хосе Антонио, — это не тактика насилия. Это идея единства».

В первой половине 1933 года финансово-промышленный капитал Испании, уже люто ненавидевший реформы Асаньи, вел поиски лидера правых, способного, в случае необходимости, противопоставить решительности левых не менее жесткие методы. Поначалу баскские банкиры присматривались к Прието, который поддерживал тесные контакты с торгово-промышленными кругами. Однако Прието, несмотря на свою известную гибкость, оказался стойким социалистом и не желал торговать своими убеждениями.

К лету 1933 года Хосе Антонио наладил контакт с финансовыми кругами. Свою партию он сначала хотел назвать «Синдикалистское движение Испании». Но вскоре его группа стала публиковать листовки с аббревиатурой «F.E.» (подразумевалось название «Fascismo Español», т. е. «Испанский фашизм»). Однако после того, как республиканское правительство запретило в марте 1933 года журнал «Эль Фашио», решили не рисковать, но сохранить полюбившуюся аббревиатуру, назвав партию «Испанской фалангой» («Falange Española», т. е. то же самое «F.E.»).

Правительство Асаньи, имея перед глазами печальный опыт Германии, вовсе не намеревалось следить за ростом фашистского движения в стране, сложа руки. 19–22 июля 1933 года были произведены массовые аресты лиц, подозреваемых в принадлежности к фашистским организациям. Хосе Антонио исчез из общественной жизни на несколько дней, а вот Ледесма угодил в тюрьму.

В целом к моменту падения правительства Асаньи осенью 1933 года фашистское движение в Испании находилось в зачаточном состоянии и не имело никакой серьезной поддержки среди населения. Помещики, буржуазия и финансовые воротилы Испании делали главную ставку на традиционные консервативные правые силы.

2 октября 1933 года правительство Лерруса получило вотум недоверия в кортесах. Его преемник на посту премьера, представитель левого крыла радикальной партии Мартинес Баррио стал главой правительства только для того, чтобы назначить на 19 ноября 1933 года парламентские выборы.

12 октября 1933 года был образован единый блок правых сил во главе с СЭДА. Лидером этого блока был Хиль Роблес, только что посетивший Германию, где он участвовал в качестве гостя в съезде НСДАП в Нюрнберге. Основными требованиями правых была ревизия конституции, умеренность в экономических реформах и амнистия всем участникам мятежа Санхурхо.

Левые республиканцы и ИСРП на этот раз шли на выборы отдельно. В целом их кампания разворачивалась под лозунгом защиты завоеваний Апрельской республики, хотя лидер социалистического списка Кабальеро провозглашал «социалистическое наступление». Его речи становились все более и более радикальными. Он требовал противодействия фашизму путем вооруженного восстания и ликвидации капитализма в Испании.

Анархисты вновь проявили свой уже ставший хрестоматийным догматизм и призвали своих сторонников не ходить на выборы. Это очень дорого обошлось левым силам.

Коммунисты, впервые выдвинувшие собственный список, требовали

«Испанию Советов» и «рабоче-крестьянское правительство». Они резко критиковали фашистскую опасность, но не скупались и на жесткие слова в адрес ИСРП.

29 октября 1933 года наконец пришло время и Хосе Антонио Примо де Риверы. Он использовал свой предвыборный митинг для официального образования партии «Испанская фаланга». Более 2000 сторонников слушали нового «каудильо» (т. е. вождя) в мадридском Театре комедии. Примо де Ривера признал в своей речи правомерность появления социалистического движения как реакции простого народа на угнетение и социальную несправедливость. Однако, по его мнению, социализм увлекся материальной стороной жизни и классовой борьбой. Он же хочет объединить всех испанцев на благо родины. Широко стал известен один из пассажей речи Примо де Риверы, в котором он угрожал «диалектикой кулаков и пистолетов» тем, кто «обидит Родину».

Парламентские выборы, в которых впервые в истории приняли участие женщины, закончились победой правых и центристов, вследствие их единства и бойкота НКТ. Правые получили 216 мест (в т. ч. СЭДА — 115; сэдисты стали сильнейшей фракцией кортесов), радикалы Лерруса — 100, ИСРП — 58, левые республиканские партии — 40 (в т. ч. «Республиканское действие» Асаньи — 6 вместо 30 в прежнем парламенте). Коммунисты и фалангисты получили по одному месту (Хосе Антонио Примо де Ривера был избран от Кадиса в своей родной Андалусии).

Благодаря недальновидной политике анархистов, только в Барселоне не пришло на участки 40 % избирателей (в Кадисе — 67 %, что и помогло лидеру фалангистов попасть в кортесы), в Уэльве — 49 %. В целом по Испании остались дома 33 % лиц, имеющих избирательные права.

Но уже 8 декабря 1933 года, в день открытия кортесов анархисты ударились в другую крайность и подняли очередное вооруженное восстание, главным центром которого была столица провинции Арагон Сарагоса. В ходе как всегда бессмысленной борьбы погибло 87 человек (из них 14 со стороны правительства). Анархисты пустили под откос железнодорожный экспресс Барселона-Севилья, убив 19 пассажиров. ИСРП не присоединилась к восстанию, чем заслужила едкие насмешки ликующих правых: мол, сколько было говорено о восстании рабочего класса, так где же оно? В ходе выступления анархистов в некоторых поселках опять был провозглашен «либертарный коммунизм». Снова жгли на площадях кадастровые книги и торжественно декретировали отмену денег и частной собственности. Затем восставшие, не имевшие

представления, что делать с завоеванной властью, расходились по домам. Кровавая испанская карусель, казалось, не остановится никогда.

16 декабря 1933 года Леррус сформировал правительство, включив туда своих радикалов и одного агрария. Прожженный политик не решился пригласить в кабинет СЭДА, опасаясь уже серьезного восстания рабочих. Понимал преждевременность этого шага и лидер сэдистов Хиль Роблес, заявивший о поддержке Лерруса в парламенте.

Однако Леррус не мог начать ликвидацию завоеваний Апреля 1931 года сразу же. В самом возглавляемом им правительстве этому воспротивились некоторые министры. Пришлось в марте 1934 формировать новый кабинет уже без левого крыла радикальной партии.

Реванш начался в апреле 1934 года, когда были отменены основные положения закона о конгрегациях и было восстановлено государственное субсидирование духовенства. 20 апреля кортесы амнистировали не только всех участников путча Санхурхо, но и лиц, находившихся под следствием т. н. Комиссии об ответственности, которая разматывала преступные дела времен военной диктатуры 1923–1930 гг. (в т. ч. так и оставшийся без наказания позор армии под Аннуалем). Даже консервативный президент республики Алкала Самора подписал закон об амнистии, только выразив публичное несогласие с его положениями. Леррусу пришлось пойти на новый правительственный кризис и уйти в отставку, уступив место своему товарищу по партии Самперу, который считался более левым политиком.

Правые начали проявлять нетерпение: они никак не могли добраться до своей главной цели — отмены закона об аграрной реформе. Сэдисты и аграрии использовали для наступления на этот закон с черного хода неожиданный кризис вокруг Каталонии, в которой и после ноября 1933 года находилось у власти республиканско-социалистическое правительство (после смерти в декабре 1933 года легендарного лидера Эскерры полковника Масиа его возглавил левый республиканец Компанис) — Генералидад.

11 апреля 1934 года каталонский парламент принял закон о земельных договорах, дававший арендаторам-крестьянам право на принудительный выкуп земли у помещика. Правые развязали против Каталонии бешеную травлю, обвиняя ее в превышении полномочий, что и подтвердил находившийся под контролем реакции Трибунал конституционных гарантий. Каталонию захлестнула волна антиправительственных демонстраций, поддержанных депутатами левых партий в кортесах.

В сентябре Генералидад и правительство Сампера достигли

компромисса, раскритикованного Хиль Роблесом, который рекомендовал бросить против каталонских мятежников войска.

В целом первый год без социалистов и Асаньи не дал повода для оптимизма всем тем, кто надеялся на скорый социальный реванш. Дух республики был еще настолько силен, что на ее завоевания никто не решался идти в лобовую атаку. СЭДА оказалась под огнем нападков со стороны своих спонсоров из крупного бизнеса и латифундистов, которые начали уделять больше внимания фалангистам. Хиль Роблес казался им слишком мягкотелым.

В феврале 1934 года под давлением финансового капитала ХОНС пошли на объединение с Испанской фалангой, образовав новую партию «Испанская фланга и ХОНС». Ее лидером стал Хосе Антонио Примо де Ривера, который перенял основные лозунги и символику ХОНС (включая красно-черное знамя). В ноябре 1934 года фаланга утвердила свою программу, т. н. «26 пунктов» (программа НСДАП называлась «25 пунктов»). В ней провозглашался курс на национальную революцию, имперскую внешнюю политику, уничтожение «коррупцированных политических партий», вмешательство государства в экономику. Религиозным деятелям не рекомендовалось активно вмешиваться в дела государства. По аналогии с анархистами Хосе Антонио Примо де Ривера стоял за «прямое действие» — «пламенное и воинственное».

Однако сначала фалангистам (их было не более 3 тысяч по всей стране) пришлось защищаться. Боевики левых организаций, особенно Союза социалистической молодежи, приступили к запугиванию, избиению, а подчас и убийствам фашистов. На улицах Мадрида фалангисты боялись продавать свои издания. Примо де Риверу настигла так горячо пропагандируемая им самим «диалектика кулаков и пистолетов». Фаланга стала формировать свои боевые группы, в основном из студентов, которых тренировали уволившиеся по декретам Асаньи армейские офицеры.

10 июня 1934 года фалангисты перешли к активным действиям. В этот день 18-летний член фаланги был убит молодыми социалистами во время пикника в окрестностях Мадрида. Вечером этого же дня боевики фаланги открыли ураганный огонь по автобусу с членами Союза социалистической молодежи, приехавшими в испанскую столицу на экскурсию. Двое были убиты, еще 4 человека ранены. Хосе Антонио в этот вечер наслаждался коктейлем на вечеринке высшего общества. У входа его уже ждали левые боевики, открывшие огонь по автомобилю, похожему на машину Примо де Риверы. Выяснив, что ошиблись, левые не успокоились и через 10 дней обстреляли штаб-квартиру фаланги. Весь июль продолжались перестрелки

«фаланги крови» (так называли себя боевики фашистов) и их противников. Страна начинала привыкать к уличному насилию.

После отстранения ИСРП от власти партия, где первую скрипку стал играть Ларго Кабальеро, быстро радикализировалась. На митингах, собиравших тысячи людей, «испанский Ленин» (так стали называть Кабальеро) открыто призывал к вооруженному восстанию и установлению диктатуры пролетариата. Причем социалисты сами загнали себя в угол, официально объявив, что в случае вхождения «фашистской» СЭДА в правительство начнут всеобщее вооруженное восстание. Был образован подпольный революционный комитет, где главным организатором было Прието. Началась закупка и складирование оружия.

С декабря 1933 года ИСРП заняла более примирительную линию по отношению КПИ и НКТ, призывая членов этих организаций вступать в т. н. «рабочие альянсы». Это был не общеиспанский единый рабочий фронт с центральными органами, а местные организации, контролировавшиеся социалистами. По сути коммунистам и анархистам предлагалось признать лидерство ИСРП в будущей «социалистической революции».

8-9 сентября 1934 года социалисты, коммунисты и анархисты фактически сорвали слет молодежной организации сэдовцев в Кавадонге (Астурия). Рабочие патрули не пускали в город машины, на шоссе были высыпаны стекла и гвозди, блокировано железнодорожное сообщение. Многие члены левых организаций демонстративно показывали имеющееся у них оружие.

Обстановка в стране накалялась с каждым днем. О восстании, которое готовят социалисты, знала, казалось, вся Испания. В сентябре полиция задержала у берегов Астурии судно «Туркеса» с грузом оружия и боеприпасов, которые как раз выгружались на берег. Оружие было обнаружено и в штаб-квартире социалистической партии в Мадриде.

В сентябре компартия приняла решение вступить в «рабочие альянсы» и подключиться к подготовке восстания. Однако в реальности все руководство планирующимся выступлением было в руках ВСТ и ИСРП.

Правые намеренно провоцировали левых на восстание, зная, что оно весьма небрежно подготовлено. И вот, наконец, социалистам был предоставлен желанный повод. 4 октября 1934 года было сформировано правительство Лерруса, в которое вошла СЭДА (ее представители заняли посты министров земледелия, юстиции и труда). Асанья назвал это чудовищным фактом, расценив возложение на сэдистов правительственной ответственности как «передачу республики ее врагам».

Вечером 4 октября ревком ИСРП направил во все отряды рабочей

милиции указания о немедленном начале вооруженного восстания. Но органы власти успели неплохо подготовиться. В Мадриде заблаговременно вызванные войска без особых проблем взяли под контроль основные стратегические пункты столицы. Молодежные организации СЭДА, традиционалистов и фалангистов выполняли функции штрейкбрехеров, пытаясь сорвать объявленную всеобщую забастовку. 4 октября Хосе Антонио Примо де Ривера был объявлен единоличным национальным вождем фаланги. Несмотря на то, что правительство отклонило предложение фалангистов о содействии в вооруженном подавлении восстания, милиция фашистов приняла участие в боях с рабочими отрядами в Овьедо (столица Астурии) и Хихоне. 5 фалангистов были убиты.

Между тем восстание активно развивалось в Астурии и Каталонии. В горняцкой провинции Астурия, известной не только революционными настроениями своего пролетариата, но и многовековыми традициями свободолюбия (именно в Астурии началась в начале VIII века борьба испанцев против арабского завоевания), рабочие отряды быстро захватили городки Мьерес, Сама-де-Лангрео, завязав бои за столицу провинции.

Под влиянием благоприятных известий из Астурии глава каталонского генералидада Компанис заявил о разрыве с центральным правительством, поддержке восстания и превращении Каталонии в государство в составе «Федеральной испанской республики».

Это дало возможность Леррусу объявить, что национальное единство Испании находится в опасности. На всей территории страны вводилось военное положение. Каталонское правительство в ответ объявило забастовку, но отказалось раздать оружие рабочим. 7 октября правительственные войска приступили к артиллерийскому обстрелу здания генералидада. Каталонское правительство сдалось и было помещено в плавучую тюрьму на пароходе «Уругвай». В Каталонии был арестован находившийся там Асанья. 9 октября анархисты передали по радио призыв к прекращению забастовки.

После поражения Каталонии восстание стало затухать и в других местах. 14 октября был арестован Ларго Кабальеро. Правые социалисты во главе с Бестейро вообще откристились от выступления.

Продолжала сражаться лишь Астурия.

Этот регион, почти полностью горными цепями от остальной страны, находился под влиянием политической субкультуры шахтеров. Среди последних главенствовали ИСРП и ВСТ, но астурийские социалисты, будучи столь же дисциплинированными, как и их товарищи в Мадриде и

Валенсии, отличались революционным мессианизмом и видели в себе авангард пролетарской революции в Испании.

Восстание в Астурии было подготовлено гораздо лучше, чем в других регионах страны. В плане выступления были указаны пункты сбора и маршруты колонн повстанцев, и даже улицы, по которым надлежало передвигаться только санитарным машинам. Предусматривалось, что повстанцы займут основные шахтерские городки и скоординировано двинутся с разных сторон на захват столицы Астурии — Овьедо.

В июне-июле 1934 года началось формирование отрядов рабочей милиции, которые собирались для тренировок практически открыто под видом спортивных мероприятий. Не хватало командных кадров, а оружие было роздано на руки только после начала восстания, т. е. боевая учеба милиции носила в основном теоретический характер. Рабочие активно выносили и прятали динамит с завода в городе Манхойа, а винтовки — с фабрики «Ла-Вега» в Овьедо. Всего к началу восстания у милиции было 1700 винтовок, 4000 охотничьих ружей и 90 пулеметов. Плохо было с боеприпасами. Ситуация несколько улучшилась, когда удалось разгрузить часть уже упоминавшегося выше судна «Туркеса» (кстати, оружие было куплено Прието у одного из самых махровых реакционеров и монархистов Испании, контр-адмирала в отставке Рамона Карренса). Хотя пограничная стража и сумела конфисковать основную часть оружия (500 винтовок, 24 пулемета, 1800 гранат), но все же удалось спрятать 98 ящичков со 150 тыс. патронов).

Готовилась и другая сторона. Срочно укреплялись полицейские участки, казармы армии и гражданской гвардии. В Астурию перебрасывались дополнительные части, на крышах и ключевых перекрестках городов устанавливались пулеметы. В конце сентября армия провела маневры в горах Леона, где условия местности походили на астурийские. За 3 дня до восстания была усилена охрана военных заводов.

В 22 часа 30 минут 4 октября 1934 года революционный комитет Астурии получил приказ от центрального революционного комитета начать восстание. Во главе местного комитета стоял известный рабочий вожак — социалист Рамон Гонсалес Пенья, в состав органа входили анархисты, коммунисты и несколько сержантов (в качестве военспецов).

Поначалу дело не заладилось. Не прибыли вовремя к Овьедо шахтерские колонны, а местным рабочим не удалось отключить в городе электричество. Правительственные войска между тем развертывались в боевые порядки и выступали на охрану основных объектов столицы. Ночь с 5 на 6 октября в Овьедо (когда, согласно замыслу, должен был начаться

штурм города) прошла спокойно.

Первым к утру 5 октября перешел под контроль повстанцев городок Мьерес. Затем после упорного боя с жандармами пал Турон. В более мелких населенных пунктах жандармы, как правило, сдавались без сопротивления. С утра 6 октября шахтерские колонны, активно используя динамитные шашки (рабочая молодежь под градом пуль картинно поджигала фитили сигаретами), завязали бои в пригородах Овьедо. Большим успехом повстанцев был захват в городе Трубия 26 артиллерийских орудий, которые уже 7 октября громили правительственные войска на улицах Овьедо. Пролетарские предместья астурийской столицы были взяты уже к 8 часам утра 7 октября. Местное население снабдило шахтеров продовольствием и оказало медицинскую помощь раненым. Весь день шли упорные бои, завершившиеся освобождением повстанцами южной и западной частей города. При этом потери рабочей милиции были относительно невелики.

8-11 октября сражение за Овьедо достигло кульминации. В городе начались пожары. 9 октября был захвачен военный завод, давший милиции 21 тысячу винтовок и 479 пулеметов. Но нехватка боеприпасов становилась катастрофической и войска удержали свои казармы и часть города. Произошло это, главным образом, еще и из-за того, что военные действия повстанцев развивались почти стихийно, без четкого распределения задач и схем маневра между различными отрядами.

На контролируемой восставшими территории Астурии были созданы органы власти — революционные комитеты (от городского уровня до ревкомов отдельных улиц). Как правило, поддерживался нормальный общественный порядок, работали магазины, функционировал транспорт. После подавления восстания реакционная пресса пыталась растиражировать ужасные истории о массовых расстрелах политических противников, грабежах и изнасилованиях монахинь. Свидетельства местных жителей, в т. ч. священнослужителей, говорят об обратном. Было расстреляно всего лишь несколько человек, как правило, гражданских гвардейцев, которые оказывали наиболее активное сопротивление. Для женских монастырей, напротив, даже было организовано снабжение продовольствием.

Еще никогда в истории Испании созданные снизу органы власти не держались так долго. «Либертарный коммунизм» в отдельных населенных пунктах во время анархистских восстаний, как правило, иссякал через день-два и сопровождался грабежами лавок и поджогами церквей. Рабочие Астурии демонстрировали свою решимость установить новую жизнь

всерьез и надолго.

Ревкомы издали декрет об образовании Красной армии, в которую подлежали призыву лица от 17 до 40 лет. Конечно, создать регулярную армию не успели, и основную массу бойцов составляла рабочая молодежь. Наиболее распространенной боевой единицей восставших был отряд из 15–20 человек. Отряды объединялись в колонны (мы еще встретимся с этой типично испанской воинской частью в годы гражданской войны, причем в обеих ее лагерях), насчитывающие от нескольких сот до нескольких тысяч бойцов. Колонны формировались по территориальному принципу, объединяя хорошо знавших друг друга жителей определенного города или местности. Только анархисты попытались создать собственные партийные формирования.

Если командиры отрядов выбирались, то колоннами руководили назначенные ревкома люди. По идее, действия колонн должен был координировать военный штаб при Провинциальном ревкоме, но он плохо справлялся со своими задачами, так как в его составе не было настоящих знатоков военной тактики.

Всего в составе вооруженных формирований повстанцев было 18–20 тысяч человек — число, уникальное для столь небольшой провинции. В истории Испании такого еще не было!

Восставшие попытались наладить производство оружия на захваченных заводах. В Трубии был оборудован бронепоезд, а войскам в Овьедо противостояли броневые автомобили, выезжавшие каждые 8 часов из ворот завода «Дуро Фельгера».

Передвигались повстанцы в основном на автотранспорте (у них было более 400 машин) или по железной дороге, которая функционировала без сбоев. Работал телефон, причем восставшие не догадались перерезать телефонную связь осажденного в Овьедо гарнизона.

Анархисты, как всегда, отменили в некоторых населенных пунктах хождение денег. Но в целом ревкомы для упорядочения системы снабжения, прежде всего продовольствием, вводили особые карточки («валес»), выдаваемые каждому жителю провинции, в зависимости от количества членов его семьи. Торговцы обязаны были отоваривать карточки, что они делали, конечно, неохотно. Восставшие хотели даже приступить к выпуску собственной денежной единицы путем перчеканки старых монет. Некоторые ревкомы перед поражением восстания обменяли торговцам «валес» на наличные деньги. Захваченные в ходе борьбы в астурийских банках 18 млн песет были экспропрированы ИСРП и использовались впоследствии для партийных нужд.

Правительство Лерруса опасалось потерять Астурию, которая могла стать базой для распространения революции по всей Испании. Надо было срочно найти компетентного генерала без особых моральных комплексов для эффективного подавления восстания. Номинальным главой карательных сил стал генерал Очоа, известный своими республиканскими взглядами. Но реальным координатором антиповстанческой борьбы был назначен Франсиско Франко, который расстреливал астурийских рабочих еще в 1917 году.

Франко были выделены помещения в военном министерстве, и он немедленно развил кипучую деятельность, показав хорошие организаторские способности. Прежде всего, Франко решил перебросить в Астурию из Африки надежные части Иностранного легиона и марокканские войска, так как не доверял многим расквартированным в Астурии подразделениям испанской армии. Кроме того, именно Франко настоял на массированном применении против повстанцев авиации и военно-морского флота, что сразу обеспечило правительственным войскам подавляющее огневое превосходство.

10 октября марокканцы стали высаживаться в порту Хихон. Одновременно с разных сторон на мятежную провинцию повели наступление колонны регулярной армии. Пять эскадрилий авиации бомбардировали Овьедо и основные шахтерские городки.

Порт Хихон был атакован, но не взят до конца восставшими, среди которых преобладали анархисты. Когда повстанцы все же начали одолевать и выбили морской десант из города (часть моряков, подтверждая опасения Франко, перешла на сторону восставших), Хихон был подвергнут артиллерийскому обстрелу со стороны сконцентрированной на рейде настоящей эскадры в составе линкора, двух крейсеров и эсминца. 10 октября марокканцы захватили Хихон и двинулись на Овьедо.

На южной границе Астурии колонна правительственных войск численностью 4,5 тысячи человек и поддерживаемая авиацией натолкнулась на упорное сопротивление милиции (1 тысяча бойцов). Шахтеры смело подпускали солдат к заранее подготовленным оборонительным позициям и с разных сторон расстреливали их из пулеметов. Чтобы оправдать свое топтание на месте, командующий военной колонной генерал Боч утверждал, что ему противостоит 10 тысяч человек. 9 октября положение армии на юге Астурии стало критическим. Если бы революционеры перешли от обороны к наступлению, то колонна Боча не избежала бы разгрома. Вместо этого шахтеры вступили с генералом в переговоры о его капитуляции, что было использовано армией

для переброски Бочу массивованных подкреплений. Тем не менее, повстанцы держали фронт до 16 октября, а 18-го, узнав о заключенном перемирии, организованно отошли в горы.

11 октября, когда восставшие еще удерживали инициативу, социалисты неожиданно предложили свернуть восстание, мотивируя это его подавлением в остальной Испании. Провинциальный ревком распался, члены ИСРП из его состава спешно покинули Овьедо на автомобилях. Некоторые из бежавших были пойманы и едва избежали расстрела со стороны возмущенных этим предательством милиционеров. Командиры отрядов в Овьедо создали новый ревком (т. н. Второй), который существовал около суток.

Вечером 12 октября в Овьедо вошла колонна правительственных войск во главе с Очоа, с северо-востока город охватывали марокканцы под командованием близкого друга Франко подполковника Ягуэ. Весь день 13 октября в Овьедо шли ожесточенные бои, в ходе которых повстанцев постепенно оттеснили в предместья.

Второй ревком, возникший почти стихийно, быстро передал свои полномочия т. н. Третьему революционному комитету, главой которого стал очень популярный в Астурии социалист Белармино Томас. Впервые (но уже явно запоздало) было образовано единое командование повстанческими силами, в ряды которых вернулась былая уверенность и стойкость. С 14 по 18 октября восставшие крепко держали оборону, переходя в контратаки, хотя нехватка боеприпасов стала катастрофической. Но и правительственные войска не решались перейти в генеральное наступление, опасаясь масштабных потерь.

18 октября ревком постановил начать с генералом Очоа переговоры о перемирии. Белармино Томас, удобно устроившись в машине и положив пистолет в карман, прибыл к Очоа. Генерал был любезен, предложил сигарету и много говорил о своей приверженности демократии и республике. Стороны договорились, что будут освобождены все взятые восставшими пленные, а армия начнет свое продвижение только через день, в течение которого повстанцы прекратят сопротивление. Генерал торжественно обещал, что никаких репрессий не будет. Особо было оговорено, что марокканцы, известные своей жестокостью, будут идти в арьергарде. Франко потом резко критиковал Очоа, считая промедление с передвижением войск крупнейшей ошибкой. Действительно, за это время повстанцы смогли спрятать большое количество оружия и организовать переход на нелегальное положение для своих вожаков, которым особенно грозили репрессии.

Первоначально Очоа держал слово, и входившие в шахтерские районы войска вели себя дисциплинированно. Но затем началась массовая резня. 18 октября в Овьедо было расстреляно около 300 человек, включая детей 4–5 лет. Солдаты вламывались в квартиры и насиловали женщин. Каратели врывались в больницы, срывали повязки с раненых и выбрасывали несчастных людей в окна. Пытавшийся зафиксировать сцены насилия журналист баскской газеты Сирваль 27 октября был хладнокровно убит офицерами Иностранного легиона.

Беспрерывно заседали военные трибуналы, однако многих арестованных еще до суда просто закалывали в камерах штыками.

Всего во время восстания в Астурии было убито, по официальным данным, 1084 человека (100 человек потеряла гражданская гвардия), ранено — 2091 (в т. ч. 550 военных). Бомбардировками и пожарами было повреждено 1032 здания. Военным трибуналам было передано 7347 человек. По данным левых организаций, в ходе боев и террора погибло 4000 человек со стороны восставших и мирного населения. Всего было репрессировано 60 тыс. астурийцев.

Мы позволили себе столь подробно остановиться на событиях в Астурии в октябре 1934 года потому, что это была, по сути, репетиция будущей гражданской войны. С одной стороны, — рабочая милиция, плохо вооруженная и не имеющая боевого опыта, но преисполненная решимости сражаться. С другой — опытные, имеющие навыки подавления повстанческого движения в Марокко войска, наводящие порядок путем жестокого повального террора руками обманутых и диких марокканцев. Армия задействовала в Астурии все рода войск и различные тактические приемы (даже морские десанты). Повстанцев подвело отсутствие единого командования, что мешало им маневрировать своими в целом значительными людскими ресурсами. В то же время бои показали, что восставшие сильны и устойчивы в обороне, но плохо наступают, особенно, когда на их стороне нет элемента внезапности. Все это мы еще встретим в более крупных масштабах в 1936–1939 годах, и исход будет таким же.

А пока вернемся из Астурии в Мадрид, чтобы посмотреть, какой же вышла Испания из октябрьского кризиса. Почти весь 1935 год основные политические силы страны боролись вокруг последствий астурийской эпопеи. Главным вопросом был спор относительно того, какому наказанию следует подвергнуть участников революции. Конечно, правые хотели примерно наказать рабочие организации и предлагали не скупиться со смертными приговорами. Однако, помиловав только что Санхурхо и его соучастников, правительство не могло просто и с легким сердцем

расстреливать мятежников другой политической ориентации. Тем более, что общественное мнение явно склонялось в их пользу.

Тем не менее, на первых порах подавление восстания было использовано для начала давно назревавшего, по мнению реакции, социального реванша за 1931 год. Были закрыты левые газеты и штаб-квартиры ИСРП, КПИ и НКТ, запрещены все демонстрации.

Но уже 5 ноября правительство было вынуждено помиловать главу каталонской полиции Э.Перес Ферраса, заменив ему смертный приговор 30-летним лишением свободы. Министры-сэдисты были недовольны такой мягкостью, но затем Хиль Роблес решил, что не стоит ссориться с радикалами по мелочам, а необходимо, наконец, отменить основные реформы Апрельской республики пока левые еще не оправились от поражения. Но последствия восстания властно диктовали кабинету министров повестку дня. 28 декабря 1934 года Асанья, признанный судом невиновным, вышел из тюрьмы.

15 февраля 1935 года трибунал в Овьедо вынес 20 смертных приговоров участникам революции в Астурии, в том числе и вождю повстанцев Гонсалесу Пенья, который был арестован 3 декабря 1934 года при попытке бежать в Америку. 29 марта 1935 года правительство под давлением общественного мнения помиловало осужденных, также получивших вместо пули 30 лет тюрьмы. СЭДА, которую крайне правые стали уже просто высмеивать за кротость по отношению к ненавистной республике, в знак протеста ушла из правительства.

Новый кабинет Леррус смог сформировать только в мае 1935 года, но в нем сэдисты имели уже больше министров (5), чем радикалы (3). Хиль Роблес получил портфель военного министра. Ну что же, хотя и с опозданием в полгода, правые наконец-то чувствовали себя как никогда близко к истинному реваншу. Но в начале июня 1935 года им опять пришлось проглотить горькую пилюлю: на процессе против членов мятежного каталонского правительства никто из обвиняемых не получил смертного приговора. Левые партии стали возвращаться на арену, проводя массовые митинги. 27 мая в Валенсии Асанью пришло послушать 80 тыс. человек. 2 июня массовые митинги в Мадриде провели коммунисты, с гордостью принявшие на себя ответственность за восстание в Астурии.

Здесь, правда, правительству опять помогли анархисты. Организованная ими серия терактов дала желанную возможность вновь объявить военное положение, пусть только пока в Каталонии (действовало там до 27 сентября 1935 года).

В ноябре-декабре 1934 года СЭДА и аграрии внесли в кортесы ряд

законопроектов в аграрной сфере. Они не удовлетворили ни левых, ни правых. Настроения в республике были таковы, что сэдистам пришлось декларировать право арендаторов на выкуп помещичьей земли, что подрывало саму основу монопольного положения латифундистов. Напрасно СЭДА пыталась убедить крупных землевладельцев, что если арендаторы станут собственниками, то они уже будут потеряны для революции. Узколобые испанские гранды не желали никаких экспериментов, они просто хотели вернуть себе поместья.

Наконец, 11 августа 1935 года кортесы приняли закон о «реформе аграрной реформы». Но и здесь правые не рискнули заходить слишком далеко. Единственное, чего добились дворяне-латифундисты, так это возможности получить выкуп за экспроприированную у них землю. Прекращалась инвентаризация всей земельной собственности. Левые партии заявили, что в случае прихода к власти отменят закон. Постоянно отражая удары слева и справа, сэдисты поневоле умерили свой контрреволюционный пыл.

И тут на помощь правым пришел президент республики Алкала Самора, мечтавший убрать из конституции ее социальную и антирелигиозную направленность (как мы помним, Алкала Самора покинул осенью 1931 года пост главы правительства именно из-за несогласия с проектом конституции). К июню 1935 года по просьбе президента кабинет подготовил закон об изменении конституции, однако правые решили его отложить, надеясь на более благоприятные для себя итоги следующих парламентских выборов, намеченных на 1937 год. Итак, целый год был, как казалось, потрачен вроде бы победившими правыми партиями впустую. Но это только на первый взгляд. Хиль Роблес на посту военного министра провел серию назначений, во многом предопределивших успех мятежа в июле 1936 года.

В армии не переставали плестись сети различных заговоров. Генералы Фанхуль и Годед обсуждали с СЭДА план военного переворота в связи с отменой смертных приговоров революционерам. Хиль Роблес обещал поддержку своей партии. А вот герой Астурии Франко сдерживал своих коллег, говоря, что время еще не пришло. Хиль Роблес ценил Франко, который был награжден за бойню в Астурии Большим крестом за военные заслуги и назначен командующим войсками в Марокко (там располагались наиболее боеспособные и реакционно настроенные части испанской армии). Сам Франко, правда, хотел стать верховным комиссаром в Марокко, то есть прибавить к военной и гражданскую власть. Но против этого возражал президент республики, который, как и Асанья, не

обманывался насчет истинного лица обходительного и осторожного генерала.

Уже 14 мая 1935 года Франко вернулся в Мадрид, где принял от благоволившего ему Хиль Роблеса пост начальника генштаба. Другие «африканцы» тоже получили повышение. Фанхуль стал заместителем военного министра, Годед — главкомом авиации, а Мола сменил Франко в Марокко.

В генштабе Франко приступил к отмене военной реформы Асаньи. Многих республикански настроенных офицеров уволили в запас «за нежелательную идеологию». Мола и Франко подготовили на основе астурийского опыта детальный план использования «африканских» войск в Испании. Новый начальник генштаба приступил к техническому перевооружению армии, намереваясь закупить оружие в Германии. Все перестановки в командовании вооруженных сил в то время мало интересовали широкие массы, хотя многие политики левых били тревогу.

В октябре 1935 года главу правительства Лерруса наконец настигла его собственная неразборчивость в связях, если они касались денег. Всплыл скандал о незаконном открытии за взятки игорного дома в курортном Сан-Себастьяне. Следственная комиссия кортесов выявила причастность к афере приемного сына Лерруса. Последнему пришлось подать в отставку. 25 октября правительство возглавил независимый республиканец Чаппаприета, а Леррус стал министром иностранных дел. Но Испания уже не могла видеть этого политикана у власти. И 29 октября Чаппаприета сформировал кабинет уже без Лерруса. В новом правительстве посредственностей Хиль Роблес, оставшийся военным министром, чувствовал себя самым сильным человеком. У него созрела идея наконец самому стать премьером. 9 декабря СЭДА свалила кабинет Чаппаприеты, однако президент республики не доверил Хиль Роблесу самый влиятельный пост в исполнительной власти. При личной встрече Алкала Самора предложил лидеру СЭДА проведение досрочных парламентских выборов, так как центристы и правые неспособны сформировать устойчивую власть.

Хиль Роблес понял, что переиграл, и решил пойти на военный переворот. Его планы поддержали генералы Фанхуль и Варела. В последний момент лидер СЭДА испугался народного сопротивления и дал задний ход. Решили спросить мнение Франко. Пока армейская верхушка совещалась, стоит ли осуществлять план Хиль Роблеса без него самого, Алкала Самора приказал окружить военное министерство частями гражданской гвардии. И опять Франко отговорил своих коллег, полагая, что

армия не готова взять власть.

Был назначен временный кабинет премьера Портелы Вальядареса без СЭДА. Когда Хиль Роблес прощался с Франко, покидая военное министерство, на глазах генерала были слезы. Президент объявил кортесы распущенными и назначил на 16 февраля 1936 года досрочные выборы.

Таким образом, правые и центристы бездарно потратили 1935 год. Их ряды раскалывались, а радикалы просто потихоньку умирали, как партия.

А в каком же состоянии встречали 1936 год левые силы? Руководство ИСРП было выведено из активной политической жизни. Ларго Кабальеро сидел в тюрьме, а Индалесио Прието был вывезен друзьями в багажнике автомобиля во Францию, где находился почти год (осенью 1935 года Прието тайно вернулся в Испанию, но не участвовал в общественной жизни вплоть до амнистии в феврале 1936 года). Тысячи социалистов были арестованы. Но совместная с коммунистами борьба в Астурии и активная помощь КПИ в защите политзаключенных способствовали преодолению многолетнего недоверия между двумя рабочими партиями. Росли и симпатии по отношению к СССР, приютившему у себя после астурийского восстания многих революционеров. Коммунисты предложили ИСРП публично разделить с ней ответственность за октябрьское вооруженное восстание. В декабре 1934 года был образован Национальный комитет связи между КПИ и ИСРП.

В ноябре 1934 года лидер коммунистов Хосе Диас впервые выступил с идеей народного блока, который должен был стать не только избирательным объединением левых, но и прочной основой будущего правительства. 2 июня 1935 года на митинге в мадридском кинотеатре «Монументаль» Диас выдвинул четыре основных пункта программы союза левых сил: безвозмездная конфискация земель крупных помещиков и церкви с передачей их бесплатно крестьянам и сельхозработникам; право на самоопределение для Страны басков, Каталонии и Галисии; улучшение условий жизни и труда рабочих; амнистия для политзаключенных. Под этими требованиями могли подписаться все левые силы страны. К КПИ стали доброжелательно относиться ранее не воспринимавшие партию за ее левацкие лозунги («Власть Советам!») республиканцы.

В июле-августе 1935 года VII конгресс Коминтерна в Москве выработал тактику Народного фронта, т. е. союза коммунистов не только с социал-демократами, но и прогрессивной мелкой буржуазией в целях противодействия фашизму и укрепления демократии. Лозунги немедленной социалистической революции были сняты с повестки дня. Конгресс Коминтерна, вступление СССР в Лигу наций в ноябре 1934 года, а также

советско-французский договор о взаимной помощи от мая 1935 года окончательно сняли все предубеждения левых республиканцев против сотрудничества с компартией. Их лидер Асанья стал главной мишенью нападков со стороны правых, что привело только к невиданному росту его популярности. 20 октября 1935 года Асанью в Мадриде слушало на митинге 200 тысяч собравшихся. Лидер республиканцев настойчиво и убедительно доказывал необходимость максимально широкого союза левых сил.

В ноябре 1935 года была достигнута договоренность о вхождении коммунистического профсоюза УВКТ в состав социалистического ВСТ. Начались переговоры об объединении молодежных организаций обеих партий.

Между тем 25 ноября открылся судебный процесс над Ларго Кабальеро. Лидер социалистов отрицал свое участие в подготовке вооруженного восстания, а радикальные речи объяснил предвыборной лихорадкой («надо было воспламенить сердца рабочих»). Сидевшие в тюрьмах горняки Астурии с удивлением и горечью слушали оправдания председателя Центрального революционного комитета. Тем не менее все левые партии приняли активное участие в митингах с требованием освобождения Ларго Кабальеро. И суд не посмел пойти против общественного мнения страны: 30 ноября лидер ИСРП был оправдан и вышел из тюрьмы.

В ноябре 1935 года Асанья официально обратился к ИСРП с предложением восстановить республиканско-социалистический предвыборный блок. ИСРП согласилась при условии подключения к союзу КПИ. 15 января 1936 года республиканцы, ИСРП, КПИ, ВСТ, Союз социалистической молодежи, отколовшаяся от НКТ Синдикалистская партия и троцкистская Рабочая партия марксистского объединения (испанская аббревиатура ПОУМ) подписали пакт о создании избирательного блока — Народного фронта.

Его программа была весьма умеренной и предусматривала продолжение реформ Апрельской республики 1931–1933 годов, широкую амнистию политзаключенных, интенсификацию аграрных преобразований, защиту национальной промышленности протекционистскими тарифами.

Предложение ИСРП о национализации земли и совместная инициатива коммунистов и социалистов о национализации банков не вошли в предвыборную программу, как слишком радикальные.

Выборы 16 февраля 1936 года воспринимались всей страной как судьбоносные, определяющие стратегический вектор развития страны.

Однако и на этом перекрестке национальной истории анархисты не изменили своей догматической тактике бойкота выборов. Другое дело, что многие рядовые члены НКТ, убедившиеся, к чему привела эта политика на выборах 1933 года, на этот раз уже не собирались отсиживаться дома.

Во многом необходимость образования крупных избирательных блоков определялась особенностями испанского законодательства. Избранным в каждом округе считался кандидат, получивший относительное большинство, но не менее 40 % голосов пришедших на избирательные участки. В противном случае назначался второй тур, в котором уже не участвовали кандидаты, набравшие в первом туре менее 8 % голосов.

Необходимость объединения сил прекрасно понимали и правые. Лидер СЭДА Хиль Роблес был вполне уверен, что союз с центристами, как и в 1933 году, приведет консервативные силы к победе. Находившийся справа от СЭДА Национальный блок под руководством Кальво Сотело и Гойкоэчеа критиковал сэдистов за мягкотелость, формировал свои вооруженные отряды (около 1 тыс. человек), но в принципе тоже был готов попытаться у избирательных урн. Фалангистов по-прежнему не принимали всерьез столпы испанской реакции: армия, церковь, крупные латифундисты и финансово-промышленные олигархи.

Зимой 1934–1935 годов Хосе Антонио Примо де Ривера вошел в контакт с Испанским военным союзом (ИВС). Это была созданная в 1933 году нелегальная организация действующих и отставных военных, недовольных реформами Асаньи и республикой в целом. В ИВС состояли, главным образом, майоры и полковники, генералов вплоть до конца 1935 года практически не было, но затем вступили Санхурхо, Фанхуль, Мола и Оргас. ИВС образовал военную хунту, которая должна была придти к власти путем классического переворота. Фаланга предлагала совместные действия. По замыслу Примо де Риверы вооруженные фалангисты должны были сконцентрироваться в районе испанско-португальской границы и начать марш на Мадрид одновременно с мятежом армейских частей.

Интересно, что с таким же планом носились карлисты. Лидер милиции традиционалистов Фал Конде имел под ружьем 40 тыс. боевиков «рекете» и активно приобретал оружие за границей. Так, например, на деньги Муссолини в Бельгии было закуплено 6 тыс. винтовок, 150 тяжелых и 300 легких пулеметов, 10 тыс. ручных гранат и 5 млн единиц боеприпасов. Правда, бельгийские власти задержали груз, но пулеметы все же прибыли в Испанию. Закупалось оружие и напрямую в известной фирме «Маузер». Но в конце концов ИВС не пошел на предложение фаланги, вызвав

несогласие с предложенным Примо де Риверой составом будущего правительства (пост министра обороны в нем предназначался Франко, внутренних дел — Моле).

Правым и центристам удалось согласовать единых кандидатов практически во всех избирательных округах. Фаланга сначала хотела присоединиться к этому блоку, но выяснилось, что ее там особо никто не ждет. Пришлось идти на выборы самостоятельно, что практически исключало всякие шансы на успех.

Такой интенсивной избирательной кампании, как в январе-феврале 1936 года, Испания не знала ни до, ни после. Только в воскресенье, 9 февраля, в стране состоялось 1048 предвыборных мероприятий. На 473 места в кортесах претендовало только 977 кандидатов, что свидетельствовало о максимально возможной поляризации сил. Интересно, что в своих выступлениях Ларго Кабальеро опять вернулся к борьбе с капитализмом. Он подчеркивал, что программа Народного фронта — не «наша программа», а только средство для завоевания власти. Потом-де рабочее движение порвет с буржуазными республиканцами и семимильными шагами пойдет к социализму. Напротив, коммунисты и республиканцы видели в Народном фронте прочную и долговременную политическую коалицию.

16 февраля 1936 года в Мадриде, не переставая, лил дождь. Но в столице, как и повсюду по стране, перед избирательными участками выстроились большие очереди. Люди понимали, что выбирают не просто конкретных людей, а судьбы Испании. К вечеру в МВД стали поступать сведения о победе в большинстве округов правых кандидатов. Премьер Портела, успокоившись, отправился отдыхать. Но затем радио стало передавать сообщения совсем другого характера. В Народном доме в Мадриде (штаб-квартира ИСРП) люди не могли больше сдерживать своих эмоций. Народный фронт уверенно лидировал в гонке, а к полуночи его победа уже не вызывала сомнений.

В 4 утра 17 февраля Хиль Роблес разбудил премьера и предложил ему немедленно объявить по всей Испании военное положение. Безуспешно. С рассветом к Портеле нагрянул Хосе Антонио Примо де Ривера, который просил выдать фаланге оружие для «самозащиты». Этой тревожной ночью раздался телефонный звонок в кабинете командующего гражданской гвардией генерала Посаса. На проводе был Франко, намекавший на предстоящие массовые беспорядки, которые бы надо встретить во всеоружии. Но Посас счел опасения Франко преувеличенными. Последний, однако, не унимался и пытался убедить военного министра генерала

Молеро объявить Испаниию на осадном положении. Тот сказал, что этот шаг находится исключительно в компетенции главы правительства.

17 февраля всю страну захлестнули многотысячные демонстрации ликующих левых, требовавших немедленного освобождения всех политзаключенных. Многие аристократы стали собирать чемоданы и готовиться к эмиграции. В 4 вечера Франко встретился с Портелой и вновь настаивал на объявлении военного положения. Премьер возражал, говоря, что это приведет к революции. В конце концов, он пообещал настойчивому генералу «посоветоваться с подушкой» (т. е. «утро вечера мудренее»). На самом деле Портела проконсультировался с президентом республики, который твердо решил находиться в рамках существующего законодательства.

Но правые не унимались. Кальво Сотело, словно предчувствуя свою скорую смерть, давил на Портелу и требовал военного переворота во главе с Франко и при поддержке гражданской гвардии. «Сеньор Портела, — почти грозил Кальво Сотело, — Вы можете войти в историю либо как достойный и героический человек, спасший Испанию в один из ее самых тяжелых моментов, либо как предатель, на которого падет вина в совершении одного из самых гнусных преступлений». Но Портела повторял, что противостоять воле народа штыками равносильно самоубийству.

А воля народа была красноречивой. Народный фронт получил 286 мест (в т. ч. ИСРП — 99, Левая республиканская партия Асаньи — 87), каталонская Эскерра — 36, коммунисты — 18, остальные места пришлось на левореспубликанские группировки и независимых левых). Правые смогли провести в кортесы 132 депутата (в т. ч. СЭДА — 88). Центристы, прежде всего радикалы были просто разгромлены — 42 места (в т. ч. 4 места у бывшей правящей партии Лерруса!).

Хиль Роблес никак не мог понять, почему правый блок проиграл, увеличив по сравнению с 1933 годом количество поданных за него голосов (до 4 млн). Но левые просто увеличили свои голоса в гораздо большей пропорции (с 3,2 млн в 1933 до 4,8 млн). Народный фронт победил во всех городах с количеством жителей более 150 тысяч, а также в Андалусии, Каталонии и Леванте. Много говорили о том, что победу левого блока обеспечило более активное, чем раньше, голосование сторонников НКТ. На самом деле явка избирателей в тех местах, где были сильны анархисты, возросла не очень значительно (в Барселоне, например, на выборы не пришел 31 % электората по сравнению с 40 % в 1933 году). Но в целом, по некоторым подсчетам, около 300 тысяч сторонников «либертарного

коммунизма» все же поддержали Народный фронт (в НКТ насчитывалось в то время около 700 тыс. членов). Правые пострадали и от того, что многие консервативно настроенные избиратели разочаровались в СЭДА и остались дома.

Как бы то ни было, победили левые и после 16 февраля 1936 года Испанию ожидало новое будущее, манящее и пугающее одновременно.

Глава 6. Затишье перед бурей. Подготовка военного мятежа

(февраль — июль 1936 года)

После победы Народного фронта премьер Портела, всегда чувствовавший себя временным человеком на этом месте, стремился по-быстрее избавиться от ставшей бременем власти и передать ее победителям. Было ясно, что левые сделают премьером Асанью. Последний пока отказывался от предложений Портелы, ожидая, когда на свое первое заседание соберутся кортесы. Но медлить было уже нельзя. Страна стояла на пороге хаоса, и поэтому Асанья согласился 19 февраля сформировать кабинет. В него вошли только республиканцы. В ИСРП к тому времени возобладала ультраревOLUTIONционная линия Ларго Кабальеро, который испытывал личную обиду на республиканцев за развал совместной коалиции осенью 1933 года. К тому же Ларго Кабальеро надеялся, что без участия рабочих партий республиканский кабинет быстро рухнет под тяжестью свалившихся на него задач и сам вручит единоличную власть ИСРП.

Одной из первых мер нового левореспубликанского правительства было объявление 21 февраля амнистии для политических заключенных. Народ на руках выносил героев октябрьского восстания из тюрем. В Каталонии было восстановлено автономное правительство во главе с Луисом Компанисом, распущенное после событий осени 1934 года. 1 марта был обнародован декрет, обязывающий предпринимателей восстановить на работе всех рабочих, уволенных по политическим мотивам. Этот декрет приветствовала гигантская демонстрация сторонников Народного фронта в Мадриде.

Асанья действовал с присущей ему решимостью и в других областях. 23 февраля была приостановлена выплата арендной платы за земли, подлежащие конфискации в соответствии с законом об аграрной реформе 1932 года. Крестьяне поняли данный им сигнал и не стали ждать формальных решений. В провинциях Толедо, Саламанка, Мадрид, Севилья и других арендаторы и сельхозработники оккупировали латифундии начиная с марта, и сразу приступали к обработке земель. Самозахватами руководили

профсоюзы. 25 марта путем единовременной, хорошо спланированной акции 80 тыс. крестьян в провинциях Бадахос и Касерес захватили поместья крупных землевладельцев. Все акты самозахвата скрупулезно сообщались правительству с просьбой об их легализации.

Министерство сельского хозяйства выслало на места специалистов для регистрации новых владельцев. Всего с февраля по июнь 1936 года 72 тысячи крестьянских семей стали собственниками 232 тыс. га земли. Крупные латифундисты требовали от армии и вооруженных отрядов правых сил немедленно свергнуть правительство. Но Асанья выслал наиболее реакционных генералов подальше от Мадрида. Франко было назначен командующим армейскими частями на Канарских островах, а генерал Годед занял тот же пост на Балеарских.

Одновременно Асанья просил находившегося в зените славы Ларго Кабальеро прекратить победные манифестации радикально настроенных рабочих, которые уже привели во многих местах к стычкам с гражданской гвардией и традиционным поджогам церквей. Со своей стороны правые делали все возможное, чтобы создать на улицах испанских городов обстановку гражданской войны и затем призвать армию «восстановить правопорядок». 10 марта было совершено покушение на выходящего из своего дома вице-президента кортесов от ИСРП Хименеса де Асуа. Арестованные террористы признались в связях с фалангой. Через несколько дней был обстрелян дом Ларго Кабальеро. «Испанская фаланга» была объявлена вне закона 18 марта, а ее лидер Примо де Ривера был арестован (интересно, что сразу же после победы Народного фронта он строжайше запретил партии проводить враждебные акты по отношению к новому правительству и проявлять солидарность с проигравшими правыми).

В рядах правых шла острая критика Хиль Роблеса, которого явно намеревались сделать «козлом отпущения» за поражение на выборах. Лидер СЭДА объяснял успех своих противников распространенным среди населения чувством солидарности с политзаключенными (ему вторил Хосе Антонио Примо де Ривера, прямо заявивший Портеле, что победил дух октября 1934 года), голосованием части анархистов и усталостью многих консервативно настроенных избирателей. Кальво Сотело со своим крайне правым Национальным блоком требовал «срочной координации контрреволюционных сил для... защиты общественного порядка».

Конспиративная деятельность военных началась сразу же после прихода к власти Асаньи. Тревожным звонком для верхушки армии стал арест 10 марта генерала Очоа, которого обвиняли в расстрелах без суда и

следствия взятых в плен астурийских повстанцев. Было ясно, что одним Очоа дело не ограничится.

Постоянно шли тайные совещания генералов испанской армии, в которых, как правило, принимали участие Франко, Варела, Оргас, Вильегас, Фанхуль и Мола. В принципиальном плане без разногласий было решено поднять восстание и захватить власть, чтобы «восстановить порядок внутри и международный престиж Испании». По предложению Франко путчисты постановили не поддерживать ту или иную партию и не связывать себя конкретными обещаниями определенной формы правления (т. е. монархией или республикой). На этот раз переворот готовился основательно. Согласовывались пароли, конспиративные квартиры и порядок связи. Одновременно Франко не замедлил лично явиться в министерство внутренних дел и заверил, что все слухи о его участии в заговоре являются ложными и он держится «далеко от политики», посвящая себя исключительно военной службе. Во время прощальной беседы с Асаньей перед отбытием на Канары Франко пытался убедить премьера в опасности грозящего стране коммунизма. В ответ последовал более чем ясный намек, что республика не боится ни коммунистической революции, ни военных мятежей. Генерал попробовал в том же ключе поговорить с Алкала Саморой, но результат был не лучшим.

В конце марта 1936 года были получены сведения о визите жившего в Португалии Санхурхо в Берлин, где он просил помощи для организации переворота. Правительство отреагировало отправкой генерала Мола в Памплону (столица Наварры), где он принял пост командующего 12-й пехотной бригадой. Это, правда, не отвлекло Мола от участия в заговорах. В апреле генералы сформировали первый состав будущего военного правительства страны, в которое входили Франко, Мола, Годед, Варела, Оргас, Саликет. На 20 апреля было назначено выступление военных (странное совпадение — это был день рождения Гитлера), но оно не состоялось: генералы все еще колебались и чувствовали себя не вполне готовыми. И все же о надвигавшемся путче говорила вся страна. Посол США в Мадриде Бауэрс (человек либеральных взглядов, сочувствовавший республике) сообщал о своей беседе с герцогом Фернаном Нуньесом, который прямо говорил, что восстание военных подготовлено и начнется с быстрого захвата столицы.

Между тем депутаты собравшихся 3 апреля кортесов стали свидетелями странной сцены. Прието предложил отправить в отставку президента республики за то, что тот неправильно распустил парламент в 1935 году (хотя именно левые требовали в то время досрочных

парламентских выборов). Но все понимали, что эпоха консервативного Алкала Саморы ушла в прошлое, и 7 апреля он был отправлен в отставку.

Приближалась 5-я годовщина республики, которую страна встречала в обстановке растущего террора на улицах своих городов. Фалангисты отвечали на запрет своей партии пистолетами и бомбами, одну из которых получил по почте известный испанский философ и мыслитель Хосе Ортега-и-Гассет. Во время военного парада 14 апреля группа фашистов взорвала петарды рядом с трибуной правительства. В последовавшей затем перестрелке был убит младший лейтенант гражданской гвардии. В Гвадалахаре правые попытались полностью сорвать парад.

На следующий день вновь заседали кортесы. Асанья обрисовал текущий момент как «грандиозный исторический феномен — приход к власти тех социальных классов, которые раньше были от этой власти отстранены». Он призвал покончить с насилием («испанцы должны прекратить стрелять друг в друга»). Премьер жестко предупредил, что если республике будет навязана гражданская война, то власть «спокойно и серьезно» примет вызов. Хиль Роблес и Кальво Сотело повторили свои обвинения правительству, которое-де устроило в стране хаос и ведет «преследование» правых в угоду «Советам» и коммунистам. Лидер последних Хосе Диас, напротив, возложил всю ответственность за нестабильность в стране на правых, которые пытаются втянуть армию в политику. Генеральный секретарь ЦК КПИ отметил, что его партия не против армии как таковой, она лишь хочет создать демократические, проникнутые республиканским духом вооруженные силы. Хосе Диас предупредил о готовящемся перевороте и зачитал депутатам послание, подготовленное Испанским военным союзом в марте 1936 года. В нем, в частности, от правительства требовалось уважение прав офицеров, разоружение всех боевых формирований политических партий, освобождение из тюрем всех военных, «участвовавших в акциях по восстановлению порядка» (имелось в виду дело Очоа). ИВС настаивал, чтобы все требования были удовлетворены в течение 24 часов с момента их предъявления военному министру. Военный переворот просто стучался в двери государства. Нарастания напряженности могли не замечать лишь те, кто не хотел этого.

Между тем продолжалась уличная война. 16 апреля состоялись похороны погибшего 14 апреля офицера гражданской гвардии. Фалангисты превратили их в политическую демонстрацию с фашистскими приветствиями (они не отличались от НСДАП — поднятая вверх правая рука). Работавшие неподалеку каменщики ответили криками «Да

здравствует республика» и знаками Народного фронта (поднятый сжатый кулак). Этого хватило, чтобы завязалась перестрелка, перекинувшаяся на другие районы Мадрида. Дело кончилось тем, что штурмовая гвардия стреляла по антифашистским манифестантам, трое из которых заплатили жизнью за свое гражданское мужество. Этот эпизод наглядно показывает, насколько накалена была ситуация в Испании тревожной весной 1936 года. А ведь таких эпизодов было множество.

На следующий день НКТ объявила 24-часовую всеобщую забастовку, к которой под давлением рядовых членов присоединился ВСТ. На этот раз обошлось без эксцессов. Рабочие демонстрировали железную дисциплину и самообладание.

1 мая на улицы Мадрида, выглядевшие особенно нарядно под приветливым солнцем, вышли под красными флагами более 500 тысяч жителей столицы. И здесь демонстранты соблюдали полный порядок. Это никак не вписывалось в картину социального хаоса, которую правые начали активно изображать через газеты за рубежом: мировое общественное мнение должно было быть готово к акции по восстановлению порядка в Испании.

8 мая был убит капитан инженерных войск Карлос Фараудо. Этот офицер левых взглядов был одним из лидеров Республиканского антифашистского военного союза (РАВС), созданного офицерами в основном младшего и среднего звена в качестве противовеса ИВС. Наиболее известными в РАВС были генерал Нуньес де Прадо, полковник Хосе Торрадо (талантливый офицер генштаба) и майор Перес Фаррас, руководивший защитой каталонского генералидада в октябре 1934 года. В РАВС входило особенно много офицеров штурмовой гвардии и генерального штаба. Весь Мадрид знал, что ИВС составил черный список членов РАВС, подлежащих физическому уничтожению. И первым в этом списке был капитан Фараудо. Его убийство потрясло общественность. Одновременно в столице стали распространяться слухи, что священники раздают верующим отравленные сладости. Возмущенные группы мадридцев стали жечь церкви. Но члены комсомола и социалистического союза молодежи по призыву правительства встали на охрану церквей и предотвратили дальнейшие погромы.

В такой обстановке 10 мая 1936 года президентом республики был избран Мануэль Асанья. Главу государства выбирала специальная Ассамблея, состоявшая из депутатов кортесов и такого же числа представителей провинций. Лидер республиканцев получил 754 голоса (за него голосовали не только члены партий Народного фронта, но и многие

центристы). Леррус, Ларго Кабальеро и Хосе Антонио Примо де Ривера набрали по одному голосу. СЭДА опустила в урны незаполненные бюллетени.

Асанья (как этого и ожидала вся страна) поручил формирование правительства другому «сильному» человеку Народного фронта — социалисту Индалесио Прието. Но тот был вынужден отказаться, так как был связан решением ИСРП не входить в кабинет министров. Это была фатальная ошибка, во многом предопределившая успех мятежа в июле 1936 года. Ибо у Народного фронта на тот момент не было кроме Асаньи и Прието вождей, способных решительно и энергично вести Испанию через надвигающуюся бурю. В результате премьером стал слабовольный и серьезно больной туберкулезом республиканец Касарес Кирога, главным достоинством которого была дружба с Асаньей. Таким же слабым, как и премьер, был и остальной персональный состав кабинета.

Почему же ИСРП не пустила Прието на ключевой пост в стране? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть внутреннюю обстановку в крупнейшей партии Народного фронта, которая сложилась после победы левых на выборах в феврале 1936 года.

Дело в том, что весной того же года единая соцпартия существовала только на бумаге. Внутри ИСРП развернулась ожесточенная борьба между левым течением во главе с «испанским Лениным» Ларго Кабальеро и центристами, знаменем которых был Индалесио Прието. Весной 1936 года казалось, что социалисты в большинстве идут за «ультрареволюционным» Кабальеро. Его поддерживали организации ИСРП в 26 провинциях (Прието мог рассчитывать только на 9), социалистический союз молодежи, ВСТ, большая часть парламентской фракции. Опорой кабальеристов был Мадрид и батрацкая Андалусия. В общем, сторонники Кабальеро были сильны в тех районах страны, где анархисты с их левой фразой также пользовались большим влиянием. К весне левое крыло ИСРП фактически оформилось в самостоятельную организацию.

В чем же состояла линия Кабальеро? Она была сформирована в проекте программы ИСРП, разработанном мадридской организацией партии 17 марта 1936 года. Социалисты ориентировались на завоевание власти любыми средствами, установление диктатуры пролетариата в форме диктатуры ИСРП, предоставление народам Испании и Марокко права на самоопределение вплоть до отделения. Сильной стороной Кабальеро и его сторонников было требование объединения ИСРП и КПИ (правда, Кабальеро подразумевал, что коммунисты должны просто вступить в соцпартию). Но уже в апреле Ларго Кабальеро как-то прекратил

пропагандировать единство рабочего движения, так как в этом месяце КПИ обошла ИСРП по количеству членов (к началу мятежа коммунистов было 110 тысяч, а социалистов — 59 тысяч) и стала крупнейшей партией Испании. Соответственно ключевые позиции в единой партии вряд ли уже оказались бы в руках ИСРП.

Кабальеристы привлекали массы призывами к спонтанным действиям (и в этом они уже смыкались с анархистами), критикой «буржуазного» правительства Народного фронта. «Социализм сегодня!» — кричали на митингах агитаторы левого крыла ИСРП.

Центристов Прието поддерживал Север Испании (включая Астурию), шахтеры, железнодорожники и руководящие центральные органы партии. Прието настраивал своих сторонников на поэтапное движение к социализму через необходимый и длительный этап буржуазно-демократических преобразований. Поэтому центристы поддерживали правительства Асаньи и Кироги. Проницательный Прието понимал опасность фашистского переворота. Как и коммунисты, он говорил, что основная дилемма текущего момента не «социализм или республика», а «демократия или фашизм».

1 мая 1936 года, выступая на предвыборном митинге в Куэнке (там проводились довыборы в кортесы), Прието произнес одну из своих самых сильных речей, всколыхнувшую левых Испании. Он прямо назвал по имени вождя будущего реакционного переворота. «Генерал Франко в силу своей молодости, дарований и, располагая сетью друзей в армии, может возглавить (мятеж) с наибольшей степенью вероятности». Прието, в отличие от Кабальеро, призывал рабочих быть умеренными в своих требованиях и не прибегать к стачкам против «своего» правительства по каждому поводу. Прието справедливо упрекал Кабальеро в том, что его поддержка объединения КПИ и ИСРП носит конъюнктурный характер и призвана расколоть Народный фронт (Ларго Кабальеро действительно хотел противопоставить Народному рабочий фронт, хотя тем самым сужалась база революции).

Трагедия Прието весной 1936 года состояла в том, что широкие массы хотели немедленной революции и не желали слушать призывов к умеренности. Хотя Прието выступал рука об руку с легендарным лидером астурийского восстания Гонсалесом Пенья, его несколько раз чуть не побили на митингах своей же партии. С большим трудом приетистам удалось сорвать намеченный на лето 1936 года съезд ИСРП и добиться его перенесения на октябрь. Бесспорно, что раскол в соцпартии имел своей хотя и не главной причиной открытую личную неприязнь между Прието и

Ларго Кабальеро. Трудно найти других двух людей, столь разных по образу жизни и биографии.

Каменщик Ларго Кабальеро начал работать с 8 лет, а читать научился только в 24 года. За его плечами было 45 лет партийного стажа, большую часть из которых он был освобожденным работником ВСТ. Рабочие уважали его как «своего», как человека, три раза сидевшего в тюрьме за свои убеждения. В то же время Ларго Кабальеро был теоретически весьма слабо подкован, его взгляды были поверхностными и часто он бросался из одной крайности в другую. Предоставим слово для оценки Ларго Кабальеро самому Прието: «Дурак, который хочет слыть мудрецом, холодный бюрократ, играющий безумного фанатика, дезорганизатор и путаник, который притворяется методическим бюрократом, человек, способный погубить всех и вся». Правильность этой характеристики вся Испания увидела уже кровавой осенью 1936 года. Но пока «испанский Ленин» еще владел сердцами рвущихся в социализм рабочих.

Прието начинал свою трудовую жизнь как разносчик газет в Бильбао, но быстро выбился в люди благодаря своему журналистскому таланту и стал владельцем газеты «Эль Либерал». Он скоро привык к комфортной жизни, хотя не сменил своих социалистических убеждений. Когда Прието упрекали в чревоугодии и чрезмерном пристрастии к прекрасному полу, он говорил, что его грудь (т. е. сердце) принадлежит социализму, а все, что ниже — только ему лично. Лидер центристов обладал острым умом и тактической гибкостью. Он вовсе не был против объединения с КПИ, но считал, что в конкретной атмосфере уличной гражданской войны весны 1936 года это может только оттолкнуть от Народного фронта часть мелкой буржуазии и лиц свободных профессий.

Раскол ИСРП поставил возмужавшую после февраля 1936 года компартию перед непростой дилеммой. Эмоционально коммунисты были с Кабальеро, который пропагандировал единство рабочего класса и не жалел хвалебных слов в адрес СССР и Коминтерна. Но в то же время лидеры КПИ Хосе Диас и Долорес Ибаррури понимали, что Прието прав по существу и необходимо бороться не против союзников-республиканцев, а против фашизма, тень которого все явственнее накрывала Испанию. Коммунистам приходилось лавировать, чтобы не обидеть ни приетистов, ни кабальеристов. Но КПИ была еще слишком слаба (за ней шло только 10–15 % всех рабочих), чтобы возглавить левые силы. Уходили драгоценные часы и дни, а деятели рабочего движения Испании с удовольствием выясняли отношения друг с другом и не скупились на резкие слова в адрес своего же правительства Народного фронта.

А что же анархисты? Весной 1936 года в НКТ было 550 тысяч членов. 1 мая эта организация проводила в столице Арагона Сарагосе свой очередной съезд. Была подтверждена невозможность союза с любой политической партией (более щедрый подарок для реакции трудно себе представить), хотя под давлением первичных организаций все же не отрицались тактические соглашения с ВСТ по организации совместных забастовок. В качестве первоначальных требований анархисты выдвинули 36-часовую рабочую неделю (!), безвозмездную экспроприацию всех земель свыше 50 га и, естественно, последующее установление «либертарного коммунизма» на уровне муниципалитетов. Много дебатировали о кинематографе и сексуальном раскрепощении. Да, казалось, что анархисты никогда ничему не научатся. Но пьянящий воздух победы 1936 года толкал в лоно НКТ многих рабочих, для которых коммунизм, казалось, уже наступил. Ряды анархистов стали расти даже в цитадели ВСТ — Мадриде. И уже скоро НКТ показала в столице, на что она способна. Совместно с ВСТ была организована забастовка строителей, длившаяся для Испании непривычно долго — 45 суток. Хотя правительство удовлетворило почти все требования бастующих, НКТ не прекращала стачку, обогащая ее проведение новыми методами. Рабочим предлагалось брать в магазинах продукты и обедать в ресторанах, а денег за это не платить. Вот таким простым в представлении анархистов был «либертарный коммунизм». А когда члены ВСТ стали все же возвращаться на работу, боевики НКТ дошли до того, что начали стрелять по своим коллегам. Между тем, на дворе был уже июнь 1936 года.

В целом надо сказать, что с февраля по июль 1936 года Испанию просто захлестнула волна стачек (95 % которых было выиграно рабочими). Большинство требований носило экономический характер, но зачастую было просто нереальными. Боевики НКТ и представители левого крыла ИСРП по-своему воспользовались декретом правительства о восстановлении на работе уволенных за политические убеждения рабочих. Предпринимателей под угрозой расправы заставляли брать на работу функционеров профсоюзов или боевых групп, никогда раньше не работавших на данном предприятии. Кроме того, «предлагали» выплатить зарплату за период не существовавшего увольнения.

Справедливости ради надо сказать, что испанский бизнес, особенно крупный, и так встретил победу Народного фронта в штыки. Из страны началось бегство капиталов (гораздо более масштабное, чем в 1931 году), многие предприятия сокращали производство без всяких причин и выбрасывали рабочих на улицу. Крупные землевладельцы были готовы

загубить зерновые на корню, но не дать арендаторам убрать урожай. Не будет преувеличением сказать, что против левого правительства была развязана самая настоящая экономическая война.

Но вернемся к кабинету Кироги, который 19 мая 1936 года представил кортесам свою программу. Да, премьер признал опасность фашистского переворота и заявил, что «правительство будет воевать с фашизмом». К сожалению, как показало дальнейшее развитие событий, дальше слов дело не пошло. А вот реакция уже чувствовала, что грядет час реванша и старалась его всячески приблизить. Так, страна была потрясена событиями в Йесте (провинция Альбасете). Крестьяне проникли там на территорию одного из поместий и стали спиливать деревья. Подоспевшая гражданская гвардия арестовала несколько человек, но безоружные крестьяне атаковали гвардейцев и убили одного из них. После этого на крестьян началась настоящая охота: было убито 17 человек и еще большее количество получили ранения.

А заговор военных тем временем приобретал уже законченные формы. Душой переворота был переведенный правительством Народного фронта в Памплону генерал Эмилио Мола. Трудно сказать, почему его направили именно в цитадель карлизма — Наварру — единственное место в Испании, где у реакции была массовая поддержка населения. Мола был последним директором Службы безопасности при монархии и одним из тех генералов, кто советовал королю отречься от престола. С тех пор монархисты относились к нему, как и к Санхурхо, весьма настороженно. В начале 1932 года Мола хотели отправить в отставку, но перевесили несомненная военная компетенция генерала и его былые заслуги в марокканской войне.

Прибыв в Памплону, Мола быстро наладил связи с другими генералами-заговорщиками, карлистами, фалангистами и монархистами. С последними (как и с Санхурхо) контакт поддерживался через Валентина Галарсу. Полковник Ягуэ (палач Астурии) отвечал за связь с фалангистами и генералом Франко, которого Ягуэ считал своим кумиром. Издатель газеты «Эль Диарио де Наварра» Раймундо Гарсия был связником между Молой и традиционалистами (карлистами). Шеф полиции Мадрида Сантьяго Мартин Багенас информировал Мола об обстановке внутри правительства и в «республиканском» генеральном штабе. После отставки Алкала Саморы к заговору присоединился личный друг бывшего президента генерал Кейпо де Льяно. Вообще-то он считался республиканцем, хотя на деле оказался болтуном: рассказывал о заговоре всем, кто хотел его слушать. Как ни странно, именно этот человек обеспечил успех мятежа на юге Испании.

Члены Испанского военного союза настаивали, чтобы армия осуществила переворот самостоятельно, без поддержки каких бы то ни было партий или гражданских лиц. Члены ИВС были еще в плену старых представлений о пронунсиаменто XIX века: надо лишь поднять пару гарнизонов, и правительство в Мадриде падет само. Но Мола и Франко, будучи, бесспорно, умными людьми, понимали, что в Испании 1936 года переворот должен быть всеохватывающим, стремительным и жестоким. К тому же военным нужны были деньги. Если часть армии пойдет за Народным фронтом, то понадобится оружие, чтобы снабдить им вновь мобилизованных и добровольцев правых организаций. Одним из спонсоров мятежа стал известный в Испании олигарх Хуан Марч, предоставивший в распоряжение заговорщиков 15 млн фунтов стерлингов (или 545 млн песет). В своем роде Марч был талантливым самородком, хотя вряд ли была в Испании и личность более одиозная, чем он. Сын крестьянина с Балеарских островов, он с детства промышлял контрабандой табака и создал впоследствии целый флот контрабандных судов. Марч неплохо нажился на поставках для испанской армии, воюющей в Марокко, но особенно он озолотился в годы Первой мировой войны, когда снабжал топливом немецкие подлодки. Для этого человека деньги действительно не пахли. Например, он направлял предварительно застрахованное судно с товарами во Францию и доводил эту информацию до немцев, которые топили корабль. Таким образом Марч получал и деньги за товар, и страховку за кровь несчастных моряков. К концу войны бывший контрабандист стал миллионером и занялся политикой. Здесь его тоже отличала «принципиальность»: он издавал и монархические, и республиканские газеты. Какая разница, на каких убеждениях зарабатывать! После установления диктатуры Primo de Rivera Марч на всякий случай бежал во Францию, но потом «дружески» помог средствами личной газете диктатора — и не только вернулся в Испанию, но и получил в 1927 году монополию на ввоз табака. Республика отобрала эту монополию и посадила Марча в тюрьму, откуда он сбежал с помощью подкупленной охраны. Теперь его политическая линия наконец-то обрела принципиальность: за упущенные доходы он готов был мстить левым всеми средствами.

Теперь деньги у путчистов были (естественно, помимо Марча у них нашлись и другие спонсоры из числа крупных землевладельцев и олигархов). Не было другого: уверенности в успехе. Отвечавшие за Мадрид генералы Вильегас и Фанхуль прямо сомневались в успехе захвата столицы. Брат Мола слал пессимистические письма из Каталонии. До

середины июня колебался и сам Мола, так как понял, что если переворот не победит сразу, то страну ждет кровопролитная гражданская война. К тому же никак не клеились переговоры с карлистами. Последние требовали, чтобы их милиция сохраняла отдельное командование и действовала самостоятельно. К тому же они настаивали на сугубо монархических лозунгах восстания.

Не просто шли и переговоры с фалангой. К моменту запрета в ней насчитывалось около 25 тыс. членов, многие из которых прошли военную подготовку. Весной 1936 года, несмотря на аресты лидеров и многих функционеров среднего звена, фалангисты вдруг стали необычайно популярны среди высших слоев общества. Все те, кто хотел показать свою враждебность Народному фронту, с гордостью и вызовом называли себя фалангистами. Светские дамы щеголяли в вечерних платьях с эмблемой фаланги. Хосе Антонио Примо де Ривера сидел в тюрьме, но режим его содержания был настолько либеральным, что он через посещавших его сторонников без всякого труда руководил своей партией. Примо де Риверу раздирали сомнения относительно дальнейшего курса. Он никак не мог простить правым, что те не поддержали его кандидатуру на выборах в феврале 1936 года (Хосе Антонио набрал в Кадисе лишь 6965 голосов, а все кандидаты фаланги вместе взятые — 40 тысяч). Вождь фашизма решил сделать ход конем. Через сторонника центристской группы ИСРП Хуана Негрина (будущий премьер республики) он сделал предложение слить фалангу с социалистами в единую партию, лидером которой мог бы стать Прието. Но последний даже не стал вступать в какие-либо переговоры. Проект «национальной левой партии» с треском провалился.

Только после этого 29 мая 1936 года Хосе Антонио начал переговоры с Молой. Лидер фалангистов реагировал тем самым не только на продолжающиеся аресты членов своей партии, но и на заявления Касареса Кироги 6 и 14 мая, в которых фаланга объявлялась основным противником правительства Народного фронта (в какой-то мере это была стрельба из пушек по воробьям, так как фаланга продолжала оставаться небольшой и лишенной серьезного влияния партией). С момента своего основания фалангисты потеряли в уличных боях 70 человек и многие члены призывали к мщению. Но Хосе Антонио еще надеялся легально выйти из тюрьмы. Случай для этого представился во время уже упоминавшихся выше довыборов в Куэнке. Фалангисты просили правых предоставить для их «томящегося в застенках» вождя такое место в списке, которое бы гарантировало попадание в кортесы и, соответственно, иммунитет. Но тут неожиданно у Примо де Риверы появился конкурент в лице генерала

Франко. Хитрый галисиец стал бояться, что заговор Молой постигнет та же участь, что и мятеж Санхурхо, с той лишь разницей, что амнистии путчистам уже не будет. Поэтому генерал решил обезопасить себя местом в парламенте. Такой ход вызвал негодование в рядах заговорщиков, и Франко после долгих уговоров снял свою кандидатуру. Если бы он этого не сделал, то фаланга опубликовала бы уже подготовленное заявление с осуждением трусости генерала. Правда, не попал в парламент и Хосе Антонио. Правительство объявило выборы в Куэнке (первый их тур был ранее аннулирован) продолжением первого тура. А это означало, что баллотироваться могут только кандидаты, набравшие 16 февраля в этом округе не менее 8 % голосов. Примо де Ривера, как мы помним, вообще баллотировался совсем в другом городе.

Толчок же к переговорам с Молой дало осуждение вождя фашистов 28 мая 1936 года за незаконное владение оружием (в его доме были найдены два заряженных пистолета). Хосе Антонио разбушевался прямо в зале суда. Он кричал, что оружие подброшено властями, кидался чернильницей в судебного клерка и порвал мантию адвоката. Это не помогло, и 5 июня 1936 года правительство перевело лидера фалангистов в тюрьму города Альбасете, так как получило сообщения, что фашисты готовят освобождение Примо де Риверы.

Надо было что-то делать, так как партия разваливалась из-за продолжающихся арестов. Многие вожди провинциальных организаций на свой страх и риск вступили в переговоры с путчистами самого разного толка. Сначала попробовали столкнуться с карлистами, тем более, что оба течения объединяла стойкая неприязнь к любому парламенту и решимость к насильственным действиям. Лидер карлистской милиции Фал Конде предлагал Примо де Ривере паритетное представительство в будущей хунте. Так фалангистов еще никто не обхаживал. Однако фаланга и карлисты, даже объединив свои усилия, не могли надеяться на захват власти.

И осознание этой горькой истины вынудило Хосе Антонио вступить в контакт с Молой 29 мая. Несколько недель оба обменивались посланиями, причем Примо де Ривера опять пытался навязать армейской верхушке определенную политическую программу. Но как и в 1934 году, генералы ничем не хотели связывать себе руки. Потерявший терпение Примо де Ривера разослал 24 июня 1936 года циркулярное указание всем организациям фаланги, в которых прямо критиковал планы военных путчистов. Эти планы, по мнению вождя фалангистов, содержали в себе главную ошибку: военные полагали, что все беды Испании проистекают от

некоторой неурегулированности внутривластных отношений и стоит только взять власть сильным правительству, как все проблемы страны исчезнут сами собой. Поэтому, если фаланга примет участие в путче, подчеркивал Хосе Антонио, она исчезнет с политической сцены даже в случае его успеха, так как военные будут сотрудничать с прежними, полностью дискредитировавшими себя реакционными классами.

Но уже 29 июня Примо де Ривера издает прямо противоположные инструкции, согласно которым вожди провинциальных организаций должны сотрудничать с военными при сохранении своей самостоятельности. В случае особой необходимости не более одной трети фалангистской милиции каждого региона допускалось передавать под командование путчистов. От армии должно было быть получено твердое обещание передать власть гражданским лицам не позднее, чем через 3 дня после победы восстания.

Такой резкий поворот во взглядах Примо де Риверы объяснялся просто: сохранение власти Народного фронта грозило его партии гибелью, а свергнуть левых силой могла только армия.

Фалангисты потребовали от Мола назвать точную дату выступления. Генерал согласился и наметил путч на 9-10 июля, но 6 июля был арестован лидер фалангистов провинции Толедо Хосе Сайнц, у которого были найдены точные планы мятежа. Пришлось срочно менять дату. Хосе Антонио продлил действие своей инструкции от 29 июня до 12.00 20 июля.

Между тем не все ладилось и у самих военных. Свою первую директиву, составленную еще в апреле, Мола назвал «Цель, методы и пути» (генерал вообще слыл интеллектуалом и любил сочинять всяческие концепции). В документе прямо говорилось, что акция должна быть «крайне агрессивной», а всех политических противников надо сажать в тюрьму и подвергать примерному наказанию. 25 мая 1936 года Мола составил вторую директиву — конкретное распределение задач для всех высших командиров-путчистов. Планировалось захватить власть в провинциях и двинуться на Мадрид (победу в столице Мола считал маловероятной). Причем армейские части столичного гарнизона должны были сохранять показную верность республике и выступить из города якобы для подавления путчистов, к которым они на самом деле должны были присоединиться.

Мола тревожило, что, несмотря на все увещания, с присоединением к заговору медлил не кто иной, как Франсиско Франко, который намечался на пост командующего мятежников в Марокко. Глядя на генерала, сомневались и многие другие офицеры. Герой марокканской войны по-

прежнему боялся провала восстания. Он даже предложил руководить мятежом из Франции, куда он был готов переехать с Канарских островов.

Колебания Франко казались оправданными, когда правительство Кироги неожиданно затеяло кадровые перестановки в частях, дислоцированных в Марокко. Был снят с командной должности в Иностранном легионе полковник Ягуэ, которому был предложен пост военного атташе за границей. Но настырный полковник добился приема у Кироги и отстоял свою должность. Это был роковой просчет премьера, и, к сожалению, далеко не единственный. 3 июня глава Службы безопасности Алонсо Мальоль решил проверить самого Мола, неожиданно лично нагрянув в Памплону под видом поиска контрабандного оружия из Франции, якобы поступившего карлистам. Но Мола был предупрежден одним из офицеров полиции, сочувствующим заговорщикам, и Мальоль не смог обнаружить никаких компрометирующих материалов.

23 июня 1936 года Франко неожиданно обратился к Касаресу Кироге с длинным и путанным письмом, в котором в завуалированной форме содержалось предупреждение, что терпение армии подходит к концу. Генерал просил прекратить преследования «талантливых и преданных делу офицеров» (имея в виду и себя), намекая, что готов занять высокий пост в центральном аппарате вооруженных сил, чтобы навести там порядок. Потом, уже после начала мятежа, Франко объяснял, что хотел сбить премьера с толку. Но на самом деле, он все еще колебался и готов был встать на сторону республики, если это обеспечит его карьеру.

Кирога проигнорировал письмо Франко, чем, сам того не зная, заставил будущего «каудильо» и «генералиссимуса» сделать решающий выбор. Теперь Мола мог окончательно утвердить распределение ролей. На пост главы государства намечался Санхурхо, Франко соглашался на пост Верховного комиссара в Марокко.

К середине июня 1936 года о военном заговоре не говорил уже только ленивый. Прието обратился с просьбой к Кироге выдать рабочей милиции партий Народного фронта оружие (у социалистов Мадрида было около 15 тыс. бойцов, которых тренировали офицеры-республиканцы). Это требование поддержали коммунисты и военнослужащие левых взглядов. Но Кирога только посмеивался над «страхами», заверяя, что все под контролем (Прието он еще к тому же подозревал в стремлении занять кресло главы правительства).

16 июня правые партии в кортесах устроили дебаты по состоянию общественного порядка в стране. Лидер СЭДА Хиль Роблес сыпал цифрами, по которым выходило, что с февраля в Испании было разрушено

170 церквей (а еще 251 попытка сделать это не удалась до конца), убито в уличных боях 269 и ранено 1287 человек, состоялось 133 всеобщих и 218 локальных забастовок. Эти данные, конечно, были преувеличенными, но правых точность особо и не интересовала. Им важно было представить Испанию неуправляемой страной, где жизнь и имущество добропорядочных граждан каждый день подвергались смертельной опасности. Кстати, американский посол Бауэрс прямо писал, что основная масса «сведений» о беспорядках была клеветой. Он проехал в начале лета по Испании сотни километров и полагал, что это было не опаснее, чем путешествовать по США. Хиль Роблес требовал от правительства освобождения арестованных членов правых партий и прекращения цензуры прессы (она сохранялась еще со времен премьерства Портелы). Но настоящий вызов правительству бросил Кальво Сотело, как всегда, не стеснявшийся в резких выражениях. Он прямо сказал, что любой испанский военный был бы идиотом, если бы не поднялся «против анархии». Эта неприкрытая угроза вызвала взрыв эмоций среди фракций Народного фронта. Кирога был вынужден предупредить Кальво Сотело, что его выступления граничат с подрывной деятельностью. Позднее мятежники утверждали, что коммунисты, в частности Долорес Ибаррури, прямо в кортесах угрожали Кальво Сотело расправой. На самом деле Ибаррури, одна из немногих женщин в испанской политике, лишь сказала, что не надо делать ответственным за то, что может произойти (имелся в виду мятеж) какого-то господина Кальво Сотело, а надо начинать арестовывать истинных зачинщиков мятежа. Действительно, Кальво Сотело знал о заговоре только в общей форме и использовался путчистами вроде красной тряпки для правительства, которое он бичевал с присущим ему красноречием.

Между тем, находясь на пороге бездны, республика еще продолжала проводить реформы. 28 июня парламенту был представлен автономный статут Страны басков (важнейший документ, так как именно он перетянул консервативную Басконию на сторону республики в будущей войне) и в этот же день жители Галисии на референдуме одобрили свою автономию. Шла своим ходом внутренняя борьба в ИСРП. 30 июня кабальеристы пытались сорвать митинг Прието в Эсихе и в тот же день анархисты мешали выступлению Хосе Диаса и Ларго Кабальеро в Сарагосе.

29 июня состоялись маневры испанской африканской армии в Марокко, которые были использованы для последних репетиций переворота. Члены фаланги в Марокко наладили контакт с руководителем организации НСДАП в испанской зоне Марокко Адольфом Лангенхаймом

и попросили организовать через немецкие фирмы кредиты и авиатранспорт для путчистов. Но тогда испанская армейская верхушка считала это излишним. Генералы надеялись победить быстро и без иностранной помощи.

Договорившись с фалангой, Мола никак не мог уломать упорных карлистов. В начале июля обе стороны разругались, казалось, окончательно, что и стало еще одной причиной отмены намеченного на 9-10 июля путча. Продолжавший находиться в Португалии Санхурхо все же сумел заставить карлистов и Мола продолжить консультации. В письме Моле Санхурхо в жесткой форме требовал после победы отмены всего законодательства республики в социальной и религиозной сфере и возвращения Испании «к тому, чем она всегда была». Правительство, по мнению Санхурхо, должно будет состоять только из военных, а либеральная и парламентская система должны быть уничтожены бесповоротно. Мола был потрясен, прочитав письмо Санхурхо, так как считал генерала (как и себя)... республиканцем! И вдруг оказалось, что перед ним фанатик-карлист из взгляды XIX века. «Подпись Санхурхо, но содержание [письма] не его», — воскликнул Мола и пока не стал доводить до карлистов содержание письма. Свара среди мятежников продолжалась, но она имела уже второстепенное значение. Даже карлисты понимали, что без армии любой мятеж будет подавлен за несколько часов.

Премьер Кирога продолжал упорно не замечать сгущающиеся над его головой тучи. Его не убедило сообщение мэра города Эстельи (баскского националиста), который детально рассказал о переговорах с Молой в монастыре Ираче 16 июня, в которых участвовал сам. Прието не переставал призывать со страниц своей газеты «Эль Либерал» всех левых быть начеку перед угрозой мятежа. А Кирога публично выразил доверие Моле и профинансировал из фондов правительства поездку офицеров кавалерии испанской армии на летние Олимпийские игры в Берлин (потом эти офицеры вернутся уже в воюющую Испанию и будут сражаться на стороне путчистов).

В начале июля в Испании началась пора отпусков. Матери отправляли своих детей на курорты (кто побогаче) или в профсоюзные здравницы (кто победнее). Они не знали, что расстанутся на долгие годы, а может, и навсегда. Кабальеро отправился на конференцию Второго Интернационала в Лондон. Многие думали, что слухи о мятеже таковыми и останутся. Ведь предсказывали же путч военных 16 февраля как реакцию на победу левых. И что? Ничего ведь не случилось.

Как глупую шутку большинство граждан восприняло и захват 11 июля

группой фалангистов одной из студий «Радио Валенсии», заявивших в прямом эфире, что через несколько дней начнется «синдикалистская революция». Правда, эта выходка вызвала большие демонстрации протеста и арест 15 фалангистов. Но к таким событиям испанцы уже привыкли.

А между тем уже на следующий день был запущен часовой механизм переворота, хотя даже его организаторы пока об этом не знали.

12 июля вечером четверо фалангистов убили выходявшего из своего дома лейтенанта штурмовой гвардии Хосе Кастильо (он стоял на видном месте в черном списке Испанского военного союза, как человек левых убеждений, член РАВС и инструктор социалистической милиции). Близкий друг Кастильо — капитан гражданской гвардии Фернандо Кондес (социалист, приговоренный к 30 годам заключения за участие в событиях октября 1934 года) — поклялся отомстить и вместе со своими единомышленниками на служебной машине отправился искать какого-нибудь видного лидера правых, чтобы казнить его. Сначала хотели убить Гойкоэчеа, но не нашли его. Затем подумали о Хиль Роблесе, но тот отдыхал во Франции. Наконец офицеры подъехали к дому Кальво Сотело на улице Веласкеса. Надо сказать, что правительство Народного фронта предоставило всем видным политическим деятелям (в том числе и правым) вооруженную охрану. Случаю было угодно, что Кальво Сотело подозревал двух своих охранников в том, что они являются шпионами правительства, и по его требованию они были заменены как раз 12 июля.

Сначала охранявшие дом Кальво Сотело полицейские не хотели пропускать внутрь вооруженных людей. Но те предъявили служебные удостоверения и заявили, что приехали арестовать Кальво Сотело по приказу правительства. После этого им разрешили войти. У Кальво Сотело сразу возникли подозрения, но и его убедили документы гражданской гвардии. Лидер правых был человеком не робкого десятка и в душе был готов к мученической смерти за свою идею. В сопровождении двух друзей Кондеса он вышел на улицу, сел в машину, где его убили двумя выстрелами в затылок. На следующее утро труп политика со следами насилия был обнаружен на одном из мадридских кладбищ.

Правительство резко осудило убийство одного из лидеров оппозиции и арестовало 150 человек (среди них — 15 солдат из роты Кондеса). Последний не отрицал своей вины и хотел покончить жизнь самоубийством. Но Прието отговорил его: скоро все равно грянет мятеж и появится возможность героически погибнуть на поле боя (так и произошло: Кондес погиб в первых боях с мятежниками в горах Сомосьерры).

Узнав о смерти Кальво Сотело, правые немедленно обвинили

правительство в подготовке покушения. Напрасно Касарес Кирога продемонстрировал свой приказ об освобождении Кальво Сотело из-под ареста, который он издал сразу же после того, как появились слухи о том, что лидера правых могут самочинно задержать.

На похоронах Кальво Сотело правые шли, подняв руки в фашистском приветствии, а Гойкоэчеа поклялся отомстить за его смерть. Правительство не знало толком, что делать. Были закрыты две правые газеты, призывавшие к беспорядкам, и одновременно несколько офисов НКТ. Президент кортесов Мартинес Баррио попытался заверить правых, что правительство обеспечит максимальную гласность в расследовании. Прието также выступил с осуждением насилия, хотя и напомнил, что от рук реакции в октябре 1934 года погибло без суда и следствия гораздо больше людей. То же самое говорил Хосе Диас, еще раз предупредивший, что «в Наварре, Бургосе, Галисии, части Мадрида и других местах готовится государственный переворот».

Смерть Кальво Сотело заставила карлистов примкнуть к военным путчистам, а последние, наконец, получили желанный предлог и освободились от мучивших их сомнений. Однако ложными являются утверждения последующей франкистской пропаганды, что именно убийство Кальво Сотело заставило армию подняться. Мы уже видели, что подготовка путча не прекращалась с февраля 1936 года. К тому же, зафрахтованный в Великобритании самолет, который должен был перевезти Франко с Канарских островов в Марокко, покинул берега Англии еще 11 июля, то есть за день до убийства Кальво Сотело.

16 июля Мола посетил Бургос и встретился там с генералом Доминго Батетом. На прямой вопрос последнего Мола ответил, что не примет участия в восстании. А в это время в разные концы Испании уже летели шифрованные телеграммы «17-го в 17. Директор», назначавшие путч на 17 часов 17 июля 1936 года («Директор» — псевдоним организатора мятежа Молье). К французской и португальской границам потянулись колонны дорогих легковых машин: «сливки общества» покидали Испанию.

Глава 7. «Над всей Испанией безоблачное небо»

Мятеж. 17–21 июля 1936 года

17 июля в 17–00 радиостанция города Сеута в Испанском Марокко передала: «Над всей Испанией безоблачное небо». Это был сигнал для начала мятежа так называемой «африканской армии», т. е. частей испанских вооруженных сил, расквартированных в Марокко (45186 человек, в т. ч. 2126 офицеров). Это были элитные войска, имевшие боевой опыт. Здесь, в отличие от «армии полуострова» (собственно Испании) традиционно более тесными и демократичными были отношения между солдатами и офицерами, и многие из командиров пользовались заслуженным авторитетом. Помимо испанцев в африканской армии служили марокканцы (14 тысяч человек), отличавшиеся особой верностью начальникам и жестокостью в боях (они чем-то напоминали «Дикую дивизию» русской армии, ставшую оплотом корниловского мятежа в 1917 году). Марокканцы уже участвовали в боевых действиях в Испании, где хорошо запомнились массовыми зверствами при подавлении восстания в Астурии в октябре 1934 года. Коренные жители Марокко были далеки от перипетий испанской политической жизни. Республика была для них пустым словом, так как она ничего не изменила в их повседневной жизни. Участие же в мятеже сулило добычу (хотя некоторым совсем уж невежественным марокканцам мятежники платили жалованье потерявшими всякую ценность немецкими ассигнациями времен гиперинфляции начала 1920-х годов!) и повышение в звании. В силу этих причин марокканские части на протяжении всего периода гражданской войны были лучшими ударными войсками мятежников и первоначально внушали своим противникам ужас. Марокканцы составляли личную гвардию ставшего позднее вождем мятежа Франко. После истощения людских ресурсов испанской части Марокко мятежники в нарушение норм международного права вербовали наемников во Французском Марокко (некоторые взятые в плен республиканцами марокканцы ни слова не понимали по-испански и твердили только «мерси»).

Коммунисты предлагали официально признать если не независимость,

то широкую автономию Марокко, чтобы перетянуть марокканцев в республиканский лагерь. Благодаря их усилиям взятые в плен марокканцы через некоторое время смогли без риска для жизни передвигаться по улицам (сначала были нередкими случаи линчевания «мавров» в отместку за чинимые ими зверства). Но в целом социалисты и члены республиканских партий считали жителей Марокко «не дозревшими» до независимости и откладывали решение этого вопроса до конца войны. Это было на руку мятежникам, не скупившимся на самые широкообещательные обещания (итальянцы, например, даже организовали массированную радиопропаганду в поддержку «защитника всех правоверных Бенито Муссолини»). На стороне путчистов стояли и влиятельные духовные мусульманские авторитеты Марокко.

Другой ударной силой африканской армии был Иностраннный легион (11 тысяч человек), который был основан 31 августа 1920 года и официально именовался «Tercio de Extranjeros» (т. е. «треть иностранцев»). Такое странное название имеет свои корни в XVI веке: тогда «третьями» назывались полки испанской армии во Фландрии, которые делились на три группы (копьеносцев, арбалетчиков и аркебузеров). Иностраннный легион делился на батальоны, называемые «бандерами». Сразу же после создания легиона первую «бандеру» возглавил молодой майор Франсиско Франко. В легион вербовали наемников из других стран, бывших не в ладах с законом. Первый командующий легионом майор Мильян Астраи называл своих подчиненных «женихами смерти». В «терсио» царил жесткая дисциплина (иначе держать в повиновении служивших там «отморозков» было просто невозможно). Расстрелы полагались не только за дезертирство, но и за малейшие нарушения воинской дисциплины. За годы гражданской войны легион вырос с 8 до 18 «бандер». В боях на стороне мятежников погибло 10000 легионеров, 35000 было ранено, а 6000 бойцов легиона стали инвалидами.

Путч в Марокко начался уже 16 июля, когда восстал батальон марокканских войск. Но еще 17 июля командир гарнизона Мелильи генерал Ромералес говорил своему адъютанту, что «можно спать спокойно». Хотя еще до передачи сеутской «метеосводки» правительству в Мадриде стало известно, что механизм мятежа уже запущен. Премьер Кирога позвонил командующего испанскими войсками в Марокко генералу Гомесу Морато, находившемуся в портовом городе Лараче и спросил, не происходят ли какие-то особенные события в Мелилье. Морато был удивлен странным вопросом, он ничего не знал. Кирога приказал генералу немедленно направиться в Мелилью и лично доложить о положении в столице

протектората. Такой же приказ получил и Ромералес, который распорядился провести обыск в помещении Географической пограничной комиссии, где находилась штаб-квартира путчистов. Мятежникам пришлось начать действовать. Вызванный ими на подмогу взвод Иностранного легиона около 5 часов вечера арестовал военнослужащих, посланных Ромералесом. Легионеры и марокканцы из соседних населенных пунктов захватили Мелилью.

На улицах города появились воззвания мятежников, в которых от имени генерала Франко говорилось, что целью армии является исключительно наведение порядка в стране. Ромералес был арестован. Когда Гомес Морато приземлился на аэродроме, его постигла та же участь.

Полковник Ягуэ (до прилета Франко с Канарских островов он командовал мятежниками в Марокко) послал телеграммы Моле и Франко, где оповещал их об успешном начале путча. Ягуэ (1891–1952), которому выпала сомнительная честь сделать первые выстрелы самой кровавой войны в истории Испании, в очень молодом возрасте поступил в военную академию и по ее окончании попросился в Марокко, где был многократно ранен и отмечен наградами за храбрость. Еще в академии он познакомился с Франко и по его протекции был назначен командующим африканскими войсками, подавлявшими восстание в Астурии. Ягуэ был одним из немногих высших офицеров испанской армии — членов фаланги (причем Ягуэ вступил в нее практически с момента основания и был личным другом Хосе Антонио Примо де Риверы). Ягуэ был лично предан Франко и был готов выполнить любой его приказ.

Рабочие Мелильи пытались захватить оружие и организовать всеобщую забастовку, но мятежники быстро подавили сопротивление безоружных сторонников Народного фронта, которые отстреливались из немногих револьверов, находившихся в их распоряжении.

В 5 часов вечера 17 июля в кабинет Ромералеса опять позвонил Кирога. Подошедший к телефону командир путчистов в Мелилье подполковник Соланс хладнокровно солгал премьеру, что в городе все спокойно. Именно в это время марокканцы добивали последних защитников Народного дома (штаб-квартиры социалистов) в Мелилье. К 9 часам вечера Мелилья была в руках восставших.

В Тетуане путчисты под началом полковника Сайенса де Буруаги к вечеру овладели городом. В это время исполняющий обязанности верховного комиссара Испании в Марокко Альварес Буилья пытался связаться по телефону с Кирогой, который ранее приказал ему сопротивляться мятежникам любой ценой. Но в 2 часа ночи 18 июля здание

верховного комиссариата уже находилось под контролем противников республики. В 11 вечера 17 июля Ягуэ вывел войска на улицы Сеуты и захватил город уже к полуночи.

Первая осечка мятежников произошла, когда аэродром близ Тетуана — Сания-Рамель — под командованием майора Лапуэнте (двоюродный брат Франко) отказался примкнуть к путчу и подтвердил верность республике. С рассветом в субботу 18 июля аэродром был взят марокканцами, а Лапуэнте расстрелян (Франко был в курсе, но отказался помиловать родственника). Путчистам сопротивлялась и база гидросамолетов в Аталойоне под командованием капитана Ларета. Только прибытие подкреплений решило исход боя в пользу мятежников. Ларет, двое младших лейтенантов и 95 солдат были захвачены в плен и многие из них были убиты на месте.

Серьезные бои разгорелись в городе Лараче, где группы рабочих и офицеров стойко оборонялись в здании почты и телеграфа на протяжении нескольких часов.

18 июля под властью республики в Испанском Марокко находился только аэродром Сания-Рамель. Прежде чем сдаться превосходящим силам мятежников, его защитники уничтожили запасы горючего и вывели из строя 7 самолетов.

В Испанском Марокко было объявлено военное положение, и начались повальные аресты и пытки активистов партий Народного фронта. Тюрем не хватало и пришлось организовать концентрационный лагерь близ Тетуана. Тем не менее, рабочие организации объявили всеобщую забастовку в крупных городах протектората. Путчистам пришлось использовать воинские части для обслуживания электростанций, транспорта и банков.

Ромералес и Буилья были хладнокровно расстреляны. Тем самым путчисты как бы говорили, что готовы идти до конца.

Вечером 17 июля Кирога ответил отказом на просьбы руководителей партий Народного фронта выдать рабочим оружие. Он считал, что события в Марокко всего лишь безрассудная выходка нескольких реакционных полковников и мятеж будет подавлен в считанные дни (примечательно, что в 1932 году Кирога настаивал на приведении в исполнение вынесенного мятежному генералу Санхурхо смертного приговора, в то время как социалисты стояли за помилование).

18 июля многие мадридские газеты сообщили о мятеже африканской армии и о том, что правительство республики контролирует положение и уверено в скорой победе. Некоторые СМИ писали даже, что восстание потерпело неудачу. В конце дня 18 июля правительственное коммюнике безапелляционно заявляло: «Можно считать, что враждебное движение

против Республики подавлено». В заявлении, переданном кабинетом министров в прессу в 3 часа 10 минут того же дня, говорилось, что восстание «не встретило на Пиренейском полуострове никакой поддержки».

А между тем в 2 часа дня 18 июля генерал Гонсало Кейпо де Льяно поднял мятеж в столице Андалусии — Севилье, о чем в Мадриде стало известно около 7 часов вечера.

Андалусии в своих планах мятежники придавали ключевое значение. Именно используя эту провинцию как базу, африканская армия должна была развернуть наступление на Мадрид с юга, встретившись в столице с войсками Молы, которые изготовились для броска на столицу с севера. Но если Андалусия была ключом к успеху путча, то Севилья была ключом к Андалусии. Севилья неспроста (как и Мадрид) именовалась «красной». Наряду с Барселоной она была давней цитаделью анархизма. Здесь еще в 1920-е годы появилась сильная организация компартии, возглавляемая бывшим лидером профсоюза булочников Хосе Диасом, занимавшим в 1936 году уже пост генерального секретаря ЦК КПИ.

Мятежники считали гарнизон города ненадежным, так как севильские военные не очень хотели ввязываться в разные авантюры после позорного провала в Севилье мятежа Санхурхо. Моле даже не удалось найти вождя мятежа из рядов севильского гарнизона, поэтому «красную Севилью» поручили командующему корпусом карабинеров генералу Гонсало Кейпо де Льяно (1875–1951). Он окончил академию кавалерии и успел повоевать на Кубе, а затем уже более активно — в Марокко. В 1930 году этот генерал-масон примкнул к республиканскому заговору против монархии и после его подавления 15 декабря 1930 года бежал в Португалию. Благодаря своей принадлежности к масонам (первое временное правительство республики в большинстве состояло из «вольных каменщиков») Кейпо де Льяно получил пост генерала-капитана (т. е. военного губернатора) Мадрида, что свидетельствовало о полном доверии новых властей к генералу. Но Асанья, как мы помним, вскоре отменил должности генерал-капитанов и Кейпо де Льяно затаил обиду на неблагодарную республику. Став главой корпуса карабинеров, генерал активно перемещался по стране (он хвалился, что «намотал» на машине 25 тысяч километров), не вызывая подозрения. К заговору Молы он примкнул, как уже упоминалось выше, после отставки своего друга президента республики Алкала Саморы.

Высокий, с отливающими металлом серыми глазами и лихо закрученными усами Кейпо де Льяно был человеком, чья смелость граничила с безрассудством, а язык часто опережал мысли. Рано утром 18

июля он прибыл в город Уэльву из Малаги, где оставил жену и четырех детей. Заверив гражданского губернатора в своей преданности республике, он отправился в Севилью и был в городе около полудня. В столице Андалусии стояла сорокоградусная удушающая жара, но город бурлил, обсуждая мятеж в Марокко. По Севилье ходили невооруженные рабочие патрули. Народный фронт чувствовал себя хозяином положения, богатые кварталы затаились, ожидая «бесчинств красных». Армия оставалась в казармах, и военные в форме боялись выйти за их пределы.

Одетый в штатское Кейпо де Льяно вместе с адъютантом и еще тремя офицерами явился к начальнику гарнизона, филиппинскому метису генералу Фернандесу Вилья Абрилье и предложил ему примкнуть к мятежу. Встретив отказ, Кейпо де Льяно вернулся в свой отель, переделался в генеральскую форму и вернулся к Абрилье. Не моргнув глазом, он заявил ошарашенному генералу, что армия контролирует уже всю Испанию, и арестовал его. Абрилья не оказал никакого сопротивления. Не теряя времени, Кейпо де Льяно отправился в казармы пехотного Гранадского полка и столь же легко арестовал его командира. Аэродром Севильи был захвачен генералом... по телефону, при помощи все той же беспардонной лжи об успехе переворота по всей стране. Но и после столь ошеломляющей удачи у Кейпо де Льяно было всего 100 верных ему военнослужащих. Пришлось освободить из тюрьмы 15 фалангистов. Потом подошли еще 25 карлистов-добровольцев. Этих сил хватило, чтобы занять здание севильского радио. В 10 часов вечера Кейпо де Льяно в первый раз обратился по радио к населению города (потом эти обращения, не имевшие аналога по цинизму и использованию нецензурных выражений, станут регулярными). Иногда генерал, находясь в нетрезвом состоянии, выбалтывал даже военные планы франкистов. Франко не любил Кейпо де Льяно, и тот платил ему взаимностью.

Свою первую речь Кейпо де Льяно закончил словами «Да здравствует Республика!». Затем прозвучал республиканский гимн («песнь Риего»). Генерал опять врал в своем выступлении, называя себя хозяином Севильи. К вечеру 18 июля он контролировал только центр города.

Первоначальная ошеломленность лидеров партий Народного фронта (сказывалось республиканское прошлое генерала) сменилась решимостью задавить путч в зародыше. Когда еще 18 июля Кейпо де Льяно вывел войска на улицу, они кричали: «Да здравствует Республика!», но это уже никого не могло обмануть. В Севилье начали формироваться отряды рабоче-крестьянской милиции, которым катастрофически не хватало оружия. В наличии имелось только 80 карабинов, которые на свой страх и

риск передали рабочим офицеры штурмовой гвардии, сохранившие верность республике. Делегация рабочих во главе с коммунистами пришла к гражданскому губернатору Севильи с настоятельной просьбой выдать оружие. Но глава города отказался, ссылаясь на отсутствие указаний из Мадрида. С 3 до 5 часов пополудни в столице Андалусии шли бои между штурмовой гвардией и путчистами. Исход сражения в пользу последних решил примкнувший к Кейпо де Льяно артиллерийский полк. Закрепившимся в здании телефонной станции и отеле «Инглатерра» штурмовым гвардейцам была обещана жизнь в случае капитуляции. Но сразу же после сдачи большинство из них было расстреляно.

Рабочие организации Севильи объявили всеобщую забастовку. В предместьях стали возводиться баррикады. К крестьянам соседних сел были посланы курьеры за помощью.

Кейпо де Льяно вряд ли смог бы своими силами захватить весь город. К тому же губернатор другого важного андалусского центра Уэльвы 19 июля послал на помощь севильцам отряд гражданской гвардии, к которому примкнула колонна шахтеров с рудников Рио-Тинто. Но у самой Севильи гражданские гвардейцы разгромили шахтеров и перешли на сторону мятежников. Наконец, 20 июля на севильский аэродром Таблада прибыли первые отряды Иностранного легиона из Марокко. В рабочих кварталах города началась настоящая резня. На штыки и сабли насаживали по два человека. Мужчин сбрасывали с балконов, женщин насиловали. И все же рабочие кварталы Севильи держались до 24 июля, когда часть их уже превратилась в развалины от систематических артиллерийских обстрелов. Была прекращена и всеобщая забастовка: Кейпо де Льяно просто пригрозил расстрелять каждого, кто не выйдет на работу. Подводя итог своей деятельности по захвату власти в Севилье, генерал-масон хвалился, что 80 % женщин Андалусии надели или наденут траур.

В крупнейшем порту Андалусии — Кадисе 19 июля высадились марокканцы и легионеры. К 25 июля сопротивление рабочих города было окончательно сломлено. Но до этого мятежникам пришлось пережить в Кадисе немало неприятностей. Как только в городе стало известно о мятеже африканской армии, гражданский губернатор (майор артиллерии) арестовал генерала Варелу, который должен был возглавить мятеж в городе. Но в полдень 18 июля Варела был освобожден из заключения генералом Лопесом Пинто и сразу объявил в Кадисе военное положение. Профсоюзы ответили всеобщей забастовкой. Гражданский губернатор вместе с некоторыми военнослужащими и моряками при поддержке 300 рабочих закрепился в своей резиденции. Не сдавался и муниципалитет. Кадисское

радио призвало народ к борьбе с мятежниками. В городе выросли баррикады. Как и в Севилье, у защитников республики практически не было оружия. В этой обстановке эсминец «Чуррука» в 6 часов утра 19 июля высадил в кадисском порту батальон марокканских войск и эскадрон кавалерии. Во второй половине дня эти части взяли штурмом резиденцию гражданского губернатора, который был сразу же расстрелян. 21 и 22 июля рабочие вместе с моряками военных кораблей «Кановас» и «Лауриа» пытались комбинированным ударом овладеть арсеналом Кадиса, но мятежники-офицеры с «Лаурии» узнали об этом плане и обстреляли «Кановас».

18 июля рабочие просили губернатора другого важного андалусского города Альхесирас выдать хотя бы 500 винтовок, чтобы отбить ожидаемую всеми высадку африканских войск. Но здесь гражданский губернатор был заодно с мятежниками и вывел на улицы города войска. Высадившиеся в Альхесирасе 19 июля мятежники из Марокко быстро подавили сопротивление.

В Кордове все произошло еще легче для мятежников. Военный губернатор города полковник Каскахо вывел на улицы войска и направил орудия на резиденцию гражданского губернатора. Этого хватило для победы заговорщиков, которые, тем не менее, обрушили на город чудовищные репрессии.

Военный губернатор Гранады генерал Кампинс долго колебался. Сначала он даже согласился выдать оружие рабочим организациям, но потом отказался от своих слов. Два дня мятежные офицеры уговаривали Кампинса примкнуть к ним, но, потеряв терпение, арестовали его и вывели войска из казарм. Сопротивление рабочих в квартале Альбаисин было жестоко подавлено артиллерией. Генерал Кампинс, человек консервативных убеждений, тем не менее, оказался одним из немногих генералов испанской армии, отказавшихся нарушить присягу. Он был арестован путчистами 24 июля, предан военному суду и казнен 15 августа 1936 года. В Гренаде мятежниками был расстрелян и великий испанский поэт Гарсиа Лорка.

Захватив два важнейших порта юга Испании — Кадис и Альхесирас, мятежники проиграли в другом портовом городе — Малаге. 18 июля генерал Патксот объявил город на осадном положении и часть мятежных войск окружила резиденцию гражданского губернатора, наведя на нее несколько пушек. Казалось, что все идет так же гладко, как в Кордове. Но вечером того же дня оставшийся верным республике отряд штурмовой гвардии вооружил рабочих. Штурмовые гвардейцы и рабочие попытались

убедить отряд гражданской гвардии выступить против мятежников. Но гражданские гвардейцы не решились примкнуть ни к той, ни к другой стороне. Заколебался и генерал Патксот, напрасно ждавший прибытия африканских войск. Вооруженные рабочие ходили по улицам, но солдаты, получившие приказ обыскивать всех и изымать оружие, боялись к ним подойти.

Ночью рабочие окружили оставшиеся в казармах войска, и подошли к той группе мятежников, которая держала под прицелом резиденцию гражданского губернатора. В 3 часа утра началась атака казарм, в которой рабочих поддержали штурмовая гвардия и морская пограничная охрана. Большинство солдат сдалось в плен, Патксот капитулировал. Победившие рабочие радостно встретили вошедший в порт Малаги военный корабль «Санчес Баркаицтеги», сдавший на берег пленных мятежных офицеров.

Но Малага была отрезана мятежниками от остальной республиканской территории. 19 июля колонны рабочих, поддержанные флотом, отбили у путчистов ключевой город Мотриль и восстановили сухопутную связь с территорией республики. Не ограничившись этим успехом, рабочая милиция выслала три колонны по направлениям к Гранаде, Севилье и вдоль побережья. Мятежники упустили инициативу, и на юге-востоке Испании стала устанавливаться линия фронта.

В Альмерии лидеры местных организаций Народного фронта были еще 17 июля предупреждены бежавшими из казармы карабинерами о скором начале мятежа. Рабочие и несколько штурмовых гвардейцев стали укреплять резиденцию гражданского губернатора, хотя и ее защитникам очень не хватало оружия (было несколько старых винтовок и охотничьих ружей, а также петарды, изготовленные шахтерами).

18 июля, действуя по заранее разработанному плану, мятежники вывели на улицы часть 71-го пехотного полка, а также бойцов гражданской и присоединившейся к ним штурмовой гвардии. Атака путчистами здания гражданского губернатора была неудачной, но им все же удалось захватить радиостанцию и Народный дом. И вдруг наступил перелом: к Альмерии пробивались солдаты ВВС, а также крестьяне окрестных сил, отбившие оружие в казармах воинской части в 10 километрах от города. Сопротивление путчистов было быстро подавлено, и в их руках осталась только радиостанция. 21 июля в порт Альмерии вошел республиканский корабль, предъявивший засевшим в здании радиостанции гражданским гвардейцам ультиматум. Под дулами корабельных орудий те сразу же капитулировали. После подавления мятежа республиканцы сформировали батальоны милиции, которые вместе с соратниками из Малаги отбили

Мотриль и стали угрожать Гранаде.

В городе Хаэн мятеж был практически сорван, так как рабочие упредили путчистов в развертывании сил. Правда, часть гражданской гвардии, заявив о преданности республике, укрылась вместе с семьями в монастыре Святой Девы Марии и стала ждать подхода марокканцев.

Итак, итог военного мятежа в Андалусии вроде бы говорил о примерном равенстве сил противоборствующих сторон. Четыре из восьми главных городов провинции были захвачены мятежниками (Севилья, Гранада, Кордова и Кадис), а четыре остались за республикой (Малага, Уэльва, Хаэн, Альмерия). Но все же в стратегическом смысле победу одержали путчисты. Они выполнили свою главную задачу — создали на юге Испании надежный плацдарм для высадки африканской армии. Сельские районы Андалусии были враждебны мятежникам не меньше, чем города. Многие крестьяне не понимали значения таких слов, как коммунист или фашист, но когда они слышали, что идет борьба с ненавистной им гражданской гвардией (она поддержала мятеж практически повсеместно), то сразу же с огромным воодушевлением присоединялись к республиканцам.

Мятеж в Андалусии, наконец-то, открыл глаза премьеру Кироге: речь шла не об изолированном выступлении частей в Марокко, а о полномасштабном военном перевороте. Но правительство упорно отказывалось выдать рабочим партиям оружие.

Кирога лишь утвердил несколько декретов. По первому из них смещались со своих постов генералы Франко, Кейпо де Льяно, Кабанельяс, Гонсалес Лара и Годед. Вторым декретом объявлял распущенными все воинские части, принявшие участие в мятеже, а третьим отменял объявленное мятежниками военное положение (на республиканской территории оно не вводилось).

В 9 часов вечера 18 июля руководство ИСРП и КПИ выступило с совместным заявлением, в котором всех членов рабочих партий призвали предоставить себя в распоряжение своих территориальных организаций и требовать от правительства разрешения принять участие в подавлении мятежа. Но коммунистам и социалистам, стремившимся не давить на правительство, все труднее и труднее было сдерживать эмоции своих сторонников. Толпы людей заполнили улицы Мадрида. Все требовали одного — оружия. Делегация Народного фронта вновь посетила Кирогу. Уставший премьер махнул рукой и дал наконец «добро» на раздачу оружия, а сам подал в отставку. Промедление Кироги с вооружением народа обеспечило успех мятежа, который охватывал своим пламенем все новые и

новые районы страны.

Если Андалусия была, как уже говорилось, плацдармом для высадки наиболее ударных сил мятежников из Марокко, то все-таки от Севильи или Кадиса надо было еще преодолеть 400–500 километров до Мадрида. С севера Испании или из ее сердца — Кастилии это можно было сделать гораздо легче. Поэтому в первые дни мятежа его успех зависел от того, чего сможет добиться «Директор» (т. е. Мола) на Пиренейском полуострове. Может, марокканцы не понадобятся вообще?

Начало восстания в зоне «Директора» было многообещающим. В Наварре и ее столице Памплоне мятеж имел характер почти народного праздника. На улицы городов вышли карлистские отряды «рекете» и под колокольный звон церквей просто отменили республику. Сопrotивления практически не было. Наварра стала, как и предполагалось, единственной частью Испании, где у мятежников была поддержка населения. Тем большего уважения заслуживает позиция командующего гражданской гвардией Памплоны Родригеса Медея, который сохранил верность республике и заплатил за это жизнью. В годы гражданской войны карлисты были наиболее фанатичными бойцами армии мятежников. На груди у них было вытатуировано «сердце Христово» (у других его изображение было нашито на плащах) и «Рекете» почти не сдавались в плен, веря, что после геройской смерти господь заберет их в рай.

В столице консервативной Старой Кастилии Бургосе республиканские власти успели арестовать главу мятежников генерала Гонсалеса де Лару. Со своей стороны, восставшие офицеры взяли под стражу приехавшего из Мадрида генерала Мену. Рабочие тщетно требовали оружия от гражданского губернатора. Ночью 18 июля был также арестован путчистами командующий VI-м военным округом (с центром в Бургосе) генерал Батет, заплативший тем самым за свою доверчивость Моле. С арестом гражданского губернатора исход борьбы в Бургосе был решен в пользу «Директора».

В ночь на 18 июля в городе Вальядолид мятежные генералы Саликет и Понте прибыли к командующему VII-м военным округом генералу Молеро и потребовали от него сложить свои полномочия. В ответ храбрый генерал вскрикнул «Да здравствует республика!» и был сражен пушечными выстрелами. В завязавшейся перестрелке погибло 3, и было ранено 5 офицеров. Утром генералы-мятежники объявили в Вальядолиде военное положение, на что рабочие ответили всеобщей забастовкой. То было время жизненного выбора многих людей. Если гражданской губернатор Вильядолида в панике бежал из города, то командующий гражданской

гвардией полковник Вильена заплатил жизнью за верность присяге. Забаррикадовавшись в Народном доме, активисты левых партий и профсоюзов пытались отбиваться от мятежников случайно попавшим в их руки оружием, но были сметены артиллерией. Леон и Старая Кастилия — зерновые житницы Испании — попали под контроль восставших. В отличие от «красной» Андалусии, здешние крестьяне, находившиеся под сильным влиянием церкви, хотя и не оказали сопротивления, но и помогать новой власти не торопились.

Мола серьезно опасался за развитие событий в Арагоне, столица которого Сарагоса была признанным оплотом анархистов. Здесь, как и в Севилье, пришлось действовать обманом. Командующий V-м военным округом со штаб-квартирой в Сарагосе генерал Мигель Кабанельяс (1872–1938) был не менее колоритной личностью, чем Кейпо де Льяно. Опытный кавалерист, он стоял у истоков формирования первых марокканских частей испанской армии. В 1921 году, будучи уже генералом, Кабанельяс участвовал в операциях по завоеванию потерянной после катастрофы под Аннуалем территории Марокко. Примо де Ривера отправил Кабанельяса в резерв, после чего последний принял участие в военном заговоре против диктатуры. Участвовал генерал и в республиканском движении, за что сразу же после свержения Альфонса XIII был назначен генерал-капитаном Андалусии, а потом сменил Санхурхо на посту командующего гражданской гвардией. В 1934 году Кабанельяс даже стал депутатом кортесов от радикальной партии. Как и Кейпо де Льяно, Кабанельяс был масоном. Его биография настроила многих функционеров рабочих организаций Сарагосы весьма благодушно. Генерал заверил Кирогу уже после начала мятежа в Марокко в своей безусловной верности республике. Но 18 июля он арестовал генерала авиации Нуньеса дель Прадо, присланного из Мадрида принять командование гарнизоном Сарагосы (интересно, что генерал Нуньес дель Прадо был приближенным Альфонса XIII и только после его свержения, хотя и не сразу, принял республику). Кабанельяс расстрелял Нуньеса дель Прадо и 19 июля в 4 часа утра ввел в Сарагосе военное положение. Гражданский губернатор был арестован, а на улицах появились расклеенные воззвания Кабанельяса, в которых говорилось о... демократических традициях генерала и его преданности «Испании и Республике». НКТ и ВСТ объявили всеобщую забастовку, но у рабочих не было оружия. Многие анархо-синдикалисты были сбиты с толку, центр организации сопротивления отсутствовал. «Республиканец» Кабанельяс расстрелял в Сарагосе более двух тысяч человек.

Таким образом, довольно легко мятежники завоевали на свою сторону

центр Испании. На такой же блицкриг надеялся Мола и в Стране басков, где националистическое движение, в отличие от каталонского, было религиозным и умеренным в социальных требованиях. Правда, города Басконии считались давней цитаделью социалистов, но пример Сарагосы и Севильи давал мятежникам, казалось, неплохие шансы на успех. Однако в столице Страны басков Бильбао мятеж так толком и не начался. Гражданская и штурмовая гвардия остались верными республике, а начальник гарнизона Бильбао подполковник Видаль Мунаррис арестовал мятежных офицеров, не дожидаясь, пока те начнут действовать.

«Директор» крупно просчитался. Баскские националисты, хотя и не вошли в Народный фронт, но понимали, что только республика может удовлетворить их национальные чаяния. Баскония стала также, пожалуй, единственным местом в Испании, где республику поддержала церковь. В Басконии сложился по сути дела даже не Народный, а общенациональный фронт против мятежников.

Но Мола все же не хотел отступать без боя. Жестокие бои развернулись в центре одной из провинций Страны басков — Гипускоа — Сан-Себастьяне. 19 июля там проходил провинциальный съезд ВСТ. Узнав о мятеже, его делегаты решили вернуться на места.

Многие добыли оружие, несмотря на запрет гражданского губернатора. Войска в Сан-Себастьяне находились в казармах и власти решили направить несколько колонн рабочих и штурмовых гвардейцев для взятия города Витория, где был арсенал с 20 тысячами винтовок. Когда рабочие покинули Сан-Себастьян, его гарнизон восстал и начал захватывать основные учреждения города. Узнав об этом, рабочие колонны вернулись и с помощью штурмовых гвардейцев к 23 июля очистили от путчистов центр города, блокировав их остатки в гостинице «Мария Кристина». Путчисты положили взятых ими в плен республиканцев как мешки с песком к решеткам парка, окружавшего отель, и под прикрытием этого живого щита стали отстреливаться. Многие пленные были убиты, другие лежали под огнем раненые и истекали кровью. 24 июля мятежники капитулировали. Как и в Малаге, рабочая милиция Сан-Себастьяна сформировала несколько колонн, освободивших соседние населенные пункты. Совместно с коммунистами, социалистами и штурмовыми гвардейцами геройски сражались члены организации молодых баскских спортсменов (т. е. «мендигоксалес»).

Расположенный западнее Сан-Себастьяна прибрежный город Сантандер остался верен республике, и там не было сделано ни единого выстрела.

Если Страна басков стала для путчистов неожиданным и горьким разочарованием, то в Астурии мятежники с самого начала настраивались на жестокую борьбу. После подавления восстания 1934 года на территории Астурии был создан специальный военный округ, где были дислоцированы элитные армейские части. Командующим округом был полковник Антонио Аранда (1888–1979). Уже в 13 лет он поступил кадетом в пехотную академию Толедо. Воевал в Марокко, где за особые заслуги был произведен в майоры в 1916 году. В 1934 году правые республиканские власти поручили Аранде разработку плана борьбы с возможным восстанием. После подавления Астурийского восстания Аранду оставляют в провинции командиром горнострелковой бригады. Как Кабанельяс и Кейпо де Льяно, Аранда был масоном. Ему удалось втереться в доверие к республиканским властям, которых он не раз с пафосом заверял в своей преданности. Аранде покровительствовал сам Прието.

Мола, не надеясь на крупные успехи в Астурии, рекомендовал Аранде держать оборону в Овьедо и дожидаться подхода сил мятежников из Леона и Старой Кастилии.

17 июля, после того, как стали поступать известия о мятеже в Марокко, тысячи рабочих и шахтеров в Овьедо и Хихоне создали объединенные комитеты, куда вошли не только социалисты и коммунисты, но и анархо-синдикалисты. В Овьедо образовался центральный комитет (явно копировавший ревком 1934 года), который 18 июля потребовал у Аранды выдать рабочим оружие. Тот говорил, что не возражает, но ссылаясь на запрет центрального правительства в Мадриде. Полковник заверил, что стоит на стороне республики и в Овьедо все будет спокойно. Одновременно Аранда концентрировал в казармах вооружение и вызвал в Овьедо 6 рот гражданской гвардии. Пехотные полки Овьедо и Хихона получили дополнительные пулеметы.

В это время из Мадрида позвонил Прието и попросил срочно прислать на помощь столице вооруженных шахтеров. Аранда воспользовался этим и убедил провинциальный комитет организовать несколько колонн рабочих. Он даже выделил около сотни винтовок и 2 пулемета. Остальное оружие, заверил Аранда, рабочие получают по пути в Мадрид в городе Леон. Коммунисты не доверяли полковнику и предлагали остаться в Овьедо, но социалисты все-таки решали, что вооруженная помощь в данный момент нужнее столице. 18 июля в полночь пять тысяч шахтеров двинулись на Мадрид: одна колонна ехала на автомашинах, другая параллельно первой по железной дороге. Головной отряд, насчитывавший сначала 1300 человек, пополнялся по дороге и скоро вырос до 2500 бойцов. На вооружении

рабочих, кроме упоминавшихся 100 винтовок и двух пулеметов, было еще два грузовика динамита.

19 июля утром шахтеры прибыли в Леон. Начальник военного гарнизона генерал Гомес Каминеро остался верным республике и, хотя и не без колебаний, все же выдал рабочим 750 винтовок и несколько пулеметов. В тот же день шахтеры отправились дальше к югу, вступив на территорию, которую уже контролировали мятежники. С боем был взят город Бенавенте. Но в это время поступили сведения о мятеже Аранды в Овьедо, который осмелился выступить только тогда, когда шахтеры покинули пределы Астурии. Полковник вызвал к себе в казарму лидеров социалистов и коммунистов якобы для переговоров о совместных действиях. Но как только рабочие вожаки попались на эту удочку, они были сразу же арестованы, а затем расстреляны. Одновременно во дворе казармы были хладнокровно убиты сотни рабочих, ожидавших раздачи оружия. Не теряя времени, Аранда вывел войска на улицы и овладел центром города. Рабочие отступили на окраины. Но попытка мятежников прорваться к Хихону была отбита, и шахтерские отряды стали стягивать кольцо окружения вокруг астурийской столицы.

Узнав о предательстве Аранды, шахтерские колонны, двигавшиеся на Мадрид, повернули обратно. В Леоне в это же время уже восстали войска. В городе Понферраде рабочая колонна понесла большие потери. Тамошние гражданские гвардейцы, дав клятву верности республике, неожиданно открыли огонь из пулеметов по отдыхавшим на улицах города рабочим. И все же 21 июля колонна возвратилась в Астурию, где в городе Трубия захватила стрелковое оружие и несколько пушек. 24 июля наступавшие шахтеры прорвали оборону Аранды вокруг Овьедо и овладели высотой Монте-Наранхо, которая господствовала над городом. Аранда оказался в осаде, продолжавшейся до 17 октября 1936 года, когда к Овьедо со стороны Галисии пробили узкий коридор марокканцы.

Остальная часть Астурии прочно находилась в руках республики. Рабочая милиция не смогла взять Овьедо, так как большинство ее бойцов имело на вооружении допотопные французские винтовки времен Парижской коммуны с 5–6 патронами на каждый ствол. Было мало пулеметов и артиллерии. И все же уже в первые дни боев в Астурии, рабочие проявляли столь же мастерскую смекалку, как и в 1934 году. Например, в главном порту провинции — Хихоне они обшили броневыми листами несколько грузовиков, которые, приблизившись к казармам мятежников, стали поливать их горючим из специальных шлангов. Затем с помощью самодельных катапульти рабочие стали метать пакеты динамита и

самодельные зажигательные бомбы. К 20 августа после упорных боев в Хихоне были подавлены последние очаги сопротивления путчистов.

Таким образом, промышленно развитый Север Испании — Баскония и Астурия — был сохранен для республики. Но крайне важным был исход борьбы за северо-западную часть страны (Галисию), где находилась самая современная база ВМС Испании — город Эль-Ферроль. Галисия была провинцией традиционно левой и либеральной. К тому же она только что получила из рук Народного фронта автономный статус и, как и Баскония, не хотела уступать его без боя.

В столице Галисии Ла-Корунье находился штаб VIII-го военного округа под командованием генерала Сальседо. В городе были расквартированы пехотный и артиллерийский полки, некоторые инженерные и интендантские части.

18 июля, узнав о путче в Марокко, рабочие собрались перед резиденцией гражданского губернатора и потребовали оружия. Власти города успокоили митингующих, заверив, что войска сохраняют верность республике. И, действительно, день 19 июля прошел в Ла-Корунье спокойно. Но 20-го командование пехотного полка и гражданские гвардейцы начали действовать. Генерал Сальседо был арестован и расстрелян. Портовые сирены оповестили рабочих о начале мятежа. В бедных предместьях появились баррикады. Гражданский губернатор стал раздавать оружие, когда уже было поздно: центр города был во власти мятежников. 21 июля с помощью артиллерии были взяты рабочие кварталы. Но уже 22 июля, как снег на голову, на Ла-Корунью обрушились отряды шахтеров, которые с помощью взрывчатки прорвались к центру города. И все же они, в конце концов, были вынуждены отступить.

Борьба в Эль-Ферроле началась уже 19 июля. Командующий базой флота контр-адмирал Асарола остался верен республике, но отказался выдать оружие рабочим. А в это время пехотный полк, полк морской пехоты и полк береговой артиллерии уже занимали город. Рабочие и штурмовые гвардейцы, засевшие в Народном доме, в течение нескольких часов оказывали упорное сопротивление. К ночи держался только арсенал. Матросы учебного отряда перешли в контрнаступление и штурмом овладели телеграфной станцией. К несчастью республиканцев Эль-Ферроля, основные боевые корабли базы — крейсера «Либертад» и «Мигель де Сервантес» еще 18 июля по приказу правительства покинули порт и взяли курс на Гибралтарский пролив, чтобы воспрепятствовать переправе мятежных частей из Марокко. Оставшиеся на базе линкор «Эспанья», крейсер «Адмирал Сервера», эсминец «Веласко», сторожевой

корабль «Ксауэн» и два миноносца не поддержали мятеж. Матросы и старшины арестовали офицеров, пытавшихся предоставить корабли в распоряжение путчистов. «Ксауэн» и миноносцы, не имевшие тяжелого вооружения, покинули Эль-Ферроль, но достичь республиканской территории смог только сторожевик. Миноносцы были вынуждены из-за нехватки горючего войти в оккупированные мятежниками порты Пуэнтетеум и Виверос, где их экипажи были расстреляны.

«Адмирал Сервера» и «Эспанья» были лишены маневра, так как находились на ремонте в доке, но все же пытались огнем артиллерии поддержать республиканцев. Мятежники решили прибегнуть к лжи. От имени мадридского министерства ВМФ они обратились по радио к командиру «Серверы» Феррагуту с приказом капитулировать, чтобы избежать «еще большего кровопролития». Доверчивый офицер выкинул белый флаг и начал переговоры о сдаче, требуя сохранить жизни своей команде. Фашисты обещали это, но как только крейсер капитулировал, Феррагут и большая часть матросов были расстреляны. 22 июля уже огнем с захваченного крейсера был принужден к сдаче линкор «Эспанья». Двадцать пять матросов были повешены на мачтах.

20 июля начался мятеж в городе Виго. Капитан Карреро во главе роты пьяных солдат вышел на центральную площадь и объявил военное положение. В ответ собравшаяся толпа закричала: «Предатель!». Солдаты открыли беспорядочный огонь, убив 30 безоружных человек. Как и в других городах стали строиться баррикады, защитники которых не располагали никаким оружием, кроме охотничьих берданок. 21 июля мятежники пошли в атаку, а штурмовая гвардия, совершив предательство, нанесла удар с тыла. К 25 июля все было кончено.

Героической страницей народного сопротивления мятежникам стали события в небольшом галисийском городке Туя. Еще 18 июля там была создана народная хунта обороны, которая арестовала подозрительных офицеров и с помощью карабинеров организовала колонну бойцов в три тысячи человек (имевших, правда, только 200 винтовок). К рабочим присоединился и отряд морской пехоты. Вокруг Туя были вырыты окопы (укрепление фронта было крайне редким событием в начальный период гражданской войны). 26–29 июля город подвергся ожесточенным атакам мятежников. Когда кончились патроны, часть республиканцев смогла перейти португальскую границу, но была выдана мятежникам диктаторским режимом Салазара.

Овладев Галисией, путчисты залили ее кровью. В Ла-Корунье было казнено более 7 тысяч человек, в Эль-Ферроле уже не хватало места на

кладбище. С захватом Галисии под контролем «Директора» Моль образовались единая территория (1/4 часть Испании), имевшая порты, через которые могла поддерживаться связь с внешним миром.

В планах путчистов особое значение придавалось Леванту, т. е. средиземноморскому побережью Испании от Каталонии на севере до Андалусии на юге. При захвате этой части страны Мадрид и Барселона были бы обречены.

Гарнизон Валенсии считался «Директором» «надежным». Очень удобным для путча было и расположение казарм: они как бы опоясывали город со всех сторон. Правда, игру сильно испортили фалангисты, захватившие, как мы уже упоминали, 11 июля городскую радиостанцию и фактически предупредившие о скором начале мятежа. Поэтому, когда он вспыхнул, Народный фронт в Валенсии был начеку. В тот же день в городе была объявлена всеобщая забастовка. В оружейных магазинах и богатых кварталах были проведены обыски, в результате которых удалось изъять несколько сот винтовок. Вооружившись ими, рабочая милиция заняла мосты, общественные здания и оцепила казармы пехотного и кавалерийского полков. По призыву коммунистов к Валенсии подошли тысячи крестьян с охотничьими ружьями. Но оружия все-таки не хватало. 20 июля рабочие захватили казарму интендантских войск, но там оказалось только несколько карабинов. Войска в Валенсии так и не решились выйти на улицу, особенно, когда стало ясно, что гражданская гвардия их не поддержит. Таким образом, мятеж в Валенсии фактически не состоялся. Когда рабочая милиция под угрозой штурма заняла все казармы гарнизона, выяснилось, что в некоторых из них многие солдаты были арестованы офицерами за отказ участвовать в мятеже. Победившие левые направили в Мадрид и Астурию тысячи винтовок.

По примеру Валенсии остался верным республике весь Левант. Только в городах Альбасете и Теруэль власть захватили примкнувшие к путчистам гражданские гвардейцы. Но уже 26 июля прибывшая из Валенсии колонна восстановила республику в Альбасете. 180 бойцов милиции и гражданской гвардии города Кастельон двинулись на штурм лежащего в горной, труднодоступной местности Теруэля. По пути гражданская гвардия перешла на сторону мятежников и расстреляла шедших с ней юношей из Кастельона. Теруэль остался в руках путчистов и позднее стал испанским Сталинградом: именно там шли наиболее жестокие городские бои гражданские войны.

Очень важным для республики было то обстоятельство, что сохранило верность присяге командование основной военно-морской базы республики

— Картахены. Именно этот порт стал впоследствии основным пунктом назначения доставлявшихся в республиканскую Испанию советских военных грузов.

Итак, 17–20 июля вся Испания стала ареной жестоких боев, предательства и героизма. Но все же главным был только один вопрос: на чьей стороне будут два основных города страны — Мадрид и Барселона.

Уже к началу мятежа коммунисты и социалисты Мадрида держали свои боевые дружины в полной боевой готовности. Специальные пикеты вели наблюдение за воинскими частями.

План мятежников состоял в том, чтобы поднять воинские части на окраинах города и, захватив столичный аэродром «Куатро Вьентес» («Четыре ветра») двинуться в центр, где к тому времени должны были восстать казармы Ла-Монтанья (там находился командующий силами путчистов генерал Фанхуль). Казармы Ла-Монтанья были расположены на вершине крутого холма и были окружены прочными стенами, за которыми находились тысячи солдат и офицеров. Одновременно с выступлением военных штурмовые группы фалангистов на автомашинах должны были беспорядочной стрельбой сеять панику на улицах Мадрида и в случае успеха совместно с гражданской гвардией захватить радиостанцию и здание правительства.

18 июля в казармы Ла-Монтанья были введены курсанты Толедской пехотной академии и несколько сотен вооруженных фалангистов. 19 июля после полудня в Ла-Монтанью прибыл командующий мятежниками генерал Фанхуль, который объявил Мадрид на военном положении и взял на себя командование I-м столичным военным округом. Но войска все же побоялись покинуть казармы, ожидая подхода путчистов с окраин, где мятеж начался 20 июля в 4 часа тридцать минут утра. В 5 часов утра артиллерийский полк в пригороде Хетафе открыл огонь по аэродрому «Куатро Вьентос», но подоспевшие на помощь авиаторам бойцы рабочей милиции за полчаса взяли казармы артиллеристов. К тому времени у рабочих было оружие, которое выдал им на свой страх и риск, по собственной инициативе подполковник Родриго Хиль, начальник артиллерийского склада. Хотя при этом выявилась и неприятная вещь: обнаруженные народной милицией 45 тысяч винтовок оказались без затворов, которые были заранее вывезены мятежниками в казармы Ла-Монтанья.

Взяв Хетафе, милиция совместно с военнослужащими ВВС отправилась на штурм казарм в мадридском пригороде Карабанчель, в которых находился другой главарь мятежников генерал Гарсиа дела Эрран.

На этот раз в дело пошла захваченная артиллерия, и ее огонь прямой наводкой заставил солдат сдаться. Они убили де ла Эррана, который сам хотел расстрелять за непокорность некоторых военнослужащих.

А в это время казармы Ла-Монтанья уже были окружены плотным кольцом народа, хотя только немногие из собравшихся были вооружены. Генерал Фанхуль не располагал радиосвязью и телефоном, поэтому он подавал де ла Эррану световые сигналы с призывами о помощи, не зная, что их адресат уже мертв. Не было и никаких признаков подхода к городу с севера частей генерала Молье.

20 июля в 5 часов утра Фанхулю был передан ультиматум с требованием сложить оружие в течение часа. Генерал отказался и в атаку пошли бойцы милиции с одними карабинами наперевес. Их встретил плотный ружейно-пулеметный огонь и, оставив у стен казармы много убитых и раненых, волна атакующих откатилась назад. Тогда на подмогу прибыли два 75-мм и два 155-мм орудия. Чтобы создать у осажденных впечатление, что пушек больше, артиллеристы постоянно меняли позиции. За боем наблюдала толпа восторженных мадридцев, оживленно комментировавших ход сражения. Это был какой-то народный праздник: лилось рекой вино, раздавались раскаты смеха, сопровождавшие каждое удачное попадание. С крыш соседних с казармой домов солдат призывали сложить оружие, так как их воинские части формально уже были распущены декретом правительства.

В 9 часов утра мятежникам был направлен еще один ультиматум, который был передан парламентом вышедшему ему навстречу полковнику. На это раз путчистам давалось 20 минут, после чего предполагалось начать бомбардировку казарм с воздуха. Полковник ответил, что жребий уже брошен и пути назад нет. На Ла-Монтанью было сброшено несколько бомб малого калибра. Это сломило дух осажденных, среди которых начались распри. Те военнослужащие, что были за капитуляцию, вывесили белые флаги. Но сдаваться хотели не все 1364 человека из Ла-Монтанья и когда народная милиция, увидев белые флаги, попыталась приблизиться к казарме, ее встретили выстрелами. Решив, что путчисты устроили хладнокровную бойню, разъяренные милиционеры снова вызвали авиацию. Затем через пробитые в фасаде казармы бреши внутрь ворвались верные республике гражданские гвардейцы и рабочие. Многие солдаты и офицеры были убиты на месте. Едва не линчевали и раненого осколком Фанхуля. В 12 часов дня над Ла-Монтаньей развивался трехцветный республиканский флаг.

После событий в центре Мадрида два пехотных полка — 6-й и «Вад-

Рас» (названный так в честь марокканского местечка, где испанцы в 1860 году одержали победу над местными жителями) капитулировали, так и не начав мятежа. Только полк связи в Эль-Пардо, заявив, что идет бороться против войск Молы, покинул город и действительно добрался до «Директора», встав на его сторону. В качестве живого щита мятежники-связисты увели с собой сына Ларго Кабальеро.

Сформированные после удачного штурма Ла-Монтаньи колонны милиции на реквизированном автотранспорте и без четкого плана действий рассыпались веером в разные стороны от Мадрида. По арагонскому (или как его еще называли французскому) шоссе милиционеры ворвались в город Гвадалахару (60 км северо-восточнее Мадрида), который уже был захвачен мятежниками. 23 июля после непродолжительного боя город снова стал республиканским и милиция, выдвинувшись дальше, дошла до границы Арагона.

Одновременно была освобождена древняя столица Испания Толедо (в 60 км юго-западнее столицы). Однако командующий мятежным гарнизоном полковник Москардо и 1300 человек (300 из них являлись заложниками, среди которых были женщины и дети) успели скрыться за стенами мощной средневековой крепости Толедо — Алькасара. У милиции не было артиллерии и она начала осаду Алькасара, надеясь взять Москардо измором.

В целом, первая битва за Мадрид показала, что при решимости партий Народного фронта и наличии хотя бы стрелкового вооружения мятежникам было практически невозможно захватить инициативу и одержать победу. Имея в столице довольно внушительные силы (8 тысяч военнослужащих и примерно столько же гражданских и штурмовых гвардейцев), путчисты так и не смогли толком развернуть боевые действия. Их поражение означало провал мятежа и начало гражданской войны. Но будет ли эта война затяжной, зависело от того, кто станет хозяином индустриальной Каталонии и ее сердца — Барселоны.

Мятежники не обманывались насчет явно враждебной реакции жителей города. Хотя они надеялись, что преобладавшие в Барселоне анархисты (членов НКТ в городе было 68 тысяч) не способны организовать четкое и планомерное сопротивление и быстро выдохнутся, если действовать жестко и быстро. Барселона была центром IV-го военного округа, и расквартированный в ней гарнизон был вторым по численности в Испании: три пехотных, три кавалерийских и три артполка. К тому же в городе были силы безопасности (три пехотных полка, три кавалерийских эскадрона, девять отдельных рот), 24 кавалерийских эскадрона

гражданской гвардии и 6 рот корпуса карабинеров. Все войска были расквартированы непосредственно в Барселоне.

«Директор» назначил шефом заговора в Каталонии генерала Мануэля Годада (1882–1936). За плечами у него была блестящая военная карьера в Марокко, где в 1926 году он стал генералом. Годед интриговал против диктатора Примо де Риверы и после провозглашения республики возглавил генеральный штаб. Но Асанья недолюбливал генерала, и через несколько месяцев его отстранили от должности. После победы на выборах Народного фронта Годада отправили командовать войсками на Балеарские острова, что означало, по сути дела, почетную ссылку.

За несколько дней до начала мятежа активисты рабочих организаций начали патрулирование улиц Барселоны. 18 июля НКТ и ВСТ потребовали у председателя автономного правительства Компаниса раздать им оружие. Он отказался, но анархисты самовольно захватили оружие на судах, стоящих в порту. Это был тот случай, когда тактика «прямого действия» оказалась к месту и спасла Каталонию. Всего в руках у рабочих оказалось около 1000 винтовок.

Между тем Годед поднял мятеж на главном острове Балеар — Майорке — и легко захватил власть, хотя меньший остров Менорка остался верным республике. На рассвете 19 июля восставшие части 13-го и 14-го пехотных, 3-го и 4-го артиллерийских полков стали выходить из казарм в Барселоне. Была занята центральная телефонная станция и центральная площадь — площадь Каталонии. Но взять штурмом здание генералидада не удалось, так как части полиции, гражданской и штурмовой гвардии встали на сторону Компаниса. Анархисты стали из засад тревожить выдвинувшиеся войска смелыми атаками.

В 11 часов 19 июля Годед прибыл в Барселону с Майорки на гидросамолете и обосновался в штабе IV-го военного округа, где он арестовал его командующего генерала Льяно де Энкомьенду, отказавшегося нарушить присягу. Годед был уверен, что Барселона уже под контролем. Но весь день 19 июля в разных частях города шли ожесточенные бои, а когда гражданская гвардия раздала оружие рабочим, чаша весов стала склоняться на их сторону. У Французского вокзала неожиданной атакой была захвачена артиллерия. Среди попавших в плен офицеров, которые спешно срывали знаки различия, был опознан капитан Луис Лопес Варела — глава Испанского военного союза.

К концу дня стало ясно, что отдельные группы мятежников так и не смогли соединиться. Уже к 6 часам вечера Годед был осажден в здании штаб-квартиры округа и молил по телефону Кабанельяса прийти к нему на

помощь из Сарагосы. Его голос заглушали бившие по зданию округа орудия правительственных сил. Генерал был взят в плен, и ему дали возможность выступить по радио. Годед заявил «испанскому народу», что его «судьба неудачна»: «Те, кто захочет продолжить борьбу, не должны впредь рассчитывать на меня».

В понедельник 20 июля члены НКТ взяли штурмом последний оплот мятежников — казармы Атарасанас, где было захвачено 14 тысяч винтовок. Во время атаки геройски погиб лидер анархо-синдикалистского профцентра Аскасо.

Не будет преувеличением сказать, что НКТ спасла Барселону для республики. Конечно, коммунисты и социалисты (23 июля 1936 года они образовали в Каталонии единую партию) дрались не менее самоотверженно, но их было просто гораздо меньше, чем членов НКТ. Бои в Барселоне сделали известным всей Испании имя лидера анархистов Буэновентуры Дуррути, который проявил задатки крупного организатора и военачальника. Дуррути быстро сформировал колонны милиции, которые на машинах, украшенных черно-красными анархистскими флагами, двинулись на освобождение Арагона, отбив у мятежников значительную территорию.

Провал путча в Барселоне решил участь всей Каталонии. Военные гарнизоны Таррагоны и Жероны вообще не решились на выступление. В Лериде офицерам удалось вывести на улицу полк, но известие о поражении Годеда в Барселоне заставило мятежников сдаться без единого выстрела.

Индустриальная Каталония остались с республикой.

Следуя за изложением событий трех самых черных и одновременно героических дней испанской истории, читатель, наверное, уже вправе спросить, где же тот человек, с именем которого мы привыкли связывать контрреволюцию в Испании. Где Франсиско Франко?

Мы расстались с ним, когда победивший Народный фронт направил генерала командовать войсками на Канарские острова. Там Франко уделял гольфу и изучению английского языка гораздо больше времени, чем организации переворота, которая лежала, в основном, на плечах Молье. Заговорщики даже стали величать Франко за его бездеятельность «Мисс Канарские острова». Согласившись, наконец, принять участие в путче, Франко взял на себя командование африканской армией, многие офицеры которой знали его по совместной службе и были ему лично преданы. Оставалось только попасть с Канар в Марокко. Корреспондент правой испанской газеты «АБЦ» в Лондоне Луис Болин зафрахтовал на деньги знакомого нам Хуана Марча (2000 фунтов стерлингов) в частной компании

«Олли эйр сервисиз» самолет «Драгон рэпид», который пилотировал английский летчик Уильям Бэбб, ранее служивший в ВВС Великобритании. Дело было в том, что Франко не доверял летчикам испанских ВВС и предпочел начать борьбу за «национальные интересы Испании» с помощью иностранцев.

Как уже упоминалось, 11 июля самолет стартовал из Англии и 14 июля в 14.40 прибыл в аэропорт на острове Гран Канария. После убийства Кальво Сотело Франко начал лихорадочно готовиться к полету в Африку. Своим жене и дочери он купил билеты на немецкий пароход, следовавший во французский порт Гавр. Но перед Франко встала сложная проблема. За ним следила полиция, а ему надо было попасть с острова Тенерифе, где находился его штаб, на остров Гран-Канария, где его ждал самолет. Франко не мог ехать на Гран-Канария без разрешения военного министерства. И вдруг утром 16 июля при странных обстоятельствах погиб командующий войсками на Гран-Канария генерал Амадо Балмес. Он якобы случайно застрелился, когда чистил оружие, хотя и не исключено, что генерала просто убрали с дороги. Как бы то ни было, у Франко появился предлог, чтобы покинуть Тенерифе. В пятницу, 17 июля в 8 часов 30 минут утра Франко морем прибыл на остров Гран-Канария, где взял в свои руки подготовку мятежа на островах. Узнав о начале путча в Марокко (который совершался от его имени), Франко послал командующим всех восьми военных округов телеграмму: «Слава африканской армии...».

18 июля в 5.15 утра радио столицы Канарских островов Лас-Пальмаса стало передавать манифест Франко, в котором без ссылки на монархию или республику говорилось о необходимости положить конец анархии в стране. Уже в этом первом публичном обращении будущего лидера мятежников содержалось голословное утверждение о засилье иностранцев в Испании, против которого якобы и поднялись «национально» ориентированные силы.

У здания муниципалитета Лас-Пальмаса быстро собрался митинг протеста, позднее рассеянный с помощью артиллерии. Но все же у мятежников было так мало сил, что пришлось вооружить отставных офицеров и фалангистов. Франко сдал командование путчистами весьма кстати оказавшемуся на Канарах в ссылке генералу Оргасу и на катере отправился в аэропорт (ехать по земле было небезопасно). В 14 часов 5 минут 18 июля «Драгон Рэпид» взял курс на Марокко. Хитрый Франко, отнюдь не уверенный в успехе своего рискованного предприятия, на всякий случай взял с собой письмо на имя Кироги, где говорилось, что он спешит на защиту республики. Был у Франко и чужой паспорт на имя испанского дипломата Сангрониса. Генерал был одет в штатский костюм, сбрил усы и

нацепил черные очки. Ночевал Франко в Касабланке (французская часть Марокко). Наконец, когда в 5 утра 19 июля самолет пересек границу Испанского Марокко, Франко надел генеральскую форму.

Приземлившись, Франко расположил свою штаб-квартиру в Тетуане и одним из его первых приказов был приказ о расстреле своего двоюродного брата, майора авиации (мы уже встречались с ним на страницах этой книги), не нарушившего присягу. Лицемерный Франко на время расстрела передал командование генералу Оргасу, чтобы снять с себя прямую ответственность за это преступление.

В Марокко Франко застало известие о том, что военный мятеж, едва начавшись, уже лишился своего верховного вождя — генерала Санхурхо. 19 июля от Молы в Португалию на слабеньком биплане «Пусс-Мот» прибыл летчик, монархист и гуляка Хуан Антонио Ансальдо с заданием привезти Санхурхо в Испанию. Тучного генерала подвело пристрастие к помпе. Он решил взять с собой тяжелый чемодан с парадной униформой. Перегруженный самолет не смог набрать высоту, задел за деревья, упал и загорелся. Санхурхо погиб, а Ансальдо остался жив. По другой версии в аэроплан генерала подложили бомбу анархисты. Поговаривали и о том, что за убийством стоял сам Франко, недолюбливавший Санхурхо и видевший в нем основного конкурента в борьбе за власть над мятежным лагерем.

Главной военной задачей вступившего в командование африканской армией Франко была как можно более быстрая переброска вверенных ему частей в Испанию. Кейпо де Льяно держался в Севилье из последних сил, да и то благодаря неорганизованности противостоящих ему сил народной милиции. Было ясно, что без помощи из Марокко вся Андалусия будет в короткий срок очищена от мятежников. Население провинции уже стало формировать партизанские отряды, а контролируемые мятежниками города были отрезаны друг от друга.

В этой обстановке ключевая роль отводилась военно-морскому флоту Испании, который мог либо перебросить путчистов на Пиренейский полуостров, либо запечатать их в Марокко. Второй вариант означал скорую и бесславную кончину переворота.

После Первой мировой войны, испытывая серьезные финансовые затруднения, Испания строила, в основном, легкие, но быстроходные корабли. В 1928 году диктатор Primo de Rivera принял программу закладки двух крейсеров «Канариас» и «Балеарес» со скоростью хода до 33 узлов.

Всего к моменту мятежа ВМС Испании состояли из двух старых линкоров («Хайме I» и «Эспанья»), семи крейсеров (два из которых еще

строились), 17 эсминцев, 8 миноносцев, 5 канонерских и 12 подводных лодок. Личный состав флота насчитывал 970 офицеров и 14 тысяч старшин и матросов. В частях военно-морских баз, арсеналах ВМФ и береговой охране служило около 20 тысяч человек.

Самой современной базой ВМС был галисийский Эль-Ферроль, на который базировались крейсера и линкоры. Кадис как военно-морская база был ценен близостью к Гибралтару. Порт Картахена имел скорее второстепенное значение, так как его размеры не позволяли постоянное базирование крупных кораблей, которые стояли в Эль-Ферроле и Кадисе.

Высшие офицеры корабельного состава флота, как правило, были из аристократических семей и настроены крайне реакционно. В то же время офицеры технических служб на кораблях и базах рекрутировались из средних классов (среди высших офицеров как армии, так и флота было распространено презрение к технике) и часть из них придерживалась республиканских взглядов. Старшины и матросы, как и на российском флоте в 1917 году, были наиболее прогрессивной частью вооруженных сил. На всех кораблях были сплоченные организации левых партий.

Испания с 1898 года не участвовала в морских сражениях. Боевая подготовка ВМС была поставлена плохо. Флот занимался в основном парадными. Подводные лодки были построены лишь для того, чтобы не отстать от других стран и никогда не использовались. Офицеры и матросы имели плохую выучку, что объяснялось отсутствием у них опыта реальных боевых действий.

После победы Народного фронта на выборах, каюты и кубрики захлестнули жаркие политические дискуссии. Попытки офицеров оградить старшин и матросов от политики были обречены на провал, так как корабли, в основном, стояли на базах, а настроения во всех портовых городах были левыми.

В мае 1936 года флот, по совету генерала Франко, провел маневры в районе Канарских островов. В ходе переговоров с командирами кораблей была достигнута договоренность, что ВМФ обеспечит переброску восставшей африканской армии в Испанию. Почуввав неладное, вице-секретарь по делам ВМС военного министерства генерал Матц отдал приказ кораблям вернуться на базы без захода в марокканские порты. Эсминцы вернулись в Картахену, а линкор и крейсера — в Эль-Ферроль. В Кадисе к моменту мятежа были только 2 канонерские лодки. Подводные лодки находились в порту Маон на Балеарских островах.

После начала мятежа 17 июля эсминцы и подлодки получили приказ из Мадрида войти в Гибралтарский пролив и воспрепятствовать переправе

мятежников из Марокко, а также подвергнуть бомбардировке с моря Мелилью. Но командиры двух эсминцев, едва достигнув Мелильи, вошли в порт и начали переговоры о присоединении к путчистам. Однако, узнав об этом, матросы обрубали канаты и вышли в море. Командир эсминца «Альмиранте Вальдеса» посадил корабль на мель, но команда все же вывела корабль в открытое море, хотя и с поврежденным винтом. Офицеры двух эсминцев были арестованы и высажены в Испании.

18 июля, не зная о мятеже, эсминец «Чурукка» перевез из Сеуты в Кадис 5-ю «бандеру» Иностранного легиона. Но уже через несколько часов экипаж эсминца отказался выполнять приказы своих офицеров-мятежников. 19 июля канонерская лодка «Дато» и паромное судно доставили в Альхесирас еще 120 человек из Марокко. Но этого было явно недостаточно.

К 22 июля о верности республике заявили экипажи всех подводных лодок, хотя на некоторых из них пришлось арестовать офицеров. Важнейшую роль в подавлении мятежа на флоте сыграли радисты. Именно от того, на чьей стороне они находились, зависело, какие приказы будут получать корабли. Благодаря бдительности рядового радиста командования ВМС в Мадриде Бенхамина Бальбоа был арестован начальник службы связи флота, замешанный в путче. Всем кораблям было предписано каждые два часа сообщать о своем местонахождении. Так как шифры стали известны заговорщикам, все телеграммы стали передаваться открытым текстом.

На практике это происходило так. Крейсер «Либертад» получил приказ обстрелять захваченный мятежниками Кадис. Но командир корабля под всяческими предлогами отказывался выполнять задание. В это время радист крейсера принял телеграмму из Мадрида: «Они предают вас и республику. Беритесь за оружие». Команда взломала оружейные комнаты, захватила 200 винтовок и арестовала офицеров. Капитан крейсера «Сервантес» пытался оказать вооруженное сопротивление, и капитанский мостик был обстрелян командой из 100 винтовок.

Линкор «Хайме I» по приказу правительства вышел из испанского порта Виго в Кадис. За время перехода на корабле три раза сменилось командование, и только в результате ожесточенной и кровопролитной схватки линкор остался за республикой.

К 21 июля корабли флота находились в Танжере (тогда этот город и прилегающая территория Марокко были особой международной зоной). Франко, правда, удалось добиться от английских властей отказа обслуживать республиканские корабли в Гибралтаре, но путь для

переброски морем в Испанию его африканской армии был перерезан.

В результате подавления мятежа на флоте, на стороне законного правительства остались линкор «Хайме I», крейсера «Либертад» и «Сервантес», старый легкий крейсер «Мендес Нуньес», 16 эсминцев и все подводные лодки.

В руках мятежников оказались линкор «Эспанья» (мы уже рассказывали о нем, когда описывали мятеж в Галисии), строящиеся в доках Эль-Ферроля крейсера «Канариас» и «Балеарес», два легких крейсера, эсминец и 4 канонерки.

Таким образом, флот в своем подавляющем большинстве сохранил верность республике. В ходе мятежа было убито 253 из 650 адмиралов, командиров кораблей и высших офицеров флота. Всего из 19 адмиралов правительство сместило 17, из 31 капитана первого ранга — 29, из 65 капитанов второго ранга — 58, из 128 капитанов третьего ранга — 115, из 258 капитан-лейтенантов — 246 и из 172 старших лейтенантов — 171.

Франкисты много писали потом о зверствах матросов на флоте. На практике же убивали, в основном, тех офицеров, кто оказывал вооруженное сопротивление. Спустя несколько месяцев после мятежа, матросы одного из кораблей показывали журналистам нетронутые каюты офицеров, которые запирались на ключ во избежании мародерства.

Да, флот остался верен республике. Но, одновременно, он остался без командиров. Власть на кораблях взяли в свои руки выборные комитеты, состоявшие в основном из социалистов и анархистов с преобладанием первых. Начались межпартийные склоки. Единоначалие было фактически ликвидировано, а боевая учеба прекращена. Отсутствием четкого командования и неразберихой на многих кораблях и объясняется во многом пассивность республиканского флота в годы гражданской войны.

К 22 июля обе воюющие стороны подводили первые итоги. Мятеж победил на трети территории страны (175 тысяч кв. километров), в основном, в центре и на севере, где войска Мола находились в 60 километрах от Мадрида. На юге в Андалусии территория мятежников была еще фрагментарной. С другой стороны, если Мола задействовал в боях все находившиеся в его распоряжении войска, то на юге ударные силы мятежников — африканская армия — еще не вступили в бой. Под контролем путчистов оказались почти все сельскохозяйственные районы страны (особенно зерновые хозяйства), что позволяло рассчитывать на устойчивое и бесперебойное снабжение продовольствием. У республики (ее власть удержалась на 350 тысячах кв. километрах) остались главные промышленные районы (Каталония, Баскония и Астурия, хотя два

последних были отрезаны от основной территории республики). Население республиканской зоны в три раза превышало население районов, контролируемых мятежниками.

Мола легко захватил консервативные регионы Кастилии и Наварры, но, в целом, подавляющая часть жителей мятежной зоны была настроена против путчистов.

Мятеж выявил следующие основные черты. Путчисты не смогли победить нигде, где им было противопоставлено вооруженное сопротивление. Но даже там, где оружия было мало, успех Народного фронта был практически обеспечен, если республиканцы упреждали мятежников в инициативе. Большую роль играл личный фактор (Кейпо де Льяно в Севилье и Аранда в Астурии), однако он работал в пользу мятежников только при условии намеренного введения в заблуждение своих противников республиканскими лозунгами. С первых дней путча восставшая армия обрушила на население террор невиданных ранее в истории Испании масштабов. Только так могли быть сохранены позиции восставших в большинстве районов страны.

Подытоживая, можно констатировать, что мятеж 17 июля 1936 года частично удался только потому, что правительство в Мадриде 40 часов медлило с вооружением народа. Если бы Кирога пошел на этот шаг немедленно, то Испании не пришлось бы пережить в течение трех последующих лет самую кровопролитную войну в своей истории.

Каким же было соотношение сил к началу этой войны?

К моменту мятежа в наземных войсках (помимо африканской армии) было 135888 человек, в т. ч. 84 генерала, 11084 офицера и 124715 рядовых и унтер-офицеров. Из 99 батальонов пехоты, из которых состоял этот самый многочисленный род войск вооруженных сил, верность республике сохранило 45, из 10 кавалерийских полков — 3. То есть присягу не нарушило 40 % пехоты. По артиллерии эта цифра составляет 44 %, интендантской службе — 43,1 %, медицинской — 46,5 %. Инженерные части (самый «технический» род войск) полностью пошли за республикой, что явилось несомненным результатом реформ Асаньи и более демократичного социального состава офицерского корпуса.

Таким образом, если отбросить Марокко, Канарские и Балеарские острова, то в собственно Испании 50 % наземных частей не пошло за путчистами.

Личный состав авиации (355 офицеров, 4423 рядовых и унтер-офицеров) остался с республикой на 60 %, личный состав флота — на 65 %. 54 % численного состава гражданской (29187 человек, в т. ч. 6033

офицера) и 70 % штурмовой (6500 человек) гвардии, а также 65 % корпуса карабинеров также сохранили верность правительству. Это весьма высокий процент для сил безопасности, не питавших (за исключением, недавно созданной штурмовой гвардии) особых симпатий к левым силам.

Итак, когда к 22 июля окончательно сформировались оба военных лагеря, у мятежников было 62 275 военнослужащих сухопутных сил (у республики — 55225), 2200 военнослужащих ВВС (3300 — у законного правительства), 7000 матросов и офицеров флота (13000 — у республики) и 27 тысяч бойцов сил общественного порядка (40500 — у республики). Внешне это соотношение сил выглядит более чем благоприятно для республиканцев. Но, к сожалению, совершив огромную глупость, Кирога распустил на территории республики все воинские части, офицеры которых были замешаны в мятеже. Солдаты этих частей, как правило, не играли в заговоре активной роли и разошлись по домам именно тогда, когда их профессиональные качества были на вес золота.

Из 15 343 генералов и офицеров всех родов войск на республиканской территории осталось почти половина — 7600, 3 тысячи из которых были уволены, арестованы или казнены. Около 3500 офицеров осталось на службе, сталкиваясь с недоверием и неразберихой, сопровождавшими процесс становления народной милиции. Правда, около 2000 офицеров, ушедших в отставку в ходе военной реформы Асаньи, вернулись на службу. Но еще долгое время им практически нечем было командовать.

Из 17 генералов генштаба, штабов родов войск и военных округов только четверо (Франко, Кейпо де Льяно, Фанхуль и Кабанельяс) приняли участие в мятеже, а шестеро были казнены путчистами за отказ к ним присоединиться. В республиканской зоне осталось 7 штабных генералов, 2 из которых были отправлены в отставку. Из 82 «боевых» генералов (т. е. занимавших командные должности в провинциях) на территории мятежников осталось 35, из них только 17 получили должности в новой «национальной» армии. В республиканской зоне после путча оказалось 47 генералов, из которых 22 осталось на службе. Мы уже описывали выше примеры героического сопротивления многих честных людей с генеральскими погонами их вероломным коллегам. Конечно, большинство из тех, кто сохранил верность присяге, не были людьми левых убеждений. Они были просто порядочными офицерами, не желавшими пачкать свое имя клятвопреступлением.

Довольно интересным является распределение оружия и боевой техники между обоими лагерями. Описание мятежа могло создать впечатление о тотальном превосходстве путчистов. В реальности у

республики было больше оружия, но его слишком долго не раздавали сторонникам правительства.

Из примерно 500 тысяч винтовок и карабинов, которыми располагали армия и силы безопасности к моменту начала мятежа 275 тысяч остались на территории республики. По станковым пулеметам соотношение выглядело 665 к 985 в пользу мятежников, по ручным 986 к 1789 тоже в пользу последних. Из 956 орудий всех калибров обе стороны имели практически поровну. Из 300 самолетов военной авиации (в массе своей устаревших и непригодных для современного боя) около 200 остались у республики.

Соотношение сил по боевым кораблям было показано выше. Важным являлось и то обстоятельство, что из 4 тысяч локомотивов и 100 тысяч вагонов три четверти досталось республиканцам. Это облегчало правительственным силам оперативную переброску войск на ключевые направления. Дело было за малым — создать эти самые войска. Республика сохранила за собой и две трети автопарка, составлявшего 350 тысяч легковых и грузовых машин, а также торговый флот водоизмещением в 700 тысяч тонн (из общего тоннажа — миллион тонн).

Не удивительно, что германский временный поверенный в делах в Мадриде оценивал шансы мятежников в конце июля весьма скептически, именно ввиду превосходства правительственных сил в вооружении. Хотя использовать это вооружение в первый период войны лучше смогли все же мятежники.

Глава 8. Маневренная война, террор и начало иностранной интервенции

(июль — сентябрь 1936 года)

Мятеж 17–20 июля уничтожил испанское государство, в том виде, в каком оно существовало не только в республиканское пятилетие. В республиканской зоне первые месяцы реальной власти не было вообще. Помимо армии и сил безопасности республика лишилась практически всего госаппарата, так как большинство чиновников (особенно высшего звена) не вышли на службу или перебежали к мятежникам. Так же поступили и 90 % дипломатических представителей Испании за границей, причем дипломаты прихватили с собой много секретных документов.

Была фактически нарушена и целостность республиканской зоны. Наряду с центральным правительством в Мадриде существовали автономные правительства в Каталонии и Стране басков. Однако власть каталонского Генералидада стала чисто формальной, после того как 23 июля 1936 года в Барселоне образовался Центральный комитет антифашистской милиции под контролем НКТ, взявший на себя все административные функции. Когда колонны анархистов освободили часть Арагона, там был создан Арагонский совет — абсолютно не легитимный орган власти, не обращавший внимания на постановления и законы мадридского правительства. Республика даже не находилась на грани

распада. Она уже перешла эту грань.

Как отмечалось выше, премьер Кирога ушел в отставку в ночь с 18 на 19 июля, не желая санкционировать выдачу оружия партиям и профсоюзам. Президент Асанья поручил формирование нового кабинета президенту кортесов Мартинесу Баррио, привлечшему в правительство представителя правых республиканцев Санчеса Романа, партия которого даже не присоединилась к Народному фронту. Такой состав правительства должен был сигнализировать мятежникам готовность Мадрида к компромиссу. Мартинес Баррио позвонил Моле и предложил ему и его сторонникам два места в будущем кабинете национального единства. Генерал ответил, что пути назад нет. «У вас свои массы, а у меня свои и мы оба не можем предать их».

В Мадриде рабочие партии поняли образование кабинета Мартинеса Баррио как открытую капитуляцию перед путчистами. Столицу захлестнули массовые демонстрации, участники которых кричали: «Измена!». Мартинес Баррио был вынужден подать в отставку, пробыв на своем посту только 9 часов.

19 июля Асанья поручил формирование нового правительства Хосе Хиралю (1879–1962). Хираль родился на Кубе. За свою политическую деятельность (он был убежденным республиканцем) сидел в тюрьме в 1917 году, два раза при диктатуре Примо де Риверы и один раз при Беренгере в 1930 году. Хираль был близким другом Асаньи и вместе с ним основал партию Республиканское действие, позднее сменившую название на Левую республиканскую партию. В правительствах 1931–1933 годов Хираль был министром ВМС.

В кабинет Хиралья вошли только представители республиканских партий Народного фронта. Коммунисты и социалисты заявили о его поддержке.

Первой мерой Хиралья было санкционирование выдачи оружия партиям и профсоюзам, входившим в Народный фронт. По всей стране это уже происходило явочным и беспорядочным образом. Каждая партия стремилась получить в свое распоряжение как можно больше оружия на «всякий случай». Оно зачастую накапливалось на складах, в то время как его катастрофически не хватало на фронтах. Так в Каталонии анархисты захватили около 100 тысяч винтовок, а в первые месяцы войны НКТ направил в бой не более 20 тысяч человек. При штурме казармы Ла-Монтанья в Мадриде массу современных винтовок «Маузер» разобрали молодые девушки, красовавшиеся с оружием, как с только что купленным ожерельем. В результате неумелого обращения десятки тысяч ружей

пришли в негодность, и коммунистам пришлось начать специальную пропагандистскую кампанию в пользу сдачи винтовок. Партийные агитаторы доказывали, что в современной армии нужны не только стрелки, но и саперы, санитары, разведчики, которые вполне могут обойтись и без винтовок. Но ружье стало символом нового статуса, и с ним расставались крайне неохотно.

Решив кое-как проблему с оружием, Хираль попытался упорядочить органы власти на местах. Вместо них или параллельно с ними создавались комитеты Народного фронта. Первоначально они хотели лишь следить за верностью местных властей республике, но в условиях паралича административного аппарата явочным порядком брали на себя функции органов местного самоуправления.

С самого начала мятежа в стане левых сил возникли разногласия. Анархисты и левые социалисты Ларго Кабальеро требовали немедленного уничтожения всей старой государственной машины, смутно представляя, что должно придти ей на смену. НКТ даже выдвинул лозунг: «Организуйте дезорганизацию!» Коммунисты, центристы ИСРП под руководством Прието и республиканцы убеждали воодушевленные первыми успехами народные массы, что победа еще не достигнута и основное сейчас — железная дисциплина и организация всех сил для ликвидации мятежа. Уже тогда анархисты стали упрекать компартию в предательстве революции и переходе в «лагерь буржуазии». ИСРП, по-прежнему запрещала своим членам входить в правительство, и Прието был вынужден явочным порядком налаживать дела в военно-морском флоте.

В тот начальный период войны именно КПИ все больше и больше стала рассматриваться населением республиканской зоны как наиболее «серьезная» партия, способная обеспечить нормальное функционирование госаппарата. Сразу же после мятежа в компартию вступило несколько десятков тысяч человек. Объединенная социалистическая молодежь (ОСМ), организация, созданная путем слияния молодежных организаций КПИ и ИСРП, фактически стояла на позициях коммунистов. То же самое можно сказать и об учрежденной 24 июля 1936 года Объединенной социалистической партии Каталонии (в нее вошли местные организации КПИ, ИСРП и две небольшие самостоятельные рабочие партии). Президент Асанья публично заявил иностранным корреспондентам, что если они хотят правильно понять положение в Испании, то должны читать газету «Мундо обреро» («Рабочий мир», центральный орган КПИ).

22 июля 1936 года Хираль издал декрет об увольнении всех государственных служащих, замешанных в мятеже или являвшихся

«открытыми врагами» республики. На госслужбу приглашались лица, рекомендованные партиями Народного фронта, у которых, подчас, к сожалению, не было никакого административного опыта. 21 августа была распущена старая и создана новая дипломатическая служба.

23 августа был образован специальный суд для рассмотрения дел о государственных преступлениях (через три дня такие же суды были учреждены и во всех провинциях). Наряду с тремя профессиональными судьями в состав новых судов входили четырнадцать народных заседателей (по два от КПИ, ИСРП,левой республиканской партии, Республиканского союза, НКТ-ФАИ и ОСМ). В случае вынесения смертного приговора суд большинством голосов при тайном голосовании определял, может ли подсудимый ходатайствовать о помиловании.

Но, конечно, вопросом жизни или смерти для республики было, прежде всего, ускоренное формирование собственных вооруженных сил. 10 августа было объявлено о роспуске гражданской гвардии и вместо нее 30 августа была создана Национальная республиканская гвардия. 3 августа был издан декрет об образовании так называемой «добровольческой армии», которая была призвана заменить сражавшуюся в первые дни мятежа с врагом народную милицию.

Народная милиция — это собирательное название созданных партиями Народного фронта вооруженных формирований. Они образовались без всякого плана и воевали, где хотели. Какая бы то ни было координация между отдельными отрядами зачастую отсутствовала. Не было униформы, тыловых и санитарных служб. В составе милиции были, конечно, бывшие офицеры и солдаты армии и сил безопасности. Но им явно не доверяли. Специальные комиссии проверяли их политическую благонадежность. Офицеры классифицировались либо как республиканцы, либо как так называемые «индифферентные», либо как «фашисты». Каких-то четких критериев для этих оценок не было. В первые дни мятежа в милицию разных партий записалось около 300 тысяч человек (для сравнения можно отметить, что Мола располагал к концу июля не более 25 тысячами бойцов), но только 60 тысяч в той или иной степени участвовали в боевых действиях.

Позднее генеральный секретарь ЦК КПИ Хосе Диас назвал лето 1936 года периодом «романтической войны» (хотя для него самого это определение вряд ли подходило, так как в первые дни мятежа он потерял в родной Севилье убитую мятежниками дочь-комсомолку). Молодежь, в основном члены ОСМ и НКТ, одетые в синие комбинезоны (что-то вроде революционной формы, как кожаные куртки в России времен гражданской

войны) и вооруженные чем попало, загружались в реквизированные автобусы и грузовики и ехали биться с мятежниками. Потери были огромными, так как боевой опыт и элементарные тактические приемы ведения боя отсутствовали напрочь. Но тем больше было ликование в случае успеха. Освободив какой-нибудь населенный пункт, милиция часто разъезжалась по домам, и молодежь допоздна обсуждала в кафе свои успехи. А кто же оставался на фронте? Часто никто. Считалось, что каждый город или деревня должны были держаться самостоятельно.

Народная милиция была единственно возможным средством не допустить победы мятежа в его первые дни, но она, конечно, не могла противостоять регулярным вооруженным силам в настоящей войне.

Декрет Хираля о создании добровольческой армии был сразу поддержан коммунистами и теми членами соцпартии и ВСТ, которые шли за Прието. Однако, анархисты и фракция Ларго Кабальеро повели массированную кампанию против этого шага. «С казармами и дисциплиной покончено», — воскликнула одна из ведущих представительниц испанского анархизма Федерика Монтсени. «Армия — это рабство», — вторила ей газета НКТ «Френте либертарио». Соратник Ларго Кабальеро Аракистайн писал, что Испания — колыбель партизан, а не солдат. Анархисты и левые социалисты были против единоначалия в частях милиции и против центрального военного командования вообще.

В организационном плане милиция, как правило, состояла из сотен («центурий»), каждая из которых выбирала одного делегата в батальонный комитет. Делегаты от батальонов составляли командование «колонны» (численный состав колонны был совершенно произвольным). Все решения военного характера принимались на общих собраниях. Нечего и говорить, что такие воинские формирования просто по определению были неспособны вести даже какое-то подобие войны.

Влияние компартии, группы Прието и собственно правительства Хираля в первые месяцы войны было недостаточным, чтобы декрет о создании добровольческой армии был претворен в жизнь. Он попросту игнорировался основной массой частей милиции.

В этих условиях коммунисты решили показать реальный пример и создали прообраз армии нового типа — легендарный Пятый полк. Это название появилось на свет следующим образом. Когда коммунисты сообщили военному министру, что образовали батальон, то ему был присвоен порядковый номер «5», так как четыре первых батальона сформировало само правительство. Позднее Пятый батальон превратился в полк.

По сути, это был никакой не полк, а некая военная школа компартии, готовившая офицеров и унтер-офицеров, проводившая подготовку милиционеров, прививавшая им дисциплину и элементарные навыки боя (наступление цепью, окапывание на местности и т. д.). В полк принимались не только коммунисты, но все, кто хотел сражаться с путчистами грамотно и умело. В Пятом полку были организованы интендантская и санитарная службы. Выходили военные учебники и краткие наставления. Издавалась собственная газета «Миблиса популар» («Народная милиция»). Коммунисты активно привлекали в Пятый полк офицеров старой армии, доверяя им руководящие посты.

В Пятом полку впервые в народной милиции возникла служба связи и собственные мастерские по ремонту оружия. Командиры Пятого полка были единственными, у кого были карты, изготовленные специально созданной картографической службой полка.

Надо сказать, что отношение к оружию у сторонников республики практически всю войну было небрежным. Если винтовка заедала, ее часто бросали. Пулеметы не стреляли потому, что их не чистили. Пятый полк, а затем и регулярные части республиканской армии, где влияние коммунистов было сильным, отличались в этом смысле гораздо большим порядком.

Пятый полк впервые ввел институт политкомиссаров, явно заимствованный из опыта русской революции. Но комиссары стремились не подменять командиров (последние были, зачастую, бывшими офицерами), а поддерживать боевой дух бойцов. Это было очень важно, так как милиционеры легко воодушевлялись при успехах и так же быстро впадали в уныние при неудачах. У полка был и свой гимн «Песня Пятого полка», ставший очень популярным на фронте:

Мать моя, о мать родная,
Подойди сюда поближе!
Это славный полк наш Пятый
С песней в бой идет, взгляни же.

Пятый полк первым организовал пропаганду на войска противника по радио и через громкоговорители, а также путем листовок, которые разбрасывались при помощи примитивных реактивных снарядов.

К моменту своего формирования в казарме «Франкос Родригес» (бывший монастырь капуцинов) 5 августа 1936 года Пятый полк насчитывал не более 600 человек, через 10 дней их было в 10 раз больше, а когда полк был в декабре 1936 года влит в регулярную армию республики, через него прошло 70 тысяч бойцов. Курс боевой подготовки был

рассчитан на семнадцать дней, но осенью 1936 года в связи с тяжелейшим положением на фронтах воспитанники полка шли на передовую уже через два-три дня.

Но в июле-августе 1936 года Пятый полк был еще слишком слаб, чтобы оказать решающее воздействие на ход военных действий. На стороне республики сражались пока только неорганизованные, не подчинившиеся единому командованию разношерстные отряды, имевшие, как правило, грозные названия («Орлы», «Красные львы» и т. д.). Именно поэтому республиканцам не только не удалось реализовать свое значительное численное превосходство над противником, но и остановить его стремительное продвижение к Мадриду. Июль-август 1936 года были временем крупнейших военных неудач республиканцев.

А что же происходило в лагере мятежников? Конечно, там не было такого беспорядка, как в республиканской зоне. Но с гибелью Санхурхо встал вопрос о том, кто же будет руководителем восстания, которое превращалось в гражданскую войну с неясными перспективами. Даже оптимист Мола полагал, что победить можно только за две-три недели, да и то при условии занятия Мадрида. С какой же политической программой побеждать? Пока генералы говорили разное. Кейпо де Льяно все еще отстаивал республику. Мола, не будучи столь твердым в этой точке зрения, все же не хотел возвращения Альфонса XIII. Единственное в чем были едины все военные заговорщики, так это в том, что гражданских лиц к управлению занятой им части Испании привлекать не нужно. Именно поэтому и провалились консультации Мола с Гойкоэчеа, который требовал создания широкого правого правительства.

Вместо этого 23 июля 1936 года в Бургосе была образована Хунта национальной обороны, как высший орган мятежных сил. В нее вошло 5 генералов и 2 полковника под формальным руководством самого старшего из них по выслуге лет генерала Мигеля Кабанельяса. «Сильным человеком» в хунте был Мола. Он сделал Кабанельяса номинальным лидером во многом потому, чтобы избавиться от него в Сарагосе, где Кабанельяс, по мнению Мола, слишком либеральничал с оппозицией. Генерал Франко в состав хунты не вошел, но 24 июля был объявлен ею главнокомандующим силами мятежников на юге Испании. Командующим куцыми ВМС стал 1 августа 1936 года адмирал Франсиско Морено Фернандес. 3 августа, когда войска Франко пересекли Гибралтар, генерал был введен в состав хунты вместе со своим недоброжелателем Кейпо де Льяно, который продолжал править в Севилье, не считаясь ни с чьими приказами. К тому же двух генералов разделяли разные воззрения на

будущий ход войны на юге. Кейпо де Льяно хотел сконцентрироваться на «зачистке» Андалусии от республиканцев, а Франко рвался на Мадрид кратчайшим путем через прилегающую к Португалии провинцию Эстремадура.

Но мы немного забежали вперед. В конце июля 1936 года основной угрозой для республики был еще не Франко, запертый в Марокко, а «директор» Мола, войска которого стояли всего в 60 километрах севернее Мадрида, на подходе к обрамляющим столицу горным хребтам Сьерра-Гуадаррама и Сомосьерра. От того, кто завладеет перевалами через эти хребты и зависела судьба республики в те дни.

Сразу после начала мятежа на перевале Сомосьерра засели небольшие группы военных мятежников и фалангистов, стремившиеся удержать эти важнейшие стратегические пункты до подхода основных сил генерала Молы. 20 июля две колонны мятежников, состоявшие из 4 армейских батальонов, 4 рот карлистов, 3 рот фалангистов и кавалерии (общей численностью около 4 тысяч человек) при 24 орудиях подошли к Сомосьерре и 25 июля атаковали перевал. Его защищали прибывшие из Мадрида бойцы милиции, карабинеры и моторизованный отряд известного нам капитана Кондеса (руководителя убийства Кальво Сотело), которые до этого заняли перевал и удержали его от атак первоначально не очень сильных частей мятежников. В тот же день, 25 июля, путчисты прорвали республиканские позиции и милиция отошла, очистив перевал Сомосьерра. Но последующие атаки мятежников к успеху не привели и фронт в районе Сомосьерры стабилизировался до конца войны. В этих первых боях проявилось упорство даже необученной милиции в обороне, если она опиралась на прочные естественные (как в данном случае) или искусственные (как позднее в Мадриде) укрепления. Бои в Сомосьерре выдвинули майора Висенте Рохо, ставшего позднее одним из ведущих военачальников республиканцев (тогда он занимал должность начальника штаба фронта, под которым понималась совокупность всех отрядов милиции, защищавших Сомосьерру).

В горах Сьерра-Гуадаррама с первых дней мятежа возникли плохо вооруженные отряды лесорубов, рабочих, пастухов и крестьян, не пропускавшие в столицу группы фалангистов (последние спокойно двигались на автомашинах в Мадрид, думая, что он уже в руках мятежников).

21 июля из Мадрида прибыл отряд милиции во главе с Хуаном Модесто (1906–1969), также ставшим позднее одним из самых видных полководцев республики. «Модесто» по-испански означает «скромный».

Это был партийный псевдоним Хуана Гильоте, простого рабочего, трудившегося на лесопилке и возглавившего впоследствии профсоюз разнорабочих. С 1931 года Модесто был членом КПИ, а после начала мятежа стал одним из организаторов Пятого полка. Он участвовал в штурме казарм Ла-Монтанья, где уже проявил себя неплохим организатором. К отряду Модесто присоединились сотни рабочих и крестьян сьерры. Так возник батальон имени Эрнста Тельмана, ставший наиболее боеспособной частью республики на этом участке фронта.

Когда мятежные части Мола подошли к Сьерра-Гуадарраме (их поддерживали пулеметные взводы и две батареи легкой артиллерии), они сразу же натолкнулись на упорное сопротивление. На помощь республиканцам подошла часть солдат мадридского пехотного полка «Вад Рас», которую привела лично Долорес Ибаррури. Она вместе с Хосе Диасом прошла в казармы, где солдаты встретили лидеров компартии очень настороженно. За республику они воевать особенно не рвались, но когда им объяснили, что новая власть даст землю (большинство солдат было из крестьян), их настроения изменились и солдаты выступили на фронт. Вместе с Долорес Ибаррури их вел другой видный коммунист Энрике Листер, ставший впоследствии одним из лучших генералов республики. Франкисты пытались по-своему объяснить его военное дарование, распространяя слухи, что Листер — кадровый немецкий офицер, присланный в Испанию Коминтерном. На самом деле Листер (1907–1994) родился в Галисии в семье каменотеса и крестьянки. Нищета заставила его в одиннадцать лет эмигрировать на Кубу. Вернувшись, он попал в тюрьму за профсоюзную деятельность и краткое время жил в эмиграции в СССР (1932–1935 годы), где работал проходчиком на строительстве Московского метрополитена. 20 июля Листер участвовал в штурме казарм Ла-Монтанья и наряду с Модесто стал одним из организаторов Пятого полка.

25 июля в бой вступила Стальная рота из 150 коммунистов и социалистов, которая серьезно потеснила мятежников, заплатив за это жизнями 63 бойцов. 5 августа 1936 года Мола предпринял последнюю попытку прорваться к Мадриду через плато Альто де Леон. Именно тогда он заявил, что испанская столица будет взята его четырьмя колоннами при поддержке пятой, которая ударит с тыла. Так родился термин «пятая колонна», ставший позднее широко известным. Но планы «Директора» занять Мадрид к 15 августа провалились и уже 10 августа мятежники перешли на этом участке фронта к обороне.

После этого путчисты решили обойти позиции республиканцев с фланга через Сьерра-Гредос. Там оборону держал отряд мадридской

милиции под командованием кадрового офицера Мангады, выдвинувшийся на позиции 26 июля. В один из июльских дней бойцы отряда остановили две машины. Из одной из них вышел человек и гордо заявил, что является руководителем фаланги Вальядолида. Во время гражданской войны зачастую обе стороны носили одинаковую форму испанской армии и нередко принимали противника за своего. Судьба сыграла злую шутку и с Онесимо Редондо, основателем фаланги (а это был именно он). Бойцы милиции тут же его расстреляли.

19 августа мятежники пошли в атаку, но она быстро захлебнулась в результате работы республиканской артиллерии и 7 самолетов, присланных главкомом ВВС республики, потомственным дворянином и коммунистом Идальго де Сиснеросом. 20 августа путчисты ввели в действие марокканцев, которые к тому времени уже могли быть переброшены на северный фронт из Андалусии. Но и здесь неплохо сработала республиканская авиация. При ее поддержке милиция перешла в мощную контратаку и отбросила мятежников почти до города Авилы, который был уже подготовлен к эвакуации. Но республиканцы не стали развивать успех и быстро перешли к обороне. Такая осторожность в наступательных операциях станет настоящей «ахиллесовой пятой» республиканской армии в годы гражданской войны.

29 августа мятежники внезапно захватили плохо охраняемый перевал Бокерон и ворвались в населенный пункт Пегеринос. Марокканцы, наступавшие в авангарде, отрезали крестьянам головы и насильовали женщин. Левый фланг Гуадаррамского фронта оказался под угрозой прорыва. Но вовремя подошли силы Модесто, которые вместе с ротой штурмовой гвардии окружили батальон марокканцев в Пегериносе и уничтожили его.

К концу августа фронт стабилизировался и Моле стало окончательно ясно, что Мадрид ему не взять. Эта неудача похоронила и надежды «Директора» на лидерство в стане мятежников. К тому времени не он, а Франсиско Франко купался в лучах побед.

Но пока войска Франко не высадились на Пиренейском полуострове, борьба на юге Испании носила особый характер. Здесь не было линии фронта и обе воюющие стороны, опираясь на находившиеся в их руках города, совершали рейды друг против друга, стараясь поставить под контроль как можно большую часть Андалусии. Жители сельской местности в массе своей сочувствовали республиканцам. Они организовали несколько партизанских отрядов, которые были вооружены еще хуже, чем народная милиция городов. Помимо кремневых ружей и дробовиков

использовались косы, ножи и даже пращи.

Особенности андалусской войны июля-начала августа 1936 года можно проследить на примере городка Баэны. В первые дни мятежа власть там захватила гражданская гвардия, развязавшая жестокий террор. Бежавшие из Баэны активисты Народного фронта при содействии крестьян окрестных сел, вооруженных косами и охотничьими ружьями, отбили городок. 28 июля марокканцы и фалангисты при поддержке нескольких самолетов после упорного боя вновь взяли Баэну, но уже 5 августа отряд штурмовой гвардии, опять при помощи крестьян, освободил город. Республиканцы оставили его лишь по приказу одного из командиров, «выпрямлявших» линию фронта.

Засев в Севилье и физически ликвидировав там всю оппозицию, Кейпо де Льяно как средневековый рыцарь-разбойник предпринимал карательные вылазки в соседние районы. При попытке сопротивления мятежники устраивали массовые расстрелы мирных жителей. Так, например, в местечке Кармона недалеко от Севильи было убито 1500 человек. Кейпо де Льяно стремился обеспечить наземные коммуникации между Севильей, Кордовой и Гранадой (гарнизон последней сражался фактически в окружении). Но около этих городов уже действовали более или менее крепко сбитые отряды народной милиции, а не крестьяне с косами. Гранату сжимали с юга (из Малаги) и востока части милиции, в которых было много солдат и матросов. Имелись у милиционеров и пулеметы. Мятежники в Гранаде держались из последних сил.

В начале августа республиканцы решили провести первую крупную наступательную операцию с начала войны и освободить город Кордову. К моменту наступления отряды местной милиции, в которых ударной силой были вооруженные динамитом шахтеры, уже дошли до окрестностей города. Но Кордова была твердым орешком. Там у мятежников был полк тяжелой артиллерии, кавалерийский полк, практически вся перешедшая на их сторону гражданская гвардия и отряды фалангистов. Однако этого хватало только на то, чтобы удерживать город от натиска милиции.

В начале августа три колонны республиканцев начали наступление на Кордову по сходящимся направлениям. Правительственными войсками командовал, ставший впоследствии широко известным генерал Хосе Миаха (1878–1958). Как и его коллеги, генерал выдвинулся в Марокко. В начале 1930-х годов он был членом Испанского военного союза, но Хиль Роблес, заняв в 1935 году пост военного министра, отправил Миаху подальше в провинцию. Путч застал генерала в должности командира 1-й пехотной бригады в Мадриде. Грузный, лысый и похожий в своих очках с толстыми

стеклами на сову Миаха не пользовался авторитетом среди своих коллег-генералов. Его считали патологическим неудачником, в пользу чего, казалось, говорила даже фамилия («миаха» по-испански означает «крошка»).

28 июля Миахе было вверено командование республиканскими силами юга (они насчитывали в общей сложности 5000 человек) и 5 августа эти силы были уже в окрестностях Кордовы.

Сначала генеральное наступление республиканцев развивалось многообещающе. Были освобождены несколько населенных пунктов. Глава мятежников в Кордове полковник Каскахо уже был готов начать отступление из города и слал Кейпо де Льяно отчаянные призывы о помощи. Они были услышаны и к Кордове форсированным маршем двинулись африканские части генерала Варелы, очищавшие от «красных» некоторые районы Андалусии. И здесь Миаха неожиданно приказал отойти, даже не дождавшись подхода сил Варелы, испугавшись применения мятежниками авиации. Фронт в районе Кордовы стабилизировался. Первое наступление республиканцев предвосхищало их основную ошибку в ходе войны. Научившись прорывать фронт противника, они не могли развить успех и удержать освобожденную территорию. Мятежники же, напротив, руководствовались четким указанием Франко цепляться за каждый клочок земли, а при его потере пытаться вернуть уступленную территорию любой ценой.

Но вернемся к самому Франко, которого мы оставили сразу же после его прилета в Марокко 19 июля. Узнав о провале мятежа на флоте, генерал мгновенно понял, что без иностранной помощи перебросить африканскую армию в Испанию вряд ли удастся. Тотчас же после приземления в Марокко он отправил лондонского корреспондента газеты «АБЦ» Луиса Болина на том же самом самолете в Рим через Лиссабон, где Болин должен был встретиться с Санхурхо. Журналист вез с собой письмо Франко, которым он уполномочивался провести переговоры в Англии, Германии и Италии о срочной закупке самолетов и авиационного вооружения для «испанской немарксистской армии». Генерал хотел получить, как минимум, 12 бомбардировщиков, 3 истребителя и бомбы. Франко намеревался с помощью авиации подавить республиканский флот, патрулировавший Гибралтарский пролив.

Правда, у Франко было несколько транспортных самолетов (из числа тех, которые повредил его казненный двоюродный брат, позднее отремонтированных), в т. ч. переброшенных из Севильи. Три трехмоторных самолета «Фоккер VII» совершали в день по четыре рейса,

доставляя в Севилью марокканские войска (за один рейс перевозилось 16–20 солдат с полной экипировкой). Франко понимал, что такие темпы переброски являются недостаточными, по сравнению с постоянно прибывающими в Андалусию отрядами народной милиции. К тому же Франко опасался, что Мола войдет в Мадрид первым и станет вождем нового государства. В конце июля мятежники восстановили несколько летающих лодок, 8 старых легких бомбардировщиков «бреге 19» и два истребителя «ньюпор 52». Этими работами руководил, пожалуй, единственный крупный специалист мятежников по авиации, генерал Альфредо Кинделан (1879–1962). Он закончил инженерную академию и стал летчиком. Боевые заслуги в Марокко принесли ему чин генерала в 1929 году. Будучи личным адъютантом Альфонсо XIII, Кинделан не принял республику и ушел в отставку, используя военную реформу Асаньи. После путча Кинделан немедленно предоставил себя в распоряжении Франко и был назначен 18 августа командующим ВВС (этот пост он сохранит на протяжении всей войны).

Пока посланец Франко Болин направлялся поездом из Марселя в Рим, генерал, побеседовав с итальянским военным атташе в Танжере майором Луккарди, умоляя его срочно прислать уже именно транспортные самолеты. Луккарди сообщил об этом руководству итальянской военной разведки. Но Муссолини колебался. Он помнил, как в 1934 году уже направил испанским правым (карлистам) оружие, но толк из этого вышел небольшой. Вот и сейчас дуче не был уверен, что мятеж не будет подавлен за несколько дней. Поэтому, когда Муссолини получил телеграмму итальянского посланника в Танжере де Росси (Луккарди устроил его встречу с Франко 22 июля), в которой излагалась просьба Франко прислать 12 бомбардировщиков или гражданских транспортных самолетов, дуче написал на ней голубым карандашом «нет». В это время прибывший в Рим Болин добился встречи с министром иностранных дел Италии Галеаццо Чиано (зятем Муссолини). Тот вроде бы сначала занял благожелательную позицию, но, посоветовавшись с тестем, тоже дал отказ.

25 июля в Рим прибыла делегация Мола (который ничего не знал о контактах эмиссара Франко в Италии) во главе с Гойкоэчеа. В отличие от Франко, Мола просил не самолеты, а патроны (на всю его армию их осталось 26 тысяч). В этот момент Муссолини узнал, что Франция приняла решение направить военные самолеты республиканскому правительству и первые из них (всего было 30 самолетов-разведчиков и бомбардировщиков, 15 истребителей и 10 транспортных самолетов) приземлились в Барселоне 25 июля. Правда, французы сняли с них все вооружение, и в течение

определенного времени эти самолеты нельзя было использовать в боевых действиях. Но Муссолини был взбешен самим фактом французского вмешательства и в пику Парижу направил Франко 28 июля 12 бомбардировщиков «Савойя-Маркетти» (SM-81), которые называли «Пипистрелло», (т. е. «летучая мышь» в переводе с итальянского). В то время это был один из лучших бомбардировщиков мира, уже опробованный итальянцами в ходе войны с Эфиопией (правда, у эфиопов не было современных истребителей). Самолет развивал скорость до 340 км в час, и был тем самым на 20 % быстрее немецкого Ю-52. Вооруженная пятью пулеметами (против двух у «юнкерса») «летучая мышь» могла брать на борт в два раза больше бомб, чем Ю-52 и имела дальность полета 2000 км (также вдвое больше, чем у «юнкерса»).

Самолеты вылетели с Сардинии 30 июля. Один из них упал в море, а два, израсходовав горючее, приземлились в Алжире и Французском Марокко. Но и 9 самолетов, добравшихся до Франко, не могли летать, пока из Италии не пришел танкер с высокооктановым бензином. Не могли мятежники сами и пилотировать самолеты, поэтому их итальянские пилоты для проформы были зачислены в испанский Иностраннный легион. Так началась интервенция фашистской Италии на Пиренейском полуострове.

Узнав, что первый зондаж в Риме прошел неудачно, Франко не стал ставить все на одну карту и решил обратиться за помощью к Германии. Ее «фюрер» Адольф Гитлер мало интересовался Испанией. Если Муссолини носился с планами превращения Средиземного моря в «итальянское озеро» и пытался поставить Испанию под свой контроль, то Гитлер лишь помнил, что Испания была нейтральной во время Первой мировой войны (факт в глазах фронтовика Гитлера весьма постыдный). Правда, уже будучи политиком национального уровня, лидер НСДАП размышлял в 1920-е годы над возможностью использовать Испанию в качестве противовеса Франции (точно такую же роль в свое время отводил Испании Бисмарк), но эта была скорее второстепенная ставка в большой геополитической игре нацистов.

Франко восхищался национал-социалистской Германией и, будучи начальником Генштаба испанской армии, вел в 1935 году переговоры о закупке немецкого оружия, которые были прерваны после победы Народного фронта.

22 июля Франко попросил германское консульство в Тетуане направить военному атташе «третьего рейха» во Франции и Испании (с резиденцией в Париже) генералу Эриху Кюленталю телеграмму с просьбой прислать 10 транспортных самолетов с немецкими экипажами. Кюленталь переправил просьбу в Берлин, где ее положили под сукно. Франко ничего

не оставалось, как искать прямой выход на Гитлера. Еще 21 июля он встретился с немцем, которого генерал знал, как поставщика кухонных плит для испанской армии в Марокко. Это был сбежавший из Германии от кредиторов обанкротившийся торговец сахаром Йоханнес Бернхардт. Но амбициозный Бернхардт был и экспертом по экономическим вопросам партийной организации НСДАП в Испанском Марокко, которую возглавлял бизнесмен Адольф Лангенхайм. Бернхардт с трудом уговорил Лангенхайма вылететь вместе с ним и представителем Франко капитаном Франсиско Аррансом (тот занимал должность начальника штаба крохотных франкистских ВВС) в Берлин. На реквизированном на Канарских островах почтовом самолете Люфтганзы «юнкерс 52 м» три эмиссара Франко прибыли в столицу Германии 24 июля 1936 года. В МИД Германии просьбу Франко отвергли, так как дипломаты старой школы не хотели вовлекать свою страну в непонятный конфликт, а соображения идеологии («борьба с коммунизмом») были им чужды. Но Лангенхайм организовал встречу со своим шефом — главой внешнеполитического ведомства НСДАП (ему подчинялись все нацистские парторганизации за рубежом) гауляйтером Эрнстом Боле. Тот издавна соперничал с МИДом за влияние на Гитлера и не упускал случая сделать что-нибудь вопреки чопорным дипломатам. В это время Гитлер находился в Баварии, на фестивале музыки Вагнера в Байройте. Боле направил посланцев Франко к пребывавшему там же министру без портфеля Рудольфу Гессу («заместителю фюрера по партии»), а тот уже устроил эмиссарам мятежников личную встречу с Гитлером. 25 июля «фюрер» был в хорошем настроении (он только что прослушал свою любимую оперу «Зигфрид») и прочитал письмо Франко, в котором тот просил самолеты, стрелковое оружие и зенитные пушки. Поначалу Гитлер был настроен скептически и явно выражал сомнения в успехе мятежа («так войну не начинают»). Для окончательного решения он собрал совещание и к счастью мятежников, в нем помимо министра авиации Геринга и военного министра Вернера фон Бломберга принял участие один человек, оказавшийся самым крупным в Германии экспертом по Испании. Его звали Вильгельм Канарис, и с 1935 года в звании адмирала он возглавлял военную разведку Германии — абвер.

Еще в годы Первой мировой войны Канарис с чилийским паспортом прибыл в Мадрид для организации связи с немецкими подлодками, находившимися в Средиземном море. Деятельный немец создал в портах страны плотную сеть агентуры. В Испании Канарис завел полезные связи, в том числе с богатым промышленником и газетным магнатом, либералом и другом короля Альфонса XIII Орасио Эчеварьетой (его секретарем был

Индалесио Прието). Канарис пытался организовать в Испании саботаж против судов Антанты, но французская контрразведка «села ему на хвост» и немец был вынужден спешно покинуть полюбившуюся ему страну на борту подводной лодки. Некоторые источники утверждают, что среди агентов Канариса в Испании был и майор Франсиско Франко, но четких подтверждений этому нет.

В 1925 году Канариса вновь посылают с секретной миссией в Мадрид. Он должен был договориться об участии немецких летчиков в боевых действиях испанской армии в Марокко (по условиям Версальского договора 1919 года Германии запрещалось иметь ВВС и поэтому немцы были вынуждены готовить боевых пилотов в других странах, в том числе и в СССР). Канарис выполнил задачу с помощью своего нового знакомого подполковника испанских ВВС Альфредо Кинделана. 17 февраля 1928 года Канарис добился заключения секретного соглашения между немецкими и испанскими силами безопасности, в котором предусматривался обмен информацией и сотрудничество в борьбе с подрывными элементами. Партнером Канариса был палач Каталонии генерал Мартинес Анидо, занимавший тогда пост министра внутренних дел (он же стал потом первым министром безопасности у Франко).

Таким образом, Канарис знал почти всех лидеров мятежа в Испании, а со многими был лично знаком (с Франко он познакомился в ходе испано-германских переговоров о поставках оружия в 1935 году).

В ходе совещания по Испании 25 июля 1936 года Гитлер хотел знать мнение всех троих присутствовавших о том, стоит ли помогать Франко. Самому фюреру мятеж казался, как уже упоминалось, дилетантски подготовленным. Бломберг высказался расплывчато. Геринг поддержал просьбу посланцев Франко, чтобы «остановить мировой коммунизм» и опробовать в деле созданные в 1935 году молодые ВВС «третьего рейха». Но наиболее развернутую аргументацию представил Канарис, которого возмутило убийство на испанском флоте многих офицеров (то же самое он пережил в октябре 1918 года в Германии, когда началось восстание матросов в Киле). Сталин, говорил Канарис, хочет создать в Испании большевистское государство, а если это удастся, в трясину коммунизма сползет и Франция со своим похожим на испанское правительством Народного фронта. И тогда рейх будет зажат в «красные клещи» с Запада и Востока. Наконец, он, Канарис, лично знает генерала Франко как блестящего солдата, заслуживающего доверие Германии.

Когда Гитлер закрыл совещание в 4 часа утра 26 июля, он уже принял решение помочь Франко, хотя еще два дня тому назад боялся, что участие в

гражданской войне в Испании может втянуть Германию в крупные внешнеполитические осложнения раньше срока.

Теперь же Гитлер торопился. Он хотел упредить Муссолини и не дать дуче поставить Испанию под единоличный итальянский контроль. Уже утром 26 июля в здании министерства авиации Германии собрался на свое первое заседание «Специальный штаб W» (по первой букве фамилии его руководителя генерала Гельмута Вильберга), который должен был координировать помощь мятежникам. Бернхардт был назначен Герингом 31 июля 1936 года руководителем специально созданной подставной «транспортной» фирмы HISMA, через которую тайно должны были вестись поставки вооружения Франко. Эти поставки предусматривалось оплачивать по бартеру поставками сырья из Испании, для чего 7 октября 1936 года учреждалась другая компания ROWAK. Вся операция получила кодовое наименование «Волшебный огонь».

28 июля в 4 часа 30 минут утра первые из обещанных Гитлером 20 транспортных самолетов «юнкерс 52» вылетели из Штутгарта. Машины были оборудованы дополнительными бензобаками (в общей сложности 3800 литров бензина). Без посадки «юнкерсы» пролетели над Швейцарией, вдоль франко-итальянской границы и через всю Испанию напрямик в Марокко. Уже с 29 июля эти самолеты, пилотируемые летчиками «Люфтганзы», стали перебрасывать части африканской армии в Испанию. В тот же день Франко посылает телеграмму Моле, заканчивавшуюся словами: «Мы хозяева положения. Да здравствует Испания!» К 9 августа прибыли все «юнкерсы».

В ожидании марокканцев Кейпо де Льяно прибегал в Севилье к следующей воинской хитрости. Часть наиболее загорелых солдат-испанцев была переодета в марокканскую национальную одежду и разъезжала по городу на грузовиках, выкрикивая бессмысленные «арабские» фразы. Это должно было убедить непокорных рабочих, что африканская армия уже прибыла и дальнейшее сопротивление бесполезно.

К 27 июля на крупнейшей базе люфтваффе Деберитц под Берлином из различных гарнизонов было собрано около 80 летчиков и техников, согласившихся добровольно поехать в Испанию. Генерал Вильберг зачитал перед строем телеграмму Гитлера: «Фюрер решил поддержать живущий сейчас в невыносимых условиях (испанский) народ и спасти его от большевизма. Отсюда немецкая помощь. По международным соображениям открытое содействие исключено, поэтому необходима тайная акция помощи». О поездке в Испанию запрещалось говорить даже родным, которые считали, что их мужья и сыновья выполняют

«специальное задание» в Германии. Все письма из Испании приходили в Берлин на почтовый адрес «Макс Винклер, Берлин СВ 68». Там менялись конверты, получавшие почтовый штампель одного из берлинских отделений связи. После этого письма отсылались адресатам.

В ночь с 31 июля на 1 августа из Гамбурга в Кадис вышел немецкий торговый пароход «Усарамо» водоизмещением 22000 тонн, на борту которого было 6 истребителей Хе-51, 20 зенитных орудий и 86 пилотов и техников люфтваффе. Молодые люди на борту корабля представились команде как туристы. Однако военная выправка и одинаковые штатские костюмы не могли обмануть моряков. Некоторые матросы даже подумали, что готовится специальная операция по захвату потерянных в первую мировую войну немецких колоний в Африке.

Прибыв в Севилью поездом из порта Кадис 6 августа, «немецкие туристы» превратились в несколько воинских подразделений. Были созданы транспортная (11 Ю-52), бомбардировочная (9 Ю-52) и истребительная (6 Хе-51), а также зенитная и наземная группы. Немцы должны были как можно быстрее обучить испанцев пилотировать истребители и бомбардировщики.

Сразу возникли проблемы. Так, при сборке выяснилось, что отсутствуют некоторые части «хейнкелей», и немцам с большим трудом удалось «поставить на крыло» пять машин. Но испанские пилоты сразу же испортили две из них при первой же посадке, которая получилась на «брюхо». После этого немцы решили летать пока сами.

Гитлеровская Германия вступала в свою первую войну.

До середины октября 1936 года немецкие «юнкерсы» перебросили в Андалусию из Марокко 13000 солдат и 270 тонн военных грузов. Для экономии времени днем, техобслуживание «юнкерсов» проводилось немецкими техниками ночью при свете включенных автомобильных фар. В 1942 году Гитлер воскликнул, что Франко следует воздвигнуть монумент во славу «юнкерсов» и «испанская революция» (фюрер имел в виду мятеж) должна благодарить их за свою победу.

Воздушный мост едва не сорвался из-за отсутствия бензина. Мятежники быстро израсходовали армейские резервы и стали закупать топливо у частных лиц. Но качество этого бензина было недостаточным для авиационных моторов, и немцы добавляли в бочки бензольные смеси. После этого бочки катали по земле до тех пор, пока их содержимое не становилось более или менее однородным. Кроме этого, мятежникам удавалось закупать авиационный бензин и во Французском Марокко. И все же когда 13 августа 1936 года из Германии пришел долгожданный танкер

«Камерун» топлива для «юнкеров» оставалось только на один день.

5 августа ВВС мятежников совершили налет на республиканские корабли, чтобы отвлечь их внимание и провести в Испанию морской конвой с войсками. Но сначала мешал туман. Конвой смог выйти в море повторно только к вечеру.

Одновременно Франко пытался надавить на республиканский флот дипломатическими методами. После его протестов власти международной зоны Танжер (в тамошней администрации первую скрипку играли англичане) выставили из этого порта республиканский эсминец «Лепанто». Власти английской колонии Гибралтар отказывались заправлять республиканские корабли горючим. 2 августа в Гибралтарском проливе появилась и германская эскадра во главе с самым мощным кораблем гитлеровских ВМС «карманным» линкором «Дойчланд» (примечательно, что Франко первоначально назначил дату прохода первого морского конвоя из Марокко в Испанию именно на 2 августа). Формальным поводом для появления германской эскадры у испанских берегов была эвакуация граждан «рейха» из объятой гражданской войной страны. На деле немецкие корабли всячески помогали мятежникам. «Дойчланд» встал на рейде Сеуты и уже 3 августа помешал республиканским кораблям эффективно провести бомбардировку этого оплота путчистов.

И вот, 5 августа итальянские бомбардировщики нанесли удар по республиканскому флоту. Неопытные экипажи кораблей, не приученные к действиям при атаке с воздуха, поставили дымовую завесу и ретировались, чем позволили мятежникам переправить в тот же день морем 2500 солдат (Франко назовет позднее этот конвой «конвоем победы»). Начиная с этого дня, мятежники уже беспрепятственно переправляли морем свои контингенты в Испанию, а 6 августа на полуостров, наконец, прибыл и сам Франко, избравший своей штаб-квартирой Севилью.

Следует признать, что Франко проявил упорство и изобретательность в достижении своей главной цели — переброски наиболее боеспособных войск мятежников в Испанию. Впервые в истории войн для этого был организован воздушный мост. Некоторые историки полагают, что Франко все равно переправил бы войска морем, так как республиканский флот был мало боеспособным. Но пассивность ВМС республики объяснялась не столько отсутствием опытных командиров, сколько эффективными налетами итальянских самолетов: многие матросы панически боялись угрозы с воздуха. Таким образом, можно сделать вывод, что без помощи Гитлера и Муссолини, Франко в любом случае не смог бы быстро развернуть свои войска в Андалусии и начать наступление на Мадрид.

И все же флот республики не складывал оружия. 5 августа крупное соединение ВМС в составе линкора, двух крейсеров и нескольких эсминцев подвергло сильному обстрелу южноиспанский порт Альхесирас, потопив канонерку «Дато» (именно она перевезла первых солдат из Африки) и повредив несколько транспортов. Кроме этого, республиканские корабли периодически бомбардировали Сеуту, Тарифу и Кадис. Но под прикрытием авиации мятежники перевезли морем через пролив в августе 7 тысяч человек, а в сентябре — 10 тысяч, не считая значительного количества военных грузов.

В конце июля флот республики планировал провести захват порта Альхесирас морским десантом, но весь план был отклонен, когда дошли сведения об укреплении порта новыми артиллерийскими батареями.

29 сентября в Гибралтарском проливе состоялся бой республиканских эсминцев «Гравина» и «Фернандес» с крейсерами мятежников «Адмирал Сервера» и «Канариас», в ходе которого один из эсминцев был потоплен, а другой был вынужден укрыться в Касабланке (Французское Марокко). После этого контроль над Гибралтарским проливом окончательно перешел в руки мятежников.

Перебросив войска через пролив, Франко приступил к реализации основной задачи войны — взятию Мадрида. Кратчайший путь к столице лежал через Кордову, что и ввело в заблуждение республиканское командование, сосредоточившее под городом наиболее боеспособные силы и пытавшееся контратаковать. Франко же с присущей ему осторожностью решил сначала соединиться с войсками Мола и только после этого совместными усилиями захватить Мадрид.

Поэтому африканская армия повела наступление из Севильи через Эстремадуру — бедную, малозаселенную, без крупных городов сельскую провинцию к северу от Андалусии, граничащую с Португалией. В этой стране с 1926 года существовал военный диктаторский режим Салазара, с самого начала мятежа не скрывавшего симпатий к путчистам. Так, например, Мола и Франко поддерживали телефонную связь в первые недели войны, используя португальскую телефонную сеть. Когда войска Мола в районе Гуадаррамы попали в тяжелое положение, африканская армия перебросила им через Португалию крайне необходимые боеприпасы. Немецкие и итальянские самолеты, сопровождавшие бросок на север марокканцев и легионеров, часто базировались на португальских аэродромах. Банки Португалии предоставили мятежникам льготные кредиты, а через радиостанции страны путчисты вели свою пропаганду. Военные заводы соседней страны использовались для производства оружия

и боеприпасов, а позднее Португалия направила Франко 20 тысяч «добровольцев». В августе 1936 года немецкие пароходы разгрузили в португальских портах крайне необходимые для африканской армии пулеметы и боеприпасы, которые кратчайшим путем по железным дорогам Португалии были доставлены на фронт.

Итак, левый (португальский) фланг наступающей южной армии мятежников можно было считать вполне обеспеченным. 1 августа Франко приказал колонне под командованием подполковника Асенсио выступить на север, соединиться с Молой и передать ему семь миллионов патронов. Кейпо де Льяно реквизирует автотранспорт, пригрозив расстрелять арестованных руководителей профсоюза таксистов, если последние сами не подгонят свои машины к резиденции генерала. 3 августа за Асенсио двинулась колонна майора Кастехона, а 7 августа — колонна подполковника де Тельи. Каждая колонна состояла из одной «бандеры» Иностранного легиона, «табора» (батальона) марокканцев, инженерных и санитарных служб, а также 1–2 батарей артиллерии. С воздуха колонны прикрывались немецкими и итальянскими самолетами, хотя республиканская авиация не оказывала серьезного противодействия. Всего в трех колоннах, находившихся под общим командованием Ягуэ, было около 8000 человек.

Тактика африканской армии была следующей. Две колонны шли в авангарде, а третья составляла резерв, причем колонны периодически менялись местами. По шоссе на машинах двигались легионеры, а марокканцы шли по обеим сторонам дороги, прикрывая фланги. Местность в степной Эстремадуре с низкорослой растительностью и без всяких естественных препятствий очень напоминала район боевых действий в Марокко.

Первоначально наступавшие колонны практически не встречали организованного сопротивления. Подойдя к какому-нибудь населенному пункту, мятежники через громкоговорители предлагали жителям вывесить белые флаги и настезь открыть окна и двери. Если ультиматум не принимался, селение подвергалось артобстрелу, а при необходимости и ударам с воздуха, после чего начинался штурм. Республиканцы, забаррикадировавшись в домах (все испанские деревни состоят из каменных зданий с толстыми стенами и узкими окнами), отстреливались до последнего патрона (а их было мало), после чего мятежники расстреливали их самих. Каждый марокканец имел в своем рюкзаке помимо 200 патронов длинный кривой нож, которым и перерезали горло пленным. После этого начиналось мародерство, поощряемое офицерами.

Тактика республиканской милиции была очень однообразной. Милиционеры не умели и боялись сражаться на открытой местности, поэтому незащищенные фланги трех колонн Ягуэ были в безопасности. Как правило, сопротивление оказывалось только в населенных пунктах, но как только мятежники начинали их окружать (или распускали слухи о своих обходных маневрах), милиционеры начинали постепенно отступать и это отступление зачастую превращалось в беспорядочное бегство. Мятежники косили ряды отступающих из пулеметов, установленных на автомобилях.

Боевой дух, закаленной в боях африканской армии, был очень высок, чему способствовали вовсе нетипичные для испанских вооруженных сил близкие и демократические отношения между офицерами и солдатами. Офицеры писали неграмотным солдатам письма и, отправляясь в отпуск, отвозили их родным (помимо писем передавались выбитые у пленных милиционеров и мирных жителей золотые зубы, снятые с жертв кольца и часы). В казармах Иностранного легиона висели портреты боевых товарищей, погибших в Мадриде в казармах Ла-Монтанья. За них клялись отомстить и мстили жестоко, убивая всех раненных и пленных бойцов милиции. Для оправдания столь бесчеловечного способа ведения войны было придумано следующее «юридическое» объяснение: милиционеры не носили военной формы, поэтому были, дескать, не солдатами, а «мятежниками» и «партизанами», на которых не распространялись законы ведения войны.

Первое серьезное сопротивление колонны Ягуэ встретили в городке Альмендралехо, где около 100 бойцов милиции закрепились в местной церкви. Несмотря на недостаток воды и артобстрелы, они держались неделю. На восьмой день 41 человек, оставшийся в живых, покинул церковь. Их построили в ряд и немедленно расстреляли. Но Ягуэ не задерживал боевые части для таких операций. Как правило, в населенных пунктах оставался взвод, проводивший «зачистку» и обеспечивающий растянутые коммуникации. Эстремадура и Андалусия были для мятежников враждебной землей, с населением которой обращались гораздо хуже, чем с коренными жителями Марокко.

За 7 дней, проделав 200 километров, войска Ягуэ захватили город Мериду и вошли в соприкосновение с армией Молы, передав ей боеприпасы. Это был первый современный блицкриг в европейской истории. Именно эту тактику возьмут позднее на вооружение нацисты, научившись у своих испанских подопечных. Ведь блицкриг — это ничто иное, как быстрые рейды моторизованных колонн пехоты при поддержке танков (их у мятежников пока было мало), авиации и артиллерии.

Ягуэ хотел немедленно продолжать продвижение на Мадрид, но осторожный Франко приказал ему повернуть на юго-запад и взять оставшийся в тылу город Бадахос (имевший 41 тысячу жителей и находившийся в 10 километрах от португальской границы).

Ягуэ считал этот приказ бессмысленным, так как собравшиеся в Бадахосе 3000 плохо вооруженных милиционеров и 800 солдат армии и сил безопасности не помышляли о наступлении и не представляли никакой угрозы тылам африканской армии. Кроме того, республиканское командование ранее перебросило наиболее боеспособные части из Бадахоса под Мадрид.

Жители Бадахоса и его окрестностей были преданы республике, так как именно здесь в районе больших латифундий наиболее активно проводились аграрная реформа и ирригация сельхозугодий.

13 августа мятежники перерезали дорогу Бадахос-Мадрид и окружили город, сделав невозможной переброску подкреплений на помощь защитникам столицы Эстремадуры. Колонна милиции, посланная в Бадахос 12 августа, была почти полностью уничтожена на марше немецкой авиацией и марокканцами.

Защитники Бадахоса укрылись за довольно прочными средневековыми стенами города, заложив ворота мешками с песком. В их распоряжении было только 2 старые гаубицы, а большинство из 3000 бойцов милиции не имели никакого оружия. Всю первую половину дня 13 августа мятежники подвергали город массированному артобстрелу, а вечером того же дня пошли на штурм. Одновременно в городе подняла мятеж гражданская гвардия. Его удалось подавить только ценой больших потерь. И все же все атаки африканской армии в тот день были отбиты. На следующий день саперы мятежников взорвали ворота Тринидад («Троицкие» по-испански) и при поддержке пяти легких танков густыми цепями пошли на штурм. Пулеметным огнем защитников в первые 20 секунд было уничтожено 127 нападавших. Только в 4 часа дня мятежники прорвались в город, где завязались ожесточенные уличные бои. Последним очагом сопротивления стал собор, где еще целые сутки держалось полсотни республиканцев. Некоторые из них были потом расстреляны прямо перед алтарем.

После захвата Бадахоса в нем началась дикая резня, невиданная в Европе со времен средневековья. О ней стало известно только благодаря присутствию в городе французских, американских и португальских корреспондентов. Два дня мостовая площади перед комендатурой была залита кровью казненных. Массовые убийства происходили и на арене для боя быков. Американский журналист Джо Аллен писал, что после ночных

расстрелов из пулемета арена походила на глубокую кровавую лужу. У убитых отрезали половые органы и вырезали на груди кресты. Убить крестьянина на жаргоне мятежников означало «дать аграрную реформу». Всего по разным данным бойня в Бадахосе унесла жизни 2000–4000 человек. И это при том, что мятежники освободили из тюрем города целыми и невредимыми 380 арестованных врагов республики.

Пропаганда путчистов сначала вообще отрицала какие-либо «эксцессы» в Бадахосе. Но присутствие иностранных корреспондентов сделало заpiresательство невозможным. Тогда Ягуэ публично заявил, что не хотел брать с собой в Мадрид тысячи «красных», которых еще надо кормить и не мог просто оставить их в Бадахосе, так как они снова сделали бы город «красным». В Бадахосе путчисты впервые вырезали целый госпиталь. Позднее все это будет повторяться еще не раз, но «бадахос» стал именем нарицательным, обозначающим зверские расправы с ни в чем не повинным мирным населением.

Резня в Бадахосе вовсе не была случайностью. С самого начала мятежа Франко ставил перед собой цель не просто взять власть в Испании, но и истребить при этом как можно больше политических противников, чтобы легче удержаться у власти. Когда один из корреспондентов 25 июля 1936 года сказал генералу, что для умиротворения Испании придется расстрелять половину ее населения, Франко ответил, что он достигнет своей цели любым путем.

К тому же массовые убийства и насилия над женщинами оказывали сильное деморализующее влияние на защитников республики. Кейпо де Льяно в своих выступлениях по радио с садистским наслаждением описывал (частью вымышленные) сексуальные похождения марокканцев с женами и сестрами убитых или арестованных сторонников республики.

Вообще следует отметить, что система террора мятежников (а это была именно придуманная и отработанная система) имела свои особенности в разных районах Испании. Особенно зверствовали путчисты в «красной» Андалусии, которая рассматривалась как захваченная в ходе военных действий территория противника.

Кейпо де Льяно еще 23 июля 1936 года ввел смертную казнь за участие в забастовках, а с 24 июля тоже самое наказание применялось ко всем «марксистам». 28 июля объявили о введении высшей меры для всех, кто прятал оружие. 19 августа «социальный генерал» Кейпо де Льяно распространил смертную казнь на тех, кто вывозил из Испании капитал. Между тем сам хозяин Андалусии обнаружил недюжинный коммерческий талант, наладив экспорт оливок, цитрусовых и вина. Часть получаемой

таким образом валюты шла в кассу мятежников, а часть генерал оставлял себе.

Члены рабочих организаций еще долгое время были в Севилье фактически на положении дичи. В любой момент их могли арестовать и расстрелять без суда и следствия. Кейпо де Льяно советовал рабочим вступать в фалангу, издевательски именуя голубые форменные рубашки фалангистов «спасательными жилетами». Тюрьмы Севильи были переполнены и многих арестованных держали под охраной в школах или просто во дворах домов. Интересно, что чуть ли не самым большим преступлением считалось членство в масонской ложе. Странно, если учесть, что многие из офицеров-путчистов сами были масонами.

Начальником репрессивного аппарата у Кейпо де Льяно был садист и алкоголик полковник Диас Криадо. Он иногда дарил жизнь арестованным, если их жены, сестры или невесты удовлетворяли его буйные сексуальные фантазии.

В некоторых соседних с Севильей деревнях сразу же после путча сторонниками республики были взяты в качестве заложников священники, часть из них была расстреляна. После захвата таких деревень Кейпо де Льяно, как правило, казнил всех членов муниципалитета, даже если освобожденные священники просили его этого не делать, ссылаясь на хорошее обращение со стороны республиканцев.

В Кастилии с ее консервативным населением террор был более «точечным». Обычно в каждом населенном пункте собирался комитет в составе местного священника, помещика и командира гражданской гвардии. Если все трое считали кого-то виновным, это означало смертную казнь. При разногласиях наказание назначалось в виде тюремного заключения. Эти комитеты могли даже и «простить», но при этом «прощенный» должен был продемонстрировать свою лояльность новой власти, вступив добровольцем в войска мятежников или отдав туда своего сына. Но наряду с этим «упорядоченным террором» был и «дикий». Отряды фалангистов и карлистов по ночам убивали своих политических противников, оставляя трупы на обочинах дорог для всеобщего обозрения. «Фирменной меткой» фаланги был выстрел между глаз. Генерал Мола (более «мягкий», чем Франко) даже вынужден был издать приказ властям Вальядолида проводить казни в скрытых от посторонних глаз местах и быстро хоронить трупы.

Зверства мятежников заставляли задуматься даже тех консервативных политиков и мыслителей, кто не любил ни левых, ни Народный фронт. Одним из таких был Мигель де Унамуно, представитель «поколения 1898»,

разочаровавшийся в республике. Путч застал его на посту ректора университета в захваченной мятежниками Саламанке. 12 октября в университете торжественно отмечался так называемый День расы (дата открытия Колумбом Америки, положившего начало распространению испанского языка и культуры в Новом Свете). Присутствовала и супруга Франко донья Кармен. Одним из выступавших был основатель Иностранного легиона генерал Мильян Астраи, сторонники которого постоянно прерывали речь своего идола, выкрикивая девиз легиона «Да здравствует смерть!». Унамуну не смог сдержаться и сказал, что военным надо не только побеждать, но и убеждать. В ответ Астраи набросился на ректора с кулаками, крича: «Смерть интеллигенции!». Только вмешательство жены Франко предотвратило самосуд. Но уже на следующий день Унамуну не пустили в его любимое кафе, а потом и сняли с поста ректора. В декабре 1936 года он ушел из жизни, покинутый всеми друзьями и знакомыми.

В принципиальном плане следует подчеркнуть, что все деятели культуры Испании с мировым именем были на стороне республики.

Галисия оказалась практически единственной территорией с республикански настроенным населением, захваченной в первые же дни мятежа (в Андалусии борьба шла около месяца). Сопrotивление все же продолжалось и там, нося характер локальных забастовок. Особенностью Галисии была жестокость по отношению к учителям и врачам, которых поголовно считали левыми, в то время как адвокатов и профессорско-гуманитариев рассматривали как лиц консервативных убеждений. В некоторых населенных пунктах, как и в Андалусии, вырезали поголовно всех, кто подозревался в симпатиях к Народному фронту. Матерям, женам и сестрам казненных запрещали носить траур.

В Наварре карлисты, игравшие там на первом этапе мятежа основную роль, с особой ненавистью расправлялись с баскскими националистами, хотя последние были столь же ревностными католиками, как и сами карлисты. 15 августа 1936 года в столице Наварры Памплоне проходила торжественная религиозная процессия в честь Пресвятой Девы Марии. Фалангисты и карлисты решили отметить этот день по-своему, организовав расстрел 50–60 политических заключенных, многие из которых крестились перед казнью. После убийства беззащитных людей, среди которых было и несколько священников, карлисты спокойно присоединились к торжественной процессии, как раз достигнувшей главного собора города.

В целом, в ходе массированного и хорошо организованного террора в части Испании, захваченной мятежниками, было убито по разным оценкам

от 180 до 250 тысяч человек (включая казни республиканцев сразу же после окончания гражданской войны).

А как обстояло дело в республиканской зоне? Главное и принципиальное отличие было в том, что физические расправы с «врагами республики» проводились, как правило, вопреки законам и декретам центрального правительства различными «бесконтрольными» элементами (прежде всего, анархистами) в первые месяцы после мятежа. После того, как в начале 1937 года правительству удалось более или менее поставить под контроль многочисленные военные формирования, колонны и комитеты, революционный террор практически сошел на нет. Впрочем, он никогда и не приобретал столь массового характера, как в зоне мятежников.

После провала мятежа в Мадриде и Барселоне без суда были расстреляны практически все захваченные в плен офицеры-путчисты, в том числе генерал Фанхуль. Правительство, правда, позднее санкционировало высшую меру наказания, так как она в данном случае полностью соответствовала уголовному кодексу.

Комитеты Народного фронта на местах взяли на себя функции судов, на которых, естественно, отсутствовали адвокаты. Обвиняемый, как правило, сам должен был искать свидетелей, подтверждавших его невиновность. А обвинения были самыми различными. Те, кто слишком громко слушал радио Севильи, могли быть обвинены в подрыве боевой морали республики. Тот, кто ночью искал с фонариком спички, мог подвергнуться подозрению, что подавал сигналы фашистским самолетам.

Анархисты, социалисты и коммунисты, входившие в комитеты, вели свои списки подозрительных. Они сравнивались, и если кто-то имел несчастье оказаться сразу в трех списках, то вина считалась доказанной. Если же подозреваемый был только в одном списке, с ним, как правило, беседовали (причем, в основном, довольно благожелательно) и если лицо признавалось невиновным, члены комитета иногда выпивали вместе с ним по бокальчику вина и отпускали на все четыре стороны (иногда даже под почетным конвоем, сопровождавшим освобожденного до ворот дома). Комитеты вели борьбу с ложными доносами: иногда за них расстреливали.

Хуже дело обстояло в тех регионах, где власть сразу после мятежа оказалась в руках анархистов (Каталония, Арагон, некоторые населенные пункты в Андалусии и Леванте). Там боевики НКТ-ФАИ сводили счеты не только с «реакционерами», но и с конкурентами из КПИ и ИСРП. Некоторых видных социалистов и коммунистов убивали из-за угла за то, что те хотели навести элементарный порядок.

Часто с захваченными мятежниками или их сторонниками

расправлялись после особенно жестоких бомбардировок авиацией мятежников жилых кварталов мирных городов. Например, после налета на Мадрид 23 августа 1936 года было расстреляно 50 человек. Когда ВМС мятежников объявило об обстреле с моря Сан-Себастьяна, власти города пригрозили, что расстреляют за каждую жертву этой атаки двух заключенных. Это обещание было выполнено: 8 заложников заплатили своей жизнью за четырех погибших.

23 августа 1936 года после таинственного пожара в мадридской тюрьме Модело (по указанию «пятой колонны» заключенные стали жечь матрацы, стремясь вырваться на свободу) было расстреляно 14 видных представителей правых партий, в том числе брат лидера фаланги Фернандо Примо де Ривера.

После мятежа в республике были закрыты все церкви, так как высшее духовенство в массе своей поддержало переворот (священники призывали на мессах «убивать красных собак»). Многие храмы были сожжены. Анархисты и другие ультрареволюционные элементы убили в первые месяцы войны тысячи священнослужителей (всего в республиканской зоне погибло около 2000 представителей церкви). Коммунисты и большинство социалистов осуждали эти действия, но часто просто не хотели портить отношения с анархистами, влияние которых в первые месяцы войны достигло апогея. Известен, однако, случай, когда Долорес Ибаррури взяла в свою машину монахиню и отвезла ее в безопасное место, где та находилась до самого конца войны. В сентябре 1936 года коммунисты организовали выступление по своей радиостанции католического священника Оссорио-и-Галландо, что вызвало смягчение общей политики по отношению к церкви. Тем не менее, вплоть до начала 1938 года все публичные церковные службы на территории республики были запрещены, хотя за богослужения в частных домах не преследовали.

Положение в республиканской зоне усугублялось еще и тем, что 22 февраля 1936 года по амнистии тюрьмы покинули не только политзаключенные, но и обыкновенные уголовники. После мятежа многие из них примкнули к анархистам и занимались обычным грабежом или сводили счеты с судьями, упрятавшими их за решетку. В районе Валенсии действовала целая так называемая «железная» колонна бандитствующих элементов, грабившая банки и «реквизировавшая» имущество граждан. Колонну удалось разоружить только при помощи коммунистических отрядов после настоящих уличных боев в Валенсии.

Правительство Хиралья пыталось положить конец бесчинствам маскировавшихся под милицию уголовников. Гражданам рекомендовали не

открывать двери ночью и при первых подозрениях сразу вызывать республиканскую гвардию. Прибытия гвардейцев (а часто лишь угрозы вызвать их), как правило, бывало достаточно, чтобы самозванные милиционеры (это были в основном подростки) убрались восвояси.

Прието и видные деятели компартии неоднократно выступали по радио с требованием немедленного прекращения актов самосуда. Когда после мятежа тысячи сторонников путчистов, членов правых партий и просто состоятельных людей укрылось в иностранных посольствах (в основном — латиноамериканских), правительство Народного фронта не только не настаивало на их выдаче, но и разрешило дипмиссиям снять дополнительные помещения, хотя осенью 1936 года персонал всех посольств покинул столицу. В Мадриде преспокойно отсиживались в посольствах более 20000 врагов республики. Оттуда периодически обстреливались республиканские патрули и подавались световые сигналы авиации мятежников. Реакционно настроенный дуайен дипкорпуса чилийский посол пытался даже привлечь к «гуманитарной акции» советское полпредство, но безуспешно. Отказались принимать «беженцев» на территории своих посольств и англичане с американцами. Они ссылались на международное право, запрещавшее использовать территорию диппредставительств для подобных целей.

4 декабря 1936 года испанская служба безопасности при содействии прикомандированных советских советников из НКВД провела неожиданный налет на одно из зданий финского посольства в Мадриде (оттуда частенько стреляли по патрулям) и обнаружила там 2000 человек, в т. ч. 450 женщин, а также массу оружия и мастерскую по производству ручных гранат. Естественно, в здании не оказалось ни одного финна. Все дипломаты были в Валенсии, а с каждого «постояльца» взималась плата от 150 до 1500 песет в месяц. По распоряжению тогдашнего премьер-министра Ларго Кабальеро все «беженцы» из финского посольства были депортированы во Францию, откуда большая часть вернулась в зону, контролируруемую мятежниками.

В одном из зданий, находившихся под опекой турецкого посольства, было обнаружено 100 ящиков с винтовками, а из перуанского посольства фалангисты вообще вели радиопередачи, сообщая мятежникам информацию о положении республиканских частей под Мадридом.

Несмотря на эти неопровержимые факты, правительство республики не решалось прекратить посольский «беспредел», опасаясь испортить отношения с западными странами.

Многие фалангисты смогли бежать из посольств в зону мятежников,

другие спокойно отсиживались в дипмиссиях до самого конца войны. Следует отметить, что уже в первые месяцы войны республиканцы предложили через Красный крест наладить обмен пленными, а также разрешить свободный проход через линию фронта женщин и детей. Мятежники ответили на это отказом. Они считали Красный крест масонской (а значит, подрывной организацией). Обменивались на французской границе только попавшие в плен советские, немецкие и итальянские летчики, а также высокопоставленные офицеры и политики обеих сторон.

Заканчивая сравнительный анализ политических репрессий в «двух Испаниях» после 18 июля 1936 года, можно лишь констатировать, что сравнению они не поддаются. И дело даже не в том, что в республиканской зоне жертвами чисток стало в 10 раз меньше людей (около 20 тысяч человек). Каждая безвинно загубленная жизнь заслуживает сострадания. Но мятежники сознательно использовали массовый террор как средство войны, предвосхищая поведение нацистов в Восточной Европе и СССР, в то время как республика старалась максимально сдерживать справедливый гнев, переполнявший массы, столкнувшиеся с изменой и предательством собственной армии.

Но вернемся к положению на фронтах в этот черный для республики август 1936 года. Несмотря на быстрые темпы продвижения африканской армии, взятие Бадахоса и соединение двух частей мятежной территории в единое целое, республика еще не чувствовала нависшей над ней смертельной опасности и безумно расплывала свои и так не слишком мощные силы.

Многообещающе начинались для республиканцев операции на Арагонском фронте, где у мятежников не было ни авиации, ни артиллерии, ни достаточного количества войск. В первые дни войны из Барселоны вышла окрыленная победой над путчистами в городе колонна анархистов во главе с Дуррути. Вместо заявленных провожающему населению 20 тысяч бойцов, в колонне едва набралось 3000, но по дороге ее догнали колонны ОСПК (Объединенной социалистической партии Каталонии) и троцкистской партии ПОУМ. В первых числах августа республиканцы окружили с трех сторон арагонский город Уэску, где фронт уже держали оставшиеся верными республике солдаты регулярной армии из гарнизона городка Барбастро. Несмотря на выгодные позиции и подавляющее превосходство в силах настоящего штурма Уэски так и не произошло. В районе городского кладбища позиции сторон были так близки, что анархисты и мятежники обменивались в основном не выстрелами, а

ругательствами. Уэска, которую мятежники называли своим Мадридом, так и осталась в их руках, хотя единственная дорога, связывающая город с тылом, находилась под обстрелом республиканцев.

Анархисты оправдывали свое бездействие под Уэской тем, что их основные силы были брошены на освобождение Сарагосы. После взятия столицы Арагона НКТ-ФАИ планировала развернуть во всей Испании революцию в своем понимании. Как выглядела такая революция, демонстрировала сама колонна Дуррути, провозглашая в освобожденных арагонских селах «либертарный коммунизм» без денег и частной собственности. Сопrotивлявшихся крестьян-»реакционеров» иногда расстреливали, хотя сам Дуррути часто заступался за них.

Наконец 6000 бойцов Дуррути подошли к Сарагосе. И здесь по совету командира военного гарнизона Барбастро полковника Вильяльбы колонна вдруг отошла назад, так как полковник опасался окружения. И это, несмотря на то, что у мятежников в Сарагосе было в два раза меньше солдат и они были гораздо слабее в артиллерии. Свою роль сыграло и то, что у анархистов не было четкой системы командования. У полковника Вильяльбы формально не было никаких полномочий, и Дуррути то прислушивался к его советам, то игнорировал их. Самому Дуррути, несмотря на казалось бы непререкаемый авторитет приходилось выступать перед своими бойцами по двадцать раз в день, убеждая их идти в наступление. Колонна анархистов быстро таяла и вскоре в ней осталось 1500 человек.

Никакой связи и координации действий с правительством в Мадриде или даже с соседними участками фронта, занимаемыми «марксистскими колоннами», не существовало. Так была упущена реальная возможность взять Сарагосу и соединиться с отрезанным от основной части республики севером страны. До середины 1937 года Арагонский фронт был фронтом только по названию: мятежники держали здесь минимальное количество войск (30 тысячам на стороне путчистов весной 1937 года противостояли 86 тысяч республиканцев), а задававшие с республиканской стороны тон анархисты не очень-то докучали им боевой деятельностью.

В последних числах июля в Каталонии и Валенсии зародилась мысль отбить у мятежников главный остров Балеарского архипелага Майорку. Автономное правительство Каталонии не стало консультироваться с Мадридом, а решило провести операцию на свой страх и риск. План десанта разработали два капитана — Альберто Байо (ВВС) и Мануэль Урибарри (гражданская гвардия Валенсии). В состав экспедиционных сил общей численностью 8000 человек входили отряды всех основных партий.

Высадка осуществлялась при поддержке двух эсминцев, канонерской лодки, торпедного катера и трех подводных лодок. Был даже свой плавучий госпиталь. Сам десант размещался на тех же баркасах, которые армия использовала в 1926 году во время знаменитого десанта в бухте Алусемас, решившего исход марокканской войны.

5 и 6 августа практически без боя республиканский десант занял два небольших острова Ивиса и Форментера. 16 августа десантники высадились на восточном берегу Майорки и, используя фактор внезапности, заняли город Порто Кристо. Был образован плацдарм в форме дуги длиной 14 и глубиной 7 километров. Но вместо того, чтобы развить успех, республиканцы бездействовали целый день и этим дали возможность противнику придти в себя. Особенно опасался потери Балеарских островов Муссолини. Он уже договорился с мятежниками, что на время войны (а может, и на более длительный срок) острова станут итальянской военно-морской и военно-воздушной базой. Поэтому уже через 10 дней после успешной высадки республиканцев их позиции стали утюжить итальянские самолеты. Истребители «фиат» не дали республиканским бомбардировщикам никакой возможности сделать тоже самое. Франко направил на помощь Майорке подразделения Иностранного легиона.

Общее руководство мятежниками осуществлял итальянец Арконавальдо Бонаккорси, известный как граф Росси. «Граф» появился на Майорке сразу после мятежа и сместил назначенного генералом Годедом испанского военного губернатора. Итальянец разъезжал в черной рубашке с белым крестом в собственной автомашине и гордо говорил светским дамам, что ему нужна новая женщина каждый день. «Граф» и его подручные только за несколько недель хозяйничания на острове уничтожили более 2000 человек. Росси организовал оборону острова, опираясь на присланную Муссолини авиацию.

Но тем временем в Мадриде осознали, что главная опасность республике угрожает с юга, и потребовали отозвать десант с Майорки и бросить его на столичный фронт. 3 сентября 1936 года к острову подошли линкор «Хайме I» и крейсер «Либертад» ВМС республики. Командиру десанта капитану Байо было приказано в течение 12 часов эвакуировать войска. В противном случае флот угрожал бросить высадившийся десант на произвол судьбы. 4 сентября экспедиционный корпус, практически не понесший потерь, вернулся в Барселону и Валенсию. Оставленный на Майорке госпиталь с ранеными был вырезан графом Росси. Примечательно, что республиканцы расположили госпиталь в женском

монастыре и за время пребывания на острове не причинили зла ни одной монахине.

Таким образом, весьма эффектная с военной точки зрения десантная операция республиканцев не привела к осязаемым результатам и не облегчила положение на других фронтах.

К началу августа Мола осознал бесплодность своих попыток прорваться к Мадриду через Сьерра-Гуадарраму. Тогда он решил ударить по Стране басков, чтобы отрезать ее от французской границы, подступы к которой прикрывал город Ирун. У республиканцев все еще не было единого командования. Правда, на бумаге существовала Хунта обороны Гипускоа (так называлась провинция Страны басков, прилегающая к Франции), но в реальности каждый город и каждая деревня оборонялись на свой страх и риск.

5 августа около 2000 мятежников во главе с одним из лидеров карлистов полковником Беорлеги перешли в наступление на Ирун. Мола передал этой группировке всю свою артиллерию, а Франко прислал 700 легионеров. Однако баски храбро сопротивлялись и солдаты Беорлеги до 25 августа не могли взять господствующую над городом крепость Сан-Марсиаль. Франко пришлось «юнкерами» перебрасывать полковнику дополнительные подкрепления. Повторное наступление 25 августа было вновь отбито грамотным пулеметным огнем, причем мятежники понесли серьезные потери.

Защитники Ируна получили подкрепление в виде нескольких сотен милиционеров из Каталонии, которые добрались до Басконии через юг Франции. Но 8 августа французское правительство закрыло границу с Испанией (первый шаг пресловутой «политики невмешательства», о которой будет рассказано ниже) и несколько грузовиков с боеприпасами, посланные из Каталонии, уже не смогли добраться до Ируна. Хотя население южной Франции все равно не скрывало своих симпатий. Французские крестьяне с приграничных холмов световыми сигналами сообщали республиканцам о позициях мятежников и о передвижении войск в их лагере. Бойцы милиции из Ируна часто переходили во Францию поесть и отдохнуть, возвращаясь нагруженные винтовками, пулеметами и боеприпасами. Французские пограничники закрывали на это глаза.

И все же благодаря более организованному применению войск, мятежники захватили 2 сентября крепость Сан-Марсиаль, что решило судьбу Ируна. 4 сентября при поддержке итальянской авиации смертельно раненый Беорлеги все-таки вошел в город, подоженный отступавшими анархистами. Кстати, самого полковника подстрелили с другой стороны

границы французские коммунисты.

13 сентября после бомбардировки флотом мятежников баски оставили курортную столицу тогдашней Испании город Сан-Себастьян. В результате северной кампании Мола захватил территорию в 1600 квадратных километров с солидным промышленным потенциалом, но в отличие от «счастливчика» Франко эта победа досталась ему дорогой ценой. Из 45 рот, введенных в бой мятежниками (в основном, карлистов), баски, которых было лишь около 1000 человек при одной артиллерийской батарее (75-мм орудий) вывели из строя одну треть.

Что же происходило в то время на южном, основном, фронте гражданской войны? После взятия Бадахоса колонны Ягуэ повернули на северо-восток и по долине реки Тахо стали быстро продвигаться к Мадриду. За неделю к 23 августа мятежники прошли половину расстояния от Бадахоса до столицы. В долине Тахо, также как и в Эстремадуре, практически не было естественных препятствий. Лишь в одном месте на холмах Монте-де Гуадалупе народная милиция оказала сопротивление, но после угрозы обхода была вынуждена отойти.

27 августа три колонны мятежников соединились и развернули наступление в сторону важного транспортного узла города Талавера-де-ла Рейна, от которого до Мадрида было 114 километров. В районе Талаверы горные хребты сужали долину Тахо и город был удобным рубежом обороны. За две недели после Бадахоса 6000 легионеров и марокканцев Ягуэ прошли 300 километров.

Республиканскими войсками в районе Талаверы командовал кадровый офицер генерал Рикельме. К городу срочно подходили наиболее боеспособные части республики, отбросившие месяц назад Молу от Мадрида: роты Пятого коммунистического полка и молодежные батальоны ОСМ под командованием Модесто и Листера. Но, прибыв на фронт, они узнали, что Рикельме без боя сдал Талаверу, и бойцы милиции в панике бежали из города на автобусах, как футбольные болельщики со стадиона.

Ключевую роль в победе мятежников под Талаверой сыграла германо-итальянская авиация. Достаточно было бреющих полетов «юнкерсов», «фиатов» и «хейнкелей» — и большинство милиционеров бросалось наутек.

Сдача Талаверы 4 сентября 1936 года поразила республику, как гром среди ясного неба. Правительство Хиралья было вынуждено уйти в отставку. Стало очевидным, что новый кабинет должен включать в себя все основные силы Народного фронта.

Сначала президент Асанья просто хотел дополнить правительство

несколькими видными социалистами и, прежде всего, Ларго Кабальеро который часто выступал с воинственными речами, в том числе и перед бойцами милиции в Талавере. Он говорил, что правительство беспомощно и не знает, как надо правильно вести войну. Опираясь на свою популярность, Ларго Кабальеро отказался войти в правительство рядовым министром, и потребовал для себя пост премьер-министра, который он, в конце концов, и получил, став еще и военным министром. Для подкрепления притязаний Кабальеро на власть в Мадриде было сосредоточено 2000–3000 бойцов милиции ВСТ. Прието возглавил министерства ВВС и ВМС. В целом, члены ИСРП взяли большинство портфель, но Ларго Кабальеро настаивал, чтобы в правительство обязательно вошли коммунисты. Лидеры КПИ отказывались, ссылаясь на соображения международного характера. Мол, мятежники и так называют Испанию «красной», коммунистической страной, и чтобы не давать в мире дополнительной почвы для этих утверждений, компартии пока не следует участвовать в правительстве. Однако Ларго Кабальеро не отставал, упрекая коммунистов в нежелании в трудную минуту разделить ответственность за судьбы страны. Посоветовавшись с руководством Коминтерна, Хосе Диас в конце концов дал добро и два коммуниста стали министрами земледелия (Висенте Урибе, бывший каменщик) и народного образования (Хесус Фернандес). Таким образом, впервые в истории западной Европы в правительство капиталистической страны вошли коммунисты. Анархисты же по-прежнему наотрез отказывались сотрудничать с государственной властью, которую они хотели отменить.

Назначение Ларго Кабальеро премьером далось Асанье непросто. Этот шаг ему подсказал Прието, всегда считавший, что его основной соперник по ИСРП не способен ни к какой серьезной административной работе (как мы убедимся, Прието был прав). Коммунистов неприятно поразила безапелляционность, с которой Кабальеро потребовал для себя пост премьер-министра и военного министра одновременно. И все же в момент кризиса главой исполнительной власти должен был стать человек, которому доверяли массы, а таким человеком в начале сентября 1936 года был только «испанский Ленин» — Ларго Кабальеро. Прието думал, что Кабальеро станет знаменем, под которым другие люди и, прежде всего, он сам начнут кропотливую и черновую работу по созданию регулярной армии.

Но эти надежды не оправдались. Правда, Ларго Кабальеро громкогласно объявил, что его кабинет — это «правительство победы». Облаченный в синий комбинезон «моно» народной милиции с винтовкой наперевес Кабальеро встречался с бойцами и убеждал их, что скоро

наступит перелом. Поначалу новый премьер упорядочил работу военного министерства и генштаба. Раньше там постоянно толклись разные люди, размахивая мандатами всевозможных комитетов и требуя оружия и продовольствия. Кабальеро установил охрану и четкий распорядок дня. Его прямой телефон был известен немногим, и он очень щепетильно относился к каждому посетителю, так что попасть на прием к военному министру стало непросто. 65-летний Кабальеро появлялся на рабочем месте ровно в 8 утра, а в 8 вечера шел отдыхать. Будить себя ночью, даже по важным вопросам он строго запретил. Скоро сотрудники министерства почувствовали, что наведение порядка (бесспорно, давно назревшее) стало выливаться в какой-то слишком неповоротливый бюрократический механизм, мешающий принимать оперативные решения именно в тот период, когда судьбы войны решали дни и часы. Ларго Кабальеро стал стремиться решать многие мелкие вопросы единолично. Так, например, по его приказу изъяли у населения неучтенные пистолеты, которых набралось 25 тысяч. Ларго Кабальеро заявил, что будет распределять эти пистолеты сам и только на основании написанного им лично приказа.

У нового премьера была еще одна скверная черта. Возглавив правительство Народного фронта, он остался по сути своей профсоюзным лидером, пытавшимся укрепить позиции «своего» профцентра ВСТ за счет других партий и профсоюзов. Особенно завидовал Кабальеро коммунистам, ряды которых, несмотря на большие потери в дни мятежа и в первых схватках войны, росли как на дрожжах.

С чисто военной точки зрения у Кабальеро был один «пунктик», едва не приведший к сдаче Мадрида. Премьер почему-то всеми силами противился возведению вокруг столицы укрепленных рубежей обороны. Он полагал, что окопы и доты гасят боевой дух милиции. Для этого человека словно не существовали горькие уроки «черного» августа на юге Испании, когда легионеры и марокканцы устраивали народной милиции настоящие побоища в чистом поле. К тому же Кабальеро противился посылке на строительство укреплений членов профсоюза строителей, так как те были из «своего», «родного» ВСТ!

Мы помним, что Кабальеро и его сторонники сначала были вообще против регулярной армии, считая настоящей стихией испанца партизанскую войну. Но когда коммунисты и советские военные советники предложили создать партизанские отряды для действий в тылу мятежников (при симпатиях населения почти всей Испании к республике, это напрашивалось само собой), Кабальеро долго этому противился. Он считал, что партизан должен воевать на фронте.

И все же «блицкриг» африканской армии и успехи коммунистического Пятого полка заставили Ларго Кабальеро согласиться с созданием на базе народной милиции шести смешанных бригад регулярной Народной армии, к чему призывал появившийся в Мадриде в начале сентября советский военный атташе комбриг В.Е. Горев (ранее Владимир Ефимович Горев был военным советником в Китае, а в Испанию прибыл с должности командующего танковой бригадой). В каждой бригаде должно было насчитываться четыре пехотных батальона с пулеметами, минометный взвод, двенадцать орудий, кавалерийский эскадрон, взвод связи, саперная рота, автотранспортная рота, медсанчасть и взвод снабжения. Такая бригада, имевшая по штату 4000 бойцов, была автономным соединением, способным самостоятельно выполнять любые боевые задачи. Именно такими бригадами (хотя их называли колоннами) и рвались к Мадриду легионеры и марокканцы. Но, согласившись с созданием смешанных бригад в принципе, Кабальеро затягивал их формирование на практике. Каждый командир будущей бригады получил 30000 песет и приказ сформировать бригады к 15 ноября. Если бы этот срок был выдержан, то Мадрид отстоять бы не удалось. Бригады приходилось бросать в бой «с колес», жертвуя временем и людьми. Но это привело к тому, что в ходе решающей битвы за Мадрид у республиканцев не оказалось никаких мало-мальских обученных резервов.

И все же Талавера встряхнула республику. «Романтическая война» закончилась. Началась борьба не на жизнь, а на смерть. Войскам Ягуэ потребовалось две недели, чтобы пройти от Талаверы к городу Санта-Олалья, т. е. 38 километров (напомним, что до этого, менее чем за месяц, африканская армия преодолела 600 километров).

Помимо упоминавшихся выше ударных коммунистических и молодежных рот к Талавере подошли и другие части. Командовать всеми силами республики под Талаверой (около 5 батальонов) было поручено одному из немногих «африканских» кадровых офицеров в стане республики полковнику Асенсио Торрадо (1892–1961), которому благоволил «сам» Ларго Кабальеро.

Асенсио атаковал Талаверу по военному «правильно», но не смог переформировать свои силы для отражения контрнаступления мятежников и отошел, опасаясь окружения. Асенсио не удосужился сконцентрировать силы на достаточно узком фронте (4–5 км) по обеим сторонам мадридского шоссе и бросал в бой свои батальоны не сразу, а один за одним. Их встречали плотный огонь пулеметов и артиллерии, атаки «юнкерсов» с воздуха. Затем африканская армия напирала на фланги измученных

республиканцев и вынуждала их отходить. Конечно, стремительных темпов продвижения у мятежников уже не было, но этот выигрыш во времени давался республиканцам ценой колоссальных потерь и страшно медленно использовался Мадридом для наращивания обученных резервов.

У Санта-Олальи африканской армии пришлось, пожалуй, впервые вести сражение с закаленной в боях народной милицией. Прибывшая из Каталонии колонна «Либертад» («Свобода») 15 сентября, перешла в контрнаступление и, умело используя пулеметный огонь, освободила населенный пункт Пелаустан, отбросив мятежников на 15 километров. Но и здесь республиканцы не смогли закрепить свой успех: в результате контрудара сил Ягуэ некоторые части каталонской милиции попали в окружение и вынуждены были с потерями пробиваться к своим. 20 сентября африканская армия все же взяла Санта-Олалью, несмотря на героическое сопротивление республиканцев, потери которых достигали 80 % личного состава. В самом городке было хладнокровно расстреляно 600 бойцов милиции, попавших в плен.

21 сентября Ягуэ захватил город Македа, из которого вели две дороги: одна на север — к Мадриду, другая на восток — к городу Толедо, средневековой столице Испании. Там, за толстыми крепостными стенами древней крепости Алькасар, с момента подавления мятежа в Мадриде держался пестрый гарнизон путчистов в составе 150 офицеров, 160 солдат, 600 гражданских гвардейцев, 60 фалангистов, 18 членов правой партии «Народное действие», 5 карлистов, 8 кадетов Толедского пехотного училища и 15 других сторонников мятежа. Всего у командующего этим отрядом полковника Мигеля Москардо было 1024 бойца, но за стенами Алькасара находилось также 400 женщин и детей, часть из которых были членами семей мятежников, а часть взятыми в заложники близкими видных деятелей левых организаций. У осаждавшей Алькасар милиции сначала не было артиллерии, и мятежники чувствовали себя вполне уверенно за стенами толщиной в несколько метров. У них имелось достаточное количество воды, много конины. Не было недостатка и в боеприпасах. В Алькасаре даже издавалась газета, и проводились футбольные матчи.

Милиция в Толедо тоже не отличалась особой активностью. Ее бойцы сидели на площади перед Алькасаром, перебрасываясь с осажденными различными колкостями. Потом возникли импровизированные баррикады из всякого хлама, но все равно мятежники ранили и убили в перестрелках гораздо больше милиционеров, чем сами потеряли убитыми и ранеными.

Осада шла ни шатко, ни валко примерно месяц. За это время пропаганда мятежников сделала из «героев Алькасара» символ

преданности высоким идеалам «новой Испании». Мола и Франко стали соревноваться в освобождении Алькасара, понимая, что тот из них кто первым достигнет крепости, станет бесспорным лидером мятежного лагеря. Уже 23 августа с помощью самолета связи Франко пообещал Москардо, что африканская армия придет на помощь вовремя. 30 июля тоже самое сигнализировал Мола, добавив, что его войска ближе к Толедо.

Быстрое продвижение путчистов с юга заставило республиканское командование активизироваться и в Толедо. В конце августа начался слабый, но все же артиллерийский обстрел крепости: был выпущен один 155-мм и несколько 75-мм снарядов. Саперы прорыли подкоп под стены, чтобы заложить туда взрывчатку. Но республиканцев удерживало от решительного штурма наличие в крепости женщин и детей, которых «герои Алькасара» использовали в качестве живого щита.

9 сентября ставший уже подполковником Висенте Рохо, ранее служивший преподавателем в пехотном училище Толедо и знавший лично многих из осажденных, по приказу Ларго Кабальеро под белым флагом вошел в Алькасар, пытаясь добиться освобождения женщин и детей и сдачи гарнизона. Рохо с завязанными глазами провели к Москардо, но попытки воззвать к воинской чести полковника, запрещавшей насильственное удерживание женщин и детей, ни к чему не привели. 11 сентября с такой же миссией в крепость прибыл мадридский священник отец Васкес Камараса. «Добрый христианин» Москардо велел привести одну из женщин, которая естественно заверила, что находится в Алькасаре по доброй воле и готова разделить с гарнизоном его судьбу. Два дня спустя к стенам крепости подошел дуайен дипломатического корпуса, посол Чили, и снова просил Москардо отпустить заложников. Полковник послал на стену своего адъютанта, через громкоговоритель сообщившего дипломату, что все просьбы следует передавать через военную хунту в Бургосе.

18 сентября милиционеры взорвали под Алькасаром три мины, не причинившие большого вреда осажденным.

В героической легенде франкистов об Алькасаре фигурировал и еще один трогательный эпизод. Во всех газетах мира сообщали, что 23 июля 1936 года командир осаждавшей крепость милиции подвел к телефону сына полковника Москардо Луиса, чтобы тот уговорил отца сдаться, угрожая в противном случае расстрелять сына. Москардо пожелал сыну мужественной смерти, после чего Луис, якобы, был немедленно расстрелян. На самом деле Луиса Москардо расстреляли позднее вместе с другими арестованными в качестве возмездия за жестокий налет авиации мятежников на Толедо. Конечно, Луис был ни в чем не виноват, но такова

была страшная логика той гражданской войны. К тому же сын Москардо уже достиг призывного возраста.

Итак, когда Ягуэ взял Македу, перед Франко возник мучительный выбор: или идти на Толедо, отвлекаясь от главной цели — Мадрида, или форсированным маршем рвануться на столицу.

С чисто военной точки зрения, конечно, напрашивался бросок на Мадрид, и Франко прекрасно осознавал это. Столица была абсолютно не укреплена, а милиция деморализовала долгим отступлением, бесплодными контратаками и страшными потерями. Но генерал принимает решение остановить наступление на Мадрид и освободить Алькасар. Естественно, публично это объяснялось честным словом Франко, данным Москардо, что африканская армия придет ему на помощь. Говорили и о сентиментальных чувствах Франко, учившегося в пехотном училище Толедо. Но главным в мотивах генерала было вовсе не это. Театральное взятие Алькасара было нужно ему, чтобы закрепить свои претензии на единоличную власть в лагере мятежников.

Сделать первый и решающий шаг на этом пути ему помогли немцы, когда по настоянию Канариса приняли решение, что любая военная помощь мятежникам будет оказываться только через Франко. 11 августа Мола, так и не добившийся признания за рубежом, согласился с тем, чтобы Франко считался главным представителем мятежников. Германия продолжала и далее настаивать на назначении единоличного лидера и главнокомандующего «националистами» (так стали официально себя именовать путчисты, в противовес «красным» — республиканцам; в свою очередь республиканцы называли себя «правительственными силами», а мятежников — фашистами). При этом, конечно, подразумевался Франко: основную роль в его лоббировании опять взял на себя Канарис.

Еще до отъезда из Германии в июле 1936 года первой делегации мятежников, Канарис попросил Лангенхайма (уже являвшегося к тому времени агентом абвера) оставаться вблизи Франко и сообщать о всех шагах генерала. Но и Мола Канарис не упускал из поля зрения, используя свои давние контакты с начальником штаба «директора» полковником Хуаном Вигоном. Информацию Вигона дополняли сведения, получаемые из штаб-квартиры Молы через агента абвера Зайделя. Военный атташе Германии в Париже поддерживал связь с другими видными генералами-путчистами. Иногда даже Франко общался с Молой через Берлин, пока обе армии мятежников не установили непосредственный контакт друг с другом. Канарис наладил агентуру в республиканской зоне и делился информацией с Франко. Уже скоро абвер понес первые потери: его агент

Эберхард Функ был задержан при попытке собрать информацию о складах боеприпасов республиканской армии, и заплатил за свое излишнее любопытство жизнью.

Канарис отложил на время все дела и занимался только Испанией. На его рабочем столе появился портрет Франко, которого Канарис считал одним из самых выдающихся государственных деятелей того времени. В конце августа Канарис послал к Франко через Португалию своего сотрудника и офицера ВМС Мессершмидта (его иногда путают с известным авиаконструктором), чтобы выяснить потребности мятежников в вооружении. Условием предоставления помощи была ее концентрация в руках Франко. В сентябре уже знакомый нам Йоханнес Бернхардт со своей стороны заявил Франко, что Берлин видит на посту главы испанского государства только его.

24 августа 1936 года по рекомендации Канариса Гитлер издал специальную директиву, в которой говорилось: «Поддержать генерала Франко, насколько это возможно, в материальном и военном отношении. При этом активное участие [немцев] в боевых действиях пока исключается». Именно после этой директивы из Германии в Кадис отправились новые партии самолетов (разобранные и упакованные в ящики с надписью «Мебель»), боеприпасы и добровольцы.

Однако военная разведка Канариса допустила серьезный прокол уже с первым пароходом «Усарамо». Рабочих-докеров Гамбурга, среди которых были традиционно сильны коммунисты, заинтересовали таинственные ящики и они намеренно «уронили» один из них, где лежали авиабомбы. Сотрудник контрразведки компартии Германии (Abwehrapparat) в Гамбурге Герберт Верлин сообщил об этом своему руководству в Париже. Как следствие, флагман республиканского флота линкор «Хайме I» уже поджидал «Усарамо» в Гибралтарском проливе. Немецкий корабль не отреагировал на приказ остановиться и на всех парах пошел к Кадису. Линкор открыл огонь, но на нем не было толковых офицеров-артиллеристов, и снаряды не причинили «Усарамо» никакого вреда. И все же для Канариса это был тревожный звонок. Если бы «Хайме I» захватил немецкий пароход, то скандал в мире поднялся бы такой, что Гитлер, возможно, прекратил бы вмешательство в испанские дела.

27 августа 1936 года Канарис был направлен в Италию, чтобы согласовать с начальником итальянской военной разведки Роаттой формы содействия обоих государств мятежникам. Было решено, что Берлин и Рим будут помогать в одинаковом объеме — и только Франко. Участие немцев и итальянцев в боевых действиях не предусматривалось, если только высшее

руководство двух стран не примет другого решения. Встреча Канариса с Роаттой стала первым шагом на пути оформления военной оси Берлин — Рим, родившейся на полях битв в Испании. Во время переговоров Канариса с министром иностранных дел Италии Чиано, последний стал настаивать на прямом участии немецких и итальянских летчиков в боевых действиях. Канарис не возражал и по телефону из Рима уговорил военного министра Германии Бломберга отдать соответствующий приказ. Через несколько дней посланному в испанские воды немецкому флоту также дали «зеленый свет» на применение оружия для защиты направлявшихся в Испанию немецких транспортных судов.

Вскоре подполковник германского генштаба Вальтер Варлимонт (назначенный координатором по оказанию военной помощи Испании) совместно с Роаттой через Марокко прибыл в ставку Франко (она была перенесена из Севильи на север в Касерес) и разъяснил генералу суть достигнутых германо-итальянских договоренностей.

Получив благословение Германии и Италии непосредственно из уст высокопоставленных представителей фашистских государств, Франко почувствовал, что настал, наконец, момент для заявления своих претензий на власть. По его инициативе на 21 сентября 1936 года было назначено совещание военной хунты с приглашением других видных генералов. Лоббистскую работу с ними развернули специально отозванный с фронта Ягуэ (его повысили, сделав генералом) и давний друг Канариса Кинделан.

Встреча генералов состоялась в деревянном домике на аэродроме Саламанки. Номинальный глава хунты Кабанельяс высказался против учреждения поста единоличного главнокомандующего и отказался принять участие в голосовании. Остальные выбрали «генералиссимусом» Франко, хотя Кейпо де Льяно уже тогда был недоволен этим решением. Правда, он признавал, что никто другой (особенно Мола) не может выиграть войну. Следует подчеркнуть, что титул «генералиссимус» в данном случае не означал присвоения Франко этого звания. Просто так решили назвать главного среди генералов, т. е. первого среди равных.

Несмотря на формальную поддержку, Франко понимал, что его новое положение еще очень непрочное. Не были определены полномочия «генералиссимуса», а Кейпо де Льяно, едва покинув совещание, стал интриговать против нового вождя. Поэтому Франко в тот же день, 21 сентября 1936 года, принял решение взять Толедо и на волне этого успеха окончательно закрепить свое лидерство.

Республиканцы тоже сознавали важное символическое значение Алькасар. В сентябре они стали бомбить крепость, хотя в то критическое

время каждый самолет был на вес золота, и авиационной поддержки так не хватало бойцам милиции, истекавшим кровью в боях с африканской армией. Франко использовал немецкие «юнкерсы» для доставки продовольствия осажденным в Алькасаре. 25 сентября 1936 года республиканские истребители «девуатин» французского производства сбили один Ю-52 над Толедо. Три пилота покинули бомбардировщик на парашюте, но один был убит пулеметной очередью истребителя еще в воздухе. Второй, приземлившись, успел застрелить троих бойцов милиции, прежде чем его постигла та же участь. Больше всего не повезло третьему летчику. Его отдали возмущенным варварскими бомбардировками Толедо женщинам, которые буквально разорвали пилота на куски.

В тот же день 25 сентября три колонны африканской армии под командованием приверженца карлистов генерала Варелы двинулись на Толедо. Уже на следующий день бои шли в окрестностях города. 27 сентября иностранным журналистам приказали покинуть боевые порядки мятежников. Было ясно, что предстоит еще одна ужасная бойня. Так и случилось. Милиция не оказала в Толедо сильного сопротивления, только на городском кладбище милиционеры держались несколько часов. Опять подвели анархисты, заявившие, что если не прекратится огонь вражеской артиллерии, то они отказываются сражаться.

Тем не менее, марокканцы и легионеры не брали пленных. Улицы были завалены трупами, по мостовым текли ручейки крови. Как всегда был вырезан госпиталь, причем в раненых республиканцев бросали гранаты. 28 сентября исхудавший и отпустивший бороду Москардо, выйдя из ворот крепости, доложил Вареле: «В Алькасаре без перемен, мой генерал». Через два дня «взятие» Алькасара было специально повторено для кино- и фотожурналистов (за это время Толедо кое-как очистили от трупов), но на этот раз доклад Москардо принимал уже сам Франко.

Легенда о «львах Алькасара» и их «мужественных освободителях» была растиражирована ведущими мировыми СМИ. Этот ход в первой пропагандистской войне современной европейской истории остался за мятежниками.

Перед дворцом Франко в Касересе были собраны ликующие толпы, скандировавшие «Франко, Франко, Франко!» и поднимающие руки в фашистском приветствии. На волне «народного восторга» генерал сделал решающий шаг в борьбе за первенство в лагере мятежников.

28 сентября в Саламанке состоялось новое и последнее совещание военной хунты. Франко стал не только главнокомандующим, но и главой правительства Испании на время войны. Бургосская хунта упраздняясь, и

вместо нее создавались так называемая государственно-административная хунта, являвшаяся уже просто аппаратом при новом вожде (она состояла из комитетов, практически повторявших структуру обычного правительства: комитеты юстиции, финансов, труда, промышленности, торговли и т. д.)

Франко сделали именно главой правительства, а не государства, так как монархическое большинство среди генералов считало главой Испании короля. Сам Франко еще не определился четко в своих предпочтениях. 10 августа 1936 года он заявил, что Испания остается республиканской, а уже через 5 дней утвердил красно-желтый монархический флаг как официальный штандарт своих войск.

После своего избрания лидером Франко вдруг стал именовать себя не главой правительства, а главой государства (за это Кейпо де Льяно назвал его «свиньей»). Умным людям сразу стало ясно, что Франко не нужен никакой монарх: пока генерал жив, он не отдаст верховной власти ни в чьи руки.

Став вождем, Франко сразу же оповестил об этом Гитлера и Муссолини. Первому он выразил свое восхищение новой Германией. Помимо этих чувств, Франко пытался копировать культ личности, к тому времени уже сложившийся вокруг «фюрера». Генерал ввел по отношению к себе обращение «каудильо», т. е. «вождь», а одним из первых лозунгов новоявленного диктатора стал слоган — «Одно отечество, одно государство, один каудильо» (в Германии это звучало как «Один народ, один рейх, один фюрер»). Авторитет Франко всячески укрепляла католическая церковь, высшие иерархи которой были враждебны республике, начиная с момента ее рождения в апреле 1931 года. 30 сентября 1936 года епископ Саламанки Пла-и-Деньел выступил с пасторским посланием «Два города». «Земному городу (т. е. республике), где господствуют ненависть, анархия и коммунизм противопоставлялся «город небесный» (т. е. зона мятежников), где правят любовь, героизм и мученичество. Впервые в послании гражданская война в Испании была названа «крестовым походом». Франко не был особо религиозным человеком, но после того как его возвели в сан предводителя «крестового похода», стал подчеркнуто соблюдать почти всю обрядовую сторону каталицизма и даже завел личного духовника.

На этом месте, пожалуй, стоит подробнее познакомиться с биографией человека, которому суждено было править Испанией с 1939 по 1975 год.

Франсиско Франко Баамонде родился 4 декабря 1892 года в галисийском городе Эль-Ферроль. В Испании, как и в других странах, жители разных исторических провинций, наделяются некими особыми

свойствами характера, придающими им свой неповторимый колорит. Если андалусцев считают прямодушными (если не сказать — простоватыми), а каталонцев практичными, то галисийцев — хитрыми и изворотливыми. Говорят, что когда галисиец идет по лестнице, то нельзя понять, поднимается он или спускается. В случае с Франко народная молва попала в точку. Этот человек был хитрым и осторожным, и именно эти два качества вознесли его на вершину власти.

Отец Франко был человеком весьма вольных (а попросту говоря, распутных) нравов. Мать, напротив, была женщиной строгих правил, хотя мягкой и доброй по характеру и очень набожной. Когда родители расстались, мать воспитывала детей (их было пятеро) одна. Сначала Франсиско хотел стать моряком (для жителей крупнейшей базы ВМС Испании Эль-Ферроль это было естественно), но поражение в войне 1898 года привело к сокращению флота, и в 1907 году он поступил в Толедское пехотное училище (его официально именовали Академией). Там его учили верховой езде, стрельбе и фехтованию, как и 100 лет назад. Техника была в испанской армии не в почете. В 1910 году после окончания училища (Франсиско был по успеваемости на 251-м месте из 312 выпускников) Франко присвоили звание лейтенанта и отправили служить в родной город. Но настоящую военную карьеру можно было сделать только в Марокко, куда после подачи соответствующего ходатайства Франко и прибыл в феврале 1913 года.

Юный офицер демонстрировал в боях храбрость (хотя и расчетливую) и уже через год получил звание капитана. Он не интересовался женщинами и отдавал все время службе. Его представили к званию майора, но командование посчитало служебный рост офицера слишком быстрым, и отменило представление. И тут Франко впервые проявил свое гипертрофированное честолюбие, обратившись с жалобой на имя короля(!) Настойчивость принесла ему майорские погоны в феврале 1917 года.

Майорских должностей в Марокко не хватало, и Франко вернулся в Испанию, где стал командовать батальоном в столице Астурии Овьедо. Когда там начались рабочие волнения, военный губернатор генерал Анидо призвал убивать забастовщиков как «диких зверей». Комбат Франко выполнял этот приказ без всяких угрызений совести. Как и большинство офицеров, он ненавидел левых, масонов и пацифистов.

В ноябре 1918 года Франко познакомился с майором Мильяном Астрадаем, который носился с идеей создать в Испании Иностраный легион по французскому образцу. После того, как эти планы воплотились в жизнь 31 августа 1920 года, Франко принял командование первым батальоном

(«бандерой») легиона и осенью вновь прибыл в Марокко. Ему повезло: его часть не участвовала в наступлении, завершившимся катастрофой под Аннуалем в 1921 году. Когда марокканцев стали теснить, Франко проявил невиданную жестокость. После одного из боев он и его солдаты принесли в качестве трофеев двенадцать отрезанных голов.

Но офицера опять обошли, не присвоив звание полковника, и Франко покинул легион, сформировавший в нем такие качества, как решительность, жестокость и пренебрежение к правилам ведения войны. Благодаря прессе, смаковавший героизм молодого офицера, Франко стал широко известен в Испании. Король присвоил ему почетный титул камергера. Франко вернулся в Овьедо, но уже в июне 1923 года его произвели в полковники и сделали командующим легионом. Отложив намечавшуюся женитьбу, Франко вернулся в Марокко. Немного повоевав, он все-таки женился в октябре 1923 года на представительнице старинного, но обедневшего рода Марии дель Кармен Поло, с которой он познакомился еще 6 лет назад. За свадьбой героя Марокко уже следила вся страна. И уже тогда один из мадридских журналов назвал его «каудильо».

В 1923–1926 годах Франко снова отличился в операциях в Марокко и был произведен в бригадные генералы, став самым молодым генералом в Европе. Газеты уже величали его «национальным достоянием» Испании. И опять высокое звание вынудило его покинуть Марокко. Франко был назначен командующим самой элитной частью армии — 1-ой бригадой 1-ой дивизии в Мадриде. В сентябре 1926 года у Франко родился первый и единственный ребенок — дочь Мария дель Кармен. В столице генерал завязывает много полезных связей, прежде всего в политических кругах.

В 1927 году король Альфонс XIII и диктатор Испании Primo de Rivera решили, что армии нужно высшее учебное заведение, готовящее офицеров всех родов войск (до этого военные училища Испании были отраслевыми). В 1928 году была учреждена Военная академия в Сарагосе и Франко стал ее первым и последним начальником. Мы помним, что Асанья в ходе военной реформы упразднил академию. Дальнейший путь Франко до июля 1936 года, уже описанный на страницах этой книги, был путем заговорщика против республики, но заговорщика расчетливого, готового действовать только наверняка. Многие считали Франко посредственностью, пищу для чего бесспорно давала его непритязательная внешность — одуловатое лицо, рано обозначившийся живот, короткие ноги (республиканцы дразнили генерала «Франко-коротышка»). Но генерал был кем угодно, только не серостью. Да, он был готов уйти в тень, временно отступить, но только для того, чтобы с новых позиций добиваться

осуществления цели своей жизни — верховной власти в Испании. Пожалуй, именно фантастическая целеустремленность сделала Франсиско Франко 1 октября 1936 года (в этот день были официально объявлены его новые титулы) лидером Испании, которую, правда, еще предстояло завоевать.

Для этого Франсиско Франко надо было разбить другого Франсиско — Ларго Кабальеро, который, осознав, наконец, грозившую республике смертельную опасность, стал лихорадочно действовать.

28 и 29 сентября были изданы декреты о переводе солдат, сержантов и офицеров милиции на военную службу. Офицерам милиции подтверждала воинские звания (полученные, как правило, по решению самих бойцов) специальная аттестационная комиссия. Любой, кто не хотел становиться военным служащим регулярной армии, мог покинуть ряды милиции. Таким образом, армия республики создавалась не на базе старых кадровых вооруженных частей, а на основе разношерстных и плохо обученных отрядов гражданских лиц. Это затрудняло формирование настоящей армии, но было в тех условиях хотя бы каким-то шагом вперед. Анархисты, естественно, оставили декреты правительства без внимания, сохранив прежние «вольные» порядки.

Ларго Кабальеро приказал ускорить формирование на Центральном фронте (т. е. вокруг Мадрида) 6 смешанных регулярных бригад. Во главе 1-й бригады встал бывший командир Пятого полка Энрике Листер. Много командиров и комиссаров этого полка влились и в остальные 5 бригад.

Приказ о создании бригад, и так сильно запоздавший, был доведен до их командиров только 14 октября. Как уж упоминалось выше, предписывалось закончить их формирование к 15 ноября, да и то военное министерство считало этот срок нереальным. Но обстановку на фронте диктовали не приказы Ларго Кабальеро, а хотя и замедлившееся, но по-прежнему неуклонное продвижение мятежников к столице.

15 октября 1936 года Ларго Кабальеро издал постановление об учреждении Генерального военного комиссариата, чем фактически только легализовал политических комиссаров, действовавших в отрядах милиции, особенно в тех, что находились под контролем коммунистов. Кабальеро долго противился этой назревшей мере. Но успехи кадров Пятого полка, подчас весьма резко контрастировали с боеспособностью милиции социалистов (к тому же последняя очень уступала коммунистическим отрядам в численности). Кабальеро был неприятно поражен, когда еще в июле прибывшие в Сьерра-Гуадарраму части социалистической милиции не выдержали первого боевого соприкосновения с противником и в панике

бежали. Командующий силами республики на этом горном фронте полковник Мангада в сердцах бросил: «Я просил прислать мне бойцов, а не зайцев». Мужество же коммунистических батальонов во многом объяснялось именно серьезно поставленной там политической работой. Один из кадровых офицеров даже сказал, что всех новобранцев надо делать на три месяца членами компартии, и это с лихвой заменит курс молодого бойца.

И вот, наконец, были учреждены должности военных делегатов (так официально назывались комиссары, хотя прижилось именно название «комиссар», что объяснялось популярностью СССР среди широких масс), которых военное министерство назначало во все воинские части и военные учреждения. Определялось, что комиссар должен быть помощником и «правой рукой» командира и основной его заботой считалось объяснение необходимости железной дисциплины, поднятие боевого духа и борьба с «происками врага» в рядах армии. Таким образом, комиссар не подменял командира, а был, выражаясь близким российскому читателю военным языком, своего рода замполитом. Во главе Главного военного комиссариата (ГВК) стал левый социалист Альварес дель Вайо (сохранивший портфель министра иностранных дел), его заместителями были представители всех партий и профсоюзов Народного фронта. Ларго Кабальеро обратился ко всем организациям Народного фронта с предложением выдвинуть кандидатов на должности военных делегатов. Больше всего кандидатур представили коммунисты — 200 уже к 3 ноября 1936 года.

Кабальеро всеми силами стремился не допустить преобладания среди комиссаров членов КПИ и даже мобилизовал на эту работу 600 человек из профактива возглавляемого им самим ВСТ.

Первоначально ГВК проводил ежедневные совещания, на которых утверждались директивы на день. Но события развивались быстрее, и часто ГВК за ними просто не успевал. Вскоре была отменена и практика прибытия комиссаров с фронта для отчетов. Чтобы не дергать их, на передовую выезжали сами представители ГВК. Советником Главного военного комиссариата был специальный корреспондент «Правды» в Испании Михаил Кольцов («Мигель Мартинес»).

После сдачи Талаверы Ларго Кабальеро уже не противился предложениям коммунистов и офицеров генштаба о строительстве вокруг Мадрида нескольких укрепленных линий обороны. Однако и кипучей энергии в этом вопросе премьер не показал. Да и в целом в организации обороны столицы вплоть до начала ноября царил страшная неразбериха. Компартии пришлось, как и в случае с Пятым полком, действовать

собственным примером. Парторганизация Мадрида мобилизовала на строительство укреплений («фортифов», как их называли мадридцы) тысячи своих членов. Только после этого правительство создало специальную комиссию из специалистов для планомерной постройки укрепрайонов. Но было поздно. Вместо трех намеченных рубежей обороны был построен (да и то не до конца) один лишь сектор, прикрывавший западные предместья столицы. В то время основной удар мятежники наносили с юга, но именно западная линия укреплений спасла Мадрид в ноябре 1936 года.

Можно сделать вывод, что Ларго Кабальеро многому научился к октябрю 1936 года. Теперь он уже не только говорил правильные слова, но и принимал правильные решения. Не хватало лишь одного — жесткого проведения этих решений в жизнь.

Прежде чем приступить к описанию ключевого сражения первого этапа гражданской войны в Испании, следует остановиться на международном положении республики в августе-сентябре 1936 года.

С Германией и Италией все было ясно. Сохраняя формально дипломатические отношения с республикой, Берлин и Рим активно, хотя как им казалось тайно, поддерживали мятежников. В Мадриде это знали, но сначала не могли доказать вмешательство какими-нибудь фактами. Вскоре они появились. 9 августа 1936 года один из летевших из Германии к мятежникам «юнкерсов» по ошибке приземлился в Мадриде. Представитель «Люфтганзы» успел предупредить летчиков, и те подняли в воздух свою машину еще до того как подоспели аэродромные чиновники. Однако экипаж заблудился еще раз и приземлился близ Бадахоса, который еще находился в руках республиканцев. На этот раз самолет арестовали и перегнали обратно в Мадрид, где экипаж и представитель «Люфтганзы» были интернированы. Германское правительство заявило протест против «незаконного задержания гражданского самолета» и его экипажа, который якобы был должен всего лишь эвакуировать из объятой войной Испании граждан «рейха».

Испанское правительство сначала отказалось выдать Берлину самолет и экипаж, но тогда в Германии задержали адъютанта Асаньи полковника Луиса Риано. После этого испанцы согласились отпустить летчиков, если Германия объявит о нейтралитете в испанском конфликте. Насчет заверений и деклараций такого рода у Гитлера никогда проблем не возникало. «Фюрер» и международные договоры считал «клочками бумаги». Пилоты «юнкерса» вернулись домой, но самолет республиканцы выдать отказались, опечатали его и поставили на одном из мадридских

аэродромов. Впоследствии он был случайно уничтожен при бомбежке аэродрома немецкими же самолетами.

30 августа в районе Талаверы был сбит итальянский самолет, и его пилот капитан авиации Италии Эрмете Монико попал в плен.

Но если в позиции Германии, Италии и Португалии республике сомневаться не приходилось в силу идейного родства тамошних фашистских режимов с мятежниками, то именно в силу того же идейного родства испанский Народный фронт надеялся на помощь Франции.

Дело в том, что в Париже с мая 1936 года у власти находился тоже Народный фронт, правительство которого возглавлял социалист Леон Блюм. Испанские социалисты и республиканцы традиционно ориентировались на своих французских товарищей, среди которых у них было много друзей. Во времена диктатуры Примо де Риверы центр испанской республиканской эмиграции был в Париже. Даже воинствующий антиклерикализм испанских республиканцев был во многом навеян примером Франции.

Идейное родство двух правительств подкреплялось и торговым договором 1935 года, в который по настоянию французов была включена секретная статья, обязывавшая Испанию закупать французское вооружение и, прежде всего, авиационную технику.

20 июля испанский посол в Париже Карденас по поручению своего правительства встретился с Блюмом и министром авиации Пьером Котом и попросил срочно поставить вооружение, главным образом, самолеты. К удивлению посла... собеседники согласились. Тогда посол и военный атташе, симпатизировавшие мятежникам, подали в отставку и предали гласности суть переговоров, чем только подстегнули Гитлера и Муссолини.

Правые французские газеты подняли невообразимую шумиху. Правительство Великобритании (там у власти были консерваторы) на франко-англо-бельгийской встрече в верхах в Лондоне 22–23 июля надавило на французов, требуя отказаться от поставок оружия республике. Британский премьер Стэнли Болдуин пригрозил Блюму, что если Франция войдет в конфликт с Германией из-за Испании, то ей придется сражаться в одиночку. Такая позиция английских консерваторов объяснялась просто: они ненавидели «красную» Испанскую республику гораздо сильнее, чем нацистов или итальянских фашистов.

Уступив нажиму, Блюм сдал назад. Ведь совсем недавно — в феврале 1936 года — возмужавшая Германия оккупировала демилитаризованную Рейнскую область, чем окончательно разорвала Версальский договор. Война с Гитлером уже ясно вырисовывалась на горизонте, а в одиночку, без

Англии французы не надеялись ее выиграть. И все же социалистические убеждения мешали Блюму просто бросить в беде испанских единомышленников, и в этом его поддерживало большинство правительства. 26 июля 1936 года Блюм поручил министру авиации поставить испанцам самолеты, используя фиктивные контракты с третьими странами (например, с Мексикой, Литвой и арабским государством Хиджаз). Однако сначала 30 июля 1936 года французы вынудили республиканцев отправить во Францию часть золотого запаса Испании.

Поставки самолетов шли через частную фирму «Офисэ Женераль дель Эр», которая уже с 1923 года продавала в Испанию транспортные и военные самолеты. Активную роль во всей операции играл летчик (перелетевший Атлантику) и депутат французского парламента от радикал-социалистической партии Люсьен Бусютро.

1 августа 1936 года было получено известие о вынужденной посадке направлявшихся к Франко итальянских самолетов на территории Алжира и Французского Марокко. Блюм собрал новое заседание кабинета министров, на котором было принято решение разрешить продажу самолетов непосредственно Испании. 5 августа из Франции прилетели в Мадрид первые шесть истребителей «девуатин 372» (всего их было прислано 26). К ним добавились 20 бомбардировщиков «потез 54» (правильнее «потэ», но в русскоязычной литературе уже утвердилось наименование «потез»), три современных истребителя «девуатин 510», четыре бомбардировщика «блош 200» и два «блош 210». Именно эти самолеты составляли костяк республиканских ВВС вплоть до ноября 1936 года.

Принято считать французскую авиатехнику, проданную республике, устаревшей. Однако это было не совсем так. В принципе французские самолеты не очень уступали немецким «хейнкелям 51» и «юнкерсам 52». Так истребитель «девуатин 372» был новейшим представителем этого класса в ВВС Франции. Он развивал скорость до 320 км в час («хейнкель 51» — 330 км в час) и мог подняться на высоту 9000 метров (аналогичный показатель «хейнкеля» — 7700 метров).

Французский бомбардировщик «блош» мог взять на борт 1600 кг бомб («юнкерс 52» — 1500 кг) и имел автоматически убирающиеся шасси, что было для того времени большой редкостью. «Блош» подводила малая скорость — 240 км в час, хотя и здесь «юнкерс» особо не выделялся (260 км в час). Высота полета (7000 метров) делала «блош» достигаемым для немецких и итальянских истребителей, но у Ю-52 этот показатель был еще ниже — 5500 метров.

Бомбардировщик «потез 543» был гораздо лучше «блоша», а значит и

«юнкерса». Он развивал скорость до 300 км в час, неся 1000 кг бомбовой нагрузки. Высота полета — 10000 метров — была непревзойденной и «потез» был оборудован кислородными масками для пилотов. Бомбардировщик оборонял себя тремя пулеметами, однако не имел никакой броневой защиты.

Но если французские самолеты и не уступали немецким противникам в классе, то молодые республиканские летчики не могли на равных противостоять пилотам люфтваффе и итальянцам (и Берлин, и Рим посылали в Испанию лучших). Поэтому республика остро нуждалась в авиаторах-иностранцах. Во Франции за дело взялся известный писатель и член Международного антифашистского комитета Андрэ Мальро. Через сеть вербовочных пунктов он набрал в разных странах (Франция, США, Великобритания, Италия, Канада, Польша и др.) несколько десятков бывших летчиков гражданских авиалиний и участников различных региональных конфликтов. Было в эскадрилье и 6 русских белоэмигрантов. Большинство привлекала сумасшедшая по меркам того времени зарплата, которую платило испанское правительство — 50000 франков в месяц и 500000 песет страховки (выплачивалась родным в случае гибели летчика).

Интернациональная эскадрилья Мальро получила название «Эспанья» и базировалась под Мадридом. Масса времени ушла на передислокацию французских самолетов из Каталонии в столицу. Плохо обстояло дело с доводкой и ремонтом. Нередко случались аварии на земле и в воздухе. Поэтому «Эспанья» всю использовала стандартные истребители республиканских ВВС того времени «ньюпор 52» и легкие бомбардировщики «бреге 19».

«Бреге» был разработан во Франции как легкий бомбардировщик и разведчик еще в 1921 году и позднее производился в Испании по лицензии. К середине 1930-х годов он уже морально устарел. Скорость самолета (240 км в час) была явно недостаточной. К тому же реально в бою самолет едва набирал 120 км в час. На «бреге» было 8 замков для подвешивания 10-килограммовых бомб, но таковых в арсеналах не оказалось, и пришлось обходиться четырех- и пятикилограммовыми. Сам бомбометальный механизм был крайне примитивным: чтобы сбросить все восемь бомб, летчик должен был одновременно дергать за четыре троса. Плохим был и прицел. После мятежа у республиканцев осталось около 60 «бреге», а у мятежников-45-50. Много самолетов с обеих сторон вышло из строя по техническим причинам.

Основным истребителем ВВС Испании в июле 1936 года был также производимый по лицензии французский самолет «ньюпор 52».

Разработанный в 1927 году деревянный триплан теоретически развивал скорость до 250 км в час и был вооружен одним 7,62 мм пулеметом. Но на практике старенькие «ньюпоры» редко выжимали более 150–160 км в час и не могли догнать даже самый тихоходный из немецких самолетов «юнкерс 52». Пулеметы часто отказывали в бою, и их скорострельность была низкой. 50 «ньюпоров» досталось республиканцам и 10-мятежникам. Конечно, этот истребитель не мог соперничать на равных с итальянскими и немецкими машинами.

Главком авиации республики Идальго де Сиснерос часто жаловался на недисциплинированность «легионеров» Мальро. Летчики жили в фешенебельном столичном отеле «Флорида», где шумно обсуждали планы боевых действий в присутствии женщин легкого поведения. Когда раздавался сигнал тревоги, то из гостиничных номеров выскакивали полуодетые пилоты в сопровождении столь же легко облаченных спутниц.

Идальго де Сиснерос несколько раз предлагал расформировать эскадрилью (тем более, что у испанских летчиков вызывало непонимание непомерно высокое жалованье «интернационалистов»), но республиканское правительство воздерживалось от этого шага, опасаясь потери своего престижа на международной арене. Но в ноябре 1936 года, когда тон в испанском небе уже задавали советские пилоты, эскадрилья Мальро была расформирована, и ее летчикам предложили перейти в республиканскую авиацию на обычных условиях. Подавляющее большинство отказалось и покинуло Испанию.

Помимо эскадрильи Мальро было образовано еще одно интернациональное подразделение республиканских ВВС под командованием испанца капитана Антонио Мартин-Луна Лерсунди. Там впервые появились советские летчики, летавшие до конца октября на «потезах», «ньюпорах» и «бреге».

Тем не менее, в августе-сентябре 1936 эскадрилья Мальро была наиболее боеспособной частью республиканских ВВС. Однако немцы и итальянцы превосходили французов своей тактикой. Республиканские летчики действовали малыми группами (два-три бомбардировщика в сопровождении такого же количества истребителей), а немцы и итальянцы перехватывали их большими группами (до 12 истребителей) и быстро добивались успеха в неравном поединке. К тому же вся итало-германская авиация была сосредоточена под Мадридом, а республиканцы распыляли свои и так скромные силы по всем фронтам. Наконец, мятежники активно применяли авиацию для поддержки своих наземных войск, подвергая штурмовке позиции оборонявшихся республиканцев, а республиканцы по

старинке бомбили аэродромы и другие объекты в тылу врага, что не влияло на скорость продвижения африканской армии к Мадриду.

13 августа 1936 года итальянский пароход «Нереида» привез в Мелилью первые 12 истребителей «фиат CR 32» «Чирри» («сверчок»), который стал самым массовым истребителем гражданской войны в Испании на стороне мятежников (всего в 1936–1939 годах на Пиренейский полуостров прибыло 348 «сверчков»). «Фиат» был очень маневренным и вертким бипланом. В 1934 году на этом истребителе был установлен рекорд скорости того времени — 370 км в час. У него было и самое крупнокалиберное вооружение испанской войны — два 12,7 мм пулемета «брёда» (вооруженных пушками самолетов в Испании практически не было, если не считать 14 новейших немецких истребителей «хейнкель 112»), поэтому часто уже первая очередь «сверчка» становилась для противника смертельной.

Базируясь на севильском аэродроме Таблада, «фиаты» уже 20 августа сбили первый республиканский самолет-истребитель «ньюпор 52». Но 31 августа, когда встретились три «сверчка» и три «девуатина 372» исход боя был совсем другим: два сбитых и один поврежденный итальянский самолет. Республиканцы потерь не имели. К середине октября 1936 года, несмотря на пополнение, пришлось расформировать из-за потерь одну из двух истребительных эскадрилий «фиатов».

На помощь союзникам пришли немцы, получившие в конце августа «добро» из Берлина на участие в боевых действиях (это касалось истребителей, пилоты бомбардировщиков воевали и раньше). Немецким летчикам запрещалось лишь углубляться на занятую республиканцами территорию. 25 августа пилоты люфтваффе сбили два республиканских бомбардировщика «бреге 19» (это были первые победы молодых гитлеровских ВВС), а 26–30 августа жертвами немцев стали четыре бомбардировщика «потез», два «бреге» и один «ньюпор». 30 августа республиканский «девуатин» сбил первый «хейнкель 51», пилоту которого удалось выпрыгнуть с парашютом и пробраться к своим.

Республиканские летчики мужественно сопротивлялись превосходящему их по численности врагу. Так 13 сентября 1936 года лейтенант ВВС республики Феликс Уртуби на своем «ньюпоре» сопровождал три бомбардировщика «бреге», вылетевших на бомбежку позиций мятежников в районе Талаверы. На перехват поднялись девять «фиатов», которые быстро сбили двух тихоходов «бреге». Уртуби подбил один «фиат», и, истекая кровью от полученного ранения, таранил второй. Это был первый таран испанской гражданской войны. Храбрый летчик

умер на руках подоспевших республиканских солдат, а выпрыгнувший с парашютом итальянец был взят в плен.

Но даже такой героизм не мог переломить численное превосходство немцев и итальянцев. Отступая к Мадриду, только эскадрилья Мальро потеряла 65 из своих 72 самолетов. «Юнкерсы» осмелели и 23 августа нанесли первый удар по мадридской военно-воздушной базе Хетафе, уничтожив на земле несколько самолетов. А 27 и 28 августа самолеты мятежников впервые бомбили мирные кварталы Мадрида.

Интересно, что первые, поставленные Гитлером «юнкерсы», были транспортными самолетами, абсолютно не приспособленными для бомбометания. Поэтому сначала снизу подвешивали гондолу, в которой сидел человек, принимавший через специально проделанное в корпусе машины отверстие от других членов экипажа бомбы (некоторые из них весили 50 кг) и сбрасывавший их на глазок. Причем чтобы прицелиться, «бомбометчику» приходилось свешивать ноги за борт гондолы.

Тем не менее, немцы быстро наловчились и первым делом решили поквитаться с чуть не отправившим их на дно республиканским линкором «Хайме 1». 13 августа 1936 года Ю-52 всадил в линкор две бомбы и на несколько месяцев вывел флагман республиканского флота из боя.

Таким образом, скромная французская помощь не шла ни в какое сравнение с масштабами интервенции в Испании Гитлера и Муссолини. Но и эта помощь вскоре прекратилась.

8 августа 1936 года французское правительство вдруг приняло решение приостановить поставки «в пользу законного правительства дружественной нации». Что же произошло? Перед лицом усиливавшегося английского давления Блюм решил, что лучше всего поможет республике, если перекроет каналы помощи мятежникам со стороны Германии, Италии и Португалии. 4 августа 1936 года по согласованию с Великобританией Франция направила правительствам Германии, Италии, Португалии и той же Англии проект соглашения о невмешательстве в испанские дела. С тех пор термин «невмешательство» является символом предательства Испанской республики, так как запрет на поставку оружия обеим сторонам конфликта (а именно это и предлагали французы) приравнивал законное правительство Испании к поднявшимся против него и не признаваемым мировым сообществом путчистам.

На заседании 5 августа 1936 года французский кабинет практически раскололся (10 министров было за продолжение поставок оружия республиканской Испании, а 8 — против) и Блюм хотел подать в отставку. Но премьер Испании Хираль, опасаясь, что вместо Блюма к власти во

Франции может придти более правое правительство, уговорил его остаться, согласившись фактически на политику «невмешательства» (хотя сам Блюм считал такую политику «подлостью»).

8 августа 1936 года, когда африканская армия уже начала свой бросок на Мадрид, Франция закрыла свою южную границу для поставок и транзита в Испанию всех грузов военного назначения.

Теперь предательство предстояло оформить. В Лондоне был создан Международный комитет по вопросам невмешательства в дела Испании, в который вошли аккредитованные в Великобритании послы 27 государств, согласившихся с французским предложением. Среди них были Германия и Италия (позднее присоединилась и Португалия), не собиравшиеся всерьез придерживаться «невмешательства».

В лондонский комитет вошел и Советский Союз. У Москвы не было насчет этого органа каких-либо иллюзий, но в тот период СССР стремился создать вместе с Англией и Францией нацеленную против Гитлера коллективную систему безопасности в Европе и поэтому не хотел ссориться с западными державами. К тому же Советский Союз не хотел отдавать комитет на откуп фашистским государствам, надеясь через него противодействовать германо-итальянской интервенции в Испании.

Первое заседание комитета открылось в Локарнском парадном зале британского МИД 9 сентября 1936 года. Испанскую республику в комитет не пригласили. И вообще этот орган задумывался англичанами во многом для того, чтобы не допустить постановки вопроса о вмешательстве Германии и Италии в испанский конфликт в Лиге наций. Как и современная ООН, Лига наций могла вводить против агрессивных государств санкции и только что продемонстрировала это. После нападения Италии на Эфиопию в 1935 году против Муссолини были введены санкции, сильно задевшие не обладавшую собственным сырьем (особенно нефтью) Италию. Но Англия в 1936 году не хотела повторения этого сценария. Наоборот, она всячески обхаживала Муссолини, стремясь не допустить его сближения с Гитлером. «Фюрер» был в глазах англичан «плохим» диктатором, так как ставил под сомнение границы в Европе, а Муссолини пока выступал в поддержку статус-кво. Многие английские консерваторы, в том числе Уинстон Черчилль, восхищались дуче, которого так «любили» сами итальянцы.

Первое же заседание комитета, председателем которого был богатейший землевладелец и член консервативной партии лорд Плимут, свелось к перепалке по процедурным вопросам. Лорда интересовали такие проблемы, как можно ли считать противогазы оружием, а сбор средств в пользу республики «косвенным вмешательством» в войну. Вообще

проблема так называемого «косвенного вмешательства» была вброшена фашистскими государствами, которые хотели перевести стрелки на СССР, где профсоюзы разворачивали кампанию помощи Испании одеждой и продовольствием. Кроме этого «большевиков» упрекнуть было не в чем, но надо было отвести дискуссию в сторону от собственной «помощи», которая в виде бомб и снарядов уже крушила жилые кварталы испанских городов. И в этом постыдном фарсе немцы и итальянцы вполне могли рассчитывать на содействие «беспристрастных» англичан.

В целом работа комитета явно не клеилась. Тогда для более тщательной подготовки заседаний решили создать постоянный подкомитет в составе Франции, Великобритании, СССР, Германии, Италии, Бельгии, Швеции и Чехословакии, причем основную роль в дискуссиях играли первые пять государств.

С сентября по декабрь 1936 года постоянный подкомитет заседал 17 раз, а сам комитет по невмешательству — 14. Плодились тома стенографических протоколов, наполненных дипломатическими хитростями и удачными репликами мастеров изысканных дискуссий. Но все попытки Советского Союза привлечь внимание к вопиющим фактам итальянского, германского и португальского вмешательства в испанскую гражданскую войну торпедировались англичанами, которые часто заранее согласовывали свою тактику и с Берлином и Римом.

Испанская республика прекрасно понимала, что лондонский комитет является лишь фиговым листком для прикрытия германо-итальянской интервенции в пользу Франко. Уже 25 сентября 1936 года министр иностранных дел Испании Альварес дель Вайо потребовал на заседании Ассамблеи Лиги наций рассмотреть нарушения режима невмешательства и признать за законным правительством республики право закупать необходимое ему вооружение. Но, несмотря на поддержку наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова, Лига наций рекомендовала Испании передать все факты, подтверждающие участие иностранцев в гражданской войне... Лондонскому комитету. Подготовленная англичанами дипломатическая ловушка захлопнулась.

Соединенные Штаты Америки не присоединились к политике невмешательства. Правда, еще в 1935 году конгресс принял закон о нейтралитете, запрещавший американским фирмам продавать оружие воюющим странам. Но этот закон не распространялся на внутригосударственные конфликты. Правительство Испанской республики попыталось использовать это в своих интересах и закупить в США самолеты. Но когда авиастроительная компания «Гленн Л. Мартин»

обратилась к правительству США за разъяснениями, ей было заявлено 10 августа 1936 года, что продажа самолетов Испании не отвечает духу проводимой США политики.

Однако стремление американских предпринимателей делать выгодный бизнес было сильнее, и в декабре 1936 года бизнесмен Роберт Кьюз заключил контракт на продажу республике авиамоторов. Чтобы не допустить этого конгресс с рекордной скоростью принял 8 января 1937 года закон об эмбарго, прямо запрещающий поставки вооружений и других стратегических материалов в Испанию. Но авиамоторы были к тому времени уже погружены на испанское судно «Мар Кантабрика», которое смогло покинуть территориальные воды США до вступления закона об эмбарго в силу (хотя рядом дежурил корабль американских ВМС, готовый по первому приказу задержать республиканский пароход). Но оплаченным золотом моторам так и не суждено было попасть к месту назначения. О маршруте движения «Мар Кантабрика» сообщили франкистам, которые захватили судно у испанских берегов и расстреляли часть команды.

В декабре 1936 года дружественная республиканцам Мексика закупила в США самолеты с целью перепродажи их Испании, однако, в результате грубого нажима Вашингтона, была вынуждена отказаться от сделки. Республика потеряла большое количество ценной для нее валюты (самолеты были уже оплачены). С другой стороны, проданные США Германии авиабомбы были затем переданы Гитлером Франко и использованы мятежниками при бомбежках мирных городов, в том числе Барселоны (Рузвельт был вынужден признать это в марте 1938 года). Например, в январе-апреле 1937 года только один завод в городе Карнейс-Пойнт (штат Нью-Джерси) погрузил на немецкие суда 60 тыс. тонн авиационных бомб.

Всю войну американские компании снабжали войска мятежников горючим (чего не могли бы сделать сами страдавшие от нехватки нефти Германия и Италия). В 1936 году только компания «Тексако» продала мятежникам в кредит 344 тысячи тонн бензина, в 1937 году — 420 тысяч, в 1938 — 478 и в 1939 — 624 тысячи тонн. Без американского бензина Франко не смог бы выиграть первую в мировой истории широкомасштабную войну моторов и в полной мере задействовать свое преимущество в авиации.

Наконец, в годы войны мятежники получили из США 12 тысяч грузовиков, в том числе знаменитых «студебеккеров», в то время как немцы смогли поставить только 1800 штук, а итальянцы — 1700. К тому же американские грузовики были дешевле.

Франко как-то заметил, что Рузвельт поступил по отношению к нему «как истинный кабальеро». Весьма сомнительная похвала.

Американский посол в Испании Бауэрс, будучи честным и дальновидным человеком, неоднократно просил Рузвельта оказать республике помощь. Бауэрс доказывал, что это в интересах США, так как Испания сдерживает Гитлера и Муссолини — вероятных противников Америки в будущем. Но посла не хотели слушать. И только после поражения республики, когда Гитлер оккупировал Чехословакию, Рузвельт сказал Бауэрсу: «Мы допустили ошибку. А вы всегда были правы...». Но было уже поздно. За эту близорукость заплатят своей жизнью тысячи американских парней на полях сражений Второй мировой войны, раскинувшихся от жаркого Туниса до заснеженных Арденн.

Но уже во время гражданской войны в Испании подавляющая часть американского общественного мнения была на стороне республиканцев. В поддержку республики было собрано несколько сотен тысяч долларов (в нынешних долларах это было бы в десятки раз больше). В Испанию было отправлено много продовольствия, медикаментов, одежды и сигарет. Для сравнения можно отметить, что профранкистский Американский комитет помощи Испании, заявив, что соберет для мятежников 500 тыс. долларов, на деле смог наскрести только 17526.

Вместе с испанским народом в годы войны находились лучшие американские писатели и журналисты, такие как Эрнест Хемингуэй, Эптон Синклер, Джозеф Норт и другие. Навеянный личными впечатлениями роман Хемингуэя «По ком звонит колокол» стал, пожалуй, лучшим художественным произведением о гражданской войне в Испании.

В январе 1937 года в Испанию прибыл американский медицинский отряд. Два года 117 врачей и медсестер со своим оборудованием (включая автотранспорт) самоотверженно оказывали помощь бойцам Народной армии. В марте 1938 года во время тяжелых оборонительных боев республиканцев на Арагонском фронте руководитель американского госпиталя Эдвард Барски был назначен начальником медицинской службы всех интернациональных бригад.

В сентябре 1936 года в Испании появились первые американские летчики-добровольцы, а всего в республиканских ВВС сражалось около 30 граждан США. Испанское правительство предъявляло к добровольцам строгие требования: общий налет должен был быть не менее 2500 часов, а в биографии подразумевалось отсутствие каких-либо темных пятен. Американец Фред Тинкер стал одним из лучших асов ВВС республики, сбив на советских истребителях И-15 и И-16 восемь вражеских самолетов

(в том числе 5 «фиатов» и один Ме-109). Характерно, что после возвращения в США у Тинкера возникли проблемы с властями, предъявившими ему претензии по поводу нелегального выезда в Испанию. Пилоту отказали в приеме в ВВС США (не имевших тогда пилотов, способных даже отдаленно сравниться с Тинкером), и затравленный ас покончил жизнь самоубийством.

Около 3000 американцев сражались в Испании в рядах интербригад. Батальоны имени Авраама Линкольна и Вашингтона героически дрались в битвах на Хараме, под Брунете, Сарагосой и Теруэлем. За время войны в батальоне Линкольна сменилось 13 командиров, семеро из которых погибли, а все остальные получили ранения. К удивлению заезжих американцев, одним из командиров батальона был негр Оливер Лоу. В тогдашней американской армии это было просто немыслимо.

Более 600 ветеранов-линкольновцев воевали в рядах вооруженных сил США во время Второй мировой войны и многие из них были отмечены высокими наградами.

Но вернемся в тревожный октябрь 1936 года. И внешняя и внутренняя обстановка в Испании, казалось, полностью играла на руку мятежникам. Многие думали, что только чудо поможет отстоять Мадрид. И это чудо случилось.

Глава 9. «Но пасаран!» Битва за Мадрид

Октябрь — декабрь 1936 года

Укрепив личную власть, Франко реорганизовал вооруженные силы мятежников. Они были разделены на Северную армию во главе с Молой (состоявшую из войск бывшего «Директора», дополненных большей частью африканской армии) и Южную армию под командованием Кейпо де Льяно (второсортные части и некоторые подразделения африканской армии).

28 сентября генералиссимус объявил о начале наступления на Мадрид. До столицы было около 70 километров и Франко планировал взять город к 12 октября, чтобы как подобает отметить День расы, тем более, что с момента открытия Колумбом Америки в 1492 году исполнялось 444 года — цифра, которая, казалось, сулила успех.

Верховное командование над наступавшими на Мадрид войсками было поручено Моле не без тайного злорадства. Франко предполагал, что легкой прогулки не получится и в случае провала операции, «Директор» станет «козлом отпущения».

Ударной группировкой (той самой, которая, как нож сквозь масло, прошла по Андалусии) вместо Ягуэ командовал генерал Энрике Варела (1891–1951). В 18 лет Варела уже сражался в Марокко. В 1920 и 1921 годах получил за храбрость сразу два почетных креста Сан-Фернандо (случай для испанской армии уникальный, так как награда была сравнима по почету со званием Героя Советского Союза). Убежденный монархист, Варела не принял республику и ушел в отставку, но уже в 1932 году оказался замешан

в мятеже Санхурхо, за что до февраля 1933 года сидел в тюрьме. Варела с самого начала участвовал в подготовке мятежа и ему выпала задача захватить важный порт Кадис, с чем он успешно справился. Затем войска под его командованием «умиротворяли» Андалусию, где надолго запомнились своими зверствами.

План операции по захвату Мадрида был весьма незатейливым, так как мятежники не рассчитывали встретить на подступах к столице серьезное сопротивление. Войска Варелы должны были продвигаться к испанской столице с юга (от Толедо) и запада, постепенно сужая фронт в целях высвобождения ударной группировки для взятия собственно города.

Основным оперативным направлением считалось южное, то есть африканская армия должна была просто продолжить свой победный марш от Толедо на север. Для этого было образовано четыре колонны, каждая из которых состояла из двух «таборов» марокканцев (каждый «табор» насчитывал 450 человек), одной «бандеры» Иностранного легиона (600 человек), одной-двух батарей артиллерии разного калибра (от легких 45 мм орудий до 150 мм гаубиц), частей связи, саперов и медицинской службы. Всего в ударной группировке Варелы было около 10 тысяч отборных бойцов, из которых две тысячи двигались в авангарде.

С воздуха колонны прикрывало более 50 немецких и итальянских самолетов, на флангах шла марокканская кавалерия. Новинкой, по сравнению с августом, было появление итальянских легких танков «фиат-ансальдо», из которых были созданы смешанные итало-испанские механизированные части. Каждую колонну сопровождали установленные на машинах немецкие зенитные пушки, хотя в этом не было большой необходимости. К моменту начала генерального наступления мятежников на Мадрид главком ВВС республики Идальго де Сиснерос доложил Ларго Кабальеро, что под его командованием остался... один(!) самолет.

2 октября о наступлении «националистов» возвестила жестокая бомбардировка Мадрида. 6 октября с самолетов мятежников на город посыпались листовки, приказывавшие жителям не покидать своих домов вплоть до вступления в столицу победоносных войск генерала Франко. Однако первые десять дней наступление шло не очень быстро, и мятежники продвигались в среднем на 2 километра в сутки.

Мадрид обороняло около 20 тысяч бойцов милиции (в группировке Молы было 25 тысяч человек), которые были вооружены в основном стрелковым оружием всевозможных марок и модификаций. Так винтовки были калибром от 6,5 до 8 мм, пулеметы были пяти различных калибров, минометы — трех, орудия — восьми. В колоннах милиции штатной

численностью 1000 человек, было не более 600 человек, а иногда и 40. 30 октября Ларго Кабальеро объявил о призыве двух контингентов военнообязанных, уже служивших в армии в 1932 и 1933 годах. Министерству финансов было поручено срочно набрать дополнительно 8 тысяч карабинеров (они подчинялись Минфину). Позднее мобилизовали еще два контингента солдат запаса (1934 и 1935 годов службы), что уже походило на акт отчаяния. В армии было введено приветствие Народного фронта — поднятый вверх сжатый кулак.

Но помимо винтовок (к которым практически не было боеприпасов) и кулаков республиканцам практически нечего было противопоставить наступающему врагу: не было ни танков, ни самолетов, ни зениток.

Поэтому октябрьские бои 1936 года чем-то походили на катастрофу, постигшую Советский Союз в июне-июле 1941 года. Бойцы милиции сражались храбро. Но как только франкисты наталкивались на малейшее сопротивление, они вызывали авиацию, которая, как правило, рассеивала республиканцев. Если этого было недостаточно (такое случалось в октябре редко) в бой шли итальянские танки, наводившие на вчерашних пекарей, парикмахеров, пастухов и лифтеров первобытный ужас. Как и советские солдаты летом 1941 года, республиканцы только могли грозить кулаками осыпавшим их с воздуха осколочными бомбами немецким и итальянским самолетам.

15 октября Варела занял городок Чапинерия (в 45 км к западу от столицы), а колонна под командованием Баррона прорвала фронт республиканцев на толедском направлении и спокойно покатила по шоссе к Мадриду, достигнув 17 октября Ильескаса (37 километров к югу от Мадрида).

Правительство бросало на южные подступы к Мадриду любую боеспособную единицу, которую могло отыскать. Но колонны милиции вводились в бой по частям и, как правило, уничтожались авиацией мятежников еще при продвижении к фронту. Как и в августе, республиканцы обороняли дороги, не заботясь о флангах и не строя никаких укреплений. Как только марокканская кавалерия начинала обход, милиционеры в беспорядке отступали, и их как траву косили установленные на автомашинах пулеметы мятежников.

После взятия Ильескаса в правительстве Кабальеро началась паника (точно день в день через 5 лет тоже самое повторится в Москве). Заместитель военного министра и любимчик Кабальеро полковник Асен시오 уже хотел отдать приказ об очищении столицы, но коммунисты предотвратили этот капитулянтский шаг.

19 октября Франко сообщил своим войскам о начале завершающей фазы операции по взятию Мадрида. В приказе предписывалось «сконцентрировать на фронтах Мадрида максимальное количество боевых возможностей». Войска Варелы достигли первоначальной цели: максимально сузили ширину фронта и были реорганизованы. В них теперь было 8 колонн (9-я добавилась в ноябре) и отдельная колонна кавалерии полковника Монастерио. В передней линии шло 5 колонн. Был образован резерв, в том числе артиллерийский. Под Мадрид прибыли первые 9 немецких танков Pz 1A (или T-1). Танк весил 5,5 тонн, имел броню от 5,5 до 12 мм и был вооружен двумя пулеметами калибра 7,92 мм. За время войны мятежники получили 148 T-1, стоимостью 22,5 млн песет. Франкисты называли немецкий танк «негрильо» (т. е. «черненький», имея в виду его темно-серую окраску).

Но пока главной ударной силой мятежников были легкие итальянские танки (скорее танкетки) CV 3/35 «фиат ансальдо» (или L 3), первые 5 из которых прибыли в Испанию 14 августа 1936 года (всего за время войны Франко получил 157 таких машин). Прототипом танкетки был британский легкий танк «Карден Ллойд Марк IV». L 3 обладал только противопульной броней (13,5 мм в передней части и 8,5 мм по бокам). Экипаж состоял из механика-водителя и командира-стрелка, который обслуживал два 8 мм пулемета с боезапасом в 3000 патронов. Поставлялась в Испанию и огнеметная версия танкетки.

Первая партия итальянских танков использовалась на севере при взятии Сан-Себастьяна. 29 октября 1936 года в северный порт Виго прибыло еще 10 машин (3 из которых в огнеметном варианте). В октябре все 15 танков были сконцентрированы под Мадридом. Танк прозвали «банкой из под сардин» за его небольшую высоту (1,28 метра). Основным достоинством «фиата» была большая скорость (40 км/ч), дополнявшаяся отсутствием у республиканцев противотанковой артиллерии.

21 октября началось генеральное наступление мятежников на Мадрид. Республиканские линии были прорваны ударом итальянских танков и «националисты» ворвались на их плечах в важный стратегический пункт Навалькарnero (6 танкистов-итальянцев получили ранения). 23 октября в составе колонны Асенсио (однофамилец республиканского полковника) итальянские танки взяли города Сесенья, Эскивиас и Борокс на ближних южных подступах к столице. Наступление шло без особых потерь, и итальянцы даже не предполагали, что уже через 6 дней они столкнутся с сильным, превосходящим их в технике и желании победить врагом.

Здесь следует сделать небольшое отступление. К началу гражданской

войны единственным типом танка в испанской армии была французская машина времен Первой мировой войны «Рено ФТ 17» (этот танк был знаком в гражданскую войну нашим красноармейцам и на его основе был создан первый советский танк «Борец за свободу товарищ Ленин»).

Для своего времени «рено» был весьма неплохим и имел такую техническую новинку, как вращающуюся башню. Экипаж состоял из двух человек. Танк весил 6,7 тонн и был очень тихоходным (8 км/ч). Зато он был вооружен 37 мм пушкой с боекомплектом 45 снарядов. «Рено» был самым распространенным в Европе танком 1920-х начала 1930-х годов, но к 1936 году он уже, конечно, сильно устарел.

К июлю 1936 года в испанской армии было два полка танков «рено» (в Мадриде и Сарагосе), по одному из которых досталось мятежникам и республиканцам. Республиканские «рено» участвовали в штурме мадридских казарм Ла-Монтанья и пытались остановить продвижение африканской армии у Мадрида. 5 сентября два танка были потеряны в бесплодных контратаках под Талаверой. Три оставшихся поддерживали милицию, пытавшуюся вернуть Македу. 9 августа 1936 года перед самым закрытием французской границы удалось купить и привезти в северную часть республики 6 танков «рено» (три из них были вооружены пушками, а три других — пулеметами). Узнав о предательском «невмешательстве» Франции, республика при посредничестве Уругвая договорилась о закупке 64 танков «рено» в Польше (причем поляки заломили баснословную цену, но тогда у Испании не было выбора), но первые 16 машин прибыли в средиземноморские порты только в ноябре 1936 года (остальные танки и 20000 снарядов поступили в северную часть республики в марте 1937 года).

Итак, к концу октября республика имела три тихоходных танка и один истребитель.

И вдруг положение резко изменилось. На помощь Испании в самое трудное для республики время пришел Советский Союз.

Перед самым своим свержением с поста премьер-министра Испанской республики в 1933 году Асанья успел установить дипломатические отношения с СССР. Советское правительство назначило своим полпредом (так до войны официально именовались советские послы) в Мадрид А.В. Луначарского. Это был блестящий выбор, так как Луначарский был глубоким и остроумным интеллектуалом, который, несомненно, наладил бы с элитой республики, состоящей из профессоров и литераторов, прекрасные отношения. Но пришедшее к власти правое правительство Лерруса заморозило процесс установления дипотношений с

«большевиками». Луначарский скончался в 1933 г. До начала мятежа советский посол в Мадриде так и не появился.

Как было отмечено выше, Советский Союз присоединился к режиму «невмешательства», обязавшись в ноте от 23 августа 1936 года запретить прямой или косвенный экспорт и реэкспорт в Испанию «всякого оружия, амуниции и военных материалов, а также всяких воздушных судов как в собранном, так и в разобранном виде и всяких военных кораблей».

В конце августа в Мадрид прибыл первый советский посол Марсель Розенберг (1896–1938). Близкий соратник Литвинова, Розенберг был первым постоянным представителем СССР в Лиге наций. Он сыграл большую роль в подготовке направленного против агрессивных устремлений Германии франко-советского договора о взаимной помощи, подписанного в мае 1935 года. Еще более важным для работы в Испании было то обстоятельство, что в 1920-е годы Розенберг заведовал т. н. вспомогательным бюро НКВД, занимавшимся анализом поступавших в Наркоминдел секретных донесений ГПУ и военной разведки. Наконец, Розенберг имел солидный вес в советской иерархии благодаря женитьбе на дочери известного старого большевика Емельяна Ярославского.

Еще более известным советским государственным деятелем был прибывший в августе 1936 года в Барселону генеральный консул СССР В.А. Антонов-Овсеенко. Героя революции в Петрограде в 1917 году и одного из основателей Красной Армии Каталония встречала массовыми демонстрациями, цветами и лозунгами «Вива Русия!» («Да здравствует Россия!»).

Теплое отношение испанцев к Советскому Союзу и к советским представителям в Испании было понятным, так как сразу же после известий о мятеже в СССР прошли массовые митинги солидарности с Испанией, в которых участвовали сотни тысяч человек. Только в Москве 3 августа 1936 собралось 120 тысяч митингующих, принявших решение начать сбор средств в помощь сражавшейся республике. Причем советские профсоюзы приняли решение о проведении митинга в тот же день и, тем не менее, толпы желающих принять в нем участие людей запрудили этим по-испански жарким днем весь центр города.

По инициативе работников московской «Трехгорной мануфактуры» в начале сентября 1936 года начался сбор денег для оказания продовольственной помощи женщинам и детям Испании. За несколько дней поступило 14 млн рублей. К концу октября 1936 года на 47 млн рублей в Испанию было отправлено 1 тыс. тонн сливочного масла, 4200 тонн сахара, 4130 тонн пшеницы, 3500 тонн муки, 2 млн банок консервов,

10 тысяч комплектов одежды. Испанским детям полюбились сгущенное молоко и баклажанная икра из далекой России. Женщины с гордостью показывали советские продукты соседям. Всего за время гражданской войны в фонд помощи Испании советские люди собрали 274 млн рублей.

К концу ноября 1938 года в СССР находилось 2843 испанских ребенка, которые были окружены таким неподдельным радушием, что многие дети думали, что их по ошибке приняли за кого-то другого. Когда к концу 1938 года в республиканской Испании начался настоящий голод, ВЦСПС принял решение о немедленной посылке 300 тысяч пудов пшеницы, 100 тыс. банок молочных и мясных консервов, 1 тысячи пудов сливочного масла, 3 тысяч пудов сахара.

Во время войны Испанская республика закупала в СССР горючее, сырье и промышленные изделия. В 1936 году в Испанию было поставлено 194,7 тысячи тонн грузов на сумму 23,8 млн рублей, в 1937 году — соответственно 520 и 81, в 1938 году — 698 и 110, в начале 1939 года — 6,8 и 1,6.

Но летом и ранней осенью 1936 года Испанской республике прежде всего было нужно оружие.

Уже 25 июля 1936 года премьер-министр Хосе Хираль направил советскому полпреду во Франции письмо, в котором просил поставить оружие и боеприпасы. Испанский посол в Париже, известный деятель ИСРП Фернандо де лос Риос в начале августа заявил полпреду СССР, что готов немедленно выехать в Москву для подписания всех необходимых договоров о поставках оружия.

23 августа нарком иностранных дел СССР Литвинов проинформировал советского полпреда в Испании Розенберга, что Советское правительство постановило воздержаться от продажи оружия в Испанию, так как грузы могут быть перехвачены в пути, да и к тому же СССР связан соглашением о «невмешательстве». Однако Сталин, видимо, под влиянием Коминтерна, в конце августа все же решил оказать республике военную помощь.

Уже в конце августа 1936 года в Испанию прибыли первые советские военные инструкторы и летчики. Они не только готовили испанские аэродромы к приему самолетов из СССР, но и принимали участие в боевых действиях. Рискуя жизнью на бреющих высотах, без прикрытия истребителей советские пилоты на допотопных самолетах проводили штурмовку вражеских позиций, чтобы доказать испанским товарищам преимущества этого вида боевых действий. Кадровым офицерам-летчикам испанской армии казалось странным, что советские авиаторы на равных

держатся со своими борттехниками-испанцами и даже помогают им подвешивать тяжелые бомбы на самолеты. В испанской армии кастовые различия были очень велики.

В сентябре 1936 года несколько советских пароходов доставили в испанские порты продовольствие и медикаменты.

Наконец, по представлению Наркомата обороны политбюро ЦК ВКП(б) приняло 29 сентября 1936 года решение о проведении операции «Х» — так было названо оказание военной помощи Испании. Корабли, перевозившие оружие в республику, именовались «игреками». Главным условием операции была определена ее максимальная секретность, и поэтому все действия координировало Разведуправление Генштаба РККА.

И это было явно нелишним. Агентура Канариса в испанских портах была начеку. 23 сентября 1936 года поверенный в делах Германии в республиканской Испании, находившийся в средиземноморском порту Аликанте сообщал, что в восточноиспанские гавани прибывает «огромное количество военных материалов», которые сразу направляются под Мадрид. Немец установил самолеты, зенитки, авиамоторы и пулеметы. По его данным, ожидалось и танки. Напротив, 28 сентября 1936 года германское посольство в Москве писало в Берлин, что пока нет подтвержденных случаев нарушения эмбарго на продажу оружия в Испанию со стороны СССР. Но посольство не исключало, что прибывший в Аликанте 25 сентября 1936 года советский корабль «Нева» имел на борту не только официально заявленное в качестве груза продовольствие. Немецкий дипломат в Аликанте проследил за разгрузкой «Невы» и, по его данным, в 1360 ящиках с маркировкой «рыбные консервы» на самом деле находились винтовки, а в 4000 ящиках с мясом — патроны.

Но немцы намеренно сгущали краски, чтобы оправдать собственную военную интервенцию в пользу мятежников. В августе 1936 года Гитлер и Геббельс дали секретные указания ведущим германским СМИ публиковать на первых страницах и под аршинными заголовками материалы об угрозе советского большевизма Европе в целом, и Испании — в частности. Размахивая жупелом советской угрозы, немцы ввели двухлетнюю воинскую повинность, что в два раза увеличило численность вермахта.

На самом деле, первым советским пароходом, доставившим в Испанию оружие, был прибывший из Феодосии 4 октября 1936 года в Картахену «Комнэчин». На его борту было 6 гаубиц английского производства и 6000 снарядов к ним, 240 немецких гранатометов и 100 тысяч гранат для них, а также 20350 винтовок и 16,5 млн патронов. И все же республику в октябре 1936 года могли спасти уже только танки и

самолеты.

Еще 10 сентября 1936 года прибывшие в Испанию 33 советских пилота и техника стали готовить аэродромы в Кармоли и Лос Алькасаресе к приему самолетов из СССР. 13 октября из Одессы было доставлено 18 одноместных истребителей И-15 (советские пилоты называли эти самолеты «чайками», а республиканцы — «чатос» т. е. «курносые»; франкисты именовали самолет просто «кертисс» за сходство с одноименным американским истребителем). Через три дня еще 12 истребителей были в открытом море перегружены с советского на испанский корабль и доставлены в республику. Биплан И-15 был разработан талантливым советским авиаконструктором Николаем Николаевичем Поликарповым и совершил свой первый полет в октябре 1933 года. Максимальная скорость истребителя составляла 360 км в час. И-15 был простым в управлении и очень маневренным: он совершал разворот на 360 градусов всего за 8 секунд. Как и итальянский «фиат» поликарповский истребитель был рекордсменом: в ноябре 1935 года на нем был установлен абсолютный мировой рекорд высоты — 14575 метров.

И, наконец, 14 октября 1936 года в Картахену пришел пароход «Комсомолец», доставивший 50 танков Т-26, ставших лучшими танками гражданской войны в Испании.

Т-26 строился в СССР, начиная с 1931 года, на основе английского танка «Виккерс-Армстронг» и его первые модели имели две башни, а с 1933 года танки стали однобашенными. В Испанию поставлялась модификация Т-26 В1 с 45-мм пушкой и спаренным с ней 7,62 мм пулеметом (некоторые танки имели еще один пулемет). Броня была толщиной 15 мм и 8-цилиндровый двигатель позволял развивать скорость по шоссе до 30 км/ч. Танк был легким (10 тонн) и имел экипаж из трех человек (помимо стрелка и водителя был еще и заряжающий). Некоторые танки были оснащены радиосвязью и имели боекомплект в 60 снарядов (без радио — 100 снарядов). Цена каждого танка была определена в 248 тысяч песет без радиосвязи и 262 тысячи песет — с радиосвязью.

Советские танки разгружались с заведенными моторами и экипажами внутри, так как опасались, что агентура мятежников наведет авиацию. Командовал отрядом комбриг Семен Кривошеин, его заместителем был капитан Поль Матисович Арман (1903–1943), латыш по национальности (настоящие имя и фамилия Пауль Тылтынь, боевой псевдоним в Испании «капитан Грейзе»). Тылтынь с октября 1920 года работал в латвийском коммунистическом подполье, а его два двоюродных брата погибли в борьбе за установление в Латвии Советской власти. В 1925 году Пауль, спасаясь от

преследований латвийской полицией, эмигрирует во Францию, а год спустя перебирается в СССР, где своего земляка направляет в Красную Армию старый большевик, а в то время руководитель советской военной разведки, Ян Карлович Берзин. Пауль служил в 5-й мотомехбригаде, расквартированной в белорусском городе Борисов. Командовал бригадой его старший брат Альфред. Осенью 1936 года Тылтынъ и Берзин встретились на испанской земле: Берзин (настоящие имя и фамилия Петерис Кюзис, псевдоним в Испании «генерал Гришин», в переписке с Москвой — «Старик») стал первым главным военным советником СССР в Испании.

В 30 километрах от города Мурсия в курортном местечке Арчена среди оливковых и апельсиновых рощ была организована база подготовки испанских танковых экипажей, так как участие в боевых действиях советских танкистов сначала предполагалось только в исключительных случаях.

Однако обстановка под Мадридом была уже просто критической, поэтому рота танков Т-26 в составе 15 машин со смешанными экипажами была в пожарном порядке перебросена на фронт. Переброска проходила по личному указанию советского военного атташе В. Е. Горева по железной дороге. Экипажи состояли из 34 советских танкистов и 11 испанцев. 27 октября 1936 года танковая рота Армана была под Мадридом.

Советский Союз с начала октября 1936 года предупреждал Лондонский комитет по «невмешательству», что его деятельность, а точнее бездействие, на фоне почти открытой германо-итальянской интервенции, превращается в фарс. 7 октября лорд Плимут получил советскую ноту, в которой перечислялись факты нарушения Португалией режима «невмешательства». В ноте содержалось ясное предостережение, что если нарушения не прекратятся, то советское правительство будет «считать себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения». Но ничего не менялось и 12 октября СССР предложил поставить португальские порты под контроль ВМС Великобритании и Франции. Лорд Плимут в ответ лишь счел нужным запросить мнение Португалии, которое, впрочем, было и так ясно.

Тогда СССР решил заявить позицию уже не языком нот, а устами И. В. Сталина. 16 октября 1936 года генеральный секретарь ЦК ВКП (б) направил письмо руководителю испанской компартии Хосе Диасу, в котором говорилось: «Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдадут себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских

реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества. Братский привет». Письмо было немедленно опубликовано на первых полосах всех испанских газет и вызвало в народе настоящее ликование. Бойцы народной милиции поняли, что они не одни и помощь близка.

Теперь и всему остальному миру стало ясно, что СССР поднял брошенную Италией и Германией перчатку. 23 октября 1936 года Москва дала оценку и «невмешательству». Советский полпред в Лондоне И. М. Майский передал лорду Плимуту письмо, резкость которого заставила издавшего виды англичанина оторопеть. «Соглашение (о «невмешательстве») превратилось в разорванную бумажку... Не желая оставаться в положении людей, невольно способствующих несправедливому делу, правительство Советского Союза видит лишь один выход из создавшегося положения: вернуть правительству Испании право и возможность закупать оружие вне Испании... Советское правительство не может считать себя связанным Соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого Соглашения». Советский Союз всерьез был намерен выйти из Комитета по невмешательству, но опасался, что без его участия этот орган превратится в орудие по удушению Испанской республики. К тому же французы очень просили не покидать Комитет, апеллируя к франко-советскому союзному договору 1935 года. Литвинов отмечал, что если бы была гарантия, что с уходом СССР Комитет по невмешательству прекратит свое существование, Москва не колебалась бы ни минуты.

Итак, на полях Испании готовились к схватке СССР, Германия и Италия, предвосхищая тем самым события, которые потрясут весь мир через три года.

Между тем развал республиканского фронта под Мадридом принял угрожающие размеры. 24 октября Ларго Кабальеро снял своего любимца полковника Асенсио с поста командующего Центральным фронтом, переведя его с повышением на пост заместителя военного министра. Место Асенсио, за которым в народе прочно укрепилась репутация «организатора поражений» (романтическая молва объясняла неудачи Асенсио его проблемами с любимой женщиной) занял генерал Посас, а ответственным непосредственно за оборону столицы стал генерал Миаха. После неудачи под Кордовой в августе он был переведен на должность военного губернатора Валенсии в глубокий тыл, где ему нечем было командовать. И когда его вдруг направили в Мадрид, Миаха понял, что из него просто хотят сделать «козла отпущения» за неминуемую сдачу столицы. Генерала

недооценивали все, включая Франко, который считал Миаху бездарным и небрежным. И действительно, грузноватый и близорукий генерал не выглядел бравым героем. Но как оказалось, ему было не занимать честолюбия, и он был готов драться до конца.

Ларго Кабальеро срочно затребовал под Мадрид русские танки. Лично проинспектировав роту Армана, премьер воспрянул духом и приказал немедленно начать контрнаступление. Было решено ударить по правому, наиболее слабо защищенному флангу ударной группировки Варелы южнее Мадрида, чтобы отрезать ее от Толедо. 1-я смешанная бригада регулярной Народной армии под командованием Листера (в нее вошли четыре батальона Пятого полка) при поддержке танков Армана, авиации и пяти артиллерийских батарей должна была ударить с востока на запад и занять населенные пункты Гриньон, Сесенья и Торрехон-де-Кальсада.

Накануне войскам по радио открытым текстом был передан приказ Ларго Кабальеро: «...Слушайте меня, товарищи! Завтра, 29 октября, на рассвете наша артиллерия и бронепоезда откроют огонь по врагу. Наша авиация вступит в бой, засыпая противника бомбами и поливая его пулеметным огнем. Как только взлетят наши самолеты, наши танки ударят по самым уязвимым точкам в обороне противника и посеют панику в его рядах... Теперь у нас есть танки и самолеты. Вперед, боевые друзья, героические сыны трудового народа! Победа будет за нами!»

Потом Ларго Кабальеро долго ругали (и ругают по сей день), что он раскрыл врагу план контрнаступления и тем самым лишил республиканцев фактора внезапности. Но премьер не назвал точного места удара и его приказ был рассчитан на то, чтобы поднять боевой дух совсем уж сникших республиканцев. К тому же франкисты, привыкшие к громогласным заявлениям Кабальеро, сочли приказ о контрнаступлении очередной бравадой.

На рассвете 29 октября примерно в 6 часов 30 минут утра танки Армана пошли в наступление на городок Сесенья. За спиной у них было более 12 тысяч бойцов Листера и поддерживающих его с фланга колонн подполковника Бурильо и майора Урибарри. А дальше произошла странная вещь: то ли пехота республиканцев отстала, то ли стала наступать на совсем другой город — Торрехон-де-Кальсада, но только в Сесенью танки Армана, не встречая сопротивления, въехали одни. На главной площади Сесеньи отдыхали пехотинцы и артиллеристы мятежников, принявшие советские танки за итальянские. Накануне разведка республиканцев доложила, что Сесенья войсками противника не занята. Поэтому и Арман думал, что встретился со своими. Он высунулся из люка головной машины

и поприветствовал вышедшего ему навстречу офицера республиканским приветствием, попросив по-французски убрать с дороги мешавшую движению пушку. Офицер, не расслышав слов из-за работающих моторов, с улыбкой спросил его: «Итальяно?» В это время Арман заметил выходящую из бокового переулка колонну марокканцев. Люк немедленно захлопнулся и началось побоище. С трудом помещаясь на узких улочках Сесеньи, танки стали давить врага гусеницами и расстреливать бегущих из пушек и пулеметов. В это время из боковой улицы показался отряд марокканской кавалерии, который за несколько минут был превращен в кровавое месиво. Однако марокканцы и легионеры быстро пришли в себя и начали стрелять по танкам из винтовок, что было бесполезным занятием. Не брали Т-26 и ручные гранаты. Но тут марокканцы стали быстро наполнять бутылки бензином и кидать в танки. Это был первый случай применения бутылок с горючей зажигательной смесью как противотанкового средства (в 1941 году весь мир назовет это оружие «коктейлем Молотова»). Мятежникам все же удалось подбить один танк, но остальные двинулись дальше на запад в направлении Эскивиаса. А в это время с востока на подступах к Сесенье наконец-то показали запоздавшие республиканские части, встреченные плотным огнем всполошившихся мятежников. А после того, как республиканскую пехоту обработала немецко-итальянская авиация, наступление окончательно заглохло и листеровцы стали отходить на исходные позиции.

А танки Армана на пути в Эскивиас разгромили моторизованную колонну франкистов и ворвались в занятый кавалерией противника городок, где повторился погром Сесеньи. Но на другом конце Эскивиаса Т-26 неожиданно наткнулись на итальянские танки L 3, которые сопровождала батарея 65 мм пушек. Итальянцы быстро развернули орудия в боевой порядок, и произошло первое столкновение советских войск с войсками одной из фашистских держав. Батарея была раздавлена, но при этом был уничтожен один советский танк, а другой подбит. Но и Т-26 прицельным попаданием разнесли один «фиат», а другой как щепку сбросил гусеницами в кювет танк лейтенанта Семена Кузьмича Осадчего. Это был первый в истории танковый таран (позднее в боях за Мадрид С.К. Осадчий был тяжело ранен и умер в госпитале; ему было присвоено звание Героя Советского Союза). После этого Т-26, пройдя 20 километров по тылам противника, взяли обратный курс на Сесенью. В Эскивиасе остался Т-26 с поврежденной правой гусеницей. Но танкисты не сдались. Они вломились в один из внутренних дворов и под прикрытием каменной стены начали обстреливать мятежников. Подошедший итальянский огнеметный

«фиат» был уничтожен прямым попаданием. На подмогу франкистам подошла батарея 75 мм орудий и, расположившись в мертвом углу, начала обстреливать советский танк, который замолчал только через полчаса.

Остальные танки группы Армана, немного отдохнув, прорвались через Сесенью к своим позициям. Всего в этом рейде было уничтожено более батальона пехоты, два эскадрона кавалерии, 2 итальянских танка, 30 грузовиков и 10 75-мм орудий. Собственные потери составили 3 танка и 9 человек погибших (6 советских и 3 испанских танкиста), 6 человек было ранено.

Считалось, что в целом контрнаступление республиканцев провалилось, так как не удалось задержать продвижение мятежников к Мадриду. Причиной было неудовлетворительное взаимодействие танков с пехотой, точнее полное отсутствие такового. Один из советников позднее в сердцах сказал, что для испанцев было бы идеальным вариантом, если бы изобрели огромный танк, куда поместилась бы вся Красная Армия. Этот танк проутюжил бы всю Испанию, а республиканцы бежали бы за ним и кричали: «Ура!» Но, с другой стороны, надо признать, что большинство бойцов республиканской армии никогда не видели танков и не были обучены взаимодействию с ними.

И все же контрудар под Сесеньей нельзя считать полной неудачей. Напуганный большими потерями Варела снял с фронта несколько частей и направил их на охрану своих флангов. Потом франкистам очень не хватало этих войск в пригородах Мадрида.

Помимо появления советских танков на земле, мятежников и интервентов ожидал столь же неприятный сюрприз в воздухе. 28 октября 1936 года на севильский аэродром Таблада совершили неожиданный налет неизвестные бомбардировщики, которые нанесли удар как раз в то время, когда итальянцы заканчивали подготовку к боевому применению новой эскадрильи истребителей «фиат». «Сверчки» попытались атаковать противника, но неизвестные самолеты на высокой скорости спокойно ушли восвояси. Это был дебют в Испании новейших советских бомбардировщиков СБ (т. е. «скоростной бомбардировщик»; советские летчики величали самолет уважительно — «Софья Борисовна», а испанцы называли СБ «катюшками» в честь русской девушки, героини одной из популярных тогда в Испании оперетт). Свой первый полет СБ совершил в октябре 1933 года. Он мог развивать феноменальную по тем временам скорость — 430 км в час, что позволяло совершать бомбежки без истребителей сопровождения. Солидной была и высота полета — 9400 метров, которая тоже была недостижимой для «фиатов» и «хейнкелей»

противника. Однако, «катюшка» была очень нежной и капризной в эксплуатации (что неудивительно, так как самолет был совсем новым), а также несла всего 600 кг бомбовой нагрузки.

Сталин принял решение послать СБ в Испанию 26 сентября 1936 года. К 6 октября 30 самолетов уже были упакованы в ящики, а 15 октября их уже разгрузили в испанском порту Картахена. Сборка самолетов проходила под бомбежками «юнкерсов», которые смогли повредить два СБ (их пришлось списать на запчасти).

Итальянцы не знали, что первый вылет СБ на Табладу прошел не очень удачно. Восьмерка самолетов (в составе экипажей были русские и испанцы, и для всех из них самолет был новинкой) натолкнулась на плотный зенитный огонь и один СБ был поврежден. Он уже не мог развить предельную скорость и, не желая задерживать товарищей (остальные самолеты шли на малом ходу, прикрывая «раненого» своими пулеметами), сделал прощальный знак, устремился к земле. Еще три самолета совершили вынужденную посадку, не дотянув до аэродрома. Причем одного из наших летчиков по ошибке едва не линчевали подоспевшие крестьяне, привыкшие видеть в небе только вражеские самолеты.

Да, первый блин был комом. Но уже 1 ноября СБ разбомбили на аэродроме Гамональ 6 итальянских истребителей, причем настырные бомбардировщики не только встретили огнем вылетевшие на перехват «фиаты», но даже стали их преследовать. Всего к 5 ноября «катюшки» записали на свой счет 37 уничтоженных самолетов врага. Немецкие и итальянские истребители, отчаявшись догнать СБ, сменили тактику. Они караулили самолеты на большой высоте над аэродромами и пикировали на них сверху, добирая в скорости. 2 ноября над Талаверой был сбит первый СБ, и его экипаж под командованием П. П. Петрова погиб.

Всего за время гражданской войны в Испании СБ совершили 5564 самолето-вылета. Из 92 направленных в Испанию СБ было потеряно 75, в т. ч. 40 были сбиты истребителями, 25 от зенитного огня и 10 в результате аварий.

Появление на фронте СБ произвело большое (и, естественно, разное) впечатление на обе стороны конфликта. Республиканцы воспрянули духом, а английские газеты уже 30 октября сообщали о невиданном «громдном» бомбардировщике правительственных войск. Франкисты сначала думали, что столкнулись с американским самолетом «мартин 139». Чтобы укрепить их в этом заблуждении республиканская пресса опубликовала фотографию настоящего «мартина» с опознавательными знаками ВВС республики.

Франко довольно оперативно узнал о прибытии советских танков и

самолетов в Испанию. Тем более, что советская техника сразу внесла в борьбу на фронтах перелом. Во время разгрузки Т-26 в Картахене на рейде этого порта находился немецкий эсминец «Лукс» («Рысь»), который сразу же передал информацию на флагманский корабль германской эскадры у берегов Испании, «карманный» линкор «Адмирал Шеер». Посланная «Шеером» в Берлин радиограмма, была перехвачена итальянским крейсером «Куарто», стоявшим в порту Аликанте, и о советских танках стало известно в Риме.

Не дремала и агентура Канариса. 29 октября в Берлине приняли сообщение о прибытии «20 русских самолетов, одноместных истребителей и бомбардировщиков в Картахену в сопровождении механиков». Очень пристально следил за всеми направлявшимися в Испанию судами германский генеральный консул в Одессе, имевший, судя по его донесениям, неплохую агентуру в порту.

Франко вызвал к себе в ставку военного представителя Италии подполковника Фалделлу и торжественно объявил, что теперь ему противостоит не только «красная Испания», но и Россия. Поэтому срочно нужна помощь Берлина и Рима, а именно 2 торпедных катера, 2 подлодки (чтобы не пропустить советские корабли в Испанию), а также противотанковые орудия и истребители.

Канарис начал уговаривать высшее военное руководство Германии разрешить отправку в Испанию не только пилотов и техников (их в начале осени на стороне Франко было более 500), но и боевых частей. Начальник германского генерального штаба Бек заупрямился, полагая, что посылка войск в Испанию сорвет программу перевооружения самой Германии. Главком сухопутных войск генерал-полковник фон Фрич вообще предложил направить на помощь Франко русских белоэмигрантов (сформированная из них небольшая часть действительно воевала на стороне мятежников, об этом подробнее ниже). Когда Фричу стали говорить о сложностях с транспортировкой, он вставил в глаз монокль и, глядя на карту Испании, пробормотал: «Странная страна, у нее даже нет железных дорог!»

20 октября 1936 года в Берлин прибыл министр иностранных дел Италии Чиано, который принялся уговаривать немецких партнеров активнее помочь Франко. На встрече с Гитлером Чиано впервые услышал от фюрера слова о германо-итальянском блоке. Польщенный Муссолини провозгласил на массовом митинге в Милане 1 ноября 1936 года создание «оси Берлин — Рим». Битва за Мадрид привела, таким образом, к оформлению агрессивного союза фашистских государств, плоды которого

уже скоро было суждено почувствовать на себе Англии и Франции, упустившим шанс остановить агрессоров в Испании.

В конце октября Канарис, снабженный фальшивым аргентинским паспортом на имя господина Гильермо, отправился в ставку Франко, чтобы согласовать основные параметры участия регулярных германских войск в войне на стороне мятежников. Два старых друга обнялись в кабинете Франко в Саламанке как раз 29 октября, когда генералиссимус узнал о первом бое с участием советских танков. Поэтому, подавив гордость, он согласился со всеми условиями немцев, которые, порой были просто унижительными. Немецкие части в Испании должны были быть подчинены исключительно собственному командованию и составлять отдельную войсковую единицу. Испанцы должны обеспечить наземную охрану всех авиабаз. Применение немецкой авиации должно происходить в более тесном взаимодействии с пехотными частями. Франко дали недвусмысленно понять, что Берлин ждет от него более «активных и систематических действий». Франко пришлось согласиться на все условия, и 6–7 ноября 1936 года в Кадис прибыл немецкий легион «Кондор» в составе 6500 человек под командованием генерал-лейтенанта люфтваффе Хуго фон Шперрле (начальник штаба — подполковник Вольфрам фон Рихтхофен, приехавший в Испанию чуть раньше). Легион «Кондор» состоял из 4 эскадрилий «юнкерсов» (по 10 Ю-52 в каждой), объединенных в «боевую группу К/88», 4 эскадрилий истребителей-штурмовиков «хейнкель 51» (также по 12 самолетов в каждой; название — «истребительная группа J/88), одной эскадрильи морской авиации (самолеты «хейнкель 59» и «хейнкель 60») и одной эскадрильи самолетов разведки и связи («хейнкель 46»). Помимо поддержки пехоты перед авиацией легиона «Кондор» была поставлена задача бомбежками средиземноморских портов сорвать поставки советского оружия республиканцам.

Помимо самолетов, «Кондор» имел на вооружении лучшие в мире крупновские 88 мм зенитные пушки (были и 37 мм орудия), которые можно было использовать и против танков. В легион входили также наземные части обслуживания и поддержки.

Легион, именовавшийся по соображениям секретности войсковой частью S/88, прикрывала специальная группа абвера (S/88/Ic) во главе с давним знакомым Канариса, бывшим командиром подводной лодки корветтен-капитаном Вильгельмом Ляйснером («полковник Густав Ленц»). Штаб-квартира немецкой военной разведки находилась в порту Альхесирас, куда часто наведывался Канарис. За годы гражданской войны

немцы подготовили десятки агентов франкистской службы безопасности (в 1939 году до 30 % сотрудников Службы военной информации и полиции — именно так именовалась спецслужба Франко — имели тесные связи с абвером или гестапо). Руководителем контрразведки «Кондора» был признанный ас в этой области майор Иоахим Роледер.

Но и соперник на стороне республиканцев ему ни в чем не уступал. Разведывательно-диверсионную службу «красных» возглавлял достойный представитель «плеяды Берзина» осетин Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров (1903–1968, «майор Ксанти»). Разведчиком Мамсуров стал еще в 1919 году во время гражданской войны, а с 1931 года работал у Берзина в Разведуправлении Генштаба РККА.

Уже скоро по заданию Берзина интернациональная группа подрывников (среди этих героев были советские люди, испанцы, болгары и немцы) совершила налет на сердце «Кондора» севильский аэродром Таблада, взорвав 18 самолетов. Вскоре начали взлетать на воздух эшелоны, мосты и плотины ГЭС. Местное население, особенно в Андалусии и Эстремадуре полностью поддерживало партизан. После бесед с Мамсуровым и его помощником, асом-подрывником Ильей Стариновым Хемингуэй (американца познакомил с советскими разведчиками Михаил Кольцов, выведенный в романе под фамилией Карков) решил сделать своего главного героя в романе «По ком звонит колокол» Роберта Джордана подрывником, и именно поэтому техника диверсий так достоверно отображена на страницах этой книги. Прототипом Роберта Джордана стал американский еврей Алекс, отлично воевавший в группе подрывников Старинова. Интересно, что сам Мамсуров был о Хемингуэе не очень высокого мнения: «Эрнест человек не серьезный. Он много пьет и много болтает».

Артиллерию франкистам немцы решили пока не посылать, так как ее не хватало. Сначала была очередь танков. Через две недели после прибытия «Кондора» в Испанию в Касселе были построены на плацу 1700 солдат и офицеров танковых частей вермахта, которым предложили поехать «на солнышко, где не очень безопасно». Добровольцев набралось только 150 человек, которые через Италию были переправлены в Кадис.

К моменту решающих боев за Мадрид в ноябре-декабре 1936 года в Испании находился 41 танк Pz 1 (модификации А, В и танк управления).

В составе легиона «Кондор» был образован танковый батальон в составе двух рот (в декабре 1936 года добавилась третья, а в феврале 1937 года — четвертая). Командиром немецких бронетанковых частей в Испании был полковник Риттер фон Тома, ставший впоследствии одним из

самых известных генералов вермахта и воевавший под началом Роммеля в Северной Африке.

Немцы, в отличие от советских танкистов, летчиков и военных советников, не очень заботились о конспирации. У них была особая форма (советские военные носили форму республиканской армии и имели испанские псевдонимы) оливково-коричневого цвета. Знаки различия солдат и унтер-офицеров в виде золотых полос были на левой стороне груди и на пилотке (фуражек в Испании, за исключением генералов, немцы не носили). Младшие офицеры носили шестиконечные серебряные звездочки (например, лейтенант — две звездочки). Начиная с капитана, применялись восьмиконечные золотые звездочки.

Немцы держали себя гордо и обособленно. В Бургосе — «столице» франкистской Испании в годы войны — они реквизировали лучший отель «Мария Исабель», перед которым под флагом со свастикой стояли немецкие часовые.

Два наиболее «аристократических» борделя города также обслуживали только немцев (один солдат и унтер-офицеров, другой — только офицеров). К удивлению испанцев, даже там немцы навели свои порядки: регулярный медосмотр, строгие правила гигиены, специальные билеты, приобретаемые сразу у входа. С изумлением жители Бургоса наблюдали, как немцы ходят в бордель колонной, печатая строевой шаг.

В целом испанцы недолюбливали немцев за их снобизм, но уважали как грамотных и толковых специалистов. Всего за годы войны легион «Кондор» подготовил более 50 тысяч офицеров для франкистской армии.

30 октября немецкая авиация нанесла скоординированный удар по республиканским аэродромам близ Мадрида в отместку за Сесенью, причем на аэродроме Хетафе погибло 60 детей. В тот же день франкисты прорвали вторую линию обороны Мадрида (правда, существовавшую, в основном, на бумаге). Коммунисты требовали от Кабальеро объявить дополнительный набор в милицию, но тот говорил, что войск и так достаточно, к тому же лимит мобилизации для Центрального фронта (30 тысяч человек) уже исчерпан (!).

Республиканское командование запланировало на 3 ноября еще один контрудар примерно в том же направлении, что и 29 октября. Основную задачу (овладение городами Вальдеморо и Торрехон-де-Веласко) осуществляла группа подполковника Бурильо (3 тысячи бойцов). Республиканцы хотели, во что бы то ни стало, перерезать шоссе Мадрид — Толедо и лишить ударную группировку мятежников снабжения. С флангов Бурильо должны были поддерживать бригада Листера (2 тысячи человек) и

колонна подполковника Буэно (1,5 тысячи бойцов).

Бурильо придавалось 23 танка Т-26, 6 советских бронемашин БАИ (с пушечным вооружением) и три советских броневика ФАИ, вооруженных пулеметами.

Комбриг Кривошеин, памятуя горький опыт Сесеньи, провел специальный инструктаж с Бурильо и его командирами, призывая пехоту не отставать от танков и не бросать их в беде. Танкистам, в свою очередь, было строго приказано не отрываться вперед от пехоты более чем на 300–500 метров и возвращаться назад, если пехотинцы все же запаздывали. В населенные пункты с их каменными домами и узкими кривыми улочками заходить танкам было запрещено.

3 ноября в 6 часов 30 минут утра группировка Бурильо пошла в наступление. Командир взвода танков, плохо ориентируясь на местности, проскочил Вальдеморо и потерял два Т-26 из-за технических неполадок. Пришлось вернуться за помощью для их отбуксировки. В это время другие танки по шоссе шли на Вальдеморо и нарвались на огонь трех батарей противника. Республиканская пехота провожала советские танки криками «Вива Русиа!», но с места не двигалась, ожидая, когда танкисты подавят все огневые точки противника. Кривошеин с отставшими танками попытался прорваться на Вальдеморо в обход пристрелянного шоссе по лощине, но и там танкистов накрыла артиллерия мятежников, подбив еще два танка. Посланная на отбуксировку сломавшихся утром двух машин Т-26 группа, не выполнила задачу и сама лишилась одного танка. Следует отметить, что в боях участвовали уже испанские экипажи, десятидневная подготовка которых, конечно, была явно недостаточной. Например, один танкист жаловался, что пушка не стреляет, а она была просто не снята с предохранителя.

На направлении Торрехон-де-Веласко дела развивались успешнее. Пехота не отставала, и к вечеру 3 ноября город был окружен и захвачен. В качестве трофеев были отбиты у франкистов пять орудий. Но, расположившись на ночлег, республиканцы не выставили охрану (вообще, в годы гражданской войны обе стороны старались не воевать ночами и строго соблюдали обеденный перерыв, чем вызывали изумление советских военных советников). Этой же ночью в город неожиданно ворвались марокканцы и забросали танки гранатами. Один танковый взвод был уничтожен практически полностью, и Торрехон-де-Веласко пришлось вновь оставить врагу.

4 ноября наступление продолжалось без особых успехов, и к 14–00 был получен приказ бросить лучшие пехотные части непосредственно для

обороны Мадрида. Таким образом, и этот фланговый контрудар республиканцев не достиг успеха. Наученные опытом Сесеньи мятежники подтянули большое количество противотанковой артиллерии. И хотя взаимодействие танков и пехоты у республиканцев стало лучше, оно еще было далеко от совершенства.

Приказ о переброске всех боеспособных сил непосредственно к Мадриду был вызван тем, что 4 ноября Варела взял аэродром и населенный пункт Хетафе, находящийся в 13 километрах от центра Мадрида. Генерал Мола на пресс-конференции заявил, что отпразднует в городе 19-ю годовщину столь дорогой коммунистам русской революции, и порекомендовал «республиканским шутникам» приготовить ему чашку кофе, которую он выпьет на главной мадридской площади Пуэрта-дель-Соль («Ворота солнца»), не слезая с белого коня. После этого генерал должен был обратиться к мадридцам с краткой речью: «Я — здесь». Уже были назначены мэр и префекты мадридских округов, а в кафедральном соборе Мадрида был заказан благотворительный молебен «по случаю победы над врагом». Фалангисты уже наметили здания под свои организации. Мола рассчитывал и на удар с тыла «пятой колонны». Ведь на выборах в феврале 1936 года против Народного фронта голосовало 45 % мадридцев и к ноябрю около 20 тысяч врагов республики сидели в иностранных посольствах, готовясь встретить «освободителей». Многие из «сидельцев» были вооружены.

2 ноября 1936 года коммунисты объявили: «Мадрид в опасности» и начали поголовную мобилизацию членов партии на фронт. Не отставала и Объединенная социалистическая молодежь (ОСМ). На многих его районных отделениях, как и в России 1918–1919 годов, висели таблички «Закрото. Все ушли на фронт». Из 23 тысяч коммунистов Мадрида на передовой находилась 21 тысяча.

А Кабальеро в это время пытался вовлечь в правительство анархистов, чтобы НКТ и ФАИ разделили с ним ответственность в эту тяжелейшую для республики минуту. И вот, 4 ноября 1936 года, был объявлен новый состав кабинета, в который вошли 7 социалистов. 4 анархиста (министры юстиции, промышленности, торговли и здравоохранения), три левых республиканца, два коммуниста и по одному представителю от Страны басков и Каталонии. Анархо-синдикалистам стоило больших трудов объяснить своим последователям такую странную метаморфозу: ярые противники государства вдруг стали его министрами. Было сказано, что нынешнее государство в Испании уже перестало быть инструментом эксплуатации. Впрочем, много объяснять было и не нужно. Массы

анархистов понимали, что время распрей по теоретическим вопросам прошло, и надо был сделать одно — отстоять Мадрид. Президента Асанью, покинувшего столицу еще 22 октября, правда, пришлось уговаривать согласиться на назначение анархистов. В конце концов, глава государства махнул рукой — он все равно уже не верил в победу.

4 ноября 1936 года исполнилось ровно два месяца с того момента, как Ларго Кабальеро сформировал «правительство победы». За это время враг подошел вплотную к воротам Мадрида, который уже не только бомбили немцы и итальянцы, но и обстреливали орудия мятежников. Отряды народной милиции уже просто не могли сдерживать колонны марокканцев, так как у них не хватало боеприпасов и продовольствия. Никто не знал соседей слева и справа, не поддерживалась и связь с командованием Центрального фронта. А в то время, когда поток обессиливших и потерявших надежду бойцов откатывался к городу, лучшие республиканские части и советские танки контраатаковали врага на дальних подступах к Мадриду, пытаясь оттянуть на себя лучшие силы Варелы.

И здесь неожиданно на помощь защитникам Мадрида пришли сами мятежники. В их стане возникли разногласия относительно лучшего способа взятия города. Можно было наступать через южное рабочее предместье Карабанчель, а можно через западные богатые кварталы, граничившие с лесопарком Каса-де-Кампо и Университетским городком. Ягуэ и Варела стояли за западный вариант, рассчитывая избежать уличных боев во враждебно настроенном Карабанчеле. Мола принял соломоново решение наступать на обоих направлениях, сконцентрировав все же наиболее боеспособные части в направлении Каса-де-Кампо. 5 и 6 ноября Варела приводил свои части в порядок и совершил, тем самым, крупнейшую ошибку: в эти дни он мог бы занять город практически без сопротивления.

Между тем основным вопросом, который стало обсуждать на своем первом заседании новое правительство Ларго Кабальеро, был отъезд самого правительства из города. Анархисты сопротивлялись, а коммунисты требовали, чтобы населению Мадрида были разъяснены причины этого шага: необходимость для кабинета работать в более спокойном месте. Но Ларго Кабальеро не мог себя пересилить. Трудно было главе «правительства победы» объяснить мадридцам свой отъезд в тыловую Валенсию за сотни километров от фронта. Премьер решил покинуть город молчком. Но об этом сразу стало известно. Когда лидеры ОСМ Сантьяго Каррильо и представитель КПИ Антонио Михе явились к Ларго Кабальеро с просьбой принять перед отъездом срочные меры по обороне Мадрида,

премьер, стоя рядом с собранными чемоданами, воскликнул: «А кто вам сказал, что правительство покинет Мадрид?» На самом деле генконсул СССР в Барселоне Антонов-Овсеенко еще в середине октября сообщал в Москву о планах Кабальеро покинуть столицу.

6 ноября Мадрид видел уезжающие вдаль колонны легковых автомобилей. Прието как министр авиации воспользовался самолетом. Некоторые члены правительства, в том числе министр иностранных дел Альварес дель Вайо, были остановлены по дороге анархистскими патрулями, которые, угрожая расстрелом, требовали, чтобы члены правительства вернулись в Мадрид. Прието, приехав в Валенсию, сказал: «Через три дня они будут на Пуэрта-дель-Соль. Еще два месяца и — смерть».

Перед отъездом заместитель Кабальеро Асенсио вручил двум генералам Миахе и Посасу запечатанные конверты с инструкциями, приказав вскрыть их в 6 часов утра на следующий день 7 ноября. Но генералы ждать не захотели и вскрыли конверты сразу же после отъезда правительства. В конверте, адресованном Миахе, оказались инструкции Посаса и наоборот. Смысл состоял в том, что в случае невозможности отстоять Мадрид его защитникам разрешалось отступить под город Куэнку в 120 километрах юго-восточнее столицы. Миахе приказывалось образовать Хунту обороны Мадрида, куда должны были войти представители всех партий Народного фронта. Ключевые посты в этом органе (оборона и безопасность) заняли коммунисты Михе и Каррильо (последний формально представлял ОСМ).

В эту ночь с 6 на 7 ноября защита Мадрида преобразилась. Казалось, что вместе с правительством город покинули неразбериха и бестолковщина. Несмотря на инструкции, Миаха был намерен держаться до конца. Но с какими силами? В инструкции ему было запрещено использовать первые четыре регулярные бригады, находившиеся в резерве к югу от Мадрида в районе реки Харама.

Поэтому на первом же заседании Хунты обороны Миаха обратился к партиям и профсоюзам с просьбой немедленно мобилизовать и направить на фронт 50 тысяч бойцов. На вопрос, где взять оружие, Миаха ответил просто: ждать пока убьют товарищей и подбирать винтовки у них. Генерал в те дни вообще отличался своеобразным юмором висельника, который, тем не менее, вселял уверенность в защитников города. Когда один из командиров спросил генерала, куда отступать в случае крайней необходимости, то ответ был краток: «На кладбище!»

Приказ, который отдал Миаха защитникам города, также отличался

краткостью: «Ни шагу назад!»

Мадрид преобразился. Везде появились объявления примерно следующего содержания: «Всем членам профсоюза пекарей (каменщиков, лифтеров и т. д.) немедленно явиться на мобилизационный пункт по такому-то адресу. Никакие причины отсутствия не принимаются». И тысячи мужчин на трамваях, пешком и на машинах двигались на расположенный уже рядом фронт, учась на ходу хотя бы заряжать винтовки. Женщины Мадрида устроили массовый митинг под лозунгом: «Лучше быть вдовой героя, чем женой труса». Пошел на фронт и сформированный коммунистами женский батальон. Конечно, боевой пользы от него возможно и было немного, но рядом с женщинами мужчины просто не имели права сражаться плохо. «Лучше умереть, чем достаться маврам», — говорили женщины своим мужьям, отцам и братьям.

Несмотря на варварские бомбежки, не прекращавшиеся с начала ноября, были заполнены мадридские кинотеатры. Самыми популярными фильмами были советские «Мы из Кронштадта» и «Чапаев». Посмотрев фильм про кронштадтских матросов, их испанский собрат — боец морской пехоты Антонио Коль в одном бою гранатами, идя во весь рост, как в полюбившемся кинофильме, уничтожил два танка, прежде чем его сразила пулеметная очередь. Но Коль сделал основное: он показал, как надо бить танки. Возникло целое движение «антитанкистов», молодых ребят, охотившихся за итальянскими танками с юношеским задором.

5 ноября марокканцы ворвались в мадридское предместье Карабанчель. Пошла борьба за каждую пядь земли, доходившая до рукопашных схваток. В некоторых зданиях мятежники и республиканцы в виде слоеного пирога сидели на разных этажах. Впервые за все время войны марокканцы вели непривычный для них городской бой (раньше они воевали на открытой местности) и несли чудовищные потери. Комитет компартии Карабанчеля решил не отступать и забаррикадировался в своем здании. Патронов было мало, но отступать коммунистам было действительно уже некуда. Но комитет выстоял, и когда на улицах Карабанчеля показались наступающие республиканцы, в окне здания они увидели девушку, кричавшую из окна, не обращая внимания на свистящие вокруг пули: «Мадрид будет свободным!».

4 ноября 1936 года настал судный день для германо-итальянской авиации, вот уже почти два месяца бомбившей республиканцев практически безнаказанно. В этот день две группы «юнкерсов» в сопровождении «фиатов» и «хейнкелей» привычно вылетели на бомбежку Мадрида. Они не догадывались, что накануне советник Центрального

фронта республиканцев Г. И. Кулик («генерал Купер», будущий маршал Советского Союза) поставил первую боевую задачу командиру трех эскадрилий И-15 Павлу Рычагову («Пабло Паланкар», «паланка» по-испански «рычаг»). Позднее перед самой войной генерал-лейтенант Павел Васильевич Рычагов (1911–1941) станет руководителем ВВС РККА и будет репрессирован Сталиным. Это был бесстрашный летчик и порядочный человек. Он выдерживал в воздухе сумасшедшие перегрузки. Как-то раз за один вылет он выполнил 250 фигур высшего пилотажа и еще до Испании был награжден орденом Ленина.

Кулик передал Рычагову просьбу правительства республики положить конец бомбардировкам Мадрида, деморализующим защитников столицы. И вот 4 ноября посты наземного наблюдения вовремя сообщили о приближении к Мадриду большой группы самолетов противника. Уже через три-четыре минуты после этого И-15 были в воздухе. Советской истребительной авиации предстоял первый боевой экзамен.

Здесь следует хотя бы схематично описать тактику воздушного боя того времени. Все истребители мира тогда не имели радиосвязи. Поэтому залогом успеха была слетанность звеньев, способность понимать командира в воздухе по малейшим маневрам его самолета, или подаваемым рукой знакам. Летчик-истребитель должен был желательнее всего (борьба за высоту была альфой и омегой авиационного боя того времени) и с ближней дистанции (чтобы экономить боезапас) вести огонь по самолету противника, а товарищи в это время прикрывали незащищенный «хвост» нападающего. Если кто-нибудь из пилотов в азарте скоростного боя отрывался от своей группы, то он, как правило, становился легкой добычей противника. Воздушные бои напоминали карусель, когда, пристроившись в «хвост» друг другу, в небе кружили сразу несколько истребителей обеих сторон.

В первом бою советские истребители ринулись на «юнкерсы», в то время как сверху на них «упали» «хейнкели» и «фиаты». Пошли к земле первые задымившие машины мятежников. «Курносые» Рычагова сделали в тот день 4 боевых вылета и сбили семь самолетов врага, не понеся потерь. Была выработана следующая тактика: если немцы и итальянцы шли на Мадрид большой группой (15 бомбардировщиков и более 20 истребителей сопровождения), то в воздух поднимались все три эскадрильи «чатос» (30 машин). Если враг имел меньшие силы, то на перехват вылетала одна эскадрилья, а остальные в полной боевой готовности ждали на земле. Это позволяло хотя бы в некоторой степени скомпенсировать численное превосходство германо-итальянской авиации.

Если блестящий дебют советских истребителей 4 ноября прошел на подступах к городу, то на следующий день 5 ноября мадридцы смогли воочию наблюдать мастерство советских летчиков. Сначала все было как обычно. Издалека были слышны моторы заходивших на бомбежку девяти «юнкерсов», которых сопровождали десять истребителей. И вдруг новые незнакомые моторы зазвучали в небе, и жители столицы увидели два скоростных новеньких самолета с красными кончиками крыльев. Они сбросили листовки: «Мадридцы, республиканская авиация с вами!». Это были И-15 из эскадрильи Егора Захарова. Советские самолеты вступили в бой с «юнкерсами» и один вражеский бомбардировщик быстро был сбит, а остальные в панике повернули назад. Восторгу мадридцев не было предела. Толпы людей, не обращая никакого внимания на сигналы воздушной тревоги, высыпали на улицы и радостно кричали: «Наши! Наши!» и «Вива Русия!». В этот день «курносые» сбили за несколько боевых вылетов четыре самолета противника, потеряв один свой. Немцы были вынуждены резко увеличить высоту бомбометания (с 500–700 до 800–1000 метров), что, естественно, привело к снижению точности авиаударов.

6 ноября в день начала генерального наступления мятежников на Мадрид воздушные бои были особенно упорными. И-15 пять раз поднимались в воздух и порадовали мадридцев 9 сбитыми самолетами врага. Своих потерь не было, если не считать того, что два пилота получили легкие ранения, оставшись в строю.

Немцам и итальянцам пришлось сократить до минимума дневные бомбардировки, так как итальянские и немецкие истребители сопровождения по скорости заметно уступали советским И-15. С господством авиации мятежников в небе Испании было пока покончено.

Но исход боя решался на земле. Да, коммунисты и Миаха сумели зажечь сердца защитников Мадрида новой волей к победе. Хотя эту волю еще предстояло организовать и превратить в военный фактор.

Организатором победы стал незаметный скромный подполковник Висенте Рохо (1894–1966), так же как и Миаха, носивший очки. Сирота, окончивший военное училище в Толедо в 1914 году, Рохо, как и многие его сослуживцы, начинал военную карьеру в Марокко. Десять лет (1922–1932) он был преподавателем в своем родном училище. Рохо не был блестящим офицером и пугч застал его майором, в то время, как его ровесники носили полковничьи погоны. К удивлению многих, ревностный католик Рохо сразу встал на сторону республики и принял участие в первых боях в Сьерра-Гуадарраме. Это был вдумчивый человек, взвешивающий каждое слово и имевший недюжинное самообладание.

Вечером и ночью 6 ноября Рохо вместе с советским военным атташе комбригом Горевым и советником при генштабе республики К.А.Мерецковым («Петрович») совершили настоящее чудо. Были установлены точные пункты дислокации всех республиканских частей Мадрида и налажена бесперебойная связь. Формировались резервы оружия и людей. Весь город был разбит на сектора обороны. Рохо дозвонился до каталонских анархистов и немедленно попросил прислать вооруженную помощь (интересно, что пока на сравнительно узком участке фронта под Мадридом шли ожесточенные бои, десятки тысяч солдат республиканской милиции бездействовали на многих сотнях километров линии соприкосновения с врагом; за все время Мадридской битвы Каталония послала на защиту столицу всего 12 тысяч человек).

Штаб обороны Мадрида был оборудован в подвалах-сейфах министерства финансов, куда провели телефон и устроили вентиляцию. Миаха, Рохо и советские военные советники работали и часто ночевали там, где раньше хранилось золото.

К моменту решающих боев за Мадрид у Миахи было 25 тысяч солдат (без мобилизованных безоружных активистов), 80 орудий и 30 танков. Варела был готов бросить в бой 30 тысяч солдат и 26 артиллерийских батарей. Войска мятежников состояли из 9 колонн, 6 из которых должны были идти в первой линии, одна находилась в резерве, а две прикрывали растянутый фланг (следствие танковых атак республиканцев 29 октября и 3 ноября).

Но Рохо должен был принять самое ответственное решение в своей жизни: угадать, где противник нанесет свой основной удар. И здесь на помощь защитникам Мадрида пришла сама «госпожа удача». В подбитом итальянском танке был найден подробный оперативный план Варелы, из которого стало понятно, что главный удар противник нанесет с запада через Университетский городок. Мятежники сконцентрировали на этом узком участке фронта (8 километров) 5 колонн (15 батальонов). Рохо быстро перебросил на этот участок несколько танков и снятую с Сьерра-Гуадаррамы колонну бойцов.

7 ноября советские танки и самолеты творили чудеса, стараясь достойно отпраздновать главный праздник СССР — годовщину Великого Октября. Т-26, как пожарная команда, появлялись на самых угрожаемых участках фронта, заменяя и пехоту и артиллерию. Танкисты не спали уже несколько дней. Иногда они в отчаянии спрашивали друг друга: «А воюет ли еще кто-нибудь кроме нас?». В этот день истребители Рычагова поднялись в небо, не дожидаясь сообщений о приближении вражеской

авиации. Едва подошедшие к Мадриду «юнкеры» увидели «курносых» (франкисты называли эти самолеты «кертисс», считая, что они производятся в СССР по американской лицензии), они сразу же повернули назад. Тогда две эскадрильи И-15 решили помочь наземным войскам и провели штурмовку надвигавшихся на Мадрид колонн марокканской конницы. Комбинированные действия танков, авиации (советские летчики отметили годовщину Октябрьской революции 100 боевыми вылетами) и пехоты сорвали планы мятежников по овладению Мадридом 7 ноября 1936 года. Франко так и не удалось испортить «главный праздник марксистов».

Не смогли мятежники проникнуть в город и через подземные коммуникации. Об их непроходимости позаботился «майор Ксанти», лично проинспектировавший наиболее уязвимые участки.

А 8 ноября у «красных» появились войска, ставшие своего рода ударными частями республиканцев на протяжении всей войны.

На следующий день после годовщины Октябрьской революции в России мадридцы увидели на улицах города странную воинскую часть. Хотя обмундирование шедших по Мадриду чеканным шагом людей было весьма пестрым, от бойцов милиции их отличала выправка и какая-то особая спокойная решимость на лицах. Сначала странные солдаты шли молча и некоторые прохожие подумали было, что в город уже вошли мятежники. И вдруг оркестр заиграл «Интернационал» и бойцы запели его на разных языках, одинаково непонятных испанцам. Вновь многие мадридцы ошиблись, думая, что к ним на помощь пришла, наконец-то, сама Красная Армия. Раздались крики: «Вива Русия!»

На самом же деле в тот мрачный серый день в Мадрид входили первые бойцы Интернациональных бригад — «волонтеры свободы», как их будут звать потом во всем мире.

Основную роль в формировании интербригад и вообще в оказании помощи Испании за пределами СССР играл Коммунистический Интернационал (КИ). До 1935 года он имел в основных странах мира, включая Испанию, так называемые делегации, оказывавшие на месте помощь компартиям и проводившие в жизнь единую генеральную линию мирового коммунистического движения. По решению VII Конгресса Коминтерна в 1935 году делегации были ликвидированы, чтобы освободить компартии от мелочной опеки. Однако по просьбе КПИ бывший глава делегации КИ в Испании (начиная с 1932 года) аргентинский коммунист итальянского происхождения Витторио Кодовилья (клички «Луис» и «Медина») был оставлен до лета 1937 года, когда его сменил член Президиума и секретарь Исполкома Коминтерна, генсек итальянской

компартии Пальмиро Тольятти («Эрколи», «Альфред»). В августе 1936 года КИ дополнительно направил в Испанию венгерского коммуниста Эрне Герэ, также работавшего в 1932–1933 годах в составе делегации Коминтерна в Испании (был известен под псевдонимами «Педро» и «Зингер»). Наконец, в январе 1937 года в республику прибыл опытный работник аппарата Коминтерна болгарин Стоян Минев (Степанов), взявший в Испании боевой псевдоним «Морено» (т. е. «Смуглый»).

Советники подчинялись в оперативном отношении ЦК КПИ и информировали Москву о положении в республике. Надо сказать, что их доклады были весьма критическими, помогавшими не только Коминтерну, но и руководству СССР лучше ориентироваться в ситуации.

Коминтерн и его руководитель болгарский коммунист Георгий Димитров требовали от КПИ отказа от социалистических лозунгов. Подчеркивалось, что путь Испании к социализму долгий и не будет похож на советский. Движение к новому обществу должно в условиях войны развиваться путем укрепления парламентской республики, уважения мелкой и средней частной собственности. Испанскую республику Коминтерн характеризовал как антифашистское государство с участием во власти левой части буржуазии. И Димитров, и Тольятти решительно критиковали лозунги Ларго Кабальеро об установлении в Испании диктатуры пролетариата. Выдерживать линию Коминтерна в республиканской Испании было непросто, так как воодушевленные народные массы требовали немедленных и радикальных социальных преобразований. Анархисты и левые социалисты упрекали КПИ в «предательстве революции».

Но Коминтерн ставил перед компартией Испании только одну задачу — любой ценой выиграть войну, а для этого необходимо было объединить вокруг республики как можно больше социальных сил, как можно скорее создать регулярную армию и наладить военную промышленность. Компартию Испании ориентировали и на максимально тесный контакт с другими организациями Народного фронта, несмотря на существующие разногласия.

Летом и осенью 1936 года весь аппарат Коминтерна работал только на Испанию. Но теоретической помощи, сколь бы она ни была важна, явно не хватало.

Поэтому уже 27 июля 1936 года, тесно связанная с КИ Международная организация помощи рабочим (МОПР или «Красная помощь») обратилась к трудящимся всех стран с призывом создать фонд помощи республиканской Испании. В страну были направлены первые партии

медикаментов. В Париже на митинге 9 августа 1936 года, в котором приняло участие 400 тысяч человек, была создана Французская комиссия солидарности, сразу же собравшая значительную сумму денег. Подобные организации возникали и в других странах, где их помощь была многогранной. Так, например, профсоюз портных США направил для республиканской армии 100 тысяч комплектов обмундирования.

13 августа 1936 года в Париже была создана Международная комиссия по координации, информации и помощи Испанской республике (МККИП), собравшая только за период 1936–1938 годов в 17 странах продовольствия, оружия и медикаментов на сумму 800 тысяч франков.

Еще одной формой помощи было размещение за рубежом испанских детей, страдавших от голода и бомбежек. К февралю 1938 года во Франции действовало 55 детских домов на 3147 детей, в СССР — 15 на 2667 детей, в Бельгии находилось 2 тысячи детей, а в Великобритании — 4 тысячи. Всего за границей была размещена 31 тысяча испанских детей.

Акции помощи проводились даже в тех странах, где у власти находились антикоммунистические режимы и фашистские диктатуры. В Германии за сбор средств в пользу Испанской республики, по сведениям Гимmlера, только в конце 1936 — начале 1937 года было арестовано не менее 3 тысяч человек. Подпольные коммунистические организации пытались саботировать военные поставки франкистам или сообщать об их маршрутах (как было показано выше на примере корабля «Усарамо»). Когда в Мадриде не взрывалась какая-то немецкая бомба, прохожие сразу кричали «Вива Тельман!», «Немецкие рабочие с нами!».

Следует отметить, что Коминтерн с самого начала вовлекал во все формы помощи Испании не только коммунистов разных стран. Тем более, что привлечение широкой общественности было не трудно, так как большинство деятелей культуры и науки (т. е. «властителей умов») и без КИ бесспорно были на стороне республики. Так, например, 21 апреля 1938 года 95 видных ученых США, среди которых были лауреаты Нобелевской премии, направили президенту Рузвельту письмо с требованием отмены закона об эмбарго.

Коминтерн ориентировал свои партии и на содействие республике в закупках оружия. Так, французская компартия создала «комиссию Дитуэля» (названа по имени одного из членов ЦК ФКП, возглавившего этот орган), которая еще до вступления в силу политики «невмешательства» закупила в различных европейских странах и на 8 пароходах направила в республику оружия более чем на 5 миллионов фунтов стерлингов (в том числе самолеты, орудия, пулеметы, снаряды и патроны).

Сразу после начала мятежа в рядах народной милиции появились иностранные добровольцы. Это были спортсмены, приехавшие в середине июля 1936 года на Рабочую олимпиаду в Барселону, а также политэмигранты, жившие в Испании (в основном, немцы, итальянцы и поляки). В августе 1936 года немцы, австрийцы и поляки создали «центурию» (роту) «Тельман», сражавшуюся на Арагонском фронте. Группа поляков образовала колонну «Либертад», которая в октябре 1936 года героически сражалась на Мадридском фронте. В середине сентября в Испанию прибыла большая группа французов, сформировавших центурию «Парижская коммуна».

Особенно ценным в первые месяцы войны было прибытие в Испанию уже упоминавшихся выше иностранных летчиков-добровольцев. В интернациональных подразделениях ВВС республики воевало 653 летчика, в т. ч. 45 французов, 14 англичан, 12 итальянцев, 12 болгар, 12 американцев, 11 поляков, 6 русских эмигрантов и т. д. До прибытия советских пилотов это были наиболее боеспособные части республиканской авиации.

Когда война в Испании стала приобретать затяжной характер, различными путями (в основном, естественно, через Францию) на свой страх и риск в республику устремились сотни добровольцев практически из всех стран Европы, Латинской Америки и Канады, желавшие сражаться с фашизмом.

Резкое обострение обстановки под Мадридом в начале сентября 1936 года побудило Коминтерн вплотную заняться формированием иностранных добровольческих частей, чтобы придать стихийному движению организованный характер. Уже упоминавшийся выше член ЦК Французской компартии Э. Дитуэль по поручению КИ установил контакты с Ларго Кабальеро и некоторыми другими руководителями республики, чтобы прозондировать их отношение к этой идее.

Некоторые руководители республики полагали, что из иностранных добровольцев нужно создать что-то вроде Иностранного легиона. Другие просто предлагали зачислять иностранцев в части народной милиции. Были и такие, кто вообще был против участия иностранцев в гражданской войне. В конце концов, Ларго Кабальеро согласился на создание интернациональных бригад как самостоятельных частей с собственным командованием.

28 сентября 1936 года секретариат Исполкома Коминтерна предложил компартиям «провести среди рабочих разных стран вербовку добровольцев, имеющих военную подготовку, чтобы послать их в Испанию».

Предпочтение отдавалось тем, кто участвовал в Первой мировой войне или гражданской войне в России, а также членам военизированных организаций коммунистических партий (например, Союза красных фронтовиков компартии Германии или «Щуцбунда» австрийских социалистов). В желающих не было отбоя и приходилось проводить строгий отбор. Только из проживавших в СССР политэмигрантов было направлено в Испанию 589 человек, включая 100 болгарских коммунистов.

Многие компартии создали специальные центры по набору добровольцев в Испанию. Сначала правительства западных демократических стран, особенно Франции, не препятствовали подобной деятельности. Впоследствии, когда Лондонский комитет по невмешательству запретил вербовку иностранцев в Испанию, пришлось вести эту работу на полуполюгальном положении.

Иностранные добровольцы сначала переправлялись во Францию (некоторые для этого нелегально переходили несколько границ), где концентрировались в Марселе (для отправки в Испанию морем) и Перпиньяне (переброска в республику наземным путем). Уже в первой половине октября набралось несколько сотен добровольцев и их число постоянно возрастало.

Официальным днем рождения интербригад считается 14 октября 1936 года, когда первая большая группа добровольцев прибыла в город Альбасете, ставший центром формирования иностранных частей Народной армии. 16 октября был создан организационный комитет в составе итальянских коммунистов Л. Лонгол (кличка «Галло»), Дж. Ди Витторио («Николетти») и бывшего офицера германской армии Г. Кале («Ганс»), преобразованный впоследствии в Высший военный совет во главе с французским коммунистом А. Марти.

Работу пришлось начинать с нуля. Большую помощь оказала база Пятого полка в Альбасете, передавшая добровольцам всю свою инфраструктуру. И все равно не хватало казарм (часть интербригадовцев жила в арках арены для боя быков), обмундирования, пишущих машинок для штаба и т. д. Да и организация людей, говоривших на разных языках и, как правило, не знавших испанского, сама по себе была титанической задачей.

20 октября 1936 года делегацию штаба интербригад принял Ларго Кабальеро (на протяжении большей части беседы премьер молчал и лишь изредка делал неопределенный жест головой, непохожий ни на согласие, ни на отрицание). Он поручил решить все организационные вопросы президенту кортесов Мартинесу Баррио, одновременно занимавшему пост

руководителя Центральной хунты снабжения (что-то вроде ГКО в годы Великой Отечественной войны), который справился с задачей умело и оперативно. 22 октября 1936 года Кабальеро подписал приказ о создании интернациональных бригад в составе Народной армии и в тот же день в Альбасете было сформировано 4 первых батальона. 25 октября была создана первая интербригада (ее порядковый номер был XI, так как первые десять номеров были зарезервированы за испанскими бригадами Народной армии; в настоящей книге порядковые номера интербригад для удобства читателя будут даны римскими цифрами). В конце октября бригада получила стрелковое оружие, главным образом, винтовки и пулеметы. Командиром бригады стал бывший офицер австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны австрийский коммунист Манфред Штерн («генерал Клебер»), погибший позднее в годы сталинских репрессий.

В XI-ю интербригаду входили немецко-австрийский батальон имени Эдгара Андрэ (немецкий коммунист, казненный в Германии 5 ноября 1936 года) с отделением английских пулеметчиков, франко-бельгийский батальон «Парижская Коммуна», польский батальон имени Домбровского (в его составе были также представители других славянских национальностей и венгры) и итальянский батальон имени Гарибальди. Руководство интербригад планировало в течение двух недель провести военную подготовку интернациональных частей, но уже 5 ноября 1936 года был получен приказ Рохо о выступлении на Мадридский фронт. Но Клебер согласился выполнить его только после подтверждения приказа военным министерством, что лишний раз показывает всю запутанность системы командования республиканской армии, особенно на этапе ее становления.

На фронт в Мадрид 8 ноября прибыли три батальона XI-й бригады, а на основе оставшегося в Альбасете итальянского батальона Гарибальди и семи отдельных рот начала спешно формироваться следующая XII-я интербригада, появившаяся под Мадридом уже 12 ноября (бригадой командовал венгерский писатель и коммунист Матэ Залка, известный в Испании как «генерал Лукач», так как он прибыл в страну с паспортом на имя гражданина Чехословакии Лукача). 3 декабря вошла в строй XIII-я интербригада под командованием немецкого коммуниста В.Зайслера («генерал Гомес»), а 23 декабря — XIV-я интербригада (командир-польский коммунист Кароль Сверчевский, «генерал Вальтер»). 1 февраля 1937 года закончилось формирование XV-ой интербригады под командованием венгерского коммуниста Яноша Галича («генерал Гал»), а в июне 1937 года — 150-ой интербригады под командованием испанского офицера Ф. Гераси. Наконец, в декабре 1937 года появилась последняя 129-

я интербригада (командир — чешский коммунист В. Комар).

Кроме этих самостоятельных соединений в составе 86-ой испанской бригады действовал интернациональный батальон, а в 5-ом корпусе Народной армии — автомобильный интернациональный полк. Помимо этого в рядах республиканцев сражались 25 интернациональных артиллерийских батарей и 3 интернациональных партизанских батальона.

В интербригадах с самого начала были запрещены все партийные флаги и эмблемы. Официальным знаменем считалось знамя Испанской республики, но разрешалось и использование красного знамени (без каких-либо дополнительных знаков на нем), как общепризнанного символа солидарности трудящихся. Применялась и принятая тогда эмблема Народного фронта — трехконечная звезда. Позднее на знамени некоторых интербригад появилась надпись «За нашу и вашу свободу!» (первыми ее использовали, естественно, поляки).

Около 60 % бойцов интербригад были коммунистами и комсомольцами, 7 % — членами социалистических и социал-демократических партий, 33 % — беспартийными. Среди немцев и болгар коммунистов было еще больше — 80 %, столько же среди всех интербригадовцев было рабочих. Помимо них встречались лица самых разных профессий: от банковского служащего до скрипача. Среди французов, скандинавов и англо-саксов было много представителей средних слоев, попадались даже аристократы. Большинство «волонтеров свободы» были молодыми людьми, полными романтических идеалов борьбы за счастье всего человечества (например, средний возраст американских добровольцев был 26 лет).

Всего за время гражданской войны в Испании через интербригады прошло около 40 тысяч иностранцев, при этом в каждый отдельно взятый момент на фронтах их было не больше 20–22 тысяч. Среди всех национальностей больше всего в интербригадах было французов — 8,5 тысяч. Затем шли немцы (5000), поляки (примерно 4200), итальянцы (4000), американцы (3000), англичане и бельгийцы (по 2000), австрийцы (1700), югославы (1600), чехи и словаки (1300), канадцы (1300), венгры и кубинцы (по 1000). Всего в рядах интербригад сражались представители 54 национальностей. Причем некоторые национальные контингенты также были неоднородными: так, например, среди граждан США были представители 35 этнических групп, а среди канадцев — 14 (причем 498 человек являлись выходцами из Восточной Европы; больше всего было украинцев). Много в рядах интербригад было евреев (по некоторым оценкам, до 7000). Среди американских добровольцев евреи составляли

30–40 %.

Основными языками, которые использовались в интербригадах были французский и немецкий (по-французски говорило, например, большинство поляков, живших в эмиграции во Франции и Бельгии). Так как среди командного состава было много интернационалистов, проживавших до войны в СССР (всего среди бойцов интербригад таких было 600–700 человек), в штабах интербригад можно было часто слышать русскую речь. В целях придания бригадам более однородного состава в конце 1936 — начале 1937 года они были реорганизованы. XI-я бригада стала по национальному составу преимущественно немецкой, XII-я — итальянской, XIII-я — «славянской», XIV-я — франко-бельгийской и XV-я — англо-американской (там же сражались и выходцы из стран Латинской Америки). Уникальной воинской частью был батальон имени Чапаева, в рядах которого сражались представители 21 национальности. По состоянию на июль 1937 года в батальоне насчитывалось 79 немцев, 67 поляков, 59 испанцев, 41 австриец, 20 швейцарцев, 20 евреев из Палестины, 14 голландцев, 13 чехов, 11 венгров, 10 шведов, 9 югославы, 9 датчан, 8 французов, 7 норвежцев, 7 итальянцев, 6 украинцев, 5 люксембуржцев, 2 бельгийца, один грек и один бразилец. Испанским языком большинство бойцов-иностранцев так и не овладело, так как бригады почти все время были в бою, и свободного времени для занятий не оставалось.

Интербригады принимали участие во всех основных битвах гражданской войны в Испании и использовались в основном как ударные части. Причем по вооружению они практически не отличались от испанских бригад, но превосходили последние силой боевого духа. Так как интербригады воевали в течение всей войны на самых трудных участках фронта, они несли и самые большие потери. Всего в боях погиб примерно каждый третий «волонтер свободы». Только 7 % иностранцев-добровольцев покинули Испанию, не имея ранений. Больше других жертв было среди немцев — из 5000 человек было убито около 3000. Погибло 48 % югославы, 42 % венгров, 30 % американцев, англичан и французов. Относительно «повезло» итальянцам, из которых не вернулись домой «только» 18 %.

С момента своего основания интербригады находились в полном подчинении командования Народной армии (в отличие, например, от легиона «Кондор», который был полностью независимыми и мог отвергать предложения Франко о проведении тех или иных операций). Уже в ноябре 1936 года в их рядах появились испанцы. Это было сделано для того, чтобы

как можно больше бойцов молодой Народной армии прошли школу лучших воинских частей республики. К декабрю 1937 года в рядах интербригад было уже только 8593 иностранца и 20594 испанца. К лету 1937 года многие командные должности в интербригадах (особенно младшего звена) также были заняты испанцами.

По штату в каждой интербригаде насчитывалось около 3 тысяч человек, 20–30 % которых к концу 1937 года были иностранцами, а остальные — испанцами. Только среди командного состава и бойцов артиллерийских частей добровольцев было больше — около 75 %. Политкомиссары по прошествии года войны были в большинстве своем испанцами.

Бойцы интербригад получали такое же жалование, как бойцы Народной армии — 10 песет в день. Часть этих денег по решению самих добровольцев отчислялась родным погибших товарищей, так как испанское правительство отказалось выплачивать семьям павших пенсии. Интербригады направляли часть средств в фонд помощи женщинам и детям Испании. Руководство республики не разрешало бойцам интербригад отпуска на родину, что ставило многих «волонтеров свободы» в тяжелое положение (некоторым надо было пройти, например, военные сборы, уклонение от которых каралось в уголовном порядке).

В последнее время принято много говорить о «сталинистских репрессиях» и засилье НКВД в рядах интербригад. Действительно, в начале 1937 года под влиянием тяжелых условий войны и больших потерь среди интербригадцев стали отмечаться случаи дезертирства. Так, например, дезертировало 16 % англичан (298 человек) и около 100 американцев. Поэтому на главной базе интернациональных бригад в Альбасете было создано три центра перевоспитания и три военных тюрьмы. Однако в качестве наказания использовалось в основном рытье окопов в составе рабочих батальонов, после чего виновные, как правило, возвращались в строй. Всего было расстреляно за различные провинности 50–60 человек, что представляет собой незначительную цифру для военного времени. Наиболее массовый случай был зафиксирован во время битвы за Теруэль, когда было расстреляно 9 немцев за подстрекательство к неповиновению приказам. Среди американцев известно только три таких случая.

Под руководством французского коммуниста А. Марти (в 1919 году он был одним из организаторов восстания моряков французского флота в Одессе) в интербригадах действовала кадровая комиссия (около 80 сотрудников), проверявшая бойцов на предмет принадлежности к

иностранным разведкам или троцкистским организациям. С легкой руки Хемингуэя за Марти закрепилась чуть ли не слава «испанского Ежова». Так, в своем романе «По ком звонит колокол» один из персонажей утверждает, что Марти убил людей больше, чем «бубонная чума». Конечно, Марти был в общении неприятным и заносчивым человеком, склонным к гипертрофированной подозрительности. Однако проверенных данных о массовых репрессиях в рядах интербригад не существует.

Что касается НКВД, то его агентура в Испании, естественно, не оставляла интербригады без присмотра. Тем более, что гестапо и итальянская разведка ОВРА, действительно, пытались засылать в интернациональные бригады своих людей. Позднее в Москве было принято решение осуществить операцию «Новый набор». Планировалось отобрать среди бойцов интербригад около 70 человек, обучить их в спецшколе под Барселоной и направить потом в разные страны в качестве резидентов на случай «большой войны» в Европе. Однако после бегства на Запад летом 1938 года резидента НКВД в Испании Александра Орлова программа «Новый набор» была в ноябре 1938 года закрыта по указанию Берии. Тем не менее, целый ряд будущих видных советских разведчиков начал свое сотрудничество с НКВД и Разведупром РККА именно в составе интербригад. Причем люди шли на контакт с советскими разведслужбами исключительно по идейным соображениям.

Следует также отметить, что немецкие интернационалисты имели в Испании свою контрразведку — Секретный аппарат Компартии Германии, который, естественно, тесно сотрудничал с резидентурой НКВД.

После Второй мировой войны многие видные руководители интербригад были репрессированы в ходе политических процессов в странах Восточной Европы, особенно в Венгрии (процесс Райка) и Чехословакии (процесс Сланского).

Некоторые историки утверждают, что Мадрид осенью 1936 года отстояли только советские летчики, танкисты и интербригады. Пытаясь оправдать свое поражение, франкистские командиры утверждали, что им противостояли аж 200 русских танков. Конечно, роль советской военной помощи и героические бои интербригад за испанскую столицу заслуживают самой высокой оценки. Но также ясно любому непредвзятому исследователю гражданской войны в Испании, что несколько десятков советских летчиков и танкистов, а также 3000 бойцов-интернационалистов не смогли бы остановить наступление отборных частей мятежников, которых поддерживала германо-итальянская авиация. Вместе с советскими людьми и «волонтерами свободы» столицу республики спасли поверившие,

наконец, в свои силы вчерашние парикмахеры, слесари, трамвайщики и булочники, многому научившиеся во время изматывающего, страшного отступления августа-сентября 1936 года.

Но мятежникам еще предстояло почувствовать новый боевой дух республиканцев на собственной шкуре.

7 ноября 1936 года наступавшие колонны Варелы нигде не достигли намеченных целей. Только в прилегающем к Мадриду с запада парке Каса-де-Кампо мятежники смогли продвинуться на полтора километра. Такие темпы были бесконечно далеки от «блицкрига» августа-сентября и доставались ценой больших потерь. Солдаты спрашивали офицеров, чем объясняется так неожиданно возросшее сопротивление «красных». И офицеры ничего не могли ответить, так как сами терялись в догадках. Ведь теперь боевой дух бойцов народной милиции ни в чем не уступал закаленным в боях ветеранам африканской армии.

Но Варела пока не сомневался, что его главный удар 8 ноября все же станет для республики смертельным. В этом же были уверены и многие в мире. Ведь еще 7 ноября радио Севильи объявило, что Мадрид можно считать взятым. Диктатор Гватемалы Убико в тот же день прислал в испанскую столицу приветственную телеграмму Франко: «Поздравляю Ваше превосходительство и войска под Вашим командованием со счастливым вступлением в столицу Испании. Надеюсь, что Ваше правительство будет поддерживать с моим правительством наилучшие отношения». Лиссабонское радио описывало восторженную встречу Франко жителями Мадрида, а американский журналист Никербокер даже вел «прямой репортаж» с центральной улицы города, по которой парадным маршем якобы шли войска мятежников.

С рассветом 8 ноября три колонны Варелы (из девяти) перешли в наступление в Каса-де-Кампо, намереваясь через этот парк и лежащий за ним Университетский городок кратчайшим путем прорваться в центр города. Две другие колонны франкистов наносили отвлекающий удар южнее, пытаясь форсировать реку Мансанарес через Толедский и Сеговийский мосты. Ширина Мансанареса в черте Мадрида — не более 50 метров, однако вода была ледяной и мятежники хотели форсировать реку, не замочив ног, используя многочисленные мосты. Наибольшего успеха в тот день франкисты достигли на юге, в предместье Карабанчель, дойдя до военного госпиталя. Началась паника, и командованию обороны Мадрида удалось остановить наступление врага, только вызвав на помощь советскую авиацию.

И все же самые ожесточенные бои шли в Каса-де-Кампо, где обе

стороны использовали танки (в основном, как малоподвижные огневые точки). В этот день республиканские войска под командованием Барсело и Галана уже пытались контратаковать. В критический момент, когда казалось, что марроканцы уже сломали сопротивление оборонявшихся, в Каса-де-Кампо на машине примчался генерал Миаха (кстати, иногда он объезжал расположение частей и на велосипеде). Выхватив пистолет, он бросился наперерез отступавшим бойцам с криком: «Труссы! Умирайте в своих траншеях! Умирайте вместе с вашим генералом!». Бегство прекратилось и Рохо с большим трудом удалось под градом пуль усадить Миаху обратно в автомобиль и отправить в тыл. Народная милиция пошла в атаку с пением «Интернационала».

На одном из участков боя, когда марокканцы уже ворвались на мост через Мансанарес, по ним открыл огонь в упор из пулемета будущий герой Сталинграда, а тогда старший лейтенант и инструктор по пулеметному делу Александр Родимцев. Испанцы смогли на практике убедиться в высокой квалификации советского офицера.

Таким образом, Варела нигде не смог 8 ноября прорвать линию обороны республиканцев. Его войска только немного продвинулись в Каса-де-Кампо. Все это время мятежников поддерживало непрерывными бомбоштурмовыми ударами до 180 самолетов. Бойцы милиции уже не бросались как раньше врассыпную, а в укрытиях пережидали налет, встречая затем наступающих грамотным ружейно-пулеметным огнем.

9 ноября командование над наступающими на Мадрид колоннами принял на себя лично Мола. В тот день мятежникам удалось занять в Каса-де-Кампо стратегически важную высоту Гарабитас, с которой можно было обстреливать большую часть Мадрида. Положение спасла впервые вступившая в бой XI-я интербригада, которая ценой огромных потерь (за десять дней боев в Мадриде бригада потеряла убитыми и ранеными одну треть личного состава) смогла несколько потеснить противника. В бою бригаду рассредоточили таким образом, чтобы на каждого интернационалиста приходилось примерно по четыре бойца милиции. Последних учили главным образом экономнее расходовать боеприпасы. К тому же рядом с иностранцами испанцы просто не могли драться хуже.

В тот день, 9 ноября, когда бои достигли наивысшего накала, у Миахи и Рохо практически не оставалось резервов. В наличии было 45 бойцов и несколько пулеметов. Оба офицера просили Кабальеро срочно прислать на помощь городу четыре бригады, формировавшиеся к югу от Мадрида, но премьер ответил из далекой Валенсии строгим приказом срочно выслать ему оставленный впопыхах при отъезде из Мадрида серебряный столовый

сервис военного министерства.

9 ноября очередной неприятный сюрприз ожидал германских и итальянских летчиков. В этот день в бой над Мадридом вступили новые советские истребители И-16. «Ишачок» (так его любовно называли советские пилоты) был первым в мире истребителем-монопланом с убирающимися шасси. Его скорость достигала 455 км в час, а высота боевых действий была 5000 метров. Превосходя все немецкие и итальянские самолеты в скорости, «моска» (т. е. «муха»), как И-16 окрестили испанцы, имел не очень мощное вооружение: два (хотя и прекрасных по своим боевым качествам) 7,62 мм пулемета ШКАС. К моменту появления «мух» итальянцы и немцы немного приноровились к И-15. Этот советский истребитель был легче «фиата» и итальянцы часто бросали свои самолеты в крутое пике, уходя от советских летчиков на вертикалях за счет появлявшегося таким образом преимущества в скорости. С И-16 такие вещи уже не проходили, так как «муха» за счет своего веса (1600 кг) и скорости имела превосходство в боях на вертикалях.

9 ноября летчики истребительной группы И-16 (31 машина) под руководством бывшего командира 107-й эскадрильи из Брянска капитана Сергея Тархова («капитан Антонио») отметили свой дебют в мадридском небе четырьмя сбитыми «хейнкелями». Франкисты прозвали И-16 «рата» («крыса» по-испански). Это было связано не только с понятной антипатией к опасному советскому истребителю, но и с тактикой, которую начали применять в совместных действиях И-15 и И-16. В то время как «курносые» связывали на высоте боем истребители противника, И-16 неожиданно снизу (по образному выражению франкистов, как крысы из канализации) атаковали бомбардировщики.

10 ноября республиканцы контратаковали в Каса-де-Кампо, а 1-я бригада Листера нанесла удар в южном предместье Мадрида Вильяверде, отбив у противника несколько улиц. В это же время официальное франкистское коммюнике сообщало о «продолжении продвижения наших войск на фронте к югу от Мадрида» (т. е. именно там, где контратаковал Листер).

10 ноября в столицу, наконец, подошли долгожданные подкрепления: бригады с юга и колонна анархистов (3000 бойцов) с Арагонского фронта во главе с Дуррути. Анархисты были вооружены до зубов, в том числе новенькими французскими и чешскими автоматами, полученными либо еще до закрытия Францией границы 8 августа, либо контрабандным путем. В то время, как в Мадриде катастрофически не хватало оружия, в Каталонии и Арагоне были его значительные запасы, которые анархисты

приберегали для внутривойсковых разборок. Да и сама колонна Дуррути выдвинулась к Мадриду не по приказу руководства республики, на который она плевать хотела, а по просьбе советских военных советников. Уговаривать Дуррути ездил Мерецков, который был просто потрясен, узнав, что один из батальонов колонны Дуррути носит имя Махно, против которого Мерецков воевал еще в гражданскую. Немного порисовавшись перед русским, лидер анархистов согласился «спасти Мадрид». В завязавшемся разговоре на Дуррути произвел особенно сильное впечатление тот факт, что «военный министр» далекой России Ворошилов раньше был слесарем. По мнению Дуррути, настоящий рабочий не мог не быть анархистом. К уговорам Мерецкова присоединилась и министр здравоохранения от НКГ в правительстве Кабальеро Федерика Монтсени.

Командование республиканцев по предложению советских военных советников запланировало на 12 ноября крупную наступательную операцию. К тому времени, втянувшись в Каса-де-Кампо, мятежники совершенно оголили свои фланги и их позиции стали похожи на мешок с узкой горловиной и шириной по фронту в 10–12 километров. Республиканцы решили использовать эту выгодную для себя конфигурацию и замкнуть кольцо вокруг ударных частей Молы одновременными сходящимися ударами с севера и юга. Для этих целей привлекались пять бригад Народной армии, две интербригады и колонна Дуррути. Однако не прекращавшиеся атаки мятежников в Каса-де-Кампо не позволили высвободить силы для создания северной ударной группировки, которую пришлось вводить в бой по частям, чтобы остановить продвижение франкистов в самом парке. Поэтому решили ограничиться ударом с юго-востока в тыл войскам Молы силами 17 батальонов при поддержке 11 орудий и 16 танков. Главной целью наступления был географический центр Испании — высота Серро-де-лос-Анхелес («Гора ангелов») с расположенным на ней монастырем. В случае успеха планировалось захватить аэродром Хетафе и отрезать осаждавшую Мадрид группировку мятежников от дороги на Толедо.

Но атака ударной группы началась вместо 12 ноября только на следующий день, так как XII-я интербригада после длительного марша нуждалась в отдыхе. Собственно, самой бригады не было даже на бумаге и все штабы и службы снабжения приходилось создавать на ходу. Чего стоит хотя бы тот факт, что у бригады не было своего автотранспорта и приходилось нанимать шоферов и грузовики. Не спав три ночи, интербригадовцы тем не менее быстро подошли к основанию Горы ангелов в сопровождении трех танков, но не смогли взять монастырь, так как не

имели тяжелой артиллерии (монастырь был окружен мощнейшими стенами). Под шквальным огнем мятежников части XII-ой интербригады залегли у подножия высоты. Однако танки вышли из строя (два из них было подбито) и, лишившись огневой поддержки, под покровом ночи республиканцы отошли на исходные позиции. Таким образом, наступление закончилось практически ничем.

Не получил развития и вспомогательный удар в Каса-де-Кампо. Анархисты вообще отказались перейти в наступление, и пришлось идти в бой только XI-ой интербригаде, которая понесла большие потери, так как мятежники сосредоточили на ней огонь всей своей артиллерии, пользуясь пассивностью Дуррути. Регулярные части Народной армии шли в атаку чуть позади интернационалистов — уступом. Советским танкам, поддерживавшим наступление, пришлось несколько раз возвращаться к своей пехоте, чтобы увлечь ее за собой. В результате республиканцам все же удалось оттеснить мятежников на 2–3 километра.

13 ноября над Мадридом 12 «юнкеров» и 26 сопровождавших их «хейнкелей» столкнулись с вылетевшими на перехват восемнадцатью И-16 Тархова. Немцы потеряли шесть самолетов, но был сбит и «капитан Антонио». Спускавшегося на парашюте советского летчика расстреляли в воздухе то ли немцы, то ли по ошибке республиканские бойцы с земли. Пронзенного шестью пулями пилота вместо больницы зачем-то доставили в штаб Миахи, который, прервав обед, как раз наблюдал за воздушным боем. Тархов потерял много крови и умер в госпитале.

С утра 14 ноября сами франкисты перешли в наступление из района Хетафе, нанося удар по левому флангу республиканской ударной группировки. Но это наступление было отбито, причем 5-я бригада Народной армии и колонна Бурильо сами контратаковали противника.

Первое по настоящему крупное наступление республиканцев под Мадридом 13 ноября показало, что молодые правительственные войска пока не способны на скоординированные маневренные операции. Сидя в окопах или на баррикадах, вчерашние бойцы милиции чувствовали себя уже уверенно. Но как только они выходили на оперативный простор, то сразу нарушалось взаимодействие с танками, командиры плохо ориентировались на местности и не знали, что делают их соседи слева и справа. Например, прибывшая на фронт впервые XII-я интербригада, вообще не имела ни одной карты местности предстоявшего наступления и ночью после боя многие бойцы с трудом отыскивали свои подразделения. В республиканской армии катастрофически не хватало артиллерии и немногочисленные танки, конечно, не могли заменить ее. Не умели

республиканцы и организованно отходить с поля боя, поэтому любое наступление было чревато паникой в случае вражеского контрудара. Но, тем не менее, с каждой атакой опыт и мастерство республиканской армии росли. И это был единственный, хотя и очень болезненный путь к будущим успехам.

15 ноября республиканцы решили нанести удар с севера в тыл группировки Варелы, расположенной в Каса-де-Кампо. Дуррути попросил, чтобы выполнение этой задачи доверили его людям, которые покажут, как они могут сражаться. Однако, собравшись на митинг, анархисты постановили отложить наступление на следующий день. 16 ноября, пойдя, наконец, в атаку, анархисты лоб в лоб столкнулись с наступавшими им навстречу марокканцами. Колонну Дуррути охватила паника и под сильным пулеметным огнем она побежала. На плечах анархистов мятежники смогли проникнуть в Университетский городок — конгломерат недавно построенных современных зданий с дорожками, посыпанными песком и гравием. Для спасения положения в бой в роли «пожарной команды» снова пришлось бросить XI-ю интербригаду, которая с помощью штыков и гранат отбила здания философского и филологического факультета. Марокканцы удержали университетскую клинику, где некоторые из них отравились, употребив в пищу инфицированных в целях медицинских опытов животных.

«Майор Ксанти» пристыдил Дуррути за трусость его бойцов и анархистский командир, уже успевший проникнуться глубоким уважением к своему «русскому» советнику, на лимузине в сопровождении мотоциклистов помчался на позиции наводить порядок. Анархисты бузили, так как после тихого Арагонского фронта никак не могли привыкнуть к постоянным атакам с воздуха. 20 ноября во время очередного выезда на передовую Дуррути был убит своим телохранителем Фетиче якобы вследствие неосторожного обращения с оружием. Но ходили упорные слухи, что анархисты расправились со своим командиром, который пытался наводить ненавистную им дисциплину.

16 ноября был сбит увлекшийся преследованием самолетов врага и попавший под перекрестный огонь Павел Рычагов. Летчик прыгал с опасной высоты в 150 метров и его парашют раскрылся почти над крышами домов. Восторженные мадридцы бросились качать советского авиатора, а затем целым и невредимым доставили его в часть.

17 ноября Варела вновь заявил о решающем наступлении на Мадрид, и вновь его войска не продвинулись ни на шаг. Больше фронт в Университетском городке и Каса-де-Кампо практически не менялся до

конца войны. Обе стороны зарылись в окопы, которые иногда разделяли 30–40 метров. Была даже траншея, половину которой заняли республиканцы, отгородившись от мятежников в другой половине мешками с землей. Иногда, находясь на разных этажах одного и того же здания, (один дом враждующие стороны делили 10 дней) враги закладывали в лифт бомбы с подожженным бикфордовым шнуром и посылали их друг другу.

В Карабанчеле мятежники и республиканцы занимали подчас противоположные стороны улиц, и война там шла следующим образом. В консервную банку, наполненную динамитом, вставлялся бикфордов шнур. Далее самодельную гранату привязывали на веревку и поджигали шнур, рассчитанный обычно на 12 секунд. На шестой секунде бомбу, как диск, забрасывали на соседнюю сторону улицы мятежникам (раньше это делать не рекомендовалось, так как враг мог швырнуть «подарок» обратно). Лучшими гранатометчиками в рядах республиканцев были эстремадурские пастухи, привыкшие на родине охотиться с пращами на кроликов.

18 ноября Хунта обороны Мадрида объявила, что непосредственная угроза городу миновала. Улицы Карабанчеля, единственного столичного предместья, частично захваченного мятежниками, были перегорожены уже не импровизированными, а капитальными баррикадами, сложенными из камней на цементном растворе. Эти баррикады были способны защитить даже от легких орудий. За ними бойцы удобно располагались на стульях, вынесенных из соседних, покинутых жителями домов. В Университетском городке бойцы интербригад читали в перерывах между боями книги из богатейшей библиотеки Мадридского университета, иногда закладывая ими окна, чтобы защититься от пуль снайперов. Неграмотные же марокканцы просто жгли подчас бесценные книги, чтобы согреться.

Мятежники, осознав бесперспективность дальнейших лобовых атак, попытались сломить волю защитников Мадрида к сопротивлению доселе невиданным в истории методом — сплошными ковровыми бомбардировками густонаселенных рабочих кварталов (уже через четыре года это новшество будет суждено испытать на себе англичанам, французам, бельгийцам и голландцам, которых в 1936 году мало интересовала война где-то на задворках Европы). Первоначально Франко торжественно обещал, что Мадрид, где сосредоточено много музеев и памятников искусства, «национальные силы» бомбить не будут. На самом деле всю первую половину ноября бомбежки не прекращались, хотя из-за противодействия советских истребителей они стали в основном ночными и, следовательно, более неточными (советские самолеты не были приспособлены для боевых действий ночью). Каждый день гибли десятки

мирных жителей. Из музея Прадо пришлось под бомбами вывозить наиболее ценные полотна в Валенсию (позднее они были переправлены в Швейцарию, где были обнаружены в целостности и сохранности после Второй мировой войны). Конечно, мадридцев выручало метро, хотя иногда мощные немецкие бомбы пробивали его своды. Страдания населения усугублялись тем, что в городе было несколько десятков тысяч беженцев, живших со своим нехитрым скарбом, включая домашних животных (многие беженцы были вчерашними крестьянами), прямо на улицах. Франко старался щадить богатые кварталы, но ему все равно не удалось уберечь их. 20 тысяч беженцев и лиц, оставшихся без крова в результате бомбежек, вселились в квартиры аристократических районов, тем более, что многие их обитатели сбежали к мятежникам.

Мадридцы стали привыкать к бомбежкам и даже показывали иностранцам наиболее крупные воронки как своего рода достопримечательности. Но бомбежки 17–19 ноября превзошли все мыслимые пределы, превратив город в ад. В эти дни бомбардировки шли целый день по выработанной немцами из легиона «Кондор» схеме. Сначала целые кварталы уничтожались тяжелыми бомбами. Затем их руины «перепыхивались» более легкими бомбами — по 100 килограммов каждая. Далее приходил черед зажигательных бомб, которые сбрасывались двумя волнами. Через некоторое время, когда жители горящих и разрушенных домов выходили из убежищ и пытались спасти остатки своего имущества, их накрывала новая волна бомбардировщиков, на этот раз сбрасывавших осколочные бомбы.

В те страшные дни жертвы среди мирного населения Мадрида исчислялись сотнями. Но подорвать боевой дух защитников города не удалось. Женщины устраивали на улицах кухни для тех, кто лишился крыши над головой. Появилась популярная песня, в которой говорилось, что красавицы Мадрида используют фашистские бомбы на шпильки. С удовольствием пели и песню про остывший кофе генерала Молы, который так и не дождался его на Пуэрта-дель-Соль. Даже в далекой Аргентине симпатизировавшие республике студенты устраивали аукционы, на которых продавалась уже ставшая хрестоматийной «чашка кофе генерала Молы», а весь сбор шел в пользу защитников Мадрида.

Несмотря на начавшиеся перебои с продовольствием, боевой дух мадридцев оставался высоким. К тому же Хунта обороны города начала массовую эвакуацию стариков, женщин и детей на средиземноморское побережье, где в их распоряжение отдавались лучшие санатории и дома отдыха. В обратном направлении шли автоколонны с продовольствием.

Наконец, следует отметить, что бомбежки Мадрида давались германо-итальянской авиации дорогой ценой. Советские летчики сбили до конца года в воздушных боях над столицей 63 самолета врага (еще 64 самолета были уничтожены на аэродромах), потеряв со своей стороны 27 пилотов из 160. 31 декабря 1936 года группа советских летчиков и танкистов, воевавших в Испании (П. Арман, С. Осадчий, П. Рычагов, С. Тархов, П. Джибелли и другие) получила крайне редкое тогда в СССР звание Героя Советского Союза. Радость от этого события омрачалась только тем, что некоторые герои получили самую высокую награду страны посмертно.

Ненависть мятежников к республиканским асам была беспредельной. В один из дней того судьбоносного для Испании ноября 1936 года франкисты сбросили над Мадридом ящик, в котором находилось расчлененное тело советского летчика, итальянца по национальности Примо Джибелли, сбитого над вражеской территорией (по другой версии, его самолет совершил вынужденную посадку на аэродроме занятого мятежниками города Сеговия). Страшная посылка содержала записку: «Этот подарок посылается для того, чтобы командующий вооруженными силами красных знал, какая судьба ожидает его и всех его большевиков». Характерно, что франкисты долго пытались отрицать этот чудовищный факт, называя его «сказками красных». Примо Джибелли к моменту его гибели было уже за сорок, и он мог и не летать. Но этот бывший туринский рабочий был устроен так, что не мог оставить братский испанский народ в беде.

В целом воздушный террор немцев в Мадриде возымел обратное действие. Ненависть к Франко охватила даже те слои населения, которые ранее не благоволили Народному фронту. В общественном мнении зарубежных стран также стала ощущаться растущая симпатия к республиканцам. Мятежники же, которые окончательно выдохлись под Мадридом, находились в конце ноября под угрозой поражения. Если бы у республиканцев был обученный резерв хотя бы в 15 тысяч бойцов, то франкисты уже ничего бы не смогли противопоставить их удару. Еще хуже для мятежников было то обстоятельство, что во многих офицерах наиболее преданных Франко частей — а именно, африканской армии и Иностранного легиона — зародились сомнения в конечной победе. Неожиданная стойкость и самоотверженность республиканцев не поддавалась для них объяснению.

В этот критический для Франко момент на помощь ему опять пришли Германия и Италия, признавшие 18 ноября 1936 года режим «генералиссимуса» де-юре, как правительство Испании. Первоначально

фашистские державы условились предпринять этот шаг сразу же после занятия мятежниками Мадрида. Но теперь ждать этого со дня на день не приходилось, и официально Рим и Берлин объяснили свои действия тем, что «национальные силы» контролируют большую часть территории страны. Растроганный «каудильо» появился перед ликующей толпой в Саламанке и назвал Германию и Италию «оплотом культуры, цивилизации и христианства в Европе». В Саламанке и Севилье улицы были украшены германскими и итальянскими флагами, а тех, кого принимали за немцев или итальянцев, фалангисты несли на плечах.

Франко не знал, что Гитлер колебался и хотел сначала направить в его ставку не дипломатического представителя, а просто некоего чиновника по связям. «Фюрер» был угнетен неспособностью мятежников взять Мадрид, и к нему вернулись старые, еще июльские сомнения, что путч был изначально плохо подготовлен. Но немцев плотно обрабатывали итальянцы, распространявшие небылицы о 400000 русских, якобы уже находящихся на пути в Испанию. Наконец, Гитлер дал согласие на назначение полноценного дипломатического представителя в ранге посла. При этом немцы наотрез отказались от предложения Муссолини направить в Испанию несколько регулярных итальянских и немецких дивизий, чтобы быстро закончить войну. Гитлер решил, что затягивание войны в Испании не так уж и плохо, так как это удерживало итальянцев на позициях союза с Берлином и приковывало внимание Англии и Франции к Пиренейскому полуострову, позволяя Германии спокойно заниматься наращиванием вермахта. «Фюрер» поэтому «согласился» предоставить Италии «честь» вынести на себе основное бремя испанской войны.

У Муссолини, конечно, было больше оснований для интервенции в Испании. 28 ноября 1936 года он навязал Франко секретное соглашение, в котором испанский диктатор соглашался координировать свою политику в Средиземноморье с итальянской и предоставить Италии военно-морские и военно-воздушные базы на Балеарских островах на время войны.

После неудачи Франко на подступах к Мадриду Гитлер и Муссолини просто не могли позволить мятежникам потерпеть поражение, так как это означало бы огромный ущерб для престижа обоих фашистских государств. «Генералиссимус» прекрасно понимал это и постоянно требовал присылки новых вооружений и войск. Всеми этими вопросами предстояло заниматься первому немецкому послу при ставке Франко генералу Вильгельму Фаупелю, который командовал корпусом в годы Первой мировой войны, а затем подвизался в качестве военного советника в перуанской и аргентинской армиях. Перед своим назначением в Саламанку Фаупель

возглавлял немецкий Иберо-американский институт, занимавшийся изучением проблем Испании и Латинской Америки. Гитлер запретил Фаупелю вмешиваться в чисто военные вопросы, приказал сосредоточить главное внимание на работе с фалангой, чтобы сделать ее основной политической силой «национальной» Испании и поставить фалангистов под идейный контроль НСДАП (для этих целей в штат миссии Фаупеля был введен специальный сотрудник). Франко сразу невзлюбил Фаупеля и его жену за высокомерие и бесцеремонное вмешательство во внутренние дела. Германский посол, в свою очередь, активно давал Франко непрошенные советы именно в военной области (например, активнее использовать в наступлении пулеметы) и в своих донесениях в Берлин очень невысоко оценивал военные дарования «каудильо». Уже после первой встречи с Франко 30 ноября 1936 года Фаупель, явившийся на аудиенцию в штатском, обращал внимание МИД Германии на невозможность для «националистов» выиграть войну без помощи немецких и итальянских войск.

Итак, стойкость защитников Мадрида осенью 1936 года поставила мятежников на грань краха. Родившийся еще 18 июля лозунг «Но пасаран!» («Они не пройдут»), впервые прозвучавший в речи Долорес Ибаррури, стал известен всему миру. Большую роль в переломе настроения республиканцев сыграл и пример СССР, подкрепленный в самое критическое время военной помощью. 7 и 8 ноября 1936 года, в самые тяжелые дни обороны Мадрида с неба на жителей города сыпались листовки следующего содержания: «Петроград выстоял в 1919 году один. Сделаем тоже самое!». После просмотра фильмов «Чапаев» и «Мы из Кронштадта» бойцы милиции по примеру далеких русских братьев опоясывались крест-накрест пулеметными лентами и передавали друг другу недокуренные сигареты, хотя недостатка в них не было. Когда в фильме белые ночью нападали на спящих чапаевцев, возмущенные зрители стреляли в экран, а в одной из воинских частей было принято решение извлечь из фильма конкретные уроки и усилить ночные караулы. Еще популярнее героев из фильмов были настоящие советские летчики и танкисты, дравшиеся за Мадрид так, как будто он был для них по-настоящему родным городом. Танкисты Армана только за один день успевали повоевать на девяти различных участках фронта, а ночью вместо сна патрулировали город, не давая поднять голову «пятой колонне».

И чудо случилось — Мадрид устоял. Но хотя непосредственная угроза городу и миновала, мятежники не оставили попыток взять столицу, так как справедливо видели в этом кратчайший путь к победе.

Глава 10. От Мадрида до Гвадалахары

Декабрь 1936 года — март 1937 года

22 ноября 1936 года на совещании в Леганесе (недалеко от столицы) Франко произвел реорганизацию командования своих войск под Мадридом. Было решено прекратить фронтальные атаки на город и попытаться окружить Мадрид, перерезав его коммуникации, прежде всего с Валенсией. Генерал Оргас принял командование Мадридским фронтом, а Мола сосредоточился на борьбе против республиканского Севера. Но Франко отверг все предложения отвести войска из Университетского городка (где они находились в полуокружении) на более выгодные позиции. Он не собирался уступать ни одной пяди завоеванной территории, и был по-своему прав, так как любой отход мог окончательно подорвать и так упавший боевой дух мятежников.

К концу ноября, максимально оголив другие участки фронта, мятежники стянули к Мадриду 60 тысяч солдат и офицеров (вдвое больше того, чем располагал Варела перед началом штурма города в ноябре). Поступили 30 тяжелых немецких орудий и партия танков Pz-I из той же Германии. Была укреплена зенитная артиллерия. Германо-итальянская авиация насчитывала более 150 самолетов.

Республиканцы тоже не теряли времени даром. У них под Мадридом было 37 тысяч бойцов (правда, резерв был недопустимо маленьким — всего 1610 человек), чуть больше 100 орудий, 185 станковых и 39 ручных пулеметов, 13 танков, 15 броневых автомобилей и около 170 самолетов (в т. ч. примерно 120 советских). Следует отметить, что советская танковая группа С. Кривошеина была в ноябре 1936 года основной (а подчас и единственной силой) республиканских атак. Танкисты не высыпались, совершая в день по 3–4 выхода на фронт. Т-26 использовали везде, даже в зоне Университетского городка, сильно пересеченной, заросшей кустарником и деревьями. 21 и 23 ноября советские танки поддерживали там наступление интербригадовцев из XII-й бригады, в результате которого республиканцы продвинулись вперед на несколько десятков метров.

Но к концу ноября 50 танков группы Кривошеина практически достигли лимита своего использования. Т-26 были относительно новыми и не «доведенными» моделями. Их двигатели требовали текущего ремонта

после 150 часов работы и заводского ремонта после 600 часов. Из-за плохого качества бензина карбюраторы засорялись, и часто танки застывали на месте прямо в гуще боя. Гусеницы изнашивались после 500 километров боевого использования. К концу ноября танки Кривошеина имели по 800 часов боевого применения, и группу пришлось отозвать с фронта для отдыха и переформирования.

25-26 ноября на кораблях «Кабо де Палос» и «Чичерин» прибыло пополнение: 37 танков, 200 танкистов и техников (испанские экипажи пока не научились эксплуатировать боевые машины); 30 ноября пароход «Мар Карибе» выгрузил в Испании еще девятнадцать Т-26. Это соединение было под командованием комбрига Д. Г. Павлова («Пабло»). Впоследствии Павлов возглавлял 4-ую отдельную бронетанковую бригаду Белорусского военного округа; там же в Белоруссии, но уже на посту командующего Западным особым военным округом, он встретит 22 июня 1941 года и будет затем расстрелян как «стрелочник»: за страшный разгром, постигший Красную Армию в Белоруссии. Из неудач под Сесеньей и Серро-де-лос-Анхелес были извлечены выводы. Было решено не использовать танки мелкими группами, а создать целую бригаду (1-я бронетанковая бригада Народной армии) на базе в Арчене. Остатки группы Кривошеина вошли в бригаду Павлова как 1-й танковый батальон. И все равно в 1-ой бронетанковой бригаде было примерно в два раза меньше танков, чем в аналогичном соединении Красной Армии (РККА) того времени (96 танков). Бригада Павлова в самые лучшие для нее времена весной 1937 года насчитывала не более 60 танков (в конце 1936 года — 56 танков). Экипажи были смешанными, причем испанцы, как правило, были наводчиками-заряжающими. Советских танкистов не хватало, чтобы обеспечить всю бригаду. Ведь за все время гражданской войны в Испании на стороне республиканцев воевал только 351 танкист из СССР, причем в каждый конкретный момент боевых действий их число не превышало 160 человек (а обычно — не более 100).

Советский Союз продолжал в конце 1936 года оставаться единственной страной (кроме Мексики), оказывающей помощь республиканской Испании. К 6 декабря 1936 года из СССР было доставлено в общей сложности 136 самолетов, 106 танков Т-26, 30 броневикулов, 174 артиллерийских орудия, 3750 пулеметов, 340 гранатометов, 60 183 винтовки, 120 тысяч ручных гранат, 28107 авиабомб, 1010 пистолетов, 692552 артиллерийских снаряда, 150 миллионов патронов, 150 тонн пороха, 6200 тонн ГСМ и запчастей.

Стратегические планы сторон к декабрю были следующими.

Мятежники намеревались ударить на северо-восток от Мадрида, чтобы несколько округлить свои фланги и перерезать коммуникации республиканцев с их частями на горных хребтах Сомосьерра и Сьерра-Гуадаррама. Это грозило окружением Мадрида с севера и потерей источников энерго- и водоснабжения города, которые как раз были расположены в районе вышеназванных горных цепей.

Республиканцы опять, как в октябре-ноябре стремились ударить по южному флангу осаждающей Мадрид группировки в районах населенных пунктов Пинто и Вальдеморо. В случае успеха предполагалось освободить город Талаверу-де-ла-Рейна.

Республиканцы упредили противника на 1 день, перейдя в наступление 28 ноября 1936 года. Советские танки, несмотря на ожесточенный артиллерийский огонь, подошли к Талавере на расстояние одного километра. Мятежники были вынуждены перебросить из-под Мадрида несколько батальонов и при помощи авиации отбросили республиканцев на исходные позиции. Обращает на себя внимание тот факт, что республиканцы уже в третий раз за последний месяц наносили удар на одном и том же оперативном направлении, лишая себя фактора внезапности и позволяя франкистам сравнительно легко отбивать атаки с заранее подготовленных и пристрелянных позиций.

В свою очередь, 29 ноября 1936 года, генерал Оргас нанес удар на север от Каса-де-Кампо. Легион «Кондор» перепахал тридцатью бомбардировщиками позиции оборонявшейся здесь на фронте 4 километра 3-ей бригады Народной армии, и она отступила к городку Посуэло-де-Аларкон, где закрепилась. Мятежники впервые ввели в бой новые немецкие танки и 30 ноября заняли Посуэло-де-Аларкон. Пришлось срочно перебрасывать на север Мадрида советские танки, которые немедленно приняли бой и уничтожили 12 немецких и итальянских танков (75 % экипажей немецких танков погибло в боях).

На 1 декабря был намечен республиканский контрудар с севера на юг, чтобы отрезать франкистские части в Университетском городке. Основную роль должны были сыграть анархисты, желавшие смыть позор за свое бегство 15–16 ноября. Теперь анархисты клялись, что отобьют некогда оставленную ими часть Университетского городка и даже захватят высоту Гарабитас. На рассвете 1 декабря после артподготовки две роты Т-26 пошли в атаку по сильно пересеченной местности парка Каса-де-Кампо, уже неплохо пристрелянной артиллерией мятежников. Анархисты особо не торопились и к танкам подошло только человек пять, которые, немного постреляв, отошли обратно в тыл. И все-таки это наступление помогло

ослабить нажим врага на 3-ю бригаду.

С 4 по 14 декабря в районе Посуэло-де-Аларкон и Умера проходили постоянные встречные бои. Обе стороны пытались наступать и активно контратаковали. Опять основную роль сыграли советские танки, уничтожившие до батальона пехоты, 10 пулеметов и 1 орудие. Практически под прикрытием постоянных танковых рейдов 3-я бригада Народной армии смогла немного прийти в себя.

14 декабря Оргас начал новое наступление на север с целью перерезать дорогу на Сьерра-Гуадарраму (или, как ее называли, «шоссе на Ла-Корунью»). Эти бои получили название «битва в тумане», так как стояла теплая для этого времени погода, приводившая к образованию такой облачности, что видимость сокращалась до нескольких метров. Основной удар при поддержке двух рот танков два батальона мятежников наносили в направлении населенных пунктов Боадилья-дель-Монте и Вильянуэва-дела-Каньяда. К концу дня франкистам удалось занять часть первого населенного пункта, и на фронт, как обычно при угрожающем положении, были срочно переброшены интербригады и 6 советских бронемашин, подбивших один немецкий танк (как правило, у немецких танков был приказ отходить при появлении Т-26). 15–16 декабря уже силами до 7 батальонов при поддержке 6 немецких танков и авиации мятежники наконец-то захватили Боадилья-дель-Монте. Но дальнейшее продвижение было остановлено бойцами интербригад, которые понесли огромные потери (в одном из взводов батальона им. Тельмана, прикрывавшем отход, в живых осталось только три человека), а несколько десятков бойцов батальона «Парижская Коммуна» попали в окружение и были взяты в плен.

20 декабря четыре батальона республиканцев (из них два интернациональных) при поддержке советских танков попытались вернуть Боадилья-дель-Монте. Но, заблудившись в тумане, республиканские части вышли на исходные позиции не в 7 часов утра, как планировалось, а только к двум часам дня. Вперед опять пошли танки, уничтожившие до двух батальонов пехоты врага и 8 танков (потеряв один). Но, в целом, наступление успеха не имело, хотя вынудило Оргаса прекратить дальнейшие операции и отвести основную часть своих изрядно потрепанных войск (в общей сложности у мятежников наступало 17 тысяч человек) на отдых.

Пока обе стороны под Мадридом собирались с силами, вспыхнула новая активность в Комитете по невмешательству. 17 ноября Франко провозгласил блокаду республиканской Испании, пригрозив топить корабли под любым флагом, перевозящие в страну военные грузы и 14

декабря 1936 года крейсер мятежников «Канариас» потопил советский пароход «Комсомол». В воздухе явно запахло большой европейской войной, которая была в тот период по различным соображениям не выгодна ни Германии, ни Италии. Англичан стала раздражать активность Муссолини: в Лондоне опасались, что в случае победы Франко Италия не выведет из Испании свои войска, которые как раз в декабре 1936 года в массовом порядке высаживались на юге страны. И в то же время министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден в своем выступлении в палате общин 17 ноября говорил, что «некую страну» (намек на СССР) можно обвинить в отходе от политики «невмешательства» в гораздо большей степени, чем Германию и Италию. Зато Лондон не беспокоило официальное признание Берлином и Римом Франко, что было расценено, как не противоречащий «невмешательству» шаг. 3 декабря 1936 года в Англии был принят закон, запрещающий перевозку оружия в Испанию на британских судах. Французское правительство предупредило своих судовладельцев, что на помощь флота Франции они могут не рассчитывать. Таким образом, Франко достиг своей цели, еще туже затянув кольцо блокады вокруг республики.

2 декабря 1936 года Лондонский комитет предложил обеим сторонам конфликта план контроля их границ международными наблюдателями. Правда, если учесть, что Португалия воздержалась от участия в контрольном механизме, то фактически контроль мог быть применен только к испано-французской границе, т. е. был односторонним. К тому же немцы и итальянцы, формально не возражая, требовали еще и контроля с воздуха, чем просто саботировали даже этот куцый контрольный механизм.

4 декабря Великобритания и Франция официально предложили Италии, Германии, Португалии и СССР план международного посредничества в целях прекращения гражданской войны в Испании. Планировалось, что все шесть стран образуют комиссию, которая провозгласит перемирие между воюющими сторонами и после референдума создаст правительство национального единства из лиц, не принадлежащих ни к одному лагерю. Советское правительство ответило принципиальным согласием. В это же день председатель Лондонского комитета лорд Плимут предложил рассмотреть вопрос о выводе из Испании всех иностранных добровольцев, что опять было поддержано СССР.

Но Муссолини, довольный подписанным 28 ноября итало-испанским соглашением, подумывал в то время о резком увеличении помощи Франко. 6 декабря 1936 года в Риме дуче, Чиано и Роатта предложили прибывшему

на итало-германское совещание Канарису направить в Испанию по одной дивизии регулярной армии обеих стран и создать совместный итало-германский штаб, который готовил бы операции не только сил интервентов, но и франкистов. Но Канарис, сославшись на описанную в предыдущей главе осторожную позицию Гитлера, еще раз заявил, что Германия, опасаясь международных осложнений, не пошлет в Испанию крупные воинские контингенты. Не помогла и просьба Франко, переданная 9 декабря через Фаупеля, «как можно скорее» прислать одну немецкую и одну итальянскую дивизию.

Итальянцы решили действовать самостоятельно. 7 декабря 1936 года Муссолини создал специальное Бюро по Испании для координации помощи Франко со стороны всех государственных структур. 9 декабря Франко получил из Рима согласие на направление в Испанию регулярных войск, достаточных для создания двух смешанных испано-итальянских бригад. Дуче был взбешен холодностью немцев и 10 января 1937 года просил немецкого посла в Риме прислать на следующие двустороннее совещание по Испании «адмирала Канариса или кого-нибудь еще», при условии, что представитель Германии не будет вести себя, как простой наблюдатель.

Но Гитлер по-прежнему был осторожен. 21 декабря 1936 года он созвал в рейхсканцелярии совещание с участием высшего военного руководства страны, на котором обсуждалось предложение прибывшего из Испании Фаупеля послать на помощь Франко три немецкие дивизии. Все участники совещания (даже более смелый, чем другие, Геринг) высказались против этого, так как Германия со своей еще слабой армией могла быть раньше времени втянута в большую европейскую войну. Все же было решено направить Франко значительное количество боеприпасов, самолетов и другого вооружения.

Таким образом, Германия и Италия разделили свои роли в испанской войне следующим образом: техника Гитлера не должна была допустить разгрома Франко, а пехота Муссолини должна была обеспечить победу мятежников.

14 декабря 1936 года Италия предложила в дополнение к двум смешанным бригадам направить в Испанию еще две группы бойцов фашистской милиции («чернорубашечников») по 3000 человек, при условии, что у них будет свое, итальянское командование. Франко был раздражен, но выбора у него не было. В конце декабря — начале января итальянцы уже высадились в Испании, а 12 января «генералиссимус» запросил еще 12 тысяч «чернорубашечников». Всего к февралю 1937 года в

рядах мятежников было 50 тысяч итальянцев, получавших жалование и от Франко, и от Муссолини (немцы платили военнослужащим легиона «Кондор» сами). Итальянцы были сведены в Корпус добровольческих войск и носили форму Иностранного легиона.

На этом фоне безудержного разрастания итало-германской интервенции республиканская Испания 10 декабря 1936 года вынесла вопрос об иностранном вмешательстве во внутригосударственный конфликт на обсуждение Лиги наций в Женеве. Франция и Британия пытались привлечь внимание к своему плану посредничества. В результате Совет Лиги наций осудил иностранную интервенцию (правда, не называя поименно участвующие в ней страны) и поддержал план по посредничеству.

Идее посредничества формально не противились и Германия с Италией, но они выразили сомнение, что с этим согласятся сами стороны конфликта. Так и произошло. Для республики план посредничества означал, по сути, согласие с признанием режима Франко воюющей стороной, а это было неприемлемо, особенно с учетом поражения мятежников под Мадридом.

В тоже время республика 16 декабря 1936 года в принципе одобрила план международного контроля своих границ, оговорившись, что окончательно выскажется после анализа всех его деталей. Мятежники ответили рядом вопросов. В это время ВМС республики захватили немецкое судно «Палос» с грузом для франкистов и в воздухе опять запахло европейской войной. В Берлине уже готовились бомбардировать с моря испанские республиканские порты (особенно те, где чаще всего разгружались советские суда). 27 декабря «Палос» был возвращен, однако его груз (телефонные аппараты) и один испанец из экипажа были задержаны.

Кризис следовал за кризисом. 7 января 1937 года французское правительство получило сведения, что в Испанском Марокко высадилось 300 немцев. Это было нарушением франко-испанского соглашения 1912 года, запрещавшего военную деятельность обеих стран, направленную друг против друга на территории протектората. Министр иностранных дел Франции вручил германскому послу ноту протеста. Под видом маневров на границе с Испанским Марокко стали концентрироваться французские войска. Гитлер не на шутку встревожился и публично заверил французского посла в Берлине Франсуа-Понсэ в отсутствии у Германии каких-либо территориальных притязаний на испанскую территорию.

Пока французы пикировались с немцами, англичане сговорились с

итальянцами. 2 января 1937 года между Лондоном и Римом было заключено «джентльменское» (т. е. неформальное) соглашение, по которому Великобритания признавала аннексию Италией Эфиопии, а Муссолини обязался не менять территориальный статус-кво в западном Средиземноморье (другими словами, не угрожать расположенной на территории Испании английской колонии и крупнейшей военно-морской базе Гибралтар). Теперь Лондон еще более настойчиво удерживал Париж от каких-либо шагов против Италии и Германии.

На фоне этих дипломатических баталий, в целом ухудшивших международное положение республики, в Испании начались в конце декабря 1936 года новые крупномасштабные бои.

Разведка республиканцев выявила крайне слабую оборону мятежников западнее Боадилья-дель-Монте в районе населенных пунктов Брунете и Вильянуэва-де-ла-Каньяда. Оргас отвел основные силы на юг отдыхать, и сплошного фронта у мятежников там не было. Поэтому испанской бригаде полковника Барсело и двум интернациональным батальонам была поставлена задача внезапно, без артподготовки захватить Брунете и Вильянуэву-де-ла-Каньяду в ночь на 29 декабря. У республиканцев было подавляющее превосходство в силах, но опять подвел туман. Части XI-ой интербригады всю ночь проплутали в тумане, хотя от их позиций до Брунете было 2–2,5 километра. Только к обеду они подошли к Брунете. В это время испанская бригада уже несколько часов вела бой в Вильянуэва-де-ла-Каньяда, захватив часть этого населенного пункта. Но позднее мятежники подтянули резервы и вынудили республиканцев отойти. Это был еще один крупный наступательный бой республиканской армии, показавший, что ни командиры, ни бойцы к нему полностью не готовы. Даже разведчики, накануне детально исследовавшие местность, не смогли в ходе боя вспомнить правильное направление движения.

Успешнее развивалось другое наступление республиканцев, с которого начался первый для Испании полностью военный 1937 год. На этот раз операцию решили провести далеко от Мадрида — в 100 километрах к северо-востоку. Задача-минимум была обычной — отвлечь от Мадрида крупные силы мятежников, которые, по данным разведки, готовились к новому генеральному наступлению. В случае же, если мятежники не стали бы перебрасывать подкрепления, республиканцы намеревались продолжить наступление, захватить крупный транспортный узел Сигуэнцу и отодвинуть северо-восточный участок фронта, нависавшего над Мадридом, за горную цепь Атлас-де-Романильос. Для наступления было собрано 12 батальонов пехоты, 2 эскадрона кавалерии, 8 батарей артиллерии и рота

танков. В ударной группе шли части XII-ой интербригады (4 батальона), а в сковывающей группе почему-то находилось целых 5 батальонов, усиленных позднее еще двумя батальонами резерва.

У франкистов на фронте находилось 4 батальона, в ближайшем резерве — 2 и дальше в тылу еще 2 батальона (всего около 3000 человек). Это были второсортные войска, среди которых было много фалангистов, не имевших большого боевого опыта. Мятежники располагали 5–6 батареями. Зенитной артиллерии и авиации на этом участке фронта у франкистов не было.

Главкомом республиканских сил под Сигуэнцой был назначен генерал Лукач и 1 января в 11 утра его родная XII-я интербригада начала атаку, заставшую врасплох еще не отошедших от празднования Нового года мятежников. Итальянский батальон им. Гарибальди с ходу занял населенный пункт Мирабуэно, французы — Альгору, а поляки — важный транспортный перекресток на шоссе Мадрид — Сарагоса. Причем гарибальдийцы заняли Мирабуэно за 15 минут, обойдя его частью сил с флангов. Было убито около 20 мятежников, а 60 попали в плен. Захватив телефониста, интербригадовцы через него вызвали подкрепления мятежников «героически дерущимся в Мирабуэно» частям. Но, к сожалению, выдвинувшиеся по этому ложному сигналу франкисты повернули назад, узнав от отступавших им навстречу солдат истинное положение дел.

Успешно начавшееся наступление было омрачено досадной оплошностью. Гарибальдийцы, упоенные успехом, забыли выложить близ Мирабуэно знак для авиации о занятии этого городка и республиканские истребители на бреющем полете стали обстреливать свои же части, убив около десяти человек (при штурме Мирабуэно гарибальдийцы имели только двух легкораненых).

Республиканцы захватили в ходе наступления богатые трофеи, в том числе два автобуса, три легковых автомобиля и восемьдесят винтовок. Войска Лукача особенно радовались захваченному у мятежников продовольствию (более 500 свиных туш, баранина, мука), часть которого была отправлена в Мадрид в качестве новогоднего подарка населению. Было взято и несколько сот пленных, что было тогда редкостью.

Пока интербригада рвалась вперед, части сковывающей группы только лишь подошли к передовым позициям врага и залегли перед проволочными заграждениями. Мятежники, оправившись от шока, перешли в контрнаступление на Альгору, но были отбиты при помощи танков, потеряв до 160 человек. 3 января интербригада вновь перешла в атаку и заняла

Альмадронес, отбросив мятежников на 5–6 километров. Основным успехом операции под Сигуэнцой было разблокирование шоссе Мадрид-Альгора.

4 января республиканцы могли вполне двинуться на Сигуэнцу, так как противник был сильно измотан. Но в этот день франкисты начали свое новое генеральное наступление под Мадридом и части XII-ой интербригады были выведены из боя и направлены в столицу.

Операция под Сигуэнцой показала, насколько слабыми были силы мятежников на большинстве участков фронта, за исключением Мадрида. Но республиканцы пока не научились маневрировать резервами. В то время, как 4 батальона ударной группы, неся потери, взламывали фронт врага, 5 батальонов поддержки бездействовали рядом, вместо того, чтобы ринуться в образовавшуюся брешь.

Но прежде, чем мы перейдем к описанию январской битвы за Мадрид, едва не закончившейся для республиканцев катастрофой, следует сказать о попытке Народной армии захватить Теруэль. Это был самый восточный пункт территории, контролируемой мятежниками, центр провинции Нижний Арагон, отстоявший от Валенсии всего на 140 километров (по прямой линии до Средиземного моря было 100 километров). С основной территорией мятежников Теруэль, расположенный высоко в горах, связывали шоссейная и железная дороги, которые вели на Сарагосу. Срезав этот выступ, республиканцы могли бы полностью переломить обстановку на Арагонском фронте, где 80 тысячам бойцов республики противостояли не более 40 тысяч франкистов. Для Франко, напротив, Теруэль был крайне важен как стратегический плацдарм для наступления к морю, в результате чего можно было разрезать территорию республики на две части и тем самым предопределить исход войны в целом.

Но проблема республики состояла в том, что под Теруэлем, как и на всем Арагонском фронте, были в основном плохо дисциплинированные части анархистов, не желавшие наступать под разными предлогами. В районе Теруэля они даже установили локальное перемирие с мятежниками и ходили в город пить кофе и играть в футбол. С другой стороны, именно из-под Теруэля вышла пресловутая «Железная колонна» анархистов, пытавшаяся захватить Валенсию и золотой запас республики и разоруженная, в конце концов, коммунистическими частями после настоящих боев в городе.

Не рассчитывая всерьез на анархистов, правительство республики перебросило под Теруэль XIII-ю интербригаду с несколькими танками. Главный советник артиллерии республиканской Испании Н. Н. Воронов («Вольтер»; будущий главный маршал артиллерии СССР) сумел после

долгих убеждений сконцентрировать на направлении главного удара 10 батареями артиллерии, которые 27 декабря 1936 года около 6 часов утра за полчаса обрушили на позиции мятежников 2400 снарядов. Враг был ошеломлен и понес большие потери. Однако анархисты медленно раскачивались и перешли в наступление только через 1 час 15 минут после артподготовки, сведя на нет достигнутый элемент внезапности. Атакующие передвигались скученно и неторопливо, не ведя никакого огня. Как только с позиций мятежников раздалось несколько выстрелов, анархисты отошли, чтобы похоронить двух своих убитых бойцов.

В 8 утра перешли в наступление интернациональные батальоны. Несмотря на сильный артиллерийский огонь оборонявшихся, республиканцы ворвались в первую линию окопов и продвинулись к городским гидросооружениям Теруэля. К вечеру стало ясно, что испанские части опять отстали, и у интербригады нет соседей слева и справа. И все же на следующий день «волонтеры свободы» вплотную подошли к окраинам Теруэля, но снова оказались без поддержки испанских частей. Контратака марокканцев была сорвана сосредоточенным огнем шести артиллерийских батарей. «Морос» (т. е. «мавры» по-испански) потеряли от неожиданного для них огневого налета 150 человек убитыми.

После однодневного отдыха 31 декабря 1936 года начался новый штурм Теруэля, но и он не дал результата, также как и атака в первый день нового года. 2 января началось последнее, шестое по счету наступление на город. В боевые порядки XIII-й интербригады вошли практически все тыловые службы. С помощью ручных гранат было занято несколько траншей противника, но после двухчасового боя атаки были прекращены ввиду больших потерь и усталости войск.

Под Теруэль прибыла рота советских танков, но и они не смогли увлечь в атаку анархистов. Не помогло даже то, что командир танковой роты вылез из своей машины и с винтовкой в руках пытался личным примером поднять в наступление пехоту.

Среди главных факторов неудачи республиканцев вновь можно назвать плохое взаимодействие между интернациональными и испанскими частями, что под Теруэлем усугубилось еще и откровенным нежеланием анархистов идти под пули. Не помогли и уговоры специально прибывших советских военных советников. Члены колонн анархистской милиции, напротив, агитировали бойцов интербригад переходить в их ряды, обещая мало боев и много продуктов. Теруэль остался в руках мятежников: никто не подозревал, какая страшная участь постигнет его через год.

Под Теруэлем получил боевое крещение республиканский спецназ,

созданный Мамсуровым и Стариновым. Несмотря на мандат Миахи, в котором всем властям предписывалось оказывать содействие партизанам-диверсантам, отношение к разведывательно-диверсионным частям со стороны офицеров регулярной армии было настороженным (ведь этот вид боевых действий не предусматривался уставом старой испанской армии). На базе подрывников в Валенсии не было даже своего автотранспорта, и на стрельбище за город будущие разведчики ездили на трамвае. На свое жалование Старинов приобрел несколько дешевых часов, чтобы сделать из них часовые механизмы взрывателей. Тол выплавлялся из предоставленных советским военно-морским советником в Картахене Н. Г. Кузнецовым (будущий нарком ВМФ СССР) глубинных бомб. Положение изменилось только после встречи советских советников с руководителями КПИ, которые сразу оказали все необходимое организационное содействие.

В преддверии республиканского наступления на Теруэль группа Старинова провела диверсии на шоссейной и железнодорожной магистралях, связывавших Теруэль с Сарагосой. Были подорваны и столбы линий телефонной связи. Однако франкисты быстро починили дороги, и к тому же у них были рации. Командующий Теруэльским фронтом пытался всю вину за провал наступления свалить именно на диверсантов, которые не смогли воспрепятствовать подвозу резервов врага к линии фронта. Всем было понятно, что анархисты пытаются найти «козлов отпущения» за собственную трусость. Но Старинов извлек из своей первой акции в Испании следующий вывод: надо уничтожать не просто мосты на дорогах, а пускать под откос эшелоны с живой силой и техникой, чтобы наносить мятежникам невосполнимые потери.

Как бы ни был важен Теруэль, но все же основное внимание противоборствующих сторон к концу 1936 года по-прежнему было приковано к Мадридскому фронту.

Бои в ноябре-декабре на северо-западе столицы показали мятежникам всю слабость республиканской обороны в этом секторе фронта. Поэтому было решено нанести в данном районе мощный удар и, наконец, отрезать Мадрид от прикрывающих его с севера горных цепей. В случае начального успеха планировался обход столицы с севера и ее окружение. В течение всего декабря мятежники подвозили к 9-километровому фронту на участке Вальдеморилю-Боадилья-дель-Монте резервы, танки и артиллерию. Командующий операцией генерал Оргас сосредоточил в общей сложности 15 тысяч солдат и офицеров, 120 орудий и 50 танков. У республиканцев было здесь 8 батальонов пехоты (около 3000 человек) и находившаяся в резерве XI-я интербригада (1500 бойцов).

Франкисты выбрали участок фронта с равнинной местностью, облегчавшей быстрое маневрирование людьми и техникой, в чем мятежники еще значительно превосходили республиканцев.

Продолжали стоять сильные туманы, когда утром 3 января 1937 года мятежники перешли в наступление тремя ударными группами, каждая из которых была усилена танковой ротой (15–20 танков). Основной удар наносился в направлении населенного пункта Махадаонда, где оборона республиканцев была прорвана. В бой пришлось сразу же ввести XI-ю интербригаду, но и она не смогла отбросить противника, причем франко-бельгийский батальон «Парижская коммуна» охватила паника.

4 января франкисты ввели в бой вторые эшелоны и взяли Махадаонду и Вильянуэву-дель-Пардильо, выйдя на шоссе, связывающее Мадрид со Сьеррой-Гуадаррамой. Фронт республиканцев разделился, и Оргас получил блестящую возможность перенести удар с северного на северо-восточное направление для выхода в район парка Эль-Пардо, а через него и в центр Мадрида. Но тяжелые бои 3 и 4 января измотали мятежников, и они вынуждены были 5 января дать своей группировке день отдыха.

4 января офицер-танкист мятежников заблудился в лесу и республиканец, которого танкист принял за своего, «любезно» подвез его на машине прямо в расположение своих войск. У «языка» были получены довольно подробные сведения о составе войск Оргаса. Уже 5 января в наиболее угрожаемый район Эль-Пардо начали в спешном порядке перебрасываться резервы — XII-я и XIV-я интербригады, 21-я испанская бригада и только что сформированная бронетанковая бригада Павлова в составе 47 танков Т-26.

Уже вечером 4 января республиканцы провели контратаки при поддержке двух рот танков. Целый день шли бои в городе Посуэло, превращенном в руины. 5 января подоспевшая 31-я республиканская бригада (еще не закончившая формирование) атаковала Лас Росас, подойдя к его окраинам, но с большими потерями была отбита.

6 января мятежники возобновили наступление сразу в двух направлениях: на север к городу Торрелодонес и на восток — на город Аравака. Республиканцы предпринимали неоднократные контратаки, но не смогли остановить продвижение Оргаса, части которого к концу дня подошли к Торрелодонес, а на восточном направлении заняли населенные пункты Ремису и Посуэло (бои в последнем городке шли еще 7 января).

Республиканские части буквально истекали кровью. В немецком батальоне имени Тельмана к 8 января оставалось всего 32 человека из 600. А командование между тем недопустимо медленно подтягивало резервы. 6

января прибыла только 21-я бригада. Пришлось вызвать с южного фаса Мадридского фронта и бригаду Листера.

7 января Оргаса, наконец, бросил все свои силы на восток и пытался овладеть ключевым городом на пути в Мадрид — Аравакой, но не смог его взять, хотя там оставалось всего несколько танков, самостоятельно, без поддержки пехоты, оборонявших городок. 8 января к Араваке в районе полудня подошла 37-я бригада республиканцев и франкисты прекратили лобовые атаки, попытавшись обойти город с севера. К концу дня республиканцы после трехдневных ожесточенных боев оставили Араваку.

9 января обескровленные части Оргаса пошли в последнюю атаку, перенеся центр тяжести на мост Сан-Фернандо, ведущий в Мадрид. Но батальон «Парижская Коммуна» при поддержке трех танков успешно контратаковал, и франкисты не смогли продвинуться ни на шаг.

Несмотря на то, что группировка Оргаса захватила участок шоссе на Ла-Корунью протяженностью около 10 километров, она все же не смогла полностью отрезать Мадрид от горных цепей к северу от города. В целом франкисты продвинулись на 20 километров, понеся тяжелейшие потери. Тактика Оргаса была ошибочной. Вместо того, чтобы обходить укрепленные населенные пункты, мятежники ввязывались в затяжные кровопролитные бои с оборонявшими их частями. В этот раз не сработала и поддержка авиации. Истребители ВВС республики, будучи в меньшинстве, по 2–3 раза в день вылетали на перехват бомбардировщиков мятежников, сбив 12 вражеских самолетов.

Недостатки республиканцев были прежними: несогласованность действий различных подразделений и очень медленное сосредоточение резервов. На этот раз добавилась и еще неразбериха между командованием сектора обороны Мадрида (генерал Миаха) и командующим Центральным фронтом (генерал Посас). В результате имела место просто преступная халатность. Истекавшим кровью в боях на открытой местности интербригадам не сообщили, что в лесу, буквально в 200 метрах от них были прекрасные укрепления, построенные еще в октябре 1936 года.

С самого начала наступления Оргаса командование Центрального фронта стало готовить контрудар. Самым подходящим моментом для него были 7 и 8 января, когда мятежники были обескровлены и не успели закрепиться на новых рубежах. Но к этому времени республиканцы не успели подтянуть резервы.

9 января на фронт прибыл советский военный советник при штабе Центрального фронта Р. Я. Малиновский («полковник Малино», будущий министр обороны СССР) и с его участием был подготовлен план

контрнаступления с линии Вальдеморильо, Галапагар на юго-восток во фланг и тыл группировки Оргаса. Но, как всегда, не хватало мощного кулака для прорыва обороны. Целиком к операции привлекались только XII-я и XIV-я интербригады при поддержке 22 орудий, бронетанковой бригады Павлова и трех батальонов, выделенных 31-й и 32-й испанскими бригадами (около 9000 человек). Вспомогательный удар из парка Эль-Пардо должны были нанести три бригады республиканцев. Наконец, с севера связывала мятежников 31-я бригада, имевшая в своем составе не более батальона.

10 января мятежники стали отводить свои потрепанные части на отдых и в этот же день на поле битвы опять спустились густые туманы, затруднившие использование авиации и взаимодействие пехоты с танками. Тем не менее, 11 января в 11 часов утра танки Павлова пошли вперед и легко прорвали оборону мятежников, разгромив около батальона. К часу дня в район Махадаонды и Лас Росаса выдвинулись интербригады, завязавшие тяжелые бои, но так и не преодолевшие проволочные заграждения первой линии обороны. В то же время оборонявший Махадаонду батальон франкистов был настолько обескровлен и деморализован, что был готов сдаться при первой атаке. Но республиканцы не решились на нее, а ночью на помощь гарнизонам Лас Росаса и Махадаонды подошли марокканцы.

На остальных участках продвижения республиканцев практически не было. Мятежники, хотя и понесли значительные потери (450 человек, 6 орудий и 30 пулеметов), но все же удержали свои позиции.

12 января было решено продолжать наступление на том же главном направлении, хотя момент внезапности был уже утрачен. При помощи танков удалось взять важный опорный пункт мятежников — четырехэтажное каменное здание телеграфа на холме между Лас Росасом и Махадаондой — и разгромить занимавшую его роту франкистов. Танки прорвались между обоими городками и уничтожили подходивший к фронту резервный батальон мятежников. Но интербригады не смогли поддержать наступление, так как сами были атакованы срочно переброшенными в район Махадаонды резервами врага. Франкисты оголили фронт, и сковывающая группа могла этим воспользоваться, но как всегда подвело абсолютно не отлаженное взаимодействие между республиканскими частями. Поэтому день 12 января также не дал войскам республики территориальных приращений, хотя части Оргаса понесли ужасные потери (главным образом от советских танков) — до 1000 человек.

13 января командование республиканцев наконец оставляет попытки

взять Махадаонду и Лас Росас с фронта и решает атаковать эти населенные пункты с фланга. На машинах была переброшена 3-я бригада, которая после тяжелого ночного марша по раскисшим дорогам смогла перейти в наступление только около 14 часов дня после полуторачасовой артподготовки. При поддержке танков двум ротам удалось ворваться в Лас Росас, где пошли бои за каждый дом. Но после отхода танков в тыл для дозаправки и пополнения боекомплекта, три батальона мятежников выбрали республиканцев из Лас Росаса. За три дня контрнаступления бригада Павлова потеряла 5 танков, прежде всего, в результате огня только что поступивших на вооружение Франко 37-мм немецких противотанковых пушек (всего за время войны немцы поставили мятежникам 297 таких пушек, поражавших Т-26 с расстояния в 800 метров).

К концу дня 13 января республиканское командование приняло решение перейти к обороне. Но 14 января франкисты контратаковали сомкнутыми колоннами, причем в авангарде шли противотанковые пушки, готовые немедленно отразить контрудар Т-26. Весь день шел упорный бой, но мятежники не смогли продвинуться ни на шаг.

15 января второе генеральное сражение за Мадрид завершилось, и обе стороны стали окапываться. Франкисты, хотя и перерезали шоссе на Ла-Корунью, но не смогли охватить столицу с севера. И мятежники, и республиканцы понесли за 10 дней боев огромные потери — примерно по 15 тысяч убитыми и ранеными. Это было самое ожесточенное на тот период сражение гражданской войны. Республиканцы показали очень хорошие результаты в обороне, а некоторые их батальоны уже могли осуществлять успешные и продуманные контратаки. Мятежникам явно не хватило сил для развития начального успеха, так как Оргас не рассчитывал на столь упорные и кровопролитные бои. Хорошо показали себя советские танки, бравшие на себя во многих случаях функцию ударных пехотных частей и артиллерии, которой у республиканцев не хватало. Из-за туманов практически бездействовала авиация обеих сторон.

Вторая битва за Мадрид едва не вызвала кризис в высшем военном командовании столицы. Когда Миаха срочно запросил резервы, то Ларго Кабальеро грубо ответил генералу, что его просьба — просто скрытое признание своего поражения. Миаху едва удалось уговорить не подавать в отставку. Премьер, спешно покинувший Мадрид в самый критический момент, испытывал после успешного завершения битвы за город патологическую ревность к Миахе (который стал почетным членом всех организаций Народного фронта, включая соцмол) и к коммунистам, совместными усилиями отстоявшим испанскую столицу. Ларго Кабальеро

даже настоял на переименовании Хунты обороны Мадрида в Делегированную хунту обороны, чтобы подчеркнуть, что она действует по поручению правительства (хотя в ноябре 1936 года никаких ценных указаний из Валенсии Миаха и Рохо не получали).

В ночь с 18 на 19 января бригада Листера неожиданным ударом захватила многострадальную высоту Серро-де-лос-Анхелес, которую не смогла взять XII-я интербригада в ноябре 1936 года. Командующий гарнизоном подполковник был взят в плен в одном нижнем белье. Однако на следующий день франкисты с помощью переброшенных резервов смогли отбить высоту обратно. Листер не получил обещанного ранее подкрепления и артиллерийской поддержки. Таким образом, грамотно проведенный республиканцами бой опять в конечном итоге остался безрезультатным.

В свою очередь, франкисты попытались 26 января прорваться в районе Эль-Пардо, но обе стороны уже готовились к решающей схватке совсем в другом районе, и это был скорее отвлекающий удар.

Франко не оставлял мысли об окружении Мадрида, планируя использовать для этого прибывающие итальянские части (к 10 января 1937 года они насчитывали уже 24 тысячи человек). Но командовавший ими генерал Роатта (псевдоним «Манчини») настоял на проведении итальянцами операции по овладению Малагой на южном, андалусийском участке фронта. Итальянцы не рассчитывали там на серьезное сопротивление, так как знали, что регулярные республиканские части пока были созданы только на Мадридском фронте. Франко был вынужден согласиться, и поручил осуществлять общее командование по овладению Малагой командующему так называемой армией Юга мятежников генералу Кейпо де Льяно.

Малага (портовый город со стотысячным населением) был центром узкой (не более 30 км) полосы республиканского фронта, начинавшегося в 30 километрах от Гибралтара и тянувшегося вдоль Средиземного моря на 200 километров. С севера над республиканской территорией нависали горы (высотой до 1900 метров), что облегчало оборону. Однако к началу 1937 года Малага в отличие от Мадрида все еще не преодолела «романтический» период войны. Хотя, в целом, в рядах милиции насчитывалось более 15 тысяч человек, они были плохо вооружены и разбиты на отряды по партийной принадлежности. Особенно сильны были анархисты, которые ввергли город в состояние хаоса. Были разграблены богатые кварталы. На стоящем в порту корабле устроили плавучую тюрьму, в которой содержалось 600 заложников. После каждой серьезной бомбардировки

Малаги с моря или с воздуха (а они практически не прекращались) в отместку расстреливали несколько человек.

Республиканское военное командование уделяло мало внимания этому отдаленному от эпицентра войны району фронта. Правда, в Малагу был направлен полковник Вильяльба (помогавший Дуррути под Сарагосой в 1936 году) с задачей превратить отряды милиции в регулярные части. Но, в отличие от Миахи и Рохо, у него не было в городе серьезного авторитета. Вильяльба неоднократно слал заместителю Ларго Кабальеро по военному министерству генералу Асенсио просьбы о направлении в Малагу оружия и боеприпасов, в т. ч. советского производства, но все эти просьбы игнорировались. Оставался не отремонтированным пострадавший от паводка мост на единственной дороге, связывающий Малагу с основной республиканской территорией.

Большую работу по укреплению республиканских частей под Малагой проводил советский военный советник полковник В. И. Киселев. С ним активно сотрудничал очень популярный в Малаге врач, депутат кортесов от компартии Каэтано Боливар.

Для овладения Малагой Кейпо де Льяно сосредоточил 10 тысяч марокканцев, 5000 карлистов и 5000 итальянцев. Все силы были сведены в девять колонн (6 испанских и 3 итальянских). В декабре 1937 года на юг Испании прибыло много итальянских танков. В воздухе авиация мятежников господствовала практически безраздельно. С моря силы наступающих поддерживали современные крейсера «Канариас» и «Балеарес», которые, в свою очередь, страховали германский «карманный» линкор «Граф Шпее» и итальянские корабли. Разложенный анархистами республиканский флот действовал вяло. Попытки выйти в море и помешать блокаде Малаги срывались маневрированием итальянских и немецких кораблей, в то время, как крейсера мятежников подвергали город мощным обстрелам.

10 января 1937 года франкисты начали подготовительный этап операции по овладению Малагой. Испанские части во главе с полковником герцогом Севильским (отпрыском династии Бурбонов) начали продвижение вдоль берега практически без сопротивления, срезав западный край малагского выступа и захватив город Марбелья. Крейсера мятежников (на «Канариас» находился Кейпо де Льяно) произвели демонстрацию высадки десанта, но на побережье вовремя появились моторизованные части милиции. К 17 января фронт несколько стабилизировался. Одновременно с первой группой части мятежного гарнизона Гранады прошли с севера через горную цепь и создали небольшой плацдарм к югу от гор. Цель — отрезать

защитникам Малаги отход вдоль побережья на восток. Чтобы ввести республиканцев в заблуждение, Кейпо де Льяно объявил 22 января операцию законченной и якобы вернулся в Севилью.

Республиканское командование, наконец, перебросило под Малагу несколько истребителей И-15. Советские летчики, не щадя своих сил, уничтожали с воздуха живую силу мятежников. Когда 1 февраля в воздушном бою с итальянскими бомбардировщиками погиб советский пилот-доброволец Антон Ковалевский его торжественно хоронила вся Малага.

5 февраля с плацдарма с севера от Малаги перешли в наступление полностью моторизованные колонны итальянцев, практиковавшие «молниеносную войну» («guerra celere» по-итальянски) на свой лад. Не заботясь о флангах, их легкие танки и пехота на мотоциклах быстро продвинулись вперед, в то время как герцог Севильский шаг за шагом и довольно осторожно приближался к Малаге с запада вдоль побережья. Милиция оказывала сопротивление, но многие бойцы, не привыкшие к танкам, все же отступали, при первом их приближении. 7 февраля итальянцы заняли предместье города Велес-Малагу, где натолкнулись на два собранные Каэтано Боливаром коммунистических батальона, оказавших упорное сопротивление.

А в самой Малаге началась паника. Видные политические деятели Народного фронта стали покидать город по прибрежной дороге, за ними двинулись десятки тысяч жителей. 8 февраля итальянцы заняли Малагу и через день «передали» ее подошедшим с запада войскам мятежников. В городе начались повальные казни: только за первую неделю после взятия Малаги практически без суда было расстреляно 4000 человек. Даже итальянцы были вынуждены заявить протест, так как подобные зверства «бросали тень на их мундиры». После Бадахоса Испания не знала таких кровавых оргий. Чуть погодя расстрелы упорядочили. Теперь они проводились по решению «суда», состоящего из трех офицеров, которые без особых допросов приговаривали всех людей, казавшихся им подозрительными, к смертной казни за «мятеж».

Овладев Малагой, мятежники высадили морской десант восточнее города, чтобы перерезать дорогу, по которой отступали беженцы. Основной массе их все же удалось спастись. Однако сухопутные части франкистов нагнали тех, кто последними покинул город, и расстреляли всех мужчин (женщин, как правило, отпускали в республиканскую зону, чтобы увеличить там трудности со снабжением населения). Мало того: в то же самое время корабли и авиация мятежников поливали свинцом из орудий и

пулеметов бегущих по узкой прибрежной дороге людей. Это был ад: плачущие матери с мертвыми детьми на руках, изуродованные старики... Еще спустя двадцать лет водители, проезжавшие по этой «дороге смерти», замечали на ней скелеты.

Республиканцы, наконец, перебросили на малагский участок фронта 6-ю испанскую бригаду и несколько батальонов XIII-й интербригады, которые контратаками остановили противника у Мотриля. В обстановке неразберихи и уныния на этом участке фронта интернациональная группа разведчиков-диверсантов смогла взорвать в тылу врага совершивший вынужденную посадку бомбардировщик СБ (самолет считался секретным).

В целом сдача Малаги была серьезной неудачей республиканских войск. Итальянцы потеряли в ходе всей операции лишь около 100 человек убитыми и 400 ранеными. Кейпо де Льяно планировал закрепить успех и продолжить наступление вдоль побережья в направлении Альмерии и Валенсии. Но Франко не хотел слишком большой славы для своего неявного соперника и запретил дальнейшее продвижение. Его мысли были целиком сосредоточены на Мадриде, где уже началась новая операция по штурму города. Раздражен был Франко и тем, что Малагу взяли итальянцы, причем Муссолини, не стесняясь мировой общественности, публично хвалил своих «добровольцев». Роатта был произведен в дивизионные генералы, а 17 февраля 1937 года все итальянские части в Испании были сведены в так называемый Корпус добровольческих войск в составе 4 дивизий. Кроме того, существовали и сформированные ранее две смешанные испано-итальянские бригады.

В какой-то мере за поражение под Малагой с итальянцами поквитался республиканский спецназ. В феврале 1937 года пополненный бойцами интербригад и выросший до 100 человек разведывательно-диверсионный отряд под командованием 38-летнего бывшего кавалериста капитана Доминго Унгерия пустил под Кордовой с 15-метрового обрыва под откос эшелон из 8 вагонов, в котором находился штаб итальянской авиадивизии. Причем разработавший операцию Старинов сначала думал, что по ошибке уничтожили пассажирский поезд (что было строжайше запрещено командующим республиканским Южным фронтом полковником Сарабия), и ждал сурового наказания. Однако через линию фронта потянулось мирное население окрестных деревень, подвергшееся массовым репрессиям франкистов, которое и рассказало правду. После этого шумного успеха (об удачной диверсии писала даже зарубежная печать), был, наконец, образован и поставлен на собственное довольствие (до этого разведчиков кормили те части, в полосе которых они действовали)

разведывательно-диверсионный батальон Народной армии, и его бойцам выплатили жалованье за прошедшие три месяца.

Батальон сразу же добился еще одного успеха. С помощью мощной мины (50 килограммов взрывчатки) удалось вывести из строя важный железнодорожный туннель. Следовавший с грузом боеприпасов поезд зацепил специально сделанную петлю и втащил аккуратно заложенную в автомобильную покрывку взрывчатку прямо в туннель, где произошел страшный взрыв. Эшелон горел несколько суток, а рельсы, вплавленные в камень, пришлось затем вырезать автогенном. Причем мятежники никак не могли понять причину взрыва, так как подступы к туннелю охранял целый батальон, не заметивший никаких диверсантов.

Но успехи разведчиков-диверсантов, конечно, не могли компенсировать падения Малаги, которое вызвало бурю возмущения в республиканском лагере. 14 февраля 1937 года в Валенсии прошла 300 тысячная демонстрация под лозунгами «Единое командование и ответственность для всех!», «Срочное создание Народной армии!». Кабальеро подозревал, что за спиной демонстрантов стоят коммунисты, которых он не любил по двум причинам. Во-первых, он завидовал боевой славе КПИ, сложившейся после битвы за Мадрид. Во-вторых, его пугал резкий рост рядов компартии (к марту 1937 года, несмотря на огромные потери на фронтах, партбилеты имело 249 тысяч коммунистов) и близкого к ней идеологически ОСМ (45 тысяч членов). В конце 1936 года под давлением рядовых членов ИСРП руководство социалистов стало вести с компартией переговоры о единстве действий с перспективой слияния обеих партий в одну. Ларго Кабальеро понимал, что в этой единой партии тон будут задавать более многочисленные, организованные и популярные в стране коммунисты. Тревожило премьера и преобладающее влияние коммунистов во вновь создаваемых бригадах Народной армии (причем, как среди командного состава, так и политических комиссаров).

Еще 18 декабря 1936 года ЦК КПИ опубликовал манифест, получивший название «Восемь условий победы», а котором говорилось, что необходимы:

- 1) обеспечение беспрекословного авторитета центрального правительства республики;
- 2) введение всеобщей воинской повинности;
- 3) железная дисциплина в тылу;
- 4) национализация военной промышленности;
- 5) создание единого органа руководства производством, чтобы максимально обеспечить потребности армии;

- 6) рабочий контроль за производством;
- 7) стимуляция сельхозпроизводства путем справедливых для крестьянства закупочных цен;
- 8) направление аграрного и промышленного производства на одну цель — выиграть войну.

Главным пунктом разногласий коммунистов и Ларго Кабальеро в начале 1937 года был вопрос о введении воинской повинности. «Милитаризация» милиции, проведенная Кабальеро в сентябре — октябре 1936 года на практике означала перевод партийных формирований на казенное довольствие (10 песет в день, плюс питание и обмундирование), вне зависимости от участия в боевых действиях. Поэтому в начале 1937 года при списочном составе милиции около 600 тысяч бойцов, на фронтах находилось не более 300 тысяч. Анархисты просто переименовали свои колонны в бригады, но продолжали игнорировать приказы командования. По-настоящему регулярные армейские части республики в тот период состояли только из войск Мадридского участка обороны и интербригад. Коммунисты предлагали Кабальеро дифференцировать денежное довольствие бойцов (10 песет на фронте и 5 — в тылу), но премьер противился этому, так как тыловыми частями часто командовали именно его сторонники. Всего каждый член милиции обходился казне в 20 песет в день, и долго такие расходы республика выдержать просто не могла.

Ларго Кабальеро считал себя большим полководцем. Он считал, что тактика — это удар с фронта, а стратегия — обход с фланга. Но, обладая такими примитивными военными познаниями, он был крайне нетерпим к любой критике, подозрительно относился к советским военным советникам. Созданный в 1936 году Высший военный совет из представителей всех организаций Народного фронта фактически бездействовал, и Кабальеро рекомендовал политическим лидерам союзных партий читать газеты, чтобы узнавать о положении на фронтах. Центристы из ИСРП во главе с Прието понимали всю узость взглядов премьера, но сознавали, что любая их критика будет встречена в штыки.

Разгром под Малагой заставил Кабальеро издать 21 февраля 1937 года декрет о призыве в армию пяти возрастов на основе всеобщей воинской повинности. Был снят с должности крайне непопулярный заместитель военного министра Асенсио (правда, на его место был назначен друг Кабальеро по левому крылу соцпартии журналист Бараибар, не имевший вообще никакого воинского образования). «Козлом отпущения» сделали полковника Вильяльбу, осужденного к лишению свободы за «преступную халатность» (потом полковника выпустили из тюрьмы и вновь включили в

состав действующей армии). Пойдя на эти уступки, Кабальеро одновременно издал манифест (так называемый «Манифест о змеях и гадах»), в котором, намекая на коммунистов, сожалел о подрывных действиях ряда партий, входящих в правительство.

Чтобы окончательно утереть нос компартии и поднять свой сильно упавший после бегства из Мадрида престиж, Кабальеро решил провести грандиозную наступательную операцию на Центральном фронте без привлечения сил «коммунистического» Мадридского участка обороны.

Разработка и организация наступления поручалась не Миахе, а командующему Центральным фронтом (наиболее боеспособные соединения которого все равно подчинялись мадридской Хунте обороны) генералу Себастьяну Посасу (1880–1946). Генерал-кавалерист, как большинство его коллег, выдвинулся в Марокко. Генеральское звание ему присвоил диктатор Примо де Ривера. В феврале 1936 года, будучи командующим гражданской гвардией, Посас отказал Франко в его просьбе о введении военного положения. Позиция генерала во многом способствовала подавлению путча в Барселоне. Декретом 29 августа 1936 года Посас стал командующим Национальной республиканской гвардией (созданной вместо гражданской). В момент начала продвижения африканской армии к Мадриду генерал был назначен командующим Центральным фронтом. Отношения с Миахой у него не сложились, что стало одной из причин плохо подготовленного контрудара республиканцев 11–15 января 1937 года к северу от Мадрида.

Первоначальный, разработанный в январе план наступления Народной армии предусматривал окружение основной группировки франкистов под Мадридом сходящимися ударами с северо-запада и юго-востока. Сначала командование хотело нанести главный удар с севера 15 бригадами Мадридского фронта, а вспомогательный (5 бригадами) из районов Сан-Мартин, Титульсия, Сиемпосуэлос (к юго-востоку от Мадрида на западном берегу реки Харама). Однако, учитывая сильные укрепления франкистов на севере, выдержавшие январское наступление республиканцев, а также из-за амбиций Кабальеро, главный удар было решено нанести с юга-востока. 15 свежих бригад, из которых большинство еще находилось в стадии формирования (стрелковое оружие было получено, а артиллерия — еще нет) должны были за два дня пересечь Толедское шоссе и соединиться в районе Мостолеса к югу от Мадрида с северной группировкой (5–6 бригад), замкнув кольцо окружения вокруг мятежников под Мадридом. Войскам Мадридского корпуса (это был первый корпус в испанской Народной армии, созданный после долгих убеждений со стороны советских

военных советников) отводилась задача сковывания окружаемой группировки мятежников.

Кабальеро и Посас, заботясь о секретности, даже не оповестили Миаху и многих командиров ударных бригад о детальном плане операции, хотя на улицах Мадрида о ней говорили практически открыто (Михаил Кольцов писал, что в Испании для шпионов был отдых, а не работа).

Южная ударная группа получала в свое распоряжение танковую бригаду Павлова и 120 орудий. На прикрытие наступления была подтянута вся республиканская авиация (до 100 самолетов). Операцию планировалось начать 27 января, но из-за медленного формирования свежих бригад и чрезмерной бюрократической волокиты командных структур ее переносили на первое, шестое и, наконец, двенадцатое февраля (Посас был вообще человеком неторопливым: вставал поздно и отводил на утренний туалет и завтрак несколько часов).

Между тем Франко готовил вокруг Мадрида свои «Канны». Как уже было показано выше, «генералиссимусом» владело чувство оскорбленного достоинства. Он так же, как и Кабальеро, хотел продемонстрировать (только не коммунистам, а итальянцам и немцам) свой полководческий дар. Ударом из того же района, где сосредотачивались республиканцы, но только на северо-восток, мятежники намеревались перерезать стратегическую магистраль Мадрид — Валенсия. В это же время (или чуть позже в зависимости от обстановки) другая ударная группировка мятежников, костяк которой составляли итальянцы, должна была с севера (район Сигуэнцы) наступать навстречу южной группе и замкнуть кольцо окружения вокруг Мадрида. Таким образом, два Франсиско — Ларго Кабальеро и Франко готовились вновь сойтись лицом к лицу, как в августе-октябре 1936 года.

Авиаразведка республиканцев и сведения перебежчиков уже в 20-х числах января позволяли сделать вывод, что мятежники затевают к югу от Мадрида новое генеральное наступление. Но все предупреждения не могли остановить Кабальеро, уверенного в своем триумфе. Между тем, и франкисты узнали о готовящемся наступлении республиканцев, и решили упредить их, даже нарушив единство действий со своей северной группировкой (к началу февраля она еще не успела сосредоточиться).

Всего под общим командованием Варелы (непосредственно прорыв осуществлял Оргас) в бой готовились вступить 40 тысяч бойцов, разделенных на три колонны (в каждой 5–6 полков и по 10–20 танков), 180 орудий, 50 танков и 150 самолетов.

На первый взгляд, удар наносился в неподходящей местности. В тылу

у республиканцев была река Харамы (через которую, правда, было несколько мостов, в том числе железнодорожных), а дороги в районе боевых действий не имели твердого покрытия и ранней весной затрудняли быструю переброску войск. Но франкисты, собрав доселе небывалую по мощи группировку, надеялись быстро захватить мосты через Харамы, форсировать ее и перерезать шоссе Мадрид-Валенсия. Как всегда, костяк всех трех ударных колонн составляли марокканцы и бойцы Иностранного легиона. Новинкой был добровольческий батальон ирландских националистов (т. н. «синие рубашки», около 600 человек), практически полностью уничтоженный в дальнейшем сражении.

У республиканцев на западном берегу Харамы не было укреплений, так как они сами готовились наступать. В первых числах февраля две бригады Народной армии (18-я и 23-я) в качестве авангарда будущей ударной группы заняли позиции на западном берегу. В них было по 4 полноценных батальона (правда, батальон мятежников был, как правило, по численности в два раза больше республиканского), но приданные им артиллерийские батареи еще не подошли.

6 февраля, после короткой артподготовки мятежники двинулись в наступление, намереваясь захватить мосты через Харамы. Несмотря на то, что республиканцы еще не успели освоиться в новом для них районе, они оказали ожесточенное сопротивление, но к ночи под угрозой окружения обе бригады были отведены на восточный берег Харамы. Опять плохо показало себя высшее республиканское командование (Посас), ничем не поддержавшее две бригады на западном берегу, хотя в тылу стояло 6 бригад, подготовленных для наступления.

К северу от фронта наступления мятежников протекала река Мансанарес, что давало республиканцам отличную возможность нанести Оргасу фланговый удар, опираясь на водную преграду. В излучине Мансанареса и Харамы находился и крайне важный стратегически городок Васиамадрид, из которого можно было держать под обстрелом шоссе Мадрид — Валенсия. Республиканское командование несколько укрепило войсками этот район, но основное внимание его было приковано к вышедшей на берега Харамы группировке Оргаса. Поднятые по тревоге, к Хараме перебрасывались XII-я интербригада (состоявшая к тому времени большей частью из немцев и австрийцев) и несколько испанских бригад.

7 февраля мятежники атаковали переправы через Харамы, но были отбиты. Тогда 8 февраля Оргас перенес удар в излучину двух рек и силами до шести батальонов захватил ее, вместе с городом Васиамадрид. Ночью четыре батальона республиканцев из разных бригад контратаковали, но

мятежники уже успели не только отрыть окопы, но и натянуть колючую проволоку, перед которой новобранцы, как правило, пасовали.

9 и 10 февраля мятежники приводили себя в порядок и готовились к форсированию Харамы. Республиканцы не уничтожали мосты через реку, видимо, все еще имея в виду свое генеральное наступление. Охрану мостов поручили нескольким ротам интербригад. В ночь на 11 февраля только что прибывший на охрану моста Пиндок франко-бельгийский батальон им. А. Марти был внезапно атакован марокканцами, перебившими штыками и кинжалами целую роту в составе 126 человек, из которой смогли спастись только шесть бойцов. Мятежники быстро перебросили на восточный берег четыре батальона, более 10 танков и стали расширять плацдарм. В пять вечера две интербригады (XI-я и XV-я) при поддержке танков провели контратаку. Танки дошли до моста, но пехота отстала, и мятежники сохранили свой плацдарм на восточном берегу Харамы глубиной в 3 километра.

Ночью франкисты навели понтонный мост и к утру 12 февраля переправили через реку 9 батальонов, 40 орудий и 15–20 танков. Новая атака интербригад при поддержке танков на этот раз закончилась серьезной неудачей: огнем немецких противотанковых пушек было подбито 7 танков. В тот же день мятежники захватили еще одну переправу через Хараму и расширили свой плацдарм на восточном берегу, составлявший 8 километров по фронту и 2–3 километра в глубину.

Неприятностью для Франко стало господство в воздухе республиканской авиации. Мятежники уже не могли по несколько раз в день бомбить позиции противника: советские истребители сразу же поднимались на перехват. В воздушных боях участвовало сразу до ста машин. 12 февраля 1937 года было сбито 7 самолетов мятежников, и ВВС республики были впервые в войне направлены для штурмовых ударов по частям мятежников. До этого такой вид использования авиации почти не применялся. Дело ограничивалось бомбежкой аэродромов и транспортных узлов и предотвращением бомбовых ударов противной стороны.

В сражении при Хараме получили боевое крещение советские зенитные 76,2 мм орудия образца 1931 года, 20 из которых поступило в Испанию в январе 1937 года (эти пушки, правда, были не совсем советскими; их производили в СССР на основе закупленного в Германии орудия фирмы «Рейнметалл»). До прибытия этих орудий на вооружении у республиканцев были только мелкокалиберные зенитные пушки «эрликон», пригодные для защиты боевых порядков от низколетящих целей. Теперь каждая из трех переброшенных на Хараму зенитных батарей (их расчеты

были интернациональными: немецкий, чехословацкий и французский) могла вести огонь по воздушным целям на высоте до 7 километров, выпуская 60 снарядов в минуту. К 17 февраля зенитчики уничтожили 13 самолетов, а всего в ходе сражения они записали на свой счет более 20 самолетов. Впервые в истории войн зенитные пушки прямой наводкой били и по танкам, и пехоте противника, не раз спасая положение республиканцев. На Хараме также блестяще зарекомендовало себя немецкое 88 мм зенитное орудие, которое считается лучшей зенитной пушкой Второй мировой войны. Прикрываемые этими орудиями участки фронта мятежников были практически недоступными для республиканских бомбардировщиков.

13 февраля мятежники перешли в наступление на Арганду, чтобы достичь шоссе Мадрид — Валенсия. Но, несмотря на тройное превосходство в силах (15 тысяч против 5 тысяч республиканцев), они не смогли добиться успеха. Когда после полудня 5-я бригада, состоявшая в основном из анархистов, подалась назад, брешь срочно закрыли ротой танков. Республиканцам надо было любой ценой выиграть время до подхода своих резервов.

13 февраля бои достигли невиданного ожесточения. Польский батальон им. Домбровского потерял в контратаках до половины личного состава. Из-за недостатка артиллерии у республиканцев двойная нагрузка ложилась на танки, которые не только по несколько раз в день контратаковали, но и подавляли огневые точки противника. От переутомления танкисты теряли сознание. В тот кровавый день мятежники углубили свой плацдарм на 1–2 километра, заплатив за это 4000 убитых и раненых. Республиканцы постепенно приспособились и к новой тактике мятежников. Те выдвигали вперед противотанковые пушки, но бойцы Народной армии уже наловчились выбивать их расчеты прицельным пулеметным огнем.

Всю ночь на 14 февраля мятежники перебрасывали на восточный берег Харамы новые силы, доведя общую численность своих войск до 40 батальонов, 100 орудий и 100 танков.

Утром 14 февраля после сильной артиллерийской подготовки и авиаударов мятежники пошли вперед, но были остановлены с ходу вступившей в бой XIV-й интербригадой. Началась настоящая мясорубка в стиле Первой мировой войны. Франкисты волнами вводили на узком участке фронта все новые силы, стремясь уничтожить в бою как можно больше живой силы противника. Но и сами они несли крупные потери, что не очень заботило Франко, бросавшего на самые опасные участки «диких»

марокканцев. Так, только в ходе контратаки 24-ой бригады при поддержке двух батальонов Т-26 14 февраля было уничтожено до 800 марокканцев. Бесперывная борьба и чудовищные потери стали отрицательно сказываться даже на моральном духе интербригад. Было проведено специальное совещание политкомиссаров всех четырех интербригад, дравшихся на Хараме (пятая была переброшена на юг под Малагу).

Единственным результатом страшного для обеих сторон 14 февраля был захват мятежниками господствующей над полем сражения высоты Пингаррон на правом фланге их плацдарма.

В 14 часов 14 февраля 6 «юнкерсов» в сопровождении 36 истребителей пытались бомбить республиканские позиции, но в районе Арганды их встретили 40 истребителей И-15 и И-16. В результате ожесточенного воздушного боя самолеты мятежников были отогнаны.

15 февраля мятежники полдня приводили себя в порядок и смогли начать наступление только после обеда. Сил у них уже явно не хватало, и республиканцы без труда отразили натиск. В целом в ходе сражения республиканцы понесли пока меньше потерь и могли рассчитывать на дополнительные резервы.

В тот же день под давлением находившихся на поле боя советских военных советников (некоторые из них увлекали пехоту в бой личным примером, устремляясь вперед с винтовкой наперевес), фактически взявших управление сражением в свои руки, была проведена, наконец, давно назревшая реорганизация республиканских войск на Хараме. Были сформированы 5 дивизий, три из которых («А», «В», «С») составили самостоятельную оперативную группу (среди первых комдивов были коммунисты Листер и Модесто, а также два интернационалиста — поляк Кароль Сверчевский и венгр Янош Галич). Был разработан и план наступления: одна дивизия наносила удар с севера в тыл Харамскому плацдарму врага, а с юга на север, взяв высоту Пингаррон, должна была наступать дивизия «С» Листера (характерный почерк советских военных советников: не лобовые, а фланговые удары). Но 16 февраля контрудар осуществить не удалось, так как мятежники еще продолжали давление, хотя и ослабевавшее с каждым часом.

Но 17 февраля инициатива в битве на Хараме перешла к республиканцам. Ударив с севера, они смели боевое охранение мятежников и те были вынуждены перебраться с плацдарма назад на западный берег Харамы два батальона пехоты и 4–5 эскадронов кавалерии. Но контратака марокканской конницы была сорвана метким огнем зенитчиков прямой наводкой. Правда и марокканцы применили в этом бою «новинку». Когда

республиканцы потеснили одно из подразделений «мавров», те подняли руки, но потом вдруг забросали подошедших бойцов Народной армии гранатами.

17 февраля республиканская авиация с самого утра штурмовала позиции мятежников. В середине этого дня завязался воздушный бой между 50 республиканскими истребителями и 15 «юнкерсами», которых прикрывали 30 «фиатов» и «хейнкелей». Летчики дрались на фронте в 10 километров и на высотах от нескольких сотен метров до 5 километров. В результате было сбито 7 самолетов франкистов и 3 — республиканцев.

Весь день, 18 февраля, мятежники контратаковали северную группу республиканцев, но успеха не добились.

В ночь на 19 февраля 1-я бригада дивизии Листера ворвалась на высоту Пингаррон и штыками уничтожила занимавший ее батальон мятежников (1-й ударной бригадой командовал бывший врач Пандо, в перерывах между боями успевавший работать над своей диссертацией). Но уже утром высоту контратаковали три батальона марокканцев и при поддержке артиллерии вернули ее. Республиканцы, поняв, что взять высоту не так сложно, вновь решили по ней ударить. 21 февраля после двухчасовой артподготовки (было стянуто 50 орудий) и ночной бомбардировки Пингаррона в 9 часов утра Листер снова перешел в атаку, одновременно обходя высоту в направлении к мосту через Хараму. Две роты заняли мост, но затем были отбиты. Пингаррон взять не удавалось.

Советские военные советники рекомендовали прекратить атаки высоты, так как она была сильно укреплена, но все же было решено попытаться еще раз. Командование республиканцев надеялось, что, взяв Пингаррон, можно ликвидировать весь плацдарм мятежников на восточном берегу Харамы.

С утра 23 февраля высоту в течение двух с половиной часов обстреливали 10 батарей республиканцев. Батальон мятежников бежал, не выдержав огня. 70-я бригада дивизии Листера, состоявшая в основном из анархистов, захватила Пингаррон и устремилась дальше, однако была остановлена заградительным огнем собственной артиллерии, полагавшей, что контратакуют мятежники. Одновременно по бригаде ударила артиллерия франкистов и республиканцы отошли, оставив высоту, которая с 12 до 15 часов дня была ничейной, но к концу дня снова была захвачена франкистами.

И снова местное командование попросило разрешения еще раз попытаться взять Пингаррон, хотя Посас выступал против этого.

27 февраля началось последнее наступление республиканцев на

высоту. К трем часам дня удалось ворваться в первую полосу траншей на высоте, но танки Т-26 отошли для дозаправки в тыл, и республиканская пехота отступила, причем в беспорядке, так как была контратакована. Танки понесли большие потери из-за новой тактики мятежников. Те скрывались в густых кронах оливковых деревьев и забрасывали проходившие через оливковые рощи танки гранатами, бутылками с зажигательной смесью. Танкистам пришлось теперь предварительно обстреливать рощи из пулеметов.

Последнее наступление республиканцев на Хараме характеризовалось еще одним новшеством, введенным командующим всеми войсками направления полковником Бурильо (он, кстати, очень недолюбливал интербригады). Каждому командиру заранее был подготовлен «дублер», готовый взять на себя командование после выбытия основного командира из строя. Но Пингаррон так и остался колоссальной братской могилой — в боях за высоту с обеих сторон погибло 16 тысяч человек.

28 февраля небывалое по масштабам и ожесточенности Харамское сражение завершилось. Обе стороны понесли невиданные потери (франкисты — 20 тысяч человек, республиканцы — 15 тысяч, из которых очень много под Пингарроном). Хотя франкистам удалось форсировать Хараму и взять под обстрел 4 километра шоссе Мадрид — Валенсия, они не достигли своих целей и битву можно считать крупным оборонительным успехом республиканцев. На их стороне бой впервые вела регулярная армия, состоящая из дивизий, способных осуществлять совместное маневрирование. Республиканская авиация завоевала господство в воздухе. Хуже пришлось танкам, понесшим большие потери от огня противотанковой артиллерии (присутствовавший на поле советский военный советник, будущий маршал Г. Кулик даже сказал, что противотанковые пушки сметают танки, как пулемет пехоту). И все же основным залогом успеха по-прежнему оставался слаженный ружейно-пулеметный огонь, в котором республиканцы уже не уступали лучшим частям мятежников. Слабой стороной республиканской армии была очень малочисленная артиллерия, чью функцию приходилось выполнять танкам. Сражение на Хараме потребовало очень большого расхода боеприпасов, и республиканцы стали применять систему выдвинутых к фронту тыловых баз, размещавшихся на подвижных автоколоннах.

Большие потери на Хараме понесли интербригады (700 убитых, 2000 раненых и несколько сот пропавших без вести). Почти половину личного состава потерял принявший свой первый бой батальон американских добровольцев имени Линкольна. Командование было вынуждено отвести

интербригады в тыл на переформирование. Их бойцам пришлось объяснять, что главное теперь не просто героически умирать, но превзойти врага своей воинской выучкой.

В целом же Народная армия выдержала свой первый по-настоящему серьезный экзамен. Второй, еще более сложный, был уже не за горами.

Неудача под Харамой заставила Франко сделать то же самое, на что пришлось пойти Ларго Кабальеро после Малаги — объявить набор в армию нескольких призывных возрастов на основе воинской повинности. В Испании начиналась настоящая тотальная война. Ударных сил с той и другой стороны уже не хватало для проведения масштабных операций. Африканская армия и марокканцы понесли на Хараме такие потери, что уже не могли выделять из своего состава крупные ударные группировки.

Франко надо было выиграть время, пока набор в армию и обучение новобранцев не даст ему достаточно ресурсов для продолжения войны. Поэтому, запрятав свою гордость подальше, Франко обратился за срочной помощью к итальянцам. После Малаги Муссолини хотел сосредоточить все свои войска в Испании под Теруэлем и ударом с этого выступа захватить временную столицу республики Валенсию. Но Франко, как бы трудно ему ни приходилось, не мог позволить иностранцам решить исход всей войны. После долгих препирательств было условлено, что итальянский экспедиционный корпус нанесет удар с северо-востока из района Сигуэнцы на Гвадалахару вдоль так называемого французского шоссе. В поддержку итальянцам выделялась дивизия мятежников «Сория» под командованием «героя Алькасара» Москардо. Но этого было явно недостаточно для успеха, и Франко пришлось дать обещание, что войска Оргаса двинутся навстречу итальянцам с Харамского плацдарма и, наконец, окружат Мадрид. Втайне Франко надеялся, что итальянцы сделают все сами, нанеся республиканцам решающее поражение и уничтожив их как можно больше. Потери самих итальянцев его мало беспокоили.

В конце февраля 1937 года весь итальянский корпус был сосредоточен в районе Сигуэнцы. В него входили четыре дивизии, одна из которых «Литторио» представляли собой слегка переформированную дивизию регулярной итальянской армии «Ассиете». Она была полностью моторизована. Три другие дивизии «Божья воля», «Черное пламя» и «Черные стрелы» были сформированы из фашистской милиции — «чернорубашечников», но все их вспомогательные и специальные части состояли из солдат и офицеров регулярной армии. Всего в итальянском корпусе насчитывалось 49,8 тысяч бойцов, 1170 ручных и 485 станковых пулеметов, почти 200 орудий разных калибров, зенитная артиллерия, 108

танков, 32 бронемашины, 3685 автомобилей и 60 самолетов. В приданных итальянцам войсках Москардо было около 10 тысяч солдат и офицеров.

Наступление планировалось начать вдоль французского шоссе 8 марта и, продвигаясь по 20–25 километров в день (в стиле итальянского «блицкрига» под Малагой), к 12 марта окружить Мадрид. К 15 марта ударом с тыла предполагалось захватить столицу и закончить войну. Недостатком плана была узость фронта наступления вдоль шоссе, так как по обеим сторонам от него почва раскисла и царила распутица. Поэтому итальянцы построили наступающие войска в три эшелона, по дивизии в каждом, которые должны были периодически сменяться. Основной расчет итальянцы строили на том, что наиболее боеспособные части республиканцев будут скованы Оргасом на Хараме (сам Франко обещал это), а противостоящие им свежее испеченные бригады Народной армии удастся разгромить за день-два.

Эти предположения, базировавшиеся на данных разведки, казались правильными. На направлении главного удара итальянцев оборонялась недавно сформированная из различных колонн милиции 12-я республиканская дивизия, некоторые батальоны которой не имели даже стрелкового оружия. Дивизия состояла из 5 бригад (10 тысяч бойцов), имевших 5900 винтовок, 85 пулеметов и 15 орудий. Этими силами удерживался фронт в 80 километров, причем дальше до самого Мадрида никаких войск не было. Непосредственно французское шоссе прикрывали три батальона (четвертый без оружия был в тылу). Вся оборона состояла из неглубоких, залитых водой окопов и колючей проволоки, которую легко можно было перешагнуть. Штабы располагались в 50 километрах от передовой.

Уже с начала марта стало ясно, что под Сигуэнцой сосредоточиваются итальянцы (бойцы Народной армии на фронте даже слышали их боевые песни). Было перехвачено несколько радиопереговоров итальянцев открытым текстом, ясно свидетельствовавших о грядущем наступлении. 7 марта республиканское командование решило перебросить под Сигуэнцу четыре батальона и роту танков (танки, проделавшие марш в 90 километров, только к утру 8 марта стали появляться на позициях).

В 7 часов 30 минут 8 марта 1937 года после получасовой артподготовки (участвовало 50 орудий) итальянская дивизия «Черное пламя» при поддержке 20 танков перешла в наступление по французскому шоссе. Застигнутые врасплох, республиканцы отступили вдоль шоссе на 4–6 километров, но подоспевшие два танка Т-26 своим огнем остановили итальянцев. Дивизия Москардо на левом фланге практически не

продвинулась вообще (итальянцы сразу стали подозревать, что франкисты не особенно желают им помогать).

Республиканское командование пока не осознало всю серьезность ситуации и перебросило на помощь 12-ой дивизии только XI-ю интербригаду (три батальона по 300 человек), которая должна была 9 марта отбросить итальянцев в исходное положение. Столь малые силы объясняются тем, что в Мадриде еще не представляли всего масштаба наступления. Данные пленных о том, что в бой вступило более 40 тысяч итальянских солдат и офицеров, сочли заведомым преувеличением.

Но 9 марта дивизия «Черное пламя» продолжила наступление и, выдвинув вперед противотанковую артиллерию, сильно досаждавшую советским танкам, смогла продвинуться еще на 15–18 километров. Таким образом, создалось угрожающее положение. XI-й интербригаде, едва пришедшей в себя после Харамы, пришлось создавать оборонительный рубеж и пока не помышлять о контратаке. Несмотря на оптимистические доклады командования 12-ой дивизии, было решено перебросить на фронт XII-ю интербригаду (3000 человек), полностью экипированную штатным вооружением. Но XII-я интербригада была в 100 километрах и к утру 10 марта еще не смогла занять боевые позиции.

Между тем, 10 марта в наступление перешли уже две дивизии итальянцев, наткнувшись на сей раз на стойкую оборону XI-й интербригады, которая не собиралась отступать. К тому же в этот день блестяще проявили себя Т-26. На рассвете 10 марта командир танковой роты решил скрытно пройти с одним танковым взводом в тыл итальянцев на 14 километров, чтобы отбуксировать в расположение своих войск два танка, подбитых накануне. Неожиданно наши танкисты заметили сосредотачивавшийся танковый батальон итальянцев и практически полностью его уничтожили (интервенты потеряли 20 танков и несколько грузовиков). Республиканский танковый взвод вернулся без потерь. Не добившись успеха днем 10 марта, итальянцы ударили по XII-й интербригаде ночью, наравшись на своих соотечественников — итальянский батальон им. Гарибальди. Сначала интернационалисты несколько попятились назад, но затем, быстро оправившись, не только вернули утраченные позиции, но и отбили своих пленных, уничтожили 5 танков и взяли в плен 40 интервентов.

К 11 марта командующему «добровольческим» корпусом Роатте стало ясно, что легкого марша на Мадрид не будет. Тактика итальянцев, наступавших, как и франкисты на Хараме (на узком участке большими силами в несколько волн) могла действительно принести успех только при

отсутствии организованного сопротивления. Роатта настоятельно потребовал от Франко выполнения своего обещания и нанесения удара с Харамского плацдарма. «Генералиссимус» нагло соврал, говоря, что приказ Оргасу отдан, но тот почему-то медлит с его выполнением. На самом деле никакого приказа не было. Оргаса потом для вида отстранили от командования, но лишь для того, чтобы поручить ему самую ответственную на тот момент задачу — массовый набор и обучение новобранцев.

В свою очередь, 11 марта командование республиканцев наконец-то осознало масштаб наступательной операции врага. На Гвадалахарском направлении по образцу Мадрида и Харамы стал формироваться отдельный 4-й армейский корпус под командованием полковника Хурадо в составе 11-й, 12-й и 14-й пехотных дивизий, танковой и двух кавалерийских бригад. Ударной дивизией корпуса стала 11-я под командованием Листера, состоящая из XI-й и XII-й интербригад, 1-й ударной бригады под командованием еще одного талантливого самородка войны коммуниста Валентина Гонсалеса по прозвищу «Кампесино» (т. е. «Крестьянин») и 2-й бригады (которой раньше командовал сам Листер, а теперь ее принял герой Харамы Пандо). Элитная (главным образом, по боевому духу, а не вооружению) дивизия Листера должна была контратаковать на главном направлении — вдоль французского шоссе.

На первом этапе сражения авиация обеих сторон бездействовала из-за сильных дождей. Но к 11 марта республиканцы сосредоточили под Гвадалахарой сильную авиагруппу в составе 45 истребителей, 16 советских штурмовиков R-Z (или Р-зет) и Р-5 (испанцы называли эти машины соответственно «наташа» и «Разанте», то есть «Бреющий») и 11 бомбардировщиков. Штурмовик Р-5, поставившийся в Испанию, имел 4–6 пулеметов, развивал скорость до 245 км в час и нес 8 бомб по 50 килограммов каждая. Всего республиканцам было продано 62 Р-5 (в ноябре 1936 и феврале 1937 года, двумя партиями по 31 машине), из них 31 — варианта «штурмовик» (обычный Р-5, как самолет-разведчик имел только один пулемет).

Легкий штурмовик Р-зет был модификацией разработанного еще в конце 1920-х годов Р-5 и выпускался, начиная с 1935 года. Он развивал максимальную скорость у земли до 300 км в час, имел на вооружении два 7,62 мм пулемета и мог брать 400 кг бомбовой нагрузки. Самолет был маневренным и устойчивым в управлении. В Испанию было поставлено 113 «наташ», первая партия которых прибыла в марте 1937 года.

Преимущество республиканских ВВС в битве под Гвадалахарой

состояло в том, что они действовали с ближних аэродромов с твердым покрытием, в то время как интервенты таких аэродромов в прифронтовой зоне не имели и их самолеты вынуждены были прилетать с севера из-за горных хребтов.

Одновременно началась массовая пропагандистская работа по разложению итальянского корпуса с помощью радиоустановок и листовок, которые запускались специальными метательными аппаратами. Огромную помощь в проведении фортификационных работ республиканцам оказывало местное население, понимавшее, что идет война с иностранцами. Везде звучал лозунг «Испания — не Абиссиния!» (в 1936 году Италия захватила Эфиопию).

11 марта в районе битвы вдруг пошел снег, и наступило резкое похолодание. И республиканцы, и их противники (особенно итальянцы в тропическом обмундировании) сильно страдали от простуды и даже от обморожения. Однако в этот день итальянцы силами двух дивизий предприняли еще одно мощное наступление, основная тяжесть которого пришлось на XI-ю и XII-ю интербригады (их поддерживал танковый батальон). Весь день шел упорный бой. Советские танки из засад наносили врагу большие потери. В этот же день, несмотря на непогоду, республиканская авиация провела штурмовку наступающих итальянских колонн с высоты 150–200 метров, вызвав панику среди врагов. Со своей стороны, итальянцы впервые в ходе войны применили огнеметные танки и непривыкшие к ним бойцы XI-й интербригады начали отход. В результате итальянцы продвинулись по французскому шоссе на 6 километров (до знака «77 километров до Мадрида») и захватили городки Трихуэке и Касадель-Кобо). Приписанные к XI-й интербригаде анархисты первыми оставили позиции. Стойко держались немцы из батальона им. Тельмана, но и они вынуждены были отойти, опасаясь окружения.

Ночью стали, наконец, подходить части Листера и к утру 12 марта республиканцы имели на фронте уже 18 батальонов (днем раньше — 9), хотя интервентов было по-прежнему больше в 3 с лишним раза. На полдень 12 марта при поддержке танкового батальона было намечено локальное контрнаступление с целью вернуть Трихуэке. К часу дня, двигаясь за успешно действующими танками, части Листера подошли к Трихуэке, но были встречены сильным огнем. Итальянцы опять использовали огнеметные танки, и 2-я бригада дивизии Листера с трудом удерживала свои позиции, которые итальянцы уже начали обходить с фланга. Положение спасла резервная рота советских танков, отбросившая итальянцев. С другой стороны, республиканская авиация несколькими

волнами разгромила подходившие к месту боя полк дивизии «Литторио» и части «добровольческой» дивизии «Черные стрелы». Всего за этот день ВВС республики произвели 150 боевых вылетов, израсходовав 500 бомб и 200 тысяч пулеметных патронов.

Используя успех авиации, Листер вновь перешел в наступление и его части опять подошли к Трихуэке. День 12 марта остался за республиканцами, продемонстрировавшими впервые в войне высокую степень взаимодействия пехоты, танков и авиации. Абсолютной новинкой были «конвейерные» непрерывные бомбежки противника. Сначала в бой вступали группы из трех-четырех истребителей, задерживавших движение колонны. Затем бомбардировщики подбивали первую и последнюю машины, создавая пробки. Подключались штурмовики. Пока одна группа самолетов «висела» в воздухе, другие заправлялись и пополняли боекомплект. Эта тактика по имени впервые применившего ее главного советского советника ВВС республики комбрига Якова Владимировича Смушкевича («генерал Дуглас») стала называться «конвейером Смушкевича» и вошла в учебники по военному искусству. Смушкевич родился в 1902 году в Ковенской губернии (кстати, литовцем был и заместитель Смушкевича, командир истребительной группы П. И. Пумпур — «полковник Хулио») и уже в 1918 году вступил в коммунистическую партию. Будучи первоначально офицером-политработником, Смушкевич за 38 дней окончил знаменитую тогда в СССР Качинскую летную школу и стал первоклассным летчиком. После Испании дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Смушкевич возглавлял ВВС РККА. Был незаконно репрессирован в 1941 году. В Испании немцы установили премию в 1 млн марок тому летчику, кто собьет «генерала Дугласа», а в 1941 году Геринг сказал, что отсутствие на фронте Смушкевича равносильно 5 дополнительным немецким авиадивизиям.

Узнав о разгроме с воздуха своей элитной резервной дивизии «Литторио», Роатта вечером 12 марта издал приказ о прекращении наступления и перегруппировке сил для нового удара.

В 11 часов 30 минут утра 13 марта в бой пошли интербригады. Но их удар был вспомогательным, а основной нанесла через полчаса 2-я бригада дивизии Листера вдоль французского шоссе. При поддержке танков республиканцы легко ворвались в Трихуэке, но здесь в уличных боях итальянцы стали эффективно бороться с бронетехникой бутылками с зажигательной смесью и горящими факелами. Танки пришлось вывести из боя, и Трихуэке была атакована с тыла вторым эшелоном наступавшей 2-й бригады. Итальянцы побежали, и неотступно их преследовавшие

республиканцы подошли к Каса-дель-Кобо. Интербригадам не удалось повторить успех своих испанских товарищей. Им пришлось отражать ожесточенные контратаки, и в итоге интернационалисты остались 13 марта на прежних позициях.

В тот же день Франко для отвода глаз предпринял на Хараме несколько атак, которые легко были отбиты республиканцами.

14 марта испанские республиканские части отдыхали, но XII-я интербригада решила вернуть потерянное ранее хорошо укрепленного дворянского поместья Паласио-де-Ибарра. Атака была подготовлена очень тщательно, особое внимание уделялось отработке взаимодействия танков и пехоты. В результате почти весь гарнизон дворца силой до батальона, обойденный с флангов, был взят в плен. Контратака другого итальянского батальона была в буквальном смысле этого слова раздавлена советскими танками.

Всего за время боев 11–14 марта республиканцы взяли в плен 500 итальянцев, захватили в качестве трофеев 13 орудий, 500 винтовок и 50 пулеметов. 14 марта на фронт прибыл генерал Миаха, высоко оценивший действия дивизии Листера. Последний, в свою очередь, торжественно вручил генералу захваченное итальянское знамя. Следует отметить, что в течение всех оборонительных боев и контратак с Листером находился советский военный советник, будущий герой Сталинграда А. Родимцев, оказавший большую помощь в разработке планов военных операций.

15-17 марта обе стороны перегруппировали силы. К республиканцам подходили новые резервы, хотя атаки мятежников на Хараме все же не позволили снять оттуда некоторые части.

План генерального контрнаступления республиканцев состоял в нанесении главного удара силами четырех бригад (одна из них в резерве) при поддержке 38 танков и авиации в направлении на город Бриуэгу, а после его захвата было предусмотрено двигаться дальше вдоль французского шоссе.

Но даже к началу республиканского контрудара соотношение сил было в пользу интервентов по людям 2:1 (45 тысяч против 20), по пулеметам 5:1, по орудиям 7:1, по танкам 1,3:1. Только самолетов у республиканцев было больше: 70 против 50 у итальянцев. На направлении главного удара у обеих сторон было по 10 тысяч бойцов. Но против 38 республиканских танков итальянцы имели всего 12. Зато по орудиям было обратное соотношение: 16 против 70.

В 13 часов 30 минут 18 марта 75 самолетов ВВС республики в течение 20 минут бомбили позиции итальянцев. Затем в бой пошли танки, но

пехота завязла в непролазной грязи и начала наступать только в 16 часов. Итальянцы сначала оказывали ожесточенное сопротивление, но после захвата их первой линии обороны стали быстро отступать. XII-я интербригада ворвалась в Бриуэгу, а испанские части были посланы в обход города. К сожалению, они запоздали, и части итальянцев удалось ускользнуть из мешка. Их отступление превратилось в бегство, и к вечеру, как и планировалось, Бриуэга была полностью освобождена. В плен было взято 300 человек, захвачено 30 орудий, 6 танков, много инженерного оборудования и продовольствия, масса штабных документов. Дивизия «Божья воля», оборонявшая Бриуэгу, практически перестала существовать как боеспособная единица. Стремясь спасти положение, дивизия «Литторио» атаковала на французском шоссе 2-ю испанскую бригаду и XI-ю интербригаду. Республиканцам пришлось вводить в бой резервы и танки, но после разгрома в Бриуэге, опасаясь удара с фланга, итальянцы приняли решение отвести дивизию «Литторио» назад.

19 марта отход начал весь итальянский корпус. Перешедшие в наступление вдоль французского шоссе части 2-й бригады и XI-й интербригады вели уже только преследование арьергардов противника. Республиканцы проявили военную смекалку. 2-я бригада организовала специальный моторизованный отряд: батальон пехоты на грузовиках, танковая рота и артиллерийская батарея на механической тяге. Быстро продвигаясь, этот отряд дошел до 89 километра шоссе и взял населенный пункт Гаханехос. Итальянцы на собственной шкуре почувствовали все прелести «молниеносной войны».

Окончательно сопротивление итальянцев было сломлено при помощи авиации. Лишь у 94-го километра французской автострады преследование было остановлено, так как войска сильно устали, а итальянцы успели построить оборонительный рубеж с колючей проволокой.

Таким образом, попытка перерезать путь отхода дивизии «Литторио» не удалось из-за слишком медленного выдвижения республиканских войск.

20 марта Листер решил продолжить преследование врага силами 2-й бригады по шоссе, хотя она оторвалась далеко от своих соседей слева и справа. Листер, понимая опасность обхода противником 2-й бригады, приказал усилить активность фланговых частей. Атаку предписывалось начинать после усиленной разведки (батальон пехоты и взвод танков). На французском шоссе 2-я бригада не смогла потеснить итальянцев с подготовленного оборонительного рубежа и потеряла два танка. На флангах дела шли несколько удачнее: были заняты несколько населенных пунктов и взяты пленные.

Но кошмар для итальянцев только начинался. В 12 часов 45 минут республиканская авиаразведка выявила множество колонн противника, спешно отступавших на север. Упускать такую цель было просто преступлением. В воздух поднялись 11 бомбардировщиков, 14 штурмовиков и 42 истребителя — все, чем располагали под Гвадалахарой ВВС республики. При этом была применена хитрость: одно звено штурмовиков атаковало северную голову колонны для отвлечения внимания, в то время как все остальные штурмовики обрушивались на «хвост» колонны.

В 14 часов 30 минут над головами итальянцев появились первые штурмовики, вызвавшие панику и создавшие огромную пробку на шоссе (итальянцы двигались в три ряда). Далее основное ядро штурмовиков поливало пулеметными очередями и забрасывало бомбами всю колонну — от начала до конца. Целиться не приходилось: скопившиеся на протяжении 10 километров автомашины были идеальной, почти учебной целью. Затем, согласно плану, появились истребители и бомбардировщики, которые помимо колонны атаковали местечко Альгора, до отказа забитое войсками итальянцев. Когда появилась итальянская авиация, было поздно: колонна в 1000 машин превратилась в огромный костер. В 17–00 было решено повторить атаку. Колонну нашли на том же месте, и она опять подверглась страшному разгрому. В этот раз штурмовикам и истребителям пытались помешать 26 истребителей «фиат», но они были быстро отогнаны превосходившими их И-15 и И-16, которые сбили 4 «сверчка». Одновременно эскадрилья бомбардировщиков бомбила железнодорожную станцию Сигуэнца, где было сосредоточено 15 эшелонов итальянцев. На обратном пути советские бомбардировщики были атакованы 27 истребителями «фиат», но атака была отражена огнем бортовых пулеметов, причем один истребитель был сбит.

Авианалет 20 марта 1937 года был первым в истории войн примером массового применения авиации для ударов по колоннам войск на марше. Всю операцию разработал и блестяще осуществил Смушкевич. Позднее именно эту тактику возьмут на вооружение немцы страшным летом 1941 года. Но и тогда, и под Гвадалахарой условием успеха подобных действий было техническое превосходство наступавшей авиации над силами прикрытия. В марте 1937 года советские истребители и бомбардировщики не имели в небе Испании противников, равных им по силам. В 1941 году в таком же положении оказались в советском небе ВВС Германии.

21 марта погода испортилась, и авиация уже не смогла повторить свой успех. Оборонительные позиции итальянцев крепили, на некоторых

участках их сменили свежие силы мятежников. Правда, 22 марта 2-я бригада смелым наскоком захватила населенный пункт Леданка, но это был уже последний успех затухавшего контрнаступления республиканцев.

Гвадалахарское сражение закончилось, и войска республиканцев стали отходить в тыл. Их встречали восторженными массовыми митингами, празднуя первое по-настоящему успешное наступление молодой Народной армии, которая к тому же разбила части регулярной армии иностранной державы. Крестьяне несли своим защитникам угощение, девушки дарили солдатам вышитые ими рубашки. Листер стал самым популярным военачальником республики. Итальянский корпус потерял убитыми, ранеными и больными 8-10 тысяч человек. 800 интервентов было взято в плен. Вооруженные силы республики сбили 12 самолетов противника и захватили исправными 10 танков (еще около 30 было подбито, но итальянцы смогли взять их с собой). В качестве трофеев республиканцам достались 400 пулеметов, 2000 винтовок, 50 орудий, 170 автомашин и тракторов, 25 тысяч снарядов и 4 млн патронов. Сама Народная армия потеряла 208 человек убитыми, 3430 ранеными и 230 пленными. Было сбито 2 самолета и подбито 7 танков (4 из них республиканцы вернули при отступлении итальянцев). Итальянцы захватили в первые два дня операции 5 орудий, 20 пулеметов и 500 винтовок.

Битва под Гвадалахарой продемонстрировала, что республиканская пехота хорошо научилась взаимодействовать с танками в наступлении. Сами танки несколько изменили тактику: учитывая наличие у итальянцев 45мм противотанковых пушек, Т-26 с успехом действовали из засад и с замаскированных позиций. Наконец, несмотря на неблагоприятную погоду, блеснула мастерством республиканская авиация (в народе ее стали называть «Ла Глориоса», т. е. «Славная»).

Победа республиканцев была облегчена грубыми ошибками итальянского командования. Интервенты слишком глубоко эшелонировали наступавшие войска на узком участке фронта, что позволяло республиканцам какое-то время сдерживать наступление целого корпуса одной бригадой. В отличие от франкистов, итальянцы не проявили в обороне должной цепкости и сдавались в плен сотнями (марокканцев же до этого удалось пленить за всю войну всего лишь несколько). И все же основной просчет итальянцев был в том, что они не ожидали от Народной армии столь умело и грамотно организованного сопротивления.

На этом месте самое время подробнее остановиться еще на одном немаловажном факторе успехов республики на Хараме и под Гвадалахарой — деятельности советских военных советников. Первые военнослужащие

РККА (летчики и авиатехники), как было показано выше, прибыли в Испанию еще в августе-сентябре 1936 года. Видимо, советское руководство первоначально полагало, что этого будет достаточно. Но стремительное наступление мятежников на Мадрид убедило Сталина в необходимости принять в конце сентября 1936 года решение об оперативном направлении в Испанию советских военных советников для организации по-настоящему грамотного ведения республиканской милицией боевых действий.

Добровольцев было хоть отбавляй. В то время советские люди начинали свой рабочий день с прослушивания сообщений радио о положении в далекой Испании. Об этом говорили на улицах совершенно незнакомые друг с другом люди. В квартирах простых советских граждан висели карты Испании, на которых отмечалось изменение линии фронта, увы, очень тревожное осенью 1936 года. Мальчишки учили испанский язык и бежали из родительского дома в черноморские порты, чтобы пробраться на отходящие в Испанию корабли. Как писал корреспондент ТАСС в Испании О. Савич: «Молодой человек того времени вряд ли имел право называться молодым, да и вряд ли мог считать себя настоящим человеком, если он не рвался в Испанию, чтобы драться с фашизмом, помочь испанскому народу и, может быть, избавить свой собственный народ от судьбы Испании».

Точно такие же настроения были и в Красной Армии. Молодые командиры забрасывали начальство, включая наркома обороны К. Е. Ворошилова рапортами, и смотрели на отправлявшихся в Испанию боевых товарищей, как на счастливых. Для командировки в «страну X» отбирались наиболее подготовленные офицеры из хорошо зарекомендовавших себя на учениях частей. Но даже отличники боевой и политической подготовки не имели боевого опыта современной войны с применением танков и авиации (впрочем, тогда такого опыта не было ни в одной из армий стран мира).

После сборов в Москве, где отбывающих вводили в курс событий в Испании, офицеры РККА по разным паспортам (т. н. «нансеновским» — для лиц без гражданства — или малых европейских стран, таких как Латвия, Швейцария, Литва или Финляндия) выезжали обычно железной дорогой через всю Европу во Францию. Поляки и немцы без труда распознавали по военной выправке и стандартным костюмам истинную принадлежность «туристов», «коммерсантов» или «учащихся» и затем сообщали на заседаниях Лондонского комитета о проехавших такого-то числа в Испанию советских офицерах (впрочем, доказать что-либо немцы и итальянцы не могли). Французские власти, также прекрасно понимавшие,

куда и зачем едут молодые русские, не чинили никаких препятствий, так как симпатизировали республике. Советский военный атташе в Париже вполне легально перебрасывал офицеров в Испанию поездом или рейсовыми самолетами. К удивлению советских людей, уверенных в полной тайне своей миссии, уже на первых пограничных испанских станциях их встречали восторженными криками «Вива Русия!».

Все работавшие в Испании советники подчинялись главному военному советнику, который со своим штабом находился при республиканском правительстве (сначала в Мадриде, затем в Валенсии, а с октября 1937 года — в Барселоне). В 1936–1937 гг. как уже упоминалось, главным военным советником в Испании был Я. К. Берзин. Весной 1937 года его сменил талантливый военачальник комдив Г. М. Штерн («генерал Григорович», будущий герой Халхин-Гола, критиковавший действия Г. К. Жукова; репрессирован). Последним главным военным советником в Испании в 1938–1939 гг. был К. М. Качанов, несправедливо расстрелянный в 1941 году по приказу Сталина за трусость.

Были советники при Генеральном штабе республиканской армии (К. А. Мерецков, Б. М. Симонов), Главном военном комиссариате (И. Н. Нестеренко, Д. Г. Колесников), авиации (А. И. Бергольц, Я. В. Смушкевич, Е. С. Птухин и др.), ВМС (Н. Г. Кузнецов, И. Г. Питерский, В. А. Алафузов и др.), артиллерии (Н. Н. Воронов, Н. А. Клич и др.).

После создания бригад, дивизий, корпусов, армий и фронтов Народной армии советские военные советники появились и в этих соединениях. Среди них было много будущих видных полководцев Великой Отечественной войны: П. И. Батов (любопытно, что за внешнее сходство с немцем ему дали в Испании боевой псевдоним «Фриц Пабло»), И. А. Бурмистров, В. Я. Колпакчи, Р. Я. Малиновский, А. И. Родимцев, М. С. Шумилов и другие.

Советским советникам строго запрещалось принимать непосредственное участие в боевых действиях и отдавать самостоятельные приказы. Их основной задачей было научить неопытных испанских бойцов и командиров правильно обращаться с боевой техникой советского производства, разрабатывать и проводить в жизнь планы боевых операций различного масштаба. Однако на практике приходилось заниматься и другими делами: учить стрелять, кропотливо убеждать, выставляя на ночь боевое охранение, личным примером демонстрировать рытье окопов и т. д. Советников строго предупреждали о необходимости тактичного поведения. Обращаться к вышестоящему испанскому начальству через голову своего «подопечного» разрешалось только в крайнем случае.

В письме Ларго Кабальеро от 21 декабря 1936 года Сталин, Молотов и Ворошилов сообщали, что советским военным советникам «категорически предложено» не упускать из виду, что они могут принести пользу только «если будут строго придерживаться рамок советника и только советника». Советские руководители просили в письме сообщать, насколько точно выполняют эти указания офицеры РККА. Чтобы щадить и так ярко выраженное у испанцев самолюбие, многих приданных командирам испанских бригад молодых лейтенантов или капитанов официально именовали не советниками, а инструкторами части, например, по стрелковому делу.

Как правило, все советники вели себя скромно и достойно, хотя, конечно, бывали отдельные случаи высокомерного поведения, которые сразу влекли за собой отправку на родину. С другой стороны, советским военным специалистам приходилось самим проявлять максимум самообладания. В кадровых офицерах испанской армии их поражали чудовищный бюрократизм, плавный распорядок дня с обязательным двухчасовым обедом и кастовая обособленность, доходящая до презрения к «нижним чинам».

Например, однажды советский советник с центральной телефонной станции Мадрида, расположенной в высотной башне «Телефоника» (на ее верхних этажах располагались пункты наблюдения артиллерии, ВВС и ПВО) увидел расположившийся на отдых батальон врага. Спустившись и найдя артиллерийскую батарею республиканцев, он передал ее командиру точные координаты цели и попросил открыть огонь. Но тот возразил, сказав, что не будет отвлекать солдат и самого себя от «законного» обеденного перерыва. Советский офицер пришел в отчаяние, но испанец успокоил его, заверив, что мятежники так же свято соблюдают время обеда и никуда не двинутся. Так и произошло. Спокойно отобедав, батарея республиканцев накрыла врага. Были, правда, и не столь удачные случаи. Один раз советский военный советник наблюдал, как артиллерия республиканцев бьет по пустому месту, в то время как рядом выдвигается на боевые позиции колонна мятежников. Несмотря на все уговоры, командир батареи отказался перенести огонь на колонну без приказа вышестоящего начальства.

В целом кадровые офицеры испанской армии (особенно старшие) смотрели на советских военных советников, как правило, свысока и вообще подозрительно относились к «русским коммунистам» (что было немудрено, если учесть в каком духе их воспитывали долгие годы). Многие прямо говорили, что им нужно только современное оружие, а как воевать — они и

сами знают.

В частях народной милиции, особенно там, где преобладали анархисты, приходилось сталкиваться с крайностями противоположного толка. Вместо бюрократизма и рутины там царили расхлябанность и отрицание всякой дисциплины. «Русских» искренне любили, но не понимали, зачем они докучают с такой «ерундой» как чистка оружия, боевая учеба и ночные тревоги. Прибывавшие в части советники подчас с нуля наводили дисциплину, опираясь, как правило, на коммунистов, социалистов и сочувствующих. Приводились в порядок пулеметы «максим», в рубашку ствола которых часто попросту забывали доливать воду и новенькие пулеметы заклинивало. Организовывалась связь с соседними частями, командиры которых не общались иногда неделями.

Со своей стороны наиболее «лихие» командиры колонн милиции пытались проверить «русских» в деле. Так, например, на Арагонском фронте два советских офицера долго уговаривали анархистов перейти в атаку в соответствии с утвержденным накануне планом наступления. Им предложили показать пример. Но когда «русские» с одними пистолетами пошли в атаку, оглянувшись назад, они увидели, что бойцы кричат им вслед «Вива Русия!», но сами с места не трогаются. Энрике Листер, поприветствовав впервые прибывшего к нему на КП Малиновского, вывел его на обстреливаемый участок и под свист пуль стал объяснять обстановку. Малиновский понимал всю бессмысленность и опасность такой бравადы, но не хотел ударить в грязь лицом. Оставшись довольным, Листер предложил «полковнику Малино» выпить бутылочку хорошего вина. Вскоре испанцы убедились на поле боя, что советские офицеры были отнюдь не робкого десятка.

Еще одной проблемой для советских советников были внутрипартийные дразги в Народной армии. Например, командир-анархист постоянно назначал в ночные караулы коммунистов, соседние части разной партийной ориентации отказывались делиться друг с другом боеприпасами и продовольствием и т. д. Конечно, советские советники симпатизировали коммунистам, так как те были наиболее дисциплинированы и преданы республике, но вмешиваться во внутрипартийные споры «русским» строжайше запрещалось. Часто советники служили своего рода посредниками между различными партийными группировками в войсках. Анархистам, например, было иногда зазорно выполнять приказы начальников-социалистов, но «русских товарищей» слушаться было можно и без потери лица.

В целом отношение младших командиров, солдат и населения к

советским людям было не просто хорошим, а восторженным. При проезде через населенные пункты советских танкистов заваливали фруктами, цветами и бурдюками с вином. Один из лидеров анархистов (советский генконсул в Барселоне Антонов-Овсеенко именовал их «анархами») даже заявил, что убьет любого, кто скажет хотя бы одно слово против СССР. Пожав руку своему военному советнику «Ксанти», Дуррути прямодушно сказал: «Я знаю, что ты коммунист, но мы будем хорошо воевать вместе».

Несмотря на утверждения франкистской пропаганды, что всеми частями республиканцев руководят русские, советников не хватало не только на каждую бригаду, но и на многие дивизии. При планировании крупных операций приходилось привлекать офицеров со всех фронтов. Советники, как правило, находились в Испании не более 6 месяцев, так как Наркомат обороны стремился пропустить через горнило боевого опыта как можно больше офицеров. К тому же РККА, особенно после начала в мае 1937 года массовых репрессий против военных сама испытывала острую нехватку командиров высшего и среднего звена. Всего в 1936–1939 годах в Испании сражалось 2083 военных специалиста из СССР (в т. ч. чуть больше 1000 летчиков и танкистов), из которых погибло 127 человек (в том числе 77 командиров и 33 младших командира), 11 умерло от ран и 32 пропали без вести (в том числе 25 командиров и 7 младших командиров). Вместе с командированными по линии гражданских наркоматов (эти специалисты налаживали военное производство) общее число советских граждан, находившихся в Испании во время гражданской войны, составляло около 3000 человек. Но в каждый конкретный момент их было, естественно, гораздо меньше, во всяком случае, не более 600. К началу 1939 года в Испании оставалось 55 советских военных специалистов.

За проявленный в Испании героизм 59 советских добровольцев, в том числе 35 летчиков, 21 танкист и 2 военных советника, получили звание Героя Советского Союза. Среди них было 39 русских, 7 украинцев, 5 белорусов, 2 еврея, 2 латыша и 1 мордвин. Кроме этого, высоким званием были отмечены жившие в СССР политэмигранты: итальянец Примо Джибелли, болгарин Захарий Захариев и немец Эрнст Шахт. 19 человек стали героями Советского Союза посмертно.

Не зная языка и обычаев испанцев, советские люди в отличие от державшихся обособленно немцев, пытались их постичь. Разность образа жизни, привычек и характеров порождала порой комичные случаи. Так командующий ВВС республики Идальго де Сиснерос решил потеплее проститься с двумя ранеными на Мадридском фронте советскими летчиками, уезжавшими домой. И когда лидер басков Агирре прислал ему

самолетом изысканный деликатес — осьминогов в собственном соку, — он от всей души предложил это лакомство советским пилотам. Но ему так и не удалось убедить преисполненных ужаса летчиков отведать странных каракатиц, плавающих в чем-то черном. Испанцы практически не пили чай (только кофе), и когда советские добровольцы подарили одному из командиров присланную им с Родины пачку, тот начал набивать чаем трубку. С другой стороны, советских людей поражало, что, привычная им с детства картошка является в Испании лакомством. Странно было им видеть детей и женщин, спокойно выпивавших за едой солидные дозы вина.

Отдельно следует отметить работу переводчиков, а точнее переводчиц, так как большинство из них были женщинами (всего в Испании воевали 204 переводчика из Советского Союза). Вчерашние студентки, преподавательницы и экскурсоводы не только переводили инструкции и приказы, но и ходили на боевые задания с подрывниками в тыл врага. Женщинам приходилось переводить и на переднем крае под пулями. Во время битвы на Хараме республиканцы на одном из участков фронта не выдержали натиска врага и стали беспорядочно отступать. Им наперерез бросилась советская переводчица Мария Фортус, с сарказмом спросившая, кто их кастрировал. Испанцы, уязвленные в своем мужском достоинстве, стали останавливаться в недоумении. А женщина спокойно закончила свою мысль: только кастрированные мужчины могут так позорно драпать с поля боя. Красные от стыда бойцы стали возвращаться на передовую.

Трудно приходилось советским военным советникам на флоте, который после мятежа остался практически без офицеров. До 1938 года некоторым советским добровольцам приходилось выполнять командные функции, в том числе командовать новыми испанскими субмаринами типа «С».

Наконец, как уже упоминалось выше, советские советники создали разведывательно-диверсионные части Народной армии. Кстати, в то время таких спецподразделений не было ни в одной армии мира, включая РККА. Так что смело можно утверждать, что и советский армейский спецназ был рожден на полях Испании.

Советская разведка через резидентуру НКВД в Испании оказывала помощь в становлении учрежденной в 1937 году республиканской военной контрразведки СИМ. Кроме того, по линии НКВД в Западной Европе было организовано много подставных фирм, закупавших для республики оружие в третьих странах. Так, в Швейцарии удалось приобрести мелкокалиберные зенитные пушки «эрликон», а в Румынии 100 тысяч тонн бензина. Закупалось оружие даже в Германии и Японии. Борьба с такими

«фирмами» стала одной из основных задач Канариса. Агенты абвера выявляли фиктивные компании в Париже, Лондоне, Цюрихе, Праге, Варшаве, Амстердаме, Копенгагене и Брюсселе. В Копенгагене группа немецких эмигрантов-антифашистов из 20 человек с помощью получаемой из СССР взрывчатки организовала активный саботаж немецких военных поставок Франко. Мины с часовым механизмом проносились на борт следующих к мятежникам кораблей, которые затем неожиданно взрывались в открытом море.

Подытоживая, можно с полным правом констатировать, что советская помощь сыграла ключевую роль в становлении республиканской армии. Как бы сейчас ни оценивали развитие Советского Союза в тридцатые годы XX века, помощь законному и избранному большинством народа правительству Испанской республики является славной страницей нашей истории, которой мы можем и должны гордиться. Советским военным специалистам впервые пришлось противостоять на Пиренейском полуострове интервентам из фашистских Германии и Италии, репетировавшим в Испании борьбу за мировое господство. Воюя в далекой Испании, советские люди, как могли, отодвигали то страшное время, когда окрепший нацизм ввергнет в войну все человечество.

Глава 11. Две Испании: республика и «национальная зона»

в первой половине 1937 года

После того, как в ноябре 1936 года миновала непосредственная угроза Мадриду, республиканское правительство, наконец, получило возможность для наведения элементарного порядка в тылу. И здесь впереди шла Хунта обороны Мадрида. В столице было конфисковано оружие у гражданского населения и разоружены все «бесконтрольные» патрули. Стали сурово караться доносы на «врагов революции», не имевшие под собой никакого основания. Одновременно город очищался от «пятой колонны». Нельзя не упомянуть и об эксцессах. Перед поспешным отъездом из столицы 6 ноября 1936 года министр внутренних дел и соратник Кабальеро по левому крылу ИСРП Галарса дал приказ эвакуировать главную мадридскую тюрьму Модело. Охранники поняли это по-своему и во рвах, под городом, было расстреляно несколько сот заключенных.

И все же нормальный порядок налаживался. 29 декабря 1936 года правительство приняло декрет об упразднении различного рода комитетов обороны, хунт и комиссий, возникших на местах сразу после мятежа. Примечательно, что этот шаг поддержали даже анархисты. Вместо комитетов создавались обычные муниципальные советы на основе соглашений между всеми организациями Народного фронта. 1 февраля 1937 года гражданские губернаторы провинций получили право утверждать состав этих новых органов местной власти. Правда, партии и профсоюзы Народного фронта не всегда могли быстро договориться о распределении мест. В Мадриде новый муниципалитет появился только в конце апреля 1937 года (в нем было 6 представителей ВСТ, 5 — НКТ, 6 — ИСРП, 5 — КПИ и т. д.).

26 декабря 1936 года были ликвидированы различного рода патрули и посты на дорогах, часто занимавшиеся обыкновенным вымогательством. Распускаясь вся тыловая милиция. Разношерстные силы правопорядка объединялись в корпус полиции под руководством министра внутренних дел. Анархисты и троцкисты из партии ПОУМ (о ней несколько ниже) поспешили обвинить правительство в реставрации «буржуазных

порядков». Но от старой полиции осталось только ее название. Состав коренным образом изменился, и полицейскими стали делегированные в силы правопорядка представители организаций Народного фронта.

Все эти давно назревшие меры, однако, не могли быть осуществлены на всей территории республики. Дело в том, что сразу после подавления мятежа власть в Каталонии и Арагоне захватили анархисты. Особенно тяжелая обстановка сложилась именно в промышленно развитой Каталонии. 21 июля 1936 года председатель автономного правительства провинции (генералидада) Компанис созвал совещание всех партий и профсоюзов Народного фронта с целью образования нового правительства. В этот момент в зал ворвалась вооруженная группа лидеров НКТ-ФАИ (в т. ч. Дуррути) и потребовала немедленного создания нового органа власти — Центрального комитета милиции Каталонии. Так как у анархистов в руках было оружие, Компанису ничего не оставалось, как согласиться. 23 июля Центральный комитет милиции был создан, и тон в нем задавали анархисты. Формально продолжавший свое существование Генералидад, по сути, был отстранен от власти.

В провинции, особенно в Барселоне, воцарились хаос и террор. Банды анархистов, легализовавшись в патрули Центрального комитета, убивали всех, не согласных с анархистскими экспериментами. Погибли сотни членов ВСТ Каталонии, голосовавшие против избрания заводских комитетов из членов НКТ. Существовали даже подпольные кладбища, где анархисты тайно хоронили свои жертвы. В состав милиции и различных комитетов пробралось немало скрытых сторонников Франко, так как новых членов НКТ никто не проверял. Был налажен настоящий рэкет, когда анархистские патрули обирали барселонский порт и контрабандистов на испанско-французской границе. Доходным видом бизнеса была и переправка через границу за деньги врагов республики. Проходили бесчисленные реквизиции и конфискации имущества богатых граждан и средних слоев.

Основным противником НКТ-ФАИ в Каталонии была образованная, как уже упоминалась выше, 23 июля 1936 года Объединенная социалистическая партия Каталонии (ОСПК), за которой шла каталонская организация ВСТ. Почувяв конкуренцию, анархисты стали бороться с ней привычными методами. Были убиты лидеры профсоюзов банковских работников, шахтеров и портовиков ВСТ. При захвате в свои руки общественного транспорта Барселоны боевики анархистов ликвидировали около 200 рабочих — сторонников ОСПК, выступавших против развала городского транспорта. Но влияние ОСПК росло. Если в июле 1936 года

она насчитывала 6 тысяч членов, то через год — 60 тысяч. Быстро росли и ряды ВСТ Каталонии: ее ряды переходили целые профорганизации из НКТ.

2 августа 1936 года был образован новый Генералидад под руководством Хуана Касановаса (Компанис, опустив руки, на время отстранился от политики, став президентом Каталонии — пост скорее церемониальный). Однако анархисты, опять угрожая оружием, потребовали удаления из Генералидада двух представителей ОСПК, что и было сделано.

Август-сентябрь 1936 года стали пиком засилья анархистов в Каталонии. 17 августа была образована так называемая «юридическая канцелярия», своего рода суд, решавший спорные гражданские дела за деньги. Можно было избежать ареста или крупного штрафа, заплатив почти легальную мзду. По Барселоне прокатилась волна арестов и обысков.

27 сентября 1936 года анархисты все же согласились с роспуском Центрального комитета милиции и вошли в состав нового Генералидада, сохранив в нем контроль над экономикой. Такой вынужденный шаг НКТ-ФАИ сделали потому, что бредом оказались их широковещательные заявления июля-августа 1936 года о быстром захвате «доблестными» анархистскими колоннами Арагона и его столицы Сарагосы. На самом деле в течение целого года (до середины 1937 года) Арагонский фронт был самым спокойным на войне. У франкистов там не было ни авиации, ни танков, ни элитных частей. Противостоявшие им колонны милиции (в основном из НКТ и ПОУМ) особенно не досаждали мятежникам своей боевой активностью. Известный английский писатель Дж. Оруэлл, воевавший в рядах колонны ПОУМ, признавал, что в течение недель не было не то что боев, а даже перестрелок. В то время, как Мадрид истекал кровью, Каталония послала на все участки фронта не более 20 тысяч бойцов. Практически бездействовала промышленность провинции, в т. ч. и военная. Одновременно анархисты обвиняли центральное правительство в том, что оно не дает Арагонскому фронту оружие и боеприпасы. «Имей мы 2 миллиона патронов, — говорили лидеры НКТ, — Сарагоса уже давно была бы нашей». Когда защитники Мадрида попросили прислать медь для прожекторов ПВО, лидеры каталонских анархистов, контролировавшие промышленность провинции, заявили, что не сделают этого до тех пор, пока советские корабли с оружием не станут разгружаться только в каталонских портах.

Конечно, Арагонский фронт получал гораздо меньше оружия, чем Мадридский, но ведь именно под столицей решалась судьба всей республики. К тому же анархисты явно лукавили, говоря о своей

безоружности. Позднее на подпольных складах НКТ были обнаружены даже танки. Да и колонна Дуррути прибыла в Мадрид с Арагонского фронта вооруженная до зубов. Анархисты просто приберегали оружие для «второго раунда» борьбы против КПИ и ИСРП после разгрома мятежа.

Рассмотрим теперь положение в сельском хозяйстве республиканской зоны.

10 августа 1936 года еще правительством Хираля был принят закон, по которому любой, покинувший свою собственность, землевладелец должен был примириться с тем, что в случае его отсутствия в течение 8 дней с момента опубликования указанного закона земля переходит под контроль муниципальных властей. Этим декретом фактически был лишь легализован охвативший всю деревню процесс захвата земель крупных помещиков, перешедших на сторону мятежников.

Самой настоящей аграрной революцией, которую Испания пыталась осуществить 100 лет, стал декрет от 7 октября 1936 года, разработанный министром земледелия коммунистом Винсенте Урибе. По этому декрету безвозмездно отчуждались в пользу государства все угодья и основной капитал (т. е. постройки и т. д.) лиц, замешанных в мятеже, т. е. практически всех крупных землевладельцев. Социалисты предлагали национализацию земли, но коммунисты настояли на ее передаче в бессрочное и бесплатное пользование бывшим арендаторам, батракам и малоземельным крестьянам. Передаваемые наделы не должны были превышать 30 га сухих, 5 га орошаемых земель и 3 га садов и огородов. Была возрождена и практика древней Римской республики: право на землю получали бойцы армии и милиции, демобилизованные по ранению или потомки убитых на войне.

Коммунисты настояли, чтобы крестьяне сами решали, вести ли им частное хозяйство или объединяться в коллективы (левые социалисты и анархисты хотели форсировать коллективизацию).

С октября 1936 года до весны 1938 года между крестьянами было распределено 4 млн га земли (в 1935 году во всей Испании под посевами было занято 20 млн га). Причем возрожденный из забвения Институт аграрной реформы предоставлял крестьянским хозяйствам кредиты (200 млн песет в 1936–1937 гг.), бесплатно выделял семена и удобрения (в т. ч. закупаемые в СССР). Была создана система агротехнического образования.

Результаты не замедлили сказаться. В 1937 году был собран богатый урожай: 11 698 тыс. центнеров пшеницы (в 1936 году — 10 118 тыс. центнеров), 8 670 тыс. центнеров ячменя (в 1936 году — 7 554 тыс.

центнеров). Это было особенно важно, если учесть, что основные районы возделывания зерновых культур (а это основа всей системы снабжения продовольствием) попали в руки мятежников.

Однако результаты аграрной реформы могли бы быть еще более впечатляющими, если бы не многочисленные анархистские эксперименты с «массовой коллективизацией».

После захвата в августе 1936 года части Арагона колоннами милиции НКТ-ФАИ, 12–13 августа в местечке Бинефокра была созвана конференция, избравшая так называемый Комитет нового социального переустройства Арагона, Риохи и Наварры. Этот самозванный орган приступил к насильственному насаждению в деревнях Арагона «либертарного коммунизма».

Проходило это примерно так. В присутствии вооруженных анархистов в деревне созывалось собрание, на котором провозглашались коллективизация, отмена денег и налогов. Голосование не допускалось («Голосование — это эгоизм», — говорили анархисты). На первых порах многие крестьяне с радостью принимали «новый мир», но действительность их вскоре разочаровала. Коллективизировались не только сельхозугодья, но средства производства и мастерские. Во главе коммун стояли комитеты НКТ, члены которых не работали. Крестьяне получали за свой труд уравнительную плату по числу едоков. Причем выдавалась она не деньгами (их торжественно отменяли, а иногда и публично сжигали), а бонами, выпускавшимися каждым коллективом. Местных торговцев в лавках под страхом расстрела заставляли принимать за проданный товар эти бумажки. В «коллективированных» деревнях кончались медикаменты, а покупать новые анархисты не разрешали. Когда в одной из деревень врач попросил привезти из города справочник по медицине, ему ответили, что напечатают книгу сами.

Сами же комитеты ловко продавали сельхозпродукцию по завышенным ценам (особенно в прифронтовые районы и крупные города), причем, естественно, за нормальные деньги, предпочитая золотые и серебряные монеты. На территории же самих коллективов свободная торговля была запрещена. Крестьяне обязаны были сдавать всю продукцию различным самозванным комитетам (вроде «комитета рабочего контроля за торговлей яйцами» в Барселоне).

Естественно, что вскоре начались крестьянские волнения. Но недовольных судили «за контрреволюцию» и либо расстреливали, либо заставляли работать бесплатно. Дело доходило до того, что некоторые крестьяне целыми деревнями переходили к мятежникам. А в январе 1937

года вся Испания была потрясена событиями в селе Фатарелья, где крестьяне попытались оказать сопротивление боевикам НКТ-ФАИ, и те в отместку зверски убили 30 человек. Там, где анархистам все же не удавалось насадить свои «коллективы», они взимали с крестьян арендную плату за землю, заменив помещиков.

Всего анархисты создали в Испании 1000–1200 «коллективов», в которых работало до 1,5 млн человек (в т. ч. 450 «коллективов» с 453 тыс. работающих в Арагоне). Прежде всего «коллективизация» охватила Арагон и Каталонию (только в нескольких районах последней, где была сильна ОСПК, удалось предотвратить «свободный коммунизм»).

Результаты «коллективизации» были плачевными. Посевные площади в Каталонии и Арагоне сократились на 20–30 %. Поля зарастали сорняками, в негодность приходил сельхозинвентарь.

Уже через две недели после введения «свободного коммунизма» в Арагоне там закончились товарные запасы и возникли серьезные проблемы со снабжением. Естественно, что промышленные предприятия той же Каталонии отказывались признавать в качестве оплаты за свои товары какие-то бумажки, пусть и гордо именуемые бонами. В отместку Арагонский комитет (потом был переименован в Совет Арагона) пригрозил захватить и даже взорвать электростанции и лишит города Каталонии электроэнергии. Лидерам НКТ пришлось отдать приказ командующему Арагонским фронтом о расстреле лидеров комитета, если они попытаются привести в действие свои угрозы.

В Леванте (средиземноморское побережье к югу от Каталонии) преобладали мелкие крестьянские хозяйства, специализировавшиеся на выращивании овощей и фруктов, прежде всего апельсинов. Здесь анархисты попытались взять под контроль сбыт цитрусовых через так называемые кооперативы. Крестьян заставляли сдавать в эти кооперативы апельсины по низким ценам (а иногда продукция просто «реквизировалась»), а затем кооперативы с огромной прибылью продавали их за границу, не платя, естественно, никаких пошлин и налогов. Интересно, что в этом районе анархистов поддерживали и сторонники Кабальеро, так же участвовавшие в этом прибыльном бизнесе. Однако из-за потери многих экспортных рынков, наладить вывоз цитрусовых за границу толком не удавалось. Богатый урожай апельсинов гнил, и республика теряла так необходимую ей валюту. Советское полпредство считало проблему экспорта апельсинов одной из самых важных в экономической жизни республики и просило Москву через рабочие партии Европы организовать широкую кампанию в пользу закупки испанских апельсинов

Великобританией, Францией и Скандинавскими странами.

В сельских районах Андалусии и Кастилии, где преобладали крупные латифундии, коллективные хозяйства возникали добровольно и добивались неплохих результатов. Так как в этих провинциях были сильны социалисты и коммунисты, то никаких экспериментов с отменой денег не проводилось.

Сложное положение сложилось в начале 1937 года в промышленности республики.

2 августа 1936 года был издан декрет о конфискации государством тех предприятий, владельцы которых покинули их и не вернулись в течение 48 часов. Такие предприятия стали называть «инкаутированными» (т. е. секвестрированными). Как правило, власть на таких предприятиях брали в свои руки рабочие комитеты, что было легализовано 30 августа, когда правительство дало им право проводить финансовые операции, в т. ч. выплачивать заработную плату с текущих счетов. Различались коллективные предприятия (т. е. те, где власть принадлежала представителям трудового коллектива) и «синдицированные» (управляющих там назначал профсоюз соответствующей отрасли).

Ключевые монополии все же остались под контролем государства. 3 августа 1936 года были «военизированы» железные дороги. В электроэнергетике и топливном секторе в компании-монополисты были назначены государственные представители.

Однако, несмотря на требование коммунистов о создании единого органа по планированию производства (в условиях войны это было необходимо), этого не было сделано, и промышленность республики была ввергнута в хаос.

Особенно, как всегда, отличилась в этом смысле находившаяся под контролем анархистов Каталония. По принятому там закону подлежали обязательной коллективизации все предприятия, где было занято более 100 рабочих, или предприятия с меньшим числом занятых, если за коллективизацию голосовало $\frac{3}{4}$ коллектива. Дело дошло до «коллективизации» мелких парикмахерских и даже имущества чистильщиков обуви. Формально собственником становился трудовой коллектив, но на деле всю власть брал соответствующий профсоюзный комитет (естественно, из членов НКТ). Была установлена уравнительная заработная плата, а рабочая неделя сокращалась до 36–40 часов. Текущие счета и резервы предприятий в короткий срок были растрочены на заработную плату. Не было налажено никакой системы снабжения сырьем. Налоги не платились. Вместо так нужных фронту снарядов производились игрушки, так как их было легче продать. Попытки ОСПК создать на

предприятиях военного значения стахановские бригады пресекались угрозами физической расправы. Дисциплина упала, в рабочее время шли постоянные митинги.

Когда быстро были опорожнены текущие счета, стал проедаться и основной капитал. Под залог зданий и земель получались кредиты, которые также стремительно проедались. Приступили к продаже оборудования. Чтобы хоть как-то стимулировать сбыт, министр промышленности в правительстве Ларго Кабальеро анархист Пейро даже издал закон об обязательном бое пустых бутылок, чтобы дать импульс производству стеклотары. Но уже к началу 1937 года вся промышленность была на грани банкротства. Кредиты и помощь государства просили более 11 тысяч предприятий. Это было особенно страшно в дни осады Мадрида. 75 машиностроительных заводов Каталонии могли производить оружие, но не делали этого.

В конце концов Ларго Кабальеро поручил тому же Пейро разработать меры по упорядочению испанской промышленности. 23 февраля 1937 года родился логичный декрет, по которому предприятия, получавшие государственную финансовую помощь, обязаны были подчинять свою текущую деятельность нуждам государства. Однако до лета 1937 года анархисты в Каталонии тормозили проведение этого декрета в жизнь и по-прежнему проедали госкредиты.

Советское полпредство в донесениях в Москву резко критически отзывалось о повальной экспроприации мелкой и средней промышленности (инкаутацию в исполнении анархистов советские дипломаты расценивали лишь как скрытую форму экспроприации) и настраивало испанских коммунистов, чтобы они тактично добивались от анархистов возврата прежним собственникам всех предприятий с числом работающих менее 50 человек. Однако НКТ не желала отказываться от своих экспериментов в промышленности, причем вовсе не по идеологическим соображениям. Захватившие власть на большинстве предприятий анархистские комитеты заставляли всех рабочих вступать в НКТ, угрожая в противном случае выставить их за ворота. Не удивительно, что ряды анархистского профцентра росли как на дрожжах. К тому же НКТ ставила себе в заслугу популистское повышение заработной платы, а когда деньги на ее выплату закончились, анархисты стали обвинять коммунистов в ухудшении материального положения трудящихся, которые все деньги пускают на войну, не думая о рабочем классе. Надо признать, что такая агитация приносила свои плоды.

Отдельного упоминания заслуживает ситуация с иностранными

предприятиями на территории республики. В своем послании Кабальеро Сталин, Ворошилов и Молотов рекомендовали республиканскому правительству уважительно относиться к собственности иностранных государств, если, конечно, эти государства открыто не поддерживали мятежников. Так и происходило в реальности. Но проблема была в том, что анархисты, особенно в Каталонии, пытались обложить иностранные предприятия данью, что естественно не могло не вызвать недовольства. Сами иностранные компании тоже вели себя по-разному. Так, если британские компании искусственно снижали производство на принадлежавших им свинцовых рудниках, то американская компания «Бэбкок и Уилкоккс» в октябре 1936 года сделала пожертвования для организации банков донорской крови. В Стране басков иностранные компании чувствовали себя еще вольготнее. После оккупации республиканского Севера франкистами немцы с удивлением обнаружили одну из фабрик, принадлежавших германскому капиталу, абсолютно нетронутой.

Титанические задачи встали перед финансовой системой республики. Естественно, правительство не могло удержаться от популистских мер. 1 августа 1936 года на 50 % была снижена квартплата для трудящихся. Налоги просто перестали выплачиваться явочным порядком. Анархисты тайно вывезли за границу более 200 миллионов песет в денежных знаках, что вместе с бегством капитала за границу привело к падению котировок испанской валюты на биржах мира. 600 тыс. бойцов милиции обходились государству в 20 песет в день каждый (10 песет — жалованье, остальные десять — питание и другие расходы). Выброс на рынок такой огромной денежной массы, не подкрепленной ростом товарного производства, сразу привел к инфляции. Опять же по соображениям популистского характера правительство вначале не вводило карточную систему, без которой не обходилась ни одна экономика военного времени. А ведь еще надо было закупать огромные объемы оружия за рубежом.

В начале августа 1936 года было запрещено снимать со счетов более 1000 песет в месяц (довольно либеральная мера, если учесть, что на жизнь вполне хватало и 300 песет в месяц). 30 августа в крупнейшем полугосударственном Банке промышленного кредита были сменены члены совета банка и назначены представители Народного фронта. То же самое было сделано и во Внешнеторговом банке.

4 сентября 1936 года министром финансов Испании стал представитель центристского течения ИСРП Хуан Негрин. По его декрету от 3 октября во всех частных банках в качестве органов управления

образовывались паритетные советы из представителей владельцев и трудового коллектива под руководством представителей государства. Но сами банки не национализировались. Однако основную свою задачу Негрин видел в использовании золотого запаса Испанского банка для финансирования войны. Формально это был независимый кредитно-денежный институт и устав его менять не стали из опасения предъявления международных исков, но фактически банк был поставлен под контроль Министерства финансов. О том, насколько тяжело было Негрину, свидетельствует «финансовое кредо» Ларго Кабальеро. Когда министр финансов обратился к премьеру с предложением осуществить некоторые неотложные меры, тот прервал его, заявив, что дело минфина оплачивать все расходы, а если деньги кончатся, можно будет подумать и о каких-нибудь мерах.

В начале августа 1936 года часть золотого запаса Испанского банка уже была вывезена во Францию в качестве гарантии поставок закупленного ранее французского вооружения и, прежде всего, самолетов. Однако граница была закрыта, и золото по сути дела лежало в парижских банках мертвым грузом, а после войны было выдано франкистам.

В октябре 1936 года, когда мятежники подходили к Мадриду, было принято решение перевезти оставшуюся часть золотого запаса на средиземноморское побережье, чтобы золото не досталось врагу.

Министр финансов Негрин предложил Ларго Кабальеро переправить золото в СССР, чтобы гарантировать закупки нужных республике товаров и, прежде всего, оружия, причем не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Сам Кабальеро вспоминал уже в эмиграции в Мексике, что это было единственно возможным решением, так как во Франции или Англии золото в любой момент могло быть арестовано по требованию Франко, а в самой Испании оно было бесполезно. К тому же контролируемые анархистами власти Каталонии еще в августе 1936 года в ультимативном порядке потребовали перевода всего золотого запаса в Барселону. Правительство в Мадриде отвергло ультиматум и между центром и Каталонией началась настоящая финансовая война. НКТ-ФАИ сформировал боевые группы для насильственной «экспроприации» золота путем нападения на Испанский банк. Была организована даже транспортная система доставки золота в Барселону.

В этих условиях правительство республики 15 октября 1936 года официально обратилось к СССР с просьбой принять на хранение 510 тонн золота (стоимостью 1,58 млрд золотых песет, или 578 млн долл. в ценах того времени, из общей стоимости золотого запаса в 2,6 млрд золотых

песет). 2 ноября 1936 года корабли с золотом прибыли в СССР. На каждом из них находился сопровождающий груз полномочный представитель Испанского банка. Впоследствии золото было привезено в Москву и хранилось в Наркомфине СССР. Из него финансировались не только поставки советского оружия республике (причем цены на него не были выше аналогичных зарубежных образцов), но и выплата денежного довольствия советским военным специалистам, подготовка испанских летчиков в СССР, а также закупка нужных республике товаров в третьих странах. Испания стала вторым по значимости торговым партнером СССР после Англии. За первый квартал 1937 года советский экспорт в Испанию составил 51 миллион рублей (по сравнению с 2,6 млн за первый квартал 1936 года), а импорт — только 17 миллионов рублей (900 тыс. в первом квартале 1936 года). Республика поставляла в СССР в основном свинец и апельсины, но все равно для нее существовало огромное отрицательное сальдо, которое тоже покрывалось золотом Испанского банка.

И, тем не менее, золотой запас стал иссякать уже в начале 1938 года, а с марта все советские поставки осуществлялись в кредит. Сначала СССР предоставил Испании кредит на сумму 70 миллионов долларов на три года под три процента годовых, а в декабре 1938 года (тогда уже весь мир считал положение республиканцев безнадежным) еще один кредит в 100 миллионов долларов. Таким образом, все рассказы о том, что Москва присвоила себе чужое золото, просто не выдерживают сопоставления с фактами.

Интересно посмотреть, какой же была повседневная жизнь людей в Испанской республике в тот тревожный, но такой волнующий сердца и умы период конца 1936- начала 1937 года.

Мятеж и спровоцированная им революция изменили не только повседневный уклад жизни, но и внешний облик людей. Исчезли с улиц шляпы и галстуки, считавшиеся воплощением буржуазии. Впрочем, галстуки все же иногда надевали в особо торжественных случаях (свадьба, похороны и т. д.). Самой популярной одеждой и мужчин, и женщин стал синий рабочий комбинезон на молнии («моно асуль»), в честь которого был даже назван популярный литературно-публицистический еженедельник, где печатались лучшие поэты и прозаики Испании. Комбинезон (ставший своего рода и униформой народной милиции) дополняли тряпичные тапочки на веревочной подошве («альпаргатас»), также позаимствованные из заводских цехов. На смену шляпам пришли «революционные» кепки и береты. Женщины перестали носить украшения и не только из-за опасения прослыть «буржуазией». В первое время войны многие самозваные

патрули повально «реквизировали» драгоценности. Впоследствии, в конце 1937 года, многие женщины все же достали из сундуков нарядные платья и туфли на каблуках. Тогда эти предметы уже не считались чем-то предосудительным.

С осени 1936 года в Мадриде, а в 1937 году и в других крупных городах стали ощущаться трудности с продовольствием, хотя настоящий голод в республике наступил в 1938 году. Причины перебоев были не только в том, что основные сельхозугодья были в руках мятежников. Сказывались и инфляция, и неразбериха в промышленности, разлад транспорта (находившегося под контролем НКТ, за исключением железных дорог) и анархистские эксперименты в сельском хозяйстве.

В сентябре-октябре 1936 года стала ощущаться нехватка пшеницы, мяса и угля (им отапливались жилища). В марте 1937 года в Мадриде было введено рacionamento хлеба. Основной продовольственный набор жителя столицы состоял из риса, фасоли и оливкового масла. Стали употребляться в пищу люцерна, желуди и различные травы. В ноябре 1936 года Хунта обороны Мадрида ввела бонны и нормы отпуска по ним продовольствия. Сначала нормы были относительно терпимыми. Так, по решению от 9 декабря 1936 года каждому жителю полагались ежедневно 250 молока, 500 хлеба, 100 мяса, 500 фруктов, 250 картофеля и 100 овощей. Помимо этого, три раза в неделю по талонам можно было купить 100 рыбы, 100 риса, 50 сахара и 2 яйца. И, наконец, сверх того раз в неделю полагалось пол-литра оливкового масла, 50 кофе, 3 килограмма угля, 400 ветчины, 100 сыра, 100 трески, 1 банка концентрированного молока, 250 мясных или рыбных консервов и 500 овощных консервов. В 1938 году по талонам уже можно было получить только немного риса, фасоли и оливкового масла.

В республике расцвел черный рынок. Многие торговцы придерживали продукты и продавали их втридорога. Еще одной формой обогащения была продажа в нагрузку по баснословной цене ненужного покупателю товара. В то время, когда в Мадриде люди голодали, в Валенсии или Барселоне продукты были даже в избытке. Советское полпредство писало в Центр, что продовольственные трудности в крупных городах являются результатом неразберихи в организации снабжения населения. Например, в августе 1937 года килограмм помидор стоил в Валенсии 0,2 песеты, а в Мадриде — 2,40. Власти директивно устанавливали для розничной торговли верхний предел цен. Например, в сентябре 1937 года рис должен был стоить не больше 1,05 песеты за килограмм, кофе — 12,50, яйца — 3,75 (за дюжину), хлеб — 0,7, говядина — 5,75 и т. д. Однако, как правило, достать продукты по этим

ценам было невозможно, по крайней мере, в Мадриде. Профсоюзы стали организовывать для своих членов общественные столовые по талонам. Когда сахар и молоко стали отпускать только по рецептам врачей, многие притворялись больными и старались любым путем получить бюллетень. Самой популярной рубрикой в газетах стали объявления о распределении продуктов. Например, одна из мадридских газет сообщала в мае 1938 года: «Выдача ветчины! (50 граммов на человека за 1 песету по талонам)». В конце войны дневной рацион мадридца не превышал 800–900 калорий. Не хватало уже не только продуктов, но и бензина, дров, бумаги и табака. На улицах стояли большие, но, как правило, тихие очереди домохозяек.

Франкисты пытались пропагандистски использовать эти трудности, сбрасывая с самолетов булочки. Но воля мадридцев оставалась непреклонной и каких-либо волнений в городе не было. К тому же жители столицы считали, что сбрасываемые им с неба булочки изъяты из пайков военнопленных республиканской армии.

СССР оказывал продовольственную помощь (генсек КПИ Хосе Диас говорил, что критикам Советского Союза достаточно взглянуть на маркировку сливочного масла, которое едят солдаты), но она почти целиком шла войскам на фронт. В 1938 году после усиления морской блокады республики Коминтерн ориентировал все свои партии на сбор продовольствия и топлива для Испании. В Чехословакии многие рабочие отчисляли на это по кроне в месяц из своего заработка, английские горняки закупили и направили в республики 2000 тонн угля и т. д. Но, конечно, это было каплей в море. Положение усугублялось огромным наплывом беженцев из франкистской зоны. К концу 1937 года республике принадлежало только 40 % территории, но на ней находилось 70 % населения Испании.

Ввиду такой сложной ситуации нельзя не подчеркнуть успехи здравоохранения республики. Несмотря на отсутствие во многих случаях мыла и других предметов гигиены, с помощью прививок удалось избежать эпидемий, в т. ч. тифа. Многие мужчины сбрасывали волосы наголо и устраивали целые конкурсы на лучший внешний вид. Врачи республиканской Испании внедрили некоторые революционные методы лечения раненых (всего за время войны в Народной армии было ранено около 500 тыс. человек). Впервые в истории появились банки донорской крови (во время Первой мировой войны кровь переливалась непосредственно от донора раненому). Удавалось избежать большого количества ампутаций конечностей благодаря хирургическим операциям на месте с применением гипса и специальных повязок, приостанавливающих

приток крови к ранам. Наконец, раненых стали впервые перевозить по воздуху. Санатории республики сделались доступными для всех слоев населения. Следует отметить, что во время гражданской войны в Испании врачи впервые начали лечить ожоги и шоковые явления, которые были, прежде всего, результатами массированных бомбардировок.

Настоящую революцию произвела республика в области культуры. С октября 1936 года и до поражения в войне было открыто 10 тысяч новых школ. По инициативе министра образования коммуниста Хесуса Эрнандеса были созданы добровольные летучие бригады из учителей и просто городской интеллигенции, выезжавшие в деревню для обучения крестьян основам грамоты. Декретом от 30 января 1937 года во всех частях Народной армии создавалась т. н. «культурная милиция», подразделения которой прямо на фронте обучали солдат письму, чтению, основам истории, географии и арифметики. В целом этой системой было охвачено более 200 тысяч военнослужащих.

В ноябре 1936 года для всех трудящихся в возрасте от 15 до 35 лет были открыты «рабочие университеты» с отрывом от производства (при сохранении зарплаты). Ведущие профессора готовили на этих рабфаках к поступлению в университет. Обучение, книги, питание и размещение было бесплатным.

В республике издавалось много газет и книг. Как грибы после дождя возникали радиостанции. Битком набиты были кинотеатры, где шли не только советские, но и американские фильмы. Многие актеры Голливуда, такие, как Бетти Дэвис, Сильвия Сидни, Джоан Кроуфорд, Эррол Флинн и другие выступали в поддержку республики.

Был создан Национальный совет культуры, оказывавший материальную помощь ученым и деятелям искусства. Крайне популярный передвижной театр «Ла Баррака» (основанный убитым мятежниками Фредерико Гарсиа Лоркой) разъезжал по фронтам и деревням, большинство жителей которых за всю свою жизнь не видели ни одного спектакля.

Республика старалась уберечь от бомбежек музеи и памятники крупных городов (последние были заботливо укрыты мешками с песком). Директором музея Прадо был назначен Пабло Пикассо.

Следует отметить, что были переименованы многие улицы и площади. Вместо королей и принцев они стали носить такие имена, как Авенида Аграрной реформы, Площадь Революции и т. д.

Пожалуй, самые разительные перемены произошли в жизни испанских женщин. Среди них традиционно была более высокой неграмотность (в среднем на 50 % выше, чем у мужчин), их по пальцам можно было

пересчитать среди преподавателей университетов. Традиционно испанская женщина сидела дома и воспитывала детей. Детских садов не существовало. Если умирал муж, его вдова была вынуждена искать работу, так как никаких пенсий или пособий не существовало. Замужние женщины должны были иметь разрешение мужа при поступлении на работу, причем муж имел право получать их зарплату. Женщины выполняли малооплачиваемую и низкоквалифицированную работу, в основном, в текстильной промышленности. Представительницы слабого пола не получали пособий по безработице.

После июля 1936 года испанская женщина вырвалась из домашнего рабства. Были сформированы женские батальоны милиции. Все города республики покрылись плакатами с изображением симпатичных девушек с винтовками, призывавшими парней не отставать от них в ратном деле. Многие женщины героически погибли в боях (например, Лина Одена). После первых двух месяцев «романтической войны» женщин вывели с передовой (оставшиеся занимались стиркой, готовили еду или были связными), и прекрасные испанки стали опорой фронта в тылу. Образовывались общественные кухни и госпитали, и после начала мобилизации женщины заменили мужчин на производстве. Коммунисты выступали против участия женщин в боях, справедливо полагая, что для этого вполне достаточно мужчин призывного возраста. Но когда правительство Кабальеро опубликовало декрет, запрещающий женщинам непосредственное участие в боевых действиях, это вызвало огромное недовольство представительниц прекрасного пола и протесты в армии.

В лице одного из лидеров НКТ-ФАИ Федерики Монтсени Испания получила первую женщину-министра в своей истории. Но, конечно, самой известной испанской женщиной и в стране, и в мире была одна из руководителей КПИ, вице-президент парламента Долорес Ибаррури (1895–1989), родившаяся в семье шахтера недалеко от Бильбао в Стране басков. С юных лет она принимала участие в политической борьбе, а в феврале 1936 года революционная Астурия избрала ее депутатом кортесов. Всегда одетая в черное, она собирала на митинги в Испании и Франции сотни тысяч людей. За блестящие ораторские способности ее прозвали «Ла Пассионария» («Пламенная») и избрали почетным командиром нескольких частей Народной армии. Представитель Коминтерна в Испании отмечал, что Ибаррури работает целыми днями, не имея ни одного помощника. Когда стали известны планы «пятой колонны» по организации покушений на ведущих деятелей КПИ, с помощью советских советников была организована охрана Ибаррури, хотя «Пассионария» решительно возражала

против этого «ареста». После падения республики Долорес Ибаррури эмигрировала через Францию в СССР. Ее сын Рубен, став офицером Красной Армии, геройски погиб 4 сентября 1942 года при обороне Сталинграда. Он, конечно, мог бы остаться в тылу, но захотел, по его словам, своей кровью отблагодарить советских товарищей за помощь его Родине. Долорес Ибаррури посчастливилось вернуться в Испанию после смерти Франко, где Астурия вновь избрала эту женщину-легенду в кортесы.

Под руководством коммунистов была создана первая массовая женская организация Испании — Союз женщин-антифашисток, объединившая 50 тысяч человек. Своя организация была и у анархистов — Свободные женщины (20 тысяч). Анархисты, естественно, не могли не блеснуть новаторскими идеями и в сфере равенства полов. Все публичные дома Барселоны были объединены в профсоюз. Была налажена пропаганда свободной любви и массовый выпуск порнографических открыток. Браки заключались просто в присутствии членов своей профсоюзной организации или колонны милиции. Потом, правда, некоторые анархистские группы стали закрывать публичные дома, так как женщины подвергались там «капиталистической эксплуатации». Как ни странно, в защиту проституции выступила католическая церковь: лучше мужчина удовлетворит свою плотскую страсть с падшей женщиной, чем лишит девственности добропорядочную девушку.

В целом, никогда еще женщина в Испании не была такой свободной и равноправной, как во времена республики. Были отменены все дискриминационные положения в трудовом законодательстве и легализованы аборты. После падения республики 30 тысяч женщин было брошено в тюрьмы, многие из них казнены. На захваченной мятежниками территории проходили массовые изнасилования молодых женщин и девушек, семьи которых были известны своими левыми взглядами. После этого жертв насилия обривали наголо и проводили по улицам их родных городов и деревень. Стоявшие по обе стороны улиц фалангисты осыпали несчастных плевками и оскорблениями. Но это только усиливало ненависть населения к «национальным войскам». Тысячи женщин вливались в партизанские отряды, чтобы отомстить за себя или своих близких.

Итак, к концу марта 1937 года, казалось, что жизнь в республиканской зоне входит в норму. Восстанавливался механизм государственного управления, росла и добивалась своих первых побед Народная армия. Но именно ее успех под Гвадалахарой, как ни странно, дал толчок серьезнейшему внутривластному кризису.

Основной партией республиканской зоны Испании к марту 1937 года

окончательно стала коммунистическая. Из ее 249 тысяч членов (больше, чем во всех других партиях вместе взятых), было 90 тысяч рабочих, 64 тысячи сельхозрабочих, 10 тысяч крестьян, 6,5 тысяч представителей интеллигенции и офицерского корпуса, 15 тысяч лиц свободных профессий. В КПИ состояло 18 тысяч женщин. В родственной КПИ каталонской ОСПК было 45 тысяч членов, и за ней шел ВСТ Каталонии, обогнавший весной 1937 года местный НКТ по количеству членов (450 тысяч человек). Партия издавала 4 ежедневные газеты: «Мундо Обреро» (тираж 60 тыс. экз.), «Френте Рохо» (10 тыс.), «Нуэстра Палабра» (15 тыс.) и «Бандера Роха» (10 тыс.). Суммарный тираж газет ОСПК и ВСТ Каталонии составлял более 80 тысяч экземпляров. Однако коммунистическая партийная печать по суммарному тиражу и объему каждого выпуска серьезно уступала анархистской прессе. Находившийся под контролем НКТ профсоюз печатников долго препятствовал выходу в свет газеты компартии в Валенсии, ссылаясь на разные «объективные» причины вроде нехватки бумаги (для анархистских газет бумага, естественно, всегда находилась).

За коммунистами шла Объединенная социалистическая молодежь (ОСМ), образованная путем слияния молодежных организаций КПИ и ИСРП 1 сентября 1936 года в Мадриде. Соцмол сыграл выдающуюся роль в обороне Мадрида в ноябре 1936 года, послав на фронт 20 тысяч членов (до этого времени на передовую выступило 70 добровольческих батальонов ОСМ). В дни франкистского штурма бывшие лидеры молодежной организации ИСРП вышли из партии и вступили в КПИ. Весной 1937 года в ОСМ было 250 тысяч членов, а ее газета «Аора», печатавшаяся в броневике на передовой, имела тираж 100 тысяч экземпляров.

КПИ и ОСМ имели мощное влияние в вооруженных силах, будучи «воюющими» организациями. Члены компартии и ОСМ весной 1937 года составляли половину Народной армии (143 тысячи коммунистов и 150 тысяч соцмольцев носили военную форму). В авиации 80 % личного состава были членами партии. 26 бригад и 9 дивизий Народной армии были созданы на основе Пятого полка милиции КПИ. Во всех бригадах коммунистов и членов ОСМ было больше, чем, например, социалистов, в среднем в 10 раз.

Еще сильнее было влияние КПИ и ОСМ среди политкомиссаров: более половины которых были коммунистами и соцмольцами (советское полпредство оценивало уровень влияния коммунистов среди корпуса политических комиссаров еще выше — 80–90 %). Примечательно, что особенно много коммунистов-комиссаров было в низовом звене (батальон),

т. е. непосредственно на фронте. Из убитых до конца февраля 1937 года на Мадридском фронте 32 комиссаров был 21 коммунист, 7 членов ОСМ, 1 социалист, 2 республиканца и 1 беспартийный. Феноменом весны 1937 года стало массовое вступление в партию бывших кадровых офицеров испанской армии, среди которых были такие далекие от марксизма люди, как Миаха, Посас и Бурильо. Многие офицеры, отвечая на вопрос о своей партийной принадлежности, говорили: «Я член партии». И без уточнения было ясно, что имеется в виду КПИ. Офицеров и солдат влекли к коммунистам два фактора: признательность за военную помощь СССР и увиденное своими глазами достойное поведение коммунистов на фронтах.

Слабой стороной партии было практически полное отсутствие влияния в профсоюзах. Коммунисты работали в составе социалистического ВСТ и руководили там местными профсоюзами (в Мадриде из 150 тысяч членов ВСТ за коммунистами шло 65 тысяч). Но, в целом, вся политика партии была подчинена одной цели — выиграть войну, и на работу в тылу оставалось мало времени и кадров. Стремясь объединить в борьбе против мятежников как можно больше социальных групп населения, КПИ активно противодействовала разного рода «социальным экспериментам», способным оттолкнуть от республики крестьянство и средние слои. Интересно, что весной 1937 года ряды компартии росли, в основном, не за счет рабочих (для многих из них важнее было членство в профсоюзе, приносящее осязаемые материальные выгоды и не обременявшее общественной работой), а благодаря массовому вступлению в партию крестьян, интеллигенции и мелких собственников.

Социалистическая партия (ИСРП), несмотря на свою основную роль в правительстве, фактически не существовала как единое целое, будучи по-прежнему расколота на левое крыло Кабальеро и центристов Прието. Кабальеро опирался не на ИСРП, а на руководимый им ВСТ, куда входило 1,5 млн членов. Премьер по-прежнему проповедовал немедленное введение социализма, что сочеталось у него причудливым образом с казенным и рутинным стилем повседневной работы. Центральный партаппарат ИСРП, находившийся под контролем Прието, по всем вопросам повседневной жизни, особенно по военному, занимал идентичные КПИ позиции.

Наконец, НКТ-ФАИ насчитывали 2 миллиона членов, но по-прежнему отказывались войти в Народный фронт, хотя и участвовали в правительстве. Между анархистами и коммунистами шла каждодневная идеологическая война, подчас перераставшая в вооруженные столкновения, особенно в Каталонии. ОСПК наращивала свое присутствие на Арагонском фронте, послав туда 15 тысяч членов, составивших наиболее боеспособную

дивизию им. Карла Маркса. Но анархистское командование фронта, несмотря на полученное в конце 1936 года оружие (750 пулеметов, 12 орудий, 9 тысяч винтовок и 13 миллионов патронов), отказывалось переходить в наступление и не давало оружия коммунистическим частям.

КПИ пыталась наладить единство действий с НКТ-ФАИ, используя, в частности, огромную популярность Советского Союза среди анархистских масс (один из лидеров НКТ заявил, что, если кто-либо нападет на СССР, он пойдет туда воевать простым красноармейцем). Но, к сожалению, в действительности дело доходило до убийств коммунистов анархистами. 24 декабря 1936 года патрулем НКТ в Мадриде был тяжело ранен член Хунты обороны Мадрида коммунист П. Ягуэ. Суд под давлением анархистов оправдал стрелявших. Все ждали открытого вооруженного столкновения в столице. Но компартия, не желая подрывать единство Народного фронта, не стала мстить. Наоборот, на фоне этого инцидента в Валенсии был подписан первый в истории совместный документ НКТ-КПИ, призывавший членов обеих организаций к сотрудничеству в антифашистской борьбе. Советское полпредство отмечало ошибки коммунистов во взаимодействии с анархистами, например, огульную критику всех анархистских руководителей, которых многие члены компартии считали «пропащими» для дела революции людьми. Москва же, напротив, рекомендовала пропагандировать на страницах коммунистической печати тех анархистских вожаков, которые храбро сражались на фронте (хотя полпредство признавало, что таких было немного).

Между тем, к неудовольствию Кабальеро, руководство ИСРП обратилось 26 декабря 1936 года к КПИ с предложением начать переговоры о единстве действий обеих партий. Компартия согласилась и в январе 1937 года предложила объединиться в одну партию, как это уже произошло в Каталонии. Руководство ИСРП отвергло такой шаг, хотя и согласилось на создание постоянной комиссии обеих партий для подключения к переговорам представителей левого крыла ИСРП, которые раздумывали над предложением коммунистов более двух месяцев. Кабальеро, в частности, возражал против слияния обеих марксистских партий под тем предлогом, что коммунисты стали самой умеренной партией республиканской Испании (и это была сущая правда).

Коммунисты (и в этом их поддерживал Коминтерн) до февраля 1937 года воздерживались от любой критики Кабальеро, наоборот, всячески укрепляя его авторитет (хотя и это не нравилось «испанскому Ленину»: он говорил коммунистам, что те специально строят ему пьедестал, чтобы удобнее затем с него низвергнуть). Но катастрофа под Малагой показала,

что дальше медлить с неотложными шагами по укреплению армии нельзя. Между тем Кабальеро, возмущенный массовой демонстрацией в Валенсии, которую он считал делом рук коммунистов (хотя ее организовал его родной ВСТ), перешел к открытым нападкам на КПИ в близких ему органах СМИ. Компартия обвинялась в «прозелитизме», т. е. переманивании членов других партий и, прежде всего, ИСРП. Под давлением коммунистов, соцпартии и большинства анархистов Кабальеро был вынужден отправить в отставку своего заместителя и любимчика генерала Асенсио, но публично заявил, что считает этот шаг ошибкой, на которую его заставили пойти коммунисты.

После победы под Гвадалахарой, которую Кабальеро приписал себе, хотя дело спасли подготовленные резервы («коммунистическая» дивизия Листера и интербригады), решив, что натиск мятежников ослаб, премьер попытался ограничить влияние КПИ. На флоте было арестовано несколько офицеров-коммунистов. Члены КПИ были изгнаны из Хунты обороны Мадрида, а в конце апреля и сама Хунта обороны столицы была распущена. Возмущение вызвал и приказ Кабальеро о запрещении повышения в званиях выше майора офицеров, вышедших из рядов народной милиции. Многие сочли этот приказ прямо направленным против героя Гвадалахары майора Листера.

Но наиболее сильный удар был нанесен по Главному военному комиссариату (ГВК) под флагом запрета партийной деятельности в армии. Под этим лозунгом был вычищен не только ГВК, но и Генштаб (был уволен начальник разведотдела коммунист Эстрада). Коммунистам стали отказывать в приеме в офицерские школы.

После пленума ЦК КПИ 5–8 марта 1937 года коммунисты подняли брошенную премьером перчатку и тоже стали критиковать Кабальеро, требуя, прежде всего, начать строительство массовой армии. А здесь творились порой анекдотические вещи. Когда была объявлена мобилизация пяти возрастов, буквально вырванная у Кабальеро на заседании правительства, то в первый же день на участки явилось 80 % военнообязанных. Но им сказали, что для их приема нет помещений и распустили по домам. Одновременно Кабальеро почему-то запретил набор добровольцев.

Военная промышленность страны фактически простаивала, а военное министерство в течение недель не могло распределить по фронтам имевшиеся запасы вооружения. Произведенные рабочими Валенсии по собственной инициативе 40 броневиков более полутора месяцев стояли на складе, так как военное министерство не могло решить, какого типа

пулемет на них поставить.

Кабальеро через свои газеты перешел к нападкам на СССР, который, мол, ничем не отличается в своей политике от Франции и Великобритании. Возвеличивалась помощь Мексики, хотя при всем уважении к мужеству правительства этой страны, поставки оттуда составляли лишь мизерную часть советских. Постепенно у Ларго Кабальеро сложились и плохие отношения с советским послом Розенбергом. Премьер упрекал своего министра иностранных дел Альвареса дель Вайо (члена ИСРП), что тот не имеет собственной позиции, а говорит словами советского полпреда. Здесь следует сказать, что советское полпредство в своих донесениях в Москву давало объективную картину внутривнутриполитического положения в Испании, отмечая и ошибки коммунистов. Антонов-Овсеенко из Барселоны с симпатией сообщал об изменениях в политике анархистов в сторону мобилизации всех сил для победы и настраивал каталонских коммунистов на прекращение публичной критики анархистов в партийных средствах массовой информации. Советский генконсул в своих депешах в Центр нередко становился на сторону Каталонии в ее спорах с Мадридом, справедливо отмечая стремление Кабальеро свести каталонскую автономию к фикции.

Вопреки встречающимся в некоторых исторических исследованиях утверждениям ни Розенберг, ни Антонов-Овсеенко не участвовали в процессе принятия кадровых решений в испанском руководстве и тем более не навязывали испанцам собственных кандидатур. Когда в марте 1937 года Антонов-Овсеенко вступил в публичную полемику с центральным органом анархистов газетой «Солидаридад Обрера» (что не выходило за рамки принятой во всем мире дипломатической практики), полпред Розенберг просил НКВД дать указание генконсулу в Барселоне прекратить подобные действия, чтобы не задевать самолюбие лидеров НКТ. И все же Розенберг навлек на себя гнев Кабальеро тем, что настаивал на более энергичном ведении войны и более эффективном и рациональном использовании советской военной помощи. Но тогда такую же позицию занимали не только испанские коммунисты, но и большинство социалистов и республиканцев, а также все военное руководство, особенно на фронтах. Когда Кабальеро высказал недовольство Розенбергом, тот был немедленно в феврале 1937 года отправлен на родину (в декабре 1937 года Розенберг был арестован, а в 1938 году казнен; реабилитирован в 1957 году) и новым полпредом стал советник полпредства Леонид Гайкис (1898–1937). Гайкис был одно время секретарем Чичерина, затем работал в Мексике и в системе Профинтерна. Перед направлением в Испанию занимал пост генерального

консула СССР в Стамбуле.

Новый полпред по заданию Москвы прямо поставил перед Кабальеро вопрос о необходимости кардинального обновления военного руководства республики за счет выдвижения на руководящие должности молодых, инициативных офицеров. Испанскому премьеру доказывали, что победа под Гвадалахарой могла обернуться катастрофой, если бы мятежники начали скоординированное с итальянцами наступление на Хараме. Ведь у республики не было обученных резервов и итальянцев под Гвадалахарой разгромили войска переброшенные с Харамы. А что было бы, если мятежники сковали их там? Но Кабальеро, со свойственным ему упрямством, стоял на своем: он как военный министр осуществляет руководство войной и это у него получается отлично. В Москве даже подумывали о свертывании военной помощи Испании, так как при таком руководстве армией любые ее объемы были не в состоянии обеспечить победу республики (на Хараме советские танки были просто брошены пехотой на произвол судьбы и понесли огромные потери). Но Гайкис, напротив, рекомендовал усилить содействие (интересно, что даже в секретной переписке с Москвой советский полпред говорил не о советской военной помощи, а о «помощи друзей»), чтобы советские советники и боевая техника своим примером доказывали на поле боя правильность даваемых Советским Союзом рекомендаций. В противном случае, отмечал полпред СССР, поражение Испанской республики наступит стремительно.

Между тем Кабальеро начал активно торпедировать идею объединения ИСРП и КПИ, которую еще недавно горячо пропагандировал. Сначала он настаивал на исключении из будущей партии центристов во главе с Прието, потом за присоединение единой партии ко II Интернационалу (который, в отличие от Коминтерна, ничем не помог республике). Наконец, сбросив маску, Кабальеро заявил, что те, кто хочет единства, могут просто вступить в ИСРП.

Не имея поддержки собственной партии, Кабальеро вдруг начал сближаться с НКТ и выдвинул идею создания «чисто профсоюзного» правительства из членов ВСТ и НКТ. Но даже анархисты, критикуя партии как «пережиток буржуазной демократии», не пошли в эту западню. Они стали понимать, что без коммунистов просто нельзя выиграть войну.

Тем не менее, ободренные авансами Кабальеро, анархисты решили укрепить свое пошатнувшееся влияние в Каталонии. 21–22 марта 1937 года они предъявили ультиматум главе Генералидада Компанису, требуя передать НКТ-ФАИ контроль над экономическими и военными ресурсами Каталонии и угрожая в случае невыполнения «прямым действием». Членам

ОСПК прямо угрожали оружием на заседании правительства. До середины апреля длился правительственный кризис и хотя состав Генералидада не изменился, анархистам удалось свести на нет принятое решение о роспуске их патрулей и создании единых сил безопасности. Не удовлетворившись частичным успехом, анархисты начали перебрасывать в Барселону оружие и некоторые части с фронта, намереваясь показать «кто в доме хозяин».

Коммунисты пытались договориться с Кабальеро, апеллировали к Асанье. Президент заявил, что он вообще предпочел бы, чтобы компартия стала наиболее сильной по численности партией кабинета министров, но по соображениям международного порядка (возможная критика со стороны Англии и Франции) это нецелесообразно. К концу апреля 1937 года советское полпредство, коммунисты, Асанья, большинство социалистов и даже анархисты видели выход из намечавшегося внутривластного тупика в разделении постов премьера и военного министра (президент республики еще в 1933 году считал Кабальеро настолько больным, что ожидал со дня на день его ухода из большой политики). С точки зрения советского полпредства идеальным вариантом было бы сохранение за Кабальеро кресла главы правительства, чтобы он мог делать то, что у него получалось: служить знаменем левых сил. Конкретную же работу по реорганизации армии должны делать энергичные профессионалы. Но весь вопрос был в том, как убедить упрямого и нетерпимого к критике Кабальеро добровольно пойти на этот шаг. Никто не хотел ввязываться в открытую борьбу против главы правительства в условиях непрекращавшейся войны.

Уже в марте 1937 года представители Коминтерна констатировали в республике острый правительственный кризис. Он стал необратимым после 14 апреля, когда Кабальеро издал приказ об увольнении и перерегистрации всех комиссаров армии. Все новые назначения в структуре ГВК отныне становились прерогативой не главы комиссариата, а самого военного министра. Кабальеро прямо заявил, что причиной этого шага было желание очистить комиссариат от коммунистов. Войну против КПИ премьер начал еще и потому, что все яснее обозначалось единство действий КПИ и ИСРП, которого он не желал и хотел предотвратить. Но все же 16 апреля 1937 года был создан т. н. Национальный комитет связи ИСРП и КПИ, за которым последовали аналогичные органы на местном уровне. Кабальеро чувствовал, что становится ненужным, что власть просто ускользает из его рук.

Кризис власти в республике назрел окончательно и разрешился в начале мая вооруженным путчем в Каталонии. Одним из основных актеров

этой трагедии была Рабочая партия марксистского объединения (испанская аббревиатура ПОУМ), основанная в 1935 году путем слияния испанских троцкистов — Испанской коммунистической левой — и Рабоче-крестьянского блока. В момент основания партия насчитывала 7 тысяч членов и контролировала 60-тысячные профсоюзы. Ее влияние фактически ограничивалось Каталонией. В 1936 году ПОУМ сначала не хотела вступать в Народный фронт, высказываясь, как и Ларго Кабальеро за чисто рабочий избирательный союз. Но здравый смысл все же возобладал. ПОУМ присоединилась к Народному фронту, и один из руководителей партии Маурин прошел в кортесы. Основным лидером ПОУМ был Андрес Нин (1892–1937). Сын башмачника, Нин уже в 1911 году вступил в молодежную организацию ИСРП, затем перешел к анархистам и в 1921 году стал генеральным секретарем национального комитета НКТ. После убийства анархистами премьер-министра Дато, опасаясь преследований, Нин эмигрировал в СССР, вступил в РКП (б) и работал на ответственном посту секретаря международной организации коммунистических профсоюзов — Профинтерна. С 1923 года Нин примыкал к троцкистской оппозиции и в 1930 году был выслан из СССР. Позднее, уже в Испании, Нин идейно разошелся с Троцким. Даже сверхреволюционный Лев Давидович стал казаться ему оппортунистом, так как призывал своих сторонников вступать в социалистические и социал-демократические партии с целью раскола их изнутри. Однако влияние троцкизма на ПОУМ сохранилось и проводилось, главным образом, через секретаря партии по международным вопросам Хулиана Горкина.

После мятежа июля 1936 года ПОУМ сформировал несколько колонн и отправил их на Арагонский фронт. Число сторонников партии росло, хотя, конечно, и не в такой пропорции, как КПИ. Нин стал членом каталонского генералидада (советником по юстиции), но под давлением ОСПК в конце 1936 года покидает свой пост.

Линия ПОУМ, выражаемая через центральный орган партии газету «Ла Баталья» («Битва»), была ультрареволюционной: ПОУМ требовала установления диктатуры пролетариата, образования рабоче-крестьянского правительства, противилась превращению милиции в армию (считая это «разоружением народа»). В общем, можно сравнить требования ПОУМ с НКТ, хотя поумовцы и были против загибов анархистов вроде отмены денег или немедленной ликвидации государства.

С начала 1937 года резко ухудшились отношения ПОУМ с КПИ. Конечно, здесь свою роль играли политика Сталина и начавшаяся в СССР шумная кампания против Троцкого. Но справедливости ради надо сказать,

что сам Троцкий давал Москве обильную пищу для критики. В частности, он призывал к восстанию в СССР и свержению предавшей идеалы революции сталинской бюрократии. Лидер IV Интернационала договаривался даже до того, что приветствовал интервенцию против Советского Союза как катализатор внутренних изменений там.

«Ла Баталья» в Испании также публиковала антисоветские материалы, что, естественно, не могло радовать ни испанских коммунистов, ни Москву. Например, 24 января 1937 года «Ла Баталья» напечатала резолюцию Исполкома ПОУМ «против чудовищного преступления, готовящегося в Москве» (имелся в виду процесс против Пятакова, Радека и других). Конечно, с точки зрения справедливости и морали, поумовцы были правы, но в условиях гражданской войны в их стране, когда жизненно важная военная помощь республике шла только из Советского Союза, такая критика была по своим. Ведь в годы Второй мировой войны печать стран антигитлеровской коалиции воздерживалась от критики общественного строя в странах-союзниках, хотя ни Черчилль, ни Сталин не изменили своих диаметрально противоположных политических взглядов. Трудно было даже представить, чтобы Франко позволил прессе в своей зоне печатать какие-либо критические материалы в адрес Германии и Италии, хотя сам «каудильо» не питал больших симпатий к внутреннему устройству нацистской Германии (Гитлер активно преследовал у себя дома католиков, в то время как Франко сделал борьбу за возвращение бывшего влияния католической церкви в Испании знаменем своего «крестового похода»). Наконец, советская пресса не вмешивалась во внутривнутрипартийную борьбу в Испании, а военные сводки печатала только на основе правительственных коммюнике, зачастую весьма далеких от действительности (например, однажды сводка сообщала об успешном наступлении республиканских войск, в результате которого не было потеряно ни пяди территории!). А газета ПОУМ писала, что корреспондента «Правды» в Испании «Кольцова можно назвать больше, чем мерзавцем — канальей и больше, чем канальей — дураком».

Но если под поумовской критикой внутренней политики СССР была хотя бы какая-то основа, то внешнеполитический курс Советского Союза ПОУМ ругала и по существу неверно. «Ла Баталья» писала, что «Сталин и Литвинов оставили революционный марксизм и впадают в национализм...» Для Ленина Лига наций была убежищем империалистических бандитов. Сталин и Литвинов превратились в чемпионов защиты этого убежища бандитов». А 26 января 1937 года центральный орган ПОУМ доказывал своим читателям, что вокруг

испанской войны «создалось два блока». Первый в составе Берлин-Рим-Лиссабон-Токио, второй в составе Париж-Лондон-Москва. Причем, второй блок, по мнению ПОУМ, хотя и хочет воспрепятствовать распространению фашизма в Испании, но одновременно абсолютно не желает победы испанской революции. Таким образом, политика СССР, направленная на укрепление сотрудничества с западными демократиями против Гитлера, классифицировалась испанскими троцкистами как предательство мировой революции. Похоже, что поражение пролетариата в Германии так ничему и не научило ПОУМ, которая упорно цеплялась за отжившие, сектантские лозунги, объективно работавшие против республики.

Чтобы еще больше позлить «русских», у поумовцев появилась даже идея... пригласить в Испанию Троцкого и сделать страну базой нового «настоящего» социализма!

К маю 1937 года отношения КПИ с Кабальеро, ПОУМ и анархистами обострились до предела. Достаточно было лишь небольшой искры для открытой вспышки конфликта.

25 апреля 1937 года в каталонском городе Льобрегат был убит лидер ВСТ Каталонии и член ОСПК Рольдан Кортада. Его похороны вылились в грандиозную манифестацию в Барселоне, которую «Ла Баталья» назвала «контрреволюционной». После ареста убийц (оказавшихся анархистами) Генералидад уже в который раз потребовал от ФАИ-НКТ сдать все оружие и распустить свои патрули. В ответ анархисты демонстративно привели свои боевые дружины в состояние повышенной готовности и 28–30 апреля захватили город Ospitallet и береговые батареи Барселоны.

1 мая 1937 года, учитывая напряженность обстановки, ВСТ и НКТ призвали воздержаться от массовых демонстраций. «Ла Баталья» требовала от сторонников ПОУМ не сдавать оружие, быть бдительными и готовыми к «разрушению всех буржуазных институтов». Ей вторил центральный орган НКТ «Солидаридад Обрера»: «Рабочие! Не дайте разоружить себя!». Радио мятежников сообщало о начавшихся в Каталонии массовых беспорядках, хотя пока на улицах было еще спокойно.

1 мая 1937 года президент республики Асанья разговаривал из Барселоны по телефону с правительством в Валенсии, как вдруг его прервал чей-то голос, потребовавший не говорить на данную тему. Это были анархисты, державшие под контролем центральную телефонную станцию (ЦТС) Барселоны (как и другие предприятия Каталонии, она была «коллективизирована»). 2 мая 1937 года Прието, звонивший из Валенсии в генералидад, услышал в трубке, что последнего уже нет и вместо него создан некий «Комитет обороны Барселоны». Засевшие на ЦТС анархисты

и раньше по своему усмотрению прерывали телефонные разговоры (даже с испанскими послами за границей), но на этот раз чаша терпения переполнилась.

3 мая генеральный комиссар Генералидада по вопросам безопасности Родригес Сала в сопровождении нескольких десятков бойцов штурмовой гвардии прибыл на ЦТС, чтобы взять ее под контроль. Анархисты (30 вооруженных боевиков с 4 пулеметами) встретили силы правопорядка огнем и последним удалось занять только нижний этаж. ПОУМ, НКТ-ФАИ (местные организации) призвали своих сторонников оказать вооруженное сопротивление и Барселона стала покрываться баррикадами. Многих рабочих троцкисты и анархисты вывели на улицы обманом, заявив, что республиканская гвардия восстала против законного правительства. Вечером барселонское руководство НКТ предъявило Генералидаду ультиматум: немедленно передать посты ответственных за безопасность, оборону и промышленность анархистам и арестовать Салу. Ультиматум был отвергнут и обе стороны начали укреплять свои позиции. Зенитные батареи Барселоны, контролируемые НКТ, были перенацелены на здание Генералидада.

Правительство в Валенсии сразу поняло всю серьезность ситуации (тем более, что радио франкистов не переставало говорить о «национально настроенных» анархистах и поумовцах, поднявшихся против коммунистов и их «французских и русских хозяев») и направило в Барселону 3000 штурмовых гвардейцев и два эсминца. Хотя Кабальеро вел двойную игру. С одной стороны он требовал от Генералидада решительных наступательных действий против НКТ, обещая немедленную помощь, а с другой — конфиденциально сообщил анархистам, что каталонское правительство настаивает на скорейшей присылке войск, но премьер-де против кровопролития. Тем самым Кабальеро хотел спровоцировать жестокие бои между анархистами и Генералидадом (Генералидад опирался, в основном, на ОСПК), чтобы обескровить и коммунистов, и ФАИ-НКТ.

4 мая анархисты и члены ПОУМ перешли в атаку и напали на здания управления общественного порядка, штаб-квартиру ОСПК и ВСТ, а также на казармы им. Карла Маркса, где формировались для отправки на фронт части ОСПК. Тут-то и выяснилось, что анархисты, кричавшие о своей безоружности, были вооружены до зубов. Только защитники казарм им. Карла Маркса подбили несколько их броневиков. В тот же день в Барселону прибыли министры-анархисты Оливер и Монтсени, призвавшие по радио своих сторонников прекратить братоубийственную войну.

Но путчисты не унимались. Была объявлена всеобщая забастовка. А 5

мая части 46-й (анархистской) и 29-й имени Ленина (поумовской) дивизий (членов ПОУМ в дивизии было не более 15 %) самовольно оголили фронт и пошли на Барселону. Причем командование этих частей на специально созванном совещании наметило целый план мятежа, предусматривавший занятие ряда городов (например, Барбастро) и окружение коммунистической дивизии имени Карла Маркса. Республика оказалась на краю гибели. В столице Каталонии силы восставших насчитывали уже 7–7,5 тысяч бойцов (в т. ч. тысяча сторонников ПОУМ, остальные анархисты). Однако, фронтовые части и военных в тылу вовлечь в мятеж практически не удалось. С фронта до Барселоны добрались только 600 бойцов бывшей дивизии Дуррути, а в самой Барселоне восемью выстрелами по зданию полицейского комиссариата отметилась батарея 155 мм орудий (правда, ни один снаряд не попал в цель, так как и артиллеристы, по-видимому, не желали точно исполнять противоправные приказы своего командира).

Анархисты держались в ходе мятежа хитрой линией. Центральное руководство ФАИ-НКТ, понимая, чем в условиях военного времени может закончиться для них лично участие в путче, формально призывало своих сторонников прекратить братоубийственную борьбу. С другой стороны, барселонским анархистам был дан фактически карт-бланш, хотя на передний план рекомендовалось выпячивать троцкистов, чтобы в случае провала мятежа сделать из них «козлов отпущения». Забегая вперед, заметим, что так и произошло.

Хотя большинство рабочих Барселоны не поддержало мятеж, а колонны двух дивизий (там находилось несколько батальонов) были остановлены у Лериды командующим Арагонским фронтом Рейесом и бойцами ОСПК, которые, угрожая применением авиации, заставили восставших повернуть обратно.

В Барселоне ОСПК держалась оборонительной тактики, не желая окончательно испортить отношения с анархистами, в рядах которых отношение к начавшимся беспорядкам было далеко не однозначным. Коммунисты вооружили 2000 членов партии (1000 винтовок, 50 ручных и 20 станковых пулеметов), но, несмотря на неоднократные предложения Генералидада, отказывались от наступления на штаб-квартиру НКТ.

5 мая было заключено перемирие на условиях «ни победителей, ни побежденных». Но мятежники не унимались и уже требовали расстрела тех, кто пришел 3 мая на ЦТС. ПОУМ вообще не приняла перемирия и призвала своих сторонников оставаться на улицах. 6 мая в Барселоне продолжалась стрельба и по дороге на работу был убит член Генералидада

от ОСП, наиболее способный и видный коммунист Каталонии Антонио Сесе. Когда на улицы вопреки приказу анархистов о забастовке вышли первые трамваи, их стали забрасывать гранатами.

Троцкисты и поумовцы захватили несколько городов Каталонии. Председатель Комитета по невмешательству лорд Плимут уже обсуждал высадку в Каталонии английских войск, если мятеж затянется. Авиация и ВМС мятежников обстреливали с моря идущую на Барселону колонну штурмовых гвардейцев.

В этих условиях ОСПК, понимая, что нельзя терять ни минуты, перешла в контрнаступление и к вечеру 6 мая ее силы захватили ЦТС и Центральный (Французский) вокзал. В тот же день силы правопорядка заняли здание газеты ПОУМ «Ла Баталья» и закрыли ее за непрекращавшиеся призывы к продолжению беспорядков (правда, «Ла Баталья» продолжала выходить, так как ПОУМ заранее подготовила запасную типографию). Генерал Посас взял на себя командование всеми войсками в Каталонии, а 7 мая в Барселону прибыли, наконец, штурмовые гвардейцы. Путч явно провалился, и НКТ еще раз призвала своих сторонников сложить оружие и вернуться к работе.

Авантюра ПОУМ и НКТ обошлась в 400 убитых (по другим данным — 950) и 2600 раненых. При этом коммунисты благодаря продуманной тактике потеряли только 18 человек убитыми и 80 ранеными.

Вопреки мнению некоторых историков, путч в Барселоне осудили не только коммунисты, а все партии и организации Народного фронта. Мадридский орган ИСРП (в столице как раз в это время два дня не было хлеба) «Эль Сосиалиста» с возмущением писал, что в то время, когда враг атакует Мадрид, «эти бесконтрольные» поднялись против правительства республики. Рупор левых социалистов «Кларидад» требовал смерти фашистским агентам и немедленного роспуска ПОУМ. Кстати, тезис насчет фашистских агентов нашел свое подтверждение. Германский посол при Франко — Фаупель — писал в Берлин со ссылкой на брата «генералиссимуса», что агенты мятежников активно участвовали в разжигании беспорядков. Сотрудник пресс-службы германского министерства авиации Харро Шульце-Бойзен (будущий руководитель советской разведсети в Германии «Красная капелла») сообщил в Москву (посредством писем, которые его родственница Гизела фон Пельниц опускала в почтовый ящик советского торгпредства в Берлине) об агентуре абвера в Барселоне и в рядах интербригад. Гестапо впоследствии признавало, что после этих сообщений немецких агентов «поставили к стенке».

Между тем, Ларго Кабальеро заявил, что в Барселоне произошли всего лишь междоусобные партийные столкновения, а подконтрольная премьеру газета «Аделанте» вообще обвинила в беспорядках коммунистов.

11 мая в Барселоне совершенно легально прошел расширенный пленум ПОУМ, на котором мятеж был представлен как спонтанная реакция трудящихся масс на провокацию правительства. Несмотря на раздававшиеся на пленуме голоса критики, Нин сумел навязать партии эту точку зрения. На самом деле даже советское генконсульство в Барселоне узнало о подготовке мятежа еще в декабре 1936 года, когда ПОУМ была удалена из каталонского правительства. Путч намечался сначала на январь, а потом на февраль. Понимая ограниченность собственных сил, ПОУМ установила тесные контакты с молодежной организацией ФАИ «Либертарная молодежь» (она занимала еще более экстремистские позиции, чем «взрослые» анархисты) и гангстерскими элементами НКТ в Барселоне (профсоюз транспортников, давно терроризировавший конкурентов из ВСТ). И ПОУМ, и анархисты чувствовали, что их влияние в массах падает, так как левацкие эксперименты в промышленности привели к снижению жизненного уровня рабочих, а население устало от произвола поумовских и анархистских патрулей. В конце концов, мятеж был запланирован на 10–11 мая. Один военный топограф сообщил советнику по внутренним делам Генералидада, Айгуаде, что анархисты заказали ему план восстания к 4 мая. Следует заметить, что Антонов-Овсеенко сомневался в достоверности этой информации, так как анархисты и без плана прекрасно ориентировались в Барселоне. Но в любом случае подготовка вооруженного выступления велась заблаговременно и со свойственной испанцами открытостью, если не сказать беспечностью, обсуждалась публично.

После подавления мятежа было арестовано несколько десятков его участников, но уже к 12 мая 1937 года правительство освободило 154 из 214 задержанных. Требование КПИ и ОСПК о запрещении ПОУМ было проигнорировано. В этих условиях коммунисты уже не могли подставлять под удар правую щеку после левой. ЦК КПИ установил контакт с руководством ИСРП и договорился о единстве действий. По всей стране прошли многочисленные митинги. Части Народной армии, руководимые коммунистами, получили приказ быть готовыми к подавлению попытки государственного переворота.

14 мая 1937 года на очередном заседании правительства министры-коммунисты предложили обсудить положение в Каталонии и ход войны. Кабальеро заявил, что не может сказать ничего нового, и два министра —

члена КПИ покинули заседание. Кабальеро хотел как ни в чем ни бывало продолжать заседание, но тут, к его удивлению, из зала ушли и министры его собственной партии — ИСРП. Остались лишь друг Кабальеро — социалист министр внутренних дел Галарса — и министры от НКТ-ФАИ. Кабальеро был вынужден вручить Асанье прошение об отставке. Впрочем, он не особо беспокоился, надеясь сформировать новое правительство без КПИ.

Коммунисты в качестве условий своего возвращения в кабинет требовали разделения постов премьера и военного министра, создания полноценного генштаба, возобновления нормального функционирования Высшего военного совета, возрождения Главного военного комиссариата и роспуска ПОУМ.

В эти критические дни, а именно 15 мая 1937 года, генерал Миаха, давно ненавидевший надоевшего ему мелочными придирками Кабальеро, предложил руководству КПИ с опорой на армию взять всю полноту власти в стране. Это было вполне осуществимо, так как авиация, танковые части и наиболее боеспособные силы Центрального фронта беспрекословно шли за компартией. Но руководство КПИ сразу отвергло предложение Миахи, понимая, что это будет концом демократии и Народного фронта.

Между тем, Кабальеро, как он и рассчитывал, получил от Асаньи полномочия по формированию нового правительства. Туда он уже не включил ни одного коммуниста. 4 ключевых поста отводились ВСТ, по 2 — ИСРП и НКТ, по 1 — баскам и каталонцам. Но ИСРП заявила, что без коммунистов в правительство не войдет, а «принципиальные» борцы против государства — анархисты — были возмущены, что у них вместо прежних четырех остались только два министерских портфеля. Лидеры социалистов пытались уговорить Кабальеро пойти на компромисс с компартией, но тот заявил: «Или я — или они». Кабальеро явно переоценил свои шансы на успех. Асанья поручил 16 мая 1937 года формирование правительства члену ИСРП и бывшему министру финансов Хуану Негрину (собственно, кроме него у ИСРП был только один подходящий кандидат — Прието, но Асанье он не нравился своими резкими перепадами настроения от безудержного оптимизма к мрачному пессимизму). Уже 17 мая Негрин представил президенту свой кабинет, в котором он сам был еще и министром финансов, Прието — военным министром (включая влитые в это ведомство министерства ВВС и ВМС), республиканец и бывший премьер Хираль — министром иностранных дел. НКТ-ФАИ покинула кабинет по собственной инициативе, а министры-коммунисты сохранили два своих кресла (сельского хозяйства и образования).

Кто же был этот человек, согласившийся принять на себя ответственность за республику в столь нелегкое время и унаследовать противоречивый багаж правления «испанского Ленина»? Хуан Негрин родился в зажиточной буржуазной семье на Канарских островах в 1889 году. Родители послали его учиться медицине в Германию, где он стал доктором наук в 1912 году (Негрин увлекся модной в то время физиологией). После начала Первой мировой войны молодой доктор вернулся на родину и возглавил в 1922 году кафедру физиологии Мадридского университета. К политике врач обратился только в 1929 году, став членом ИСРП. В 1931 году после провозглашения республики Негрин был избран в кортесы от Канарских островов, не оставив своих занятий на кафедре физиологии. После поражения восстания в Астурии Негрин активно участвовал в митингах в защиту политзаключенных. Когда 4 сентября 1936 года было образовано правительство Ларго Кабальеро, Негрин, по рекомендации Прието, стал министром финансов. На этом посту тихий доктор показал неукротимую энергию и железную хватку, сумев в страшном хаосе 1936 года обеспечить относительно нормальное функционирование кредитно-банковской системы. В отличие от рутинера Кабальеро, Негрин в кратчайшие сроки смог организовать фактически заново боеспособный и хорошо дисциплинированный корпус карабинеров (их называли «100 тысяч детей Негрина», хотя на самом деле пограничников было около 40 тысяч).

Его назначение премьером было встречено многими с удивлением, так как в отличие от Кабальеро Негрин не сильно «светился» на массовых митингах. Сразу же заговорили о том, что это марионетка коммунистов, которые, мол, таким способом отплатили ему за отправку испанского золота в СССР. На самом деле Негрин как политик практического толка («технократ», как сказали бы сегодня) просто понимал всю разумность требований коммунистов о подчинении всех сторон жизни республики одной цели — выиграть войну. Именно поэтому, когда Асанья предложил ему возглавить кабинет, Негрин согласился лишь при одном условии: «быть стопроцентным председателем Совета министров». Он пришел, чтобы не представлять какую-то партию, а чтобы немедленно и энергично вывести республику из кризиса. Кстати в отношениях с советским послом и военными советниками из СССР Негрин практиковал не обращение «товарищ», а более формальное «сеньор председатель Совета министров».

Обиженный Ларго Кабальеро попытался поднять против нового кабинета ВСТ, но его собственный профсоюз отказал ему в поддержке. Анархисты, сначала шумно требовавшие оставить «товарища Ларго

Кабальеро» на обоих постах — премьера и военного министра, — потом сочли более разумным поддержать правительство Негрина. Тем более, что коммунисты, добившись запрета ПОУМ и ареста 17 июня 1937 года ее лидера Нина (последний был, по всей видимости, тайно убит в тюрьме), подчеркнуто дружелюбно и лояльно вели себя по отношению к НКТ, хотя анархисты никак не меньше троцкистов были замешаны в барселонском кровопролитии.

Да, республика преодолела опаснейший внутривластный кризис. Но цена его была велика. Мятежники получили передышку на основных фронтах и усилили начавшееся в апреле наступление на республиканский Север. Планировавшийся для помощи Северу в мае 1937 года контрудар республиканцев на Арагонском фронте оказался сорван из-за фактического мятежа его анархистских и поумовских частей. Но самым страшным последствием майского путча в далекой Испании стали события в СССР. Сталин, давно не доверявший некоторым военным, на примере Барселоны убедился, что призывы Троцкого к Красной Армии свергнуть предавшее идеалы революции правительство в Москве вполне могут быть и осуществлены. К тому же, почему это Тухачевский с несколькими дивизиями просился в Испанию? А тут еще через президента Чехословакии Бенеша ему переправили мастерски сфабрикованное гестапо и СД досье о связях популярного в РККА молодого маршала с германскими генералами. Но ведь и барселонские троцкисты, как сообщала разведка из Берлина, тоже были связаны с гитлеровскими спецслужбами. Все эти факты и гипотезы, помноженные на граничащее с паранойей недоверие Сталина, запустили кровавый маховик массовых репрессий против командного состава Красной Армии в конце мая 1937 года. Что, в свою очередь, аукнулось страшными поражениями черного лета 1941 года, поставившими Советский Союз на край пропасти.

Подытоживая анализ внутривластного положения республики, можно констатировать, что политическая жизнь в республиканской Испании была столь бурной и многообразной, что казалось: речь идет об обычной стране, а не о воюющем за свое право на существование государстве. В конце концов, именно отсутствие сплоченности в тылу и погубило республиканцев.

В отличие от своих врагов по ту сторону фронта, Франко, с несвойственными испанскому национальному характеру холодностью и расчетом, не допускал в своем тылу ни малейшей политической активности, если она не была с ним заранее согласована. В «национальной» зоне с момента мятежа действовало военное положение и

были запрещены все политические партии и профсоюзы. Карлисты и фалангисты действовали, скорее, как общественные движения помощи армии. Под страхом смерти были запрещены все забастовки. Цены и зарплаты были заморожены на уровне февраля 1936 года, выгодном для предпринимателей (кое-где, правда, и на уровне 18 июля 1936 года, что было более выгодно для рабочих). Лидеры всех профсоюзов были либо расстреляны, либо посажены в тюрьмы, либо бежали в республиканскую зону. Был создан вертикальный подконтрольный властям единый профсоюз — Рабочий национально-синдикалистский центр, не имевший никаких прав и обязанный мобилизовать своих членов на работу для фронта. Транспорт и все заводы военного назначения были поставлены под прямой контроль военных властей.

Предприниматели в массе своей сразу поддержали мятеж, проводя многочисленные акции сбора средств, одежды и продовольствия для фронта. Они быстро организовали свою собственную организацию — Национально-синдикалистский центр предпринимателей.

Так как мятежникам с самого начала достались малонаселенные сельскохозяйственные районы, снабжение населения не представляло труда. Однако после замораживания цен возник «черный рынок» и стали появляться трудности с некоторыми промышленными товарами, прежде всего текстилем (текстильная промышленность Испании была сосредоточена в Каталонии).

Так как все основные банки страны находились в крупных городах и после 18 июля 1936 года остались в республиканской зоне, в Бургосе 14 сентября 1936 года была образована Чрезвычайная хунта Совета Испанского банка, получившая право гарантировать выпуск банковских билетов на общую сумму 10 млрд песет. У франкистов не было золотого запаса, и единственной гарантией их денег была победа в войне. К 1939 году в «национальной» зоне были в обращении банковские билеты на сумму в 8,7 млрд песет по сравнению с 5,4 млрд песет в июле 1936 года. Все банкноты «национальной» зоны были проштемпелеваны, чтобы отличаться от республиканской валюты. Одновременно радио мятежников постоянно передавало серии банкнот, изъятых из обращения (выпущенных в республике).

Все эти меры привели к тому, что песета мятежников котировалась за рубежом примерно в два раза выше, чем республиканская валюта. Франко с самого начала наладил экспорт в Великобританию цитрусовых и полезных ископаемых, и позднее при его правительстве появился официальный торговый представитель Англии.

Все начинания хунты активно благословляла церковь, даже резиденция Франко в Саламанке размещалась в епископском дворце. 48 из 51 епископа Испании поддержали мятеж. Проповеди в храмах национальной зоны заканчивались словами «Да здравствует Франко!» («Вива Франко!»). Некоторые епископы, правда, пытались занять более взвешенную позицию, так как боялись, что в случае победы республики церковь будет полностью запрещена за сотрудничество с путчистами. Со своей стороны, Франко был вынужден лавировать между Ватиканом и своими союзниками-нацистами, отношения между которыми испортились в марте 1937 года, когда Папа Римский опубликовал на немецком языке энциклику «Mit brennender Sorge» («С горячей заботой»). В этом документе критиковался гитлеровский режим, и под давлением немцев Франко запретил ее распространение на подконтрольной ему территории. В июле 1937 года епископы «национальной зоны» составили коллективное послание «Епископам всего мира!», в котором оправдывали политику Франко, а в октябре 1937 года в ставку «генералиссимуса» прибыл, наконец, официальный представитель Ватикана.

Франко не остался в долгу. Были восстановлены церковные праздники и вновь легализован орден иезуитов. 21 сентября 1936 года во всех школах опять стали изучать Закон Божий, а 23 сентября было отменено совместное обучение мальчиков и девочек. В апреле 1937 года всем школам было предписано вывесить напротив входной двери икону Богородицы.

Наконец, уже в августе 1936 года мятежники ликвидировали в своей зоне все аграрные преобразования республиканского периода. Экспроприированные земли были возвращены владельцам, в т. ч. церкви.

Положение женщины в «национальной зоне», естественно, в корне отличалось от той ситуации, которая существовала в республике. Женщине отводилась привычная роль матери и хранительницы очага, не совместимая с активной общественной деятельностью. Но разворачивавшаяся тотальная война внесла в эту идиллию свои коррективы. Женская секция фаланги во главе с сестрой ее лидера Пилар Примо де Ривера начала массовые акции по подготовке медперсонала, созданию прачечных и мастерских по пошиву одежды для фронта (только прачечных на фронте было 76, и в них работало 1140 женщин). Медсестер было обучено 8000, а в мастерские по пошиву одежды направлено 20 тысяч женщин.

С женской секцией фаланги соперничала организация карлистов «Фронты и госпитали». Ее членов, которые, как и мужчины-традиционалисты, носили красные береты, называли «маргаритами». После слияния фаланги с карлистами в апреле 1937 года (об этом

подробнее ниже) все функции по обслуживанию фронта перешли именно к этой организации.

Еще одну женскую организацию создала в октябре 1936 года вдова основателя фаланги Онесимо Редондо Мерседес Санс Бачиллор. По образцу нацистской Германии организацию называли «Зимняя помощь» (в Германии существовала точно такая же структура, позднее во время войны собиравшая теплые вещи солдатам вермахта). Летом 1937 года организацию переименовали в «Социальную помощь», которая открыла много центров для матерей и детей, особенно помогая сиротам. «Социальная помощь» постоянно «воевала» с Женской секцией фаланги, стремящейся ее поглотить.

Не удовлетворившись степенью мобилизации женщин для нужд войны, Франко создал 7 октября 1937 года «Социальную службу женщин». Согласно этому декрету все женщины от 17 до 35 лет должны были в обязательном порядке отработать «для Родины» минимум 6 месяцев.

Наконец, под руководством Женской секции фаланги была создана «Молодежная организация», в которую входили мальчики и девочки от 10 до 18 лет (в 1945 году их разделили по половому признаку). В этой организации упор делался на физическое развитие (гимнастика, баскетбол). Членов организации называли «стрелами» (по эмблеме фаланги — скрещенные стрелы); «Стрелой» именовался и основной печатный орган «Молодежной организации».

Таким образом, на практике Франко создал тоталитарное государство по образцу Германии и Италии. Не хватало только одного — правящей партии.

Как уже упоминалось, в «национальной» зоне было два политических движения — карлисты (или традиционалисты) и фалангисты. Карлисты в силу своей крайней реакционности и географической замкнутости (Наварра) по определению не могли стать господствующей силой. Но их милиция — «рекете» — хорошо сражалась на фронтах (карлисты были прекрасными стрелками и редко сдавались в плен), и лидер карлистов Фал Конде решил было использовать это в целях укрепления своих позиций. Но Франко в новом государстве не признавал никого рядом с собой. Придравшись к тому, что карлисты открыли собственную военную школу без его согласия, он поставил Фалу Конде ультиматум: либо военный трибунал, либо эмиграция. На практике это был выбор между жизнью и смертью, и Фал Конде поспешно бежал в Португалию.

Опасным противником в борьбе за лидерство в стане мятежников Франко считал бывшего вождя СЭДА, молодого и талантливого Хиль

Роблеса. Тщеславный Франко не мог забыть, что Роблес был одно время его начальником (занимая пост военного министра в 1935 году). Хиль Роблес несколько раз приезжал в «национальную зону», сталкиваясь со все более холодным приемом. Один раз его даже чуть не арестовали фалангисты, а дамы из высшего света осыпали руганью, обвиняя в причастности к началу гражданской войны. Хиль Роблес быстро понял, что в его услугах по образованию правящей партии не нуждаются, и остался в эмиграции.

Основной и по-настоящему массовой партией в зоне мятежников была фаланга, насчитывавшая, по собственным данным, в конце 1936 года около 1 млн членов. Многие из них раньше были членами левых партий, искавшими в фаланге спасения от репрессий франкистов. Иногда во время оккупации мятежниками какого-либо города в его рабочие кварталы заходили представители фаланги и ставили людей перед выбором: или смерть, или членский билет. К тому же многих привлекала почти левая социальная программа фаланги, ее резкая критика капитализма и «выродившихся аристократов». Наконец, фаланга взяла на себя функции политической чистки, и ее патрули (похожие на анархистские в республиканской зоне), убивали и грабили без ограничений, чем привлекали в ряды партии много люмпен-пролетариев и полууголовных элементов. За сходство с анархистами фалангу даже называли «ФАИлангой» или «нашими красными».

Франко решил сделать основой будущей правящей партии фалангу в силу нескольких причин. Во-первых, это была по-настоящему массовая партия, имевшая сторонников во всех слоях общества. Во-вторых, к фаланге явно благоволили Германия и Италия. В-третьих, фаланга оказалась без лидера. Хосе Антонио Примо де Ривера сидел в республиканской тюрьме города Аликанте и не мог быть соперником в борьбе за власть.

Правда, Франко очень насторожился, узнав, что немецкий дипломатический представитель в Аликанте фон Кноблах строит планы по освобождению Хосе Антонио из тюрьмы путем подкупа гражданского губернатора провинции и вывоза его на немецком корабле. Формально Франко, конечно, одобрил усилия немцев, но ничего не сделал для того, чтобы они увенчались успехом. Он ненавидел молодого Примо де Риверу, считая его никчемным мальчишкой, ничего не добившимся в жизни.

В октябре 1936 года германское посольство, находившееся в Аликанте, три раза пыталось подкупить охрану тюрьмы (причем немцы особенно надеялись на сговорчивость анархистов), но, несмотря на предложенные

суммы (гигантские по испанским меркам!), предателей не нашлось. Тогда верховное командование германских ВМС по согласованию с МИД Германии дало указание командующему германской эскадрой у испанских берегов адмиралу Карлсу освободить Примо де Риверу насильственным путем. Немцы высадили на берег нескольких фалангистов, проваливших дело из-за «болтливости» (по крайней мере, так Карлс сообщил в Берлин). Проводить крупномасштабную военную акцию с участием нескольких сотен человек немцы побоялись.

Между тем, находившийся в тюрьме Хосе Антонио критиковал взбунтовавшихся генералов, полагая, что со своим узким политическим кругозором они отбросят Испанию в средние века. Прието переправлял все написанные Примо де Риверой в таком духе статьи в зону мятежников, пытаясь вызвать там внутренний раздор. Тем более, что в фаланге кроме Хосе Антонио не было другого признанного вождя.

Но тут Франко помогли сами республиканцы. Хосе Антонио Примо де Ривера был приговорен Народным трибуналом Аликанте к смертной казни за мятеж против республики. Ходатайствуя о помиловании перед центральным правительством, Хосе Антонио предлагал, чтобы его направили на самолете в «национальную» зону, где он добьется прекращения огня и создания правительства национального единства (первый раз с такой инициативой Примо де Ривера выступил уже в августе). Большинство членов правительства Кабальеро было за помилование Примо де Риверы, но, опасаясь немецкой акции по освобождению лидера фашистов, местные власти все же расстреляли вождя фаланги 20 ноября 1936 года.

Франко втайне был рад и даже утверждал в узком кругу, что Примо де Ривера умер, как трус. Но на публике он объявил себя продолжателем дела «великого мученика».

Перед самой фалангой со всей остротой встал вопрос о новом лидере. Правда, фалангисты отказывались верить в смерть их кумира и официально считали вождя «отсутствующим». 4 сентября 1936 года Национальный совет фаланги собрался впервые после начала войны в Вальядолиде и по предложению командира фалангистской милиции Аснара временным руководителем партии был избран 34-летний бывший шеф провинциальной фаланги Сантандера Мануэль Эдилья. Это был единственный представитель рабочих в руководстве партии. Он придерживался «левых» взглядов и видел свой идеал в НСДАП. Но политиком он был никаким, обладая излишне прямодушным характером и недалеким умом. Его выдвинули, думая, что Эдилья не имеет каких-либо личных амбиций и

просто будет «держаться место» для Примо де Риверы.

Но новый лидер фаланги установил прочные контакты с германским послом Фаупелем, который сам был нацистом левого толка и так же, как и Эдилья, был против массовых репрессий в отношении рабочих, считая, что их надо привлечь на сторону нового режима продуманной социальной программой. Берлин явно делал ставку на Эдилью, о чем свидетельствовал присланный ему оттуда экземпляр «Майн Кампф» с дарственной надписью Гитлера. Все чаще Эдилья стал говорить, что после взятия власти и победы над республикой фаланга покажет свое настоящее левое лицо.

Франко понял, что пора действовать и самому возглавить процесс создания новой правящей партии. Провести всю операцию взялся свояк генералиссимуса Серрано Суньер, только в феврале 1937 года выпущенный из республиканской тюрьмы. Суньер говорил Эдилье, что Франко готов отдать в его руки реальное руководство будущей единой партией, оставив за собой высший представительский пост. Но сначала нужно очистить все руководство партии от оппозиционеров, не желавших такого развития событий. То же самое Суньер говорил и этим оппозиционерам — Аснару и Пилар Примо де Ривера, жалуясь, что Эдилья замахнулся на святое место «отсутствующего» Хосе Антонио.

Эдилья, ободренный авансами Франко, решил навести, наконец, порядок в своей партии. Его противники, также уверенные в поддержке «генералиссимуса», собрали 16 апреля 1937 года Командную хунту фаланги (так назывался ее временный коллегиальный руководящий орган) и объявили Эдилье о его смещении. Эдилья покинул заседание и отправился в штаб-квартиру Франко, где его еще раз заверили в полной поддержке. После этого преданные Эдилье фалангисты ночью 17 апреля захватили штаб-квартиру фаланги в Саламанке. Но «путчистов» там не было, и было решено направиться на квартиру одного из них — Доваля. Там возникла перестрелка, в результате которой были убитые и раненые. Именно это и было нужно Франко, который еще до этих событий начал обрабатывать Фаупеля, рассказывая ему о полной неспособности Эдильи обеспечить твердое руководство фалангой.

18 апреля 1937 года, проведя заседание Национального совета фаланги, Эдилья добился своего избрания лидером и отправился к Франко. Тот, обняв новоиспеченного «вождя», вывел его на балкон, где уже собралась заранее срежиссированная толпа и корреспонденты. Франко объявил в присутствии ошарашенного Эдильи о слиянии карлистов с фалангой в единую партию под своим собственным руководством. Со стороны присутствие Эдильи выглядело как одобрение им этого шага.

19 апреля 1937 года был издан официальный декрет об образовании новой партии с длинным названием Испанская традиционалистская фаланга и хунты национально-синдикалистского наступления. Новый лидер объединенной партии Франко по декрету назначал половину членов Национального совета партии, а оставшуюся половину выбирали эти назначенные члены.

Эдилье предложили войти в Национальный совет, но он не мог подавить своего недовольства и отказался. Тогда 25 апреля 1937 года несостоявшегося вождя просто арестовали и приговорили к смертной казни за события 17 апреля. Фаупелю удалось добиться помилования (причем Франко убеждал немца, что Эдилья готовил переворот), и следующие четыре года Эдилья провел в тюрьме.

Таким образом, Франко полностью подчинил себе карлистов и фалангу, и его власти уже никто не угрожал. Да и в отличие от событий в Барселоне в мае того же года «апрельский кризис» в Саламанке таковым вовсе не являлся. Это была ловкая инсценировка Франко, в капкан которого попался доверчивый Мануэль Эдилья, никогда реально не угрожавший чем-либо «генералиссимусу».

Теперь «национальная Испания» даже внешне ничем не отличалась от Германии и Италии. 24 апреля 1937 года было введено новое «национальное приветствие», которое выражалось «в поднятии руки с открытой ладонью под углом 45° от вертикальной оси тела». Франко обзаводился и другими символами. День начала мятежа 18 июля и день «избрания» «генералиссимуса» главой государства — 1 октября были объявлены национальными праздниками. Шло массовое переименование улиц и отелей. Даже подозрительный «русский салат» (известный у нас как «оливье») был переименован в салат «национальный». В газетах было много материалов, восхваляющих различные стороны жизни Германии и Италии. Много апеллировали и к блестящему имперскому прошлому Испании XVI века, когда над ее колониями не заходило солнце.

Итак, весной 1937 года в Испании оформились окончательно два прямо противоположных по мировоззрению государства, примирение между которыми было немислимо. И обе стороны стали готовиться к полномасштабной войне, в которой на карте стояло существование каждого из враждебных лагерей.

Глава 12. Война на Севере и контрудары республиканцев

Весна — осень 1937 года

Разгром итальянцев под Гвадалахарой доставил Франко определенное удовольствие. С союзника была сбита спесь малагской победы и «генералиссимус» мог чувствовать себя в отношениях с Муссолини более уверенно. В армии мятежников распевали итальянские боевые песни, но с другим, оскорбительным для «добровольцев» с Апеннин содержанием. Офицеры-франкисты поднимали тосты за «испанскую доблесть, какого бы цвета она ни была», недвусмысленно намекая на «красных». Канарису пришлось дать указание службе абвера легиона «Кондор» о пресечении среди легионеров насмешек над итальянцами. Больше всех был взбешен Муссолини, отдавший приказ о переформировании потрепанных дивизий экспедиционного корпуса.

Но, помимо этой лирики, перед мятежниками встал вопрос о дальнейшей военной стратегии. Франко после Гвадалахары убедился, что созданная на Центральном республиканском фронте, регулярная Народная армия сильна в обороне и принял решение отказаться от дальнейших попыток овладения Мадридом. С другой стороны, успех в Малаге показывал, что на окраинных фронтах по-прежнему воюет милиция, довольно легко поддающаяся паническим настроениям.

Такой анализ привел ставку Франко к выводу о переносе центра тяжести военных действий на север с целью завоевания районов, отрезанных от основной территории республики. В этом «каудильо» активно поддерживал командующий легионом «Кондор» Шперрле, обещавший массированным действием авиации подавить республиканскую оборону (немцам явно не давали покоя лавры ВВС республики, обретенные под Гвадалахарой). Итальянцы также перебросили на север свои части. Верховным командующим операцией стал генерал Мола.

Что же представлял собой весной 1937 года республиканский Север? Это была узкая (30–50 км) примыкающая к Бискайскому заливу территория трех провинций — Бискайи, Сантандера и Астурии, — протянувшаяся на 350 км с запада на восток от Галисии почти до французской границы. Это

был центр тяжелой промышленности Испании (добыча угля в Астурии, железной руды в Бискайе и черная металлургия там же). Были здесь и заводы по производству вооружений, находившиеся, правда, под постоянным обстрелом франкистов. Население Северной зоны составляло 1,7 миллионов человек.

Основной проблемой республиканского Севера была его политическая разобщенность. На небольшой территории летом 1936 года образовались целых три органа управления. В Бискайе возникла Хунта обороны, сформировавшая отряды милиции общей численностью 2–2,5 тысячи бойцов. Она была очень пассивной и не оказала помощи соседней восточной баскской провинции Гипускоа, захваченной Молой в сентябре 1936 года. Только в начале сентября Хунта разоружила в Бильбао гарнизон и гражданскую гвардию, передав милиции 1500 винтовок и 8 пулеметов.

В Сантандере образовалась Директория во главе с гражданским губернатором провинции, находившимся под влиянием социалистов. Она также медлила с разоружением пехотного полка регулярной армии и частей гражданской гвардии (2–2,5 тысячи человек), имея в рядах милиции в начале осени только 800 бойцов. И все же Директория была более активной и оказывала помощь людьми и оружием своим восточным (Бискайя) и западным (Астурия) соседям.

В Астурии, как было показано выше, мятежному полковнику Аранде с 5 тысячами солдат и фалангистов удалось укрепиться в столице провинции Овьедо. Город окружали всего 2,5 тысячи бойцов милиции, половина из которых была вооружена охотничьими ружьями и динамитом. Власть в Астурии осуществлял Совет обороны во главе с одним из лидеров восстания октября 1934 года социалистом Белармино Томасом. В этот орган входили все партии и организации Народного фронта. Всего под началом Совета было около 5 тысяч бойцов милиции, вооруженных винтовками, 20 пулеметами и 5 орудиями.

В совокупности в начале сентября 1936 года в рядах защитников республики на Севере насчитывалось 10 тысяч человек. Однако не было единого командования, и дело доходило даже до организации таможенных постов на границах между тремя провинциями.

Каждая из провинций выпускала свои эрзац-деньги, а контролировавшие портовый астурийский город Хихон анархисты вообще отменили их, введя «либертарный коммунизм», продолжавшийся до конца 1936 года.

К весне 1937 года республиканский Север испытывал большие трудности со снабжением населения продовольствием. Мяса практически

не было, и его выдавали только для госпиталей. По очень скудным нормам гражданское население получало по карточкам молоко, сахар, хлеб и жиры. В целом потребление продовольствия, по сравнению с довоенным временем, снизилось по отдельным категориям следующим образом: жиры — на 75 %, сахар — 70–90 %, мясо — 95–100 %, хлеб — 75 %. Картофель в январе — феврале 1937 года населению вообще не выдавался.

С самого начала мятежники организовали с моря блокаду Севера, которую осуществляли линкор «Эспанья», крейсера «Адмирал Сервера» и «Веласко». На стороне республики было две подлодки и два эсминца, а также несколько вооруженных гражданских судов. После того, как Север в начале сентября 1936 года был отрезан от Франции, единственным путем его снабжения был прорыв морской блокады или доставка грузов самолетами через территорию, занятую мятежниками. Привозимых самолетами из центра 30–50 тысяч патронов за рейс хватало милиционерам на 5 выстрелов на каждую винтовку в день.

Летом-осенью 1936 года обе стороны считали Северный фронт второстепенным, так как судьба войны решалась под Мадридом. Тем не менее, и на Севере шли военные действия.

Колонна мятежников из Галисии настойчиво пыталась деблокировать окруженный гарнизон в Овьедо, а народная милиция стремилась разгромить его до подхода подкрепления. Первый штурм Овьедо силами до двух батальонов при поддержке артиллерии начался в начале сентября, но уже на второй день атаки у милиции кончились боеприпасы. С другой стороны, колонна мятежников из Галисии 15 сентября 1936 года захватила город Градо в 25 километрах от Овьедо. В свою очередь, 5 тысяч республиканцев с трех сторон начали 4 октября второй штурм столицы Астурии и, прорвав созданное Арандой тройное кольцо обороны, 7 октября вышли к городской черте. 17 октября положение окруженного гарнизона стало критическим. В тот момент Франко уделял Овьедо уже больше внимания, чем Мадриду, постоянно напоминая Моле о необходимости ускорить деблокаду Аранды. Нашупав слабое место в обороне милиции и воспользовавшись слабой координацией действий отдельных отрядов, мятежники в самый последний момент прорвали фронт и 17 октября соединились с гарнизоном Овьедо. Был создан узкий коридор, по которому было налажено снабжение овьедской группировки боеприпасами. Попытки расширить коридор были сорваны контратакой милиции, которая в результате стала простреливать эту узкую артерию снабжения Овьедо. Теперь у обеих сторон вокруг Овьедо было по 9 тысяч человек: на помощь астурийцам прибыли отряды басков, один из которых назывался «Россия».

27 ноября 1936 года коридор был практически перерезан, но милиция не смогла удержать завоеванные позиции опять таки из-за нехватки боеприпасов.

Чтобы ликвидировать морскую блокаду Северной зоны, правительство республики решило 25 сентября 1936 года направить республиканский флот в Бискайский залив (линкор, крейсер и 6 эсминцев). До того дела у ВМС республики на севере (как, впрочем, и везде) не клеились. 19 сентября, когда мятежники атаковали одну из республиканских субмарин, ее командир сразу решил сдаться. Произошла стычка с экипажем, который хотел затопить подлодку. В результате экипаж был расстрелян подобравшим его кораблем франкистов.

Но, прибыв на Север, флот оказался без горючего и настоящего дела, так как на фронтах наступило затишье. К тому же корабли стали подвергаться налетам итало-германской авиации. Поэтому уже 10 октября 1936 года, оставив в Бискайском заливе два эсминца, флот вернулся в Картахену. В целом, операция была задумана неплохо, но команды кораблей просто были неспособны на осуществление масштабных боевых действий. Единственной пользой северного похода ВМС республики была доставка 2000 винтовок, что было каплей в море.

Война в воздухе на Севере в августе-сентябре 1936 года характеризовалась малочисленностью самолетов с обеих сторон (республиканцы имели на 16 сентября 1936 года 5 «бреге 19», 1 «ньюпор 52» и еще 4 устаревших самолета разных типов). Поэтому воздушные бои были редкостью и авиация использовалась «классически», т. е. для нанесения бомбовых ударов по важным объектам противника. 23 сентября на севере разом появились все наличные немецкие истребители «хейнкель 51», которые только за один день 26 сентября сбили три республиканских самолета. Но на счастье защитников республиканского Севера, немцы уже 29 сентября вернулись под Мадрид. В октябре 1936 года республиканцы перебросили на Север еще 6 «бреге», но немцы, опять появившиеся на Севере, завоевали господство в воздухе, существенно мешая атакам на Овьедо. Республиканцы использовали на Севере авиетки и спортивные самолеты, которые оснащались примитивным стрелковым вооружением и легкими бомбами. Эту пеструю эскадрилью метко окрестили «цирк Кроне».

Положение несколько улучшилось, когда в начале ноября 1936 года на Север прибыли 11 советских летчиков во главе с комбригом Борисом Александровичем Туржанским (1900–1948), только что закончившим Военно-воздушную академию. А в середине того же месяца пароход

«Андреев» доставил из Советского Союза 30 истребителей И-15 и авиационный бензин. В 1937 году прибыло еще несколько И-15, однако никогда истребительная авиация республики на Севере не превышала 40–50 самолетов.

С началом декабря 1936 года летчики Туржанского навели порядок в небе Севера, существенно ограничив бомбардировки со стороны численно превосходящей авиации мятежников. Советские пилоты сбили 6 самолетов противника и уничтожили на аэродромах еще 12. Сам Туржанский только за один боевой вылет сбил два самолета. 20 декабря в одном из боев комбриг был тяжело ранен и ему удалили один глаз. Однако он остался в боевом строю, а впоследствии даже стал летчиком-испытателем. За Испанию Туржанский вскоре получил Золотую Звезду Героя Советского Союза под номером 12. Начальник штаба Северного фронта Сиутат назвал советских летчиков «эскадрилей героев, руководимой львом». В марте 1937 года с Центрального фронта прилетела группа испанских летчиков и командиром эскадрильи «курносых» стал Фелипе дель Рио.

После образования правительства Ларго Кабальеро на Север был послан лейтенант (позднее майор) Сиутат, приступивший, наконец, к образованию центрального штаба по руководству военными действиями на Севере. Но более или менее крупные соединения — бригады — стали формироваться на Северном фронте только в начале 1937 года, причем, как правило, они создавались из батальонов одной и той же политической партии. В Бискайе 10 батальонов сформировали компартия и ОСМ, 11 — ИСРП и ВСТ, 5 — НКТ-ФАИ (один из них носил имя Бакунина), 3 — республиканцы и 14 — баскские националисты. В Астурии за все время войны было создано 70 батальонов, из них 30 коммунистических, 20 социалистических, 12 анархистских и 5 республиканских (то если состоящих из членов республиканских партий).

Главной политической силой в Бискайе была Баскская националистическая партия (БНП), которую условно можно назвать по ее политической линии христианско-демократической. Несмотря на давление Ватикана, она не пошла в феврале 1936 года на союз с правыми силами и выставила своих кандидатов. Программа Народного фронта казалась БНП слишком левой и антиклерикальной. После начала мятежа БНП встала на сторону республики, так как только она обещала Стране басков долгожданную автономию. И действительно, уже 1 октября 1936 года испанские кортесы утвердили автономный статут Страны басков (в которую включались провинции Алава, Гипускоа и Бискайя), сходный с автономным статутом Каталонии. 7 октября 1936 года в столице Бискайи

Бильбао выборщики от муниципальных округов избрали лидера БНП Хосе Антонио де Агирре председателем Временного правительства Страны басков, куда вошли партии Народного фронта и БНП (причем последняя заняла в кабинете ключевые посты).

Политика Временного правительства сильно отличалась от той, которая проводилась на остальной территории республики. Не были взяты под контроль ведущие промышленные предприятия (даже и военные). Сохранялись в неприкосновенности позиции церкви, и священники были прикомандированы к сформированным БНП батальонам милиции. В английском кабинете даже говорили, что политическая и экономическая система Страны басков гораздо ближе Великобритании, чем республика или франкистская зона.

Такой консерватизм БНП, конечно, не одобрялся левыми силами основной республиканской зоны. Подспудно эти настроения приводили к тому, что на Север не посылалось достаточное количество военной помощи (хотя это было затруднено и по объективным причинам). Левые социалисты и часть коммунистов полагали, что если БНП следует своим путем во внутренней политике, то и воюют пусть на свой страх и риск. Наконец, республиканские военные не без оснований полагали, что исход войны все равно решится в центре вне зависимости от судьбы Севера. Такие настроения, конечно, не были преобладающими, но определенное влияние на политику республиканского центрального правительства все же оказывали. В марте 1937 года советский представитель на республиканском Севере И. Туманов прозорливо сообщал Литвинову, что дальнейшее пренебрежительное отношение Валенсии (т. е. центрального правительства) к Северу будет иметь тяжелые последствия.

В ноябре 1936 года на Севере началась мобилизация в боевые и строительные части, возводившие вокруг Бильбао полосу укреплений, которую окрестили «железным поясом». Были организованы офицерские школы под руководством кадровых военных.

Наконец, в ноябре 1936 года правительство Басконии решило начать наступление с целью освобождения провинции Алава, являвшейся согласно статуту составной частью автономии. При этом БНП настояла на том, чтобы в операции приняли участие только баскские воинские части (15 батальонов). Основные силы (9-10 батальонов) должны были нанести удар на юг в направлении города Вильяреаль, а три других батальона наносили отвлекающий удар на восток, страхуя левый фланг главной группы войск.

15 декабря ударная группировка перешла в наступление, стремясь окружить Вильяреаль. Фронт был прорван и открылся путь в глубокий тыл

мятежников. Но вместо того, чтобы окружить Вильяреаль и двигаться дальше на юг, баски ввязались в затяжные бои на подступах к городу, израсходовав все резервы. А между тем правительство Страны басков не разрешило бригаде астурийцев, стоявшей в боевой готовности на границах автономии, принять участие в боях. Многообещающее наступление завязло. Франко перебросил на помощь своим войскам немецкую авиацию и войсковые подкрепления, но все контратаки были отражены басками.

В январе 1937 года командование Севера произвело небольшую операцию силами трех батальонов в направлении столицы мятежников Бургоса, которая находилась всего в 50 километрах от фронта и 6 февраля решило нанести здесь же массированный удар.

К тому времени армия Севера насчитывала в своих рядах 100 тысяч бойцов (140 батальонов), на вооружении которых было 244 орудия и 1000 пулеметов. В каждом батальоне было примерно 400 винтовок и 4–6 пулеметов (батальон франкистов имел на вооружении 500 винтовок, 12 пулеметов и 2 мортиры, т. е. его огневая мощь в два раза превосходила батальон республиканцев). Вооруженные силы Севера были организованы в бригады, дивизии и корпуса (в Астурии и Сантандере в них были политкомиссары).

Две бригады и одна дивизия нанесли из Астурии удар на юг, и передовые части дошли до окрестностей крупного города Леон. Но все же это был отвлекающий удар, так как основной целью наступления было взятие Овьедо. В этой операции участвовала и баскская дивизия. Командование извлекло уроки из осенних боев, когда удар наносился по одному месту овьедского коридора, и мятежники могли быстро маневрировать резервами. На этот раз наступление началось в самом Овьедо и по всему периметру коридора.

В результате атак, в которых отличились баски, Овьедо фактически вновь оказался в окружении. Аранде пришлось для снабжения своего гарнизона использовать вьючных лошадей.

Операции вооруженных сил Севера страдали теми же недостатками, что и бои их товарищей из основной республиканской армии. Командиры, как правило, хорошо организовывали оборону и могли успешно провести наступление на конкретный видимый объект (дом, группу деревьев и т. д.). Но дальше терялась связь между отдельными подразделениями, занятая территория плохо подготавливалась к обороне, и командиры не знали, как развить успех. Это была, как выразился Висенте Рохо, боязнь открытого пространства. Батальоны все время опасались, что их обойдут, и при малейших признаках этого сразу отступали на старые, хорошо знакомые

позиции.

Командование республиканской армии не исключало в феврале-марте 1937 года большого наступления мятежников на Севере, и для организации обороны туда в январе был направлен кадровый военный генерал Франсиско Льяно де Энкомьенда (1879–1963). Этот офицер получил генеральское звание при республике в 1931 году и в июле 1936 года в Барселоне отказался поддержать мятеж. Затем Льяно выступил свидетелем на суде против главы барселонских путчистов генерала Годеда, получившего высшую меру. Рассчитывать на милость мятежников ему никак не приходилось. Генерал разместил свою штаб-квартиру в Сантандере, но правительство Страны басков наотрез отказывалось подчинить ему свои вооруженные силы. До прибытия Льяно и Сиутата штаб Северного фронта практически не функционировал и занимался по оценкам советских советников только «прожектерством».

Всего у басков было 75 батальонов (из них только 27 сформировала БНП, остальные были выставлены КПИ, ИСРП, республиканцами и анархистами), сведенных организационно в 14-й корпус. В то же время в этом корпусе не было бригад и дивизий; поэтому для каждой операции собирались новые группы батальонов, что мешало оперативно организовывать и атаку, и оборону: отсутствовали постоянные штабы. Баски защищали 120-километровый фронт на востоке и юге, имея 10 батальонов в резерве. Вооружение состояло из 450 пулеметов, 184 мортир и 46 орудий. Вся истребительная авиация Севера весной 1937 года насчитывала пятнадцать И-15 (и еще примерно столько же различных устаревших моделей разведчиков и бомбардировщиков). Оборонительные рубежи состояли из двух-трех линий окопов с пулеметными гнездами, но без укрытий от артиллерийского огня и авиаударов. На направлении будущего главного удара мятежников в районе Очандиано глубина обороны достигала 3–4 километров (в других местах 600–800 метров), и некоторые высоты были оборудованы телефонной связью.

Мола предполагал, как бы продолжая операцию сентября 1936 года по овладению Сан-Себастьяном, наступать на Страну басков с востока и юго-востока. Ударная группировка мятежников состояла из 30 тысяч человек, костяком которой были 4 наваррские бригады карлистов, привыкшие, как и баски, вести войну в родных для них горных условиях. На направлении главного удара в секторе Очандиано Мола сосредоточил две наваррские бригады (24 батальона) против 5 республиканских. Подавляющим было превосходство мятежников в боевой технике. Их поддерживали 80 немецких и 70 итальянских самолетов, 250 орудий и 60 танков. Мола

рассчитывал завершить завоевание Страны басков за три недели. Весь план операции разрабатывался под руководством командующего легионом «Кондор» генерала Шперрле.

Над республиканским Севером готовился к своему боевому крещению один из лучших самолетов Второй мировой войны истребитель «Мессершмитт 109» (Bf 109). Первые четыре опытных образца «Мессершмитта» прибыли в Испанию в разобранном виде в ноябре 1936 года. Вместе с другими новейшими самолетами люфтваффе («Хейнкель 111», «Дорнье 17» и «Юнкерс 86») их свели в экспериментальную группу легиона «Кондор» VK /88 (Versuchskommando 88). Поставлявшиеся в Испанию истребители Me-109 серий В (39 машин), С (5), D (36) и E развивали скорость от 465 до 550 км в час и имели на вооружении 2–4 пулемета. Всего на стороне мятежников в годы войны воевали 136 “Мессершмиттов”, которые пилотировали только немцы. С прибытием Me-109 “Хейнкели 51” начали использоваться как штурмовики, и их стали передавать испанцам.

6 декабря 1936 года Me-109 сбил первый самолет республиканцев на Центральном фронте. Однако в первой партии истребителей обнаружилось много конструктивных дефектов (например, на крутых виражах отваливалось слабое хвостовое оперение, не отличались надежностью двигатели), и самолеты вернули в Германию на доработку. В феврале 1937 года в порту Кадиса разгрузили уже 15 серийных «Мессершмиттов». Немцы не решились применить новинку под Мадридом, где им противостояли закаленные в боях советские пилоты и местом дебюта истребителей был определен Северный фронт. Легион «Кондор» тщательно готовился к будущим боям. Немцы выдвинули к линии фронта наземные посты воздушного наблюдения и оповещения, развернули запасные и дополнительные пункты управления и связи в Бургосе, Леоне и Логроньо. Учитывая сложный горный рельеф местности, на некоторых возвышенностях были установлены радиомаяки. На фронте постоянно находились авианаводчики со средствами связи.

31 марта 1937 года началось наступление франкистов на республиканский Север. Мола обратился к его защитникам с ультиматумом, угрожая в случае продолжения сопротивления сровнять Бискаю с землей. «У меня есть для этого средства», — заявил бывший «Директор». И уже в первый день немцы их продемонстрировали, разрушив мирный городок Дуранго (при этом погибли 127 человек и 131 потом скончался от ран). Это было первый в истории войн пример ликвидации с воздуха целого населенного пункта.

Легион «Кондор» буквально висел над позициями басков и его самолеты преследовали даже одиночные автомобили. Когда немцы заправлялись, их «страховала» тяжелая артиллерия. Но, несмотря на это, в течение четырех дней Мола не мог сдвинуться с места. В гневе он приказал Шперрле начать уничтожение с воздуха промышленных предприятий Бильбао. Но даже немцам этот приказ показался слишком варварским, и они захотели услышать его от самого Франко. «Генералиссимус» не стал заходить так далеко. Во-первых, он считал, что предприятия тяжелой промышленности пригодятся ему самому (Мола, как ярый монархист, открыто говорил, что все беды Испании от заводов и их рабочих: чем меньше останется тех и других, тем лучше). Во-вторых, в промышленность Страны басков было инвестировано много английского капитала, а Франко никак не хотел ссориться с Лондоном, чтобы в нужный момент разыграть английскую карту против своих слишком навязчивых друзей из Берлина и Рима.

Наконец, 4 апреля Мола взял Очандиано, вклинившись в линию обороны республиканцев на 10–12 километров. 6 апреля немецкие «мессершмитты» сбили первый И-15, который пилотировал 18-летний испанский летчик. Но затем вплоть до 20 апреля мятежникам пришлось, неся большие потери, выдерживать яростные контратаки баскских резервов и астурийских бригад. Многие высоты несколько раз переходили из рук в руки и если бы не господство в воздухе германо-итальянской авиации, то Моле пришлось бы отступить. Немцы официально потребовали от генерала активизировать наступательные действия, и Мола призвал на помощь едва оправившихся от гвадалахарского разгрома итальянцев.

20 апреля 15 наваррских батальонов пошли на штурм высот Инчорт после полуторачасовой артподготовки и бомбежек силами всей авиации. Но два батальона басков держались героически. Они отступили только тогда, когда мятежники проникли к ним в тыл, где практически разбежался батальон анархистов. 24 апреля вдоль побережья начали наступать итальянцы. 22 апреля немцы сбили командира эскадрильи «курносых» Фелипе дель Рио, который на тот момент был лучшим асом республиканского Севера: одержал 7 побед.

Глава правительства Страны басков Агирре каждый день слал телеграммы в Валенсию с просьбой срочно прислать на помощь авиацию, так как бесконечные и безнаказанные бомбардировки начали сказываться на боевом духе бойцов. В ответ ему сообщали о плохой погоде и технических трудностях перелета через территорию, занятую мятежниками. Многие в Стране басков приходили в отчаяние. Росли

антикоммунистические настроения: солдаты говорили, что им нужны не политкомиссары, а советские самолеты.

Чтобы окончательно сломить волю басков к сопротивлению, 26 апреля 1937 года немецко-итальянская авиация (23 «юнкерса», четыре новейших бомбардировщика «хейнкель-111», три «савойи SM 81» и один «дорнье-17» в сопровождении 12 истребителей) в 16 часов 30 минут подвергла массированной бомбардировке священный для басков город Герника с 7000 жителей в 15 километрах от фронта. В этом городе рос старинный дуб, около которого испанские короли давали клятву соблюдать древние вольности и привилегии басков. Тот день в Гернике был ярмарочным: в город съехались крестьяне из окрестных деревень. Немцы завалили это скопление людей на центральной площади зажигательными и осколочными бомбами, сбросив в общей сложности 50 тонн смертоносного груза. Было убито 1645 и ранено 889 мирных жителей. В мире поднялась волна протестов, и немцы попросили Франко отрицать их участие в налете. Итальянцы публично открестились от Герники. После занятия города 28 апреля войсками мятежников специальная команда «Кондора» очистила его от остатков бомб. Иностранным корреспондентам было заявлено, что Гернику сожгли отступающие баски (вплоть до 1960-х годов франкисты упорно держались этой версии). Потом стали объяснять, что в Гернике сконцентрировалось много республиканских войск, что было явной ложью. Бомбардировкой Герники Франко и немцы добились обратного эффекта: ненависть к ним среди басков только возросла, и на сторону защитников Басконии встало все мировое общественное мнение.

Над Герникой «во всей красе» проявил себя лучший бомбардировщик испанской гражданской войны со стороны мятежников — немецкий «Хейнкель 111» (франкисты называли его «педро»). Этот цельнометаллический двухмоторный бомбардировщик был своего рода ответом на советский СБ. Он был немного медленнее «катюшки» (максимальная скорость 370–390 км в час), имел меньшую дальность полета, но зато в полтора раза превосходил советский самолет по бомбовой нагрузке (1500 килограмм). Первые «Хейнкели 111» появились в Испании еще в феврале 1937 года и их дебют был неудачным: в марте под Гвадалахарой итальянская ПВО по ошибке сбивла один «хейнкель». Всего из направленных в Испанию за годы войны 95 бомбардировщиков этого типа было сбито 28. 21 разбился или был поврежден в результате аварий. Люфтваффе высоко оценила боевые заслуги «Хейнкелей 111» в Испании и бомбардировщик использовался немцами на всем протяжении Второй мировой войны (в том числе, и для налетов на Москву). В испанской армии

«хейнкели» стояли на вооружении до конца 1950-х годов.

Между тем весь март и апрель Лондонский комитет по невмешательству занимался вопросами вывода иностранных добровольцев и организацией контроля морских и сухопутных границ Испании. Немцы и итальянцы прибегали к проволочкам, пытаясь перевести дискуссию на тему об испанском золоте, «похищенном Советами». А 23 марта представитель Италии в Комитете прямо заявил, что ни один итальянский «доброволец» не покинет Испанию до полной победы Франко.

Французское правительство Народного фронта, узнав о трагедии Герники, приняло решение негласно открыть франко-испанскую границу, через которую пошли опломбированные поезда с советскими военными грузами (правда, вскоре под давлением Англии граница была вновь закрыта).

6 апреля 1937 года мятежники объявили о полной морской блокаде республиканского Севера, включая запрет на перевозку туда продовольствия иностранными судами. Будучи бит на фронте, Мола решил задушить противника голодом. Основную часть грузов на Север республики перевозили английские торговые суда, и мужество их капитанов подкреплялось баснословными гонорарами, которые была вынуждена платить республика. Однако, когда английский пароход «Торпхолл» был остановлен в 5 милях от берега крейсером мятежников «Адмирал Сервера», на горизонте показались два британских эсминца, и «Торпхоллу» немедленно разрешили продолжить свой путь в Бильбао. Но скрытые сторонники франкистов в Великобритании, включая сидевшего во французском городе Андай посла в Испании Чилтона, всячески убеждали адмиралтейство, что блокада мятежников эффективна и рейды Бильбао заминированы. Английское правительство после этого рекомендовало находящимся в море британским торговым судам зайти во французский порт Сент-Жан-де-Лус до выяснения обстановки.

В палате общин разразились бурные дебаты. Либералы и лейбористы требовали обеспечить английским судам эффективную защиту в международных водах. Пока парламентарии спорили, капитан одного из английских пароходов на свой страх и риск вышел 19 апреля из Сент-Жан-де-Луса и, не встретив на своем пути ни мин, ни кораблей мятежников, спокойно вошел в Бильбао. Всем стало ясно, что Франко блефует. Когда сразу же после этого «Адмирал Сервера» все же остановил британское судно «Макгрегор», по сигналу SOS последнего подошли военные корабли Великобритании и «попросили» «националистов» оставить «Макгрегор» в покое. Поняв этот доступный им язык силы, франкисты впоследствии даже

не пытались мешать британскому судоходству.

Между тем войска Мола дошли до устья реки Герника, и 1 мая 1937 года итальянцы заняли портовый город Бермео. За 30 дней боев неудачливый Мола продвинулся всего на 20 километров, т. е. по 750 метров в день. И то, главные заслуги этого скромного успеха следует отнести на счет легиона «Кондор», командующий которым Шперрле уже в открытую стал сомневаться, что при таких темпах продвижения вообще удастся взять Бильбао.

Горя желанием отомстить за Гернику, баски, наконец, реорганизовали свои части в бригады, провели дополнительную мобилизацию и имели на фронте в начале мая 17 баскских, 5 астурийских и 2 сантандерские бригады трехбатальонного состава, сведенные в 5 дивизий. В конце апреля попытались поднять мятеж в Бильбао два батальона анархистов, которые, правда, быстро сложили оружие и выступили на фронт, чтобы делом доказать свою преданность революции.

Баски нанесли мощный контрудар по Бермео, отбив город и взяв в плен батальон итальянцев из дивизии «Черные стрелы». Оставшиеся срочно потребовали подкреплений. На помощь подошли 24 батальона наваррцев, марокканцы и еще одна итальянская дивизия «23 марта». Интересно, что со стороны мятежников в составе 2-й танковой роты легиона «Кондор» наряду с 13 немецкими танками Pz-I воевали и три трофейных советских Т-26. Республиканцы успели получить в августе 1936 года до закрытия границы из Франции 39 танков «Рено FT-17» (3 из них были вооружены только пулеметами), а в марте 1937 года из Польши в Сантандер прибыли еще 16 «рено». Но с немецкими и, тем более советскими танками, эти тихоходные черепахи времен Первой мировой войны сравниться не могли.

Всю первую половину мая фронт басков у моря держался, хотя с фланга его обстреливал флот мятежников. 13 мая второй по результативности за всю войну ас ВВС республики Леопольдо Моркильяс (1915–1989) на своем И-15 сбил первый «мессершмитт» в испанском небе. Всего Моркильяс уничтожил 21 самолет противника. После поражения республики Моркильяс эмигрировал в СССР, где служил в советских ВВС и вышел в отставку в 1948 году в звании подполковника. Бывший ас осел в Туле, где женился и жил до самой смерти. Конечно, «курносые» уступали «мессершмиттам», но испанские и советские летчики компенсировали техническое превосходство немецких истребителей оригинальными тактическими приемами. Так, «чатос» нередко атаковали немцев в лоб и те, не выдержав психологического поединка, разворачивались, подставляя под

удар «хвост».

22 мая Прието, наконец, послал на Север 10 истребителей, 7 из которых долетели благополучно, но не могли, разумеется, противостоять уже около 200 немецким и итальянским самолетам. Одновременно армия Севера была разделена на две части. Льяно Энкомьенда остался руководить уже только вооруженными силами Астурии и Сантандера, а басков возглавил прибывший из центральной зоны республики генерал Улибарри. Оценив ситуацию, он в телеграмме предложил Прието на выбор два пути: либо запереться в Бильбао, опираясь на «железный пояс» укреплений вокруг города, либо оставить Страну басков и, сохранив ее армию, отступить на запад в Сантандер. Было решено сражаться на «железном поясе». Траншеи этой линии периметром 80 километров проходили в 10–15 километрах от Бильбао, не опираясь на естественные препятствия. Лучшее всего укрепленной оказалась почему-то западная часть пояса, обращенная в сторону республиканского Сантандера. В наиболее же опасной восточной части «железный пояс» состоял из 2–3 траншей с незаконченным профилем и пулеметных гнезд без укрытий для бойцов. Самое же страшное было в том, что еще 27 февраля 1937 года на сторону мятежников перебежал с подробным планом главный архитектор «железного пояса» майор Гойкоэча.

12 июня 1937 года в наиболее слабом месте, указанном предателем, пошли в атаку сразу три наваррские бригады, путь которым прокладывали 100 орудий, 50 истребителей и 70 бомбардировщиков. К 15 часам в обороне республиканцев была пробита километровая брешь, куда хлынули наваррцы, и к концу дня прорыв был расширен до трех километров. За день до этого глава баскского правительства Агирре прислал в Валенсию последнюю полную отчаяния телеграмму с требованием хотя бы в самый критический момент проявить солидарность с его автономией и прислать, наконец, самолеты. Прието пытался направить их через Францию, но уже с 3 мая 1937 года действовал международный режим контроля границ, и голландский наблюдатель вернул самолеты обратно, предварительно сняв с них пулеметы.

3 июня в авиакатастрофе погиб генерал Мола. Официальная версия гласила, что на пути из Памплоны в Бургос его самолет в тумане врезался в гору. Некоторые полагали, что самолет «Директора», имевший английские опознавательные знаки (его угнал из Мадрида перешедший на сторону мятежников летчик, а республиканцы использовали английские опознавательные знаки для доставки грузов из Франции) был по ошибке сбит ПВО мятежников. Другие считали, что с потенциальным соперником

свел счеты сам Франко. Мола считался «идеалистом» и презирал коррупцию и подбострастие, окружавшие нового «вождя». Как бы то ни было, Франко поручил руководить войсками на Севере генералу Давиле, который, как и Мола, слыл убежденным монархистом, что было важно для мотивации карлистов в решающей битве за Бильбао.

13 июня Агирре собрал совещание в отеле «Карлтон» баскской столицы. Направленный после Гвадалахары на Север под именем «генерала Янсона» Горев (за разгром итальянцев под Гвадалахарой его произвели в комдивы) рекомендовал последовать примеру Мадрида и драться за каждый дом. Его поддержали коммунисты. Однако баски не хотели разрушения своей столицы и было принято решение отступить в Сантандер. Хотя 14 июня астурийские бригады предприняли мощную контратаку, баски уже начали отход. Некоторые лидеры БНП в последний момент попытались договориться с врагом. К чести сражающихся, надо сказать, что ранее они отвергали попытку Ватикана оказать посредничество в заключении сепаратного мира между басками и Франко. Госсекретарь (т. е. глава внешнеполитического ведомства) Ватикана кардинал Пачелли направил обычной почтой Агирре через Париж соответствующее письмо. Но, по ошибке, французская почта послала его не в Бильбао, а в Валенсию, где оно попало в руки тогдашнего премьера Ларго Кабальеро. Тот заподозрил басков в двурушничестве, а те его — в провокации. На самом деле баски отвергли в апреле-мае все предложения о сепаратном мире.

Но теперь министр юстиции баскского правительства Лейсаола отказался выполнить приказ о разрушении мостов и ведущих оборонных предприятий. Он же выпустил из тюрем 2000 арестованных членов «пятой колонны».

И все же Бильбао продолжал сражаться. Вступивший в командование первой баскской дивизией бывший командующий XIV-й интербригадой эльзасец Лутц создал новый фронт вокруг города. 16 июня поступил приказ Прието удерживать город любой ценой. 17 и 18 июня компартия призвала жителей Бильбао «превратить каждый дом в крепость». 17 июня бои начались непосредственно в городе. Попытка «пятой колонны» поднять мятеж была быстро подавлена анархистами. В тот же день на город обрушилось более 20 тысяч снарядов, и 18 июня правительство Страны басков отдало приказ об отступлении на запад. И, тем не менее, в этот день несколько батальонов отказались подчиниться приказу и контратаковали мятежников, отбив у них казино «Арчанда».

Днем 19 июня 1937 года в Бильбао вошли первые части наваррцев. На улицы вышли 200 членов «пятой колонны», размахивавших

монархическими флагами. Но тут неожиданно появился республиканский танк и разогнал толпу, после чего удалился к своим в западном направлении.

Потеря Бильбао и Страны басков была тяжелым ударом для республики. В плен попало 10 тысяч бойцов из батальонов БНП. Враг захватил нетронутой всю тяжелую промышленность, 18 тысяч снарядов и 3 млн патронов. Во время баскской кампании немцы потеряли от огня советских истребителей два бомбардировщика «хейнкель 111». Сначала эти машины летали на бомбежки без истребительного сопровождения, так как преобладавшие среди ВВС республики на Севере И-15 уступали им в скорости. Однако с появлением И-16 картина изменилась и немцам пришлось прикрывать свои новейшие бомбардировщики.

Первоначально Франко, не желая раздражать итальянцев, не проводил в Бильбао массовых репрессий против мирного населения. Еще в марте после зверств в Малаге он обещал итальянскому послу, что лично будет рассматривать все смертные приговоры. Каудильо так и делал, но с удовольствием и быстро подписывал целые пачки расстрельных списков. Теперь это было уже «законно». Мятежники сразу распустили все автономные органы Страны басков и запретили баскский язык. В боях погибло 11 тысяч басков и еще 15 тысяч были убиты в ходе бомбежек «Кондора». 49,5 тыс. получили серьезные ранения и 21,5 тыс. были расстреляны до конца войны. В лагерях и тюрьмах к 1939 году томились 86 тысяч заключенных-басков и 150 тысяч были вынуждены покинуть родину. Почти 600 тысяч подверглись другим, более «мягким» формам преследований (штрафы, конфискация имущества и банковских счетов, увольнение с работы и т. д.). 31 июля 1937 года, следуя примеру своих германских друзей, фалангисты сожгли в Бильбао книги Франса, Золя, Диккенса, Генриха Манна и, естественно, Карла Маркса.

С военной точки зрения, завоевание Страны басков было, прежде всего, триумфом немецкой авиации. В телеграмме Гитлеру Франко благодарил «великий германский народ и его фюрера» за оказанное доверие. А в беседе с Фаупелем «генералиссимус» крайне пренебрежительно оценил боевой вклад итальянцев и даже сказал, что не будет возражать против их отправки на родину при условии, что вооружение будет оставлено в Испании.

И все же большого повода для радости у Франко не было. Если с мощнейшей немецкой авиационной поддержкой его войска за 80 дней прошли 60 километров, то что было бы, если бы баски имели советские танки и самолеты в таком же количестве, как под Мадридом? К тому же

войска Молы-Давилы понесли такие потери, что им потребовался почти месяц, чтобы возобновить наступление.

Для советских людей баски в 1930-е годы ассоциировались не только с их героическим сопротивлением, но и с турне футбольной команды Страны басков по СССР в июне 1937 года. Молодой советский футбол, игравший по старой системе «пять в линию» столкнулся с современной моделью расположения игроков «дубль вэ». Советские города встречали басков, среди которых были бойцы республиканской армии, как героев. В Москве получили заявки со всей страны на 2 миллиона билетов. Сборная клубов «Динамо» проиграла баскам 4:7, был разгромлен и «Локомотив» — 1:5. Но все ждали матча басков с сильнейшим клубом страны — «Спартак», который усилили игроками других команд, по сути, сделав его сборной СССР. «Спартак» пошел на риск и впервые применил в матче систему «дубль вэ» с тремя защитниками. Москвичи выиграли 6:2. Но баски в ходе своего турне еще громили наши команды в Ленинграде, Киеве, Минске и Тбилиси. И, тем не менее, на них не обижались. Ими гордились как посланцами маленькой гордой страны, до последнего защищавших честь и достоинство своей родины — пусть и в условиях окружения и при чудовищном превосходстве врагов в вооружениях. Однако анархистская пресса в самой Испании не преминула съязвить и по этому поводу. Мол, как это испанцы осмелились выиграть у русских в футбол, если республика зависит от советской военной помощи.

Потеряв Басконию, республиканцы, наконец, решили нанести давно готовившийся крупный удар на Центральном фронте, чтобы оттянуть силы мятежников с Севера. Но прежде чем мы приступим к рассмотрению этой операции, необходимо осветить некоторые события международной политики в мае 1937 года, которые едва не привели к мировой войне.

Наступление мятежников на Севере активизировало пессимистов в республиканском стане. Прибывший в Лондон на коронацию короля Георга VI лидер правого крыла ИСРП Хулиан Бестейро (к тому времени правое крыло социалистов фактически уже состояло только из него самого) предложил министру иностранных дел Великобритании Идену, чтобы Англия еще раз выступила с миссией международного посредничества в Испании. Миссию Бестейро поддержал Асанья, уже потерявший веру в возможность военными методами победить Франко. Иден дал поручение английским послам в Москве, Берлине, Риме и Париже официально предложить план английского правительства по прекращению огня, отзыву иностранных добровольцев и проведению в Испании свободных выборов. Но немцы и итальянцы были против перемирия накануне падения Бильбао.

А Франко честно признался Фаупелю, что любые свободные выборы приведут к победе левых сил и гибели «белой» Испании. (Здесь надо отметить, что сначала немцы называли воюющие стороны в испанской войне «красными» и «белыми», видимо, по аналогии с Советской Россией. Но затем Гитлер лично приказал всем СМИ рейха именовать мятежников «национальными силами», а их противников «испанскими большевиками».)

Несмотря на провал миссии Бестейро и инициативы Идена самоуверенность немцев чуть не привела к мировой войне.

3 мая 1937 года наконец вступил в силу международный режим контроля испанских морских и сухопутных границ (немцы и итальянцы оттягивали это событие, утверждая, в частности, что у них нет валюты для взносов в Комитет по контролю). Согласно принятой схеме южное средиземноморское побережье республики контролировал германский флот; северо-западное и южное атлантическое побережье — английский, Балеарские острова и Испанское Марокко — французский. Итальянцам досталась северная часть средиземноморского побережья республики. СССР от участия в этом механизме отказался. Корабли-контролеры получили право досматривать следующие в Испанию суда на предмет выявления военных грузов.

28 мая 1937 года итальянский представитель в Комитете по невмешательству пожаловался, что республиканская авиация бомбила стоявший на рейде столицы Балеарских островов Пальма де Майорки итальянский крейсер «Барлетто», убив 6 человек. При этом военные корабли Италии не имели никакого права находиться в этом районе, подпадавшем под контроль французского флота. Военное министерство республики к тому же заявило, что контроль не может осуществляться в испанских территориальных водах.

29 мая 1937 года республиканская авиация бомбила порт острова Ивиса (часть Балеарского архипелага), и две бомбы попали в стоявший там опять же вопреки нормам соглашения о контроле (согласно этому документу патрульные суда не могли приближаться более чем на 10 миль к испанским берегам) германский линкор «Дойчланд». Одна из бомб угодила в кубрик, в результате чего погиб 31 моряк и 74 получили ранения. Гитлер бушевал, и министру иностранных дел Германии фон Нейрату потребовалось 6 часов, чтобы его успокоить. Бешенство «фюрера», возможно, было бы еще более неистовым, если бы он узнал, что «Дойчланд» бомбил советский экипаж бомбардировщика СБ Николая Острякова (в годы Великой Отечественной войны Остряков командовал

ВВС Черноморского флота и погиб под Севастополем). Кстати, немцы это предполагали, но сами не хотели идти на обострение отношений с СССР. Наши пилоты утверждали, что спутали германский корабль с крейсером мятежников «Канариас» и к тому же были обстреляны с «Дойчланд» зенитным огнем. Республиканское правительство по просьбе советской стороны, не желавшей обострения международной обстановки, заявило, что «Дойчланд» по ошибке бомбили испанские летчики.

В качестве ответной меры германская эскадра («карманный» линкор «Адмирал Шеер», эсминцы «Альбатрос», «Леопард», «Зееадлер» и «Лукс») 31 мая в 5 часов 45 минут утра бомбардировала открытый республиканский порт Альмерию, выпустив 200 снарядов, убивших 19 человек и разрушивших 35 зданий (в т. ч. пострадали городской собор, штаб-квартира Красного креста и вокзал) При этом немцы побоялись обстрелять Валенсию и Картахену, которые были сильно укреплены с моря. Да и в случае с Альмерией германские корабли держались на расстоянии 12 километров от берега и сразу же удалились, поставив дымовую завесу, как только береговая батарея начала ответный огонь. Помимо этого варварского акта, Германия потребовала твердых гарантий против повторения подобного рода инцидентов, угрожая в противном случае выйти из режима «невмешательства» (которого она, собственно, на деле никогда и не придерживалась). Новый посол Великобритании в Берлине Гендерсон упрашивал фон Нейрата не «давать красным столь желанный для них предлог к мировой войне».

Английский посол как в воду глядел, ибо на заседании правительства республики Прието предложил нанести бомбовый удар по германской эскадре. Министр обороны сознавал, что это может привести к мировой войне, но именно в этом и был смысл его предложения. Мировая война отвлечет силы Германии и Италии от испанских дел и, наоборот, поставит на сторону республики Англию и Францию. 31 мая в 8 часов 45 минут по поручению правительства собрался на экстренное заседание Генеральный штаб республики для выработки возможной реакции на агрессивные действия германской эскадры. Взвесив все «за» и «против», генштаб рекомендовал реагировать «в наступательном смысле», так как выжидательная тактика «поставила бы страну в положение депрессии и деморализации». Конкретно Генштаб предлагал атаковать подлодками немецкие корабли в Атлантическом океане (для этого нужны были резервы топлива, составлявшие на тот момент десятидневный запас) и нанести авиаудары по портам Мелилья и Пальма де Майорка, которые наиболее часто использовались германскими судами (во время войны каждые пять

дней из Германии в контролировавшиеся мятежниками порты прибывало одно судно). Военные полагали, что в интересах республики было «покончить с фикцией», будто Италия и Германия не ведут войны на деле. Ознакомившись с мнением Генштаба, кабинет министров прислушался к рекомендациям Москвы и решил не рисковать и просто забыть про Альмерию.

Немцы и итальянцы картинно бушевали дальше, впрочем, не переходя определенных рамок (Гитлер в то время сам боялся европейской войны), и в конце концов вышли 22 июня из соглашения по контролю, используя инцидент якобы торпедной атаки неизвестной подлодки против германского крейсера «Лейпциг» (хотя даже капитан его утверждал, что если торпеды и были, то прошли мимо).

Итак, Европа устояла на грани мировой войны, но война в самой Испании продолжалась. Республике необходимо было срочно спасти свой гибнущий Север.

Между тем, победа под Гвадалахарой вселила в руководство республики излишнюю и очень опасную самоуспокоенность. Это чувство укрепилось после еще одной победы Народной армии, одержанной весной 1937 года на Южном фронте, там, где военное счастье до тех пор не улыбалось республиканцам.

5 марта три колонны мятежников начали наступление в Андалусии с целью захватить ртутные месторождения Альмадена и деблокировать сидящий в осаде с лета 1936 года гарнизон гражданских гвардейцев в монастыре Святой Девы Марии (Вирхен де ла Кабеса). Первоначальным объектом удара было местечко Пособланко к северу от Кордовы на западе горной цепи Сьерра Морена. Командующий армией Юга мятежников генерал Кейпо де Льяно заявил, что Пособланко падет, как перезревший фрукт с дерева.

Однако в отличие от Малаги, народная милиция на этом участке фронта состояла из отличавшихся высоким боевым духом шахтеров, которые три недели оказывали героическое сопротивление и, в конце концов, остановили мятежников в трех километрах от Пособланко. В начале апреля командование республиканцев перебросило под Пособланко XIII-ю интербригаду, а также 6-ю и 86-ю бригады регулярной армии. 6-я бригада и XIII-я интербригада уже сражались с итальянцами под Малагой и горели желанием взять реванш.

4 апреля республиканцы начали наступление на железнодорожную станцию Вальсекильо, однако, не зная местности, двинулись не в том направлении и упустили фактор внезапности. К тому же сначала не

подошли обещанные танки, и пассивно вела себя артиллерия. После четырехчасового боя станция все же была взята, причем последних мятежников выкурили с помощью танков из церкви, откуда они вели сильный пулеметный огонь. Многонациональный батальон XIII-й интербригады «Чапаев» потерял в тот день 131 человека из 600.

5 апреля, уже полностью использовав фактор внезапности, «чапаевцы» и один испанский батальон неожиданным ударом захватили еще два селения: Ла Гранхуэла (в 4 километрах к югу от Вальсекильо) и Бласкес. Причем здесь республиканцам, как ни странно, помогло их плохое знание местности. На заре они пошли в атаку не той дорогой и неожиданно вышли в тыл франкистских позиций. Было захвачено много пленных и один немецкий танк, экипаж которого состоял из немецкого офицера, португальца и трех испанцев.

6 апреля пали позиции мятежников в Сьерра-Нориа, опасно нависавшие над флангом наступающей республиканской группировки. Были захвачены сотни винтовок и 12 тяжелых пулеметов. На сторону республиканцев стали переходить солдаты мятежников. Республиканцы вплотную подошли к рудникам Пеньяройя, трубы которых они уже могли наблюдать в бинокль. Это создавало угрозу всему экспорту «национальной зоны». Подбросив подкрепления, Кейпо де Льяно 7 апреля все же смог остановить наступление противника. Большую помощь мятежникам оказали 8 «юнкерсов», в то время как у республиканцев не было поддержки с воздуха. К тому же один из офицеров перебежал к мятежникам с планами дальнейших действий.

Основную роль в срыве наступления Кейпо де Льяно, обернувшегося тяжелым поражением мятежников (они назвали это сражение «славным отступлением»), сыграли умелые действия республиканской артиллерии.

Вплоть до конца войны Южный фронт оставался спокойным. Провал наступления Кейпо де Льяно на Пособланко сделал безнадежным положение мятежников, осажденных в монастыре Вирхен де ла Кабеса. Там находилось 250 гражданских гвардейцев с семьями, 100 фалангистов и 1000 представителей богатых классов. Сначала местный Народный фронт даже не знал, на чьей стороне в войне находятся эти люди. Но гарнизон монастыря, собрав значительное количество продуктов питания, открыто объявил о своей приверженности мятежникам. С помощью почтовых голубей командир осажденных капитан Кортес наладил связь с основными силами мятежников и ему было сброшено с самолетов более 150 тонн продовольствия.

Монастырь, находившийся на вершине горы, окружало до 10 тыс.

бойцов милиции, но без артиллерии взять эту мощную крепость было невозможно. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда в конце апреля, разбив Кейпо де Льяно под Пособланко, к монастырю подошла XIII-я интербригада и при поддержке авиации начала штурм. Причем его успех предопределил разведывательно-диверсионный батальон Унгрии-Старинова. Был найден выросший в монастыре мул, на которого навьючили обложенную гвоздями взрывчатку и пару ящиков негодных патронов для отвода глаз. Одиноким всадник появился на этом муле под самыми стенами монастыря и после выстрелов мятежников «позорно бежал». По старой памяти «троянский мул» побрел к монастырю и был втянут осажденными за его стены. Спустя некоторое время в монастыре раздался мощный взрыв, и республиканцы ринулись в атаку на ошеломленных мятежников. Те никак не могли придти в себя и почти не отстреливались. 30 апреля Кортес был ранен, а 1 мая республиканцы ворвались в монастырь (ранее Франко «разрешил» гарнизону капитулировать). Кортес вскоре умер от ран в госпитале. Мятежники сразу же попытались сделать из Вирхен де ла Кабеса второй пропагандистский Алькасар.

Итак, республиканцы могли похвастаться двумя победами на юге, но их масштаб был явно недостаточен для того, чтобы отвлечь главные силы мятежников от гибнущего республиканского Севера.

Ларго Кабальеро предпочитал план нанесения главного удара по мятежникам в Эстремадуре, чтобы выйти к португальской границе и разрезать территорию, подконтрольную Франко, надвое. Для этого было необходимо как минимум 75 тысяч бойцов, в т. ч. все лучшие соединения Мадридского фронта. Командующий последним генерал Миаха и советские военные советники считали, что столь масштабное наступление не по силам молодой Народной армии, и даже в случае успеха вряд ли удалось бы удержать завоеванные позиции. В конце концов назначенный после отставки Ларго Кабальеро начальником Генштаба республики Висенте Рохо поручил советским военным советникам разработать план окружения мадридской группировки мятежников, насчитывавшей 55 тысяч человек. Но на подготовку такой операции требовалось время, и потому было решено провести пока несколько локальных контратак, чтобы все-таки оттянуть с Севера часть сил франкистов.

Первое наступление было поручено переименованному в Восточный Арагонскому фронту, который после майских событий в Барселоне возглавил генерал Посас. Была проведена определенная реорганизация частей (в т. ч. распущена 29-я дивизия ПОУМ), но основную массу солдат

по-прежнему составляли анархисты. Целью наступления было взять, наконец, окруженный с трех сторон с самого начала войны город Уэску. Наступление довольно вяло шло две недели и, несмотря на большое превосходство республиканцев в живой силе, не имело никаких результатов. Было убито 1000 республиканцев, в том числе очень популярный в Народной армии генерал Лукач (Матэ Залка), которого 11 июня 1937 года сразил осколок снаряда. Лукач вместе со своим советником Батовым проводил рекогносцировку на простреливаемой мятежниками дороге. Она была защищена от глаз врага невысоким плетнем, но поднимаемая машинами пыль сводила на нет ценность этого импровизированного прикрытия. Поэтому машина Лукача попала под обстрел, во время которого он был смертельно ранен. Серьезное ранение получил и Батов.

Генконсул СССР в Барселоне Антонов-Овсеенко сообщал в Москву, что наступление под Уэской было скверно подготовлено, а авиация действовала трусливо. Танки с «испанской прислугой» (выражение Антонова-Овсеенко) работали плохо. Франкисты, судя по показаниям пленных, ждали республиканской атаки. XII-я интербригада была морально подавлена смертью своего любимого командира, а 72-я испанская бригада прибыла в небоеспособном виде (она состояла из необстрелянного пополнения и имела четыре типа стрелкового вооружения без патронов). Разведка не выявила наличия у противника железобетонных огневых точек, которые нанесли республиканцам большие потери. После провала наступления на Уэску прибывшие на Восточный фронт с центрального участка бригады были, несмотря на протесты Посаса, отозваны обратно

Другая атака к северу от Мадрида в направлении на Сеговию началась более успешно. 31 мая 1937 года три республиканских дивизии под командованием полковника Морионеса прорвали фронт мятежников и дошли до Ла Гранхи. Ударной частью республиканских сил была XIV-я интербригада. Но командующий мадридской группировкой франкистов генерал Варела оперативно подтянул части с южного фаса своего фронта и отбил атаку. Не очень хорошо в этой операции действовала авиация республиканцев, иногда бомбившая позиции собственных войск. Большие потери понесли советские штурмовики Р-5 и «Р-зет».

Провал атаки на Сеговию окончательно предопределил падение Бильбао.

Для спасения оставшейся части республиканского Севера с конца апреля активно шла подготовка к решающему удару на Мадридском фронте. На этот раз операция разрабатывалась в обстановке полной

секретности. Войска перемещались ночью и занимали боевые позиции под видом участия в учениях. Даже начальник штаба Центрального фронта полковник Матальяна до последнего дня ничего не знал о предстоящей операции, которую готовил сам Рохо вместе с советскими военными советниками (наиболее существенную роль играл Малиновский).

Собственно план операции был не совсем уж и новым. Он в принципе повторял январские наброски 1937 года, когда планировалось взять мадридскую группировку Варелы в клещи, нанеся главный удар с северо-запада и вспомогательный (с Харамы) с юго-востока. Но встречное сражение на Хараме тогда расстроило всю комбинацию. Теперь ее хотели повторить, но с привлечением уже гораздо большего количества сил и средств.

Основной удар с севера в направлении на Брунете (городок с 1000 жителей) наносили 5-й и 18-й корпуса республиканской армии. 5-м корпусом (в него входили 11-я дивизия Листера трехбригадного состава и еще две дивизии, состоявшие из двух бригад каждая) командовал Модесто.

18-й корпус (три дивизии, включая XIII-ю и XV-ю интербригады) возглавлял кадровый офицер подполковник Хурадо (позднее его сменил человек, сыгравший в истории Испанской республики роковую роль — подполковник Сехисмундо Касадо).

Навстречу двум ударным корпусам должен был двинуться из южных предместий Мадрида 2-й корпус подполковника Ромеро (две дивизии, пять бригад). Соединение двух группировок планировалось в районе городка Мостолес.

План был детально разработан, и советские военные советники настояли на выделении крупного резерва (две дивизии из четырех бригад, включая две интернациональные), который должен был развить первоначальный успех. Командирам ударных частей строго предписывалось не ввязываться в бои за укрепленные населенные пункты, оставляя их ликвидацию в тылу войскам второго эшелона. Главное было в первый же день прорвать оборону и углубиться на расстояние, не позволявшее мятежникам локализовать наступление.

Руководство республики придавало операции огромное значение. Речь шла не просто об отвлечении сил мятежников с Севера, а о разгроме их основной группировки и окончании войны. Министр обороны Прието сказал президенту Асанье, что если это наступление окончится неудачей, то следует оставить все надежды на победу в гражданской войне. Ведь в бой шла лучшая часть Народной армии — Центральный фронт при поддержке практически всей имевшейся в наличии боевой техники.

Всего было собрано 85 тыс. солдат и офицеров (к концу битвы их число возросло до 110 тысяч), 250 орудий, 130 танков, 40 броневедомостей и 140 самолетов. Группировка Варелы насчитывала 55 тысяч солдат, 300 орудий, 100 танков и 100 самолетов. Таким образом, в целом большого преимущества у республиканцев не было. Но на направлении главного удара им удалось создать подавляющее превосходство (в людях 6:1, в противотанковой артиллерии 4:1). Весной 1937 года в Испанию прибыли новые партии Т-26 (7 мая на пароходе «Кабо Палос» — 50 танков) и в дополнение к прежней одной было образовано четыре бронетанковые бригады, каждая из которых имела в своем составе один танковый батальон и два батальона броневедомостей (советского и испанского производства). Новые танковые экипажи состояли уже исключительно из испанцев. 70 танков и 20 броневедомостей должны были поддерживать основную ударную группировку под Брунете, а 2-му корпусу было придано 30 Т-26 и 10 броневедомостей.

Перед началом генерального наступления батальон спецназа Унгарии получил задание вывести из строя железнодорожную магистраль Галаверадель-Рейна — Навальмораль-де-ла-Мата, чтобы лишить франкистов возможности перебрасывать резервы под Мадрид с юга. Только за один день разведчики установили на дороге 14 мин, на одной из которых сразу подрвался эшелон с войсками. Еще пять дней спецназ минировал магистраль, обеспечив успех республиканского наступления на его первом этапе.

Будущий театр военных действий в районе Брунете представлял собой выжженную солнцем равнину, практически лишенную растительности. Фронт мятежников здесь не имел сплошной линии, а состоял из отдельных опорных пунктов, в каждом из которых занимали круговую оборону 1–2 батальона.

Вечером 5 июля 1937 года перед войсками с напутствием выступили Прието, Рохо и Долорес Ибаррури, и ночью того же дня 11-я дивизия Листеры скрытно просочилась сквозь боевые порядки мятежников. Когда утром 6 июля после артподготовки и авиаударов в атаку пошел 18-й корпус, бойцы Листеры уже были в 16 километрах от линии фронта и внезапным ударом взяли Брунете. Части противостоявшей республиканцам 71-й дивизии (состояла в основном из фалангистов и 1000 марокканцев) были захвачены врасплох, но быстро пришли в себя. Только в ночь с 6 на 7 июля 18-й корпус смог взять деревню Вильянуева-де-ла-Каньяда. Но при этом большие потери понесла XIII-я интербригада. Досталось и танкам, по которым били две замаскированные в церкви немецкие противотанковые

пушки. Республиканцы потеряли более десяти Т-26.

Дни 6 и 7 июля были решающими. Вместо того, чтобы согласно приказу стремительно двигаться на юг, республиканские командиры все же решили уничтожить оставшиеся у них в тылу опорные пункты мятежников в деревнях Вильянуэва-дель-Пардильо и Кихорна, которые располагались на флангах республиканского прорыва. Но эти деревни были сильно укреплены, и командованию пришлось раньше времени ввести в бой все резервы.

Однако и Франко был крайне обеспокоен наступлением республиканцев. Его еще никогда не видели таким удрученным («Они развалили мой Мадридский фронт»). Запланированное на 9 июля продолжение наступления на Севере было отложено, и вся германо-итальянская авиация была переброшена отсюда под Брунете. Уже в первый день республиканского прорыва мятежники оперативно стали направлять на угрожающее направление резервы. С севера прибыли две наваррские бригады, 150-я и 108-я дивизии из Галисии, уже готовившиеся нанести удар по Астурии.

Между тем наступавшие войска республиканцев 7 июля повернули вместо юга на восток (в направлении Мадрида) и форсировали реку Гуадаррама. Но преодолеть высоту Москито и занять местечко Романильос не удалось, так как в бой уже вступили франкистские резервы. На следующий день верховное командование республиканцев (его формально осуществлял Миаха, но на деле все было в руках Рохо) приказало не отвлекаться на восток, а продолжать движение в южном направлении. В это же время началось наступление 2-го корпуса к югу от Мадрида. Оно развивалось успешно, и республиканцы быстро перерезали Толедское шоссе. Однако в этом корпусе было много едва обученных новобранцев и к концу дня, увидев, что не подошли подкрепления, они самовольно вернулись в тыл. Возникла трудно объяснимая паника, и 2-й корпус оказался на своих первоначальных позициях.

А в тылу основной ударной группировки еще держалась Кихорна, атакуемая двумя дивизиями республиканцев. Листер продолжал наступление на юг, но франкисты уже начали переходить в контратаки. Обе стороны несли огромные потери. Господство в воздухе перешло к мятежникам, которые активно применили в Брунетском сражении немецкие истребители Me-109. Там впервые столкнулись в испанском небе опытные советские и немецкие пилоты на самых современных в своих странах истребителях

Первые две эскадрильи «мессершмиттов» прибыли под Брунете с

Северного фронта еще 7 июля. А уже 12 июля «мессеры» записали на свой счет шесть сбитых самолетов, в том числе три И-16 и один СБ. «Мессершмитты» превосходили И-16 (хотя «муха» практически не уступала «мессерам» первых серий) и И-15 в скорости на горизонталях, но советские самолеты были маневреннее. К тому же на советских пилотов новые немецкие истребители вовсе не нагоняли никакого ужаса. 13 и 18 июля были сбиты по одному «мессершмитту». Бои шли на равных, советские летчики не уклонялись от единоборства и немцам пришлось менять тактику. Они стремились охотиться за тихоходными штурмовиками R-Z, и только в один из дней Брунетской битвы их жертвами стали 9 машин этого типа. В противоборстве с И-16 «мессеры» внезапно атаковали с большой высоты (6000–7000 метров) и обычно сразу же выходили из боя, если не имели численного превосходства. Немецкие и советские истребители делали по 4 боевых вылета в день, но численное превосходство германо-итальянской авиации сказывалось все сильнее, и к концу сражения господство в воздухе перешло к мятежникам. Легион «Кондор» бросал в бой смешанные авиагруппы с мощным истребительным сопровождением. Бомбежки шли и ночью, причем почти безнаказанно, так как республиканские самолеты не были оборудованы для ночных боев. На свой страх и риск советский летчик Анатолий Серов (будущий муж известнейшей киноактрисы Валентины Серовой) создал группу ночных истребителей И-15, которая сбила несколько «юнкерсов». Всего Серов провел в Испании 40 воздушных боев и сбил 8 самолетов лично и 7- в группе. Под Брунете взошла звезда лучшего аса военно-воздушных сил СССР Ивана Федорова («Хуана»), который за всю свою жизнь сбил в различных войнах 49 самолетов лично и 47 — в группе. В июле 1937 года Федоров совершил 25 боевых вылетов и однажды вернулся с 96 пробоинами. За время пребывания в Испании Федоров уничтожил 24 самолета, став одним из лучших асов ВВС республики.

Между тем на земле части интербригад после чудовищных потерь, действуя в ближнем бою штыками и гранатами, 9 июля взяли, наконец, Кихорну. 10–13 июля продолжались атаки с использованием уже всех имевшихся резервов, но успеха они не приносили. Между интербригадами возникли конфликты: командиры некоторых частей считали, что их умышленно бросают в безнадежные атаки. Включенные в интербригады испанские новобранцы стали дезертировать, а иногда и переходить на сторону противника, оставляя записки о своем нежелании воевать под командованием иностранцев. Одна группа перебежчиков даже увела с собой поляка, чтобы выдать его франкистам за русского и заслужить

вознаграждение. Некоторые бойцы умышленно наносили себе легкие ранения, чтобы быть отправленными в тыл. К 11 июля 1-я бронетанковая бригада Народной армии даже с учетом брошенного в бой резервного батальона состояла только из 38 танков, которые поддерживали уже лишь один 5-й корпус.

13 июля, вымотавшись окончательно, республиканские части начали окапываться. Каждой бригаде были заранее выделены 1–2 роты саперов, которые стали рыть окопы и натягивать колючую проволоку. Но авиация мятежников не давала вести работы днем и к началу контрнаступления франкистов оборонительные рубежи не были закончены. XIII-я интербригада, боровшаяся на восточном берегу Гуадаррамы, попросила отвода в тыл, так как дальнейшие бои грозили ей полным уничтожением. Но командование было непреклонным.

Всего в ходе своего наступления республиканцы смогли освободить территорию шириной 15 и глубиной 12 километров. Но эти скромные приобретения были достигнуты ценой огромных потерь. Основной ошибкой было стремление захватить каждый населенный пункт. Для этого использовались танки, большее число которых было уничтожено. Пехота слишком поздно после артподготовки поднималась в атаку, и мятежники успевали выйти из укрытий и снова занять оборону. Мобилизованные новобранцы были плохо обучены и пребывали в состоянии животного ужаса от ударов с воздуха.

14 и 15 июля республиканцы еще предпринимали локальные атаки, но они не только не приносили успеха, а отбивались уже серьезными контратаками противника.

18 июля (в годовщину начала мятежа) франкисты с трех сторон перешли в контрнаступление. Предварительно они попытались вывести из строя всех советских военных советников. Вечером 17 июля все они ужинали в мадридском отеле «Гэйлорд», где жили почти все советники, воевавшие на Центральном фронте (атмосфера вечеров в «Гэйлорде» ярко описана у Хемингуэя в романе «По ком звонит колокол»). На утро все они, включая Штерна, почувствовали симптомы острого отравления, и анализы показали наличие в организме мышьяка. Были арестованы несколько человек из обслуживающего персонала, которых затем отпустили из-за недостатка улик.

В первый же день своего наступления мятежники пытались ударами справа и слева срезать республиканский выступ, одновременно давя на него с фронта. 45 тыс. атакующих поддерживали легион «Кондор» и 100 орудий. Но первые дни ничего не дали Вареле. Франкисты были

вынуждены занимать каждую пядь отбитой территории ценой большой крови. 23 июля, когда в одном из батальонов XIII-й интербригады на Гуадаррамском плацдарме взорвался боезапас, измученных непрерывными боями людей охватила паника, совпавшая с бегством части нестойких республиканских войск из-под Брунете. В этот критический момент мог развалиться весь республиканский фронт. Но части Листера, стоя насмерть, сумели удержать Брунете. Бегущих останавливали танками и пулеметами. Командир XIII-й интербригады убил одного солдата, отказавшегося вернуться в бой, и едва не был разорван на куски его сослуживцами.

25 июля Листер все же был вынужден оставить Брунете, сумев закрепиться на кладбище этого селения.

К 28 июля линия фронта стабилизировалась. Республиканцы сохранили захваченные населенные пункты Кихорна, Вильянуэва-де-ла-Каньяда и Вильянуэва-дель-Пардильо, потеряв 20 тысяч человек убитыми и 100 самолетов. Мятежники недосчитались 17 тыс. человек и 23 самолетов. Но уже в середине июля 1937 года из Германии прибыло еще 22 истребителя Me-109. Особенно ужасными были потери республиканских танков — 61 захваченных и уничтоженных Т-26. Конечно, сказались неопытность и нестойкость испанских экипажей. Но главная причина крылась в небывалой концентрации противотанковой артиллерии на стороне франкистов: на один километр фронта приходилось 26,6 стволов, в то время как в среднем этот показатель обычно не превышал 13,8 единиц. После Брунете многие военные теоретики на Западе решили, что эра танков закончилась.

Большие «Канны» вокруг Мадрида опять не удались, но наступление франкистов на Севере было прервано на 5 недель. Варела предлагал Франко воспользоваться измотанностью республиканцев и на их плечах ворваться в Мадрид, но «генералиссимус» не стал рисковать своими отборными частями и вновь перебросил их на Север. Народная армия в этом первом своем крупном наступлении оставила в целом хорошее впечатление, хотя налицо была большая разница в боеспособности — с одной стороны, между закаленными интербригадами и коммунистическими частями Листера, а с другой — свежими бригадами испанской армии. Большие потери объяснялись неумелыми действиями командиров при маневрировании, а также подавляющим господством в воздухе авиации мятежников во время второй фазы сражения.

После Брунете во многих воинских частях Народной армии стал ощущаться упадок духа и неверие в благоприятный исход войны. Некоторые бойцы интербригад, особенно выходцы из богатых и

среднеобеспеченных семей США, Великобритании и Скандинавских стран, стали проситься на родину. Они ехали на романтическую войну («войну поэтов», как ее называли), а оказались в грязных окопах под непрерывными бомбежками и артобстрелом. Некоторые жаловались, что им не хватает хорошего питания и «сладостей». Среди интербригадцев распространилось крайне низкое мнение о боевых качествах испанцев. С другой стороны, продолжался приток добровольцев из Восточной Европы, особенно балканских стран, которых не пугали бытовая неустроенность и тяжелые бои.

Переформировав свои силы, Франко вернулся к прерванной компании на Севере.

После захвата Бильбао отступавшие на запад в Сантандер части басков были сведены в 14-й корпус в составе четырех дивизий. Тогда же в баскских частях появились политкомиссары. Организованные в два корпуса силы обороны Сантандера занимали фронт протяженностью в 220 километров, обращенный на восток и юго-восток (с запада была республиканская Астурия). Генерал Льяно де Энкомьенда хотел сократить линию фронта, расположив оборонительные рубежи на горных цепях. Однако генерал Гамир Улибарри и его новый начальник штаба майор Ламас не стали менять позиций. Республиканцы имели 50 тысяч солдат, 50 батарей артиллерии и 44 самолета (в т. ч. 33 истребителя, из них только 18 новых советских). Три дивизии находились в глубине обороны в резерве.

Мятежники под командованием Давилы имели 106 батальонов (в т. ч. три итальянские дивизии, 6 наваррских бригад, и 30 батальонов мобилизованных в армию кастильцев). «Армию Севера» поддерживали 63 артиллерийские батареи, легион «Кондор» и итальянская авиация. Итальянцы, как и в случае со Страной басков, наступали вдоль побережья (им противостояла одна бригада), а наваррцы наносили удар с юга (там соотношение сил было 8:1 в их пользу).

У республиканцев на Севере было 6 спокойных недель (купленных их товарищами дорогой ценой под Брунете), и они не только изучили расположение противника, но и сформировали целый бронетанковый полк (20 танков «рено», 8 танков «трубия», построенных в Бильбао, и 20 бронеавтомобилей).

С помощью советских военно-морских советников А. П. Александрова и А. В. Крученых два республиканских эсминца «Сискар» и «Хосе Луис Диас» провели в середине июля операцию «Маятник» по прорыву морской блокады Сантандера. К тому времени около Сантандера и Хихона скопилось несколько судов с грузами для осажденного Севера. Путь в

порты им преграждал мощный крейсер мятежников «Адмирал Сервера» и несколько канонерских лодок. Согласно разработанному плану «Сискар» вышел из Сантандера в направлении Хихона и за эсминцем сразу погнался крейсер мятежников. Когда оба корабля были уже далеко от Сантандера, второй эсминец легко разогнал канонерские лодки франкистов, и отконвоировал в порт транспорты с грузами. Получив сигнал SOS от своих канонерок, «Адмирал Сервера» прекратил преследование «Сискара» и вернулся к Сантандеру. А неуловимый «Сискар» проследовал дальше к Хихону, обратил в бегство два боевых корабля мятежников и провел в порт грузовые суда. И опять «Адмирал Сервера» помчался к Хихону, но было уже поздно. Операция «Маятник» полностью удалась и если бы у республиканских эсминцев было больше боеприпасов (имелось в наличии только 15–20 снарядов на орудие) и топлива, мятежники наверняка лишились бы своих канонерок (одна из них получила пару попаданий). Позднее неуловимый «Сискар» был потоплен немецким бомбардировщиком «хейнкель 111».

14 августа после артподготовки силами 300 орудий и авиаударов примерно такого же количества самолетов мятежники перешли в наступление. 15 августа произошел танковый бой, в котором итальянская дивизия «23 марта» потеряла в противостоянии со старыми «рено» и советскими бронеавтомобилями БА-6 два танка (всего в Сантандерской компании участвовали 5 рот танков «фиат»).

16 августа наступавшие с юга наваррцы отрезали выступ республиканского фронта у Рейносы (тот самый, который Улибарри отказался заблаговременно очистить), а на следующий день итальянцами был захвачен стратегически важный перевал Эскудо.

Началась паника, командир одной из дивизий республиканцев вместе почти со всем штабом перешел к врагу. Панику смогли прекратить, но создать единый фронт обороны уже не удавалось. Баскские батальоны геройски сражались на побережье, но их руководство решило заключить сепаратный мир с итальянцами и направило войска не на запад (в Астурию), а на восток, в портовый город Сантонья, навстречу наступавшим интервентам. Генерал Гамир Улибарри медлил с отходом основной армии в Астурию, и более 1/3 ее личного состава попало в окружение.

ВВС республиканцев под Сантандером после перелета из центральной зоны 18 августа девяти И-16 состояли всего из 27 истребителей. 21–22 августа 1937 года над Сантандером произошло крупнейшее воздушное сражение за все время противоборства на Севере. Немцы на «мессершмиттах» сбили три И-15, но сами потеряли два бомбардировщика.

Франкисты хвастливо заявили об уничтожении 30 республиканских истребителей, хотя такого количества самолетов у защитников Сантандера просто не было. 24 августа немцы были вынуждены на короткое время перебросить две свои истребительные эскадрильи под Сарагосу, где началось крупное наступление Народной армии.

25 августа командование басков заключило перемирие с итальянским полковником Фагоси, который обещал сохранение жизни всем сдавшимся и возможность покинуть Испанию на стоявших в гавани Сантоньи двух британских судах. 27 августа баски стали грузиться на корабли, но в 10 часов утра мятежники неожиданно с пулеметами окружили их и объявили, что Франко не разрешил эмиграцию. Итальянцы выразили мятежникам неудовольствие, но басков уже строили в колонны и под охраной фалангистов отправляли в лагеря военнопленных. Как всегда, начались расстрелы без суда и следствия.

26 августа итальянцы без боя вошли в Сантандер. 9 батальонов республиканцев смогли с боями прорваться на запад, в последнюю непокоренную провинцию Севера — Астурию. Большую роль в успехе этого прорыва сыграл командир эскадрильи истребителей Иван Евсевьев, который смог сбросить окруженным под Сантандером республиканцам вымпел с точным маршрутом отхода. При этом Евсевьев вступил в бой с двумя «мессершмиттами», сбив один из них. А его товарищи в это время сбили над своим аэродромом один бомбардировщик и один истребитель «фиат». В тот день немцы также потеряли над Хихоном сразу два бомбардировщика «хейнкель 111».

Часть республиканских войск сумела эвакуироваться из Сантандера морем. Группа советских военных советников и переводчиков, прорвавшись в порт через охваченный мятежом «пятой колонны» город, на шлюпках добралась до подводной лодки С-6, которой командовал Н. П. Египко. В ходе боев на Севере С-6 не раз успешно торпедировала корабли мятежников, но старые торпеды не взрывались, сводя на нет мастерство экипажа. Обманув преследовавшие ее корабли франкистов, С-6 добралась до Хихона. Позднее, после полученных С-6 тяжелых повреждений было принято решение затопить субмарину. Генерал Гамир Улибарри также на подводной лодке перебрался также в Астурию, а оттуда — в Барселону.

Компания в Сантандере была для мятежников более легкой, чем в Стране басков. В среднем они продвигались на 4–5 километров в день, а после капитуляции басков в Сантонье вообще за 3 дня продвинулись на 30 километров и заняли Сантандер. Активную роль в победе сыграла уже не авиация, а искусные маневры наваррских частей, обошедших основные

республиканские узлы обороны.

Муссолини уже не мог скрыть своей радости. 27 августа 1937 года все итальянские газеты совершенно открыто сообщали о «блистательной победе солдат дуче» под Сантандером.

Одновременно по просьбе Франко итальянские подлодки начали активную войну против идущих в республиканские порты судов всех стран. В крайнем случае (при обнаружении) итальянским подводникам было предписано поднимать флаги мятежников. 30 августа был потоплен советский пароход «Тимирязев», а 1 сентября — еще одно судно под советским флагом — «Благоев». Нападения были совершены на английские, датские, греческие, французские и даже итальянские торговые суда, (некоторые из них также отправились на дно), Муссолини хвастался потом немцам, что его подлодки потопили суда общим водоизмещением в 200 тысяч тонн.

Коммуникации республиканской Испании оказались под угрозой, а поток советской помощи сократился до минимума. Франко просил вести подводную войну хотя бы месяц, чтобы успеть покончить с Астурией и не дать республиканцам возможности новой советской техникой устроить мятежникам такую же кровавую баню, как под Мадридом.

Англия и Франция, конечно, сразу догадались о принадлежности «неизвестных» субмарин. Париж и Лондон вовсе не желали, чтобы Муссолини взял под контроль все западное Средиземноморье. 31 августа зарвавшиеся итальянцы атаковали даже британский эсминец «Хэвок». Всего было потоплено 19 английских судов, на которых погибло 150 человек. А в это время Лондонский комитет по невмешательству обсуждал советское предложение о немедленном выводе всех иностранных добровольцев из Испании. Немцы и итальянцы, следуя своей излюбленной тактике проволок, формально не возражали, но требовали одновременно признать за мятежниками статус воюющей стороны. Это, естественно, было неприемлемо не только для Москвы, но и для самой Испанской республики.

Будучи уверены в своей безнаказанности, Берлин и Рим думали, что и вопрос о «неизвестных» подводных лодках также будет передан в Лондонский комитет, где благополучно утонет в дискуссиях, в то время как в Средиземном море будут по-настоящему тонуть корабли с грузом для республики. Советскому Союзу была вполне ясна национальная принадлежность таинственных подводных лодок, и 6 сентября 1937 года советский полпред в Риме передал ноту протеста. В ней содержалось жесткое предостережение от повторения актов пиратства против торговых

судов СССР.

На этот раз лопнуло терпение и англичан и французов, и они предложили созвать специальную конференцию черноморских и средиземноморских стран по проблеме пиратства в Средиземноморье. Попытка СССР добиться участия в конференции Испанской республики натолкнулась на жесткое неприятие Парижа и Лондона. 10 сентября 1937 года конференция открылась в швейцарском городе Нион и в отсутствие немцев и итальянцев (отказавшихся от приглашения), страны-участницы (Великобритания, СССР, Франция, Болгария, Египет, Греция, Румыния, Турция и Югославия) быстро подписали соглашение о борьбе с пиратством. Согласно этому документу французский и британский флоты получали право топить все подозрительные подводные лодки. Затем соглашение было распространено и на борьбу с самолетами и кораблями. Причем нарушителей соглашения разрешалось атаковать не только в международных, но и в испанских территориальных водах.

Почувствовав решимость мирового сообщества, Гитлер и Муссолини пошли на попятную и пиратство временно прекратилось. В швейцарских кафе шутили, что «неизвестный государственный деятель» Муссолини должен поставить памятник «неизвестной подводной лодке».

Нападений на советские суда больше не было, но их на всякий случай стали вооружать пулеметами и глубинными бомбами.

В Риме, подумав, пришли к выводу, что можно добиться гораздо больших результатов, подыгрывая западным демократиям. Муссолини «одумался» и присоединился к системе морских патрулей, получив для своего флота зону контроля в западном Средиземноморье, что позволяло ему без проблем снабжать мятежников через Балеарские острова.

В Испании в то время республиканцы решили снова помочь Северному фронту. На сей раз удар было решено наносить не под Мадридом, где враг был настороже после Брунете, а на спокойном Восточном (бывшем Арагонском фронте), где у франкистов были второсортные войска и очаговая линия обороны. Предполагалось стремительным ударом захватить столицу Арагона Сарагосу, которую с передовых республиканских позиций было видно в бинокль. Это облегчало командирам ориентирование на местности. Было решено послать в Сарагосу, расположенную на реке Эбро, специальную группу из 60 человек, которая должна была захватить мосты и удерживать их до подхода главных сил.

С Мадридского фронта под Сарагосу был переброшен самый сильный в Народной армии «коммунистический» 5-й корпус Модесто. Всего было

собрано 10 дивизий (две из них состояли из интербригад), которых поддерживало 103 танка Т-26 и большее, чем под Брунете, количество артиллерии. По дороге к фронту части Листера разогнали в городе Каспе Арагонский совет (к тому времени, помимо анархистов, в него входили и представители организаций Народного фронта, но тон задавала НКТ), арестовав его руководителей (Прието специально использовал коммунистические части против Арагонского совета, чтобы еще глубже вбить клин между КПИ и НКТ). Правительство в Валенсии, наконец, вернуло себе контроль над Арагоном, а принудительные сельхозкоммуны были распущены. Общее командование силами республиканцев на Восточном фронте по-прежнему осуществлял генерал Посас.

24 августа (за два дня до падения Сантандера) 80 тысяч республиканцев без артиллерийской подготовки перешли в наступление сразу на восьми участках к югу и северу от Сарагосы (урок Брунете был усвоен: удар на одном направлении позволял противнику быстро перебросить на угрожаемый участок войска с соседних спокойных направлений). Группа из 33 штурмовиков «Р-зет», пилотируемых испанскими летчиками, под прикрытием истребителей в тот день четыре раза вылетала на боевые задания. Компенсируя низкую скорость штурмовиков, летчики блестяще выполняли противозенитный маневр и не потеряли в тот день ни одной машины, несмотря на чрезвычайно плотный зенитный огонь мятежников.

На самом северном направлении 27-я дивизия уже к полудню прорвала фронт и захватила населенный пункт Суэра. К югу от нее 45-я дивизия продвигалась медленнее, потому что она ввязалась в бои в укрепленном населенном пункте Вильянуэва-дель-Гальего. К тому же командование дивизии отдавало бригадам только устные приказы, а те исполняли их, не учитывая быстро менявшейся оперативной обстановки.

На центральном участке 5-й корпус прорвал оборону и, обойдя с тыла два укрепленных населенных пункта Кинто и Бельчите, устремился на Сарагосу. Но и здесь опять республиканцев одолела боязнь оторваться от тылов, и Листер перенес продолжение наступления на следующий день.

Наконец, самый южный 12-й корпус вместо того, чтобы наступать на север и соединиться с Листером под Сарагосой, обошел Бельчите с тыла и ввязался там в бои. Командование республиканцев боялось оставлять Бельчите и Кинто в руках мятежников, так как эти населенные пункты контролировали фланги наступавшего республиканского клина.

25 августа Листер, начал, было наступление, но отвлекся на второстепенную задачу овладения населенным пунктом Фуэнтес-де-Эбро.

26 августа был взят Кинто, но Бельчите отчаянно сопротивлялся. Мэр города погиб с винтовкой в руках на баррикаде, а его дочь с оружием в руках была взята в плен. 2 сентября на КП Модесто приехала Долорес Ибаррури, заявившая, что не покинет позиций, пока город не будет освобожден. Без воды, на страшной жаре гарнизон мятежников численностью свыше 3000 человек продержался до 6 сентября, когда осажденным стало ясно, что деблокады ждать не приходится (к тому времени Бельчите находился уже в 16 километрах от линии фронта). Отчаянное сопротивление объясняется еще и тем, что мятежники поставили местных жителей под ружье, рассказав им, что город осаждают четыре русские дивизии, которые не берут пленных. Когда республиканцы вошли в город, женщины приветствовали их криками «Вива Русия!», «Вива Сталин!» и «Виван лос козакос!» («Да здравствуют казаки!»), и были удивлены, когда им отвечали на чистом испанском языке (среди вступивших в Бельчите войск был и американский батальон им. Линкольна)

Между тем русские действительно сражались в Бельчите, но только с другой стороны. Артиллерией в осажденном городе командовал бывший генерал-лейтенант белой армии А. В. Фок, а командиром одной из рот был бывший штабс-капитан Я. Т. Полухин. Израсходовав все боеприпасы, Фок застрелился, а раненый в шею Полухин погиб под развалинами церкви после прямого попадания туда снаряда республиканцев. Оба офицера посмертно были награждены высшей военной наградой мятежников — лауреадой. Видимо, от этих белоэмигрантов доверчивые испанцы и наслушались сказок о «кровожадных казаках».

После начала гражданской войны в Испании среди русской белой эмиграции сформировалось три течения. Первые (их было немного) горели желанием поквитаться с красными на испанской земле. Другие относились к событиям на Пиренейском полуострове равнодушно. Автор широко известной «Истории русской армии» А. А. Керсновский, выражая точку зрения этой группы, рассуждал примерно так: в свое время белым в России не помогали никакие добровольцы, поэтому нет смысла ехать проливать кровь в далекую и ничего не значащую для русских страну. И, наконец, третье течение в эмиграции предпочитало воевать в рядах республиканцев, чтобы заслужить право вернуться домой.

Парижская резидентура абвера (в столице Франции располагались наиболее антисоветски настроенные центры эмиграции вроде Российского общевойскового союза — РОВС) прилагала большие усилия, чтобы организовать массовую отправку русских белоэмигрантов к Франко.

Однако к мятежникам прибыло всего 72 «русос бланкос». В основном, эмигранты приезжали из Франции, но попадались скитальцы и из экзотических мест, например, с Мадагаскара. Первой в Испанское Марокко добралась группа Фока — Полухина в составе четырех человек. Испанцы усомнились в способностях пожилого (Фоку было уже 57 лет) генерала, но Фок бодро проделал несколько упражнений с винтовкой. В марте 1937 года из Франции прибыли две группы бывших корниловцев. Франко хотел в пропагандистских целях создать отдельную русскую воинскую часть со своим уставом, но для этого недоставало главного — достаточного количества русских. Поэтому белогвардейцев включили в состав карлистских частей на Арагонском фронте, где их и застало наступление Листера. Всего из 72 русских, воевавших на стороне Франко за время войны, погибло 34, а 9 было ранено. После окончания войны «генералиссимус» присвоил всем оставшимся в живых русским звание сержанта (офицерские звания царской и белой армий франкисты не признавали) и предоставил право на получение испанского гражданства.

На стороне республиканцев воевало около 200 русских эмигрантов, многие из которых после войны переехали в Советский Союз.

К 27 августа момент внезапности в Сарагосской операции был упущен, и мятежники направили на защиту столицы Арагона из-под Мадрида две дивизии, которые уже сражались с корпусом Модесто под Брунете. В небе над Сарагосой появились 40 истребителей и 20 бомбардировщиков легиона «Кондор». Было подтянуто большое количество зенитной артиллерии, и 27 августа с боевого задания не вернулись уже два «Р-зет». Правда, «наташи» и «разанте» уничтожили на аэродромах 15 самолетов противника. Однако и республиканцы сосредоточили под Сарагосой четыре эскадрильи «курносых» и шесть эскадрилий И-16, удерживая господство в воздухе. В одном из боев участвовало до 90 самолетов и мятежники потеряли пару «мессершмиттов». Черным для германо-итальянской авиации стало 1 сентября 1937 года, когда было сбито 26 самолетов (республиканцы потеряли всего два истребителя) и 19 летчиков попало в плен. Но и ВВС республики понесли над Сарагосой большие потери, особенно среди штурмовой авиации. Только в один из дней с боевых заданий не вернулось 30 самолетов.

К 30 августа фронт стабилизировался. Республиканцы захватили 1000 км² территории, но на этот раз Франко, вопреки своему обыкновению, не стал контратаковать и не снял с Северного фронта ни одной части (только самолеты). Республиканцы вышли на ближние подступы к

Сарагосе, но уже не могли взять город внезапным ударом. Опять были чувствительными потери в танках: мятежники уничтожили и захватили пятнадцать Т-26.

В каком-то смысле два республиканских контрнаступления (Брунете и Бельчите) были похожи на франкистские атаки на Мадрид зимой-весной 1937 года. Тот же небольшой территориальный выигрыш и те же потери, никак не оправданные с точки зрения достигнутого результата.

Перенеся свою штаб-квартиру из Саламанки в более северный Бургос, Франко готовился к завершению последней части кампании по завоеванию республиканского Севера — захвату Астурии.

Мятежники спешили закончить войну на Севере до зимы, когда снег закрывает перевалы высоких астурийских гор.

Астурию защищали республиканские силы общей численностью около 90 тысяч человек (86 батальонов). Была объявлена всеобщая мобилизация мужчин от 17 до 50 лет. На вооружении республиканцев было 45 тысяч винтовок, 150 ручных и 372 станковых пулемета, 200 минометов, 60 самолетов и 200 орудий. Оборона астурийцев опиралась на горные цепи труднодоступных Леонских гор. Командование защитников Астурии правильно предугадало, что основные удары будут нанесены с востока (вдоль побережья) и юга, расположив здесь наиболее стойкие соединения.

У мятежников насчитывалось 110 тысяч солдат (150 батальонов) и 200 самолетов легиона «Кондор» (был и новейший пикирующий бомбардировщик Ю-87 или «штука»). Астурию полностью блокировали с моря.

1 сентября 1937 года Давила начал наступление с востока и за четыре дня смог продвинуться на 6 километров, да и то исключительно благодаря массированному применению авиации и бомбардировкам с моря. До 1 октября шли ожесточенные бои за каждую пядь земли. Несмотря на маневры и впервые исполненные «Кондором» ковровые бомбардировки (включая применение прототипа напалма — бензиновых бомб), фронт не двигался с места. На сей раз у республиканцев было много укрытий и после налетов они возвращались на позиции, отбивая атаки.

ВВС республики на Севере к началу октября состояли из шести И-16 и трех И-15. Они базировались на маленьком аэродроме, с трех сторон окруженном горами, посередине которого протекал ручей, прикрытый досками. Взлетать с такой полосы было опасно, но республиканские летчики до самого последнего момента оказывали ожесточенное сопротивление численно превосходящему их во много раз врагу. Так, 1 октября над Хихоном они вступили в бой с 40 бомбардировщиками и 30

истребителями противника.

10 октября мятежникам, наконец, удалось прорвать фронт и к 17 октября единой обороны республиканцев уже не существовало. Войска отступали со всех сторон к порту Хихон, в котором находилось 40 судов общим водоизмещением 600 тысяч тонн. 17 октября на заседании органа власти провинции — Суверенного совета Астурии — его лидер социалист Белармино Томас предложил эвакуировать армию в основную республиканскую зону силами ВМС, которых уже не было: германская авиация, как упоминалось выше, затопила в порту Хихон последний республиканский эсминец «Сискар». Все же удалось переправить во Францию на 19 пароходах около 9 тысяч человек, из которых многие были гражданскими лицами. Люди пытались на подручных средствах добраться до международных вод, где их подбирали стоявшие там английские и французские суда. Прибывшие во Францию солдаты-республиканцы были разоружены и сразу же отправлены в Каталонию, где они вновь пополнили ряды Народной армии. 18 тысяч бойцов ушли в горы, где еще многие месяцы продолжали партизанские действия. В плен попали 22 батальона республиканцев. Четверо советских летчиков смогли улететь на небольшой авиетке во Францию. Белармино Томас сумел уйти туда же.

Республиканское правительство не оставляло попыток спасти гибнущую Астурию. Было решено провести на Восточном фронте наступление при поддержке прибывших в Испанию в самом начале августа 1937 года современных советских танков БТ-5 (т. е. «быстроходный танк»). Этот колесно-гусеничный танк производился в Советском Союзе, начиная с 1933 года на базе шасси американского танка «Кристи». Он весил 11,5 тонн и был вооружен 45 мм пушкой, спаренной с пулеметом ДТ. Боекомплект составлял 115 снарядов и 3000 патронов. БТ-5, как и Т-26 имел только противопульную броню толщиной 16 мм. Бензиновый двигатель мощностью 400 лошадиных сил позволял развивать скорость 70 км в час на гусеницах и до 100 км в час на колесах. Экипаж состоял из трех человек, командирские танки были оснащены радиостанциями. Стоимость танка БТ-5 без радио была определена в 350 тысяч песет (к тому времени уже изрядно обесценившихся), радиофицированные танки стоили на 10 тысяч песет дороже. Если Т-26 был танком поддержки пехоты, то БТ задумывался как танк прорыва в духе разработанной Тухачевским теории глубокой операции.

На базе прибывших в Испанию БТ-5 был сформирован Интернациональный танковый полк в составе 48 машин под командованием С. И. Кондратьева. В полку были образованы смешанные

экипажи, состоявшие из советских танкистов, испанцев и бойцов интербригад.

Командовавший 21-м корпусом, дислоцированным под Сарагосой, Сехисмундо Касадо решил танковым ударом занять населенный пункт Фуэнтес-де-Эбро и, в случае успеха, освободить Сарагосу. Советского военного советника при Касадо комдива И. Ф. Максимова и С. И. Кондратьева поражало, что Касадо отрядил в помощь танкам только две пехотные бригады. Причем главная ударная сила предстоявшего наступления — XV-я (англо-американо-канадская) интербригада только что была выведена из боев за Бельчите, в которых она понесла страшные потери. К началу октября и интербригаде было 1500 бойцов вместо положенных по штату 3000 и всего 12 пулеметов. Республиканцы прекрасно знали, что Фуэнтес-де-Эбро хорошо укреплен немецкими инженерами, поэтому невольно закрадывалось подозрение, что Касадо решил бросить советские танки и иностранных добровольцев на верную смерть. К тому же только месяц тому назад республиканцы уже пытались безуспешно взять Фуэнтес-де-Эбро, так что на внезапность и слабую оборону рассчитывать не приходилось.

Согласно плану операции, танковый полк должен был наступать тремя колоннами, каждую из которых поддерживало по одному батальону XV-й интербригады. О самой операции танкисты узнали только в 23 часа 12 октября, то есть, за несколько часов до начала наступления. Испанский батальон XV-ой интербригады было решено впервые в этой войне использовать в качестве танкового десанта. Решение об этом было принято только за два часа до начала наступления. Кондратьев возражал: БТ был не приспособлен для этих целей, и десантники с трудом могли держаться за сделанные в виде поручня антенны. К тому же, пехотинцев следовало потренировать. Но в отличие от немцев и итальянцев на стороне Франко, советские добровольцы были обязаны беспрекословно подчиняться приказам испанского командования. На вопрос командира танкового полка о системе противотанковой обороны противника на участке наступления, Касадо ответил, что считает эту проблему тривиальной. Позже выяснилось, что мятежники имели в Фуэнтес-де-Эбро четыре артиллерийских батареи (65-, 75-, 105- и 155-мм орудий). Гарнизон городка состоял первоначально из четырех рот, но позднее в этот район было подтянуто три дивизии. Таким образом, у республиканцев на участке прорыва не было даже численного преимущества.

13 октября 1937 года в полдень ударная группировка сосредоточилась в 30 километрах юго-восточнее Сарагосы и после непродолжительной

бомбежки (18 «наташ») и артподготовки (вся артиллерия состояла из недавно захваченных у мятежников двух батарей 75 мм орудий, с мизерным боекомплектом) пошла в наступление. Никогда ни до, ни после мировая история не видела идущих на врага плечом к плечу советских людей и американцев (американский батальон интербригады вместе с 16 советскими танками наступал в центре, а фланговые колонны поддерживали канадцы и англичане). Интересно, что наступление явилось сюрпризом для собственных войск, которые обстреляли выдвигавшиеся из тыла танки. Преодолев свои окопы, БТ были вынуждены остановиться, так как республиканские позиции находились на плато, круто обрывающимся вниз на 3–4 метра. Пришлось срочно искать удобный спуск, на что ушло драгоценное время. Далее танки продвигались по плантации сахарного тростника, перерезанной ирригационными каналами. От тряски и артиллерийского огня противника был растерян практически весь десант.

Когда БТ-5 стали утюжить трехрядные проволочные заграждения, по ним открыла ураганный огонь замаскированная противотанковая артиллерия мятежников. Наступавшие быстрее других канадцы ворвались в окопы и начали с помощью штыков и гранат очищать их от врага. Несмотря на потери, одна группа танков ворвалась в Фуэнтес-де-Эбро, где ее встретил огонь сразу нескольких батарей противотанковой артиллерии.

Между тем силы интербригадовцев быстро таяли. Были срочно необходимы подкрепления. Но командир 21-й бригады, состоявшей из анархистов, отказался поднять своих людей в атаку, еще раз продемонстрировав на деле популярное среди анархистов изречение: «Лучше жить для свободы, чем умереть ради нее». Не подошел и обещанный ранее испанский батальон танков Т-26 (он появился на поле боя позднее, когда наступление уже выдохлось и БТ-5 израсходовали весь свой боекомплект).

По указанию Касадо, часть советских танков пошла в наступление по дну бездействующего оросительного канала, но в середине пути мятежники открыли плотину, и на танкистов стремительно стала надвигаться огромная масса воды. Одновременно марокканцы стали забрасывать разворачивавшиеся танки с обоих берегов канала гранатами и бутылками с зажигательной смесью. На помощь танкистам вовремя пришли англичане и американцы, отбросившие марокканцев.

Между тем героически дравшиеся канадцы совместно с танками захватили господствовавшую над Фуэнтес-де-Эбро высоту и среди марокканцев началась паника. Если бы в бой была введена 21-я бригада, разгром противника был бы полным. Но помощи не было, и бойцы

интербригады в одиночку вели ожесточенный бой в центре Фуэнтес-де-Эбро с подоспевшими к марокканцам подкреплениями. Танкисты умоляли командовавшего 35-й интернациональной дивизией Кароля Сверчевского ввести в бой резервы, но таковых просто не было. Бой шел целый день, и к утру стороны оказались на прежних позициях. Интернациональный танковый полк потерял более трети своих машин — 18. Столь стремительно начавшееся наступление имело все шансы на успех, а превратилось в очередную неудачу из-за фактического предательства анархистов. К тому же складывалось впечатление, что франкисты, в отличие от собственных войск, были прекрасно осведомлены о предстоящем танковом ударе, так как под Фуэнтес-де-Эбро была стянута практически вся противотанковая артиллерия мятежников на арагонском участке фронта. Основным уроком из единственного танкового блицкрига республиканцев за все время войны можно сформулировать следующим образом: танки можно пускать в глубокий прорыв только после подавления противотанковой обороны авиацией и артиллерией. Именно так и поступали немцы на начальном этапе Второй мировой войны.

Потерпев неудачу на земле (правда, относительную, так как и мятежники понесли в сражении за Фуэнтес-де-Эбро огромные потери), республиканцы уже через день отыгрались в воздухе. В середине июля 1937 года на смену «генералу Дугласу» в качестве военного советника при ВВС республики в Испанию прибыл комбриг Евгений Саввич Птухин («генерал Хосе»). Уже в 15 лет Птухин вступил в 1917 году в Красную гвардию, а через три года впервые сел за штурвал самолета. В 30 лет талантливый летчик стал комбригом (генерал-майором) и к моменту отъезда в Испанию командовал Бобруйской бригадой истребительной авиации, многие пилоты которой также воевали на Пиренеях. Великую Отечественную войну Птухин встретил командующим ВВС Юго-Западного фронта. Но Берия изобрел очередной заговор военных и Птухина вместе с многими другими видными военачальниками ВВС РККА арестовали. Сначала под пытками Евгений Саввич признался, что был участником военного заговора еще с 1935 года, будучи завербованным Уборевичем. Однако потом Птухин отказался от этих показаний. Героя Испании расстреляли 23 февраля 1942 года. Вместе с ним принял смерть первый командир советской истребительной группы в Испании П. И. Пумпур и ас бомбардировочной авиации на Пиренеях, ставший к тому времени генерал-майором, Э. Г. Шахт. Еще раньше, 28 октября 1941 года, по личному указанию Берии без судебного приговора казнили Я. В. Смушкевича, Г. М. Штерна и П. В. Рычагова. Так, в результате преступного произвола страна

лишилась цвета советской авиации — героев, прославивших Советский Союз в сражениях испанской гражданской войны.

В Испании Птухин лично разрабатывал тактику борьбы с «мессершмиттами» и «хейнкелями 111», ведя с ними воздушные бои (одного из «хейнкелей» комбриг сбил лично). Так как «мессеры» предпочитали нападать сверху, то в каждой истребительной эскадрилье была сформированы две пары «высотных чистильщиков» из наиболее выносливых летчиков. Эта четверка летела на 800-1000 м выше и чуть позади основной группы. Как только «мессершмитты» пикировали сверху на «мух» и «курносых», на них самих также сверху обрушивались «чистильщики». Тактика оказалась успешной и немцам потребовалось определенное время, чтобы к ней приспособиться. На «хейнкелей» И-15 и И-16, наоборот, нападали снизу, и бомбардировщики закрывали их от своих собственных Ме-109, которые обычно сопровождали «хейнкелей», летя выше них.

С именем Птухина связана и самая успешная после Гвадалахары операция республиканских военно-воздушных сил. Утром 14 октября 1937 года советские истребители под Сарагосой посадили на своем аэродроме итальянский «фиат», летчик которого сообщил много ценной информации о крупнейшей военно-воздушной базе мятежников аэродроме Гарапенильос (примерно в 30 километрах юго-западнее Сарагосы). В частности, итальянский капитан сказал, что сосредоточенные в Гарапенильос 80 истребителей 15 октября нанесут массированный удар по аэродромам республиканцев. Птухин решил упредить противника и уничтожить авиабазу врага. Это было рискованное решение, так как аэродром Гарапенильос был плотно прикрыт зенитками и прежние попытки приблизиться к нему заканчивались неудачей. Планировалось, что эскадрилья СБ Александра Сенаторова для отвода глаз нанесет бомбовый удар по Сарагосе, а две эскадрильи И-15 под командованием Серова пулеметным огнем будут поливать Гарапенильос. Пять эскадрилий И-16 будут прикрывать штурмующих, а в случае отсутствия какой-либо угрозы также подключатся к операции.

Всего лишь за один день операция была тщательно подготовлена. Летчиков ознакомили с распорядком дня охраны аэродрома и схемой расположения зенитного прикрытия. По данным пленного итальянца, самолеты на аэродроме стояли плотно, крылом к крылу, что было идеально для штурма.

Рано утром 15 октября 1937 года армада республиканских истребителей (более 60 машин) как на учениях, без всяких помех, подошла

к аэродрому и накрыла его плотным пулеметным огнем. Зенитки врага были застигнуты врасплох и только спустя некоторое время открыли беспорядочную стрельбу. Гарапенильос всего за несколько минут превратился в море огня. Каждый из «курносых» спикировал по 7–9 раз с высоты примерно в 150 метров, пока не был полностью израсходован боекомплект зажигательных пуль. И-15 выходили из бреющего полета на высоте всего 10–15 метров от земли. Блестящую операцию Серова дополнили две эскадрильи «мух». На аэродроме было уничтожено около 50 самолетов. Пожар бушевал целый день, и запах гари чувствовался даже на линии фронта. Муссолини прислал специальную следственную комиссию и нескольких зенитчиков расстреляли перед строем. Ярость дуче была понятна: большинство уничтоженных самолетов и сожженный острордефицитный бензин только что прибыли из Италии.

Удар по Гарапенильос вошел во все учебники авиационной тактики, а герой операции Анатолий Серов стал Героем Советского Союза. Почти через два года ВВС РККА с успехом применяют такую же тактику на Халхин-Голе.

Однако мастерство и героизм республиканцев на Восточном фронте не смог все же остановить падение Севера. 21 октября 1937 года в последний еще державшийся город Астурии Хихон вошли франкисты и продолжавшаяся с 31 марта битва за Север закончилась поражением республики. В руки мятежников помимо пленных попали 100 тысяч винтовок, 400 орудий, десятки самолетов. Но самым тяжелым обстоятельством было то, что под контроль мятежников перешла угольная и металлургическая промышленность Астурии и Басконии. К ноябрю 1937 года в «национальной зоне» находилось 60 % мощностей металлургической и 65 % угольной индустрии.

По международному престижу республики был нанесен серьезный удар. Многие в мире уже не верили в способность республиканцев долго сопротивляться. Даже у многих пылких и искренних сторонников республики начали опускаться руки. А 150-тысячная северная армия Франко, закончив свои операции, была готова к переброске на другие фронты.

Глава 13. Республика в кризисе. Ноябрь 1937 года — апрель 1938 года

Создание единой правящей партии (это событие описывалось термином «унификация»; в Германии так называли в 1933 году запрет всех партий, кроме НСДАП) и успехи на Северном фронте укрепили летом и осенью 1937 года франкистский режим. 4 августа 1937 года Франко подписал устав новой партии (ее для краткости именовали фалангой), в статье 47 которого говорилось, что вождь ответственен только перед Богом и историей. 19 октября 1937 года был образован большой и рыхлый руководящий орган новой фаланги — Национальный Совет, лишь меньшинство которого составляли идейные фалангисты. В нем было много скрытых и явных монархистов и просто «нужных» диктатору людей. Основным критерием отбора была личная преданность Франко.

Несмотря на то, что официальным гимном «национальной» зоны стал «Королевский марш», Франко держал на дистанции Альфонса XIII, который собирал за рубежом большие суммы в поддержку мятежников. В конце 1937 года «генералиссимус» ясно дал понять бывшему королю, что его конституционно-либеральные взгляды стали одной из причин гражданской войны. Такого в Испании больше он, Франко, не допустит. Альфонсу XIII намекнули, что надо готовиться к возвращению в Испанию не ему самому, а наследнику престола. Но и это будет очень-очень не скоро.

Захват Басконии с ее металлургией (только на складах к моменту вступления в эту провинцию мятежников было 300 тысяч тонн железной руды) несколько изменил экономическую политику военной диктатуры. Сам Франко мало интересовался экономикой, и его советники под влиянием Германии и Италии стали толкать «каудильо» в сторону политики автаркии, т. е. опоры на собственные силы, элементом которой было активное государственное вмешательство в народное хозяйство. Так, в августе 1937 года была создана Национальная служба пшеницы, контролировавшая производство и цены на этот важнейший источник снабжения армии и населения. Искусственное сдерживание зарплаты ограничивало покупательную способность широких масс населения и инфляции в 1937 году в «национальной» Испании не было.

Основные экономические проблемы возникли в 1937 году у Франко с его главным союзником — Германией. Испанские (да и многие немецкие)

предприниматели были недовольны монопольным положением во взаимной торговле двух фирм HISMA и ROWAK, созданных, как было показано выше, сразу после мятежа. HISMA, в частности, заставляла платить за импортируемые из Германии товары за несколько месяцев до их фактической поставки, требуя в противном случае комиссионный сбор в 14 % от стоимости сделки.

Франко, начиная с весны 1937 года, при поддержке командующего легионом «Кондор» Шперрле неоднократно ставил вопрос о заключении нормального германо-испанского торгового соглашения клирингового характера (у обоих партнеров было туго с валютой) со сбалансированными ценами (HISMA и ROWAK завышали цены на немецкие товары и занижали на испанские). К тому же, мятежникам была очень нужна валюта, а единственным обильным источником ее в Европе того времени была Великобритания.

Падение Басконии поставило Франко перед тяжелым выбором. Если продолжать поставлять железную руду и сталь в Великобританию за валюту, то, получив экономическую выгоду, можно в то же время обидеть немцев и лишиться необходимого оружия и легиона «Кондор». Со своей стороны, Берлин быстро понял, что укрепившийся Франко ускользает из рук и необходимо срочно захватить командные высоты, прежде всего в горнодобывающей сфере (для перевооружения страны немцам не доставало как раз железной руды, легирующих материалов и пиритов — все это было в Испании).

Экономический диктатор Германии Геринг (уполномоченный по осуществлению четырехлетнего плана перевода экономики на военные рельсы) настраивал посла Фаупеля и руководство HISMA и ROWAK на скорейшее заключение с Франко соглашений, гарантирующих преобладание Германии в испанской экономике. Сразу после падения Бильбао представитель ROWAK посетил металлургические предприятия города, найдя их в полном порядке.

Франко, давно тяготившийся объятиями настырных немцев, пошел на переговоры, но всячески их затягивал, не желая портить отношения с Англией. Лондонскому Сити была ненавистна республика, но подход Франко к английским предприятиям в его зоне (прежде всего, меднодобывающим) не мог не раздражать. Мятежники заставляли продавать им всю валютную выручку от экспорта сырья в Англию на песеты по искусственно завышенному курсу. Поэтому английские фирмы в Испании к 1937 году сидели на горе никому не нужных за рубежом испанских денежных знаков, не имея возможности даже выплачивать

дивиденды своим акционерам.

В июле 1937 года мощное наступление республиканцев под Брунете пришлось немцам весьма кстати. С Франко была сбита спесь, он еще раз убедился, что без «Кондора» войны не выиграть. В Бургосе была поэтому, наконец-то, подписана целая серия секретных германо-испанских экономических договоренностей. По дополнительному соглашению от 12 июля 1937 года к торговому договору между Германией и Испанией от 7 мая 1926 года обе стороны предоставляли друг другу статус наибольшего благоприятствования. Это соглашение стало достоянием гласности, напугав англичан. Но более важными были другие соглашения, о которых тогда ничего не сообщалось. Согласно подписанным 12, 15 и 16 июля секретным протоколам, Франко согласился, что Германия будет первым государством, с которым после войны будет заключено полномасштабное торговое соглашение. Перед началом экономических переговоров с другими государствами немцам будет предоставляться полная информация и возможность заключения аналогичных договоров в приоритетном порядке. Поставленные Германией Франко военные материалы оформлялись как кредит в рейхсмарках из расчета 4 % годовых. В качестве залога его погашения Испания должна была поставлять в Германию сырье и продовольствие. Самым важным для немцев было одно из положений протокола от 16 июля, разрешавшее образование испанских обществ с немецким участием для разработки полезных ископаемых. Но хитрый Франко добавил сюда фразу: «в соответствии с испанским законодательством». Немцы, правда, попросили им это самое законодательство представить, но их испанские друзья заявили, что в таком маленьком городе, как Бургос, трудно найти все изданные ранее законы.

Используя протокол от 16 июля, HISMA сразу же стала приобретать концессии на испанские рудники, купив уже 73 из них к сентябрю 1937 года. На шахтах начались работы по увеличению их мощности. Все это получило название «проект Монтанья» (т. е. «горный»), и Геринг прямо называл испанские рудники «нашей военной добычей».

Но 9 октября 1937 года снова воспрянувший духом после военных успехов на Севере Франко неожиданно опубликовал декрет, по которому объявлялись недействительными все иностранные концессии, приобретенные после 18 июля 1936 года. Геринг был взбешен и приказал новому послу Германии при «каудильо» кадровому дипломату фон Штореру (Фаупель был по просьбе Франко, при содействии Канариса и Шперрле, отозван в августе 1937 года, так как «генералиссимусу» надоели его бесконечные высокомерные поучения) «приставить пистолет к груди»

Франко и добиться отмены декрета. Но тут немцам было представлено «наконец найденное» испанское законодательство времен Примо де Риверы, по которому доля иностранного капитала в совместных компаниях горнодобывающей сферы ограничивалась 25 %. Берлин негодовал, и Франко, не желая полного разрыва, предложил создать совместную комиссию для изучения вопроса.

Гитлер был крайне возмущен двурушничеством неблагодарного Франко, особенно когда узнал, что 16 ноября 1937 года в ставке мятежников был аккредитован официальный коммерческий представитель Великобритании карьерный дипломат сэр Роберт Ходжсон (ранее был уполномоченным Антанты при правительстве Колчака), а в конце года крупные партии железной руды из Басконии снова были отгружены в Англию. Конечно, сами немцы в 1937 году были не в накладе. Они получили из Испании 1,6 млн тонн железной руды, 956 тыс. тонн пиритов, 7000 тонн руд редких и цветных металлов (меди, вольфрама и т. д.). Но Гитлер уже не верил Франко. 5 ноября 1937 года он сказал фон Нейрату, а также высшим военным руководителям рейха Бломбергу и Беку (последний был начальником генштаба), что полная, 100-процентная победа Франко не в интересах Германии. Чем дольше будет длиться гражданская война, тем сильнее франкисты будут привязаны к Берлину долгами за поставки оружия.

Интересно, что эта точка зрения практически полностью совпадала с английской, хотя доводы у Лондона были другие. В Великобритании понимали, что чем дольше длится война, тем сильнее будут разрушения и тем больше средств понадобится любой победившей стороне для восстановления Испании. А средств этих не было ни у Германии, ни у Италии, ни у СССР. Поэтому единственным банкиром новой Испании будет Сити (США в то время проводили изоляционистскую внешнюю политику и к тому же никак не могли справиться с собственной «великой депрессией»), что обеспечит доминирующее влияние Великобритании в послевоенной Испании.

Что же происходило в экономике и политической жизни республики после майского кризиса 1937 года? Правительство Негрина всячески старалось перед лицом мирового общественного мнения, прежде всего во Франции и Англии, превратить республиканскую Испанию в либеральную парламентскую республику без всяких радикальных и левацких загибов. Испанские коммунисты, СССР и Коминтерн такую линию полностью поддерживали.

Ликвидировались окончательно подпольные тюрьмы и самозванные

суды политических организаций, прежде всего анархистов (Их называли «чека», стремясь подражать русскому примеру. Некоторые западные историки на этом основании утверждают, что все эти незаконные органы были организованы и возглавлялись сотрудниками НКВД, что не соответствовало действительности). Судьи вновь облачились в привычные береты и мантии. 22 июня 1937 года были созданы специальные трибуналы для разбора дел о шпионаже и саботаже, которые до января 1939 года рассмотрели дела 23263 обвиняемых и вынесли 964 смертных приговора (14 августа 1938 года смертная казнь в Испанской республике была отменена). Трибуналы состояли из профессиональных судей и заменяли собой народные суды, стихийно возникшие после мятежа, заседателями в которых, как уже было упомянуто выше, были представители организаций Народного фронта (за 10 месяцев своего существования эти суды рассмотрели 46064 дела и вынесли 1318 смертных приговоров).

6 августа 1937 года была учреждена Служба военной информации (испанская аббревиатура СИМ), занимавшаяся военной разведкой и контрразведкой. Основные руководящие посты в ней заняли социалисты.

В целом новое правительство навело порядок в тылу, что признавал даже германский посол при Франко фон Шторер. Анархисты поутихли, справедливо рассудив после мая 1937 года, что шутить с ними во второй раз уже не будут.

Проблемой, мешающей до конца нормальной работе нового кабинета, была судьба лидера ПОУМ Андреса Нина. 16 июня 1937 года ПОУМ по требованию коммунистов была распущена, а ее лидер... исчез. Негрин неоднократно требовал от министров-коммунистов сообщить о его местонахождении, но те говорили, что ничего не знают. Возможно, так оно и было, ибо Нин попал в руки резидента НКВД в Испании Александра Орлова (летом 1938 года он перебежал в США), который готовил большой процесс против ПОУМ по образцу московских судов над троцкистами и их сообщниками. Были сфабрикованы доказательства о связях ПОУМ с Франко, но сам Нин, по-видимому, отказался дать признательные показания. После этого на тюрьму, где он содержался, было инсценировано нападение агентов гестапо (эту роль выполняли немцы из интербригад) и был пущен слух, что Нину удалось бежать в Берлин. На самом деле он, видимо, был убит в тюрьме или умер от пыток.

В октябре 1938 года процесс над ПОУМ был все же проведен в Барселоне. На скамье подсудимых было 12 руководителей партии (Нина судили заочно), признанных виновными в мятеже против правительства (это было правдой) и оправданных в части связей с Франко. Смертных

приговоров не было, а максимальный срок лишения свободы составил 15 лет.

Дело Нина, московские процессы и быстрая смена советских военных советников, уезжавших на родину с печальным предчувствием, ослабили авторитет СССР в Испании, хотя он еще оставался чрезвычайно высоким.

В аграрной сфере правительство Негрина содействовало роспуску принудительных «коммунистических коллективов» анархистов и всячески способствовало развитию добровольных сельхозкооперативов, формы которых (потребительские, сбытовые, производственные, страховые и кредитные) были утверждены специальным декретом от 27 августа 1937 года. Одновременно разрешалась отсрочка выплаты коллективами арендной платы за землю и долгов государству. Сельхозкооперативам оказывалась помощь не только деньгами, удобрениями и семенным материалом, но и предоставлением по льготным ценам или в кредит дефицитных промышленных товаров и продовольствия. Советское полпредство в Валенсии ставило перед Москвой вопрос о помощи Испании в сфере сельскохозяйственного производства (направление агрономов, посылка тракторов и элитных семян), что благоприятно отразилось бы на продовольственном снабжении населения и, следовательно, упрочило авторитет СССР. Но Москва считала первостепенной военную помощь.

Интересно, что сохранившиеся анархистские коммуны часто с гордостью отказывались от государственной поддержки, чтобы не потерять свою «независимость».

Всего летом 1937 года в республиканской зоне было 2213 коллективных хозяйства.

Негрин пытался навести порядок и в промышленности. 16 июня 1937 года была, наконец, национализирована военная индустрия. В июне-июле подверглись инкаутации многие транспортные компании. Создавались органы централизованной координации в промышленности и на транспорте, такие, как Совет труда (август 1937 года) и Национальный совет железных дорог. Были учреждены подобные структуры и в Каталонии, хотя местное правительство и анархисты по-прежнему сопротивлялись государственному вмешательству в экономику и в провинции продолжался спад промышленного производства (к концу 1937 года он составил 40 %).

Во внешней торговле правительство Негрина столкнулось с тем, что многие предприятия, получавшие валютные кредиты от государства и продававшие товары за границу, отказывались сдавать правительству валютную выручку и не платили налогов.

Новый кабинет стремился повысить жизненный уровень населения. Более чем вдвое выросла номинальная зарплата в промышленности (хотя этот прирост почти полностью был съеден инфляцией), снижена квартирная плата. В июне 1937 года была введена монополия на хлебную торговлю и установлены твердые цены на продукты первой необходимости уже по всей стране. Для борьбы с черным рынком был образован в октябре 1937 года комитет по регулированию цен. Была также установлена 40-часовая рабочая неделя.

Несмотря на активность правительства, к осени 1937 года стала чувствоваться общая усталость населения от войны и повседневных трудностей, что усугублялось наличием на территории республики 3 млн беженцев из занятых мятежниками районов.

Недоедание широких слоев населения стало превращаться в голод. В Мадриде выдавали по карточкам в месяц не более 3 кг хлеба, 300 г риса, 1100 г бобовых, 200 г мяса, 100 г трески, 50 г кофе. Молоко получали только дети. У республики практически не было собственного мясного и молочного скотоводства. Представители Коминтерна в Испании срочно просили Москву об экстренной продовольственной помощи. Но советские поставки и помощь международного рабочего движения не могли обеспечить потребность всей республиканской Испании. Морские коммуникации были практически полностью перекрыты ВМС мятежников, до ноября 1937 года была закрыта и французская граница. К тому же и сам СССР испытывал трудности с продовольствием.

Вследствие больших военных расходов (летом 1937 года республика тратила на войну 60 млн долл. в месяц) и отсутствия товарного наполнения рынка продолжали быстро расти цены. За год войны продукты животноводства подорожали в зависимости от конкретного района на 150–180 %. Исчезли из продажи и некоторые промышленные товары, например, стекло.

Все эти факторы вместе с падением Севера породили во многих людях неверие в успешный исход войны, стремление к миру практически любой ценой. Как же реагировали на эту осложнившуюся обстановку основные политические силы республики?

По-прежнему самой многочисленной (более 300 тыс. членов летом 1937 года) и авторитетной партией оставались коммунисты. Разгромив левацкое крыло ИСРП по главе с Кабальеро и утихомирив анархистов, партия сменила линию. Теперь она активно выступала за продолжение грамотных революционных преобразований в тылу, с тем, чтобы не позволить затихнуть совсем социальной активности населения. Чтобы как-

то возродить общественную жизнь республики и отвлечь народ от повседневных лишений, КПИ предложила провести парламентские выборы. Когда некоторые СМИ стали подозревать коммунистов в том, что они просто хотят получить абсолютное большинство в новых кортесах, компартия сразу же выдвинула инициативу, чтобы Народный фронт шел на выборы с единым списком. Пытались коммунисты активизировать и местное самоуправление, создавая различные домовые комитеты и потребительские общества на заводах, помогавшие хоть как-то бороться с дороговизной и нехваткой продуктов.

Все лето 1937 года КПИ настойчиво ставила перед ИСРП вопрос об объединении, так как у обеих партий с уходом с арены группы Ларго Кабальеро практически не было каких-либо идейных разногласий. Местные комитеты социалистов и их армейские организации эту мысль поддерживали. Когда представители КПИ и ИСРП приехали на фронт под Гвадалахару, солдаты удивились, почему у них до сих пор еще разные членские билеты.

Группа Прието (куда входил и Негрин), ставшая после мая 1937 года основной в ИСРП, была против объединения потому, что это негативно восприняли бы на Западе. Не возражая в принципе против создания единой партии, социалисты настаивали на том, что решение такого масштаба может принять только съезд ИСРП, а его проведение до окончания войны невозможно. Не помогла и готовность коммунистов рассмотреть возможное вхождение объединенной партии во II Интернационал. Единственное, чего удалось добиться, так это подписания 17 августа 1937 года программы совместных действий коммунистов и социалистов.

В отношениях с НКТ коммунисты практически полностью прекратили нападки на анархистов, так как те в сложное время лета-осени 1937 года высказывались за продолжение войны до полной победы, что было очень важно для противодействия настроениям упадка и неверия в собственные силы. Теперь НКТ и КПИ совместно выступали против ликвидации революционных завоеваний трудящихся в угоду Франции и Англии. Причем коммунисты вели себя здесь прагматично. Они даже готовы были покинуть правительство, если бы, по меньшей мере Франция, отказалась от политики невмешательства и оказала республике военную помощь. Но в Париже об этом пока и не помышляли. Компартия в принципе не возражала и против международного посредничества, включая образование переходного правительства и всеобщие выборы. Но Франко неоднократно и публично говорил, что не согласится ни на что меньшее, чем на безоговорочную капитуляцию республики. В этих условиях питать

иллюзии относительно некоего близкого конца войны в результате международного посредничества означало просто потворствовать капитулянтским настроениям.

Отстраненный от власти Ларго Кабальеро первоначально пытался бороться с правительством Негрина, опираясь на крупнейший в стране профсоюз ВСТ (насчитывал более 2 млн членов), лидером которого он оставался. Но часть отраслевых и территориальных организаций не согласилась с таким курсом и избрала собственное руководство. Конфликт был улажен с помощью французских профсоюзов, и Ларго Кабальеро, лишенный последних рычагов власти, окончательно сошел с политической арены. Коммунисты пытались добиться единства профсоюзного движения, и при их участии 1 августа 1937 года был образован Национальный комитет связи ВСТ и НКТ. Но дальше переговоры застопорились из-за амбиций лидеров обеих организаций. Только 15 марта 1938 года в условиях начавшегося наступления мятежников в Арагоне была подписана программа совместных действий двух профцентров.

Но как бы ни была важна политическая и экономическая жизнь республики, судьба ее решалась на фронте.

Новый министр обороны Прието в качестве своей основной задачи провозгласил деполитизацию армии. Уже через месяц после своего вступления в должность, он издал декрет о борьбе с прозелитизмом в вооруженных силах, по которому запрещалась любая партийная пропаганда в войсках. Этот шаг был направлен против коммунистов, под влиянием которых, по оценке начальника генштаба Рохо, находилось 80 % армии. Осенью 1937 года она насчитывала 420 тысяч человек, из которых почти половина были членами КПИ и ОСМ. В октябре 1937 года из 50 командиров дивизий 28 были коммунистами, а из 76 командиров бригад членские билеты КПИ имели 56 человек. Среди командиров батальонов коммунистов было еще больше.

В противовес командирам-выходцам из народной милиции Прието выделял кадровых офицеров. В какой-то мере это было оправданно, так как сразу после мятежа многие из них подверглись гонениям или были отстранены от принятия наиболее важных решений. Возвращение доверия к лояльным республике офицерам было правильной мерой, но подчас это происходило за счет необоснованного перемещения на вторые роли тех, кто выдвинулся за год войны.

В октябре 1937 года Прието запретил офицерам участвовать в собраниях и митингах, публично выступать в СМИ. Для нормальной страны в мирных условиях такой шаг, конечно, не мог вызывать

возражений. Но в обстановке революционной войны, когда недостаток современного оружия мог быть восполнен только высокой идейной мотивацией бойцов, это был явный перегиб. Многие мобилизованные в армию молодые испанцы и так не понимали сущности войны, тем более, что франкистская пропаганда ограничивать себя не собиралась и доказывала по радио и в листовках, что война выгодна лишь мировому коммунизму и масонству.

После сдачи Астурии Прието демонстративно подал в отставку, зная, что она не будет принята. Оставшись на посту военного министра, он выступил 30 октября 1937 года с посланием о причинах поражения на Севере. Как ни странно, главной причиной была объявлена излишняя активность комиссаров в войсках. После этого последовали уже «оргвыводы». По декретам от 23 октября и 12 ноября 1937 года все комиссары дивизионного и более высокого уровня призывного возраста не могли занимать постов выше, чем комиссар бригады. Эта мера особенно сильно ударила по самой молодой партии страны — КПИ, и, естественно, по ОСМ. 18 ноября 1937 года был снят с должности руководитель Главного военного комиссариата (ГВК) левый социалист Альварес дель Вайо, замененный ярым антикоммунистом Бильбао. Комиссаров-коммунистов стали в массовом порядке заменять социалистами, зачастую никогда раньше не бывавшими на фронтах (за ними закрепилась кличка «сеньоритос», т. е. белоручки). В ноябре ГВК запретили издавать газеты и вести пропаганду во вражеском тылу. Все комиссары отныне утверждались военным министром. Комиссары рот (70 % из них были коммунистами) не получали каких-либо прав и числились простыми солдатами.

Все эти меры Прието, проводимые под лозунгом укрепления эффективности армии, на деле лишали ее и так подорванного после потери Севера боевого духа. Коммунисты, сознавая это, все же не вели открытой борьбы против такого курса, не желая подтачивать единство тыла. Тем более, что Прието, в отличие от Ларго Кабальеро, принимал решения все же быстрее и более внимательно прислушивался к рекомендациям советских военных советников.

9 ноября 1937 года группа высших военных руководителей республики (в т. ч. Рохо, Идальго де Сиснерос, Альварес дель Вайо) составила секретный документ, в котором анализировалось положение Народной армии. В нем отмечался рост саботажа, вредительства и уклонений от мобилизации. В качестве причин этих негативных явлений указывалось на пропаганду капитулянтских настроений, трудности со снабжением, дезорганизацию труда и производ местной администрации. Армии не

хватало обмундирования, транспортных средств и вооружения, в то время как военная промышленность республики по-прежнему выпускала в основном не находившие сбыта гражданские товары. Констатировалась плохая работа разведки.

Авторы секретной записки требовали немедленной военизации промышленного производства на заводах ВПК (в то же самое время коммунисты выступили с инициативой введения на оборонных предприятиях 9-часового рабочего дня), более последовательного проведения мобилизации и концентрации всех доступных ресурсов для фронта.

Каковы же были поздней осенью 1937 года военные планы обеих сторон?

Франко отмобилизовал 600-тысячную армию, офицеров технических родов войск для которой подготовил легион «Кондор». У мятежников было около 1000 самолетов и подавляющее превосходство в артиллерии. «Генералиссимус» решил начать 22 декабря 1937 года наступление на Мадрид с тех же самых позиций под Гвадалахарой, на которых потерпели поражение итальянцы в марте. Как и тогда, планировалось окружить лучшие республиканские войска под столицей и победоносно закончить войну. Помимо этого, «каудильо» горел желанием показать Муссолини, как надо воевать по-настоящему, превратив место итальянского разгрома в место военной славы мятежников.

Начальник генштаба республиканской армии Рохо точно предсказал именно такое развитие событий. Он, правда, не исключал и вторую возможность, согласно которой мятежники ударят по Арагону и Каталонии с целью либо расщепить республику на две части, либо, захватив Каталонию, отрезать ее от французской границы. В штаб-квартире Франко действительно обсуждались и эти варианты. Но «генералиссимус» (и немцы, и итальянцы не признавали в нем военного таланта выше уровня командира батальона) хотел не маневра и захвата территории, а уничтожения как можно большего количества своих врагов. А наиболее ненавистные ему коммунистические части стояли как раз под Мадридом.

Правительство республики все же не исключало удара франкистов на Каталонию, поэтому в начале ноября 1937 года переехало из Валенсии в Барселону. Этим шагом (который даже не был заранее согласован с генералиссадом) Негрин хотел окончательно поставить под контроль каталонскую экономику и в случае нападения врага подавить в зародыше любые капитулянтские настроения в провинции. К сожалению, многие восприняли переезд правительства как отступление поближе к французской

границе, что свидетельствовало о неверии руководства республики в победу. Коммунисты также были против переезда, так как тем самым ослаблялся контроль правительства в центральной части страны. Но КПИ старалась публично не спорить с Негрином и министры-коммунисты в кабинете, в конце концов, поддержали инициативу премьера.

Как только военное командование республиканцев узнало место и сроки зимнего наступления мятежников, оно начало разрабатывать собственные планы. Сначала предполагалось упредить противника задуманным еще весной ударом в Эстремадуре, чтобы рассечь территорию мятежников на две части. Войск у франкистов там было немного, а Народная армия после Брунете была уже способна на масштабное наступление. К тому же равнинная местность Эстремадуры облегчала применение советских танков, в т. ч. быстроходных танков БТ-5. Причем, в отличие от неудачного наступления под Фуэнтес-де-Эбро в октябре 1937 года, в Эстремадуре не предполагалось наличие сильной противотанковой обороны на стороне противника. Офицеры республиканской армии под видом пастухов прошли с отарами овец до самой португальской границы, изучая местность (именно неумение ориентироваться по картам, равно как и отсутствие последних, приводило к неразберихе после успешного начала наступления).

Однако и на сей раз наступлению в Эстремадуре (оно получило кодовое название «план П») не было суждено осуществиться. После Брунете и Сарагосы Прието просто не верил в способность Народной армии к крупным наступательным операциям. Ему нужна была небольшая, но эффектная в пропагандистском смысле победа, которая позволила бы с позиции силы начать мирные переговоры с Франко. Поэтому было решено ударом с трех сторон захватить глубоко вдающийся в территорию республики город-столицу провинции Нижний Арагон Теруэль (за всю войну республиканцам пока не удавалось освободить ни один мало-мальски крупный город) с населением в 20 тысяч человек и гарнизоном 10–12 тысяч солдат и офицеров. Город представлял собой естественную крепость, находясь в горах на высоте 910 метров над уровнем моря. Если учесть узкие кривые улочки города и наличие в нем многих каменных капитальных зданий, то нельзя было придумать более неподходящего для применения танков (особенно быстроходных) места. Теруэль был самым холодным городом Испании, и зимой там всегда держалась минусовая температура. У бойцов же республиканской армии вообще не было зимнего обмундирования, кроме одеяла с прорезью по середине — «манта» (похожего на пончо), заменявшего и шинель, и плащ-палатку. Наконец,

после неоднократных безуспешных попыток штурма города, франкисты очень сильно укрепили Теруэль, используя для этого выгодный рельеф местности и массивные каменные дома в самом городе.

И, тем не менее, на заседании Высшего военного совета республики 8 декабря 1937 года было решено ударить именно здесь. Первоначально Рохо в соответствии с «планом П» намеревался в дополнение к генеральному наступлению в Эстремадуре осуществить захват полуокруженных Народной армией городов Теруэль и Уэска ограниченными силами для отвлечения войск мятежников с эстремадурского участка фронта. Легкость, с которой был освобожден Теруэль, показала, что Рохо был прав. Но все же победила точка зрения Прието, находившегося в зените своего влияния.

Для Теруэльской операции создавалась специальная Маневренная армия в составе трех корпусов, которыми командовали исключительно кадровые офицеры. 18-й, 20-й и 22-й корпуса в составе шести дивизий должны были ударами с юга, юго-востока и севера отрезать Теруэль от территории мятежников и создать внешний фронт окружения, после чего добить окруженный гарнизон города, насчитывавший на декабрь 1937 года 11 батальонов 52-й пехотной дивизии мятежников (всего около 10 тысяч человек).

Группировка республиканцев под Теруэлем насчитывала 100 тысяч человек, но для нанесения первого удара привлекались 40 тысяч бойцов вместе с Интернациональным танковым полком (42 танка и 30 бронемашин), а также двумя ротами Т-26. Всего у наступавших под Теруэлем было 125 орудий, 92 танка и 80 бронеемобилей. Танки поротно должны были сопровождать наступавшие пехотные части. Уже само выдвижение к Теруэлю по узким обледенелым горным дорогам стоило экипажам танков огромных усилий. Приходили в негодность гусеницы, а на руках танкистов образовались кровавые волдыри от постоянного маневрирования рычагами поворота.

Но тем не менее к 15 декабря 1937 года в обстановке полной секретности республиканцы сосредоточили под Теруэлем свою ударную группировку. На этот раз было решено не привлекать к операции интербригады — мировое сообщество должно было видеть чисто испанскую победу. Опять, как и под Брунете, командирам ударных частей было приказано не отвлекаться на укрепленные очаги сопротивления и двигаться вперед как можно быстрее.

Ночью 15 декабря 1937 года, когда температура опустилась до -10° и стоял густой туман, 11-я дивизия Листера с севера начала без артподготовки окружать Теруэль. При поддержке батальона танков

дивизия, взяв 400 пленных, в 10 часов утра перерезала железную дорогу Теруэль-Сарагоса. Уже к концу короткого зимнего дня республиканцы окружили Теруэль, потеряв убитыми и ранеными всего 300 солдат и офицеров. Успех был достигнут благодаря точному соблюдению приказа: никто не отвлекался на открытые фланги и опорные узлы обороны. Окончательно внешний фронт окружения был сформирован 16 декабря в 5–6 километрах севернее Теруэля. Но уже это было непростительной ошибкой. Франкисты были застигнуты врасплох, и можно было спокойно продвинуться на 50–60 километров, сделав любую деблокаду Теруэля невозможной. Но этот благоприятный момент был упущен, и все силы бросили на ликвидацию окруженного гарнизона, которым командовал полковник Доминго Рей де Д'Аркур. 18 декабря при поддержке танков была взята господствующая над городом гора Муэла (т. е. «зуб») де Теруэль высотой 1052 метра. 20 декабря советские танки ворвались на восточную и южную окраины города, увлекая за собой пехоту. Д'Аркур со своим гарнизоном забаррикадировался в наиболее капитальных зданиях города — семинарии, отделении Испанского банка, гражданской администрации. Республиканцы вошли в совершенно разграбленный город. У многих пленных из карманов доставали только что похищенные из магазинов ювелирные изделия. Аргумент был таков: не оставлять же все эти богатства «красным».

Франко был полностью застигнут врасплох неожиданным успехом республиканцев. 21 декабря он покинул Бургос и перебрался ближе к фронту. Наступление на Мадрид было отменено (на это особенно рассчитывал Рохо). 22 декабря было организовано два корпуса под командованием Варелы и Аранды, которые к 25 декабря имели на теруэльском участке фронта 11 дивизий (позднее 15), авиацию «Кондора» и 296 стволов артиллерии. Д'Аркуру было приказано держаться любой ценой. Выполняя приказание, полковник даже отказался вскрыть 22 декабря пакет с условиями капитуляции, который ему доставили республиканские парламентарии. Начались мощные контратаки мятежников, которые выдерживали, неся огромные потери от огня артиллерии и налетов авиации, четыре дивизии республиканцев. Две другие с большим трудом дом за домом овладевали Теруэлем. Республиканскому командованию пришлось перебросить с Центрального фронта привычные ударные войска — закаленный в боях 5-й корпус Модесто и интербригады.

В самом Теруэле республиканские танки несли большие потери на узких улицах, из домов которых на них сыпались гранаты и бутылки с горючей смесью. Мятежники активно использовали для неожиданных

вылазок подземные коммуникации города. 27 декабря саперами Народной армии была взорвана семинария, но франкисты держались в ее руинах еще несколько дней. Из дома гражданского губернатора Д'Аркур слал Франко депеши о своем неукротимом желании сражаться. Но 31 декабря по этому зданию было выпущено более 1000 снарядов, и положение франкистов стало безнадежным.

А газеты и радиостанции республики уже вовсю трубили о большой победе. Боевой дух масс вырос, люди гордились своей молодой Народной армией, сумевшей взять неприступную горную крепость. Так же думали и в мире. Германский посол при Франко фон Шторер сообщал в Берлин, что «красные» сумели «значительно повысить боеспособность» и захватили инициативу на фронте. 20 декабря 1937 года министр иностранных дел Италии Чиано записал в своем дневнике, что из Испании приходят плохие новости. Командующий итальянскими войсками в Италии генерал Берти прибыл в конце декабря в Рим и предложил полностью вывести «добровольцев» из Испании, так как звезда генерала Франко уже закатилась. Взвесив все «за» и «против», дуче принял решение увеличить помощь Франко, но одновременно вместе с немцами потребовать от него активизировать боевые действия. Муссолини вновь вернулся к идее создать единое итало-германо-испанское командование. Итальянская авиация получила приказ сбросить на Теруэль «тысячи тонн бомб».

Республиканское командование поспешило заявить о конце операции и начало отводить войска в тыл как раз тогда, когда мятежники сосредоточили под городом небывалую доселе по численности ударную группировку. В город приехала Долорес Ибаррури и, с трудом сдерживая слезы, смотрела, как советские танкисты кормят изголодавшихся мирных жителей своими НЗ. После начала варварских бомбежек Теруэля авиацией мятежников гражданское население города было эвакуировано в глубь территории республики.

29-30 декабря войска Варелы прорвались к самым окраинам Теруэля. Навстречу им из руин семинарии устремились не скрывавшие радости остатки гарнизона Д'Аркура. Когда до встречи двух группировок мятежников оставалась какая-нибудь сотня метров, в бой неожиданно вступили республиканские танки, уничтожив прорвавшихся к городу франкистов.

Перед Новым годом республиканцы едва не устроили сами себе катастрофу. Неожиданно распространились слухи, что мятежники окончательно прорвали фронт и входят в Теруэль. Возникла паника, и республиканская пехота бежала из города. На протяжении четырех часов

там не было ни одного солдата Народной армии. Наши танкисты, решив, что город оставлен по приказу сверху, также отошли на его южную окраину. К счастью для республиканцев, франкисты ничего не знали и не воспользовались благоприятным случаем, чтобы без единого выстрела вернуть Теруэль. А уже через час танки вернулись в город и удерживали его до возвращения на позиции бежавшей пехоты. Наконец, брешь надежно закрыли прибывшие под Теруэль 35-я (состоявшая из интербригад) и 47-я ивизии корпуса Модесто.

7 января 1938 года Рей Д'Аркур попросил представителя Красного Креста провести эвакуацию раненых, женщин и детей, на что республиканцы немедленно дали свое разрешение. 8 января полковнику под угрозой окончательного штурма было предложено сдаться при условии сохранения жизни всем пленным. Но полковник боялся уже не столько врагов, сколько Франко, запретившего капитуляцию, поэтому просил не упоминать в акте о капитуляции сдачу своего командного пункта — здания гражданского губернатора. В тот же день, 8 января 1938 года, гарнизон капитулировал, причем в акте подробно объяснялись причины этого шага: потеря 90 % офицеров, наличие 1500 раненых, упадок боевого духа вследствие применения «современных средств борьбы».

Франко (как и Гитлер 5 лет спустя в отношении фельдмаршала Паулюса в Сталинграде) счел поведение Д'Аркура малодушным. Но полковнику не пришлось ответить за это. При эвакуации Каталонии республиканцами год спустя он был убит «бесконтрольными элементами». Другие пленники Теруэля (в т. ч. его гражданский губернатор) были сданы республиканцами при отступлении во Францию местным властям и потом вернулись в Испанию.

С 1 по 10 января республиканцы безуспешно пытались отбить гору Муэла де Теруэль и окончательно перешли к обороне.

Республиканское командование, снова решив, что сражение закончено, вторично стало отводить от фронта войска на переформирование. Но Франко решил воспользоваться моментом и навязать противнику войну на уничтожение.

14 января 1938 года при поддержке 490 орудий и 250 самолетов франкисты стали методично сокрушать позиции республиканцев под Теруэлем. 5-й корпус сдерживал натиск, неся огромные потери, прежде всего, от воздействия авиации противника, господствовавшей в воздухе. Так 22-я, 96-я и 11-я бригады потеряли почти половину личного состава. Соотношение сил на некоторых участках, казалось, просто подавляло любую возможность сопротивления. Например, Марокканскому корпусу

армии мятежников (5 дивизий) противостояли две бригады республиканских войск.

Чтобы облегчить положение своей Теруэльской группировки, командование Народной армии организовало 26 января контрудар к северу от столицы Нижнего Арагона, чтобы перерезать шоссе Теруэль-Сарагоса, являвшееся основной артерией снабжения наступавших сил мятежников. 26 января в наступление перешла 27-я дивизия республиканцев, для поддержки которой удалось найти всего лишь 26 стволов артиллерии и 14 танков. Бойцы Народной армии сражались героически, но они ничего не могли противопоставить 160 самолетам врага, выполнявшим до 800 боевых вылетов в день. Перешедшая в наступление 28 января 46-я дивизия «Кампесино» также не смогла прорвать фронт.

Тем не менее, контрудар республиканцев заставил мятежников временно прекратить атаки Теруэля, который обороняли 8 крайне ослабленных дивизий Народной армии. Ставка Франко решила ликвидировать опасно нависавшую над флангом северную группировку республиканских войск под Теруэлем. 5 февраля 9 дивизий франкистов при поддержке 200 самолетов, 75 артиллерийских батарей и десятков танков перешли в наступление к северу от Теруэля. 7 февраля, после крайне напряженных боев, мятежники прорвали фронт. Положение пыталась спасти находившаяся в этом районе на отдыхе 27-я дивизия, которая потеряла в ожесточенных боях 40 % личного состава. 10 февраля мятежники захватили значительную территорию к северу от Теруэля (находившуюся до 15 декабря в руках республики) и вышли к реке Альфамбра.

Рохо, который еще до начала февраля планировал осуществить удар в Эстремадуре, понял, что для этого уже не хватит сил армии, обескровленной под Теруэлем.

17 февраля франкисты начали третье генеральное наступление на Теруэль силами 11 дивизий. Непосредственно город защищала 46-я дивизия (три бригады) из 20-го корпуса коммуниста Франсиско Галана. Стратегические высоты на городских окраинах и кладбище несколько раз переходили из рук в руки. 19 февраля мятежники перерезали дорогу Теруэль-Валенсия и 46-я дивизия оказалась в окружении. Стороны как бы поменялись местами: теперь Теруэль надо было деблокировать уже республиканцам.

20 февраля 1938 года стояла хорошая погода, и небо над Теруэлем потемнело от немецких и итальянских самолетов. Танковые экипажи республиканцев не успевали возвращаться из укрытий в свои машины, так

как бомбежка шла не переставая. ВВС республики в силу своей малочисленности уже не могли всерьез противостоять «Кондору» и итальянцам. В этот же день Рохо приказал Модесто оставить город, но последний отказался, считая приказ преждевременным. Командир 46-й дивизии Валентин Гонсалес потерял связь с основной группировкой Народной армии. Этого честолюбивого импульсивного человека стали одолевать подозрения, что его товарищ по партии Модесто умышленно бросил дивизию на произвол судьбы, чтобы избавиться от конкурента на звание лучшего военачальника-коммуниста.

Части 46-й дивизии организовали круговую оборону, надеясь на помощь основных сил, находившихся в 6–8 километрах от города. Бомбежки и артиллерийский огонь франкистов наносили оборонявшимся чудовищные потери. В 403-м батальоне, оборонявшем городское кладбище, оставалось 56 солдат и два лейтенанта. В госпитале Теруэля не было никаких средств, кроме простыней и кипяченой воды, которая использовалась как антисептик для дезинфекции ран. 18 февраля прекратилась доставка продовольствия и боеприпасов, а на следующий день вышла из строя единственная радиостанция 46-й дивизии. 20 февраля окруженные в Теруэле республиканцы имели не более 5 патронов на винтовку. Снабжение по воздуху было не организовано республиканским командованием, которое намеревалось в самое ближайшее время деблокировать Теруэль. Не имея связи, командование 46-й дивизии приняло решение пробиваться из окружения 22 февраля, если в течение дня 21 февраля Народная армия не предпримет попытки соединиться с защитниками Теруэля. 21 февраля 5-й корпус силами четырех дивизий действительно пытался деблокировать Теруэль, но безуспешно.

В ночь с 21 на 22 февраля смешанный батальон 46-й дивизии, которому были выделены почти все оставшиеся боеприпасы (в других частях осталось по два патрона на винтовку) пробил, действуя штыками и гранатами брешь в кольце окружения. Переправившись через реку Турия части 46-й дивизии, несмотря на огонь 50 батарей мятежников, соединились с основными силами. Часть тяжелого вооружения утонула в реке, в плен попал начальник штаба дивизии Паласио. Всего 46-я дивизия потеряла в боях за Теруэль 4500 человек, в том числе около 1000 в последние шесть дней обороны города. Таким образом, огромный перевес мятежников в силах возымел действие, и 22 февраля 1938 года около 11 вечера Теруэль был вновь захвачен франкистами.

Завершившееся Теруэльское сражение по накалу городских боев можно сравнить только со Сталинградской битвой. Обе стороны

продемонстрировали упорство и высокие боевые качества. Но в битве на истощение в январе-феврале 1938 года у республиканцев не было шансов на успех ввиду подавляющего превосходства противника в артиллерии и авиации. В среднем каждый день во время семидесятидневной битвы за Теруэль на позиции Народной армии обрушивалось 12000 снарядов и 6000 бомб. Всего войска республики потеряли 14 тысяч человек убитыми, 20 тысяч ранеными и 17 тысяч пленными. Потери франкистов в общей сложности составили 45 тысяч. Но в руки мятежников попали солидные трофеи: 3 тысячи винтовок, 100 ручных и 123 станковых пулемета, 9 минометов, 7 орудий и 7 танков. Из 42 танков и 30 бронев автомобилей республиканского Интернационального полка из сражения вышли 15 танков (многие из которых были повреждены) и 8 броневиков. Кстати, советских военных советников давно уже беспокоила легкость, с которой испанские экипажи бросали на поле боя советскую технику, даже в случае легких повреждений. Командование легиона «Кондор» установило марокканцам премию в 500 песет за каждый захваченный целым советский танк, и скоро в легионе появились целые подразделения, укомплектованные Т-26 (всего более 50 машин). БТ-5 немцам не нравились, так как были очень «нежными» и ненадежными в эксплуатации. И, тем не менее, советские и испанские танкисты смогли сохранить для дальнейших боев большинство машин, хотя износ почти всех из них давно превысил все мыслимые лимиты эксплуатации.

Если победа Франко под Теруэлем объяснялась исключительно превосходством в авиации и артиллерии, то стоит остановиться несколько подробнее на этих аспектах сражения.

Мятежники сосредоточили под Теруэлем 13 эскадрилий истребителей «фиат» по 9 машин в каждой и две эскадрильи Me-109 по 12 самолетов, т. е. в общей сложности 141 истребитель, который прикрывал бомбежки республиканских позиций. Со своей стороны ВВС республики смогли сконцентрировать под Теруэлем 70 истребителей И-15 и И-16. Причем республиканская авиация базировалась на очень неудобном аэродроме Сарион, расположенном в узкой горной долине в 15–20 километрах от линии фронта. Любой налет вражеской авиации мог легко вывести узкую взлетную полосу из строя. Тогда аэродром решили замаскировать под фруктовый сад, для чего выжгли на земле круги, которые с большой высоты можно было принять за кроны деревьев. Когда выпал снег, круги делали из угля. В центре аэродрома стоял грузовик, на котором был искусно сделан макет садового домика. Прицеп грузовика возил посаженную в бочку небольшую сосну

Неподалеку от настоящего оборудовали ложный аэродром. Его обслуживали пять-шесть человек, которые при налете переставляли макеты самолетов, имитировали панику и поджигали бочку с бензином, от которой взрывался один из макетов. Для пущей убедительности сбор истребительных эскадрилий при взлете и посадке производился именно над ложным аэродромом.

Маскировка сработала блестяще. При налетах на ложный аэродром в декабре 1937 — январе 1938 года было сбито три «хейнкеля 111», а настоящий аэродром ни разу не подвергался бомбежке.

В отличие от советских пилотов, их противники из легиона «Кондор» устроились с комфортом. Немецкие летчики жили в хорошо отапливаемом поезде из 12 вагонов, в которых были ванны и хороший ресторан. Поезд надежно прикрывала батарея 88 мм зениток.

Однако первые воздушные бои под Теруэлем складывались далеко не в пользу немцев и итальянцев (последние страшно мерзли в открытых кабинах своих «фиатов»). 4 декабря 1937 года И-15 и И-16 в схватке с «мессершмиттами» смогли посадить один из «мессеров» на своей территории. Самолет сначала был облетан французами в Барселоне, а потом отправлен в СССР, где подвергся детальному изучению. 5 декабря 15 Ме-109 наткнулись на 20 И-15 и И-16 и опять немцы потеряли один «мессершмитт». 12 декабря И-16 принудили к посадке бомбардировщик «хейнкель 111», который также был переправлен в Советский Союз. Неожиданные потери и мастерство советских летчиков подействовали на немцев угнетающе. После легкой победы на Севере «Кондор» столкнулся с по-настоящему опасным противником. Причем достойно противостояли «мессершмиттам» даже «курносые», пилотируемые опытными летчиками. Немцы начали роптать. Они вдруг осознали, что воюют в Испании за непонятные цели. Будущий немецкий ас второй мировой Адольф Галланд (103 победы; инспектор истребительной авиации Германии), который командовал в Испании истребительной эскадрилей Хе-51, писал: «Мы воюем не на стороне справедливости...».

10 декабря 1937 года 15 «мессершмиттов», по выражению одного из немецких летчиков, «были счастливы», что смогли оторваться от республиканских истребителей без потерь.

Положение изменилось с 22 декабря, когда под Теруэлем были сконцентрированы почти все истребители и бомбардировщики мятежников. В условиях численного превосходства врага, республиканские истребители не всегда могли выполнить свою основную задачу: перехватывать вражеские бомбардировщики, штурмовавшие позиции

республиканцев под Теруэлем. Часто все силы уходили на борьбу с истребителями противника, которые прикрывали свои бомбардировщики большими группами. В день начала франкистского контрнаступления 22 декабря 1937 года одна эскадрилья И-15 и три — И-16 встретились в воздухе с 40 «фиатами» и 15 «мессершмиттами», которые шли на 1000 метров выше итальянцев на высоте 4000 метров. Это был принципиальный бой, в котором немцы и итальянцы хотели завоевать господство в воздухе над Теруэлем. Однако советские «высотные чистильщики» связали Me-109, в то время как их товарищи взялись за итальянцев. Те сражались с невиданным доселе упорством. Потом выяснилось, что в этом воздушном сражении участвовали лучшие летчики и инструкторы из Высшей воздушной школы Италии. Их только что перебросили с Апеннин, чтобы поднять сломленный боевой дух их коллег, которые никак не могли прийти в себя после разгрома Гарапенильоса. Несмотря на то, что двигатель И-16, начиная с высоты 3000 метров, серьезно уступал по мощности мотору Me-109 и «чистильщики» испытывали большие перегрузки, бой 22 декабря закончился победой республиканцев: домой не вернулись два «мессера» и пять «фиатов». Советские летчики и их боевые друзья-испанцы не досчитались пяти машин.

В середине января 1938 года в Испанию прибыли три немецких пикирующих бомбардировщика Ю-87. Этот самолет стал позднее одним из основных факторов успеха вермахта в начале Второй мировой войны. Ю-87 был вооружен тремя пулеметами калибра 7,92 мм и развивал скорость до 410 км в час, обладая практическим потолком в 7300 метров. Как уже упоминалось, прототип «штуки» участвовал в боях на Севере и летом 1937 года был отправлен обратно в Германию. В феврале Ю-87 приняли участие в боях за Теруэль. В основном они использовались для разрушения мостов и других малых целей в тылу республиканцев. Теоретически «штука» могла летать с бортстрелком и 500-килограммовой бомбой. Однако на практике недостаточная мощность двигателя вынуждала брать на борт лишь 250 кг смертоносного груза, или отказываться от стрелка, чего не хотел ни один пилот. По итогам войны в Испании мощность двигателей «штуки» была увеличена почти в два раза.

К концу декабря у мятежников под Теруэлем было уже 250 самолетов и они имели подавляющее превосходство в бомбардировочной авиации. Республиканцы могли рассчитывать в основном на 30 тихоходных Р-зет, на прикрытие которых требовалось минимум столько же истребителей. Пришлось вылетать на штурмовку позиций врага и самим истребителям. Но у них не было пушечного вооружения, и они не могли выполнить

главную задачу: вывести из строя артиллерию противника. 7 февраля 1938 года три эскадрильи И-16, сопровождавшие на бомбежку СБ, отвлеклись и атаковали бомбардировщики противника, которые шли встречным курсом. Но в это время на беззащитные бомбардировщики обрушились «мессершмитты», сбившие 4 «катюшки», еще 10 бомбардировщиков получили повреждения. Целыми вернулись домой только 4 машины. Это был чувствительный удар, хотя и немцы потеряли один «мессер» и два бомбардировщика.

Но в целом немцам и итальянцам не удалось завоевать над Теруэлем полного господства в воздухе. «Мессершмитты» заявили о 52 сбитых самолетах; столько же уничтожили только две эскадрильи республиканских истребителей. Лишь огромное превосходство в бомбардировочной авиации позволило мятежникам активно воздействовать на наземные операции. На 20 октября 1937 года в Испании насчитывалось только 25 исправных бомбардировщиков СБ и еще 14 были в ремонте. Но и этими малыми силами советские и испанские пилоты доставляли немало неприятностей врагу. 5 ноября 1937 года три эскадрильи СБ (одна советская и две испанские) бомбила склады боеприпасов в Сарагосе, сбросив в общей сложности 13 тонн бомб. Пожары в городе не прекращались три дня. Зенитный огонь вынуждал бомбардировщики подниматься на 5000–6000 метров. Кислородное оборудование с СБ было снято и летчикам пришлось приспособить кислородные медицинские подушки. Появление «мессершмиттов» заставило командование ВВС республики придавать СБ истребительное сопровождение. Прицелы пулеметов «катюшек» не были рассчитаны на развиваемую Me-109 скорость. По предложению Смушкевича в январе-марте 1938 года в республику был поставлен еще 51 СБ, что хотя бы немного облегчило тяжелое положение республиканской бомбардировочной авиации.

Ключевым же фактором успеха франкистов стало их подавляющее преимущество в артиллерии. К моменту начала военного мятежа в июле 1936 года артиллерия испанской армии насчитывала 8 легких артиллерийских бригад по числу расположенных на полуострове пехотных дивизий. Каждая бригада состояла из двух полков: 75 мм пушек и 105 мм гаубиц. Было и четыре отдельных полка тяжелой артиллерии (155 мм гаубицы и 127 мм пушки). Всего насчитывалось 756 орудий, 150 орудий береговой артиллерии и 60 зениток. После 18 июля 1936 года 90 % офицеров артиллерии, которая считалась привилегированным родом войск, и 2/3 всех батарей оказались на стороне мятежников. Общая подготовка испанских артиллеристов была крайне слабой. Артиллерия могла только

стрелять с закрытых позиций «по квадратам», что снижало точность попаданий. Такой вид боя, как стрельба прямой наводкой, был практически не известен. В Народной армии дело усугублялось еще и тем, что на вооружении находилось множество систем орудий, закупленных через посредников в первые месяцы войны, к которым постоянно не хватало боеприпасов. Многие офицеры старались держать орудия в тылу, чтобы при отступлении они не достались противнику. Не была налажена система оперативной связи и взаимодействия с пехотными частями.

С помощью советских советников (особенно будущего маршала артиллерии СССР Н. Н. Воронова) были разработаны необходимые наставления по артиллерийской стрельбе, а из СССР прибыло около сотни противотанковых орудий и 76 мм полевые пушки с боеприпасами. Были открыты школы по подготовке офицеров-артиллеристов

Уже на Хараме Народная армия имела 36 батарей (105 орудий), причем больше всего было 115 мм гаубиц — 53. Для них требовалось 100 тысяч снарядов, которых в действительности просто не было. Острый недостаток боеприпасов стал «ахиллесовой пятой» республиканской артиллерии на протяжении всей войны. На Хараме батареи научились маневрировать по фронту и вести огонь по танкам прямой наводкой.

В мае 1937 года в Народной армии была уже 451 батарея (1681 орудие), в то время как в июле 1936 года республиканцы располагали только 220 орудиями. В Брунетской операции огнем республиканской артиллерии было сорвано наступление целого корпуса мятежников. В этом сражении республиканцы достигли впечатляющей плотности артиллерии — 13,8 орудия на 1 километр фронта, а на участке главного прорыва этот показатель достигал 26,6 ствола (Полевой устав РККА 1936 года требовал при наступлении 30–36 орудий на 1 км фронта).

Под Теруэлем сказалось большое преимущество артиллерии мятежников, полностью обеспеченной немецкими и итальянскими снарядами. Республиканцам же по-прежнему приходилось импровизировать. Так, с затонувшего немецкого корабля было поднято несколько 105-мм пушек, к которым с помощью советских специалистов удалось изготовить 2000 снарядов. Изрядного страха нагнали на франкистов трофейные 420 мм мортиры, к которым советские специалисты также смогли подобрать снаряды. Но все равно это были импровизации из серии «голь на выдумку хитра». Противопоставить шквалу артиллерийского огня противника под Теруэлем республиканцам было практически нечего. Правительство республики и компартия предпринимали меры для увеличения производства снарядов на заводах

республики, но было упущено много времени.

Как мы помним, в ходе первого наступления на Теруэль в декабре 1936 года родился республиканский спецназ. В начале 1938 года это был уже отдельный 14-й корпус Народной армии численностью 5000 человек. Корпус состоял из семи бригад, которые были рассредоточены по разным фронтам (3 бригады в Каталонии, 4 — на Центральном и Южном фронтах). Корпус имел две спецшколы в Барселоне и Валенсии, в которых готовились подрывники, снайперы и радисты. Учитывая особые условия боевых действий в тылу врага, бойцы корпуса получали двойной паек и двойное жалование. И операции корпуса с лихвой окупали затраты на его содержание. В начале 1938 года южнее Уэски только один из отрядов корпуса подорвал мост, уничтожил 9 автомашин и 100 солдат противника. Другой отряд разгромил пулеметный батальон франкистов. Следует отметить, что хорошая подготовка бойцов корпуса (за которую отвечали советские специалисты) сводила его потери к минимуму: всего за годы войны 14-й особый потерял убитыми только 14 человек (одного из которых убили анархисты в Валенсии, а еще одного по ошибке подстрелили свои же при возвращении из-за линии фронта).

30 января 1938 года, в разгар боев за Теруэль, Франко объявил о формировании своего первого полноценного правительства, распустив прежнюю административную хунту, от которой отдавало неким временным характером. Престарелый генерал граф Хордана стал министром иностранных дел. Давила, «додавливавший» республиканцев под Теруэлем, получил портфель министра обороны. 75-летний знакомый Канариса генерал Анидо (палач Астурии в 1917 году) возглавил министерство безопасности. В экономические ведомства были назначены гражданские министры правых взглядов. Но доминирующей фигурой кабинета был архитектор единой партии Серрано Суньер, занявший пост министра внутренних дел.

Режим Франко как бы показывал всему миру, что отныне именно он и есть настоящая Испания.

А «международное сообщество» все занималось деталями плана вывода иностранных добровольцев из Испании. Немного укоротив итальянцев на море (как шутил Чиано: «пирата превратили в полицейского»), Англия и Франция 2 октября 1937 года предложили Муссолини провести комплексные переговоры по Испании. Но в этот же день Франко заявил Чиано, что ему надо еще больше «добровольцев». «Генералиссимус» потребовал также замены командующего итальянскими войсками в Испании генерала Бастико, который слишком уж хвастался

основной ролью своих солдат при занятии Сантандера. Но союзники быстро договорились: Франко получил от Италии две подлодки, отправив на Апеннины 100 тысяч тонн стали (хотя «генералиссимус» оставался должен Италии за военные поставки еще около 3 млрд лир).

10 октября Италия ответила Парижу и Лондону, что не может участвовать в консультациях по Испании без Германии (в то время итальянцы усиленно наращивали свой «добровольческий» контингент и даже думали о посылке альпийских стрелков под Теруэль — им повезло, что это не успели сделать). Французы, потерявшие терпение, угрожали открыть франко-испанскую границу для советских поставок вооружений республике, если в течение недели не будет подписано соглашение о выводе добровольцев. Даже англичане вынуждены были сообщить итальянцам, что их терпение на исходе. В США также усилилось давление на администрацию Рузвельта со стороны конгрессменов и общественности с требованием отменить закон об эмбарго и поставить Испанской республике нужное ей оружие. Наконец, лондонский Комитет по невмешательству одобрил 4 ноября 1937 года план вывода всех иностранных добровольцев из Испании. Две международные комиссии должны были учесть всех добровольцев в обеих Испаниях и после вывода «значительного» их количества предоставить двум лагерям конфликта права воюющей стороны, (на чем особенно настаивал Франко). Тем не менее, французы, воспользовавшись тем, что срок их недельного ультиматума не был соблюден, открыли в ноябре 1937 года границу, и это позволило республиканцам начать наступление на Теруэль.

6 ноября 1937 года Италия присоединилась к подписанному год назад Германией и Японией Антикоминтерновскому пакту. Таким образом, был окончательно оформлен агрессивный блок, который уже менее, чем через два года ввергнет человечество в мировую войну.

20 ноября 1937 года Франко в «целом» согласился с планом вывода добровольцев, при этом заявив, что считает 3000 выведенных человек количеством, достаточным для предоставления ему прав воюющей стороны. Именно столько раненых и больных периодически покидало 125-тысячный итальянский корпус в Испании, так что со стороны каудильо не было вообще никаких существенных уступок творцам невмешательства. 1 декабря 1937 года республика также согласилась с планом, чтобы не раздражать французов, только что открывших границу. К тому же Асанья и Негрин надеялись, что прибытие двух международных комиссий приведет к перемирию и прекращению войны.

Даже лорду Плимуту цифра в 3000 человек показалась несерьезной, и

он предложил предоставление столь желанных для мятежников прав воюющей стороны только после вывода 75 % всех добровольцев (которых еще предстояло сосчитать). Но здесь опять подключились немцы, решившие затягивать претворение в жизнь плана вывода до мая 1938 года, когда, как они считали, Франко уже сможет одержать решающую победу на фронте.

В конце января 1938 года, стремясь сломить боевой дух республиканцев, немцы и итальянцы приступили к массированным бомбардировкам Барселоны. Предложение республиканского правительства прекратить в двустороннем порядке бомбежки тыловых городов (ВВС республики нанесли бомбовые удары по Севилье и Вальядолиду) было проигнорировано франкистами. Пользуясь отсутствием истребительной авиации республики, занятой под Теруэлем, итальянские бомбардировщики наносили удары с малых высот, стремясь поразить как можно больше жителей.

В январе 1938 года итальянцы вновь попытались начать пиратскую подводную войну против мирных судов (всего в Средиземноморье участвовали в этом разбое 58 «неизвестных» итальянских подлодок). Атакам подверглись, в частности, голландские и британские корабли. Министр иностранных дел Великобритании Иден, все больше и больше переходивший на антифашистские позиции, предупредил итальянцев, что английские ВМС получили право топить все подлодки в своей зоне контроля. И опять этого оказалось достаточно, чтобы остудить пыл пиратов. Иден превращался в реальное препятствие на пути итало-германской интервенции в Испании, и Муссолини дал понять британскому премьеру Чемберлену, что итало-британские переговоры по Испании невозможны, пока Иден возглавляет Форин оффис. Для Чемберлена «умиротворение» Берлина и Рима, равно как и ненависть к СССР и «красной» Испании, были основными столпами его политики, поэтому 20 февраля 1938 года Иден был отправлен в отставку. Собравшиеся перед резиденцией британского премьера на Даунинг стрит, 10 люди приветствовали мужество Идена и кричали «Оружие для Испании!». Новым министром иностранных дел Великобритании стал ярый реакционер лорд Галифакс. Это назначение не предвещало для республики ничего хорошего.

Оставление республиканцами завоеванного с таким трудом Теруэля вынудило коммунистов начать открытую критику Прието, пораженческие настроения которого приняли уже настолько открытый характер, что отрицательно влияли на боевой дух войск на фронте. Так, например,

Прието сообщил корреспондентам о сдаче Теруэля за два дня до того, как это произошло в действительности. Одновременно через своего личного секретаря Анхеля Басу Прието установил во Франции контакты с франкистским губернатором испанского пограничного города Ирун с целью подписания мирного соглашения и окончания войны. Германский посол в Бургосе фон Шторер даже предполагал, что эти переговоры являются причиной задержки нового наступления мятежников. На самом деле Франко оставался непреклонным и был готов принять только безоговорочную капитуляцию Народной армии.

24 февраля 1938 года в центральном органе КПИ «Френте рохо» («Красный фронт») появилась первая статья министра образования от компартии Эрнандеса с резкой критикой «пораженцев». 27 февраля уже лично Прието подвергся острой критике со стороны Долорес Ибаррури. Эрнандес продолжал серию своих статей теперь уже в другой газете компартии «Мундо обреро», прикрываясь псевдонимом «Хуан Вентура». Прието пожаловался Негрину, на что получил искренний ответ, что правительство не может обойтись ни без него, ни без коммунистов.

В это безрадостное время конца февраля — начала марта 1938 года республика получила хорошие новости оттуда, откуда их меньше всего ожидали — с моря.

Весь 1937 год ВМС республики занимались в основном сопровождением приходивших в средиземноморские порты кораблей с советскими грузами. Это более или менее удавалось, благодаря четкой системе проводки «игреков», разработанной советскими военными советниками. Для перевозок стали использоваться скоростные испанские суда водоизмещением от 6 до 18 тыс. тонн. Они следовали вдали от обычных морских путей и, пройдя между Сицилией и Африкой, шли дальше, прижимаясь к берегу французской колонии Алжир, где их поджидали корабли республиканского флота.

Осенью 1937 года сопровождать торговые суда стало уже очень опасно, так как в их поиске постоянно участвовали три современные крейсера мятежников, получавшие информацию от итальянских и немецких «патрульных» судов, а также от итальянской авиации.

7 сентября 1937 года, встретив в назначенном месте транспорты, республиканская эскадра (2 крейсера и 7 эсминцев) наткнулась на лучший корабль флота мятежников крейсер «Балеарес» (полное водоизмещение 13200 тонн, длина 194 м, ширина 19,5 м, скорость — до 33 узлов, вооружение — 6 203-миллиметровых орудий и 8 зенитных 120-миллиметровых орудий, сильная броневая защита). В бой с «Балеарес»

вступил крейсер республиканского флота «Либертад», спущенный на воду еще в 1925 году («Канариас», заложенный в 1928 году, был достроен уже после мятежа) и уступавший флагману мятежного флота по всем основным характеристикам (водоизмещение 9240 тонн, длина 176,6 м, ширина 16,6 м, реальная скорость не более 28 узлов, вооружение — 8 152-миллиметровых орудий и 2 зенитки калибра 47 мм). Правда, в отличие от «Канариас» «Либертад» имел 12 533,4-миллиметровых торпедных аппаратов (на «Канариас» они были предусмотрены, но так и не установлены). Экипаж «Либертад» составлял 566 человек, «Канариас» — 1100 человек.

Республиканский крейсер начал обстрел противника с дальней дистанции и уже через несколько минут два раза попал в «Балеарес» (сказались многомесячные боевые стрельбы под руководством советских советников), на котором едва не взорвался боекомплект. Тогда ему повезло, и флагман мятежников поспешно вышел из боя.

Новейшим крейсерам мятежников досаждали и бомбардировщики СБ. Еще 14 января 1937 года недалеко от Малаги в «Канариас» попала сброшенная с «катюшки» бомба ФАБ-100. 24 мая 1937 года «Канариас» опять получил такой же «подарок» на рейде порта Пальма-де-Майорка. Но уничтожить крейсера с воздуха никак не удавалось.

В конце 1937 — начале 1938 года командование республиканского флота стало практиковать ночные поиски, чтобы провести торпедные атаки против крейсеров мятежников. В ночь с 17 на 18 сентября 1937 года республиканским эсминцам попался «Балеарес», но тогда торпеды прошли мимо. Со своей стороны, получив от Италии 4 эсминца, командование мятежников стремилось навязать республиканской эскадре генеральное сражение на уничтожение, чтобы окончательно заблокировать средиземноморские порты республики. В ночь с 5 на 6 марта 1938 года эскадра мятежников в составе трех крейсеров (флагман «Балеарес»), четырех эсминцев и двух новых минных заградителей вышла с базы на Балеарских островах и направилась на поиск республиканского флота. В то же время в море вышел и республиканский флот (два крейсера и 9 эсминцев) с той же целью — обнаружить новые крейсера мятежников «Балеарес» и «Канариас». В 0 часов 15 минут 6 марта республиканский эсминец «Санчес» засек эскадру мятежников и произвел по ней неудачный торпедный залп. В 2 часа 15 минут старые противники крейсера «Либертад» и «Канариас» открыли артиллерийскую дуэль, и в это время подошедшие республиканские эсминцы «Антекера» и «Лепанто» выпустили по крейсеру мятежников «Балеарес» 8 торпед. Атаке помогло то обстоятельство, что «Балеарес» стрелял зажигательными снарядами и

подавал световые сигналы, так что его силуэт четко вырисовывался в ночной темноте. Две торпеды (по-видимому, с «Лепанто») попали в «Балеарес», и на этот раз потушить загоревшийся боекомплект не удалось. Остальные корабли мятежников, опасаясь торпедных атак, ушли, бросив своего флагмана на произвол судьбы. Республиканцы также вернулись на базу, но выслали в район боя группу торпедных катеров и авиацию для преследования противника. «Балеарес» затонул вместе с командующим эскадрой адмиралом Вьерной и 700 членами экипажа. Около 400 моряков спасли подошедшие эсминцы английского флота. Республиканские самолеты, приняв их за корабли мятежников, нанесли по эсминцам бомбовый удар, убив одного английского моряка, но, к счастью, не причинив «кораблям Его Величества» большого вреда.

Сражение в ночь с 5 на 6 марта 1938 года, вошедшее в историю как битва у мыса Палос, стало единственным морским боем в испанской гражданской войне. К концу 1937 года более активно действовавший флот мятежников (опиравшийся к тому же на помощь немцев и итальянцев) сумел сильно ограничить средиземноморские коммуникации республики с СССР. Советским кораблям все чаще приходилось доставлять грузы во французские порты Гавр и Шербур, откуда по железной дороге оружие и другие материалы перебрасывались в Испанию. Начиная с октября 1937 года, этот маршрут стал единственно возможным. Но он всецело зависел от доброй воли французского правительства, постоянно подвергавшегося сильному давлению со стороны Лондона.

Необходимо упомянуть и еще об одном малоизвестном эпизоде гражданской войны на море. В конце 1936 года немцы по согласованию с итальянцами решили направить в Средиземное море две свои подлодки U-33 и U-34 типа VIII A для атак против республиканских судов. Операция получила кодовое название «Урсула» (так звали дочь командующего подводными силами ВМС Германии адмирала Карла Деница) и осуществлялась в обстановке строжайшей секретности. Так, если по пути в Испанию субмарины были бы обнаружены даже своими подлодками или судами, им предписывалось срочно вернуться на родину. Основной целью миссии было приобретение боевого опыта на случай возможной франко-германской войны.

30 ноября 1936 года обе германские подлодки приступили к патрулированию у средиземноморского побережья Испании. 1 декабря U-34 атаковала у Картахены республиканский эсминец, но торпеда прошла мимо и взорвалась на берегу. Республиканские власти сочли, что произошел случайный взрыв горючего и лодка не была обнаружена. 2

декабря провести атаку помешал находившийся неподалеку британский эсминец. 5 и 8 декабря подлодка снова «промазала» по республиканским эсминцам. 6 декабря U-33 наткнулась на республиканский крейсер «Мендес Нуньес», но не смогла определить принадлежность корабля и воздержалась от атаки. Обеим германским подлодкам было приказано 11 декабря 1936 года идти в Италию на отдых, но 12 декабря U-34 отправили под Малагу. И там немцам наконец-то повезло. Они заметили всплывшую республиканскую подлодку С-3, экипаж которой как раз завершил обед, и дежурные поднялись на палубу, чтобы выбросить за борт остатки еды. В 14 часов 19 минут лодку потряс мощный взрыв, от которого она разломилась на две части и быстро затонула почти со всем экипажем. Проведенное командованием ВМС республики расследование пришло к выводу, что причиной затопления лодки стал взрыв на борту. Это было неудивительно, если учесть крайнюю небрежность испанских моряков при несении службы на кораблях. Так, 17 июня 1937 года от небрежно брошенного окурка взорвался флагман республиканского флота линкор «Хайме I», что, помимо потери мощного корабля, унесло жизни 300 матросов.

А немецкие подлодки, так и оставшись необнаруженными (об их миссии не знали даже франкисты), вернулись домой 15 декабря 1936 года. В 1939 году их командиры были награждены Гитлером. Таким образом, первые боевые действия германских подводников начались еще задолго до 1 сентября 1939 года.

Франко был расстроен потерей «Балеарес», но его уже больше занимали планы предстоящего наступления, для которого был избран бывший Арагонский (теперь по республиканской терминологии, Восточный) фронт, протянувшийся от французской границы до Теруэля на 280 км. Несмотря на принятые в августе 1937 года меры по наведению порядка, основную часть войск по-прежнему составляли анархисты. Никаких серьезных оборонительных рубежей построено не было. Редкостью были даже окопы полного профиля. Обычно бойцы укрывались за небольшими стенками из наскоро сложенных камней. Часто обе стороны заключали фактическое местное перемирие, во время которого солдаты обеих сторон обменивались газетами и табаком, охотились на куропаток на ничейной полосе и даже награждали друг друга необидными прозвищами. Среди отвыкших от серьезных боевых частей республиканцев распространилось, как эпидемия, нежелание воевать. Росло количество дезертиров, особенно в тех бригадах, где комиссарами были не коммунисты. Когда одного из пойманных дезертиров спросили, зачем он, рабочий, хотел переходить на сторону фашистов, тот прямо ответил, что

они все равно выиграют войну.

В начале 1938 года республиканские солдаты на фронте почувствовали на себе царивший в тылу голод. Дневной рацион солдата 37-й смешанной бригады на Мадридском фронте составлял 20 г мяса, 40 г оливкового масла, 20 г сахара, 10 г соли. В то же время солдат армии мятежников получал в день 200 г мяса, 60 г оливкового масла, 50 г сахара, 15 г соли. Квартирмейстеры «националистов» старались разнообразить меню, давать солдатам блюда их родной местности, а также кофе и вино. Пропаганда мятежников активно использовала трудности со снабжением в республике, призывая солдат Народной армии переходить на сторону Франко. Республиканцы были вынуждены прибегать к реквизициям скота и других съестных припасов у крестьян в прифронтной зоне, на что последние отвечали тем, что прятали продукты или перепродавали их в других районах страны втридорога. Некоторые крестьяне даже переходили со всем своим скотом на сторону мятежников. Сами недоедавшие (в среднем получавшие не более 2000 калорий в день), солдаты Народной армии часто сталкивались с умиравшими от голода женщинами и детьми, просившими дать им хотя бы какую-то еду. На этом фоне многих раздражало пристрастие главы правительства Негрина к изысканным винам, деликатесам и красивым женщинам. В некоторых частях за премьером закрепилась кличка «сеньор Чечевица» (часто, помимо риса, это был единственный продукт, который солдаты Народной армии ели на завтрак, обед и ужин), хотя два сына Негрина также были в действующей армии. Один из них летчик Ромуло Негрин сбил несколько самолетов и едва не погиб, прикрывая побитый истребитель своего советского боевого товарища. Кстати, советские летчики как могли, пытались облегчить тяжелое бытовое положение своих испанских друзей. «Русские» делились посылками с Родины, передавали часть и так невысокого жалования семьям погибших пилотов. Когда Долорес Ибаррури на встрече с советскими пилотами предложила платить им, как и остальным иностранным летчикам, премию за каждый сбитый самолет, «русские» ответили, что приехали воевать в Испанию не ради денег.

Недоедание усугубляло другие страдания республиканских солдат в окопах, главным из которых были вши. Даже тогда, когда военнослужащим удавалось помыться, они, как правило, не могли продезинфицировать белье. Не хватало мыла, которого давали 1 кусок на человека в месяц, да и то не всегда. Солдаты не имели зимнего обмундирования. Под Теруэлем несколько тысяч солдат обморозили конечности, что вызвало много ампутаций. В целом на одного раненого в бою в Народной армии

приходилось 5–6 больных.

После Теруэльского сражения наиболее боеспособные части республиканцев были измотаны и нуждались в отдыхе. В среднем в каждом корпусе не хватало 40 % личного состава и столько же положенного по штату вооружения. Сильно подорвало боеспособность Народной армии и решение французского правительства опять закрыть в январе 1938 года франко-испанскую границу.

Единственным сильным звеном республиканского Восточного фронта в конце зимы 1938 года была Маневренная армия под командованием полковника Менендеса, занимавшая южный участок фронта. Но ее части еще не пришли в себя после Теруэля. К северу от Маневренной армии вплоть до французской границы дислоцировалась Восточная армия, в которой было много анархистов и штабы которой так и не наладили плотного взаимодействия со своими соседями на юге.

25 февраля 1938 года Франко утвердил директиву предстоящей операции, в которой должны были принять участие 14 дивизий, сведенных в 4 корпуса: Марокканский (36 батальонов, командующий Ягуэ), Галисийский (48 батальонов, командующий — «герой» Астурии Аранда), итальянский (30 батальонов, командующий генерал Берти) и Кастильский (Варела), находившийся в резерве под Теруэлем для развития успеха. Командующему всей армии Арагона (100 тысяч бойцов, 600 орудий и 700 самолетов) Давиле было предписано сначала создать большой выступ в центре Восточного фронта республиканцев, а затем, исходя из обстановки, нанести с него удары на север и юг, чтобы обеспечить наступление других группировок. Грандиозных задач вроде захвата всей Каталонии перед Давилой не ставили, так как после кровопролитных боев под Теруэлем ожидалось упорное сопротивление республиканцев.

Основной удар наносил итальянский корпус, которому противостояли только 4 батальона Народной армии. Муссолини, обозленный тем, что итальянцам не дали покрыть себя славой под Теруэлем, настоял перед Франко на выделении его «добровольцам» самостоятельного и наиболее ответственного участка наступления. В противном случае Рим угрожал приостановлением военной помощи. Чтобы подкрепить свой демарш, дуче даже приказал в начале марта итальянской авиации временно прекратить бомбардировки испанских городов. Муссолини, помимо его непомерного честолюбия, двигало еще и стремление как можно скорее закончить слишком затянувшуюся, по его мнению, войну в Испании, которая подтачивала силы слабой итальянской экономики в преддверии «большого» европейского конфликта.

Командование республиканцев предполагало, что после Теруэля Франко, как всегда, вернется к своей идее-фикс и снова попытается взять Мадрид, проведя сорванную в декабре 1937 года атаку из района Гвадалахары. Но разведка Народной армии еще в конце февраля 1938 года вскрыла переброску на Восточный фронт 200 самолетов (верный признак готовившегося наступления). 4–5 марта засекали крупный итальянский штаб и прибытие больших партий боеприпасов. Сообщали о концентрации войск и перебежчики. Когда обо всех этих тревожных сигналах хотели доложить Прието, тот через секретаря попросил не беспокоить его по мелочам. Рохо дал указание командующему Центральным фронтом Миахе перебросить в Арагон несколько дивизий, но генерал не спешил выполнять приказы своего недавнего подчиненного.

К моменту начала наступления мятежников на Восточном фронте республиканцев находилось пять ослабленных корпусов, в составе всего 11 дивизий.

9 марта после невиданной доселе в ходе войны мощнейшей артиллерийской подготовки в наступление на фронте 92 километра к югу от Эбро в направлении на Бельчите, Монтальбан и Альканьис перешли три корпуса мятежников (итальянский, Галисийский и Марокканский). До тех пор все наступательные операции испанской гражданской войны были локальными и проводились на узком участке фронта. На сей раз мятежники, используя свое превосходство в авиации и артиллерии, решили повторить Брусилловский прорыв 1916 года: нанесение последовательных ударов на разных участках фронта, с тем, чтобы не допустить концентрации резервов Народной армии на каком-нибудь одном отрезке фронта. Такая тактика стала возможной только потому, что на один километр прорыва франкисты стянули 60 орудий и столько же самолетов. Полоса наступления пехотной дивизии составляла всего 4 километра.

Итальянский корпус нанес главный удар по 12-му корпусу Народной армии. На участке прорыва 20 батальонов Народной армии противостояли 100 батальонам врага. Входившие в 12-й корпус 24-я и 30-я дивизии не выдержали натиска и начали беспорядочный отход, превратившийся на отдельных участках, к удивлению самих итальянцев, в паническое бегство. Солдаты бросали не только тяжелое вооружение, но и винтовки. Напротив, «коммунистический» 21-й корпус отбил все атаки Галисийского корпуса мятежников. 10 марта наваррцы захватили Бельчите, который было решено восстановить на другом месте, оставив руины в память о жестокости гражданской войны.

Рохо, узнав о прорыве на участке 12-го корпуса, уже к концу 9 марта

создал резервную группу из XIII-й и XV-й интербригад (интернационалисты XV-й бригады последними ушли из Бельчите, прикрывая отход основных сил). Командующий Восточной армией генерал Посас попытался сымпровизировать новую линию обороны, но не было известно, где находятся прорвавшиеся итальянцы. Самое страшное было в том, что войска 12-го корпуса беспорядочно отступали на север и юг, открыв противнику брешь шириной 60 километров, в которой вплоть до Средиземного моря не было никаких войск. Пришлось отступить и 21-му корпусу, чтобы избежать окружения.

Южнее Аранда никак не мог прорвать оборону республиканцев, и только 13 марта его войска заняли город Монтальбан недалеко от линии фронта. 15 марта мятежники оккупировали Каспе, и окруженные под городом части интербригад были вывезены на советских танках. Аdjутант командира XV-й бригады майор Фрэнк Райан (ирландец по национальности) был захвачен итальянцами в плен. Штыками его заставляли дать фашистский салют. Но мужественный ирландец отказался сделать это даже под угрозой расстрела. Его приговорили к смертной казни, которая под давлением мировой общественности была заменена на 30 лет тюрьмы.

15 марта XIV-я (французская) интербригада при поддержке двух батальонов XII-й (итальянской) интербригады, одного испанского батальона и двух батарей в результате мощной контратаки вновь ворвалась в Каспе и в течение суток вела упорный бой против Наваррской дивизии мятежников. Интернационалисты отошли только под угрозой полного окружения.

Следует отметить, что итальянцы после прорыва фронта применяли тактику просачивания моторизованных групп в республиканский тыл, чем создавали большую неразбериху и мешали консолидации разбитых частей Народной армии.

Рохо, тяжело переживавший позорное бегство 12-го корпуса, попытался сосредоточить кулак для контрудара в районе города Альканьис. Но когда 35-я дивизия в составе двух упомянутых интербригад получила этот приказ, город уже был занят противником. Причем ворвавшимся в Альканьис итальянцам помогла «пятая колонна», захватившая городскую крепость и открывшая огонь по республиканцам с тыла. 14 марта 1938 года итальянцы без единого выстрела вступили в город, который перед этим в панике оставили бойцы Народной армии. Рохо был вынужден расформировать потерявшие боеспособность 12-й и 18-й корпуса, передав весь фронт (которого уже почти не было) к югу от реки Эбро Маневренной

армии. К месту прорыва были брошены Интернациональный танковый полк и отборные коммунистические части.

Столкнувшись впервые с настоящим сопротивлением, итальянцы до 21 марта не могли сдвинуться с места. Танкисты на БТ-5 с ходу вступили в бой и сразу же разгромили моторизованную колонну итальянцев, взяв в плен 40 человек и захватив 3 пушки, 12 пулеметов и 300 винтовок. Помимо участия в боях, танкисты останавливали отступавших солдат 12-го корпуса и наспех сколачивали из них новые пехотные подразделения. Отбив войска Аранды у Монтальбана, Интернациональный танковый полк был немедленно переброшен на наиболее угрожаемое направление под Альканьис. Там в одном из боев один БТ-5 обратил в бегство пять немецких танков Pz-I, уничтожив один из них таранным ударом. Это был второй танковый таран испанской гражданской войны (первый совершил, как уже упоминалось, Т-26 Семена Осадчего еще в бою под Сесеньей 29 октября 1936 года). В последующих боях советские танкисты уничтожили больше батальона итальянцев.

Сопротивление республиканцев после сдачи Альканьиса усиливалось с каждым днем. Бойцы прибывшей на фронт 11-й дивизии Листера шли в бой с пением «Интернационала» и боевым кличем: «Мы — листеровцы». Уже одно это наводило на итальянцев ужас. При поддержке советских танков 11-я дивизия переходила в контратаки, возвращая утраченные позиции. Уже через неделю после начала франкистского наступления Интернациональный танковый полк потерял больше половины своих танков.

Все, что могли, делали и советские летчики. Несмотря на огромное численное превосходство германо-итальянской авиации (350 немецких и итальянских самолетов против 150 истребителей И-15 и И-16), она не смогла в первые дни наступления завоевать господство в воздухе, потеряв в воздушных боях с «чатос» и «москас» только с 10 по 25 марта более 50 самолетов (в этих боях погибло 12 советских летчиков). Мятежники «висели» над местами наземных боев большими группами истребителей в 40–50 машин, которые периодически сменялись. Республиканская авиация также одновременно поднимала в воздух две эскадрильи И-16 (которые связывали боем вражеские истребители) и одну-две эскадрильи И-15 (они «работали» по бомбардировщикам врага). Летчикам-истребителям приходилось компенсировать численное превосходство врага 5–6 боевыми вылетами в день. Пленные немцы и итальянцы искренне удивлялись такой самоотверженности «русских» (они узнавали своих противников по почерку) в войне за интересы чужого им народа.

Через несколько дней после начала наступления мятежников в Арагоне, 11 марта 1938 года вермахт вступил на территорию Австрии. Во Франции разразился правительственный кризис, и главой правительства 13 марта вновь стал лидер социалистов Леон Блюм (ему, правда, было суждено оставаться на этом посту только 27 дней), настроенный на решительный отпор зарвавшимся немцам. Этим воспользовался Негрин, срочно вылетевший в Париж. На вопрос Блюма, что бы он мог сделать для Испании, премьер республики попросил немедленно открыть границу и, кроме этого, послать в Испанию несколько регулярных дивизий (3–5) французской армии, 200 орудий и 150 истребителей. С границей дело решили быстро, и она была открыта в тот же день. Для обсуждения вопроса о возможном прямом военном вмешательстве в Испании 15 марта 1938 года было созвано заседание Постоянного комитета национальной обороны Франции, в котором, помимо премьера, приняли участие министры обороны, иностранных дел, авиации, флота и начальники генштаба и штабов родов войск. Блюм предложил объявить Франко ультиматум и потребовать от него в 24 часа отказаться от использования иностранных войск под угрозой прямого вмешательства Франции в войну (Блюм прямо назвал цифру — 3 дивизии). Но военные отвергли эту идею из опасения, что начнется война с Германией, и немцы в течение 15 дней уничтожат французскую авиацию (а Франция в то время производила только 40 самолетов в месяц). Кроме того, необходимо было провести частичную мобилизацию. С другой стороны, начальник генштаба генерал Гамелен прямо отметил в своем докладе, что победа Франко представляет собой большую угрозу для национальной безопасности Франции, так как авиация и флот Германии и Италии получают возможность ударить в случае «большой европейской войны» по незащищенному юго-западу Франции, куда было переведено много военных заводов. Но, в конце концов, высшее военно-политическое руководство Франции решило не вмешиваться прямо в испанские дела, так как в этом случае Великобритания не окажет помощи в возможной войне с Германией.

Тем не менее, французская правая пресса уже 16 марта 1938 года подняла шумиху по поводу направления французских войск в Каталонию. На границу с Испанией даже прибыли репортеры, чтобы заснять исторический момент перехода доблестной армии Третьей республики через Пиренеи. Франко перепугался и запросил через фон Шторера возможную реакцию Берлина на французское вторжение. Но высшее военное руководство «рейха» было спокойно, справедливо полагая, что отец политики невмешательства Леон Блюм не способен ни на какие

силовые действия. Кейтель сообщал в МИД Германии, что Франция не решится выступить без согласия Великобритании, а его не будет, пока у власти находится Чемберлен (франкисты приравнивали назначение Чемберлена премьером к крупной военной победе). Но все же на всякий случай, чтобы спокойнее переварить Австрию, немцы (а вместе с ними и итальянцы) приняли решение не вводить свои войска в Испанию в 50-километровую зону к югу от французской границы. Париж вполне удовлетворился этой «моральной» победой и снова предоставил Испанскую республику ее судьбе.

Но все же словесные баталии в Париже имели гораздо более серьезное влияние на ход наступления мятежников в Арагоне. Франко запретил наступление на Каталонию, куда его войска вторглись в начале апреля, захватив 4 апреля город Лериду в 150 километрах от Барселоны. Удивленные мятежники стали окапываться, хотя перед ними не было серьезных республиканских сил. Каталонию было решено взять измором. Были захвачены ГЭС, питающие Барселону электроэнергией, и в каталонской столице пришлось расконсервировать и запустить в эксплуатацию старые теплоцентрали.

Но самым страшным испытанием для барселонцев стали бомбежки, по своей силе превзошедшие даже удары по Мадриду ноября 1936 года. 16, 17 и 18 марта обозленные своими неудачами на фронте (так хорошо начавшееся наступление быстро захлебнулось) итальянцы без согласования с Франко по прямому указанию Муссолини провели с Балеарских островов 18 воздушных налетов, убив 1300 и ранив 3000 мирных жителей. 17 марта воздушная тревога в Барселоне длилась с 14 до 22 часов 15 минут. Люди погибали в очередях и в заваленных станциях метро. Над Барселоной и Валенсией самолеты мятежников сбрасывали листовки, в которых предупреждалось, что бомбардировки будут проводиться каждые три часа, пока эти города не выбросят белый флаг. Правда наглость итальянцев поубавилась, когда переброшенные с фронта 6 «курносых» сразу же сбили 6 бомбардировщиков. Пилотам Муссолини пришлось перейти на ночные налеты. Настроение барселонцев улучшил воздушный парад республиканской авиации над городом, в котором приняли участие все истребители республики.

В мире поднялась волна возмущения варварскими бомбардировками Барселоны. Даже ярый антикоммунист Уинстон Черчилль открыто встал на сторону республики. Англия и Франция потребовали от Франко немедленно прекратить бомбардировки мирных городов. Госсекретарь США Корделл Халл выразил «чувство ужаса», которое испытал

американский народ, узнав о трагедии Барселоны. Немецкий посол в Испании фон Шторер писал в Берлин, что такое варварство только возбуждает ненависть к немцам и итальянцам во всем мире. С другой стороны, в Барселоне (как и ранее в Мадриде) население только укрепляется в своей решимости сопротивляться до последнего. Раненые при бомбежках, отмечал фон Шторер, когда их уносят на носилках, поднимают вверх сжатый кулак — приветствие Народного фронта. Муссолини получил от Франко твердую просьбу впредь не бомбить города без его согласия. Тогда дуче дал своим самолетам приказ усиленно бомбить у берегов Испании торговые суда. Среди жертв этого нового, теперь уже воздушного, пиратства опять оказались несколько британских судов. В Англии поднялась буря протеста. Но Чемберлен под крики «Позор!» многих депутатов палаты общин заявил, что не верит в невозможность скрыться от бомбардировок в испанских городах, где должно быть много бомбоубежищ. Уже через два года население английских городов почувствует на себе все «прелести» воздушных налетов, которые немецкие летчики до мелочей отработали в Испании.

А в Арагоне 22 марта 1938 года началось новое наступление мятежников, на этот раз к северу от Эбро. Удар наносили Наваррский (в направлении на Барбастро), Арагонский (на Сариньена — Альбалате дель Синка) и Марокканский корпуса армии мятежников. Советские военные советники предлагали Рохо нанести мощный фланговый удар силами трех дивизий по итальянцам и устроить им вторую Гвадалахару, но у республиканской армии не было резервов. В штабах и военном министерстве царил неразбериха. Во время одного из воздушных налетов на Барселону, находившиеся в тюрьме города представители «пятой колонны» разоружили охрану и, завладев несколькими сотнями винтовок, вырвались на свободу, но были быстро разгромлены силами правопорядка.

Мятежники ввели в бой к северу от Эбро 110 тысяч человек и 404 ствола артиллерии, которым противостояли 35 тысяч республиканцев и 87 орудий. Местами сопротивление было ожесточенным. Командир 22-го корпуса Народной армии подполковник Ибаррола (герой обороны Басконии весной-летом 1937 года) сам водил своих солдат в контратаки. На крайнем севере оказалась отрезанной от основных сил и прижатой к французской границе 43-я дивизия, командир которой удрал во Францию и перешел оттуда на сторону Франко. Но бойцы дивизии несколько месяцев без зимней одежды в заснеженных Пиренеях оказывали сопротивление, и только 15 июня 1938 года, когда закончились боеприпасы, героическая 43-я дивизия отступила во Францию. Имея всего 3 пушки и по несколько

патронов на винтовку, дивизия отбивала атаки 20 батальонов, 9 батарей артиллерии и 48 немецких бомбардировщиков. Во Франции всем военнослужащим было разрешено по их выбору вернуться либо в зону Франко, либо в республику. 411 солдат выбрали предательство, но 6889 перешли в Каталонию и позднее самоотверженно сражались с мятежниками в битве на реке Эбро.

На юге от этой крупнейшей водной артерии Испании 26 марта 1938 года после того, как 21 батарея артиллерии в течение двух часов утюжила всего один километр фронта прорыва, итальянцы при содействии франкистов возобновили наступление на позиции Листера. Над головами сражающихся постоянно висела германо-итальянская авиация. Но республиканцы стояли насмерть. Потребовалась еще одна артподготовка, но и она не изменила положение.

22 марта 1938 года на фронт прибыли первые истребители И-16 «тип 10» («супермоска»), вооруженные четырьмя пулеметами. В марте республика получила 31 такую машину, а летом 1938 года еще 90. Уже на следующий день, 23 марта, «суперы» сбили четыре самолета врага, не потеряв ни одного.

Немцы также наращивали силы. В марте 1938 года они перебросили в Испанию «мессершмитты» новых модификаций: 14 Me-109 В-2 и 5 Me-109 С (на последних тоже было четыре пулемета). Но дела у «мессеров» в первой половине марта не очень-то клеились: был потерян один свой самолет и сбито 3 республиканских машины. Во время франкистского наступления к северу от Эбро Me-109 сбили только один И-15.

Все, что могли, делали четыре эскадрильи СБ, одна из которых прибыла в Испанию через неделю после начала наступления мятежников в Арагоне. Была осуществлена успешная бомбежка Сарагосы. Мощная штурмовка наступавших колонн мятежников заставила их отказаться от кратчайшего пути к побережью через Тортосу и перенести тяжесть удара южнее, на Винарос.

26 и 27 марта мятежникам удалось занять лишь несколько не имеющих важного значения высот. Но под угрозой окружения (еще существовала брешь на месте бывшего 12-го корпуса) 30 марта Листер отступил к городу Гандеса. Итальянцы попробовали взять его фронтальной атакой силами до двух дивизий, но смогли войти в Гандесу только 3 апреля. Отсюда до Средиземного моря было всего 40 километров.

На первое апреля 1938 года Восточная армия республиканцев потеряла 20 тысяч человек, хотя и получила подкрепление в составе 10 дивизий. Но последние были плохо вооружены и не имели опыта серьезных боевых

действий. Всего у республики в Каталонии было после трех недель сражений двадцать батальонов, а у врага — 144. С целью удержания Каталонии командование республиканцев перебросило в конце марта на фронт 5-й корпус Модесто (четыре дивизии) и 6 дивизий с участка фронта к югу от Эбро. 5-й и 22-й корпуса Маневренной армии из последних сил сдерживали натиск 11 дивизий мятежников. Республиканская авиация лишилась почти всех своих фронтовых аэродромов, а новые еще только предстояло построить. Немцы и итальянцы бросали на позиции республиканцев бомбардировочную авиацию в невиданных доселе масштабах. Так 27 марта 1938 года в налете на оборонительный рубеж республиканцев в городке Фрага (7000 жителей) участвовало 200 самолетов.

Вернувшись из Парижа, Негрин нашел своего военного министра Прието в крайне подавленном состоянии. «Все пропало», — заклинал Прието, а его министерство опять сообщало о сдаче городов еще до того, как их действительно оставляла Народная армия. Французский посол в Барселоне Лабонн под впечатлением своих бесед с Прието даже рекомендовал не посылать республике оружие, так как оно может попасть в руки Франко уже через несколько дней. Прието предлагал заморозить все активы республики за границей, чтобы будущее эмигрантское правительство имело источники существования.

С другой стороны, 16 марта 1938 года в Барселоне прошла мощная манифестация, организованная коммунистами при участии НКТ, ВСТ и ОСМ. Тысячи людей скандировали «Резистир, резистир, резистир!» («Сопrotивляться, сопротивляться, сопротивляться!»). Делегация манифестантов во главе с Долорес Ибаррури была принята Негрином, который подтвердил решимость правительства продолжить войну (Прието даже подозревал, что премьер сам при помощи КПИ организовал эту массовую акцию, чтобы оказать давление на кабинет).

27 марта Негрин встретился с Лабонном, чтобы поторопить французов с военной помощью (те обещали передать «старые, но хорошие» артиллерийские орудия), и с удивлением узнал от французского посла, что, по сведениям Прието, республика не имеет возможности сопротивляться и война будет окончена через несколько дней. Лабонн даже предложил срочно прислать в Барселону французский военный корабль, который вывезет правительство республики во Францию. Одновременно Лабонн с подачи Прието озвучил мысль о франко-британском посредничестве в окончании войны. Но когда Негрин спросил посла, верит ли он сам в успех этого посредничества, последовал прямой ответ: «Нет».

28 марта состоялось заседание Высшего военного совета, на котором Прието обрушился с жесткой критикой на генералов, пытаясь свалить на них всю ответственность за катастрофу Восточной армии. Но Негрин твердо заверил военных, что они пользуются полным доверием правительства республики.

29 марта под председательством президента Асаньи собрался Совет министров Испанской республики. И опять Прието, на свой лад толкуя итоги заседания Высшего военного совета, говорил о невозможности сопротивления. Но он не мог предложить и никакой альтернативы, так как Франко не соглашался ни на что иное, кроме безоговорочной капитуляции. В этих условиях правительство единогласно решило продолжать борьбу.

Но Негрин понимал, что в этот критический час армией не может руководить пессимист. Он мужественно взял военное министерство на себя, предложив Прието на выбор пост министра без портфеля или министра общественных работ. Тот отказался, но зато сразу согласился поехать послом в Мексику. Президент этой дружественной республике страны Ласаро Карденас немедленно дал свое добро, но Асанья уговорил Прието отказаться от этой должности, так как это уж слишком явно было похоже на бегство. Прието потом рассказывал, что его «выжили» из правительства коммунисты, что является не более чем попыткой оправдать собственное малодушие в минуты грозной опасности, нависшей над республикой.

6 апреля Негрин сформировал новое правительство, в котором было уже не два, а один коммунист (министр земледелия Урибе). Эрнандес был отправлен комиссаром войск Центрально-южной зоны к Миахе. Коммунисты, кстати, вообще предлагали не входить в правительство, если это расположит, наконец, к республике Англию и Францию. Такого же мнения был и Советский Союз. Но Негрин просил Сталина посоветовать компартии участвовать в новом правительстве, так как без этой «молодой и решительной» партии было невозможно поддерживать сильно упавший боевой дух войск. К тому же уход КПИ из кабинета мог деморализовать лучшие коммунистические части на фронте. В новом правительстве было представлено больше республиканцев (опять с оглядкой на Париж и Лондон) и один анархист Сегундо Бланко (министр без портфеля) как символ солидарности НКТ с военными усилиями Негрина (1 апреля НКТ наконец-то вошла и в Народный фронт). Министром иностранных дел вновь стал левый социалист и бывший Главный военный комиссар Альварес дель Вайо, пользовавшийся большим доверием в Москве.

А в это время героическая 46-я дивизия «Кампесино» после

нескольких дней упорных боев оставила Лериду. На юге войска мятежников уже видели в бинокль Средиземное море. Итальянцы ворвались в город Тортоса почти на морском берегу, но дальше их не пустил упрямый Листер. Модесто нанес итальянцам такой контрудар, что те не могли вернуться к активным боям в течение трех месяцев.

Негрин и коммунисты выступали с ежедневными обращениями к народу, призывая его к сопротивлению. КПИ обязалась выставить 100 тысяч добровольцев. 18 марта ОСМ предложил за две недели сформировать две добровольческие дивизии. Соцмол выдвинул лозунг: «Каждый юноша-боец; каждый боец-герой!» Уже через пять дней одна дивизия была сформирована. 13 апреля была объявлена мобилизация трех возрастов резервистов. В тот же день министерству обороны было подчинено производство и распределение электроэнергии. 24 апреля в распоряжение военного ведомства были переведены архитекторы и строители призывного возраста, которых предполагалось использовать на строительстве укрепрайонов.

Но резервы еще надо было обучить, а враг каждый день усиливал давление на фронте.

15 апреля 1938 года одна из дивизий Галисийского корпуса под командованием Алонсо Веги вошла, наконец, в рыбацкий поселок Винарос. Вега воздвиг на берегу крест, а его солдаты радостно плескались в водах долгожданного моря. Республика была разделена на две части: Каталонию к северу от устья реки Эбро и основную зону (названную Центрально-южной). Весь мир ждал окончания войны и полной победы Франко.

Глава 14. Воскрешение из мертвых

Апрель — ноябрь 1938 года

Режим мятежников, используя неожиданные крупные успехи в Арагонском наступлении, все больше и больше придавал себе вид государства, представляющего всех испанцев и радеющего за независимость страны от любого иностранного влияния.

В день начала наступления была опубликована Хартия о труде, полная всякого рода декларативных авансов. Труд провозглашался «социальным долгом и честью». Закреплялись права на воскресный отдых и оплачиваемый отпуск. Но смысл Хартии состоял в создании по итальянскому образцу вертикальных профсоюзов, ставших корпорацией публичного права и придатком государства.

Но Франко не был бы самим собой, если бы не сопровождал этот вынужденный прыжок кнутом. 5 апреля 1938 года им был отменен автономный статус Каталонии.

Фон Шторер сообщал в Берлин, что 40 % населения «национальной» зоны враждебно режиму. В марте 1938 года в Астурии были ликвидированы последние крупные партизанские формирования (до 2000 человек), которые, по оценке, Франко оттягивали много сил с фронта. Но еще летом 1938 года отдельные группы партизан, раненые, оборванные и все-таки не бросившие оружия после нескольких сот километров скитаний по тылам франкистов, переходили франко-испанскую границу и немедленно требовали переправить их в республиканскую зону для продолжения борьбы.

Германский посол был еще оптимистом в своих оценках. Сами франкисты называли арестованных ими оппозиционеров «90 %», признавая тем самым свою непопулярность. На втором году войны во франкистской Испании стали ощущаться экономические трудности. Возникали перебои с мясом. В дефицит превратились одежда и обувь, которые до войны производились, в основном, в Каталонии. Торговцам стали устанавливать ценовой максимум и требовать «надлежащего оформления витрин» (т. е. все товары должны были быть на виду). В отличие от республиканской зоны коммерсанты перечить не решались, так как можно было угодить в тюрьму или подвергнуться огромному штрафу.

Все население, особенно лица с левыми взглядами, должно было в добровольно-принудительном порядке жертвовать на различные нужды («для фронта», «для инвалидов», «для сирот» и т. д.), что очень напоминало практику гитлеровской Германии. Отказ от этих взносов мог кончиться очень плохо: тюрьмой или отправкой на фронт.

Военнопленные республиканской армии были организованы в «трудовые батальоны», рабский труд которых использовался, в том числе, на рудниках и металлургических заводах, продукция которых шла в Германию. Под шумок «социальной» Хартии о труде рабочая неделя в металлургии была установлена продолжительностью в 48 часов.

С середины апреля 1938 года, когда наступление франкистов застопорилось, стало понятно, что война продлится еще долго. «Генералиссимус» пытался объяснять союзникам задержки в продвижении своих войск плохой погодой и необходимостью перегруппировки. Но 19 апреля никто иной, как генерал Ягуэ, выступая на банкете в честь первой годовщины основания единой партии, похвалил доблесть «красных» и пренебрежительно отозвался о немцах и итальянцах. Одновременно генерал потребовал более мягкого отношения к пленным и проведения широких социальных реформ. Даже Франко был вынужден признать, что половина его армии против монархии. Но «каудильо» не терпел уже даже малейших признаков политической самостоятельности в своем окружении, и Ягуэ на несколько месяцев был отстранен от командования (потом он «прозрел» и уже больше не перечил вождю).

В начале апреля 1938 года Франко чувствовал себя настолько сильно, что решил дистанцироваться от своих одиозных союзников. В беседе с прибывшим в Испанию Канарисом он поставил вопрос об отправке на родину легиона «Кондор» и четко дал понять, что после войны не будет модернизировать свою армию с немецкой помощью. Гитлер уже давно не питал по отношению к «каудильо» особых иллюзий и не возражал против возвращения «Кондора», так как немецкие летчики «уже больше ничему новому научиться не могут». К тому же наступление в Арагоне подорвало материальную часть легиона. Из 30 истребителей Me-109, только 16 были пригодны к эксплуатации. Стволы 88-мм зениток были настолько изношены, что точная стрельба стала почти невозможной. Поэтому сама жизнь ставила немцев перед выбором: либо срочно пополнить легион материальной частью, либо вывести его совсем. Но все же немцы решили скоординировать вывод своих специалистов с итальянцами. Однако к ним Франко с подобной просьбой не обращался. Наоборот, из Италии в апреле 1938 года прибыло еще 6 тысяч солдат и офицеров, чтобы пополнить

большие потери, понесенные в ходе мартовских боев. Так две разгромленные итальянские «добровольческие» дивизии пришлось слить в одну.

На этом месте, пожалуй, стоит сделать одно принципиальное замечание. Советских военных специалистов пост-фактум критиковали за то, что они неправильно применяли в Испании танки в отличие от итальянцев. Советские танки распределялись, дескать, мелкими группами для поддержки пехоты, а «прогрессивные» итальянцы в духе будущего «блицкрига» формировали самостоятельные группы легких танков для бросков в глубину обороны противника. И успех этой тактики якобы был налицо в Малаге (1937 год) и Арагоне (1938 год). Правда, критики не учитывают одну немаловажную деталь — советские танки прорывали укрепленную оборону, напичканную противотанковыми орудиями, что нельзя было сделать без пехоты, авиации и артиллерии. Итальянцы же использовали механизированные колонны, только имея против себя слабые силы, или прорванную оборону. Как только им оказывали сопротивление, они тут же возвращались к пехотным атакам при поддержке танков. Кстати, и немцы во второй мировой войне прорывали оборону пехотой при поддержке авиации и артиллерии, вводя только потом в прорыв механизированные части.

И в Арагонской кампании 1938 года итальянцы, натолкнувшись на сопротивление дивизии Листера, поддержанной всего лишь одним танковым батальоном, быстро утратили наступательный пыл и понесли большие потери. Если еще в январе-феврале Муссолини настаивал на более активном использовании своих войск, то уже в апреле-мае Франко уговаривал отдохавших в тылу «добровольцев» выделить хотя бы одну дивизию для охраны спокойного участка фронта.

На помощь потрепанным итальянцам пришел Лондон. 16 апреля 1938 года (т. е. через день после выхода мятежников к Средиземному морю) было подписано англо-итальянское соглашение, в котором предусматривался вывод всех итальянских добровольцев из Испании только после окончания там войны. Таким образом, Англия публично признала право итальянских фашистов воевать на Пиренейском полуострове. Республике была нанесена дипломатическая пощечина, а «невмешательство» превратилось в фарс даже в глазах английских консерваторов. В обмен Муссолини соглашался соблюдать статус-кво в западном Средиземноморье и не претендовать на испанскую территорию, т. е. фактически повторил итальянские обязательства начала 1937 года.

Между тем немцы попытались приостановить наметившийся дрейф

«каудильо» в сторону Англии. Они предложили Франко подписать политический двусторонний договор, предусматривавший тесную координацию внешнеполитического курса Испании и Германии, развитие военного сотрудничества и благожелательный нейтралитет в случае войны одной из сторон договора с третьим государством. В целом, немцы были заинтересованы не столько в содержании договора (он не добавлял ничего нового к уже сложившимся тесным связям Франко с Берлином), сколько в самом факте его публичного подписания, что должно было продемонстрировать всему миру, на чьей стороне в надвигающейся на Европу войне будет испанский диктатор. Но Франко, прямо сославшись на возможное недовольство Англии, предложил сделать договор секретным. Это не устраивало Гитлера, и так с самого начала скептически относившегося к идее Риббентропа по поводу политического договора с Франко. «Фюрер» мыслил более практически и требовал довести до конца «проект Монтанья», чтобы обеспечить Германию в будущей войне стратегическим сырьем.

Посол фон Шторер настойчиво требовал отмены октябрьского декрета 1937 года и ликвидации всяких ограничений на иностранные доли в испанских горнодобывающих компаниях. Здесь у Берлина был довольно сильный козырь: долг Франко на сумму в 338 миллиона марок за поставленные военные материалы. Хитрый «генералиссимус» пообещал принять новый закон, предварительно обсудив его содержание с немцами. Но одновременно Франко отказывался давать аудиенцию германскому послу, поручив ведение переговоров своему министру иностранных дел Хордане. Неожиданно последний сообщил фон Штореру, что «каудильо» уже подписал соответствующий закон и через день он будет опубликован. Согласно новому закону доля иностранного участия в горнодобывающих компаниях была повышена всего лишь до 40 %. Аргументация немцев, что медные рудники в Рио-Тинто являются 100-процентной британской собственностью, не возымела никакого действия. Но больше всего Берлин раздражало то, с какой легкостью Франко нарушил свое торжественное обещание предварительно обсудить закон с немецкой стороной. Холодок в отношениях между «национальной» Испанией и «третьим рейхом» возрастал. Фон Шторер даже спросил Хордану, является ли еще германский посол в Бургосе персоной грата (желательной). Кстати, у фон Шторера в этом смысле уже был негативный опыт. Во время Первой мировой войны, когда он был сотрудником немецкого посольства в Мадриде, его выслали из страны за участие в подготовке покушения на тогдашнего близкого к Антанте испанского премьер-министра графа Романонеса.

С середины апреля 1938 года итальянцы возобновили атаки на торговые суда, перевозящие грузы для республики и в течение двух месяцев торпедировали 22 британских корабля, потопив или серьезно повредив 11 из них. Причем один из кораблей был пущен на дно в пределах видимости от британского патрульного военного судна. Взрыв возмущения в палате общин заставил английское правительство требовать прекращения пиратства. Но убедил Муссолини только один аргумент: в случае продолжения атак Чемберлен может быть отправлен в отставку. Такой потери не могли себе позволить ни Берлин, ни Рим, и разбой на море был немедленно прекращен.

Зато провалилась другая инициатива Великобритании по созданию международной комиссии с целью проверить, являются ли бомбардируемые в республике объекты, военными. Эта инициатива была предпринята под давлением английского общественного мнения, возмущенного бесчеловечными бомбежками жилых кварталов испанских городов. Британский Форин офис без особого энтузиазма просил Германию и Италию оказать соответствующее влияние на Франко, будто бы не понимая, что сами бомбежки осуществляют немецкие и итальянские пилоты.

В апреле 1938 года ушел в прошлое и Лондонский комитет по невмешательству, все никак не сподобившийся «родить» конкретный план по выводу иностранных добровольцев из Испании. Германия и Италия, убежденные в скорой победе Франко, были готовы согласиться практически на любой вариант, полагая, что к маю война уже закончится.

Но так не считала Испанская республика. В марте-июне 1938 года через Францию было получено 25 тысяч тонн в основном советского вооружения, включая упоминавшуюся выше усовершенствованную модель истребителя И-16 (тип 10 или «супермоска») с четырьмя пулеметами. Самолеты перевозились по Франции на грузовиках и, чтобы не мешать крыльям, были спилены деревья на обочине. Объявленная мобилизация в Народную армию еще нескольких возрастов прошла весьма успешно. К тому же республика смогла укрепить свои позиции в Каталонии, так как Франко, выйдя к Средиземному морю, неожиданно повернул на юг. Рохо считал это подарком судьбы, а многие генералы мятежников открыто выражали непонимание стратегии «каудильо». А тот предполагал наступать на юг вдоль побережья с целью захвата Валенсии. Затем планировалось повернуть на запад и, соединившись с другой ударной группой, которая должна была начать наступление из района Толедо, окружить Мадрид. Франко не просто хотел закончить войну. Ему надо было обязательно

захватить не покорившийся многочисленным атакам Мадрид.

Но на этот раз республиканцы решили подготовить на направлении вероятного наступления врага солидные оборонительные рубежи. Мобилизованные в армию призывники строили к северу от Валенсии мощную линию заграждений (так называемая «линия XYZ») с капитальными укрытиями для личного состава от атак с воздуха. Эту линию должны были занять два свежих корпуса, не испытывавшие горечи поражений в Арагоне.

Ареной начавшегося 22 апреля наступления мятежников на юг (позднее эту операцию назовут битвой за Левант) было изрезанное глубокими ущельями плоскогорье Маэстразго, где был в свое время один из очагов первой карлистской войны. Удары наносились двумя корпусами (Кастильским в составе шести дивизий и Галисийским, в который входило три дивизии) вдоль побережья и из района Теруэля на юго-восток. Для развития успеха была сосредоточена группа Гарсиа Валиньи из двух дивизий.

Со стороны республиканцев фронт Леванта сначала прикрывали остатки пяти разгромленных корпусов Народной армии. Например, на 13 апреля 1938 года 22-й корпус состоял из 5 батальонов, при штатной численности 36. Многие части левантийских корпусов после выхода мятежников к морю оказались в Каталонии, что дезорганизовало всю систему командования и снабжения. Командующий разгромленной в Арагоне Маневренной армией полковник Леопольдо Менедес проявил в конце апреля большой организаторский талант и смог собрать и переформировать на специальных пунктах разрозненные части. Впервые за много дней солдаты получили горячую пищу, ночлег и боеприпасы.

Бои в Леванте сразу же приняли упорный и ожесточенный характер, и группировка под общим командованием Давилы была остановлена к 27 апреля. Франкисты придерживались следующей тактики: небольшими частями они проводили разведку боем и затем бросали на установленные таким образом слабые участки фронта основные силы. У республиканцев не было обученных резервов, и они не могли активно маневрировать силами, но, тем не менее, их боевой дух быстро восстанавливался и мятежникам пришлось позабыть о высоких темпах наступления.

Неудачи мятежников объяснялись еще и тем, что из-за плохой погоды до начала мая бездействовала их авиация. Свой первый самолет в битве за Валенсию «мессершмитты» смогли сбить лишь 15 мая. 2 июня девять республиканских СБ предприняли попытку разбомбить важнейший аэродром франкистов в Ла Сения. Однако при отходе домой «катюшки»

были настигнуты истребителями «Кондора» и потеряли четыре машины. Еще один СБ был сбит зенитной артиллерией. Однако, опасаясь повторения Гарापенильоса, немцы рассредоточили свою авиацию на нескольких аэродромах подскока. Позднее подобная тактика стала использоваться авиацией всех ведущих военных держав. 9 июня сопровождавшие свои бомбардировщики «мессершмитты» были втянуты в воздушный бой с 30 республиканскими И-15 и И-16. Немцы с трудом вышли из этого воздушного сражения, не сбив ни одного самолета противника.

В апреле 1938 года республиканская бомбардировочная авиация отомстила итальянским воздушным пиратам, нанеся силами всех наличных эскадрилий СБ удар по объектам интервентов на Майорке. Истребители противника не смогли подняться в воздух, так как передовая группа бомбардировщиков точной бомбежкой вывела из строя взлетно-посадочную полосу аэродрома. Все «катюшки» вернулись домой, хотя франкисты кричали о 12 сбитых бомбардировщиках «красных». Во второй половине апреля «чатос» удачной штурмовкой разгромили на марше колону дивизии «Наварра», растянувшуюся на 60 километров.

1 мая 1938 года правительство Негрина опубликовало свои знаменитые «13 пунктов», представляющие собой декларацию о целях войны Испанской республики. Основными положениями «13 пунктов» были следующие:

- независимость и территориальная целостность Испании;
- избранное на основе всеобщего избирательного права правительство и утвержденная путем всенародного плебисцита политическая и социальная форма правления;
- уважение прав регионов Испании с одновременным подтверждением единства страны;
- уважение прав частной собственности в рамках, диктуемых высшими интересами нации;
- возмещение иностранцам ущерба, который был нанесен их собственности в ходе войны;
- свобода совести и религиозного культа;
- радикальная аграрная реформа и уважение прав трудящихся;
- единые вооруженные силы, свободные от влияния любых политических партий;
- внешняя политика, направленная на создание в Европе системы коллективной безопасности в рамках Лиги Наций
- амнистия для всех испанцев, желающих принять участие в восстановлении страны.

Программа Негрина была весьма умеренной и приемлемой практически для всех политических сил страны. Правда, некоторые сделали из ее опубликования вывод, что республика окончательно потеряла веру в военную победу и открыто предложила компромиссный мир. Именно так интерпретировал «13 пунктов» фон Шторер. Нарком иностранных дел СССР Литвинов в беседах с иностранными дипломатами стал выражать недовольство военными неудачами республиканцев. Мол, Советский Союз послал много оружия, выделил кредит, а толку от этого практически нет. Тем более, что с июля 1937 года СССР оказывал большую военную помощь Китаю, сражавшемуся против японской агрессии (с октября 1937 по сентябрь 1939 года СССР поставил в Китай 985 самолетов, 1300 артиллерийских орудий, 82 танка и 14 тысяч пулеметов). А японо-китайская война, в отличие от испанской, напрямую затрагивала безопасность СССР на Дальнем Востоке. Посол Германии в Москве граф фон Шуленбург справедливо отмечал в своих донесениях в Берлин, что СССР оказывает помощь Испании, руководствуясь только чувством солидарности, и не преследует в этой далекой стране каких-либо долговременных интересов.

После того, как в конце 1937 года были отозваны в Москву и репрессированы полпред в Мадриде Гайкис и генеральный консул в Барселоне Антонов-Овсеенко, СССР представлял в Испании временный поверенный в делах, бывший советник полпредства Марченко. Испанское правительство несколько раз просило назначить нового полпреда, что было особенно важно в условиях растущего международного признания Франко. Испанцы не возражали против кандидатуры Марченко, который безуспешно просил Литвинова прислать ему хотя бы машинистку, так как временному поверенному приходилось самому печатать на машинке донесения в Центр. Кроме самого Марченко, который был единственным дипломатом, в штате полпредства было еще три технических сотрудника. Однако Литвинов, похоже, уже списал республику со счета и игнорировал просьбы Марченко. Сталин не хотел назначать нового полпреда, чтобы не раздражать Англию и Францию любой демонстрацией слишком тесной зависимости республики от СССР.

13 мая 1938 года министр иностранных дел Испании Альварес дель Вайо поставил перед Советом Лиги наций вопрос об отказе от политики «невмешательства», так как она не смогла остановить иностранную интервенцию. Но, как и раньше, республику поддержал только советский представитель. Англия, Франция, Польша и Румыния (две последние страны были фактическими сателлитами Парижа) голосовали против. Но

симпатии к республике все же выросли, о чем свидетельствует тот факт, что 9 стран-членов Совета воздержались (в том числе Новая Зеландия, обычно голосовавшая так же, как и Великобритания).

14 июня 1938 года медленно продвигавшиеся в направлении Валенсии войска мятежников после четырехдневных ожесточенных боев взяли город Кастельон, пройдя за два месяца 60 километров. Еще 50 оставалось до Валенсии. В тот же день пилоты республиканских ВВС смогли посадить на своей территории целехонький Me-109. Но радость советских летчиков была преждевременной: другие «мессершмитты» с воздуха расстреляли своего незадачливого собрата. И все же немцы выдохались. В составе «Кондора» к середине июня 1938 года оставалось только 11 исправных «мессершмиттов».

Для окончательного броска на Валенсию, которую мятежники предполагали взять ко второй годовщине «национального восстания» (т. е. 18 июля 1938 года) были сосредоточены отборные войска: 19 дивизий, две кавалерийские бригады, 645 орудий и 400 самолетов. Республиканцы могли противопоставить этой армаде 16 ослабленных длительными боями пехотных дивизий, 200 стволов артиллерии (из которых 40 % находились в ремонте по причине полной изношенности) и 128 самолетов.

Франко был уверен в предстоящем захвате Валенсии и вновь поверил в близкую победу. Эту веру теперь разделяло большинство европейских стран. 2 июня 1938 года режим Франко был де-факто признан Чехословакией, а 22 июня — Швейцарией. 24 июня в Бургос прибыл первый нунций — официальный представитель Ватикана. Но самым неприятным для республики был шаг французского правительства: 13 июня 1938 года была вновь закрыта франко-испанская граница.

И все же Франко оценивал свое положение гораздо более реалистично. Его войска продвигались к Валенсии ценой огромных потерь, и генералы требовали остановить наступление, иначе лучшие ударные части просто истекут кровью. «Каудильо» попросил немцев не только не отзываться легион «Кондор», но и срочно пополнить его новым вооружением. Гитлер согласился и 16 июня 1938 года в Берлине было принято соответствующее решение (Франко сообщили об этом в июле).

5 июля 1938 года 125-тысячная группировка мятежников перешла в генеральное наступление на Валенсию. Но «линия XYZ» держалась стойко. Геройски сражалась 70-я дивизия Народной армии, насчитывавшая не более 800 бойцов. Переброшенная с Эстремадурского фронта свежая 10-я дивизия нанесла сильный фланговый удар по мятежникам. Тогда Франко пришлось подтянуть отдохнувших итальянцев с 250 орудиями. Но их

знаменитые танковые атаки в условиях заблаговременно укрепленной полосы обороны приводили только к огромным потерям. Не много мог сделать и «Кондор», так как впервые в истории войны республиканцы располагали укрытиями, выдерживавшими прямое попадание 500-килограммовых бомб. 5 дней потребовалось, например, одной из дивизий мятежников, чтобы взять городок Онда, в крепости которого были обнаружены трупы 225 ее защитников. Солдаты Народной армии предпочли умереть, но не отступили ни на шаг. В начале июля бои шли уже за каждую высоту на подступах к основной оборонительной линии республиканцев. Народная армия все чаще переходила в контратаки.

15 июля 1938 года для прорыва республиканской обороны было сосредоточено 600 артиллерийских орудий и 400 самолетов, утюживших участок фронта шириной всего в 20 километров. Теперь франкисты рассчитывали быть в Валенсии к 25 июля. Под палящим солнцем горели итальянские танки, а грамотный пулеметный огонь косил ряды наступающих мятежников.

15 июля 1938 года одержал свою первую воздушную победу в Испании лучший ас легиона «Кондор» обер-лейтенант Вернер Мельдерс, сбивший И-15. Мельдерс прибыл на Пиренеи в апреле 1938 года и возглавил 3-ю истребительную эскадрилью легиона, которая в конце июня была перевооружена с устаревших Хе-51 на «мессершмитты». Всего до своего возвращения в Германию в декабре 1938 года Мельдерс сбил 14 самолетов. Еще 101 машину этот ас уничтожил в годы Второй мировой войны (в том числе 33 советских самолета). В ноябре 1941 года Мельдерс погиб в авиакатастрофе. Многие другие ставшие впоследствии знаменитыми германские асы также начинали свой боевой путь в Испании. Вальтер Эзау вернулся из Испании, имея на своем счету 8 побед, к которым в годы Второй мировой войны он добавил еще 117 (из них 44 — на Восточном фронте). Герберт Илефельд также записал на свой личный счет в Испании 8 побед. Позднее он сбил еще 121 самолет, в том числе 65 советских.

20-23 июля атаки мятежников достигли апогея. На некоторых участках фронта они не прекращались 14 часов подряд. Но 23 июля наступление франкистов на Валенсию было прекращено из-за чудовищных потерь: за неделю было убито 15 тысяч солдат и офицеров «национальной» армии и итальянцев. Валенсия была спасена героизмом Народной армии. В целом битва за Левант представляет собой крупный оборонительный успех Народной армии, который тем более примечателен, если учесть, в каком состоянии пребывали войска республиканцев перед началом сражения. Франко понял, что подобного рода наступлениями войны не выиграть, так

как большие потери уже не могли быть компенсированы переброской частей с других участков фронта.

В то время, когда героическая армия Леванта вела ожесточенные бои с наседавшими мятежниками, за спинами солдат Народной армии зрел очередной внутривластный кризис. Премьер-министр Негрин в сопровождении Рохо с 7 по 21 июня находился в центрально-южной зоне, встречаясь с войсками и представителями органов власти и убеждая их в необходимости продолжения сопротивления. А в это время в Барселоне, некоторых зарубежных столицах курсировали упорные слухи о скором падении упрямого Негрина и образовании нового правительства во главе с Приэто или Бестейро, которое-де сразу начнет мирные переговоры с Франко. 15 июня представители Лево́й республиканской партии в кортесах провели зондаж общественного мнения, выступив с предложением заслушать отчет главы правительства о положении на фронтах. Такой демарш удивил многих депутатов, так как Негрин только месяц тому назад сделал именно это и получил единодушный вотум доверия парламентариев. В результате странная инициатива даже не была поставлена на голосование.

В иностранной прессе, между тем, муссировались слухи о скором англо-итальянском соглашении по урегулированию в Испании, препятствием чему, якобы, являются испанские коммунисты и их ставленник Негрин. Станным образом эта кампания в печати совпала с решением французского правительства вновь закрыть с 13 июня 1938 года франко-испанскую границу. Тем временем в Мадриде Бестейро подтвердил в беседе с австралийским сенатором Эллиотом, что готов немедленно сформировать правительство «мира».

18 июня Негрин в радиообращении из Мадрида дал резкий отпор всем капитулянтским поползновениям. Он справедливо подчеркнул, что мятежники понимают под «миром» только одностороннюю безоговорочную капитуляцию республики. Хорошо, говорил премьер, руководители республики эмигрируют. Но как же быть с теми миллионами испанцев, которые связали с республикой свою судьбу и саму жизнь? Ведь всем прекрасно известно, каким преследованиям подвергаются все инакомыслящие во франкистской части Испании. Поэтому мы должны бороться и победить, заключил Негрин. 21 июня по прибытии в Барселону премьер заявил, что его заставил вернуться в Каталонию раньше времени «зуд надоедливых мух». Армия в Леванте дерется героически, а в Барселоне «слишком заколыхалось политическое болото». «Пусть успокоятся. Правительство крепко держит вожжи в руках». Буквально

через несколько дней все партии Народного фронта, ВСТ и НКТ публично выразили Негрину полную поддержку. Попытка пораженцев проверить республиканскую власть на прочность завершилась их полной неудачей, а мини-кризис июня 1938 года с легкой руки Негрина стали называть «кризисом болота».

Соппротивление армии Леванта под Валенсией позволило республиканцам подготовить контрнаступление, вошедшее в историю как битва на Эбро и ставшее крупнейшим сражением в мире в период между двумя мировыми войнами.

После разгрома в Арагоне в марте-апреле 1938 года вся республиканская армия была реорганизована. Ее разделили на 6 главных армий (Центра, Эстремадуры, Андалусии, Леванта, Маневренную и Восточную), каждая из которых состояла из двух-трех корпусов (Центральная и Восточная армии — из четырех). Благодаря мобилизации, общая численность Народной армии была доведена к лету 1938 года до 1,2 миллиона человек (15 апреля 1938 года республиканских солдат было около 750 тысяч). Всего в Народной армии было 22 корпуса, 66 дивизий и 202 смешанные бригады (в каждой смешанной бригаде насчитывалось 3782 солдата, 175 офицеров и 283 унтер-офицера). Если весной у ВВС республики осталось 190 самолетов всех типов, то в апреле-июне было получено еще столько же истребителей И-16 (в т. ч. 120 «супермоскас») и 40 канадских самолетов «грумман».

На вооружении республиканцев находилось 500 тысяч винтовок, 15 тысяч единиц автоматического стрелкового оружия, 1500 орудий (плюс 300 зенитных пушек), 500 танков и бронеавтомобилей.

Еще в мае под руководством Рохо был разработан план удара по мятежникам из Каталонии с северного берега реки Эбро, чтобы восстановить прорванную связь между обеими частями республиканской зоны. Все республиканские войска в Каталонии получили наименование Группы армий восточной зоны, или группы армий Каталонии. Командование группой армий принял генерал Хуан Эрнандес Сарабия (по оценке представителя Коминтерна в Испании Тольятти — «масон и идиот»). В составе каталонской группировки было две армии. Восточная армия (три корпуса) под командованием полковника Хуана Переа прикрывала западные рубежи Каталонии вплоть до французской границы. Армия Эбро, предназначенная для контрнаступления на юг (командующий — подполковник Модесто), состояла из двух основных и одного резервного корпуса, в каждом из которых было по три дивизии. Вошедший в армию Эбро прославленный 5-й корпус перешел от Модесто под командование

подполковника Листера.

После закрытия 13 июня франко-испанской границы, было решено сократить масштабы предстоявшей операции и ограничиться захватом крупного плацдарма на южном берегу Эбро, чтобы облегчить положение армии Леванта, оборонявшей Валенсию.

Советские военные советники первоначально были против операции, считая ее не по плечу деморализованной поражением Народной армии. Но затем они дали «добро» и началась детальная подготовка. Были реквизированы в Каталонии и построены новые понтонные мосты (часть из них во Франции). переброска войск и техники на берег реки проводилась ночью. К середине июля армия Эбро насчитывала 100 тысяч человек, которым придавались 2 танковых бригады, 80 батарей артиллерии и 27 зенитных установок. Особенностью операции (в отличие от Теруэля) было то, что все командующие соединениями были коммунистами. Помимо 5-го корпуса Листера в состав армии входил 15-й корпус совсем еще молодого военачальника-коммуниста Тагуэньи. Все 9 дивизий, привлекавшихся к операции, также имели командиров с членскими билетами КПИ.

Весь план наступления был построен в расчете на внезапность. Оба корпуса наносили удар навстречу друг другу в излучине Эбро от Файона до Бенифаллета, имея целью захватить важный транспортный узел Гандесу и господствующие над всей зоной операции высоты, на которые должна была опираться новая линия обороны. К югу и северу от основного плацдарма предусматривалось нанести вспомогательные удары для распыления сил противника. 19 июля штабам корпусов армии Эбро был передан устный приказ о начале наступления в 0 часов 24 июля. С 20 по 23 июля осуществлялась концентрация дивизий прорыва.

24 июля Высший военный совет республики под председательством Негрина дал «зеленый свет» операции.

В отличие от предыдущих наступательных операций, республиканцы провели детальную разведку противостоявшего им противника. Специальные группы изучали расписание караулов береговой линии, распорядок дня первой полосы обороны, наличие автоматического оружия у часовых и т. д.

14-й особый корпус Народной армии до начала наступления забросил в тыл врага многочисленные разведывательно-диверсионные отряды, и даже бригады целиком. В результате диверсий были надолго парализованы некоторые железнодорожные магистрали, особенно Лерида — Сарагоса. Совершенствовалась техника подрывов: ни немецкие, ни итальянские специалисты не могли извлечь даже обнаруженные мины, и их

приходилось взрывать, в результате чего все равно портилось железнодорожное или шоссейное полотно. Узнав об этом, бойцы республиканского спецназа зачастую ставили на дорогах ложные мины, экономя взрывчатку. Заряд на подрыв таких «пустышек» приходилось тратить самим мятежникам.

Республиканцам противостоял Марокканский корпус возвращенного к командованию Ягуэ. До него доходила информация разведки и перебежчиков о концентрации сил Народной армии на северном берегу Эбро. Но генерал не считал республиканцев после трех месяцев тяжелой боев способными на какие бы то ни было крупные операции. 22 июля Ягуэ бодро информировал Франко, что готов отразить любую вылазку противника. Правда, уже на следующий день Ягуэ на всякий случай запросил подкрепления у своего непосредственного начальника, командующего Северной армией Давилы, но тот, поглощенный битвой под Валенсией, даже не обратил на это внимания. Командующий кавалерией «националистов» генерал Монастерио только посмеялся над «паникерами» и запланировал на 25 июля конные соревнования.

Для того, чтобы укрепить беспечность франкистов на Эбро, республиканская армия провела операцию на другом участке каталонского фронта. Три дивизии Восточной армии должны были форсировать реку Сегре и захватить город Балагер. При благоприятном развитии операции предполагалось продвигаться на Сарагосу и соединиться с войсками Центрально-южной зоны. 22 июля 1938 года под покровом темноты 27-я дивизия по плотине перешла через Сегре и захватила плацдарм на западном берегу реки. Однако через сорок минут войска неожиданно вернулись обратно. Оказалось, что кто-то позвонил по телефону и, назвавшись представителем командования, приказал оставить плацдарм. Так бездарно была сорвана неплохо начавшаяся операция. Звонившего так никто и не нашел. Положение еще пыталась спасти 60-я дивизия, которая перешла в наступление утром следующего дня. Ее бойцы ворвались на мост через реку, но сопровождавшие их танки наткнулись на противотанковый ров, по которому маневрировала противотанковая артиллерия мятежников. После того, как несколько танков было подбито, 60-я дивизия под ударами авиации мятежников вынуждена была вернуться на исходные позиции.

И все же, неудача под Балагером сыграла позитивную роль, так как укрепила уверенность мятежников в том, что республиканская армия неспособна на крупные наступательные операции.

В 0 часов 15 минут 25 июля в полной тишине на лодках (в каждой

помещалось не более 10 бойцов) и по быстро наведенным поплачковым мосткам шириной 1,2 метра через Эбро (в месте форсирования ширина реки была 50-150 метров при течении 1–2 метра в секунду) на южный берег хлынули республиканцы. Как и под Брунете и Теруэлем атакующим частям было запрещено ввязываться в бои местного значения вплоть до установления внешнего фронта плацдарма. В 1 час 30 минут первая бригада (XIII-я интербригада 35-ой дивизии) уже полностью была на вражеском берегу. Первыми переправились немцы с криками «Вперед, сыновья Негрина!». В передовых частях шли группы автоматчиков, состоявшие из наиболее проверенных бойцов — ветеранов. Их задача состояла в подавлении огневых точек и предотвращении паники и несанкционированного отступления новичков. Приказ Листера был прост: «Ни шагу назад!». Офицеры были обязаны идти в передовых группах своих частей и не отступать без письменного приказа. Каждый командир был поставлен перед выбором: либо он отвоевывает каждую утраченную пядь земли, либо его расстреливают.

В 3 часа утра на другом берегу Эбро было уже несколько командиров бригад. В некоторых секторах наступления застигнутых врасплох марокканцев целыми группами брали в плен. Но на других участках форсирования сразу завязывалась упорная борьба. Полностью провалилась отвлекающая операция к югу от основного плацдарма в районе Ампосты. XIV-ю (франко-бельгийскую) интербригаду встретил ураганный огонь, так как она запоздала с переправой и утратила момент внезапности. Хотя сначала удалось захватить на южном берегу предместное укрепление шириной 400 метров, вскоре пришлось ретироваться обратно. Потери составили 600 убитых.

Но на главном направлении дела шли успешно, несмотря на то, что у республиканцев не было ни танков, ни артиллерии, ни авиации. Бронетехника и пушки появилась на южном берегу только через два дня, когда под непрерывными бомбежками был наведен прочный металлический мост на опорах. А вот авиация республиканцев почему-то до 2 августа продолжала находиться под Валенсией, где не было серьезных боев. Как ни странно, не было над Эбро и истребительной авиации мятежников.

Модесто решил воспользоваться этим благоприятным обстоятельством и сформировать из имевшихся в его распоряжении 50–60 P-5, P-зет и «грумманов» штурмовую авиагруппу для поддержки наземных операций. Однако начальник оперативного отдела Генштаба в Валенсии Висьедо неожиданно и без всяких объяснений запретил это делать. Этот офицер

чисто случайно оказался на момент путча на территории республики, хотя симпатизировал мятежникам. Видимо, он уже зарабатывал очки в глазах будущих победителей.

Со своей стороны мятежники уже 26 июля начали массированную бомбардировку понтонных мостов, хотя точность их ударов была невелика (в среднем требовалось 500 бомб, чтобы разрушить один мост). К тому же мосты прикрывали зенитчики, а понтоны в рекордные сроки ремонтировали и заменяли поврежденные участки.

К вечеру 25 июля были разгромлены две дивизии мятежников — 50-я, 13-я и республиканские войска углубились на 15 километров к югу от Эбро, захватив несколько населенных пунктов.

Штаб-квартира Франко и вся «национальная» зона были полностью деморализованы ударом неожиданно воскресшей Народной армии, но относительно быстро пришедший в себя «каудильо» приказал немедленно начать бомбежки понтонных переправ. Когда стало ясно, что таким способом армию Эбро не отрезать, мятежники 26 июля спустили шлюзы вверх по течению. Вода в реке поднялась на два метра, и части 15-го корпуса в течение суток были отрезаны от тыла на северном берегу. Был смыт деревянный мост, но поплавокные пешеходные мостки удалось спасти, заранее вытащив их на берег. И все равно республиканцы активно переправлялись на свой плацдарм.

Тогда Франко принял решение об отмене наступления на Валенсию и уже 26 июля перебросил на участок прорыва 7 дивизий. Но им сначала ничего сделать не удалось. В этот день 15-й и 5-й корпуса соединились у Гандесы, захватив плацдарм площадью в 800 квадратных километров (глубиной в 20 километров и шириной 40 километров). Небольшой плацдарм глубиной в 5 километров захватила группировка республиканцев, наносившая второй отвлекающий удар к северу от основного плацдарма. После этого началась зачистка котла, в ходе которой было взято в плен 5000 солдат и офицеров противника (в т. ч. несколько генералов генштаба франкистской армии).

Листер и Тагуэнья, легко взяв господствующие высоты под Гандесой, так и не смогли захватить сам город. Не хватало танков, а когда они появились, в Гандесе уже укрепились подошедшие франкистские резервы.

Мятежники пытались скрыть от населения занятых ими районов блестящий успех республиканских войск. Газета «АБЦ» (Севилья) писала 26 июля о группах «красных бандитов», которым с помощью местного населения удалось «просочиться» через Эбро и которые почти полностью уничтожены «доблестными национальными войсками». Штаб-квартира

Франко сообщала об «очистке» южного берега Эбро от «групп красных», в то время когда берег очищали как раз части Тагуэньи и Листеры.

30 июля после бесплодных атак на Гандесу республиканцы стали окапываться. Перед Франко стоял уже ставший обычным выбор: либо оставить к югу от Эбро все как есть, и продолжать операции под Валенсией, либо выдавить противника с плацдарма восвояси. И опять, как под Торуэлем, Франко вопреки советам большинства генералов (Аранда даже от злости сломал кулаком стол) решил навязать республиканцам битву на измор. Со своей стороны, республиканцы не могли не принять вызов. Ведь основной целью их операции было продемонстрировать всему миру, что гражданская война в Испании далека от завершения. В Барселоне считали, что необходимо продержаться лишь несколько месяцев, а там разворачивавшийся вокруг Чехословакии кризис приведет к европейской войне (ведь не бросит же Франция в беде своего чехословацкого союзника, с которым она связана договором о взаимной помощи!), и Франко останется без германской и итальянской поддержки. А там — французы откроют границу, и новые партии современного советского оружия окончательно склонят чашу весов на сторону республики.

Итак, обе стороны, хотя и по разным причинам, начали крупнейшую в истории гражданской войны в Испании битву на истощение.

К началу августа над Эбро появились истребители обеих сторон. Республиканцы ввели в бой семь эскадрилий И-16, две из которых были еще укомплектованы советскими летчиками и три эскадрильи И-15. Но реально в боях одновременно принимали участие только 70 истребителей, так как часть сил (около 30 машин) прикрывала посадку возвращавшихся с задания товарищей. Германо-итальянская авиация начинала бои с 100 истребителями, включая все эскадрильи Ме-109. Мельдерс разработал новую тактику истребительного боя. Если раньше основной боевой единицей было звено из трех истребителей, то теперь «мессеры» действовали парами. В тройках много внимания летчики тратили на поддержание строя, что стесняло маневр. В парах же один истребитель атаковал, а другой прикрывал партнера. Чаще всего немцы летали сразу несколькими парами.

1 августа 1938 года Ме-109 сбили трех «курносых», 12 августа — три СБ и два И-16. 14 августа немцы заявили уже о 6 сбитых И-16. С испанскими пилотами «месершмитты» справлялись легче, а советских становилось все меньше и меньше в результате отъезда на Родину. Замен уже не было.

По бомбардировочной авиации мятежники превосходили

республиканцев в четыре раза. Над Эбро воевало всего две эскадрильи СБ (одна советская и одна испанская) в составе 21 машины. А всего в ВВС республики на тот момент было только 30 «Катюшек».

Во время своего первого наступления франкисты даже не решались контратаковать центральный плацдарм и обрушились на северный вспомогательный, который обороняла 42-я дивизия республиканцев. С помощью батальона танков и 100 орудий удалось ценой больших потерь к 6 августа вытеснить Народную армию обратно на северный берег.

На центральном участке в течение недели шли непрерывные бомбовые удары по понтонным мостам. Республиканская армия не могла помешать бомбежкам, хотя над переправами разворачивались ожесточенные воздушные бои с участием одновременно 50 и более самолетов. Но у мятежников в воздухе постоянно находилось 150 бомбардировщиков с мощным истребительным прикрытием. Стало сказываться очевидное неравенство в силах.

11 августа Ягуэ, сосредоточив 7 дивизий, начал атаку ключевого пункта республиканских позиций к югу от Эбро — высот Сьерра-де-Пандольс, расположенных к юго-востоку от Гандесы и достигавших 600–700 метров над уровнем моря. Твердый скальный грунт этой местности делал практически невозможным возведение фортификационных сооружений. На это и рассчитывали мятежники. Превосходства в живой силе у них сначала не было, и применялась следующая тактика: «позиции [республиканцев] завоевывает артиллерия и оккупирует пехота». Сьерра-де-Пандольс обработали 50 бомбардировщиков и 150 орудий. Но Ягуэ ждало разочарование. После каждого массированного налета с практически лишенных растительности высот, цепи наступавших встречал плотный пулеметный огонь измученных жарой (средняя температура была тогда + 35) и жаждой бойцов Народной армии. Отборные наваррские бригады, покорившие республиканский Север, истекали кровью. Весь мир узнавал номера безымянных высот (671, 698, 705 и другие), которые по несколько раз переходили из рук в руки.

Через 6 дней боев 4-я дивизия франкистов, которой не повезло больше других — ей пришлось атаковать позиции 11-й республиканской дивизии, командиром которой ранее был Листер — потеряла 90 % личного состава (9152 человека) и была выведена в тыл. Но и сами листеровцы лишились почти половины своих боевых товарищей.

Здесь было самое время воплотить в жизнь вторую часть республиканского плана. Рохо намеревался, наконец, связать франкистов атаками на разных фронтах и осуществить наступление в Эстремадуре. Но

к середине 1938 года Центральный мадридский фронт находился в состоянии, бесконечно далеко от героического времени перелома 1936/37 годов. Все отборные коммунистические части и их командиры дрались на Эбро и Мадрид превратился в своего рода Кронштадт 1921 года. Командные посты в армии захватили анархисты и правые социалисты, видевшие основную цель не в борьбе с мятежниками, а в борьбе с коммунистическим влиянием в армии. Командующий всеми войсками центрально-южной зоны Миаха превратился, скорее, в символ войны и не вникал в текущие дела. Его честолюбивый начальник штаба полковник Матальяна был поглощен битвой под Валенсией. Войсками в Мадриде командовал уже знакомый нам полковник Сехисмундо Касадо (ранее он был начальником конного эскорта президента республики), не скрывавший своей неприязни к «выскачкам» типа Модесто и Листерера. Его настроения разделяли офицеры-анархисты, считавшие, что их обходят при присвоении воинских званий. Хотя дело обстояло как раз с точностью наоборот. Когда Листеру дали подполковника за героические действия его дивизии под Теруэлем, то из-за соображений партийно-политического баланса, такое же звание получил командующий одним из корпусов под Мадридом анархист Сиприано Мера, не участвовавший в крупных боях со времен Гвадалахары. Гражданский губернатор Мадрида и комиссар частей Центральной армии были социалистами.

Как бы то ни было, войска Центрального фронта не торопились помогать своим товарищам на обильно политых кровью берегах Эбро, аргументируя это необходимостью сберечь войска для будущих решающих операций. Но тут наступление в Эстремадуре силами четырех дивизий (в том числе одной кавалерийской) начали сами мятежники. Эта группировка под командованием генерала Саликета вернулась к провалившейся в марте 1937 года идее захватить ртутные месторождения Альмадена. Только главный удар на этот раз наносился не с юга, а с запада. Но 7-й республиканский корпус оказался на высоте, и его две дивизии отбросили противника назад. Потеряв 5129 человек убитыми и ранеными, франкисты навсегда оставили мысль о захвате Альмадена.

Кровопролитные бои на Эбро и отсутствие каких-либо сообщений об успехах «национальных» войск вызвали очередную вспышку недовольства жителей занятых мятежниками районов. Уже упоминавшаяся газета «АБЦ» требовала от читателей прекратить «нашептывание»: «Пить свою чашку кофе за несколько минут! Точно регламентировать часы приема пищи!» (чтобы не задерживаться и не разговаривать слишком много); «Чистить не ботинки, а совесть! Жениться и выходить замуж! Рожать детей для

Империи завтрашнего дня!». То есть надо было делать все для государства и поменьше размышлять и говорить. Германский посол оценивал военную ситуацию мятежников как малоудовлетворительную и предсказывал затягивание войны на неопределенное время. Муссолини, опять призывавший Франко к более энергичному ведению войны, добавил к своим 40075 «добровольцам» (по состоянию на 1 июля 1938 года) еще 7700 солдат и 300 офицеров. Легион «Кондор» срочно затребовал в Германии боеприпасы, так как расход бомб и снарядов на Эбро превышал даже самые смелые расчеты немцев.

А в стане республиканцев в силу какого-то злого рока успех на Эбро опять вызвал внутренние разногласия. 7 августа на заседании Национального комитета ИСРП Прието снова ругал коммунистов и оправдывал собственное поведение в марте. Негрин пытался сплотить партию и ввести в ее руководящие органы лидеров основных течений, в том числе «левого» Кабальеро и правого Бестейро. Те наотрез отказались. В отставку подал и сам Прието. Негрин оставался один в своей собственной партии, но он не желал жертвовать боевым союзом с коммунистами, основная масса которых гибла под бомбами и снарядами мятежников на берегах Эбро. Формально Национальный комитет ИСРП подтвердил курс на укрепление «сердечных» отношений с КПИ. На самом деле созданный в 1937 году Комитет связи обеих партий фактически бездействовал.

Среди лидеров анархистов и некоторых ведущих деятелей ИСРП все более укреплялись пораженческие настроения. Пошли разговоры, что война нужна только коммунистам, которые контролируют армию. Хотя никакой другой альтернативы кроме безоговорочной капитуляции Франко не предлагал, и это знали все. Бейстеро, ставший синонимом капитулянтства, в который раз заявил, что готов сформировать «правительство мира» (естественно, без членов КПИ).

17 августа капитулянты решили прощупать на прочность позиции Негрина. В отставку подали министры, представлявшие в правительстве республики националистов Каталонии и Басконии — Агуаде и Ирухо. Им не понравились попытки кабинета наконец-то поставить под контроль военную промышленность Каталонии. В этом усмотрели покушение на права регионов. Но Негрин вовсе не собирался сдаваться и просто заменил министров представителями левых партий от тех же регионов.

Пока в Барселоне кипели кабинетные страсти, армия Модесто на Эбро истекала кровью, выигрывая для республики драгоценное, как тогда казалось, время. Давила «давил» в центре республиканского плацдарма

силами трех дивизий. Несмотря на использование авиации и артиллерии в невиданных до сего в Испании размерах, 24 августа наступление франкистов захлебнулось из-за огромных потерь. Результаты атаки были весьма скромными: четыре километра вглубь на фронте в 7 километров. Важнее было то, что пали высоты 458 и 481, где находилась штаб-квартира командующего 15-м корпусом Народной армии Тагуэни. Дальше открывалась дорога на центр республиканских позиций местечко Корбера, но у мятежников уже не было резервов, чтобы развить успех.

Франко снял с других фронтов все возможные силы и довел свою ударную группировку до 10 дивизий. «Генералиссимус» торопил Давилу, так как страшно боялся начала европейского конфликта вокруг Чехословакии.

3 сентября 1938 года два корпуса Ягуэ и Гарсиа Валиньи начали очередное наступление на республиканский плацдарм. 200 орудий обрушили на центр плацдарма 8000 снарядов в течение четырех часов. Наблюдавший за боем Рохо предполагал, что после такого стального дождя в живых не должно было остаться ни одного человека. Но это было еще не все. По позициям Народной армии нанесли удар 180 самолетов. И-15 и И-16 пытались мешать, но их испанские экипажи серьезно уступали в боевой выучке советским пилотам, к тому времени в большинстве отозванным на родину. Свежие 1-я наваррская и 13-я марокканская дивизии еще глубже вдавили центр республиканского плацдарма, взяв Корберу. Противостоявшая атаке 27-я дивизия республиканцев была практически полностью уничтожена артиллерийским огнем и авиабомбами. Под угрозой оказалась ставка Модесто в Кампосинесе. За этот успех мятежники заплатили жизнями 5125 своих солдат.

6 сентября Модесто перебросил на грузовиках к угрожаемому участку XV интербригаду, которая под прикрытием артиллерии и танков пошла в атаку на высоту 287. Это был последний контрудар республиканцев на Эбро, который смог на время остановить становившееся опасным для всего плацдарма продвижение врага в его центре.

Всего за 6 недель битвы за Эбро франкисты смогли отбить только 200 квадратных километров республиканского плацдарма.

29 августа 1938 года Муссолини попросил Чиано записать в дневнике, что он, дуче, предсказывает поражение Франко, так как настоящими бойцами в испанской гражданской войне оказались «красные». Немцы были не столь категоричны, но фон Шторер признавал, что ни одна из сторон конфликта не может победить другую без существенной материально-технической помощи извне.

Героическое сопротивление республиканцев на Эбро позволяло надеяться на перемены в общественном мнении и политике Англии и Франции.

Еще 6 июля 1938 года «гора» в лице Комитета по невмешательству «родила мышь», приняв разработанный англичанами план вывода иностранных добровольцев из Испании. Согласно этому документу, в Испанию предполагалось направить две международные комиссии, которые подсчитают количество иностранцев в каждом лагере и как только 10 тысяч из них будут выведены с той стороны, где добровольцев окажется меньше и пропорциональное число с другой стороны, то Франко и республика получат права воюющей стороны. Затем предполагалось установить по-настоящему жесткий контроль за морскими и сухопутными границами Испании.

Правительство республики, хотя и было не в восторге от плана, одобрило его. Франко тянул с ответом, со дня на день, ожидая взятия Валенсии. Но когда мятежникам пришлось перейти к обороне 15 августа, предварительно проконсультировавшись с немцами и итальянцами, «национальная» Испания дала свой ответ. Формальное согласие сопровождалось оговорками, сводившими весь план на «нет». Франко согласился вывести тоже только 10 тысяч добровольцев, да и то при условии немедленного предоставления ему прав воюющей стороны. Кроме того, допускать на свою территорию какие-либо международные комиссии франкисты не соглашались. Лорд Плимут взялся «изучать» носившие явно издевательский характер предложения мятежников и отказался созвать заседание Комитета по невмешательству в соответствии с требованием СССР для принципиальной оценки позиции Франко.

В этой обстановке 21 сентября 1938 года, выступая на сессии ассамблеи Лиги наций, Негрин заявил о готовности республики вывести иностранных добровольцев в одностороннем порядке и без всяких предварительных условий. К тому времени в рядах Народной армии было около 1 миллиона бойцов и оставшиеся в ее рядах 12 тысяч интернационалистов не играли, конечно, уже решающей роли. Осенью 1938 года, в отличие от осени 1936 года, требовалась уже не столько отвага и мужество отдельного бойца (а это было наиболее характерной особенностью интербригад), сколько современное вооружение, особенно тяжелая артиллерия и самолеты. И боец-интернационалист с винтовкой или пулеметом был также, как и его испанский товарищ по оружию, бессилен против обрушивавшегося на него града бомб и снарядов.

Поэтому, принимая такое смелое решение, республика рассчитывала

на то, что Франция откроет границу (которую она закрыла в июне вплоть до принятия обеими сторонами гражданской войны плана вывода добровольцев) и Народная армия получит столь недостающие ей на Эбро советские самолеты и пушки. Этому же боялись франкисты, которые, будучи застигнутыми врасплох инициативой Негрина, просили немцев передать решение вопроса из Лиги наций в «хорошо» зарекомендовавший себя бездействием Комитет по невмешательству. Тем более, что к тому времени Италия и Германия уже вышли из Лиги Наций и не могли соответственно проводить в рамках этой организации свою излюбленную политику проволок и саботажа.

Но в тот период внимание Великобритании (которая, в принципе, поддерживала идею перенести обсуждение инициативы Негрина в лондонский Комитет) было поглощено достигшим своего пика кризисом вокруг Чехословакии и ей было не до Испании. Поэтому Лига наций одобрила предложение Негрина и образовала 14 октября 1938 года международную комиссию по контролю за выводом иностранных добровольцев с территории республики, которая прибыла в Испанию двумя днями позже.

Чтобы как-то скомпенсировать благоприятно встреченную мировой общественностью дипломатическую инициативу республиканцев, Франко решил в октябре вывести из своей зоны 10 тысяч итальянцев, разумеется, без всякого контроля. К тому времени «каудильо» уже мог обойтись без итальянской пехоты. Его интересовали только летчики, танкисты и технические специалисты стран оси. Ведь битва на Эбро ясно показывала, что уничтожать живую силу врага можно было и на расстоянии, не ввязываясь в тяжелые рукопашные схватки.

Между тем мясорубка на Эбро не прекращалась. Германский посол фон Шторер сообщал об открытых и резких спорах Франко со своими генералами. Многие из них считали, что, сковав республиканский плацдарм небольшими силами, нужно нанести главный удар по Каталонии и закончить войну. Но «генералиссимус», как уже неоднократно упоминалось выше, был заинтересован, прежде всего, в уничтожении живой силы ненавистных ему «красных», а свои потери, его волновали мало. Ведь это были в основной массе мобилизованные рабочие и крестьяне, а значит потенциальные противники грядущего тоталитарного режима фашистского толка.

16 сентября 1938 года мятежники начали уже пятое наступление против республиканского плацдарма на Эбро. Но до конца сентября никакого серьезного продвижения достигнуто не было, хотя соотношение

сил с каждым днем изменялось в пользу франкистов. К ним подходили свежие резервы со всех фронтов, а армия Модесто ничем не могла восполнить свои потери. Все тогда смотрели на Чехословакию и ждали, что вот-вот западные демократии начнут войну против Гитлера. Не может же, в конце концов, Франция не выполнить свои союзнические обязательства в отношении Праги! Об этом спрашивали измученные защитники республиканского плацдарма приезжавших к ним политиков и иностранных корреспондентов.

18 сентября 1938 года крайне неприятный сюрприз ожидал уже ставших привыкать к легким победам «мессершмиттов». Несколько И-16 к тому времени были оснащены американскими высотными двигателями «Райт-Циклон» F-54, позволявшими развивать максимальную мощность на высоте 7000 метров. Летчики на этих самолетах летали с кислородными масками, за что их прозвали “сосунками”. И вот 18 сентября 12 “сосунков” атаковали сверху 16 Me-109 и сбили четыре из них. Всего в этом бою, в котором участвовали и обычные И-15, И-16, было уничтожено 11 самолетов противника. Немцам пришлось туго еще и потому, что в связи с обострением обстановки вокруг Чехословакии в Германию 10 сентября срочно отозвали наиболее опытных летчиков.

В сентябре под влиянием Судетского кризиса у ставки Франко сдали нервы. Министр иностранных дел «национальной» Испании Хордана жаловался фон Штореру, что Германия держит своего союзника в абсолютном неведении относительно своих планов. А в это время, по дошедшим в Бургос сведениям, французский генштаб планировал в случае начала войны с Германией оккупировать Каталонию и нанести удар по Испанскому Марокко. Франко перебросил в Северную Африку 10 тысяч пленных, которые стали возводить там оборонительные рубежи. Еще столько же бывших бойцов Народной армии строили укрепрайоны на франко-испанской границе.

Одновременно со своей беседой со Шторером Хордана дал указания франкистскому послу в Берлине Магасу немедленно добиться встречи с Риббентропом, чтобы прояснить ситуацию. Но министр иностранных дел «рейха» не нашел для Магаса времени. Тогда Франко задал тревожившие его вопросы немецкому офицеру связи при своей ставке: Что будет в случае войны в Европе с легионом «Кондор»? Не станет ли «карманный» линкор «Дойчланд», стоявший на рейде Виго, объектом французского нападения? Хочет ли Германия в случае начала войны получить базы снабжения своего флота в испанских портах? Все эти вопросы были немедленно переданы в Берлин, но там продолжали молчать.

Тогда через своих представителей в Париже и Лондоне Франко сообщил, что «национальная» Испания будет соблюдать строгий нейтралитет в возможной европейской войне. Узнав об этом, Гитлер назвал шаг «каудильо» «грязным трюком», а Муссолини сказал, что от такого недостойного поведения перевернутся в гробу все павшие в Испании итальянцы. Хордана убеждал фон Шторера, что заявление о нейтралитете продиктовано исключительно слабостью Испании, разоренной войной. К тому же нейтралитет выгоден Германии и Италии, так как в этом случае у французов не будет предлога послать свои войска в Испанию. Гитлер, в принципе, придерживался примерно такой же точки зрения, но разыгрывал из себя обиженного, чтобы иметь еще один, пусть и моральный, инструмент давления на Франко. 25 сентября 1938 года «каудильо» получил из Парижа долгожданные заверения, что в случае нейтралитета Франко может не опасаться французского вмешательства в гражданскую войну к югу от Пиренеев.

Поездку Чемберлена в Мюнхен некоторые республиканские газеты поспешили приветствовать как проявление «твердой и несгибаемой воли Англии» и конец политики «умиротворения» Гитлера. Тем большим было разочарование полнейшей капитуляцией западных держав перед осью Берлин — Рим. К тому же стали просачиваться сведения, что Чемберлен и французский премьер Даладье предложили Гитлеру и Муссолини созвать по образцу Мюнхена конференцию четырех держав для решения испанского вопроса. Министр иностранных дел Франции Жорж Боннэ сказал своему испанскому коллеге Альваресу дель Вайо, что республиканцы должны немедленно искать компромиссный мир с Франко. Республика не возражала, но принудить мятежников к миру могли только Париж и Лондон.

Франко послал Гитлеру верноподданнические поздравления в связи с победой германской дипломатии в Мюнхене и «тяжелым поражением, нанесенным Москве». Одновременно франкисты еще раз подтвердили, что их целью является полная и безоговорочная капитуляция республики. Но фон Шторер сообщал в Берлин, что без дополнительных поставок оружия из Германии и Италии Франко не выиграет войну и будет вынужден пойти на компромисс. Германский дипломат не ошибся. В середине октября «генералиссимус», с которого бои на Эбро сбили прежний гонор весны 1938 года, обратился к Германии с просьбой срочно поставить ему 50 000 винтовок, 1500 легких и 500 тяжелых пулеметов, а также 100 75-мм орудий. Только получив это вооружение, «националисты» смогут перейти в решительное наступление.

Гитлер решил воспользоваться критическим положением своего непостоянного союзника, чтобы окончательно выкрутить ему руки в экономической области. Экономика самой Германии, в результате безудержного роста военных расходов и отсутствия валюты для закупки необходимого для армии сырья, находилась на грани финансового краха. 1 сентября 1938 года министр финансов «рейха» Шверин фон Крозиг прямо сообщил об этом в специальном меморандуме на имя «фюрера».

Поэтому немцы жестко ответили Франко, что военная помощь поступит только тогда, когда будут удовлетворены все их пожелания, связанные с «проектом Монтанья». Конкретно Берлин требовал официального признания властями мятежников основанных HISMA 5 акционерных обществ, в которых были сконцентрированы приобретенные этой компанией 70 горнорудных концессий (причем германская доля должна была быть выше разрешенных законом 40 %). То же самое немцы требовали сделать в отношении основанной ими в Испанском Марокко компании, в которой вообще не было испанского капитала. Наконец Франко должен был предоставить в песетах сумму, эквивалентную 15 миллионам немецких рейхсмарок для покупки немцами дополнительных акций горнорудных компаний.

Но Берлин уже не собирался ограничиваться только набившим ему изрядную оскомину «проектом Монтанья». Так как нужное Франко вооружение якобы не могло быть дополнительно произведено из имевшихся в Германии запасов сырья, от франкистов потребовали увеличить поставки железной руды (в 1938 году Германия импортировала 22 миллиона тонн железной руды, в том числе половину из Швеции). Но и этого Берлину показалось мало. «Национальная» Испания должна была освободить от всех таможенных платежей ввозимые из Германии машины и оборудование для немецких концессий общей стоимостью 5 миллионов марок и дать гарантию оплаты этих же самых машин поставками сырья в Германию в течение 5 лет.

Чтобы унижение «каудильо» было полным, ему предъявили к оплате счет расходов, связанных с пребыванием легиона «Кондор» в Испании, начиная с 7 ноября 1936 года, на общую сумму в 190 миллионов марок (в Берлине подчеркнули, что смета составлена по наиболее благоприятным для Франко критериям: действительно туда не вошли текущие военные поставки и оплата немецких летчиков и самолетов до ноября 1936 года).

Таким образом, используя выражение Геринга, к груди Франко был приставлен пистолет. 19 ноября 1938 года Франко принял все условия немцев, но попросил держать достигнутые договоренности в тайне, так как

они плохо будут восприняты населением. Зато теперь «генералиссимус» и глава «национальных» войск мог рассчитывать на немецкое оружие в преддверии решающих сражений гражданской войны. Германия же получила из зоны мятежников в 1938 году 3 миллиона тонн железной руды, пиритов, стали и других необходимых для военной промышленности материалов. Скоро эти тонны обратятся в бомбы и снаряды, начав крушить мирные города Польши, Франции, Бельгии, Нидерландов и Великобритании.

Но, прежде чем использовать германское оружие для нанесения республике смертельного удара, Франко еще надо было разделаться с упорным Модесто на южном берегу Эбро.

В конце октября ставка Франко решила провести генеральное, седьмое наступление у Эбро и сломить сопротивление противника на высотах Кабальс, без которых линия обороны плацдарма уже не могла быть удержана. На участок прорыва было стянуто 4 дивизии, 16 групп артиллерии и танки. К этому времени у армии Модесто уже остро ощущались недостаток боеприпасов и изношенность артиллерии. Снаряды везли на фронт прямо с каталонских заводов, где у ворот дежурили грузовики. Из 43 орудий на плацдарме только 12–15 могли стрелять, а остальные требовали ремонта или замены. К тому же командование республиканцев ожидало, что мятежники будут продолжать расширять свой выступ в центре плацдарма и стянуло туда наиболее боеспособные части. Помимо бомбежек и артобстрелов бойцы Народной армии страдали теперь не от жары, а от проливных холодных дождей, пронизывающего ветра, порывы которого достигали скорости 120 км в час.

Франкисты решили провести генеральное наступление против армии Модесто по методу Листера, то есть внезапно. 29 октября туманной ночью без единого выстрела части Иностранного легиона скрытно подобрались вплотную к позициям Народной армии на склонах высот Кабальс и с рассветом бросились в атаку, выбив республиканцев с их позиций. Только потом началась мощнейшая артподготовка, помешавшая Модесто перебросить на угрожаемый участок резервы. 30 октября позиции республиканцев обрабатывали 91 батарея артиллерии и 170 самолетов. Такой концентрации огня никогда еще не было в этой войне. В тот день по защитникам высот Кабальс было выпущено 9000 тонн снарядов и сброшено 8000 тонн бомб. 1 ноября левый фланг плацдарма республиканцев дрогнул и окончательно очистил позиции на высотах Кабальс. Срочно переброшенные с центра плацдарма части уже не смогли восстановить положение. Стало ясно, что удержаться на южном берегу

Эбро Народная армия уже не в состоянии.

Отход происходил хотя и не без потерь, но в полном порядке. Республиканцы, опираясь на 300 квадратных километров в центре плацдарма, медленно очищали фланги (Рохо назвал этот маневр «складывающимся веером»). 7 ноября мятежники, выйдя на флангах к Эбро, ударили по оставшейся в центре плацдарма группировке. Но войска Листера держались, давая возможность переправить на северный берег боевую технику. 14 ноября была взята расположенная на холме деревня Фатарелья. Первый снег провожал отход республиканских арьергардов, вступивших на южный берег в удушающую июльскую жару. В 4 часа 25 минут 15 ноября 1938 года саперы Народной армии взорвали последний мост через Эбро, приняв на северном берегу замыкавших отступление бойцов 31-й бригады корпуса Тагуэньи. Так закончилось длившееся 115 дней величайшее сражение испанской гражданской войны.

Каждая из сторон потеряла на Эбро примерно по 50–60 тысяч человек убитыми и ранеными. Республиканцы не досчитались 130 самолетов, 35 из 87 участвовавших в битве танков Т-26 (18 из которых было захвачено врагом исправными) и всех шести танков БТ-5, доставшихся мятежникам также в рабочем состоянии. Потери боевой техники были особенно тяжелыми для республики, так как французская граница оставалась закрытой, и ожидать быстрого пополнения вооружений не приходилось.

Историки до сих пор спорят, нужна ли была республике вообще высадка на южном берегу Эбро и последовавшее за ней ожесточенное сражение на измор. Некоторые считают, что полководцы-коммунисты для поднятия авторитета КПИ бросили в бессмысленную бойню лучшие части Народной армии, и их истощение предопределило поражение республики. Но, взвесив все «за» и «против», нельзя не прийти к выводу, что в условиях лета 1938 года битва на Эбро (или еще где-нибудь) была для республики жизненно необходима. Надо было вернуть армии и населению утраченную после Арагонской катастрофы веру в победу и эта цель, как признавали немцы и итальянцы, была достигнута полностью. А если бы войска центрально-южной зоны провели запланированное наступление в Эстремадуре, в войне наступил бы коренной перелом.

Республику подвела надежда на внешнеполитические факторы. Ожидаемая европейская война за Чехословакию не состоялась, так как Англия и Франция отдали эту страну на растерзание Гитлеру. Не удалось достичь и минимальной внешнеполитической цели — разблокировать границу с Францией. Находившееся там советское оружие придало бы битве за Эбро совсем другой оборот, тем более, что и у Франко стал

ощущаться недостаток вооружения и боеприпасов. Не будет преувеличением сказать, что Народная армия, продемонстрировавшая на Эбро тактическую зрелость и оперативное мастерство, получила удар в спину из-за границы и была вынуждена смириться с огромным материально-техническим превосходством врага.

Именно артиллерия и авиация, своими ударами, менявшие рельеф местности на плацдарме, решили исход сражения. И перспективы дальнейшей борьбы почти без тяжелого оружия не внушали руководству республики особого оптимизма.

Глава 15. Конечная фаза войны

Декабрь 1938 года — март 1939 года

В то время, когда утомленные тяжелыми боями, но оставшиеся непобежденными бойцы армии Эбро смотрели в глаза смерти, в Барселоне 28 октября 1938 года состоялся прощальный парад бойцов интербригад, которые возвращались к родным очагам (многие не знали, что у них впереди тюрьмы, фашистские концлагеря и сталинские репрессии). Тысячи жителей республики во главе с Негрином и Долорес Ибаррури провожали домой своих боевых товарищей по оружию, пришедших на помощь в самый черный час войны. Многие женщины, потерявшие на фронте своих близких, не могли сдержать слез, слушая проникновенные слова Пассионарии: «Матери! Женщины! Когда пройдут годы и затянутся раны войны, когда мрачная память о горьких кровавых днях обернется свободой, любовью и благосостоянием, когда чувство злобы умрет, и гордость за свою свободную страну будет одинаково переполнять всех испанцев — тогда поговорите со своими детьми. Расскажите им об Интернациональных бригадах. Расскажите им, как, преодолевая горы и моря, пересекая оцетинившиеся штыками границы, охраняемые голодными псами, жаждущими их крови, эти люди пришли в нашу страну как крестоносцы свободы. Они оставили все — свои дома, свою страну, своих отцов, матерей, жен, братьев, сестер и детей и они пришли, и сказали нам: «Мы здесь и ваше дело, дело Испании — наше дело. Это дело всего передового и прогрессивного человечества». Сегодня они уходят. Многие из них, тысячи из них остаются в испанской земле, и все испанцы будут помнить их всегда». Обращаясь к бойцам интербригад, Долорес Ибаррури воскликнула: «Вы — сама История! Вы — легенда! Вы — героический пример солидарности и всемирного характера демократии. Мы не забудем Вас, и когда оливковое дерево мира вновь даст листья, смешавшись с лавровым венком победы республики, — возвращайтесь!».

Проходившие в парадном строю интернационалисты, едва успевая ловить цветы, которые бросали им стоявшие под портретами Асаньи, Негрина и Сталина барселонцы, не могли знать, что большинству из них уже не было суждено увидеть Испанию свободной. Но некоторые все же вернулись после смерти Франко в 1975 году, проехав по местам былых

боев, где они сражались — легендарные герои, крепче стали и огня.

Отступление республиканцев за Эбро и вывод интербригад внесли оживление в ряды капитулянтов и пораженцев, которых начал захватывать «дух Мюнхена», уже парализовавший волю миллионов французов и чехов. Асанья и Бестейро окончательно потеряли веру уже не только в победу, но и в компромиссный мир. В кортесах Негрин подвергся атаке республиканцев, баскских и каталонских националистов, но лидеры ИСРП Ламонеда и КПИ Ибаррури не менее горячо поддержали главу правительства. И когда Негрин заявил, что его кабинет будет продолжать войну, никто не посмел выразить ему вотум недоверия открыто.

В ноябре Негрин предложил упразднить все партии и создать единый Национальный фронт, но даже коммунисты сочли эту идею нереализуемой. Премьер объяснял советскому полпреду, что у него нет собственной партии, поэтому приходится постоянно лавировать между различными политическими силами. Национальный фронт позволил бы ввести в политику новые, молодые кадры, сформировавшиеся идейно в горниле гражданской войны. Одновременно, Негрин хотел лишиться всякого влияния прежних ведущих политиков страны, которые уже не верили в победу. Пропаганду в новой партии Негрин хотел отдать в руки коммунистов. Интересно, что идею создания единой партии «типа коммунистической» Негрину подсказал кадровый военный Рохо, который сам хотел вступить в компартию еще во время Теруэльской битвы, но Негрин запретил ему это, опасаясь очередной вспышки ревности других партий, особенно анархистов. Конечно, идея Негрина по созданию мощной единой партии была по сути верной, однако в условиях тяжелого положения на фронтах, она могла лишь дать повод пораженцам и капитулянтам для удара республике в спину под флагом борьбы с якобы диктаторскими замашками премьера.

Продолжала ухудшаться социально-экономическая ситуация в республике. Острее стала ощущаться нехватка продовольствия, но население, конечно, страшно уставшее от войны, еще держалось и не помышляло о капитуляции. У Негрина стала проявляться склонность к излишнему администрированию: вопреки мнению коммунистов правительство фактически лишило крестьян права на свободную торговлю, обязав сдавать все продукты по низким закупочным ценам. В конце ноября на заседании кабинета произошла открытая стычка между премьером и министром земледелия, коммунистом Урибе. Последний решительно протестовал против принятого без его ведома решения о сдаче крестьянами апельсинов государству по 0,3 песо за килограмм, в то время, как само

государство реализовывало их по 1,5 песо. Урибе настаивал, чтобы земледельцы получили право продавать часть урожая по свободным ценам. Негрин сознавал трудности с продовольственным снабжением, но рассчитывал, что в скором времени из США поступят 14 тысяч тонн зерна, которые якобы обещал прислать Рузвельт.

Тем временем, в «национальной» Испании росло недовольство. Если потребовалось 4 месяца, чтобы отобрать у республики 800 квадратных километров на Эбро, то когда же кончится война? Такой или примерно такой вопрос задавали себе сотни тысяч людей, не исключая и приверженцев франкизма. Впервые больно дали о себе знать скакнувшие резко вверх цены на продукты. Сотни тысяч людей, подозреваемых в левых взглядах, сидели в тюрьмах или были заняты каторжным трудом в рабочих батальонах. Фалангисты были недовольны усилившимся клерикальным влиянием, а церковь подозрительно относилась к безбожникам-немцам. Впрочем, последних, как и итальянцев ненавидели многие, еще не знавшие, что «национальное» правительство отдало Германии лучшие рудники и шахты страны. Но если немцы вели себя надменно и отстранено, то это было все же меньшим злом по сравнению с итальянцами. Те постоянно хвастались своими настоящими и мнимыми победами и на этом основании отказывались платить в ресторанах, публичных домах и общественном транспорте. Постоянно возникали драки, когда испанцы вынуждены были защищать своих женщин от наглых приставаний «добровольцев» Муссолини.

Республика и мятежники готовились к решающей схватке. 23 ноября 1938 года Висенте Рохо составил докладную записку, в которой анализировалась общая военная обстановка и намечались планы будущей кампании. Генерал не сомневался, что следующее наступление мятежников не за горами, и ареной боев на сей раз станет Каталония. Соотношение сил здесь было следующим: у республики под ружьем было 220 000 солдат (но только 140 тысяч из них были сведены в регулярные смешанные бригады; остальные представляли из себя еще не обученное и не распределенное по частям пополнение), которые располагали 250 орудиями, 40 танками, 80 бронев автомобилями, 46 зенитными орудиями, 80 истребителями и 26 бомбардировщиками. Франкисты сконцентрировали против Каталонии 340 тысяч солдат и офицеров, 800 орудий, 300 танков и броневиков, 100 зениток и 600 самолетов.

Но у республики было еще 700–800 тысяч бойцов в центрально-южной зоне, которые превосходили числом (хотя и не вооружением) противостоявшие им части мятежников. Именно на плотное

взаимодействие вооруженных сил двух частей республики и делал ставку генерал Рохо.

6 декабря 1938 он сообщил Негрину, что наступление франкистов на Каталонию начнется в ближайшие дни (действительно, Франко первоначально планировал приступить к операции 10 декабря). В связи с этим Миахе приказали срочно начать наступление в районе Мотриля (к югу от Гранады), сопроводив его высадкой десанта с кораблей ВМС республики. Через 5 дней после этого, когда мятежники перебросят свои резервы под Мотриль, планировалось силами не менее трех корпусов нанести основной удар на фронте от Кордовы до Пеньяройи. И, наконец, еще через двенадцать дней, когда противник втянется в тяжелые бои под Кордовой, Миахе следовало осуществить столько раз откладывавшееся генеральное наступление в Эстремадуре, выйти к португальской границе и разрезать территорию мятежников на две части.

Если бы план Рохо осуществился хотя бы наполовину (а все военно-технические возможности для этого имелись), то судьба Каталонии и исход гражданской войны в Испании, в целом, мог бы быть совершенно иным. Советские военные советники полностью одобрили предложения начальника Генерального штаба. 14-й особый корпус перебросил в тыл врага в район Гранады две специальные бригады, которые развернули широкую партизанскую войну в преддверии решающего удара Народной армии.

Но уже через 48 часов после поступления директивы Рохо Миаха ответил негативно на приказ осуществить высадку у Мотриля, не преминув сообщить, что его мнение разделяет командование флота. Но корабли все же вышли в море, сопровождая посаженную на суда десантную бригаду, когда Негрин, не желая портить отношения с Миахой отменил операцию. Рохо с горечью писал позже, что битва за Каталонию начала проигрываться уже под Мотрилем.

После срыва операции на юге Миахе приказали вместо запланированного на 18 декабря наступления в Эстремадуре атаковать 24-го под Гранадой. Началась никому непонятная переброска с одного участка фронта на другой десятков тысяч солдат. Но эти сроки уже не могли спасти Каталонию.

Республика предпринимала лихорадочные усилия, чтобы хотя бы немного сократить отставание от мятежников в области вооружений. 11 августа наконец было выполнено давнее требование коммунистов и поставлены под государственный контроль все частные предприятия и мастерские, производившие продукцию военного назначения. В Бельгии,

Голландии и США было закуплено оборудование для производства боеприпасов. Но после потери Севера и части Каталонии у республики уже не было в достаточном количестве железной руды, и стала ощущаться нехватка электроэнергии. Тем не менее, производство патронов достигло к ноябрю 1938 года 30 млн штук (10 млн — в Каталонии, и 20 — в центрально-южной зоне). К октябрю 1938 года практически утроилось производство снарядов, достигнув 134 тысяч. Однако в ноябре-декабре этот впечатляющий результат был сведен на «нет» актами саботажа: «пятая колонна» подожгла склады, что стоило республике потери 90 тысяч готовых снарядов. Медленно, но все же росло производство винтовок: с 300 в сентябре до 600 в октябре 1938 года. В декабре винтовок было произведено 1000 штук, при максимальной мощности предприятий республики в 2500 штук в месяц. Пулеметов «максим» смогли изготовить к концу 1938 года только 15, так как не хватало соответствующего оборудования. Было налажено производство 81 мм мортир (100 штук в декабре 1938 года) С августа по ноябрь в Каталонии собрали 90 броневиков на шасси фирмы «Шевроле», но для их вооружения не хватало пулеметов. Броневики пытались оснастить пушками, но не было готовых стволов. Рабочие, пытаясь спасти положение, высверливали стальные бруски. Осенью с помощью советских специалистов удалось выйти на сборку одного самолета И-15 в день, но для этих машин не было моторов (захватив территорию республики, мятежники обнаружили там около 200 готовых И-15 без моторов). Таким образом, долгое пренебрежение к проблемам военной промышленности привело к тому, что удовлетворительной могла считаться только ситуация с патронами. У республики оставалась последняя надежда — СССР.

11 ноября 1938 года Негрин написал письмо Сталину, в котором настоятельно просил срочно прислать большие объемы вооружения, чтобы победоносно закончить войну. «Помощь капля по капле», писал испанский премьер, уже не даст результатов. С письмом Негрина в Москву был срочно направлен командующий ВВС республики Идальго де Сиснерос. В качестве приложения к посланию испанского премьера содержались конкретные заявки на необходимое республике оружие. В частности, речь шла о 600 45 мм противотанковых пушках, 312 105 мм орудиях, 400 тысячах винтовок, 10 тысячах ручных и станковых пулеметов, 200 истребителях И-16, 60 И-15 и 90 бомбардировщиках СБ, 250 танках. Это было больше, чем Советский Союз поставил за все время войны. Самому Сиснеросу эти цифры казались фантастическими. Когда с заявкой ознакомились Сталин и Ворошилов, они даже пошутили, что Испания

хочет разоружить Красную Армию. Однако согласие было сразу же дано, хотя в Кремле понимали всю безысходность военного положения республики. Хотелось бы добавить, что многие из тех, кто сетует, как им кажется, на небольшие объемы военных поставок СССР республиканцам, забывают о состоянии советской промышленности в 1930-е годы. Даже Германия, издавна имевшая передовую тяжелую индустрию, не могла оперативно удовлетворить запросы Франко. В Советском Союзе тяжелой промышленности и машиностроения к началу 1930-х годов не было вовсе. Первые танки и самолеты пошли в серию после 1932 года. Не хватало сырья, не было отработаны многие технологии, инженерами, в основном, были вчерашние неграмотные батраки и чернорабочие. А международная обстановка, особенно на Дальнем Востоке, требовала срочного перевооружения РККА. Ведь всего за несколько месяцев до приезда Сиснероса Красной Армии пришлось вести тяжелые бои с японцами у озера Хасан, в ходе которых было вскрыто много недостатков в управлении войсками и применении новых систем оружия.

Все это надо учитывать, когда видишь сухие цифры поставленных из СССР в Испанию танков, пушек и самолетов. Но самой сложной проблемой была доставка оружия. В 1937 году в испанские порты пришло 52 судна с грузом вооружений из СССР. Однако блокада мятежников и итальянцев заставила, начиная с ноября, отказаться от средиземноморского маршрута и поставлять вооружение через Францию. В 1938 году во Франции разгрузилось только 13 кораблей с грузами для Испании, так как в условиях закрытой франко-испанской границы посылать больше судов не имело смысла.

После визита Идальго де Сиснероса в Москву, во второй половине ноября 1938 года 7 советских судов покинули Мурманск и взяли курс на Францию. Первые два корабля прибыли в Бордо еще вовремя, чтобы находившееся на них вооружение смогло принять участие в борьбе за Каталонию. Но 6 декабря 1938 года Германия и Франция подписали декларацию о дружбе. Причем министр иностранных дел Французской республики Жорж Бонне, говоря об Испании, заявил Риббентропу, что поддерживает борьбу «рейха» против большевизма.

Таким образом, Франция набросила петлю блокады на шею республике, а Франко лишь оставалось с помощью Гитлера и Муссолини затянуть ее. Советское оружие не могло пересечь франко-испанскую границу.

14 ноября 1938 года сложным положением республики в который раз попытался воспользоваться Бестейро. Этот капитулянт вновь потребовал

создания «правительства мира» без коммунистов и Негрина. Министры-социалисты голосовали на заседаниях кабинета против многих предложений своего же премьера. Руководство ИСРП угрожало Негрину лишением поддержки в случае проявления им «слабости» по отношению к коммунистам. В это же время Бестейро поднял в центрально-южной зоне активную кампанию против якобы готовящегося «коммунистического переворота». В Аликанте и Гвадалахаре были приведены в боевую готовность части под командованием анархистов, и дело чуть не дошло до прямых вооруженных столкновений. Попавшая под влияние социалистов-пораженцев военная контрразведка СИМ арестовала только в одной из бригад корпуса Центрального фронта 300 солдат и офицеров за то, что они подписали приветственный адрес снятому с должности командиром коммунисту. Руководство КПИ срочно встретилось с Негрином 2 декабря, и премьер обещал отстранить от работы министра внутренних дел социалиста Паулино Гомеса. Одновременно глава правительства сообщил советскому временному поверенному, что в самое ближайшее время произведет ряд важнейших кадровых перестановок в армии, чтобы поставить во главе вооруженных сил офицеров, настроенных на решительное ведение войны. Негрин не исключал, что в результате наступления мятежников в Каталонии республика лишится некоторой территории, но был твердо уверен, что уже весной 1939 года Народная армия сможет перейти в решительное контрнаступление.

Республиканская линия обороны в Каталонии делилась на две части. К северу от Лериды она опиралась на горный рельеф местности, но к югу от города никаких препятствий кроме реки Эбро не было. Республиканцы успели построить несколько рубежей обороны, но они просто не представляли, какая махина обрушится на них в самое ближайшее время.

Хотя сама подготовка франкистами наступления была очевидной. Советский временный поверенный отмечал 5 декабря 1938 года, что мятежники закачивают сосредоточение сил, и перейдут в атаку 10 декабря. Марченко полагал, что удар нанесут 22 дивизии (по 12000 хорошо вооруженных бойцов в каждой), в то время, как в дивизии Народной армии было в среднем только 4000 винтовок. 7 декабря Негрин собрал представителей всех организаций Народного фронта и сообщил о предстоящем наступлении врага. Премьер в который раз призвал к прекращению межпартийной борьбы («нам может помочь только единство и наш могущественный друг», т. е. СССР), и в который раз с ним все согласились.

К началу сражения за Каталонию у мятежников было подавляющее

превосходство в авиации: 197 истребителей, 93 самолета связи и разведки и 179 бомбардировщиков против 90 самолетов ВВС республики всех типов. Однако республиканцы не собирались сдаваться. 16 декабря 1938 года бомбардировщики СБ нанесли удар по основному месту базирования легиона «Кондор» аэродрому Ла Сения и сожгли на земле два Me-109 (по другим данным — 6). Две «катюшки» были сбиты 88 мм зенитками. К удивлению попавших в плен летчиков, немцы были прекрасно осведомлены не только о точном времени налета, но и знали имена и фамилии всех членов экипажей СБ. К тому времени предательство уже крепко обосновалось в республиканских штабах. Немцы издевались и утверждали, что все бомбы попали в расположенный неподалеку от аэродрома замок, где квартировали обслуживавшие легион проститутки.

20 и 21 декабря авиация мятежников в отместку бомбила основные республиканские аэродромы. Предложение командиров истребительных и бомбардировочных групп ВВС республики — нанести удар по скоплению готовых перейти в наступление войск мятежников — было отвергнуто начальником оперативного отдела штаба ВВС.

Франко тем временем постоянно переносил начало наступления, ожидая прибытия помощи из Германии и хорошей летной погоды. Наконец, в ясный погожий день 23 декабря 1938 года в 8 часов утра 6 корпусов мятежников (300 тысяч солдат и 565 орудий) перешли в наступление, причем основной удар «национальной» армии на речке Сегре наносили пять итальянских моторизованных дивизий. Марченко правильно предугадал, что операцию начнут 22 дивизии франкистов, но республиканское командование не знало, что для развития успеха мятежники располагали еще 10 дивизиями. На участке прорыва в 4 километра артподготовку вели 60 батарей. Вообще, тотальное превосходство мятежников в артиллерии (шесть к одному), было, пожалуй, главной отличительной чертой битвы за Каталонию. Фронт республиканцев был сразу прорван к югу от Лериды на участке 179-ой бригады карабинеров и 56-й бригады морской пехоты. Чтобы закрыть образовавшуюся брешь глубиной 8-10 километров, в бой были введены только что прошедшие Эбро 5-й и 15-й корпуса, которые задержали итальянцев на 10 дней. «Добровольцам» Муссолини пришлось перейти к обороне, и от полного поражения их спасла только невиданная доселе активность легиона «Кондор».

Причем следует отметить, что части Модесто были ослабленными не только в результате битвы на Эбро. Если вывод иностранных добровольцев смотрелся более или менее безболезненно на фоне всей Народной армии,

то армия Эбро практически полностью лишилась своей лучшей 35-й дивизии, состоявшей из интернационалистов. Тем временем, несмотря на героическое сопротивление республиканцев, фронт продолжал распадаться теперь уже к северу и югу от частей Модесто и Листера. 24 декабря Негрин в порыве отчаяния предложил объявить перемирие на рождество, и это было воспринято многими как признание слабости республики.

К счастью для республиканцев, в первую неделю франкистского наступления стояла плохая погода, и авиация мятежников бездействовала. Но уже 28–30 декабря 1938 года «мессершмитты» сбили 16 самолетов. ВВС республики было все труднее противостоять огромному численному превосходству врага.

3 января 1939 года после танковой атаки итальянцы смогли, наконец, принудить Листера к отходу. Севернее франкистские генералы Муњос Грандес (именно он будет командовать испанской «Голубой дивизией» на советско-германском фронте) и Гарсиа Валиньо пробили брешь в республиканском фронте, заняв 4 января местечко Борхас Бланхас. Дорога на Барселону была открыта.

После недели боев у республики в Каталонии оставалось только 90 тысяч солдат, у которых было 60 тысяч винтовок. 5 января правительство Негрина объявило мобилизацию всех мужчин от 18 до 38 лет в армию и всех мужчин до 55 лет на фортификационные работы. Наконец-то был создан Национальный совет военной промышленности, что должно было произойти еще давно. Молодежь формировала добровольные батальоны пулеметчиков, которые сразу же отправлялись на несуществующий больше фронт. Однако у этих «пулеметных» батальонов не было... пулеметов.

5 января 1939 года Миаха наконец-то начал наступление в Эстремадуре. 22-й корпус под командованием Ибарролы легко прорвал фронт и углубился на 20 километров, заняв за 48 часов 600 квадратных километров территории противника. Но затем 90 тысяч солдат остановились, вместо того, чтобы бить по флангам и тылам захваченного врасплох врага. В качестве причины пассивности назывались распутица. А когда Ибаррури спросила своего земляка Ибарролу почему на помощь в строительстве дорог не привлекается мирное население, последовал ответ, что это запрещено ввиду отсутствия на территории республики военного положения. Франкистская ставка направила в Эстремадуру более 4-х дивизий (но только одна дивизия была снята с каталонского фронта) и артиллерию. Однако 13 января республиканцы вновь перешли в наступление. И только после падения Барселоны в начале февраля командование Народной армии отвело войска на исходные позиции.

15 января Миаха решил повторить битву при Брунете и бросил в наступление в том же районе 25 тысяч солдат. Но фашисты уже поджидали атакующих и нанесли им в первый же день тяжелый урон (900 человек убитыми и ранеными). Командующему армией Центра полковнику Касадо пришлось опровергать информацию, что враг в деталях знал план атаки. Но даже, если сам Касадо тогда еще не был предателем, то им был начальник его штаба Гарихо, получивший после окончания войны от франкистов повышение в звании.

14 января в Каталонии Ягуэ переправился через Эбро, начал наступление на север вдоль побережья и уже 15 января взял город Таррагону. За две недели боев мятежники заняли 2000 квадратных километров. Командиры Народной армии уже не знали, где находятся передовые части врага. Испанский январь 1939 года очень походил на русский июль 1941. Падение боевого духа начало отмечаться даже в «коммунистических» частях, например, в 15-м корпусе Тагуэньи, в котором после ожесточенных боев осталось 6–7 тысяч бойцов. Было принято решение вернуть в войска ждавших эвакуации иностранных добровольцев, но несколько сот даже самых лучших бойцов уже не могли спасти положение. После многократных призывов о помощи Миаха направил в Каталонию дивизию добровольцев, в основном, уроженцев той же Каталонии, многие из которых дезертировали, не дойдя до фронта.

12 января Me-109 совершили массированные налеты на республиканские аэродромы Вальс, Вендрелл и Вильяфранка, уничтожив 13 самолетов. Боеспособность республиканских ВВС неуклонно приближалась к нулю.

Французское правительство, наконец, открыло границу, но в Каталонии уже не было времени собирать советские самолеты, и отсутствовали аэродромы, с которых они могли бы взлетать. Сотни советских пулеметов, 500 орудий и много другой боевой техники так и остались во Франции, в то время как у республиканцев не хватало даже обычных винтовок.

Дороги Каталонии были запружены сотнями тысяч беженцев, со всех сторон стремившихся в Барселону. Испанцы ногами голосовали против франкистского режима.

Но и сама каталонская столица, подвергавшаяся бомбежкам, уже была под угрозой. Асанья записал в дневнике: «Огромный крах. Армия исчезла».

А в это время в Женеве на заседании Совета Лиги наций Альварес дель Вайо в последний раз пытался воззвать к совести западных демократий. Но французский министр иностранных дел Боннэ уже не

слушал его, а его английский коллега Галификс вообще покинул свое место. Париж и Лондон вовсю готовились к признанию Франко. Боннэ зря не слушал министра иностранных дел республики, ибо Альварес дель Вайо произнес пророческие слова: «Да, господа, тяжелораненый и покинутый испанский народ будет продолжать сопротивление. Не удалось установить справедливый мир и нам ничего не остается, как сражаться насмерть. Но придет день, и все вспомнят наши страдания и тогда все поймут, что Испания была первым полем битвы Второй мировой войны, которая неотвратимо приближается».

6 января 1939 года в своем послании Конгрессу президент США Рузвельт признал, что политика эмбарго Соединенных Штатов по отношению к Испанской республике была ошибкой, «принесшей пользу агрессору».

В ночь с 21 на 22 января Генеральный штаб сообщил правительству, что фронт прорван сразу в трех местах и на следующий день все официальные органы республики покинули Барселону. Негрин наконец-то объявил на всей территории республики военное положение и передал Миахе высшую власть в центрально-южной зоне. Коммунисты, пытаясь повторить героическую оборону Мадрида в 1936 году, провозгласили, что река Льобрегат под Барселоной должна стать для франкистов вторым Мансанаресом. Но все население было охвачено паникой и в спешном порядке вслед за правительством бежало из каталонской столицы. Деморализованные войной женщины мешали молодежи строить на улицах Барселоны баррикады, вырывая из рук лопаты и кирки. 22 января был издан декрет о закрытии всех магазинов и лавок и об обязательной явке их служащих на фортификационные работы. На этот приказ откликнулись только 36 человек. Когда анархисты попытались собрать в каталонской столице митинг с участием своего некогда сверхпопулярного в Барселоне руководства, то его пришлось отменить, так как явилось всего шесть человек. После этого руководство анархистов бежало из Барселоны, а на заседание муниципалитета 25 января явились только представители ОСПК и каталонские националисты.

Кабинет министров и кортесы, покинув Барселону, остановились в Жероне, находящейся в 92 километрах к северу от главного города Каталонии. В Барселоне, между тем, начались грабежи и полный хаос. А в это время никто не мог понять, кто командует обороной каталонской столицы. Номинальный командующий Сарабия мешал отошедшему к городу Модесто организовать хотя бы какое-то подобие обороны, хотя коммунистам даже в последние дни перед падением города удавалось

мобилизовывать тысячи людей на строительство укреплений.

В конце концов, 25 января последние защитники города — 2000 бойцов штурмовой гвардии с пулеметами и броневиками — оставили Барселону, что еще больше усилило панику среди населения (причем так и не было установлено, кто отдал гвардейцам приказ об отходе; министр внутренних дел Паулино Гомес, которому подчинялись гвардейцы всячески отрекся от причастности к этому постыдному эпизоду). Одними из последних по опустевшим улицам Барселоны проследовали машины главного военного советника СССР К. М. Качанова и бойцов 14-го особого корпуса. Причем спецназовцы сумели разрушить свою спецшколу под Барселоной и даже разгромили прорвавшийся к ней батальон противника.

25 января вечером в Барселону вернулся корреспондент ТАСС Овадий Савич, чтобы снять со здания полпредства СССР флаг и герб (полпредство выехало из Барселоны двумя днями ранее, но флаг и герб было решено оставить до самой последней минуты, чтобы не ослаблять воли защитников города к сопротивлению). 26-го утром Савич еще присутствовал на заседании ЦК КПИ и сумел одним из последних вырваться из города вместе с флагом и гербом, снятыми с полпредства.

26 января утром Барселона была окружена, а в середине дня мятежники, пустив впереди немецкие танки, стали оккупировать покинутый город (на север ушло почти 400 тысяч барселонцев и находившихся в столице Каталонии беженцев). «Националисты» освободили 1200 политзаключенных, среди которых оказалась одна немецкая еврейка-троцкистка, салютовавшая франкистам фашистским приветствием. Около 4 часов дня уже были заняты основные правительственные здания. Но только вечером представители «пятой колонны» осмелились выйти на улицу и отпраздновать «освобождение от красных». В этот же день, когда на улицах уже показались итальянские танки, город покинули руководители ОСПК. Один из комкороммунистов сел в машину, когда итальянские танки находились в двухстах метрах от него. До самого последнего момента каталонские коммунисты, особенно женщины, пытались сделать все возможное, чтобы остановить врага.

В тот же день «освобождение» ознаменовалось первыми расстрелами, которые только через 5 дней обрели более или менее «законный» характер. Немедленно было запрещено использование каталонского языка в общественной жизни. Дело дошло до парадокса: у шефа пропаганды фаланги Дионисио Ридруэхо были конфискованы военными властями материалы на каталонском языке. В Барселоне, столице испанского

свободомыслия, воцарился «новый порядок».

А в это время сотни тысяч беженцев двигались по забитым дорогам к французской границе. Старики, женщины и дети ночевали прямо на обочинах, стараясь хотя бы как-то спрятаться от холода. Наиболее слабые утром уже не просыпались.

24 января правительство республики перенесло свою резиденцию в последний город перед французской границей — Фигерас (до войны в городке проживало 10 тысяч человек, а в феврале 1939 года на улочках Фигераса теснилось более 100 тысяч беженцев). Административный аппарат уже не функционировал. Не было и организованного сопротивления Народной армии, несмотря на отдельные упорные бои. Так 27 января мятежники столкнулись с неожиданно сильным отпором в районе Гранольерса — городка, расположенного в 30 километрах от побережья. Саперы республиканцев пытались подрывать мосты, чтобы дать возможность основным силам и беженцам оторваться от наступавшего противника. 29 января из Фигераса отправился на фронт первый батальон пулеметчиков, вооруженных наконец-то поступившими из Франции советскими пулеметами. Второй батальон заканчивал формирование.

На реке Тордера командование попыталось создать новый рубеж обороны и переформировать разбитые 24-й и 15-й корпуса. Но удалось задержать мятежников только на два дня. На других направлениях деморализованные части Народной армии отступали практически без боя. Рохо сообщил Негрину, что удержать Фигерас или любой другой каталонский город уже не представляется возможным. Начальник Генерального штаба предлагал срочно начать переговоры с Францией о пропуске на ее территорию войск и гражданского населения.

1 февраля 1939 года в подвалах крепости Сан-Фернандо города Фигераса состоялось последнее заседание кортесов на испанской земле. Присутствовало 64 депутата, которые с трудом выдерживали пронизывающий холод — подвал не отапливался. Некоторые народные избранники уже уехали во Францию и отказались вернуться, хотя до Фигераса от французской границы было всего 25 километров.

В президиуме сидели невыспавшиеся и небритые члены правительства. Перед депутатами выступил Негрин, призывавший остановить врага в Каталонии. Ему не возражали, но потухшие глаза вчерашних блестящих политиков ясно говорили о неверии уже не только в победу, но и в возможность сопротивления. Премьер сформулировал цели войны, которых было уже не 13, как в апреле 1938 года, а только три: независимость Испании, право народа самому определить политический

режим страны и гарантии против репрессий после окончания войны. Все понимали, что на самом деле речь идет уже только о соблюдении Франко последнего пункта. После речи премьера не было оваций, но представители всех фракций выступили в поддержку правительства, и оно получило вотум доверия. Негрин вернулся в свой кабинет, на стену которого какая-то предательская рука повесила карту Эфиопии (в 1936 году Эфиопия была захвачена фашистской Италией).

А в это время легион «Кондор» бомбил и расстреливал из пулеметов толпы беженцев. Это было слишком даже для Франко, но немецким союзникам уже не было дела до сомнений «генералиссимуса». Летчики просто отрабатывали свои действия по движущимся колоннам, стремясь успеть потренироваться, пока еще шла война. Уже через год они покажут свои испанские навыки на запруженных людьми дорогах Франции.

Но 6 февраля, когда «Кондор» вознамерился повторить свой январский успех, еще раз разгромив оставшиеся республиканские аэродромы, республиканцы дали достойный отпор и сбили в воздушном бою два «мессера».

Командование Народной армии приняло окончательное решение отступить во Франции и перегнать туда всю авиацию. Потом планировалось морем перебросить людей и технику в центрально-южную зону. Забегая вперед, скажем, что французские власти запретили остаткам каталонской армии вернуться на родину, а все вооружение было после войны передано франкистам.

4 февраля 1939 года пала Жерона. До этого город бомбили зажигательными бомбами, что возымело неожиданный эффект. Разозлившиеся бойцы Народной армии оказали упорное сопротивление и за Жерону два дня шли ожесточенные бои.

8 февраля генеральный штаб Народной армии был переведен в расположенный прямо на границе город Пертюс, часть которого уже была на французской территории. За два дня до этого Негрин провел совещание с высшим командным составом армии. Выступивший с основным докладом Рохо, заявил о невозможности продолжения сопротивления в центрально-южной зоне. Последние месяцы тяжелых поражений подорвали былой оптимизм начальника Генерального штаба, и он еще несколько дней назад просил Негрина об отставке. Модесто, генеральный комиссар армии Оссорио-и-Тафаль (левый республиканец) и сам Негрин не согласились с Рохо и высказались за продолжение войны вплоть до заключения почетного мира. Совещание было прервано, когда прибывший посыльный доложил о приближении врага.

Правительство Франции сначала не хотело принимать на своей территории испанских беженцев и выступило с идеей создания в Испании нейтрального района под международным контролем для размещения там солдат и офицеров Народной армии и тех гражданских лиц, кто опасался репрессий. Но Франко решительно отверг это предложение. В этой ситуации Франция согласилась на пропуск беженцев, и ночью 27 января на ее землю вступили первые группы людей из Каталонии. 28 января границу перешло уже 15 тысяч человек и эта цифра возрастала в последующие дни. 5 февраля французское правительство согласилось принять и военнослужащих Народной армии при условии, что они сдадут оружие. К этому времени во Франции уже находилось 10 тысяч раненых, 17 тысяч женщин и детей, 60 тысяч мужчин — гражданских лиц. С 5 по 9 февраля к ним добавились около 200 тысяч бойцов Народной армии. 60 тысяч попали в плен к франкистам. Один из лощеных французских офицеров, высокомерно окинув взглядом бредущие мимо него колонны плохо одетых, небритых и осунувшихся от голода людей, бросил: «Так это и есть Народная армия?» В ответ один из молодых испанских офицеров пожелал ему, чтобы французская армия смогла сопротивляться гитлеровской военной машине хотя бы столько же времени, сколько и республиканцы.

Французы создали на Алом берегу (так назывался участок средиземноморского побережья к северу от испанской границы) четыре лагеря для перемещенных лиц, которые первоначально представляли собой огороженные колючей проволокой дюны. Лагеря охраняли сенегальцы с серьгами в носу. Не было никаких укрытий и санитарно-гигиенических сооружений. Испанцы копали землянки, чтобы хотя бы как-то укрыться от студеного дождя и холодного ветра. Плохо было сначала с едой и лекарствами. Франция обратилась с просьбой к другим странам принять беженцев. Бельгийское правительство согласилось принять 2000–3000 детей, СССР и Великобритания прислали деньги. Простые жители Франции и многие муниципалитеты оказывали испанским беженцам максимальное содействие.

5 февраля Асанья, президент кортесов Мартинес Баррио и глава растерзанной Каталонии Компанис перешли испанско-французскую границу. Негрин проводил президента и сразу же вернулся назад. В тот же день старший советский военный советник К. М. Качанов отдал приказ всем своим подчиненным на следующий день в гражданской одежде и с заграничными паспортами перейти во Францию. Но до этого одной бригаде 14-го специального корпуса предстояло выполнить свою последнюю и очень горькую боевую задачу. В течение трех дней спецназовцы подрывали

успевшие прибыть в Каталонию эшелоны с советским вооружением.

8 февраля наваррские части заняли Фигерас. В этот же день около 17 часов Негрин и Рохо покинули испанскую землю. Взвод французских солдат оказал главе правительства республики воинские почести, а военный атташе Франции в республике полковник Морель отдал честь и молча пожал этим двум людям руку. 9 февраля в два часа дня в Пертюс вошли франкисты, а к концу следующего они уже контролировали франко-испанскую границу на всем ее протяжении. В этот же день ранним утром границу перешел Модесто вместе с последними арьергардами своей армии Эбро, замыкая исход 400 тысяч испанцев, не пожелавших остаться в «национальной» Испании Франко.

Перед республикой встал основной вопрос: означает ли поражение Каталонии конец войны в целом, или следует сопротивляться, опираясь на ресурсы центрально-южной зоны? Ответ на этот вопрос зависел от настроений командования армии в оставшейся части республики и от позиции Англии и Франции.

В республиканском лагере вспыхнули разногласия. Еще в Каталонии Асанья заявил Негрину, что он не поддерживает политики продолжения войны и эмигрирует во Францию только для того, чтобы подать в отставку. Но президент, уже давно потерявший веру в победу, хотел привлечь на свою сторону и военных, которые должны были обосновать точку зрения главы государства. Временно обосновавшись в испанском посольстве в Париже, Асанья пригласил на совещание Рохо, Идальго де Сиснероса и генерала Хурадо, которого в начале февраля успели назначить командующим всеми частями Народной армии в Каталонии. Рохо нарисовал мрачную картину, а два других военачальника ограничились перечислением остающихся в распоряжении республики военных сил и средств. Асанья попросил всех трех участников совещания изложить свои соображения в письменном виде, но Хурадо и Идальго де Сиснерос отказались, сославшись на то, что такое поручение им может дать только премьер или военный министр (мы помним, что Негрин совмещал обе должности). Рохо согласился, хотя и не подозревал, как Асанья использует его точку зрения.

Негрин в испанском генеральном консульстве в Тулузе проводил между тем другое совещание — своего кабинета министров. Представители КПИ, ИСРП, НКТ и партии Баскское национальное действие (левая националистическая партия) высказались (как и сам Негрин) за немедленное возвращение правительства в Испанию. Республиканцы (по примеру Асаньи), БНП и каталонская «Эскерра»

возвращаться на родину не захотели.

В тот же день вечером 9 февраля Негрин и ряд министров его кабинета (а также представитель Коминтерна в Испании Пальмиро Тольятти) на рейсовом самолете компании «Эр Франс», летевшим в Касабланку вернулись в Испанию. За ними на найденных на французских аэродромах нескольких испанских «Дугласах» последовали военачальники-коммунисты (Листер, Модесто, Тагуэнья, Галан и др.). Рохо предпочел остаться во Франции.

Что же представляла из себя центрально-южная зона республики в феврале 1939 года? Это были 140 тысяч квадратных километров территории (треть Испании) с населением 9 миллионов человек, 2 миллиона из которых были беженцами. Под контролем республики еще находилось 10 провинциальных центров. Протяженность береговой линии составляла 750 километров, и у республики оставались порты, через которые можно было получать военную помощь извне. Военно-морской флот (3 крейсера, 13 эсминцев, 4 субмарины, 2 канонерские лодки, 3 торпедных катера и вспомогательные корабли) базировавшийся на Картахене, по-прежнему не уступал по боевой мощи ВМС Франко. Вооруженные силы зоны, разбитые на 4 армии (Центра, Эстремадуры, Андалусии и Леванта), насчитывали 650 тысяч человек (у мятежников — 1 миллион) и опирались на хорошо укрепленные позиции (глубина оборонительных линий армии Леванта составляла, например, 30 километров). Хуже было с вооружением: 250 тысяч винтовок (1 миллион у мятежников), 5125 станковых пулеметов (против 13000), 4800 ручных пулеметов (22000 у мятежников), 1400 минометов, 683 орудия (50 % которых требовали ремонта), 68 танков и 193 бронемашин. Авиация состояла из трех эскадрилий «наташ», 2 — «катюшек» и 25 истребителей.

Таким образом, с чисто военной точки зрения республика вполне могла сопротивляться еще несколько месяцев. Хуже обстояло дело с положением населения. В Мадриде начался настоящий голод, от которого в столице каждую неделю умирало 400–500 человек. В октябре-декабре 1938 года каждый житель Мадрида получал по карточкам 130 граммов продовольствия в день (плюс 130 граммов хлеба), а с 20 февраля эта норма была урезана до 100 граммов. Не было горячей воды и отопления, что заставляло тысячи мадридцев ночевать в подземных станциях метро. Среди людей распространилось чувство усталости от войны, а сдача Каталонии, казалось, говорила о бессмысленности дальнейшего сопротивления.

Еще хуже были настроения некоторых высших военных руководителей центрально-южной зоны. Номинальный глава всех

вооруженных сил Миаха, расположившись в Валенсии, уже не оказывал влияния на реальное положение дел. Командующий наиболее боеспособной Центральной армией полковник Касадо был твердо убежден в бессмысленности сопротивления. Касадо двигали еще и чувства зависти к военачальникам-коммунистам, в чем он полностью сходил с командующим 4-м корпусом Центральной армии анархистом Сиприано Мерой. Мера к началу мятежа 1936 года был руководителем профсоюза строителей НКТ и сидел в тюрьме за незаконную забастовку мадридских строителей. Затем он принял активное участие в формировании народной милиции и отличился в битве под Гвадалахарой. С тех пор его корпус участия в боях не принимал. Мера, желая почетного мира, не знал, что уже в начале февраля Касадо установил тайные контакты с представителями Франко. Конкретно речь шла о резиденте франкистской разведки в Мадриде Хосе Сентаньосе, который в звании подполковника Народной армии возглавлял артиллерийские мастерские.

Сентаньос немедленно сообщил о встрече с Касадо своему начальству из Службы военной позиции и безопасности (СИПМ, так именовалась, как мы помним, разведка мятежников) Франко, которая направила к полковнику трех своих эмиссаров. Касадо изъявил готовность к капитуляции и просил Франко сохранить жизнь тем военным руководителям, которые «вели себя достойно». Видимо, полковник всерьез полагал, что ему и другим кадровым военным не только сохранят жизнь, но и звания, а также дадут возможность продолжить военную службу в «национальной армии». СИПМ вела игру с Касадо, так как армии мятежников после Каталонии необходим был как минимум месяц, чтобы придти в себя. К тому же заговор внутри республики позволял сокрушить сильные армии центрально-южной зоны без лишних потерь.

Касадо между тем понимал, что на пути капитуляции стоят две силы: Негрин и коммунисты. Влияние компартии в армии, хотя и ослабевшее, так как лучшие части истекли кровью на Эбро, все еще было серьезным. Даже в Центральной армии трем из четырех корпусов командовали члены КПИ.

Касадо пытался бороться с коммунистами, используя введенное военное положение, согласно которому он, как командующий армией Центра (или Центральной армией), мог осуществлять политическую цензуру. Полковник-предатель воспользовался этим оружием и некоторыми тактическими ошибками компартии. Еще в Фигерасе политбюро ЦК КПИ выступило с манифестом, в котором, в частности, крайне резко осуждалось поспешное бегство Ларго Кабальеро из страны. Опираясь на мадридскую организацию социалистов, находившуюся под влиянием Кабальеро, Касадо

запретил публикацию манифеста, так как в нем якобы содержались нападки на одну из партий Народного фронта (впрочем, Касадо подверг цензуре и одну из речей Негрина). Коммунисты стали распространять манифест нелегально, в виде листовок. 8-11 февраля 1939 года состоялась конференция мадридской парторганизации КПИ, на которой многие молодые фронтовики резко обрушились на капитулянтов среди правых социалистов и анархистов. Последние вместе с Касадо попытались в ответ организовать исключение компартии из Народного фронта, и в некоторых городах это удалось. Но комитет Народного фронта Мадрида одобрил линию КПИ на продолжение сопротивления и выразил готовность всеми силами поддержать кабинет Негрина. После этого Касадо попытался договориться с Долорес Ибаррури. Во время их беседы полковник предложил оставить Мадрид и отвести наиболее боеспособные части к Картахене, где под прикрытием ВМС держаться до начала мировой войны. Касадо даже хотел отдать Картахену под покровительство какой-либо иностранной державы. Пробный шар заговорщика свидетельствовал о том, что он не доверял весьма туманным обещаниям Франко и разыгрывал в уме несколько вариантов развития событий.

Но Ибаррури встретила предложение Касадо холодно (хотя полковник всячески пытался втереться в доверие, и даже подвел к Пассионарии своего двухлетнего сына), и тот понял, что стовориться с компартией не удастся. После этого в центрально-южной зоне стали активно муссироваться слухи, что Франко не будет применять репрессий против сторонников республики, за исключением коммунистов, которые поэтому и выступают против мира. Такая пропаганда действовала на многих, уставших от войны рядовых граждан.

Резко усилили антикоммунистическую кампанию и анархисты. Они открыто готовились к эмиграции: доставали загранпаспорта для своего руководства, переводили за границу материальные ценности, среди бела дня жгли на улицах архивы своих организаций. Такие же настроения стали охватывать ВСТ и социалистов. Так как коммунисты на заседаниях комитетов Народного фронта продолжали призывать к сопротивлению, во многих местах эти заседания стали проводить без них.

Комитет связи НКТ-ФАИ (по сути, центральный орган руководства анархистов) 16 февраля публично заявил, что не допустит назначения вернувшихся из Франции военачальников-коммунистов на какие-либо посты в армии. Позднее анархисты, не знавшие еще о контактах Касадо с разведкой франкистов, вообще призвали к «искоренению компартии».

Но пока Касадо еще надеялся отеснить компартию от всех рычагов

власти руками самого Негрина. Глава правительства вернулся из Франции 9 февраля немного растерянным и удрученным плохими боевыми качествами, проявленными Народной армией в Каталонии. Он довольно язвительно отзывался о коммунистах, и именно эти настроения хотел использовать в своих интересах Касадо. 12 февраля Негрин прибыл в Мадрид и в течение пяти часов беседовал с полковником. Но Касадо встретил уже вернувшего себе прежний боевой дух премьера. Полковник долго убеждал Негрина в необходимости прекратить сопротивление и заключить с Франко почетный мир. Негрин сообщил Касадо, что еще 1 февраля попросил Францию и Англию о посредничестве в деле прекращения огня на основе трех условий, выдвинутых в Фигерасе. Англичане и французы действительно пытались сделать это, но натолкнулись на жесткий отказ «генералиссимуса». Забегая на 1 день вперед, скажем, что 13 февраля Франко опубликовал закон о политической ответственности, предусматривавший жесткие меры наказания за «подрывную деятельность», начиная с 1 октября 1934 года. Согласно этому документу вне закона ставились все организации Народного фронта, а также лица, оказывавшие сопротивление «национальному движению». Тогда Касадо стал говорить об отсутствии топлива и продовольствия. На это Негрин ответил, что за границей удалось приобрести и получить в виде помощи продовольствие на 15 дней, которое скоро прибудет в республику. Можно обеспечить основные потребности армии и в последующем. Касадо стал жаловаться на недостаток вооружения, особенно самолетов. Но и здесь Негрину было что ответить. На юге Франции, по его словам, было сосредоточено 500 орудий, 600 самолетов и 10000 пулеметов советского производства, которые можно будет переправить в Испанию.

Единственным позитивным моментом беседы для Касадо было согласие премьера на удаление коммунистов из правительства в случае, если это будет условием почетного мира. В тот же день, 12 февраля, Касадо было присвоено звание генерала. Негрин хотел выиграть время и успокоить честолюбивого офицера, пораженческая позиция которого ему не понравилась.

На что рассчитывал Негрин? Премьер ждал неизбежной вспышки противоречий между Англией, Францией и Германией. Необходимо было продержаться лишь максимум шесть месяцев, думал он, и европейская война покончит с Франко (удивительно, но прогноз Негрина сбился почти полностью). Пока же премьер стремился не обострять обстановку в лагере республиканцев, лавируя между опиравшимися на армию пораженцами и лишенными высших командных постов в этой же армии коммунистами.

Свою резиденцию Негрин разместил в небольшом местечке Эльда недалеко от средиземноморского побережья. Касадо предлагал главе правительства устроиться в Мадриде под его охраной, но Негрин прекрасно понимал, что ему готовится западня. Тогда Касадо стал распространять слухи, что Негрин со дня на день бежит из страны на иностранном военном корабле и поэтому не хочет находиться в столице.

Представитель Коминтерна в Испании Тольятти, вернувшийся в центрально-южную зону 16 февраля, после войны критиковал премьера за «размагниченный» и «богемный» стиль, из-за которого не были пресечены предательские происки Касадо. Но на самом деле Негрин находился практически в безвыходной ситуации. Его поездки по стране укрепили премьера во мнении, что тыл и войска на фронте готовы продолжать борьбу (Тольятти и здесь упрекал главу правительства за то, что он тратил время, в частности, на посещение образцовых публичных домов 4-го корпуса Меры в Гвадалахаре). Однако все генералы были настроены скептически и открыто требовали мира. В этой ситуации оставалось лишь одно: назначить на основные посты в армии коммунистов. Но Негрин понимал, что это вызовет вооруженный мятеж. К тому же сами коммунисты признавали, что в этом случае придется устанавливать диктатуру своей партии, а на это они идти не хотели. И все же премьер готовился к борьбе.

18 февраля Негрин встретился с советником армий центрально-южной зоны М. С. Шумиловым («генерал Шилов») и спросил, готово ли правительство СССР продолжать оказывать помощь республике. Одновременно такой же вопрос Негрин передал в Москву через Тольятти. Вскоре пришел положительный ответ Сталина, что укрепило позиции главы испанского правительства в предстоявшей схватке с капитулянтами-заговорщиками. Во время беседы с Негрином Шумилов поставил вопрос о смене руководства Народной армии. Какой смысл имела бы будущая советская военная помощь, если основные военачальники республики открыто говорили о скорой капитуляции?

24 февраля состоялась встреча Негрина с руководством компартии. По просьбе главы правительства предложения КПИ были переданы ему в письменном виде. Основным среди них были следующие: снятие Касадо и передача его военному суду, создание Маневренной армии во главе с Модесто и дислокация во всех крупных городах специальных батальонов для подавления возможных мятежей капитулянтов и «пятой колонны». Одновременно коммунисты заявили, что если правительство считает партию препятствием на пути достижения мира, то они готовы уйти со всех политически значимых постов.

Между тем еще 15 февраля Касадо заявил агентам СИПМ, что все готово к началу «штурма бастионов коммунизма». Введенный в заблуждение нарочитой уступчивостью Негрина, Касадо сообщил в Бургос, что со дня на день ожидает формирование нового правительства без коммунистов, где он, Касадо, займет пост военного министра. Свежеиспеченный генерал торжественно заверял, что вверенные ему войска не будут предпринимать на фронте каких-либо наступательных действий.

Контакты СИПМ с Касадо нужны были Франко в феврале для того, чтобы перегруппировать армию перед завершающим наступлением и добиться признания своего правительства Англией, Францией и США, что привело бы к ослаблению зависимости от Берлина и Рима. Сначала казалось, что добиться международной победы франкистам будет гораздо сложнее, чем военной.

Страдания и героизм населения республики в начале 1939 года привели к росту симпатий к ней в западном общественном мнении. Уже упоминалось заявление Рузвельта об ошибочности политики эмбарго, за которым последовало решение направить республике продовольствие. В Англии сочувствие республике выразили в январе 1939 года 72 % опрошенных (в октябре 1938 года таких было 57 %), а Франко пользовался симпатиями только 9 %.

Но, как всегда, настроения населения и правительств Англии и Франции в испанском вопросе расходились коренным образом. Позорной страницей английской внешней политики стало содействие в капитуляции республиканцев на острове Менорка, который был не по зубам франкистам на протяжении всей войны. Входящий в Балеарский архипелаг остров площадью 670 квадратных километров с населением 43 тысячи человек был хорошо укреплен и защищен мощными береговыми батареями.

Все мужское население от 18 до 50 лет было мобилизовано, а отлаженные сельхозпроизводство и система снабжения позволяли Менорке держаться практически неограниченное время. В январе 1939 года командующим на Менорке был назначен снятый с должности главкома ВМС за излишнюю пассивность адмирал Убиета, что, конечно же, не было дальновидным шагом Негрина.

8 февраля на рейде главной военно-морской базы Менорки Маона появился английский крейсер «Девоншир», командир которого попросил Убиету нанести ему визит вежливости. Приехавший на «Девоншир» адмирал неожиданно встретил там гражданского губернатора занятой мятежниками Майорки графа де Сан Луиса, который в ультимативном тоне

потребовал немедленной капитуляции гарнизона Менорки. Это требование поддержали англичане. Но Убиета отказался, и для большей убедительности на Менорку произвели налет 70 итальянских бомбардировщиков. Капитан «Девоншира» еще раз потребовал от Убиеты сдачи. Адмирал, выговорив себе право покинуть Менорку, капитулировал и граф де Сан-Луис прямо по радиостанции английского крейсера вызвал с Майорки франкистские войска, которые оккупировали остров. 450 человек по составленному Убиетой списку на борту «Девоншира» направились в эмиграцию.

В Англии поднялась буря возмущения. Чемберлен сначала изворачивался и сводил роль «Девоншира» к гуманитарной акции вывоза с острова командования республиканцев. Но потом британский премьер был вынужден признать, что капитан «Девоншира» действовал по поручению правительства, и вся операция была заранее согласована с мятежниками.

13 февраля, выполняя поручение Негрина, посол республики в Лондоне Аскарате вручил в Форин офис ноту, в которой выражалось согласие на немедленное прекращение военных действий, если Великобритания гарантирует недопущение политических репрессий в Испании после войны. Но в феврале основной заботой Парижа и Лондона в испанском вопросе было скорейшее признание правительства Франко, пока оно окончательно не попало в объятия оси Берлин-Рим. Причем Лондон, опасаясь негативной реакции в США (Белый дом был завален десятками тысяч телеграмм, требовавших от Рузвельта не признавать диктаторский режим Франко), побуждал Париж сделать шаг навстречу Франко первым. В начале февраля в Бургос был направлен «с частной миссией» бывший министр просвещения Франции академик Леон Берар, жена которого была испанкой.

Берар должен был выяснить условия нормализации отношений Франции с «национальной» Испанией. Французского посланца долго не принимали. Затем Хордана подчеркнуто холодно сообщил, что Франция должна признать режим Франко де-юре без всяких проволочек и немедленно передать ему все активы (включая золото Испанского банка и советское оружие), находящиеся на ее территории.

18 февраля Франко сообщил англичанам, что не даст никаких письменных гарантий побежденным республиканцам. Они должны положиться на «благородство» «генералиссимуса». Этот ответ звучал как издевка для тех, кто помнил резню в Бадахосе и Малаге.

Франкисты детально сообщали о своих переговорах с англичанами и французами, немцам и итальянцам, которые рекомендовали, не идти ни на

какие уступки, приводя пример Мюнхена. Итальянские газеты открыто смеялись над «слабаками-французами».

Англичане, вызвав Аскарате, сообщили ему, что готовятся направить Франко ноту, в которой просят каудильо разрешить свободный выезд после войны всем желающим и судить виновных «в преступных действиях» по испанскому закону и в «разумных пределах». Форин офис хотел знать мнение республики. Аскарате сказал, что согласие на такой мир может дать только Негрин, и запросил телеграммой мнение премьера. Но Негрин не получил это донесение, так как в Мадриде его перехватил Касадо. 21 февраля англичане жестко заявили Аскарате, что если на следующий день они не получат ответ республиканского правительства, то оставляют за собой полную свободу действий в отношениях с Франко.

Не исключено, что Касадо действовал в Мадриде по согласованию с британским консулом, которого хорошо знал и с которым часто встречался. И англичане, и Касадо хотели свалить Негрина, выставив его противником и основным препятствием на пути заключения мира. Касадо мешал и связи приходившего в себя после Каталонии Рохо с военными в центрально-южной зоне. Рохо удивлялся, почему военное министерство не отвечает на его письма, отправленные в Мадрид из Франции дипломатической почтой. Ларчик открывался просто: почту перехватывала военная разведка (СИМ) Центральной армии по поручению Касадо. В конце февраля встревоженный Рохо направил самолетом своего адъютанта в Мадрид. На аэродроме Баррахос тот был сразу арестован по приказу шефа СИМ социалиста Педреро и без всяких объяснений заключен в тюрьму. Его выпустили только утром 28 марта, когда в преданный Мадрид уже вступали франкисты.

Чтобы хотя бы как-то сохранить лицо Лондон и Париж стали уговаривать президента Асанью подать в отставку, надеясь, что это вызовет окончательный коллапс республики и облегчит признание Франко де-юре. Но тот пока отказывался. Тогда, отбросив все условности, 27 февраля 1939 года Англия и Франция заявили о признании Франко де-юре в качестве единственного законного правительства Испании. Это был серьезный удар по всем патриотам в центрально-южной зоне, кто был готов продолжать сопротивление. Рушилась все «международная» аргументация Негрина — зачем теперь и дальше проливать кровь испанцев, если надежда на изменение позиций западных стран рухнула окончательно?

Еще до этих событий Негрин направил в Париж министра иностранных дел Альвареса дель Вайо, чтобы он уговорил Асанью вернуться на родину. Узнав об этом, Касадо попросил несколько членов

Левой республиканской партии (в которую входил Асанья) также поехать в Париж, чтобы не допустить возвращения президента. К тому же посланцы Касадо должны были уговорить Асанью отправить Негрина в отставку и поручить формирование правительства из правых социалистов и республиканцев бывшему президенту кортесов, члену ИСРП Бестейро. Бестейро, как уже упоминалось выше, еще с 1937 года не скрывал своих капитулянтских настроений, а его ненависть к Негрину была беспредельной (Бестейро в лицо назвал Негрина игрушкой в руках коммунистов).

Узнав о признании Франко Англией и Францией, Асанья в тот же день, 27 февраля, написал письмо президенту кортесов Мартинесу Баррио, в котором сообщал о своей отставке. Помимо факта признания режима Бургоса Западом, в качестве причин своего шага Асанья приводил невозможность продолжения войны (при этом он сослался на упомянутый выше письменный доклад Рохо) и исчезновение государственного аппарата, политических партий и парламента.

Это был очень тяжелый удар по Негрину, нанесенный как раз тогда, когда премьер собирался покончить с пораженцами. Согласно испанской конституции новый глава республики должен был быть назначен в течение 8 дней. Но для этого надо было созвать всех депутатов кортесов, а также провести выборы выборщиков (президента избирала, как мы помним, особая Ассамблея, образованная из всего состава парламента и выборщиков в таком же количестве, избираемых всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием). Было ясно, что проводить какие-бы то ни было выборы в Испании невозможно. Временно исполнять обязанности главы государства мог президент кортесов Мартинес Баррио, и Негрин немедленно предложил ему этот вариант. В ответ спикер парламента сообщал, что может быть утвержден в новой должности только кортесами. В парижском ресторане «Ла Перус» собралась постоянная комиссия кортесов из 16 депутатов (включая всех вице-президентов, кроме Долорес Ибаррури), которая дала санкцию Мартинесу Баррио на занятие высшего поста в государстве. Но 3 марта решили опять проконсультиться с Негрином. «Конституционный кризис» на пустом месте затягивался, что давало Касадо долгожданный предлог для путча.

Однако Негрин, окончательно придя в себя после каталонской катастрофы, не собирался сдаваться даже теперь. Он разрабатывал планы продолжения войны. Премьер дал согласие на создание Маневренной армии во главе с Модесто. Даже если не представлялось возможным удержать Мадрид в случае франкистского наступления, правительство

было готово сражаться на коротком фронте в окрестностях Валенсии. Примечательно, что и сам Франко начал сомневаться в возможностях Касадо и уже запланировал новое наступление на Мадрид, которое в случае необходимости сопровождалось бы ударом в направлении Валенсии.

В своей политике продолжения войны Негрин по-прежнему безоговорочно мог рассчитывать только на КПИ. Руководство партии вместе с Тольятти находилось в местечке Эль Пальмар (провинция Мурсия), недалеко от резиденции премьера. Кроме компартии Негрин мог опираться только на часть руководства своей ИСРП. Анархисты и республиканцы активно сотрудничали с Касадо, готовя переворот, ВСТ пребывал в прострации.

Негрин и коммунисты не были принципиально против мира. Но они понимали, что Франко пойдет на переговоры только с уверенным в себе правительством, готовым, в крайнем случае, драться до последнего. В самом лагере мятежников не хотели новых кровопролитных операций, так как и в «национальной зоне» терпение людей было на пределе.

25 февраля 1939 года Франко лично отдал своим эмиссарам на связи с Касадо приказ «ускорить события». 27 февраля Касадо ответил, что завтра будет сформирована хунта, и он просит принять Бестейро для оформления капитуляции. Но Франко, воспрянув духом после его признания Лондоном и Парижем и отставки Асаньи, ответил, что не будет иметь дело «с гражданским лицом» (Бестейро) и требует прибытия в Бургос 2 марта одного-двух «профессиональных военных» невысокого ранга для решения технических вопросов сдачи Народной армии.

2 марта один из приближенных Франко генерал Вилен ожидал на аэродроме Гамональ под Бургосом эмиссаров Касадо. Но они не прибыли. Получив жесткий ответ «генералиссимуса», Касадо и его сообщники заколебались. Их план создания «сильного» военно-гражданского правительства, которое, в отличие от Негрина, добьется почетного мира, был под угрозой провала.

Тем временем Негрин и коммунисты, зная о том, что переворот в Мадриде ожидается со дня на день, сами решили, хотя и с опозданием, взять инициативу в свои руки. Тем более, что 2 марта Касадо фактически открыл карты Идальго де Сиснеросу. Он сказал главкому ВВС, что только военные могут добиться от Франко почетного мира, а Негрин должен уйти с дороги. Он, Касадо, выторгует у «каудильо» не только гарантии от репрессий, но и невступление в Мадрид иностранных войск, а также признание за офицерами Народной армии их званий (вернувшись после войны в Испанию, Касадо до самой смерти добивался признания своего

генеральского звания, но безуспешно). Идальго де Сиснерос рассказал о беседе с Касадо Негрину.

Но премьер все еще надеялся, что Касадо одумается и вместо того, чтобы арестовать заговорщиков, собрал 2 марта в Эльде совещание высшего военного командования для обсуждения основных положений своей программной речи о целях правительства, с которой он намеревался выступить 6 марта. На этом же совещании было заявлено о перестановках среди военных. Расформировывалась группа армий центрально-южной зоны и все командующие армиями (с которыми уже успел договориться Касадо) переходили в непосредственное подчинение военного министра, т. е. самого Негрина. Миаха получил должность генерального инспектора армии (пост скорее церемониальный). Матальяна становился начальником штаба армии Центра, а Касадо — начальником Генерального штаба. На место Касадо командующим армией Центра назначался подполковник — коммунист Буэно (бывший командующий 2-м корпусом армии Центра). Модесто получил еще несформированную Маневренную армию, а Листер — Андалусский фронт. Другой видный коммунист-военачальник Франсиско Галан должен быть принять командование над главной базой ВМС в Картахене.

Группа Касадо поняла, что она лишается реальной власти в вооруженных силах и начала распространять слухи о коммунистическом перевороте в Народной армии. Медлить с путчем заговорщикам было нельзя еще и потому, что в своей предстоящей речи Негрин хотел подробно рассказать обо всех усилиях правительства по достижению почетного мира и о негативной реакции Франко на все эти инициативы. На совещании 2 марта премьер зачитал проект своего выступления, который звучал очень убедительно и, несомненно, укрепил бы в рядах республиканцев волю к сопротивлению.

Свой первый удар заговорщики решили нанести в Картахене. Однако капитулянты не знали, что параллельно в этом городе зрел мятеж «пятой колонны». Еще 10 февраля СИМ напала на след франкистских заговорщиков и произвела среди них аресты. Но затем часть арестованных снова по непонятным причинам выпустили на свободу, из чего те сделали вывод о полном параличе государственной власти в Картахене.

2 марта 1939 года командующий ВМС адмирал Буиса собрал на борту флагмана флота «Мигель де Сервантес» совещание высшего командного состава и комиссаров (членов ИСРП) на котором сообщил, что военное командование дало Негрину 24 часа, чтобы закончить войну. Если премьер не примет ультиматум, то флот покинет Испанию. Это было уже открытое

неповиновение.

3 марта Негрин направил в Картахену министра внутренних дел и видного политика ИСРП Паулино Гомеса. Услышав от флотского командования, что все пропало и надо сдаваться, министр справедливо заметил, что этот вопрос должны решать те, кто рискует своими жизнями в Мадриде и Эстремадуре, а не те, кто всю войну просидел «в уютных каютах». Ни Гомесу, ни посланному позднее Главному военному комиссару Оссорио-и-Тафалю не удалось добром образумить капитулянтов.

4 марта в Картахену прибыл новый командующий базой Галан, имевший от Негрина указание «договариваться, договариваться, договариваться». Именно поэтому Галан нарушил указание своего партийного руководства и оставил под городом приданную ему 206-ю пехотную бригаду. Бывший командующий базой Бернал был пассивен и, не сопротивляясь, передал полномочия Галану. Дело было в том, что перед самым приездом Галана командующему базой позвонил из Мадрида ближайший сподвижник Касадо Матальяна и сообщил, что переворот переносится на 6 марта.

Но тут решила выступить «пятая колонна». Франкистские заговорщики под руководством начальника штаба ВМС Фернандо Оливы арестовали Галана и вывели на улицу морскую пехоту и артиллеристов флота. Утром 5 марта в Картахену прибыл отставной генерал Баррионуэво Нуньес и, обосновавшись в артиллерийском парке, взял руководство мятежом на себя. На улицы высыпали вышедшие из подполья фалангисты, которым в начавшейся неразберихе удалось захватить радио Картахены. Уже к концу дня 4 марта путчисты контролировали город и с криками «Вива Франко!» арестовали более 3000 сторонников республики. Командующий флотом Буиса потребовал от мятежников освободить Галана, угрожая огнем с кораблей. Мятежники вынуждены были подчиниться, но запретили Галану покидать пределы Картахены.

С утра 5 марта береговые артиллерийские батареи в свою очередь потребовали от кораблей ВМС сдаться в течение 15 минут. Но за ультиматумом стрельбы не последовало, так как путчисты уже вызвали по радио десантные корабли франкистов и авиацию, чтобы захватить Картахену вместе с флотом. Прилетевшие вскоре итальянские бомбардировщики потопили два эсминца. В середине дня в порт на автомобиле прибыл Галан в сопровождении нескольких офицеров. Они заявили, что город в руках Франко, а Негрин приказал не проливать больше крови. После этого адмирал отдал приказ всей эскадре из 11 боевых кораблей выйти в открытое море, чтобы не попасть в руки мятежников.

Галана взяли на один из кораблей. Его попытки задержать выход флота ни к чему не привели. Были арестованы все коммунисты — члены экипажей, возражавшие против ухода флота из Картахены.

Но уже утром 5 марта в Картахену на грузовиках ворвались поднятые руководством КПИ передовые части 206-й бригады, которые были обстреляны восставшими. Тогда бойцы бригады с помощью местных коммунистов и прибывших из учебного центра Арчена нескольких танков перешли в решительное наступление, отбили у мятежников радиостанцию флота и с боями дошли до центральных улиц. Весь день 5 марта в Картахене шла ожесточенная борьба. Утром 6 марта правительственные войска сняли блокаду с героически оборонявшегося местного комитета КПИ. Окопавшиеся в артиллерийском парке 2000 путчистов вынуждены были сдать в течение этого дня. Один из их командиров взорвал себя гранатой с криком «Вива Эспанья!».

Негрин срочно приказал Буисе вернуть флот на базу. Но почти одновременно адмирал получил ложное сообщение Касадо, что артиллерийские батареи Картахены все еще находятся в руках восставших. После этого Буиса продолжил движение на Алжир, где французские власти приказали эскадре следовать в Бизерту (в этом же тунисском порту нашли в 1920 году свой последний причал остатки белого флота армии генерала Врангеля). Там корабли были разоружены, а 4000 моряков направлены в лагерь для интернированных лиц в Сахару. В лагере остался и Буиса, вступивший в начале Второй мировой войны во французский Иностранский легион, чтобы на полях сражений загладить свою вину.

Потеря флота еще больше подорвала позиции Негрина. И на этом фоне не слишком обрадовало потопление в Картахене десантного корабля мятежников «Кастильо де Олите» с 3500 солдатами на борту (400 франкистов было взято в плен). Франко отдал приказ о десантной операции в Картахене еще 5 марта. Корабли вышли в море, но, поняв, что главная база ВМС вновь оказалась в руках республиканцев (самолеты мятежников были обстреляны зенитными батареями города), «генералиссимус» по радио приказал десантной группировке вернуться обратно. Но на «Кастильо де Олите» не было радиации, что и решило его судьбу. Помимо войск и артиллерии, на потопленном корабле находился и специальный трибунал, который планировал немедленно приступить к расправам над сторонниками республики.

Последние очаги мятежа в Картахене были подавлены 8 марта, а его руководитель Барринуэво был взят в плен. Провал путча показал франкистам, что республика готова оказывать действенное сопротивление

и будущее генеральное наступление не будет легкой прогулкой.

Негрин созвал совещание правительства с участием высших военных чинов в Эльде. Но Касадо отказался прибыть, ссылаясь на плохое здоровье (у генерала подозревали язву желудка и он действительно время от времени соблюдал постельный режим), и удерживал в Мадриде нескольких министров, убеждая их, что война проиграна. Негрин послал за Касадо и членами кабинета самолет, но на нем вернулись только министры.

А Касадо направился с Бестейро и другими заговорщиками в капитальное здание Министерства финансов, в подвалах которого и разместился штаб путчистов (они боялись бомбежек находившейся в руках коммунистов авиации). Касадо прямо сказал собравшимся, что восстал против правительства Негрина. А это самое правительство в 9 часов вечера 5 марта прервало свое заседание на ужин.

В 12 часов ночи популярный диктор Мадридского радио Аугусто Фернандес зачитал короткую сводку с фронта (там в тот день за исключением нескольких бомбежек «не было новостей, заслуживающих упоминания»). Затем он взял в руки переданные ему Касадо три машинописные страницы манифеста путчистов, начинавшегося словами «Испанские трудящиеся! Антифашистский народ!» (этот документ готовило политическое руководство анархистов). В манифесте далее говорилось о незаконности правительства Негрина после отставки Асаньи. Премьера голословно обвиняли в том, что он готовит позорное бегство за границу, оставляя свой народ истекать кровью на навязанной иностранцами (намек на СССР) войне. Чтобы предотвратить готовящееся предательство Негрина всю полноту власти берет на себя Совет национальной обороны, который-де разделит участь народа: «Или мы спасемся все вместе, или же погибнем все вместе» (эту фразу произнес ранее сам Негрин, но путчисты об этом естественно не упомянули). Бестейро далее говорил, что единственной легитимной властью на сегодняшний день является «власть военных». Бестейро бичевал «катастрофический фанатизм» Негрина (хотя перед этим в манифесте путчисты говорили о трусости премьера) и обещал поражение «с честью и достоинством». Закончив выступление, Бестейро зарыдал.

Сменивший его у микрофона командующий 4-м корпусом анархист Мера не был столь сентиментален. И он обозвал Негрина предателем (что или кого конкретно предал премьер — так и осталось тайной). И он обещал почетный мир. Если же Франко отвергнет мирные предложения, то Мера «торжественно» клялся биться до самой смерти, чтобы защитить независимость Испании.

Наконец, слово взял Касадо, обратившийся ко всем испанцам «по обе стороны траншей». Генерал заверил, что Народная армия не сложит оружия, пока не будет гарантирован почетный мир «без преступлений».

Все заявления Совета национальной обороны произвели на радиослушателей странное впечатление. Ведь Совет хотел того же, чего и Негрин — почетного мира или продолжения сопротивления. Уставшим от многих месяцев войны людям было тяжело понять смысл образования Совета. Они не знали о связях Касадо с Франко. Многие думали, что военные без коммунистов и Негрина действительно добьются от Франко достойных условий прекращения войны.

Первоначально Касадо сам хотел возглавить Совет, но затем уговорил занять пост его главы все еще популярного в народе генерала Миаху (совсем «отупевшего» по словам Тольятти от наркотиков и алкоголя). Себе Касадо взял вопросы обороны, а Бестейро получил в управление международные отношения. Другой видный деятель ИСРП и отец вождя ОСМ Сантьяго Каррильо Венсеслао заведовал в Совете внутренними делами (отец и сын долго не могли помириться, хотя после войны Венсеслао выступал за единство действий ИСРП и КПИ). В Совет вошли также малоизвестные политики из ВСТ, НКТ и из республиканских партий, хотя никаких полномочий от центральных органов этих организаций на участие в хунте Касадо у них не было.

Венсеслао Каррильо немедленно дал телеграмму всем гражданским губернаторам провинций с требованием подчиниться Совету (в противном случае грозили «последствиями»). Во многих местах, получив телеграмму, губернаторы стали арестовывать видных коммунистов. В Мурсии ареста едва избежала Долорес Ибаррури.

Позднее с поздравлениями позвонил из Валенсии Миаха и Касадо пригласил его в столицу, чтобы вступить в руководство Советом. Через некоторое время Касадо снова позвали к телефону. На этот раз звонил Негрин, спросивший, что происходит. «Мы восстали», — ответил Касадо. «Против кого?» «Против Вас». «Против меня? Что за вздор. Я смещаю Вас». Касадо говорил еще о долге чести испанского офицера, добавив, что не признает присвоенного ему генеральского звания (он боялся, что генеральский чин из рук «марксиста» Негрина вызовет недовольство Франко).

Негрин пытался по телефону добиться от кого-нибудь в столице ареста Касадо, но получил уклончивые ответы. Ничего не дал и телефонный разговор с Касадо министра внутренних дел Паулино Гомеса.

Заместитель Негрина по военному министерству коммунист Кордон

обзвонил командующих армиями. Те заявили о лояльности Негрину, но одновременно отказались предпринять какие-либо действия против Касадо. Командующий армией Леванта генерал Менендес потребовал от Негрина в течение трех часов освободить якобы взятого в Эльде под домашний арест бывшего начальника штаба Касадо Матальяну, пригрозив в противном случае «смести» кабинет с помощью пулеметов. Он же требовал немедленного прекращения войны, иначе его войска самовольно оставят фронт. Матальяна, которого никто и не удерживал, был отпущен.

Касадо отключил телефонную связь правительства, но вскоре сам позвонил Идальго де Сиснеросу. Сославшись на полученные от гражданского губернатора Аликанте (портовый город в 30 километрах от Эльды) тревожные сведения, он просил главкома ВВС не бомбардировать город. Сиснерос согласился, но потребовал немедленно включить телефонную связь.

А Негрин тем временем мучительно принимал самое ответственное в своей жизни решение. В его распоряжении в Эльде было только 80 партизан-коммунистов из 14-го особого корпуса. Премьер понимал, что путч Касадо означает самоубийство республики, но в то же время не хотел кровопролития внутри республиканского лагеря. Он заявил, что вынужден покинуть страну, но затем, поддавшись уговорам, сделал последнюю попытку помириться с Касадо. Главе Совета было передано послание, в котором констатировалось, что между целями правительства и Совета нет никаких расхождений, и предлагалось направить уполномоченное лицо для преодоления разногласий.

Касадо был готов согласиться, но Бестейро, Мера и Венсеслао Каррильо были решительно против. К тому времени антикоммунизм Бестейро приобрел уже зоологический характер. В полном тексте его выступления по радио, который он не решился 5 марта произнести в Мадриде, говорилось о необходимости для всех испанцев «готовиться к великому антикоммунистическому походу».

Мера перебросил в Мадрид 70-ю бригаду анархистов, которая совместно с карабинерами и частями штурмовой гвардии начала захватывать помещения КПИ и арестовывать коммунистов.

В понедельник 6 марта правительство ожидало ответа хунты. Негрин отдыхал, Альварес дель Вайо и Модесто играли в карты. В два часа дня поступила информация, что Аликанте в руках путчистов, и они вот-вот будут в Эльде, чтобы взять Негрина и его сторонников под стражу. На двух «дугласах», предоставленных Идальго де Сиснеросом, Негрин и руководство компартии покинули Испанию. В стране остались Тольятти и

член ЦК КПИ Педро Чека, чтобы организовать эмиграцию партийных кадров и подготовить подпольную сеть компартии.

Отъезд правительства и ведущих коммунистов был преждевременным и предопределил успех мятежа Касадо. Между тем позиции Совета (его в народе именовали в основном хунтой) были очень слабыми. Из четырех армейских корпусов армии Центра, лишь только 4-й корпус под командованием Меры поддерживал путчистов. Тремя другими корпусами руководили коммунисты. На стороне компартии были и командиры саперных и партизанских частей, а также танковых подразделений. За Касадо было только руководство инженерных войск. Из 200 тысяч солдат и офицеров армии Центра хунта могла положиться только на 50 тысяч. В армии Леванта почти все части были против переворота, хотя ее командующий генерал Менендес твердо поддерживал Касадо. Армии Эстремадуры и Андалусии ждали, чем все закончится, и определенных симпатий не высказывали.

Мадридские коммунисты (хотя и отрезанные от центрального руководства партии) сразу же после путча предложили командиру одного из корпусов полковнику-коммунисту Буэно возглавить верные правительству войска и подавить мятеж. Но Буэно, переговорив по телефону с Касадо, занял нейтральную позицию (Тольятти полагал, что здесь сыграла свою роль принадлежность Касадо и Буэно к масонству). Но командир 1-го корпуса коммунист Барсело немедленно согласился и привел в боевую готовность часть своих войск. Следует подчеркнуть, что коммунисты с самого начала решили использовать против хунты только резервные части, чтобы не оголять фронт.

Третий комкор-коммунист Ортега (тоже масон) колебался, но частей Барсело было вполне достаточно. Основную роль в организации военного сопротивления мятежу играл командующий 8-й резервной дивизией коммунист майор Асканио. Когда некоторые офицеры его штаба спросили, не стоит ли подождать приказа правительства, Асканио ответил, что для борьбы с предательством приказы ему не нужны.

Уже 6 марта части Асканио и подошедшие ему на помощь из Алкала-де-Энарес партизаны и танкисты заняли штаб-квартиру армии Центра (так называемая «позиция Хака») и здания ряда министерств (причем на сторону коммунистов перешел один батальон касадистов). Но мадридское руководство КПИ никак не могло связаться ни с правительством, ни с членами ЦК партии, чтобы запросить конкретные указания.

Путч Касадо встретил резкое осуждение со стороны бывшего президента Асаньи, чьим именем прикрывалась хунта. Асанья сравнил

действия Касадо с мятежом 18 июля 1936 года. Германская пресса снисходительно писала, что никакие показательные антикоммунистические действия части республиканского лагеря не разжалобят Франко. В западных столицах совершенно правильно считали, что основной задачей Совета национальной обороны является скорейшая и безболезненная передача власти Франко.

Вися на волоске от гибели, Касадо срочно попросил Франко начать наступление в Мадриде, обещав поддержать его ударом с тыла. Но посланный для согласования этой операции подполковник мятежников заблудился и попал в руки к коммунистам. Одновременно противники Касадо узнали, что правительство и руководство КПИ покинули Испанию, оставив указание готовиться к переходу на нелегальное положение. Комкор Ортега по личной инициативе провел переговоры с хунтой, которая согласилась заключить с коммунистами мир и не преследовать членов партии.

На самом деле Касадо тянул время и ждал наступление франкистов, а также подхода частей анархистов из Эстремадуры. Последние полностью оголили фронт, но мятежники только подбадривали их криками, желая поскорее «разделаться с красными». Когда части анархистов проходили через простреливаемый франкистами мост у Арганды, по ним не было сделано ни единого выстрела.

Несмотря на заключенное перемирие, Совет вел по радио безудержную пропаганду против компартии, обвиняя ее в насильственном изменении общественного строя. Бестейро клялся, что хунта не допустит коммунистической тирании.

А в это время франкисты и касадисты одни с фронта, а другие с тыла напали в Каса-де-Кампо на 7-ю дивизию республиканцев. Та немного подалась назад и быстро разделалась с частями Касадо. Затем блестящей контратакой были отброшены на исходные позиции и франкисты, причем 90 их солдат попало в плен.

8 марта коммунистические части продолжали очищать от предателей Мадрид. Власть хунты распространялась уже только на несколько кварталов в центре столицы. В Леванте 22-й корпус перерезал все коммуникации между столицей и Валенсией и был готов выступить на помощь противникам хунты вместе с танками. В Мадриде руководство сопротивлением решило больше не растрачиваться на постепенное овладение городом, а нанести решительный удар по зданию министерства финансов и покончить с хунтой.

Но 9 марта наступление не достигло цели, а в Мадрид вступили уже

войска Меры, обманом захватившие Алкала-де-Энарес. Они шли на верных правительству солдат с криками «Да здравствует республика!» и протягивали руки; затем коммунистические части были разоружены. Вечером войска Меры отбили «позицию Хака». В тот же день с пропуском Миахи из Валенсии прибыл курьер политбюро ЦК КПИ, Он передал мнение партийного руководства, что борьбу с хунтой надо прекратить, так как правительство Негрина добровольно покинуло страну, а переговоры Касадо с Франко сорвались. К тому же Миаха гарантировал КПИ полную легальность. Но одновременно мадридской парторганизации рекомендовали продолжить борьбу («раз уж она была начата») и пообещали прислать на помощь в случае необходимости 22-й корпус из Леванта. Но все же лучшим выходом, по мнению центрального партийного руководства, было бы заключение соглашения с Касадо, так как победа компартии в Мадриде даст капитулянтам предлог, чтобы открыть фронт и свалить на КПИ поражение в войне.

10 марта верные хунте войска продолжали теснить коммунистов, но к концу дня при помощи частей 2-го корпуса те вернули утраченные позиции.

11 марта сохранялось неустойчивое равновесие. Некоторые руководители мадридской парторганизации предлагали вызвать верные КПИ войска с фронта в Сьерра-Гуадарраме. Но, учитывая мнение политбюро, было решено начать переговоры с хунтой. Касадо выдвинул следующие условия: возвращение всех воинских частей на свои места и освобождение обеими сторонами пленных. Санкции хунта обещала применять только к виновникам конкретных преступлений. Касадо согласился сохранить все права КПИ и принять делегацию партии. В воскресенье, 12 марта, длившаяся целую неделю братоубийственная борьба в Мадриде прекратилась. Она стоила республике более 2000 убитых и окончательной потери надежды на достойный мир. Несомненно, что коммунисты могли бы легко подавить путч Касадо при привлечении сил хотя бы только из армии Центра. Но отъезд Негрина выбил у них из рук решающий козырь: в Испании уже не было никакого другого правительства, кроме хунты.

Несмотря на обещания Касадо не применять смертной казни, был расстрелян подполковник Барсело и его комиссар (тоже член КПИ) Конеса (правда, коммунисты в ходе боев также расстреляли нескольких сторонников хунты). Начались аресты коммунистов, как в Мадриде, так и в провинциях. 17 марта «министр внутренних дел» хунты «левый» социалист Каррильо направил всем губернаторам провинций специальную

телеграмму с требованием приступить к арестам наиболее видных членов КПИ. Таким образом, предав Негрина, Касадо предал и своих вчерашних товарищей по оружию. Он давно завидовал успехам коммунистов-военачальников, их популярности в Народной армии. И вот настало время свести счеты. Следует отметить, что многие видные сторонники хунты, в том числе Миаха и Менендес не препятствовали деятельности партийных организаций коммунистов. Несколько десятков комитетов Народного фронта отказались исключить из своего состава членов КПИ.

Но предательство Касадо не ограничивалось расправой с коммунистами, чем он хотел заслужить благосклонность Франко. Ему хотелось отомстить еще и советским военным советникам, которые были весьма невысокого мнения о полководческих талантах полковника. Ведь именно Касадо предпринял, как мы помним, в октябре 1937 года «молниеносный» танковый рейд на Сарагосу, закончившийся провалом и потерей многих только что поступивших в Испанию новейших танков БТ-5.

К моменту путча Касадо в центрально-южной зоне находилось 25 советских граждан, включая советников (при штабе группы армий зоны, армий Центра, Андалусии и Эстремадуры, а также при штабе флота в Картахене), переводчиков и технический персонал. 6 марта, узнав по радио о перевороте, советник при армии Центра попросил Касадо выдать пропуска для отъезда в Валенсию, так как правительство Негрина, с которым у СССР была договоренность о военной помощи, уже не существует. 6 марта, когда еще не начались бои с коммунистами, Касадо без проволочек выдал пропуска. Хотя в этот же день мятежный полковник призвал по радио взять под контроль все порты и аэродромы, чтобы «ответственные за испанскую трагедию не могли сбежать». Видимо, Касадо рассчитывал передать советских советников Франко, чтобы лишний раз доказать свою преданность.

На рассвете 7 марта группа советских граждан под охраной группы республиканского спецназа и броневика прибыла на небольшую посадочную площадку неподалеку от Альбасете, откуда присланный французской компартией самолет переправил в Алжир первую группу из 8 человек (женщин-переводчиц и больных). Шумилов успел встретиться с Негрином, который поблагодарил за службу, но с сожалением («я уже ничего не решаю») сообщил, что не может найти для вывоза советских советников транспортные самолеты. Советники вернулись на аэродром, который вскоре был окружен частями хунты, командир которых потребовал от всех советских граждан явиться к ним в штаб. Дав такое обещание,

советники незаметно ушли в горы, где нашли новую посадочную площадку. Но Шумилов решил для порядка попросить помощи у Касадо и связался с ним по телефону из расположенной неподалеку от аэродрома будки железнодорожного путевого обходчика. На этот раз тесный в столице коммунистами Касадо вел себя совершенно иначе. Он потребовал от Шумилова немедленно прибыть в Мадрид и обратиться по радио к коммунистам с призывом прекратить борьбу. Шумилов отказался, заявив, что советским советникам запрещено вмешиваться во внутренние дела Испании. Тогда Касадо стал угрожать, что расстреляет всех советских граждан. 17 советских добровольцев были действительно арестованы касадистами и перевезены в Аликанте. Шумилов вылетел в Алжир со своего пока не обнаруженного аэродрома, но самолет, испорченный вредителями (они разбавили бензин водой) совершил вынужденную посадку. Касадисты арестовали Шумилова и сопровождавшую его группу, также доставив их в Аликанте.

В течение двух суток советские граждане пребывали в состоянии полной неопределенности. Касадо было временно не до них, так как он едва удерживал свою штаб-квартиру в Мадриде.

Советским специалистам угрожали расстрелом, но когда шантаж не возымел действия, арестованные были обобраны до нитки и отправлены обратно на аэродром. Касадо боялся расстрелом советских граждан спровоцировать коммунистов на решительные меры против хунты. 12 марта 21 советский военный специалист прибыл в Алжир. 4 советника из Картахены, чудом пережив мятеж, ушли в месте с флотом в Тунис.

Как только хунта стала хозяином положения в Мадриде, Касадо и Матальяна сообщили по каналам СИПМ, что готовы немедленно прибыть в Бургос для переговоров о капитуляции. Но чтобы одновременно успокоить тыл, Касадо заявил в интервью иностранным корреспондентам, что, если Франко не пойдет на почетный мир, то республиканская армия «окажет доблестный отпор захватчикам». Совет национальной обороны опубликовал и свои условия мира: гарантии против репрессий, уважение жизни и свободы кадровых офицеров республиканской армии, а также тех офицеров, кто вышел из рядов милиции (должен же был Мера позаботиться о себе) и не запятнал себя уголовными преступлениями, четкое разграничение между уголовными и политическими преступлениями, предоставление срока 25 дней для все тех, кто захочет покинуть Испанию. Таким образом, хунта хотела добиться от Франко лучших условий, чем правительство Негрина.

Но «генералиссимус» прекрасно понимал, что Совет национальной

обороны никого не представляет и его власть за пределами Мадрида является чистой фикцией. Даже приказ Венсеслао Каррильо об аресте коммунистов практически не выполнялся. Высшие чиновники и офицеры республиканской зоны думали только об эмиграции. Но хунта, продолжая свои преступления, запрещала покидать страну. Когда 17 марта в Картахену прибыло британское судно, готовое взять на борт всех желающих, последовал жесткий запрет нового командующего базой ВМС Саласа.

16 марта Франко ответил Касадо, что переговоры вести не о чем и капитуляция должна быть безоговорочной. В тому же после «бравого» интервью Касадо прессе ему дали понять, что никакой делегации присылать не надо. 18 марта по радио выступил Бестейро, опять предложивший переговоры. Но уже на следующий день ставка мятежников опять повторила свои условия: направление одного-двух офицеров в Бургос для согласования технических условий сдачи Народной армии. Посоветовавшись с британским консулом, хунта согласилась и 23 марта в Бургос прибыли подполковник Гарихо (давно связанный с мятежниками) и майор Ортега (однофамилец комкора-коммуниста). В тот же день Венсеслао Каррильо направил всем провинциальным властям указание формировать из партий Народного фронта (включая коммунистов) «хунты по эвакуации» из страны наиболее видных республиканцев. Вот так заканчивались торжественные клятвы добиться почетного мира. Но даже это указание Совета толком не было выполнено, так как в центрально-южной зоне царил хаос.

В Бургосе посланцам Касадо приказали перегнать 25 марта всю республиканскую авиацию на аэродромы мятежников и начать общую капитуляцию Народной армии 27 марта. Какие-либо документы франкисты отказались подписывать наотрез. Все еще на что-то надеясь, Касадо 25 марта попросил провести еще один раунд переговоров, но мятежники (впрочем, теперь мятежниками можно было назвать обе стороны постыдного сговора) не пошли на это, так как на их базы не прибыли республиканские самолеты (многие летчики к тому времени перегнали свои машины за границу). 26 марта хунта в спешном порядке направила в ставку Франко телеграмму, предлагая срочно выдать оставшиеся самолеты. Но ответ был жестким: общее наступление «национальных» войск назначено на 27 марта и частям Народной армии следует выходить им навстречу с белыми флагами и без оружия. После устранения хунтой коммунистов франкисты уже не ожидали от деморализованного противника какого-либо сопротивления.

Вечером 26 марта Совет национальной обороны обратился к

гражданам с обещанием обеспечить эвакуацию из страны всех желающих. Как бы издеваясь над населением, Касадо заявил, что до сих пор все клятвы Совета были выполнены.

Следующим утром франкисты начали осторожное наступление в Эстремадуре (в Мадриде даже в тот день они сначала боялись покинуть свои окопы). Разложенная Касадо и его сообщниками Народная армия сопротивления не оказывала. Уже в течение нескольких дней солдаты и офицеры в одиночку или целыми колоннами снимались с фронта и расходились по домам. Толпы гражданских и военных двигались в сторону средиземноморского порта Аликанте, который хунта Касадо объявила центральным пунктом сбора для желающих покинуть страну.

28 марта в 11 часов утра в здании клинического госпиталя Мадрида Мера оформил капитуляцию героических защитников столицы, которых так и не удалось сломить силой оружия. В этот же день все члены хунты, за исключением Бестейро (он был болен туберкулезом и остался в расчете на снисхождение победителей; тем не менее, его приговорили к 30 годам тюрьмы, где он и умер в 1940 году) на самолете бежали из Мадрида в Валенсию.

Между тем в портах Картахены, Аликанте, и Валенсии стояли несколько английских и французских судов, присланных специально созданным международным комитетом содействия эвакуации республиканцев. Капитаны судов ждали решения своих правительств, а те пытались договориться с Франко.

Прежде всего, правительства Англии и Франции позаботились о выдаче виз членам хунты. Касадо опять выступил по радио и опять врал, утверждая, что Франко разрешил эвакуацию через Аликанте. Причем глава хунты добавил, что до сих пор «генералиссимус» выполнил все данные ему, Касадо, обещания. Пока опасавшиеся репрессий люди стекались к Аликанте, сам Касадо отправился в порт Гандесу. Там у власти уже находились фалангисты. Но они не только не причинили Касадо никакого вреда, но даже снабдили его едой и напитками. Полковник, не теряя времени, поднялся на борт британского эсминца «Галатея», который доставил его в Лондон. Но там его приняли, как и подобает в случае с предателем, — плохо. Через несколько лет Касадо вернулся во франкистскую Испанию, и суд освободил его от наказания. До самой своей смерти в 1968 году Касадо добивался восстановления своего воинского звания, но так и не преуспел в этом.

А Франко принимал 27 марта первого французского посла — маршала Петэна, который вскоре станет главой марионеточного прогерманского

правительства вишистской Франции. Чтобы унижить французов, именно в этот день испанский диктатор объявил о присоединении к Антикоминтерновскому пакту.

Пока Касадо с комфортом плыл в Лондон, в порту Аликанте надеялись на спасение от 20 до 30 тысяч республиканцев. Коммунисту Виламону Торалю была поручена защита порта. На французском корабле действительно удалось вывести 400 человек, среди которых находились представители всех партий Народного фронта. Люди ждали новых судов, но вскоре, к своему ужасу, увидели, что выход из порта заблокирован кораблями франкистов.

30 марта жители Аликанте услышали из десятков громкоговорителей итальянскую фашистскую песню «Джиовинеза»: это входила в город моторизованная «добровольческая» дивизия «Литторио». Консулы Аргентины и Кубы, поддержанные представителями международного комитета содействия эвакуации, попросили разрешения создать в порту нейтральную зону на несколько суток для организованного проведения эвакуации. Французское правительство даже направило в Аликанте военный корабль, чтобы вывести тех, кто подвергся наибольшей опасности. Итальянцы сначала согласились на создание нейтральной зоны и специально зафрахтованное международным комитетом транспортное судно «Виннипег» было готово принять на борт 6000 человек, если французские и английские военные корабли прикроют его от возможного нападения ВМС Франко. Но ни Париж, ни Лондон не хотели обострения отношений с победителями, а Франко запретил вывоз людей из Аликанте.

В это время итальянцы и подошедшие части франкистов окружили порт пушками и пулеметами. Многие из попавших в западню людей истерически рыдали, другие кончали жизнь самоубийством (таких было 136, из них только один коммунист). 1 апреля колонны преданных уже во второй раз республиканцев вышли из Аликанте под конвоем победителей. Впереди их ждали смерть, пытки или, в лучшем случае, долгие годы тюрьмы. Итальянцы и франкисты соперничали между собой в ограблении беззащитных людей.

Остатки республиканской авиации сдавались на аэродроме Барахос под Мадридом, причем капитуляцию принимал не только главнокомандующий франкистских ВВС Кинделан, но и последний командующий легионом «Кондор» Вольфрам фон Рихтхофен. Немцы прилетели на «мессершмиттах» и по-хозяйски осматривали самолеты своих недавних врагов. А франкисты выворачивали карманы республиканских летчиков, отбирая все ценные вещи. Потом с пилотов даже сняли кожаные куртки.

Почти все летчики республиканских ВВС были приговорены к смертной казни и только немногим повезло: смертный приговор был заменен на 30 лет заключения.

1 апреля 1939 года Франко собственноручно написал последнюю военную сводку: «Сегодня, когда Красная Армия захвачена в плен и разоружена, национальные войска выполнили свои главные военные задачи. Война закончена» Хотя обычно военные сводки франкистов не отличались большой правдивостью, на этот раз «генералиссимус» не грешил против истины.

Так закончилась продолжавшаяся 986 дней гражданская война в Испании. Не будучи побеждена в бою, республика пала от удара в спину. Малодушие единиц всего лишь на какой-то миг оказалось сильнее героизма миллионов. Над Испанией вместо объявленного 17 июля 1936 года безоблачного неба, на долгие десятилетия опустилась страшная ночь варварской диктатуры.

Приложение

Из переписки премьер-министра Испанской республики Ф. Ларго Кабальеро с советским руководством 1936–1937 гг. [\[1\]](#)

«Товарищу Кабальеро.

Нам передал наш полпред тов. Розенберг выражение Ваших братских чувств. Он нам передал также, что Вы неизменно воодушевлены верой в победу. Разрешите братски благодарить Вас за выраженные чувства и заявить Вам, что мы разделяем Вашу веру в победу испанского народа.

Мы считали и считаем своим долгом, в пределах имеющихся у нас возможностей, прийти на помощь испанскому правительству, возглавляющему борьбу всех трудящихся, всей испанской демократии против военно-фашистской клики, являющейся агентурой международных фашистских сил.

Испанская революция прокладывает себе свои пути, отличные во многих отношениях от пути, пройденного Россией. Это определяется разницей предпосылок социального, исторического и географического порядка, иными требованиями международной обстановки, чем те, с которыми имела дело русская революция. Вполне возможно, что парламентский путь окажется более действенным средством революционного развития в Испании, чем в России.

При всем том мы думаем, что наш опыт, в особенности опыт нашей гражданской войны, соответственно примененный к особым условиям испанской революционной борьбы, может иметь для Испании определенное значение. Исходя из этого, мы, по Вашим многократным просьбам, переданным нам в свое время через тов. Розенберга, согласились на отправку в Ваше распоряжение ряда военных работников. Эти работники получили от нас указания давать советы в военной области тем испанским военачальникам, в помощь которым они должны были быть переданы Вами.

Им категорически было предложено не упускать из виду, что при всем сознании солидарности, которым проникнуты в настоящее время испанский народ и народы СССР, советский работник, будучи иностранцем в Испании, может принести действительную пользу лишь при условии,

если он будет строго придерживаться рамок советника и только советника.

Мы полагаем, что именно таким образом используются Вами наши военные товарищи.

Мы просим Вас дружески сообщить нам, насколько наши военные товарищи успешно выполняют возлагаемые Вами на них задачи, ибо, разумеется, лишь при положительном отношении к их работе с Вашей стороны их дальнейшее оставление на работе в Испании явится целесообразным.

Мы просим также сообщить нам прямо и без обиняков Ваше мнение о тов. Розенберге: удовлетворяет ли он испанское правительство, или следует его заменить другим уполномоченным.

Четыре наших дружеских совета на Ваше усмотрение:

1) Следовало бы обратить внимание на крестьян, имеющих большое значение для такой аграрной страны, как Испания. Хорошо было бы дать декреты аграрного и налогового характера, идущие навстречу интересам крестьян. Хорошо было бы также привлечь крестьян в армию или составить партизанские отряды из крестьян в тылу фашистских армий. Декреты в пользу крестьян могли бы облегчить это дело.

2) Следовало бы привлечь на сторону правительства мелкую и среднюю городскую буржуазию или, во всяком случае, дать им возможность занять позицию благоприятного для правительства нейтралитета, оградив их от попыток конфискации и обеспечив, по возможности, свободу торговли. В противном случае эти слои пойдут за фашистами.

3) Не следует отталкивать руководителей партии республиканцев, а, наоборот, надо их привлечь, приблизить и втянуть в общую упряжку правительства. Особенно необходимо обеспечить поддержку правительству со стороны Асапы и его группы, делая все возможное для того, чтобы помочь им изжить свои колебания. Это необходимо для того, чтобы помешать врагам Испании рассматривать ее как коммунистическую республику и тем предотвратить открытую их интервенцию, являющуюся самой большой опасностью для республиканской Испании.

4) Можно было бы найти случаи заявить в печати, что правительство Испании не даст кому бы то ни было посягать на собственность и законные интересы иностранцев в Испании, граждан стран, не поддерживающих мятежников. Братский привет.

Сталин, Молотов, Ворошилов

21 декабря 1936 год».

«Товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову.
Дорогие товарищи!

Ваше письмо, полученное мною через товарища Розенберга, доставило мне большую радость. Ваши братские приветствия и Ваша горячая вера в победу испанского народа принесли мне глубокое удовлетворение. В ответ на это сердечное приветствие и Вашу пламенную веру в нашу победу я выражаю Вам мои наилучшие чувства.

Помощь, которую Вы оказываете испанскому народу и которую Вы взяли на себя по собственной инициативе, считая ее своим долгом, была и продолжает оставаться очень полезной для нас. Могу Вас заверить, что мы высоко ценим ее.

От имени Испании, и в первую очередь, от имени трудящихся, благодарим Вас от всего сердца и надеемся, что и в дальнейшем мы сможем рассчитывать на Вашу помощь и Ваши советы.

Вы правы, отмечая существенную разницу между путями развития русской революции и нашей. Действительно, как Вы отмечаете, предпосылки исторического, географического, экономического, социального и культурного порядка, а главное, уровень политической и профсоюзной зрелости масс в этих двух революциях различны. В ответ на Ваше предположение следует сказать, что, каково бы ни было будущее парламентского пути, он не находит среди нас и даже среди республиканцев горячих поклонников.

Товарищи, которых Вы прислали нам по нашей просьбе, оказывают нам большую услугу. Их большой опыт весьма полезен для нас и является эффективным вкладом в оборону Испании против фашизма. Я могу заверить Вас, что они выполняют свои обязанности с подлинным энтузиазмом и беспримерным мужеством.

Что касается тов. Розенберга, могу заявить Вам с полной откровенностью, что мы удовлетворены его деятельностью и его отношением к нам. Здесь его все любят. Он работает много, даже слишком много, что вредит его слабому здоровью. Я очень Вам благодарен за содержащиеся в конце Вашего письма дружеские советы. Я расцениваю их как свидетельство Вашей сердечной дружбы и желания видеть успешно завершённой нашу борьбу.

Аграрный вопрос действительно имеет исключительную важность для Испании. С самого начала своей деятельности наше правительство стремилось облегчить участь земледельца, и оно значительно улучшило условия существования крестьян. Мы приняли ряд важных декретов в этой

области. К сожалению, нам не удалось избежать в деревне, особенно в начальный период, некоторых эксцессов, но мы очень надеемся, что они не повторятся.

То же можно сказать и о мелкой буржуазии. Мы отнеслись к ней с уважением и постоянно подтверждаем ее право на существование и развитие. Мы стараемся привлечь ее на нашу сторону, защищая от повторения насильственных действий по отношению к ней, которые могли иметь место вначале.

Ваше мнение о республиканцах как политической силе мы целиком разделяем. Мы всегда старались приобщить их к деятельности правительства и к борьбе. Они принимают широкое участие во всех политических и административных органах, как местных, так и провинциальных и общереспубликанских. Дело в том, что сами они ничего не делают для укрепления своего политического престижа. Что касается интересов и собственности проживающих в Испании иностранцев — граждан стран, которые не помогают мятежникам, то их права были соблюдены и они были взяты под защиту правительства.

Мы неоднократно заявляли и продолжаем заявлять об этом. И я заверяю Вас, что воспользуюсь первой же возможностью, чтобы еще раз поставить в известность об этом весь мир.

С братским приветом,
Франсиско Ларго Кабальеро
Валенсия, 12 января 1937 года».
№ 7812».

Военная помощь СССР Испанской республике в 1936–1939 гг.

Поставлено: 648 самолетов (по официальным данным; скорее всего около 760), в т. ч.: 293 И-16; 186 И-15 (еще 237 было собрано в Испании); 347 танков; 60 броневых автомобилей; 1186 орудий; 340 минометов; 20 486 пулеметов; 497 813 винтовок; 862 млн патронов; 3,4 млн снарядов; 110 000 авиабомб; 4 торпедных катера; 400 глубинных бомб.

Всего за время войны из СССР в Испанию было доставлено 500 тысяч тонн грузов. Через Испанию прошло около 3000 советских добровольцев, в т. ч.: 772 летчика, 351 танкист, 100 артиллеристов и 204 переводчика. Погибло 138 и пропало без вести 32 человека. Советские летчики сбили 213 самолетов (из общего количества сбитых республиканцами 345

самолетов). Различным военным специальностям было обучено 20 тысяч бойцов Народной армии, в т. ч. более 3000 в СССР.

Военная помощь Германии Франко в 1936–1939 гг.

Поставлено: 593 самолета, в т. ч.: 136 Me-109; 125 Хе-51; 63 Ю-52; 93 Хе-111; 148 танков Т-1; 700 орудий; 6174 миномета; 31 000 пулеметов; 157 306 винтовок; 250 млн патронов; 1,1 млн снарядов.

Через Испанию прошло около 30 тысяч солдат и офицеров вермахта. 405 летчиков-истребителей легиона «Кондор» сбили 314 самолетов, еще около 70 самолетов было уничтожено на земле. Бомбардировщики «Кондора» сбросили 21 тысячу тонн бомб. Свои потери составили 232 машины (из них только 78 в результате действий противника). В боях погибло 226 немцев.

Немецкие специалисты подготовили около 50 тысяч офицеров армии мятежников.

Общая помощь Германии мятежникам составила 200 млн долл в ценах 1930-х годов.

Военная помощь Италии Франко в 1936–1939 гг.

Поставлено: 670 самолетов в т. ч.: 348 «фиат CR 32»; 100 «савойя маркетти 81»; 64 «савойя маркетти 79»; 157 танков; 16 броневых автомобилей; 1930 орудий; 1426 минометов; 3436 пулеметов; 240 747 винтовок; 324,9 млн патронов; 7,7 млн снарядов; 17 000 авиабомб; 700 авиационных моторов; 8000 автомобилей; 2 подводные лодки; 4 эсминца.

Через Испанию прошли около 150 тысяч итальянских военнослужащих. Итальянская авиация совершила 86 420 боевых вылетов (в т. ч. 5318 бомбардировочных вылетов) и провела 266 воздушных боев. Было сбито 205 самолетов и около 30 уничтожено на земле. Свои потери итальянцы оценивают в 186 самолетов (данные представляются явно заниженными). В Испании было убито и ранено около 15000 итальянцев, в т. ч. 175 летчиков. 98 летчиков было взято в плен. 91 итальянский надводный и подводный корабль принимал участие в войне против республики в Средиземном море. Общий объем помощи Италии мятежникам составил 700 млн долл в ценах 1930-х годов.

Список основной использованной литературы

Документы

- Документы внешней политики СССР. Т. XIX–XXI. М., 1974–1977.
Испанская компартия борется за свободу. М., 1938.
Коминтерн и гражданская война в Испании М., 2001.
Akten zur deutschen auswaertigen Politik 1918–1945. Serie E. Vol. III. Goettingen, 1969.
Documents on British Foreign Policy 2nd Series. Vol. XVII. London, 1979.
Foreign Relations of the United States 1936. Vol. II. Washington, 1954.
Foreign Relations of the United States 1937. Vol. I. Washington, 1954.
Foreign Relations of the United States 1938. Vol. I. Washington, 1955.
Foreign Relations of the United States 1939. Vol. II. Washington. 1956.

Воспоминания и монографии

- Бесси А.* Люди в бою. И снова Испания. М., 1981.
Ботин. М. П. С тобой, Испания. М., 1976.
Ветров А. А. Волонтеры свободы. М., 1973.
Война и революция в Испании 1936–1939. М., 1968. Т. 1.
Вышельский Л. Мадрид 1936–1937. М., 2003.
Гагин В. В. Воздушная война в Испании. Воронеж, 2001.
Гарсия Х. Испания Народного фронта. М., 1957.
Гусев А. И. Гневное небо Испании. М., 1973.
Гельфанд С. Л. Но пасаран! Алма-Ата, 1969.
Ибаррури Д. Воспоминания. М., 1988. Т. 1–2.
Испания. 1918–1972 гг. М., 1975.
Испанский народ против фашизма (1936–1939 гг.). М., 1963.
Кольцов М. Е. Испания в огне. М., 1987. Т. 1–2.
Кузнецов Н. Г. На далеком меридиане. М., 1971.
Литвинов М. М. Против агрессии. М., 1938.
Лонго Л. (Галло) Интернациональные бригады в Испании. М., 1960.
Майданик К. Л. Испанский пролетариат в национально-революционной войне. 1936–1937 гг. М., 1960.
Майский И. М. Испанские тетради. М., 1962.

- Майский И. М.* Испания 1808–1917. М., 1957.
- Малай В. В.* Судьба республики решалась не в Мадриде. Белгород, 1999.
- Международная солидарность трудящихся в борьбе против фашизма и угрозы войны. 1933–1939.* Киев, 1984.
- Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1983.
- Мещеряков М. Т.* Испанская республика и Коминтерн. М., 1981.
- Мы-интернационалисты.* М., 1986.
- Овинников Р. С.* За кулисами политики невмешательства. М., 1959.
- Очерки истории российской внешней разведки.* М., 1997. Т.3.
- Под знаменем Испанской республики 1936–1939.* М., 1965.
- Пожарская С. П.* Испания и США. Внешняя политика и общество. 1936–1976. М., 1982.
- Пожарская С. П.* Социалистическая рабочая партия Испании 1931–1939. М., 1966.
- Престон П.* Франко. М., 1999.
- Прицкер Д. П.* Подвиг Испанской республики. М., 1962.
- Рыбалкин Ю.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000.
- Савич О. Г.* Два года в Испании 1937–1939. М., 1966.
- Самарин А.* Борьба за Мадрид. М., 1940.
- Самойлов П. И.* Гвадалахара (Разгром итальянского экспедиционного корпуса). М., 1940.
- Сиснерос И.* Меняю курс. Мемуары. М., 1967.
- Солидарность народов с Испанской республикой 1936–1939.* М., 1972.
- Сориа Ж.* Война и революция в Испании 1936–1939. М., 1987. Т. 1–2.
- Старинов И. Г.* Мины ждут своего часа. М., 1964.
- Эренбург И. Г.* Испанские репортажи 1931–1939. М., 1988.
- Alvarez del Vayo J.* Freedom's battle. New York, 1971.
- Alvarez del Vayo J.* La Guerra empezo en Espana. Mexico, 1940.
- Bachoudova A.* Franco. Praha, 2000.
- Beevor A.* The Spanish Civil War. New York, 1983.
- Bowers C. G.* My Mission to Spain. New York, 1954.
- Cattell D. T.* Communism and the Spanish Civil War. Berkeley, 1957.
- Einhorn M.* Die okonomischen Hintergruende der faschistischen deutschen Intervention in Spanien 1936–1939. Berlin, 1962.
- Gorkin J.* Stalins langer Arm. Koeln, 1980.
- Elstob P.* Legion Condor. Muenchen, 1981.
- Guerra y Revolucion en Espana 1936–1939.* T.IV. М., 1977.

Jackson G. La Republica Espanola y la Guerra Civil. Barcelona, 1999.

Kuehne H. Revolutionaere Militaerpolitik. 1936–1939. Militaerpolitische Aspekte des national-revolutionaeren Krieges in Spanien. Berlin, 1969.

Thomas H. The Spanish Civil War. New York, 1961.

Tunon de Lara M. La Espana del Siglo XX. T. 1–3. Barcelona, 1974.

notes

Примечания

Цит. по: Война и революция в Испании 1936–1939 гг. М., 1968. Т. I. С. 419–422.